БЛАВАТСКАЯ

Александр Сенкевич

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя этой женщины овеяно мифами и фантазиями. Реакция на творения и практику знаменитой теософки — от бурного восхищения скрытыми возможностями человека разумного, которые изучала Елена Блаватская, до яростного неприятия и обвинений в черной магии и шарлатанстве. Блаватская успела в жизни многое: написала несколько книг, сотни статей, тысячи писем, учредила Теософическое общество. Она была чуть ли не единственной среди русских женщин, обратившихся к мудрости Индии и пропагандировавших ее философию и культуру. В большой степени она в своем творчестве создавала мифы, обряжая их в реалистические одежды, и делала это настолько искусно, что многие до сих пор не могут отделить выдумку от реальной жизни. Автор этой книги, известный индолог, на основе глубокого изучения наследия самой Блаватской, в том числе и в библиотеке Адьяра, и знакомства с источниками многочисленных исследователей из разных стран мира сумел создать объемный образ «загадочной фурии» и одновременно глубоко несчастной одаренной натуры, попытавшейся проникнуть в мир, закрытый для смертных. Автор многое раскрыл и объяснил в этой личности, однако завеса таинственности поднята неокончательно.

- Сенкевич А. Н
  - ПРОЛОГ
  - Часть первая. В ОБЪЯТИЯХ РОДНИ
    - Глава первая. НАЧАЛО
    - Глава вторая. ДЕД И БАБУШКА ФАДЕЕВЫ
    - Глава третья. МАТЬ И ДОЧЬ
    - Глава четвертая. СМЕРТЬ МАТЕРИ
    - Глава пятая. ФАНТАСМАГОРИИ, ФАНТАЗИИ, НЕВИДАННЫЕ ЧУДЕСА
    - Глава шестая. НА ПОРОГЕ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ
    - Глава седьмая. ГОЛИЦЫН И ТАЙНА АТЛАНТИДЫ
    - Глава восьмая. МАСОНСКАЯ МУДРОСТЬ
    - Глава девятая. БРАЧНЫЕ УЗЫ НА КОРОТКИЙ СРОК
    - Глава десятая. ПОБЕГ ПО ОБОЮДНОМУ СОГЛАСИЮ
  - Часть вторая. НА ПОДСТУПАХ К ВЕЧНОСТИ
    - Глава первая. ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНОСТЬ
    - Глава вторая. ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ МОГЛО

НЕ БЫТЬ
- Глава третья НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ
- Глава четвертая. СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРУГОГО МИРА
- Глава пятая. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТИФЛИС
- Глава шестая. ЛЮБОВЬ
- Глава седьмая. ССЫЛКА
- Глава восьмая. ПЕРЕДЫШКА ОТ ОККУЛЬТНЫХ ОПЫТОВ
- Глава девятая. ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ
- Глава десятая. НАЗАД В ОДЕССУ

○ Часть третья. СТРАНЕ СЛЕПЫХ ПОЛОЖЕН ОДНОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ
- Глава первая. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ
- Глава вторая. ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ИЗМЕНИВШЕЕ ЖИЗНЬ
- Глава третья. СПИРИТИЗМ ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ
- Глава четвертая. КУРЫ ДА АМУРЫ, ДА ГЛАЗКИ НА САЛАЗКАХ
- Глава пятая. МОШЕННИКИ, ОНИ ЖЕ НАСТОЯЩИЕ МЕДИУМЫ
- Глава шестая. ВЕЛИКАЯ РЕСПУБЛИКА СОВЕСТИ
- Глава седьмая. «ИЗИДА БЕЗ ПОКРОВА»
- Глава восьмая. ДУХОВНЫЙ УЧИТЕЛЬ ИЗ ДАЛЕКОЙ ИНДИИ

○ Часть четвертая. ОККУЛЬТНАЯ ИМПЕРИЯ
- Глава первая ДУХОВНАЯ РЕКОГНОСЦИРОВКА
- Глава вторая. ЗЕМНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ИНДИИ ДУХА
- Глава третья. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ
- Глава четвертая. МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ
- Глава пятая. ЕЩЕ РАЗ О НОВЫХ БОГАХ
- Глава шестая. ТЕОСОФСКИЕ СТРАСТИ
- Глава седьмая. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С ИНДИЕЙ
- Глава восьмая. ДРУЖБА, ПЕРЕРОСШАЯ В НЕНАВИСТЬ
- Глава девятая. ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФИНИ КОНСТАНЦИИ ВАХТМЕЙСТЕР
- Глава десятая. «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»
- Глава одиннадцатая. ШАГ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Е. П. БЛАВАТСКОЙ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- БЛАГОДАРНОСТИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303

- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347

- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391

- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435

- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449

Сенкевич А. Н
Блаватская

ПРОЛОГ

Муссон пришел на южный берег Бенгальского залива.

Разверзлись хляби небесные, и дождевые потоки обрушились на массив обширного парка. Багрово-красные молнии взрезали плотный покров ночи, и на мгновение обнажалась светящаяся тьма Космоса. Тяжелый парной дух шел от земли и деревьев. Мои глаза заплыли от пересыпа. А что еще остается делать под неумолчный шум дождя?

Но почему я оказался здесь — в индийском городе Мадрасе, в нынешние дни переименованном в Ченнаи, в адьярском поместье, купленном по случаю в XIX веке Еленой Петровной Блаватской, урожденной Ган, моей соотечественницей? Что привело меня, спросите вы, сюда, почти на край света? Обычное любопытство. Я захотел узнать, что из себя представляет на самом деле эта необыкновенная женщина с внешностью капризной русской барыни, которая любила объедаться, как ведется издавна на Руси, тяжелой пищей: пирогами, студнями и квашеной капустой. Она курила без перерыва, как распаленная разговором суфражистка, папиросу за папиросой, постоянно облизывала языком тонкие пересмякшие губы и пыталась ничтоже сумняшеся заглянуть в потайные мысли всех пророков мира — найти в них вразумительные ответы на вопросы: откуда появились на земле мы, люди, зачем мы живем и что нас ожидает в ближайшем и далеком будущем?

Кроме того, она узнала и рассказала, как могла, то, что задолго до нее поведал миру великий Вольтер: Индия — родина всех религий в их первозданном виде и колыбель человеческой цивилизации. А из этого уже непосредственно следовало, что не только христианская вера во многом основывается на религии Брахмы, но и древнеиндийская мудрость в соединении с универсальным эзотерическим, то есть сокровенным, знанием всех времен и народов способна принять новую форму богомудрия — теософию. К тому же Елена Петровна Блаватская с необыкновенным упорством проповедовала существование «Гималайского братства махатм, великих душ» — хранителей тайного знания исчезнувшей Атлантиды, наших старших братьев по разуму.

Что мы, по существу, знаем о Елене Петровне Блаватской? Как ни странно, очень мало. Известных фактов ее жизни наберется на тоненькую книжицу, несравненно больше всяких домыслов и полуфантастических историй о ее сверхъестественных способностях, которые легли в основу мифологизированных воспоминаний о ней. Она сама задала тон моде превращать себя, молодую духом, смешливую и легкомысленную, по существу, женщину в мистическую фурию, в

«старую леди», наделенную даром ясновидения, телепатии, левитации, телекинеза и еще бог знает чего. Именно такой, одновременно простоватой и надменной, предстает Блаватская на наиболее растиражированном «парадном» портрете, сделанном в 1889 году, незадолго до ее смерти. С дагеротипа смотрит на нас грузная женщина, с укутанной в платок массивной головой, с отекшим лицом, с выпученными базедовыми глазами, с жидкими, в мелких кудряшках волосами, разделенными пробором, — уставшая от жизни, упертая на своем старая тетка, иначе не скажешь. Плотно сжатый рот с акульим разрезом — последний и убедительный штрих к устрашающему образу. Ее последователи, по-видимому, из уважения к ней называют этот портрет «Сфинкс». Но и в таком отталкивающем виде, обессилевшая в борьбе за свое детище — Теософическое общество, она все еще влияла на людей, на ход их мыслей и поведение. Как ни вглядывайся в этот портрет, на нем не увидишь и следа той былой романтической ауры, которая когда-то ее окружала.

Некогда привлекательные черты ее облика подавил и исказил тяжелый взгляд манипулятора, умеющего при необходимости извлекать выгоду из людей и ситуаций. Подобные лидеры появлялись и появляются в истории человечества и тут же обычно исчезают, как пузыри на воде. На смену им приходят другие, впрочем, со своими завиральными идеями, как правило не оригинальными, уже бытовавшими среди людей и всего лишь перелицованными на новый лад.

Так почему же до сих пор интерес к Блаватской не ослабевает? Почему трудно сопротивляться магнетизму ее личности? Не потому ли, что существовало в ней простодушное благоговение перед таинственностью жизни? Она сумела до последних дней сохранить в себе дух экзотики. Неведомый большинству людей оккультный мир встает со страниц ее сочинений. Ясновидение, духовидение, психометрия, чтение мыслей, левитация — вся эта словесная чехарда кем-то воспринимается тайным подвохом, который устраивают с корыстной целью нечистые на руку люди, а для кого-то это прорыв в завтрашний день человечества, открытие скрытых возможностей человека разумного, возвращение к тем ментальным практикам, которые были выработаны в стародавние времена, сохранились в культовых традициях некоторых восточных народов и на протяжении тысячелетий, вплоть до дня сегодняшнего, передаются по цепочке от высшего адепта, мастера оккультной науки и философии, к рядовым посвященным и неофитам. Таким образом, вернуть утраченное могут только хранители этих знаний, главные среди посвященных, иерофанты

(букв. — те, кто разъясняют священные понятия).

В это можно верить и не верить. Но покуда существует подобная дилемма, такие люди, как Блаватская, востребованы обществом, им поклоняются и ревностно служат.

Я отнюдь не воображал, что Адьяр, во времена Блаватской — пригород Ченнаи, где расположена штаб-квартира Теософического общества, откроет мне многие тайны Е.П.Б. — так называли Елену Петровну Блаватскую ее сподвижники. Не настолько я был самонадеян. Единственное, на что я в полной мере рассчитывал, это научиться отличать белое от черного, свет от тьмы.

Блаватская успела в своей жизни немало сделать: написала несколько книг, сотни статей и еще больше писем, учредила Теософическое общество.

Созданное Блаватской общество своей монументальностью вот уже более ста лет производит неизгладимое впечатление на многих людей. Творчество было ее страстью и судьбой. Между тем на ее волшебный литературный талант воспроизводить суетную человеческую жизнь как завораживающую, наполненную космическим смыслом мистерию, на ее редчайшее умение беллетризовать схоластические доктрины, относящиеся к вненаучным источникам знания, мало кто из ее воспоминателей и биографов обращал внимание.

Чтобы не быть чрезмерно суровым к Елене Петровне Блаватской, вспомним рассуждения Мишеля Монтеня о психологической природе человека: «…что действительно заслуживает настоящего осуждения — и что касается повседневного существования всех людей, — это то, что даже их личная жизнь полна гнили и мерзости, что их мысль о собственном нравственном очищении — шаткая и туманная, что их раскаяние почти столь же болезненно и преступно, как их грех. Иные, связанные с пороком природными узами или сжившиеся с ним в силу давней привычки, уже не видят в нем никакого уродства. Других (я сам из их числа) порок тяготит, но это уравновешивается для них удовольствием или чем-либо иным, и они уступают пороку, предаются ему ценою того, что грешат пакостно и трусливо»[1].

На эту глубокую мысль трудно что-либо возразить. Представим, что Монтень на сто процентов прав, тогда на ум приходит один контраргумент: если человеческая жизнь настолько порочна и безобразна сама по себе, то стоит ли вообще жить? Убежден, что перед Блаватской в определенные моменты ее жизни также вставал этот вопрос. Она его для себя решила,

обратившись к мудрости Индии. В этом обращении к индуизму и буддизму она, христианка по происхождению и воспитанию, была одной из первых русских женщин, если даже не единственной в то время. Через несколько десятилетий после смерти Блаватской Индия духа, как огромный материк, вдруг стронулась с места, и ее движение вызвало поистине тектонические сдвиги в сознании сотен тысяч людей Запада. Этому процессу тоже в немалой степени способствовали Елена Петровна, ее творчество и созданное ею Теософическое общество.

Поэтические гипотезы Блаватской стимулировали творчество Уильяма Батлера Йетса, Джорджа Уильяма Рассела, Джеймса Джойса — выдающихся представителей ирландского литературного Возрождения. Оккультный пафос ее сочинений воздействовал на американских и английских писателей: Джека Лондона, Дейвида Герберта Лоуренса, Томаса Стернза Элиота, Герберта Уэллса, Артура Конан Дойла. Ее, взятое из индуизма, учение о семичленной структуре человеческого существа повлияло на русских писателей-символистов, в особенности на Андрея Белого. Трудно найти хотя бы одного поэта Серебряного века, не испытавшего на себе магии ее личности и дерзких предположений о происхождении человека и его возможностях. Константин Бальмонт смотрел на нее как на мистический дух музы Каллиопы. Книги Блаватской высоко ценили Василий Кандинский и ряд других крупных русских художников. Большой интерес к ее работам испытывал один из основоположников абстрактного искусства голландский художник Пит Мондриан. Ее мистическими идеями увлекались Пауль Клее и Поль Гоген. Ее теософские доктрины совершили переворот в сознании таких великих композиторов, как Густав Малер, Ян Сибелиус, Александр Скрябин[2]. Теософские воззрения Блаватской, включая миф о махатмах, пришлись по душе Н. К. и Е. И. Рерихам.

Причины, по которым люди обращались к личности и творчеству Блаватской, были различными. Одних из названных лиц она захватила непредсказуемой артистической натурой и анархическим темпераментом, способностью разрушать устойчивые представления о миропорядке всякими перфомансами, вроде появления из ниоткуда пресловутых «Учителей», махатм. Этими экзотическими эскападами она пыталась убедить всех и каждого, что сверхъестественное куда роднее и ближе человеческой душе, чем естественный мир, застылый в своей упорядоченности. Других интеллектуалов и мастеров кисти, пера и гармонии Блаватская ввела в соблазн умопомрачительной мудростью древних, словно навсегда утерянной, но, к счастью, вновь обнаруженной, из которой

выпирала духовность, как ребра из-под кожи истощенного долгой аскезой йога. И наконец, всех остальных она просто загипнотизировала целеустремленностью, непреклонной волей и сокрушительным оптимизмом. Обладая всеми этими качествами, Блаватская не обращала внимание на привходящие неблагоприятные жизненные обстоятельства и на всех парусах неслась к намеченной цели. Чтобы не наскочить на мель или, не дай бог, на скалу, пригождалось ее виртуозное умение правильно распределять роли между всеми членами команды. Время, в котором она проявляла себя, требовало во всех сферах человеческой деятельности коллективных усилий. В итоге, однако, побеждала вовсе не группа единомышленников, а единственный человек, лидер, который выпрыгивал из коллектива, использовав его как батут или как туго сжатую пружину. При этом на бывших сподвижников выливались потоки грязи. Может быть, это был самый важный урок, который она преподала всем творцам нового искусства, пришедшим вслед за ней, очутившимся на той же непроторенной дороге и стремившимся достичь успеха. Недаром взаимоотношения крупнейших деятелей Серебряного века весьма далеки от дружественных. Почти каждый из них утверждал свою значимость не за счет исчерпанности другого, а путем его охаивания. Уже одного этого достаточно, чтобы, воздав должное уму и проницательности русской теософки, не очаровываться до сердечных спазмов ее образом.

Невозможно не сказать о небольшой по объему, но значительной по содержанию книге Ольги Богданович «Блаватская — и Одесса»[3]. В ней введены в научный оборот многие важные документы и свидетельства современников, касающиеся жизни и деятельности в Одессе Блаватской и ее родственников — Фадеевых, Витте, Желиховских. Ольга Богданович, понимая огромное культурное значение основательницы теософии, сохраняя глубокое уважение к ее личности, как честный и скрупулезный исследователь не отфильтровала и не отретушировала все те документальные сведения о деятельности Блаватской, которые не вписываются в образ человека с безупречной репутацией. Для меня работа Ольги Богданович стала не только источником новых биографических и иных фактов из жизни людей, героев этой книги, живших в России в XIX веке, но и примером того, что для создания убедительного и впечатляющего портрета замечательного человека необходим «суровый стиль», а не гладкопись и сусальность поздравительных открыток. Не будем уподобляться чиновникам, современникам Блаватской, для которых

услужливое трепетное подобострастие перед вышестоящими не дает ни на что взглянуть собственными глазами. Постараемся вынести о ней суждение, независимое от кого бы то ни было.

Заслуживает глубокого уважения многолетняя работа старшего научного сотрудника Государственного музея Востока Дмитрия Николаевича Попова по изучению и публикации художественного и философского наследия Блаватской. Серьезным подспорьем в понимании религиозно-философских взглядов Блаватской стала также для меня монография В. В. Кравченко «Мистицизм в русской философской мысли XIX — начала XX века»[4]. Из последних публикаций обращает на себя внимание талантливая концептуальная книга Б. З. Фаликова «Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда». В ней автор чрезвычайно убедительно воссоздает процесс культурной и религиозной экспансии Азии на Запад, а в главе «Паломники в страну Востока» объясняет логику действий Блаватской по созданию Теософического общества как важного канала, по которому осуществлялось распространение основных понятий индуизма и буддизма в сознании европейцев и американцев. Б. З. Фаликов вводит в научный оборот важный для понимания этого процесса конкретный материал, связанный с покорением Индии Блаватской [5].

Книга Морион Мид «Мадам Блаватская. Женщина за мифом»[6] до сих пор остается самой информативной биографией русской теософки. Создается впечатление, что автор пытается ничего не упустить из жизни своей героини. К сожалению, жизни внешней, а не внутренней. А разве можно воссоздать правдивый портрет любого человека только по внешней, в основном скандальной канве? К тому же задача исследователя жизни Блаватской усложняется тем, что Елена Петровна не боролась с собственными призраками, которые буквально выскакивали из ее сознания и обрастали плотью.

Из апологетической литературы, посвященной Блаватской, резко выделяется своей основательностью монография Сильвии Крэнстон «Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения»[7]. Со страниц этой книги встает поразительный духовный мир русской теософки — переполненная до краев сокровищница драгоценных идей и ослепляющих своей красотой образов.

Что делала и как жила Елена Петровна, представлялось безрассудным и нелепым, с точки зрения законопослушных граждан, ее современников. Однако такая жизнь Блаватскую более чем устраивала! Она избегала не людей, а толпы, ограниченной в своих привязанностях и вкусах и агрессивной в

отстаивании своих предрассудков. Не выносила на дух людского сообщества, в котором не принято совать свой нос куда не следует и где властвуют сословная иерархия и предубеждения. Такой мир, благоприятная среда для общественного лицемерия и ханжества, а также размножения нечистых на руку, ненасытных чиновников, не подходил ей, был попросту враждебен. Она с самого детства не скрывала своей эгоцентричности, желания поступать своевольно, как ей вздумается, но в то же время вдруг, совершенно неожиданно, становилась откровенной и притягательно простодушной. Эти качества лидера не исчезли, а, наоборот, крайне обострились в уже зрелые годы, когда Блаватская выдвинула смелые предположения о силе человеческого духа и его эволюции. Особенно развилась тогда пытливость ее ума.

Когда человек, омытый долгим страданием, переступает роковой предел, он уже не подвластен суду людей. Он устремляется к тому и соединяется с тем, по ком тосковал и кого желал на Земле, — к Богу или дьяволу.

Время, в котором жила Блаватская, совмещало несовместимое и портило людям художественный вкус. К тому же это было время викторианской морали, время воинствующего и утонченного ханжества. А у нее на родине — время добрых помыслов и всевластия чиновничества, непомерных амбиций верхов и политических авантюр, великих реформ и начавшегося возрождения России. Время неутихающей шестидесятилетней войны на Кавказе и небывалого расцвета журналистики и литературы.

Она относилась к литературному творчеству как к забаве и отдыху. Она писала о своих странствиях живые, увлекательные очерки и многостраничные, с трудом читаемые трактаты.

Ей ставили в вину короткое увлечение спиритизмом, усматривая в нем алчность, желание нажиться на легковерных людях. Многие из ее бывших поклонников так и не поверили в Учителей, великих душ, адептов Гималайского братства, напрямую обвиняя ее в мистификации. Ее гонители утверждали, что она добилась успеха в делах Теософического общества, придумав этих великих душ, а творимые ею с их помощью чудесные феномены они относили к обыкновенным цирковым трюкам.

Ее подозревали в подделывании почерка Учителей, которые любили писать письма и рассылать их по адресам ее знакомых. Ну и что из этого? Ведь суть не в том, что она прибегала к иллюзионистской практике, а в том, что она так поступала по

необходимости, пытаясь донести до сознания людей веши чрезвычайно важные и тем самым отвратить человечество от грубого материалистического взгляда на мир. Потому-то она нередко отвергала порядочность и честность в отношениях со своим окружением, когда пыталась всеми доступными средствами утвердить в общественном сознании эти новые идеи и себя — их носительницу. К тому же ей было неведомо чувство меры во всем, чем она занималась и что проповедовала.

Никто из оппонентов Блаватской, к сожалению, не понял, что она одна из первых на Западе воскресила сложнейшие психологические приемы микромагии, или, как ее еще называют, ментальной магии, известные в Древнем Египте и с тех пор прочно забытые.

Были за границей дотошные «умники», кто называл ее теософскую деятельность ширмой для вещей более осязаемых: они обвиняли ее в шпионаже в пользу России. Но и в таком предполагаемом повороте ее карьеры нет ничего постыдного. Блаватская жаждала подобной деятельности, что явствует из ее письма в третью экспедицию (работа по иностранцам) Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Это письмо, обнаруженное в Московском архиве Октябрьской революции ленинградскими исследователями Б. Л. Бессоновым и В. И. Мильдоном, всего лишь дополнительное свидетельство патриотизма Блаватской[8]. А чего в самом деле ей было стыдиться, что утаивать перед судом потомков? Неужели желание видеть свою страну сильной, процветающей и способной защитить себя — нравственное преступление?

Я убежден, что работа в пользу одной из государственных организаций, стоящих на страже интересов Родины, сама по себе никак не может скомпрометировать гражданина и художника. Никому ведь не приходит в голову упрекать великого фламандского художника Рубенса или знаменитого английского писателя Грэма Грина в том, что они имели отношение к деятельности спецслужб своих стран. А уважаемый англичанами востоковед, полковник Лоуренс Аравийский был не просто сотрудником военной разведки, но и одним из выдающихся людей своего времени. Другое дело, когда спецслужбы превращаются в карательные органы и занимаются массовыми убийствами собственного населения или создают очаги терроризма в чужих странах. Впрочем, это уже другая эпоха и другие люди, никакого отношения не имеющие к моей героине. И все-таки становится как-то не по себе, когда представишь, что за фигурами духовных учителей Блаватской — махатмами Мории и Кут Хуми — стоит какое-нибудь кувшинное рыло, вроде их

превосходительств Никанора Степановича или Степана Никаноровича из Третьего отделения. Людей, может быть, умных и образованных, но непоправимо нравственно обезображенных спецификой профессии, которую они для себя избрали.

Блаватская врагу не пожелала бы испытать и частички того, что выпало на ее долю, когда она оказалась практически одна, без кола и двора в чужом, сотрясаемом национально-освободительными войнами мире. Понятно, какую пищу дала ее кочевая, одинокая жизнь изобретательным и злым языкам. Да, она окутала определенный период своей жизни тайной. Но причина ее скрытности была не в том, что она стыдилась каких-то своих сомнительных поступков, недостойных ее происхождения и таланта. Чистоплюйкой она себя не считала и с людьми, которых «окормляла», особо не церемонилась. Не скрывала, по крайней мере, в своих письмах, что сама в нравственном отношении вела себя не так, как хотелось бы[9]. Это умолчание о некотором периоде ее жизни, на мой взгляд, объясняется исключительно тем, что она не любила говорить о действительно выстраданных вещах. Ведь все эти выпавшие из поля зрения ее биографов годы Блаватская, как она признавалась, настойчиво «искала встречи с *неведомым*»[10]. К тому же она боялась огорчить своих родственников рассказом, почему, как и с помощью кого она овладела эзотерической мудростью Востока. Не забывайте, что вся ее родня относилась к людям консервативным, считавшим себя добрыми христианами.

Как она вспоминала, родственники предпочли бы видеть ее заурядной проституткой, чем тем, кем она была на самом деле, — женщиной, с головой погруженной в занятия оккультизмом[11]. Правда, спустя много лет после начала ее странствий некоторые из самых близких, сестра Вера и тетя Надежда Андреевна, признали ее главные идеи о высоком оккультизме достойными внимания. Эти идеи поразили их воображение, и близкие поддержали ее. Иначе ей пришлось бы совсем туго. Однако Вера Петровна долгое время наотрез отказывалась поверить в реальное существование Учителей, чем основательно огорчала Блаватскую, а ее тетя Надежда Андреевна Фадеева поверила в них только на короткое время под сильным нажимом племянницы. Зато впоследствии некоторыми своими фантазиями и рассказами о непостижимом и необъяснимом сестра превзошла даже ее.

Ощутимый удар по посмертной репутации Блаватской нанес не столько Всеволод Соловьев, автор посвященной ей и изданной после ее смерти книги «Современная жрица Изиды»[12], сколько ее двоюродный брат — граф Сергей Витте, рассказавший о ней в своих воспоминаниях много такого, о чем близкие родственники

предпочитают забыть.

Правда, нашлись заступники, защитники ее доброй репутации, которые не преминули отметить, что когда Елена Петровна вернулась в Россию в конце 1858 года, семь лет пребывая неизвестно где, ее двоюродный брат Сергей еще был в нежном возрасте, чтобы иметь о ней собственное мнение. До сих пор трудно понять, зачем выдающемуся государственному деятелю, аристократу понадобилось вывешивать перед всем светом грязное белье своей ближайшей родственницы [13]. Можно с уверенностью предположить, что своим непокладистым и авантюрным характером она крепко насолила его матери, Екатерине Андреевне Витте, своей тетке. Не забудем о том, что после смерти матери Блаватской тетя Катя, как ее называли сестры Ган, приняла основную заботу по образованию и воспитанию племянниц Лёли и Веры, а также племянника Леонида. Ведь их бабушка Елена Павловна Фадеева уже тогда была серьезно больна.

Блаватскую не стоит приукрашивать, создавать ей ореол святой. Не была она совершенной девой. Она простодушно говорила что думала, фантазировала как умела и бесстрашно отправлялась в любую глухомань, одна или со спутниками, туда, куда ее звал ветер странствий.

Блаватская вновь и вновь искала подтверждения своей платонической любви к полубожественным человеческим существам, ее Учителям, с помощью которых она выявляла то таинственное и непостижимое, что в ней существовало от рождения. Благодаря им, как она объявляла, возможно пробуждение божественного начала в человеке, его мистическое совершенствование. Прорыв в иную реальность стал смыслом ее жизни. Она полагала, что ей совершить это будет по силам.

В разных местах (уединенных и не очень) индийского субконтинента я общался с подобными людьми, учеными брахманами, «пандитами», как их называют в Индии, а также с буддийскими перерожденцами «тулку» (от тибет. — «тело воплощения»), В большинстве это были обходительные, скромные, культурные люди. Некоторые из них имели репутацию «святых» или «блаженных», как обычно называли их в прошлых столетиях. Среди многих благородных качеств этих натур особенно выделялись два: доброта и мудрость. В штате Раджастхан случай не раз сводил меня с раджпутами, ведущими свою родословную от воинов прошлого, мужественных индийских рыцарей. Как мне представляется, Блаватская провела немало часов в общении и с высокими ламами, хранителями и знатоками основных учений тибетского буддизма. Весьма вероятно, что

Учителя Блаватской были из той же самой, сейчас сильно сократившейся, духовно-интеллектуальной индусской и буддийской элиты Индии.

Блаватская поняла (опять-таки с помощью Учителей, как она уверяла), что человеческая душа и ум также эволюционируют в своих бесконечных телесных оболочках.

Мистическое учение есть единственный ключ к пониманию и осмыслению истин, скрытых от обычных смертных. Не будь этих истин, человечество неслось бы без руля и ветрил в потоке времени неизвестно куда, не видя и не осознавая смысла и цели своего земного существования. А потому она упорно пыталась добраться до корней этого учения, уразуметь его истинный смысл, проследить все зигзаги его развития. Из старинных манускриптов, из личного общения, сопровождаемого долгими беседами с просвещенными учеными индусами и буддистами, собирала она разрозненные фрагменты универсального знания, по-своему соединяла их друг с другом — и все для того, чтобы глубже понять, зачем она и ей подобные живут на земле.

Она догадывалась, что мистическое учение своим источником имеет тайное, эзотерическое откровение. В духовном смысле (она в это самозабвенно уверовала) оно есть закон для жизни человека, и этот закон называется пророчеством древних.

Но кто они и откуда, эти древние? Вот что не давало покоя Блаватской в ее скитаниях.

Блаватской было ясно, что истинные пророки появились задолго до ветхозаветных. Они принесли в мир мудрость и стремление к порядку и гармонии.

Ей предстояло обнаружить, как она объявила, свидетельства, определяемые мистическим законом, изложенным и преподанным ей ее Учителями, и в соответствии с ними, этими свидетельствами, выстраивать свою собственную жизнь и жизнь других людей.

Блаватская была убеждена, что тайное учение объемлет все человечество единой истиной, все поступки и действия людей от времен доисторических и до настоящих дней. Эта истина неделима и содержит в себе необходимость объединить всех людей в одну семью, проповедует веру в единство человеческого рода.

Как известно, дорога к истине усеяна колдобинами и рытвинами. Не обладая обыкновенным терпением, любознательностью и терпимостью к ценностям иной культуры, шагая или пробираясь ползком по этой дороге, можно свалиться в выгребную яму ложных умозаключений.

Блаватская пыталась стереть черту между действительностью и вымыслом. Цель всякого добросовестного исследователя ее личности и творчества: рассмотреть вымысел через призму действительности, а не заниматься аранжировкой ею же созданного. Блаватская как художник — уникальна, и бессмысленно улучшать или ухудшать ее образ.

Чтобы восстановить мистические очертания эпохи, в которой жила и созидала Блаватская, я посчитал необходимым обратиться к важнейшим оккультным событиям того времени, знакомясь с ними, к сожалению, опосредованно, то есть получая информацию из вторых рук: из журнальных и газетных статей второй половины XIX века. Однако спустя столетие тщета газетного листа, как правило, оборачивается для потомков своей противоположностью — необыкновенным, особенным смыслом. По-настоящему же открыли мне глаза на Елену Петровну Блаватскую ее письма. Адресатами основательницы теософии были ее родные, друзья, единомышленники, враги…

Елена Петровна Блаватская уже предстала перед судом истории, и какой окончательный вердикт будет вынесен по ее теософскому делу, пока никто не может предугадать. Не стоит забывать, однако, в связи с ее верой в Учителей человечества, звездных братьев, махатм глубокую мысль гениального русского ученого и писателя Ивана Ефремова:

«Если нет Бога, то возникала вера в сверхлюдей с той же потребностью преклонения перед солнцеподобными вождями, всемогущими государями. Те, кто играл эту роль, обычно темные политиканы, могли дать человечеству только фашизм и ничего более»[14].

Остается надеяться, что не такого будущего для своих потомков желала и ожидала русская теософка.

Я вспоминаю долгий разговор в Индии о теософии с нынешним президентом Международного теософического общества Радхой Бернье в октябре 1990 года. Вот что сказала мне тогда эта умная и проницательная женщина: «Теософия — это не Елена Блаватская, не Генри Стил Олкотт, не Анни Безант, не Чарлз Уэбстер Ледбитер. Теософия — это путь к познанию неизведанного». О том, как складывалась на этом пути жизнь и судьба Елены Петровны Блаватской, — эта книга.

Часть первая. В ОБЪЯТИЯХ РОДНИ

Глава первая. НАЧАЛО

Тому, кто пытается осознать череду событий собственной жизни и глубже понять самого себя, необходимо оглядеться назад и всмотреться в судьбы своих предков. Если кто-то из родичей наследил в истории, то непременно возникнут эпизоды его борьбы за свое место под солнцем, воссозданные теми, с кем он жил, общался и работал. Но прямо скажем — чаще всего это будет зрелище не для слабонервных. Принадлежать к историческим фамилиям далеко не всегда так уж приятно для потомков, как может показаться со стороны. В истории каждого известного рода имеется свой «скелет в шкафу».

Елена Петровна Блаватская родилась и выросла в аристократической семье. Генетическая наследственность Блаватской, как писала ее биограф Е. Ф. Писарева, интересна в том отношении, что среди ее ближайших предков были представители исторических родов Франции, Германии и России [15]. Например, ее прабабушка княгиня Генриетта Адольфовна, урожденная Бандре дю Плесси, внучка эмигранта-гугенота, уехавшего из Франции в Саксонию, в 1787 году вышла замуж за князя Павла Васильевича, носящего громкую русскую фамилию Долгоруков, заслуженного екатерининского генерала. Вскоре она произвела на свет с интервалом в год двух дочек — Елену и Анастасию и, оставив малышек на попечении мужа, исчезла из семьи на целых двадцать лет! Внучек воспитывала в основном их бабушка Елена Ивановна Бандре дю Плесси, урожденная Бризман фон Неттинг, немка из Лифляндии, потому что их дедушка генерал-поручик екатерининского времени Адольф Францевич Бандре дю Плесси вскоре после их рождения умер, а отец постоянно находился в воинских частях, где он служил.

Адольф Бандре дю Плесси приехал в Россию из Саксонии, получив от Екатерины II приглашение поступить на военную службу в чине капитана. Он участвовал во всех войнах ее царствования и был любим Суворовым, который состоял с ним в переписке. В семье бабушки Блаватской с материнской стороны долго сохранялись эти уникальные по мысли и своеобразные по стилю суворовские письма. Адольф Францевич также проявил себя и на дипломатическом поприще. Ему особо покровительствовал тогдашний канцлер граф Никита Иванович Панин. Генриетта Адольфовна была единственным ребенком в

семье. В молодости она отличалась красотой и неугомонным нравом, толкавшим ее на всякие необдуманные легкомысленные поступки. Прожив с князем Павлом Васильевичем Долгоруковым всего лишь несколько лет, она в дальнейшем, как я только что отметил, предпочла жить с ним врозь. Однако за три года до своей смерти Генриетта Адольфовна одумалась и вернулась к мужу. Она скончалась в 1812 году на пути из Пензы в Киев, куда ехала для свидания с матерью.

Бабушка Блаватской, Елена Павловна, родилась 11 октября 1789 года, когда Павел Васильевич командовал тверским драгунским полком под Очаковом [16]. Елена Павловна получила хорошее домашнее образование. Этому способствовала не столько ее бабушка Елена Ивановна, сколько подруга бабушки, жившая с ними по соседству, — графиня Дзялынская, женщина большого ума и глубоких знаний, настоящая представительница эпохи Просвещения. Она оказала огромное влияние на развитие девочки. Интерес к ботанике, истории, археологии, стремление добыть знания с помощью чтения книг, без привлечения к обучению гувернеров и гувернанток — все это результаты многолетнего общения княжны Елены со своей мудрой наставницей [17].

Надежда Андреевна Фадеева, тетя-подружка Блаватской, по возрасту всего-то лишь на три года ее старше, опубликовала в 1866 году в «Русском архиве» статью «Заметка о родословии князей Долгоруковых». Как известно, княжеский род Долгоруковых восходит к Рюрикам и среди его известных представителей находится Михаил, князь Черниговский, потомок святого князя Владимира. В своей статье Н. А. Фадеева пишет: «Князь Павел Васильевич, отец моей матери, родившийся в 1755 году, пожалованный офицерским чином еще в колыбели, тоже служил в военной службе, которую начал и закончил в Рязанском полку; был впоследствии командиром этого же полка, принимал участие во многих походах и военных делах того времени, участвовал в походе на Кавказ с корпусом графа В. А. Зубова, получил Георгиевский крест, и в начале царствования императора Павла, не желая брать на себя выполнение тогда вводимых разных суровых мер в военной дисциплине, вышел в отставку в чине генерал-майора к неудовольствию императора, и тем, вероятно, лишил себя блестящей карьеры. Потом он получал неоднократно приглашения продолжить снова службу, но уже не желал возобновить ее, поселился навсегда возле своих родителей в Пензенской губернии и скончался в Пензе в 1837 году 82 лет от роду»[18].

Отец Елены Петровны Блаватской Петр Алексеевич Ган вел

свою родословную от германских рыцарей и относился к роду владетельных мекленбургских князей [19]. Дедушка Елены Петровны с отцовской стороны, генерал-лейтенант Алексей фон Ган, жену взял из графского рода — звали её Елизавета Максимовна фон Пребстинг. После смерти Алексея фон Гана она вышла замуж за Васильчикова. Один из ее братьев дослужился в России до министра почт. Была среди родственников отца и европейская знаменитость — графиня Ида Ган-Ган, писательница, автор многочисленных популярных романов, столь же в то время известная, как Жорж Санд. Она приходилась Елене Петровне Блаватской двоюродной бабушкой [20]. Надо заметить, при таких предках Блаватской было бы просто невозможно прожить жизнь обыкновенной обывательницей.

* * *

— Лоло! Барышня! Срам-то какой! — кричит мисс Августа София Джефферс, старая дева из Йоркшира. Кричит она, разумеется, по-английски, переиначив «Лёлю» на английский лад в «Лоло». Англизированное имя бьет по ушам, назойливо впихивается в ушную раковину твердыми иноземными «эль» — такие в нем недружелюбие и агрессивность. Никакая она вовсе не Лоло, а Елена Прекрасная, ее заворожил игрою на лире Парис и украл у дурака-мужа. Из-за нее началась война, она теперь во вражеском стане, который ей милей родного дома. У нее ярко-синие глаза и белоснежная кожа с голубоватым подгоном. И опять громыхает в ушах это ненавистное «Лоло». Уши напрягаются, и она чувствует, холодея от страха, как они встают торчком, словно у зайца, загнанного под куст. Уж лучше называла бы ее веселым, бесшабашным «О-ля-ля» эта противная, разноглазая гувернантка. Один глаз у нее белесый, будто ошпаренный кипятком, а другой — черный, разбойничий, и глядит он куда-то вкось и чуть-чуть вниз, еще немного — и упрется в основание мощного ухоженного носа. И явится тогда на свет неведомое существо: носоглаз. Новое для них, обыкновенных людей. А так-то оно издавна известно среди болотной нежити и наконец-то нашло пристанище на лице мисс Джефферс. Вот сейчас появится молодая институтка Антония Христиановна Кюльвейн, замечательно образованная девушка с удивительной и трагической судьбой. Правда, она находится здесь не как гувернантка, а как мамина компаньонка. Занимается она с Лёлей и ее сестрой Верой по доброй воле, из уважения к их маме, а не за плату. Она намного мягче выскажет то же самое недовольство

взрослых, но только по-французски.

Весь сыр-бор разгорелся из-за Лёлиного желания чуть-чуть прокатиться верхом.

Офицер из полка отца галантно предложил ей, как взрослой, сесть в седло. Она сдержанно его поблагодарила и уже было собиралась прибегнуть к его помощи, как вдруг развопилась эта мерзкая англичанка.

Как ей хочется вскочить одним махом на лошадь с тонкой мордой, припасть губами к чалой гриве, пришпорить ладные лоснящиеся бока, с ходу пустить ее вскачь, галопом — аллюром два креста! Она уже представила себе, как она, великолепная амазонка, с развевающимися светло-золотистыми волосами, несется мимо отца, мамы и солдат на плацу. Ее сопровождают два молодых офицера, писаных красавца, в ярко-желтых крагах и со страусовыми перьями на киверах. Они скачут с ней почти вровень, лишь чуть-чуть, на полметра, поотстав, — надо же им как-то выразить свое восхищение ее юной прелестью и рыцарскую преданность.

Лёля запомнила этих блестящих молодых людей на балу в Саратове, в губернаторском доме дедушки. Они приезжали туда с ее отцом, в то время капитаном, Петром Алексеевичем Ганом. Тогда она, десятилетняя, самозабвенно танцевала с князем Сергеем, как взрослая барышня. Несмотря на свое малолетство, танцевала весело и страстно. Танцам, словно шутя, ее научила Антония, которая вела себя с ней как ребенок, не намного более взрослый, чем она. Тогда Лёля всех, кажется, поразила, все сочли ее умной и забавной. Она танцевала, как танцуют взрослые девушки, — до изнеможения, до упаду, до экстаза. И дух Божий, дух мудрости и красоты, нисходил на нее. Никакая она не маленькая, уже давно не держится за подол маминой юбки. Они оказались в военном лагере папы в Малороссии, под хутором Диканька недавно. Мама привезла их всех: ее, сестру Веру, грудного Леонида — из дедушкиного дома в Саратове, где они жили широко и богато в трех губернаторских домах, настоящих дворцах, одном зимнем — в самом Саратове, и двухлетних, так называемых дачах, — у самого леса, за городом. Все дома были солидными, один больше другого. Ехали они к папе из Саратова в Малороссию в двух экипажах: в карете и тарантасе, сопровождаемые мисс Джефферс, Антонией Кюльвейн, доктором, горничными Аннушкой и Машей, поваром Аксентием. Само собой разумеется, что в этой небольшой свите находились кучера. По приезде их семья поселилась в хорошем деревянном доме в несколько комнат, просторных и светлых. Лёля спала рядом с мисс Джефферс, которую недолюбливала. Ее сестра Вера жила в

одной комнате с грудным Леонидом и Антонией Кюльвейн. А у родителей была угловая комната. Одну ее часть занимала спальня, а другую — мамин кабинет, в котором мама проводила целые дни и вечера за работой. По сравнению с их скромной жизнью в украинской деревне проживание у дедушки и бабушки в Саратове могло показаться неслыханно роскошным. Для Лёли обстановка жилища кое-что значила. Однако для нее куда важнее было общение с людьми, обитателями этих жилищ. Поэтому военный бивуак, который был разбит неподалеку от хутора, где они остановились, ее притягивал к себе столь же сильно, как и те странные люди, с которыми она познакомилась, живя в трех дедушкиных домах в Саратове и за городом [21].

— Лоло! Что за блажь! Выбрось эту мысль из головы! — на этот раз раздается голос мамы, обычно меланхоличной Елены Андреевны. Сговорились, что ли, они все? Голос ее любимой мамочки, у которой прелестная головка, осененная густыми волосами, большие светлые глаза, тонкая шея и жаркий румянец на щеках. Лёля и сестра Вера, которая на четыре года ее моложе, маму почти не видят — в стороне от них она пишет романы. И девочки также не сидят сложа руки, у них много времени уходит на занятия. По воспоминаниям Веры, они «каждый день аккуратно учились; особенно Лёля очень серьезно занималась с гувернанткой английским языком, а французским и еще многому другому — с Антонией; кроме того, к ней откуда-то приезжал три раза в неделю учитель музыки. Несмотря на много уроков, Лёля все-таки находила время шалить, такая уж она была проворная!»[22]. Вчера утром, до завтрака, Лёля увидела на наволочке маминой подушки бурые пятна. Мама была бледна и элегантна, в платье из клетчатой ткани с темным поясом. В первый раз у мамы пошла горлом кровь месяц назад, об этом шептались горничные, и она услышала. В последнее время кровь часто идет у нее из горла по утрам. На детей, на нее, Веру и совсем крошечного Леонида, мама смотрит со страданием в глазах, как на сирот. Хотя знает, что в бедности они не останутся, — не позволит мамина мама.

Бабушка Елена Павловна — урожденная княжна Долгорукова, а мамин папа, дедушка Андрей Михайлович Фадеев, — государственный человек, губернатор в Саратове. На папу, Петра Алексеевича Гана, надежд особых нет. Он живет кочевой и суматошной жизнью бедного артиллерийского офицера. Сегодня — здесь, завтра — там, а послезавтра — неизвестно где.

Его батарею часто переводят с места на место, все больше по глухим углам Екатеринославской и Киевской губерний.

Приходится большей частью жить в избах. В каких только селах и деревушках они не останавливались! Особенно подолгу стояли в Романкове и Каменском. Перемещаются из одного провинциального захолустья в другое. Жизнь бродячая, неудобная, без интеллигентного общения и требует немалых расходов. Как еще только ее мама при такой жизни не опустилась, не превратилась в стервозную, полковую даму.

В жилах Лёли смешалась кровь многих народов, веками враждовавших друг с другом.

С сокрушающей силой девочка переживает это слияние разных кровей, разрушающий эффект от которого в ней, как считают взрослые, в сто, нет, в тысячу раз больше, чем в других ее близких. Она и сама чувствует, особенно перед сном, как в ее жилах сталкиваются разнонаправленные потоки несходящихся времен, народов и характеров. Сливаясь в ней, они бурлят и пузырятся — кровяное тепло с резким аммиачным запахом серы и сладковатых отбросов заставляет ее зажать вспотевшей ладошкой нос. Она ощущает себя чаном, в котором потусторонние силы варят какое-то дьявольское снадобье, чтобы на ней же его и опробовать.

Разве что кровь деда-губернатора чуть-чуть разбавляет крепкий настой из множества прошедших до нее разных жизней. Да и то в этом, казалось бы, относительно спокойном и размеренном потоке вспыхивают и на мгновение ослепляют зарницы каких-то давних, отгремевших сражений и схваток. Сколько человеческой кровушки пролилось во времена Батыя, Крестовых походов и Варфоломеевской ночи! Но всякий раз двое из ее пращуров, он и она, обязательно выживали, сохраняли и продолжали род. Неумолимо двигались через завалы трупов, через немереные кладбища к ее времени, к ее появлению на свет. В судьбах именно этих удачливых, любвеобильных, смиренных и жестоких людей раскрываются глубины жизни и истины, понятные ей, их потомку, их достойной наследнице, и недоступные посторонним.

У нее свое, удивительное, ни на что не похожее будущее. Зря беспокоится и тревожится ее мать, которая предрекает ей горькую участь, считает, что в жизни ей суждено много страдать. Без страданий, между прочим, душа мертва. Так напутствует ее священник. Но отнюдь не он ее духовный отец. Он сам боится ее, маленькую девочку, как черт ладана. Непонятно только, где тут черт, а где — ладан. Ведь священник считает ее, ясновидящую, одержимой бесом. При встречах с ней окропляет святой водой и читает какие-то молитвы-заклинания. До чего же деревенские

священники невежественные и суеверные люди! Куда уж лучше находиться среди людей подлого звания: крестьян, дворовой челяди.

Самой судьбой она определена с какой-то заранее оговоренной целью в фантасмагорический мир, в котором благополучие и безопасность человека связываются со знанием примет и заговоров. Она помещена в ту питательную для народных верований и предрассудков среду, которая постоянно дразнит ее детское любопытство существованием незримой и нездешней волшебной силы и обитатели которой прививают ей веру в таинственное и неразгаданное. Как считают дворовые люди, девочке щедро перепало кое-что от этой «потусторонней» власти. Она иногда вглядывается в собеседника с такой напряженной внимательностью, уставясь в одну точку, что ее синие глаза вспыхивают и прожигают насквозь. Конечно же, считают крепостные няньки, их Лёлинька отмечена Провидением. В самом деле, она обладает, как уверяет сестру Веру и знакомых детей, сверхъестественными способностями. Привидения, домовые, лешие словно открывают ей вход в мир поражающих воображение тайн. Недаром их образы не страшат ее, а, напротив, представляются завлекающими и желанными. Не с помощью ли нечистой силы она собирается завести знакомство с невидимыми и милыми ей существами, с той нежитью, которой взрослые пугают детей: ведьмами, домовыми, кикиморами, русалками? Она рассказывала детям о судьбе того или иного животного, которое в виде чучела находилось в домашнем зоологическом музее бабушки Елены Павловны. Своей фантазией она словно их оживляла — и статичные, когда-то убитые ради научного интереса создания многообразной природы, казалось, воскресали, и она, словно понимая их язык, с восторгом внимала рассказам о звериной или птичьей жизни. Что запоминала — передавала сестре Вере и тете Надежде, а также другим детям, с которыми проводила свободное время.

Тетя Надежда, ее подружка по детским играм и проказам, много-много лет спустя вспоминала о том невозвратном времени:«…ее необъяснимая, особенно в те дни — тяга к мертвым и в то же время страх перед этим, ее страстная любовь и любопытство ко всему непознанному и таинственному, жуткому и фантастическому; прежде всего ее стремление к независимости и свободе действий — стремление, которым никто и ничто не могло управлять, — все вместе, это, при ее неукротимом воображении и удивительной чувствительности, должно было дать ее друзьям понять, что она обладала исключительной натурой и что для того, чтобы общаться с ней и пытаться

управлять ею, нужны были исключительные средства. Малейшее противоречие приводило к вспышке чувств, часто к припадку с конвульсиями. <…> Ее нянька, как, впрочем, и другие члены семьи, искренне верила, что в этом ребенке жили „семь бунтующих духов“»[23].

И опять перед ней возникает длинная безобразная фигура мисс Джефферс. От ее мерных, заунывных восклицаний и причитаний некуда деться. Ах так! Эти противные взрослые не позволяют ей сесть на лошадь?! Им, вероятно, мало того, что она ведет себя как сорвиголова. Как настоящий невоспитанный мальчишка, который лазит по деревьям, трясет яблоки и груши, совершает набеги на чужие огороды. Она пойдет дальше — устроит им что-нибудь почище этих заурядных проказ. Например, она грозится, что удочкой стащит накладные волосы с лысой головы толстенького прожорливого капитана, который тайно влюблен, как она убеждена, в мисс Джефферс, ее гувернантку. И стащит именно в день их свадьбы, в церкви, на виду у всего православного народа. Вот будет смех и скандал! Настоящий скандал, с перчиком. Придумывает всякие скабрезные ситуации, будто капитан этот обещал немедля жениться на мисс Джефферс, если она хотя бы один разочек на него пряменько взглянет. Это при ее-то косых глазах![24]

Она любит представляться хуже, чем есть на самом деле. Умеет устраивать душераздирающие сцены и оставаться неуязвимой среди раззадоренных и взбаламученных ею людей. Научилась отходить тут же в сторонку и смотреть как ни в чем не бывало, соглядатайствовать, методично укладывая в своей просторной памяти друг за другом, ряд за рядом, крестообразно поленницу нелепых человеческих движений и оторопелых реакций; приводит их в своей голове с немецкой педантичностью в почти идеальный порядок. Ее пухлые ручки при этом подрагивают от вожделения: еще бы, она сотворила такую сногсшибательную пакость! Ее ангельское личико покрывается матовой бледностью, только красные, слегка обветренные губки выдают ее кровожадность. Но все эти страсти-мордасти разыгрываются ею с одной неосознанной целью — избавиться от неотвязной скуки. Скука выслеживает, исподтишка наносит удар за ударом, стоит девочке на мгновение остановиться и начать зевать. Она не может угадать, какая шалость окончательно доконает скуку, какую затеять с ней игру, в ходе которой преобразится до неузнаваемости это постное скособоченное лицо с вывороченными скулами. Звонким ударом пощечины Лёля выведет его из оцепенения, вызовет какое-то ответное движение, и это лицо наконец-то зашкворчит, как раскаленная сковородка с

брошенными на нее ломтиками сала.

Итак, жизнь подарила ей нескончаемую скуку как участницу в играх и игрищах. Играть придется, по-видимому, до самой смерти, азартно и ва-банк, а проигрывать как можно реже. Нельзя также забывать и о том, что скука легко и незаметно переходит в уныние, а тогда — пиши пропало! Уныние — это безысходность в квадрате, позорная капитуляция перед неблагоприятными обстоятельствами жизни. Чем дьявол внешне отличается от Христа? Своим унылым и кислым видом — вот чем! Даже отчаяние взрывает человека изнутри, подвигает его на сопротивление обволакивающей пустоте. Человек сопротивляется либо истеричным и натужным весельем, либо нестерпимой и пронзительной болью. В этом случае важен результат — сохранение самого себя.

Иногда ей казалось, что спонтанно возникающие в ее сознании картины прошлого и будущего что-то вроде фата-морганы и достаточно будет незначительной перемены в душевной атмосфере, как этот мираж тут же исчезнет. Ведь время, как лишай, постепенно и неумолимо, съедает древо жизни — остается жалкий и трогательный своей беззащитностью оглодок.

Все ее предки, которых девочке ставят в пример, были отчаянные игроки. Некоторые достигли известности, а один из них объявлен святым. Она читала о нем в Четьях минеях. Это черниговский князь Михаил, родоначальник князей Долгоруковых. Его нательный крест до сих пор хранится у ее бабушки Елены Павловны, урожденной Долгоруковой. Крест большой, серебряный, позлащенный, с резьбою и изображением святых угодников [25]. Для нее смерть князя Михаила, впрочем, как и для многих ее современников, долгое время оставалась тайной. И до днешнего дни, как говорили в старину, была бы Лёля в полном неведении относительно того, что предшествовало его казни в Орде 20 сентября 1246 года, если не жила бы воображением. У нее лет до четырнадцати никогда не было особого уважения ко времени и месту, в которых что-то случалось. Для нее более существенным было знать, с кем именно и почему это могло произойти и какие будут последствия. Фантазия употреблялась ею в качестве хорошей подзорной трубы, с помощью которой она обозревала события далекого прошлого и ее участников.

Может быть, с князя Михаила и началось материальное оскудение их рода. И одновременно обозначилось духовное восхождение. Известно же, что князь Михаил пекся о сирых и

убогих, с юных лет относился к ним с кротостью и милосердием. Потом уже, спустя много столетий, потомки князя приумножат и разделят оставшиеся сокровища для того, чтобы их отобрали завистливые, корыстные и злые люди, а кто спасется — сами промотают их враздробь и с необыкновенной быстротой.

Любостяжания в Долгоруковых нет, ни капельки, и слава богу!

— Посмотрите, как несется в Киев князь Михаил. Его конь в пене, на последнем издыхании! — истошно кричит она оторопевшим гувернанткам и маме, раскрывшей от удивления рот. — Я отдам ему лошадь. Князь не опоздает к штурму, он вовремя появится среди дружинников и отобьет от татар город. Ну что же вы!

Ее голос срывается, она почти в истерике. Врут летописи. Князь Михаил не праздновал труса, не сбежал из осажденного города. Он просто не успел к моменту, не добрался, не доскакал. Как удар кулаком по столу от горькой досады, от безнадежности, он убивает Батыевых послов и не с повинной едет к хану, а затем чтобы спасти от его гнева своих людей! Трусы не совершают духовных подвигов. На верную страшную смерть обрекают себя князь Михаил и его боярин Федор, когда отказываются поклониться Батыевым идолам. Они не пройдут, как того требует басурманский обычай, меж огней, не осквернят свои уста восхвалениями хана. Они не захотят чтить срамные уды и возлагать им требы. Вот в чем величие настоящих людей: в любых обстоятельствах они остаются свободными, ничем не омрачают свою совесть. Не загоняют себя в клетку унизительного подчинения. Лучше смерть, чем существование во лжи. Не всякие так могут поступать.

Это и есть пролить кровь за Христа. Кровью, телом чувствовать Христову правду — как это все-таки трудно.

Она с ними, с князем Михаилом и боярином Федором, до последнего. И над ней взметнутся огненные столпы, и ее душу приподнимут над землей громовые распевы ангельского хора.

Как все со времен князя Михаила переменилось! Она это тоже чувствует своим детским сердцем. Везде хищники, грабители, взяточники. За медный грош отца с матерью удавят. Вот папа говорит, что столько вокруг мстительных людей. А вздорных и злоязычных — еще больше! А подлипалам и блюдолизам — вовсе несть числа! На то и Расея! Мама убеждена, что в просвещении — одно лишь спасение.

Как я уже отмечал, Лёля исполняла свои ученические обязанности в точности, основательно. Поразительные успехи

были достигнуты ею в изучении иностранных языков и особенно в музыкальных занятиях. Без устали разучивать положенные экзерсисы и окончательно не впасть в безразличие и скуку — для такого подвига необходимо не обычное усердие, а нечто большее: вдохновение. Она-то знала, как заворожить свои быстро устающие пальчики, вдохнуть в них, неуверенных и ленивых, силу и упорство. Она бралась за каждое новое дело с усердием, вовсе не желая себя уронить в мнении мисс Джефферс и Антонии. Сестра Вера через много лет вспоминала: «Лёля, которой удивительно легко давались языки, сама вызвалась учиться по-немецки и начала три раза в неделю аккуратно заниматься с Антонией. К осени она уже много понимала и читала совершенно свободно. Папа хвалил ее и в шутку назвал ее однажды „достойной наследницей своих славных предков, германских рыцарей Ган Ган фон-дер Ротер Ган, не знавших никогда другого языка, кроме немецкого“»[26].

Офицеры весело переглядываются, слыша взвизгивание и оханье мисс Джефферс и Антонии. Они определенно на стороне Лёли, но не дерзают идти против воли ее мамы. Во всяком случае, она для них почти родная, они ее называют между собой «дочь полка». Солдаты ее тоже уважают и слегка ей подыгрывают. У них она научилась называть вещи своими именами и у них же набралась крепких словечек и забористых выражений, которыми будет много лет спустя шокировать и удивлять своих высокородных соотечественников и соотечественниц за пределами России. Ни для кого из сослуживцев отца, однако, не составляет тайны, что они с Верой вот-вот станут сиротками. От этой мысли сжимается сердце, но при маме она сдерживается, гонит прочь глубокое и беспрерывное самоощущение своего одиночества. Она ежедневно по многу раз молится Боженьке, просит его заступиться за маму и не дать ей скоро умереть. Она и говорить стала меньше и тише, а все из опасения, чтобы опять не дать волю своей буйной фантазии. Она сострадательная и любящая дочь. Однако же как задевают ее самолюбие, когда при всех запрещают сесть на объезженную и спокойную лошадь! Неужели мама этого не понимает, не хочет понять?

Ее мама обыкновенно носит шейный платок, он перекрещивается на груди и придает ей романтический независимый вид. Маме очень идет простое марселиновое темное платье без кринолина, которое она, к сожалению, надевает чрезвычайно редко. Вообще мама не любит пышности в одежде и радуется переменам в моде. Ей не хочется быть раздавленной обширными вертюгаденами с тяжелыми накладками, с фижмами и шлейфами. Папа по дому ходит в пикейном жилете и полосатых

брюках. Мундир ему, кстати, больше к лицу.

На плац въезжает запряженная цугом карета. Видать, приехал какой-то царский сановник. Вот сейчас спрыгнут с подножек ливрейные лакеи — где же они? — откроется дверца и покажется важный господин в светло-синем двубортном фраке с золотыми пуговицами и стоячим бархатным воротником. На ногах у него будут черные шелковые чулки и башмаки с пряжками. Он очень похож на разноцветную бабочку из коллекции ее бабушки. Неужели это бабушкин отец — князь Павел Васильевич Долгорукий?

Однако же он умер в 1837 году на восемьдесят втором году жизни. Может быть, это его воплотившийся дух?

К ее большому разочарованию, из кареты вылезает тучный генерал. Вероятно, он приехал из Петербурга, и у него важное поручение от государя. Офицеры, а с ними и ее отец как-то неожиданно для окружающих стремительно перемещаются от лошади ближе к карете. Как досадно — ее и сестру Веру взрослые торопливо уводят с плаца.

Она опять, в который раз, оказалась между постылой повседневностью и своими досужими домыслами — веселыми, хитрыми развлечениями ее ума и сердца.

Глава вторая. ДЕД И БАБУШКА ФАДЕЕВЫ

Как взрослые к ней несправедливы! Им нет дела до ее чувств, они не ценят ни ее самоотверженной натуры, ни ее душевных порывов, ни ее наивной веры в свое предназначение стать великой актрисой — всего того, что составляет смысл юной жизни. А то, что она ощущает в себе какие-то удивительные силы видеть и слышать, что другие не видят и не слышат, кажется им болезненным состоянием духа. Они считают, что ее странный дар не в пользу ни ей, ни людям. Они вообще ее во всем ограничивают, урезают и малые свободы. Ей не с кем бывает поговорить душа в душу. Сестра Вера еще мала, недавно ей исполнилось шесть лет. При всяком удобном случае мисс Джефферс терзает ее бесконечными претензиями, порицает за то, что она слишком своенравна, слишком неуступчива, слишком избалована. Не хочет понять, что ее проделки — всего лишь невинные и безобидные чудачества, не делающие никого несчастными. Своими нотациями мисс совсем выбила ее из колеи.

Вот и сейчас ей не спится.

Стук падающих яблок влажен средь вечерней духоты.

Сумерки быстро сгущаются. Распаренный воздух заполняется приглушенными, хлюпающими звуками южнорусской ночи. Девочка близоруко всматривается в ставшее вдруг темным небо, и звезды расплываются на нем, как томатные пятна на грязной скатерти.

Луна появляется на небе как полновластная хозяйка.

Лёля боится перехода из полудремы в глубокий сон, ей не хочется опять оказаться на привязи у лунного света. Приступы сомнамбулизма случаются с ней не часто, но всякий раз они изнуряют ее и основательно пугают взрослых.

Лунный свет рельефно вычертил ее силуэт на стене комнаты, заарканил, прочно привязал к необозримому Космосу. Она действует под влиянием луны. Вот почему ее поступки невозможно оценить с точки зрения обычной земной морали. Вопрос в другом. Найдет ли она в себе силу отказаться от живой любви во имя грез и сновидений?

Давно не молилась Лёля в детской перед иконой с теплящейся лампадой. За здоровье мамы она молится, засыпая, молча, про себя, уткнувшись лицом в подушку. Лик Божий смущает ее чем-то. В душе образовалась ужасная незаметная трещинка. Во время ее крещения, как рассказывают близкие, произошел случай, который можно трактовать как некий провидческий знак. Церемония крещения в церкви затянулась, и тетя Елены (тетя-ребенок, всего-то на три года старше своей племянницы) Надя Фадеева то ли по небрежности, то ли по малолетству нечаянно подожгла зажженной свечой край рясы священника[27]. Случай с ее крещением не раз обсуждался в их доме в присутствии мамы. При этом мамино лицо бледнело, становилось испуганным. Почему взрослые люди такое большое значение придают всяким приметам и предзнаменованиям?

Некоторые из них ее, маленькую девочку, воспринимают страшной и гадкой, отмеченной печатью дьявола.

Наконец-то она поняла. Природа своей неоспоримой властью установила для человека известные пределы и ограды. Вот отчего дурные знаки — не более чем предупреждения природы, ее советы, смысл которых — отвратить человека от вхождения в заповедные области многообразной жизни, не позволить ему выходить за поставленные границы.

Она не имеет других намерений, как только следовать своей интуиции. И делает это с робкой надеждой не превращать свою жизнь в игру случая, в заложницу обстоятельств.

Лунный свет окончательно ее околдовывает. Она касается пола босыми ступнями, подбирает край ночной рубашки — и вот уже выпорхнула, как ночная бабочка, из детской на темную

крышу дома и очутилась в бельведере. Из этой круглой башенки она, не мигая, всматривается в звездное небо, словно пытается разгадать, что сулит величественная, незнакомая, светозарная жизнь.

Сквозь дрему Лёля слышит хриплое откашливание ворон.

Елена Андреевна родила Лёлю недоношенной в Екатеринославе в ночь на 12 августа 1831 года (по старому стилю на 31 июля) в час и сорок две минуты пополуночи[28]. Перед этим событием она чуть было не заболела холерой. В доме Фадеевых от холеры умерло несколько человек прислуги. Что никто из их семьи не пострадал — настоящее чудо. Блаватская не раз задумывалась о месте и времени своего рождения. Она представила холерный 1830 год. Эпидемия пришла из Астрахани. Ее привезли люди, передвигающиеся в безрессорных тарантасах, на почтовых. Лошади шли медленно, только шагом, то и дело увязая по колена в глубоком песке. Распространяясь по Волге, холера без всяких помех, с тупой и неторопливой последовательностью захватывала города и веси, сокрушая растерявшихся и беспомощных жителей. Дошла она и до днепровских берегов. Ужас неотвратимой смерти стоял в душном, наполненном густой мглою, гарью и смрадом воздухе. Отец бежал от сына, сын от отца.

Семья Фадеевых чудом выжила.

Итак, ее рождение связано с женщиной, чуть было не побывавшей на том свете. Кровная связь с мамой приобретала новые, неожиданные смыслы. Она представила мать в холерном бараке: ее синеющие пальцы, запавшие глаза, заострившийся нос. Может быть, только обильный пот, выступивший по всему маминому телу, был добрым знаком того, что мама выживет. Напрасно она пыталась преодолеть в своем воображении образ умирающей женщины, у которой язык, высохший, с бледно-зелеными разводами, западал в гортань, а изо рта дурно пахло желчью. Ничего не получалось. Наконец-то она стряхнула с себя это наваждение и обреченно поняла, как страшно родиться в холерный год. В то время, когда торжествует и наглеет смерть, а жизнь себя не выпячивает. В ее появлении на свет при таких обстоятельствах кто-то был, по-видимому, заинтересован. Она искала точку опоры в нахлынувших на нее мыслях. Ей необходимо было за что-то зацепиться, чтобы окончательно не пасть духом, не сойти с ума. Теперь ее не волновало, что будет с сестрой Верой и братом Леонидом. В конце концов и не до мамы ей было, как ни постыдно в этом признаться. Ей стала безразлична вся окружающая жизнь. В ней существовало только

одно всепоглощающее желание. Она пыталась понять, что означает ее рождение в Екатеринославе в холерный год, когда вокруг нее, крохотной и беззащитной, громоздились горы мертвецов. Она вся, до появления шершавых пупырышек на коже, устремилась в то время.

И услышала ответ, какой ожидала. Этот ответ ей выкаркала черная птица огромной величины, не к добру залетевшая в Екатеринослав. В разгар эпидемии, в конце 1830 года, она парила над крышами домов и поражала смертельной болезнью тех, кого осеняла крылами. На воротах, дверях и окнах домов, чтобы отогнать птицу смерти, это порождение нечистой силы, были начертаны кресты, а на стенах написано: «Христос с нами уставися».

Страшное безлюдье царило в городе. Редкие прохожие с замотанными тряпками лицами, выпачканные дегтем и пахнущие чесноком, бродили по улицам как тени.

Ежедневно целые обозы с гробами тянулись на кладбища. Среди жертв холеры оказалась и маленькая девочка со спутанными кудряшками русых волос и восковым кукольным личиком. Она послушно лежала в узком гробике с виноватой улыбкой на побелевших губах.

Вот и ответ. Родившаяся вскорости после смерти неизвестной девочки Лёля была обречена судьбой дать ее душе новый приют.

Какая она все же умница! Смогла разобрать, что выкаркивала ей, кружа над домом, огромная птица с перьями, забрызганными бурой запекшейся кровью.

Каким-то образом она выведала у птицы еще одну тайну: Екатеринослав и Одесса для ее мамы и нее самой — определенно проклятое пространство, им там было бы лучше не появляться.

Екатеринослав, южнороссийский город на берегу Днепра, по словам одного заезжего иностранца, представлял собой отчасти незаконченную новостройку, отчасти старинное поселение со следами былого величия. Изначально задуманный Екатериной Великой как ее летняя резиденция, он недолго просуществовал в этом качестве. В конце концов императрица выбрала для летнего отдыха место неподалеку от Санкт-Петербурга — Царское Село. Между тем ее фаворит Григорий Потемкин выстроил для нее в Екатеринославе роскошный и величественный дворец, какого еще не видела Россия, проложил широкие бульвары с цветниками, а на скалистых днепровских берегах разбил великолепный парк. Город предполагали построить огромный, рассчитанный, по крайней мере, на миллион жителей. Ко времени приезда семьи Фадеевых в Екатеринослав дворец лежал в руинах, а Днепр был

судоходен всего лишь шесть недель в году, во время весеннего паводка.

Типичный российский провинциальный город. В такой город попадают только по необходимости, или по делам службы, или по семейным обстоятельствам, или по болезненному положению, но никогда не оказываются в нем по доброй воле. Отец Елены Андреевны Андрей Михайлович Фадеев был направлен в Екатеринослав чиновником в Департамент иностранных поселенцев и прослужил в этом городе на разных должностях, начиная с 1815 года, почти двадцать лет. В 1817 году он стал управляющим конторой иностранных переселенцев[29].

Елену Андреевну воспитывала ее мать, бабушка Лёли, Елена Павловна, урожденная княжна Долгорукова. В ее роду были такие известные в России люди, как князья Ромодановские и выкрест барон Петр Павлович Шафиров, сподвижник Петра Великого, вице-канцлер и управляющий почтами, обвиненный в 1723 году в казнокрадстве и два года проведший в ссылке.

В двадцать пять лет княжна Елена Павловна против воли близких вышла замуж за Андрея Михайловича Фадеева, который был двумя годами ее моложе. Дед Блаватской со стороны матери родился 31 декабря 1789 года в городе Ямбурге Петербургской губернии, там тогда квартировал полк, где служил его отец[30].

Для брака Елены Павловны и Андрея Михайловича существовало препятствие, которое молодые отважно преодолели, — жених был из «неродовитых дворян», к тому же гол как сокол. Потому-то и отец княжны Елены, и воспитывающая ее бабушка наотрез отказались дать родительское благословение. Вместе с тем жених был дворянского рода, некоторые его предки не посрамили фамилию, отдали жизнь за Россию. Его прадед Петр Михайлович Фадеев, капитан армии Петра Великого, сложил голову в битве под Полтавой, а дед Илья Петрович скончался от ран, полученных в Русско-турецкой войне в конце царствования Анны Иоанновны. Его отец служил в Псковском драгунском полку и впоследствии, после отставки, перешел на гражданскую службу. Его мать, также дворянка, была родом из Лифляндии, урожденная фон Краузе, добрая и заботящаяся о муже и детях женщина. Семья Андрея Михайловича была многодетной — восемь сыновей и две дочери. Все его братья пошли по стопам отца, поскольку военная служба для дворян считалась почти обязательной. Андрей Михайлович, впрочем, составил исключение и по обычаю того времени в двенадцать лет был зачислен на гражданскую службу. Его отец управлял Огинским каналом в Минской губернии, куда и поступил служить молодой человек. В семнадцать лет он уже достиг чина

титулярного советника. Началась война 1812 года, и весь штат управления каналом был переведен в Киев. Познакомились молодые люди еще раньше — в Ржищеве, имении бабушки Елены Павловны. В Киеве их отношения получили продолжение. Умная, разносторонне образованная княжна Елена Долгорукова была действительно необыкновенной девушкой. Они полюбили друг друга. Андрею Михайловичу тогда исполнилось двадцать три года.

При скромном жалованье у жениха были хорошие служебные перспективы[31]. Его будущий тесть князь Павел Васильевич Долгоруков сам находился в стесненных обстоятельствах по причине расстройства своего состояния и жил на одну пенсию[32]. Учитывая возраст князя, у него вообще не было никаких перспектив улучшить свое положение. Рассчитывать на карточный выигрыш не приходилось — потерял бы последнее. Ему почему-то не везло не только в любви, но и в картах. И все-таки он вместе со своей тещей упрямо стоял на своем, и согласия на брак молодые так и не получили. Обойдясь без родительского благословения, они повенчались в 1813 году, имея в кармане жениха всего сто рублей ассигнациями. В следующем году на свет появилась мать Елены Петровны Блаватской — Елена Андреевна. Спустя некоторое время после ее рождения молодая семья переехала в Екатеринослав, где Елена Павловна родила трех младших детей — Катю в 1821 году, Ростислава в 1824 году и Надю в 1827 году[33].

Елена Павловна Фадеева знала пять иностранных языков, прекрасно рисовала и, будучи художницей, интересовалась преимущественно чешуекрылыми, а проще говоря — бабочками, а также растениями и минералами. С ней находились в переписке многие естествоиспытатели. Среди них Стевен, академик Бэр и профессор Дерптского университета Г. В. Абих, который был избран в Российскую академию наук в 1853 году за научные труды по описанию Кавказского края. Бабушку Елены Петровны ценили Карелин и Вернель. А Гомер де Гель в своих работах упоминает о ней как о замечательной ученой женщине, немало способствовавшей ему в его научных разысканиях. Президент Лондонского географического общества сэр Родерик Мурчисон, приехав в Россию, встречался с ней в Саратове и назвал в ее честь одну из ископаемых раковин. Популярности Елены Павловны Фадеевой на Западе, безусловно, способствовала высокая оценка ее интеллектуальных возможностей со стороны известной английской путешественницы леди Стенхоуп. Эта экзальтированная и любознательная дама встретилась с Еленой

Павловной в том же Саратове и была потрясена тем, что подобные высокообразованные женщины встречаются в столь варварской стране, как Россия. Естественно, своим удивлением она поделилась с английскими читателями в очередной книге.

Со всей своей ученостью, интересом к естествознанию, любовью к чтению серьезных философских книг, ярко выраженными способностями к рисованию и музицированию Елена Павловна Фадеева была вместе с тем, в сущности, обычной русской женщиной из обедневшего княжеского рода. Для нее дом и семья всегда находились на первом месте. Она любила стряпать и рукодельничать. Ее внучка Вера вспоминала: «Кроме всяких вышиваний, вязаний, плетений бабушка умела делать множество интересных работ. Она делала цветы из атласа, бархата и разных материй. Она клеила из картона, раковин, цветной и золотой бумаги, из битых зеркальных стекол, из бус и пестрых семечек такие чудные вещи, что чудо!»[34]

При всех глубоких и разносторонних познаниях в науке и присущей ей домовитости Елена Павловна вовсе не чуждалась светских удовольствий. Ее муж шел по служебной лестнице не быстро, но и не медленно и со временем сделался гражданским губернатором в Саратове. Она любила чистокровных английских лошадей, крытые лаком экипажи, давала балы и званые обеды.

За что бы Елена Павловна ни бралась, она старалась сохранять хороший вкус и достойный положения губернаторши уровень.

Атмосферу празднеств, устраиваемых своими отцом и матерью, детально и красочно описала Е. А. Ган в повести «Идеал»:

«Дом дворянского собрания был великолепно освещен; плошки на воротах, плошки у подъезда; кареты, коляски, брички, сани везли целые грузы бабушек, маменек, дочек, внучек; собрание было блистательное. Два жандарма, стоявшие у крыльца, не успевали отгонять опорожненных экипажей. Канцелярские стряхивали снег с своих шинелей, артиллеристы, смотря с улыбкой презрения на этих фрачников, гордо расправляли усы и всклокоченные волосы. Но то ли еще было в зале!

Четыре люстры величаво спускались с потолка; вдоль стен расставлены были диваны, крытые оранжевым ситцем с зелеными узорами, а на передней части залы под огромным зеркалом стояли два кунсовые кресла. На хорах тринадцать человек музыкантов сидели в ожидании входа губернатора с поднятыми смычками, готовясь огласить залу при его вступлении полонезом из „Русалки“. Диваны были уже заняты дамами всех возрастов и

чинов; статские смиренно расхаживали по зале с круглыми шляпами в руках; кавалеристы с нетерпением бряцали шпорами; старики умильно кружились подле расставленных карточных столов, но никто не начинал ни танцевать, ни играть. Общество походило на огромного истукана, для которого душа не была еще ассигнована. Кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки и, глядя на нее, маменька самодовольно поправляла свой чепец»[35].

Пригласительные билеты на бал или званый обед Елена Павловна давала распоряжение печатать на роскошной веленевой бумаге. А в исключительных случаях — на пергаменте.

Столы были уставлены серебряной посудой. Наряду с русской кухней присутствовала кухня французская и немецкая. Подавали янтарное токайское вино, красноватый шамбертен и обязательно шампанское. Умели пожить в свое удовольствие русские дворяне! Вместе с тем не эти праздники жизни были главной заботой Елены Павловны Фадеевой.

Больше всего на свете она ценила основательное образование, которое постаралась дать своим детям и внукам. Она не перекладывала воспитание детей целиком на плечи крепостных мамок и выписанных из-за границы или обрусевших иностранных гувернанток. Свою старшую дочь Елену она обучала многим наукам, пока той не исполнилось тринадцать лет. А потом, когда Елена Павловна серьезно и надолго заболела, девочка сама с жадностью набросилась на книги, словно черпая в них жизненную силу. Гувернантки с ней почти не занимались. Да и финансовое положение их семьи не позволяло сорить деньгами. А. М. Фадеев, что называется, жил на зарплату, долгое время остававшуюся весьма скромной. В семье привыкли на всем экономить, хотя ее глава занимал достаточно «хлебные» места и при желании мог серьезно разбогатеть. Однако поступать так ему не позволяла совесть. Жить на одну зарплату для русского чиновника во все времена и при всех правителях — непозволительная роскошь или же чудовищное невезение.

Книги растормошили застенчивую и угрюмую девочку, которая среди своих сверстниц слыла белой вороной. Уже с малых лет она овладела искусством версификации. Однако стихи выходили из-под ее пера не такими, какими ей хотелось их видеть. Обыкновенные, вялые слова не передавали живых, непосредственных чувств. Они в большей степени соответствовали бесплодной, обступившей со всех сторон и простирающейся до горизонта степи, высушенному под белесым

солнцем ковылю.

К 1834 году были упразднены конторы иностранных переселенцев. Попытка сократить многочисленный штат чиновников, как это часто происходит в России, на деле оказалась переливанием из пустого в порожнее. Шло обычное перемещение бюрократии в обширном пространстве империи. Но как показывает конечный результат этих служебных пертурбаций, в итоге ничего существенного не происходит, — к старым чиновникам прибавляется большое число новых. А. М. Фадеев был определен членом нового Попечительного комитета Главного управления иностранных поселений южного края России с тем же самым содержанием и направлен на жительство в Одессу. Для него как для порядочного человека и неподкупного чиновника такое изменение в судьбе явилось в известной степени испытанием. Одесса для проживания была более дорогим городом, чем Екатеринослав. К тому же пришлось продать за бесценок дом с прекрасным огромным садом и много чего другого, чем обрастает человек, живя несколько лет на одном месте. Многолетняя счастливая жизнь в Екатеринославе закончилась. А как говорил Конфуций: «Нет ничего хуже, чем жить в эпоху перемен». (Этот парадокс мировой истории справедлив и по сей день.) Но в самом начале переезда семейства Фадеевых в Одессу, казалось, ничто не предвещало беды. Глава семьи вспоминал о начальном периоде жизни в Одессе: «Мы решились переехать и, дабы хоть немного уменьшить необходимые расходы на жизненные потребности и хозяйство, — купить в окружностях Одессы небольшое именьице. Я поехал в Одессу прежде всего один и приискал подходящее именьице в сорока верстах от Одессы, деревню Поляковку… Весною 1834 года переехало в Одессу и мое семейство»[36]. В этом именьице (всего-то помимо усадьбы там был один двор с шестью крепостными — трое мужского пола и трое женского) немало времени провели все члены многочисленного и дружного семейства Андрея Михайловича Фадеева, в том числе и его старшая дочь Елена Андреевна Ган с детьми. Надежда Андреевна Фадеева, тетя Блаватской, спустя много лет после смерти своей старшей сестры Елены Андреевны вспоминала Одессу того времени как город с необыкновенной праздничной атмосферой:

«Одесса тогда была в апогее своего общественного развития и оживления, генерал-губернатор граф Воронцов и графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, как магнитом, притягивали к себе со всех концов Европы людей, служивших украшением лучших обществ. Тогда в Одессу съезжалось много польской знати, многие и русские тузы селились в ней, привлекаемые

южным климатом и морем. Большая часть из них жили открыто, широко, и зимой блестящие балы и увеселения всякого рода следовали одни за другими, <…> начиная с еженедельных понедельников Воронцовых»[37].

В Одессе А. М. Фадеев проработал чуть больше года. В конце 1835 года последовал его перевод в Астрахань главным попечителем кочующих народов с порядочным пособием на этот переезд[38].

Глава третья. МАТЬ И ДОЧЬ

Лёля, как сквозь сон, вспоминала знойную, обожженную степь и встающий над ровной и равнодушной ко всему землей медно-красный шар, ее утешение и надежду. При воспоминании о солнце своего младенчества и детства ее душа преображалась. Но не в силах небесного светила было передать, чем жила мятущаяся душа ее матери, — этот неуклюжий чертополох с лилово-красными вспышками цветов среди колючек. Екатеринослав сам по себе наводил скуку, между делом умерщвлял живую душу. Город-неудачник, он мстил людям за свое унижение. История — вот тот оселок, на котором старшая дочка Елены Павловны оттачивала свое воображение, основное оружие в противоборстве с рутинным существованием. К пятнадцати годам в ее сердце заключался весь мир.

От поклонников у Елены Андреевны не было отбоя. Темноволосая красавица с выразительными миндалевидными глазами и тонкой талией, она сводила с ума многих молодых людей. Однако никому из этих ухажеров не удавалось склонить ее к замужеству. Для нее любовь и замужество были тождественными понятиями.

Она жила в мире исторических отражений, обитателями которого были мужественные, благородные и справедливые воины. Потому нет ничего удивительного в том, что ее выбор пал на конно-артиллерийского капитана Петра Алексеевича Гана, героя Турецкой кампании, старше ее на пятнадцать лет. Она венчалась с ним полуребенком, ей едва исполнилось шестнадцать. Ее муж был человек добрый, хорошо начитанный, ведь он получил воспитание в аристократическом Пажеском корпусе и говорил на нескольких иностранных языках. Елена Андреевна была нежным существом, мало приспособленным к условиям суровой походной жизни. К несчастью, брак оказался для нее неудачным. Для мужа ее духовная деятельность, ее литературные интересы не только мало что значили — они

вызывали недовольство и насмешки. Петра Алексеевича уродовала армейская жизнь. Он предпочитал вист — театру, скачки — музыкальным вечерам, пьяное застолье — чтению книг. В его положении конно-армейского офицера и при его солдафонских привычках не следовало бы вообще жениться, особенно на такой выдающейся женщине, как Елена Андреевна Фадеева.

Она вышла замуж стремительно, за три месяца до выступления полка мужа в поход на Польшу для подавления Польского восстания. Вскоре она поняла, что совершила роковую ошибку, этим браком обрекла себя на раннюю смерть.

В одной из повестей Е. А. Ган «Суд света» есть вставка — «Письмо Зенеиды Н.» — точное воспроизведение ее внутренней драмы:

«Едва я вступила в свет, как многие уже искали было руки моей, но я отвергла все предложения… Привыкши считать любовь и супружество нераздельными, я смотрела на них с особенной точки зрения. Посреди общего крушения моих светлых идей, одна только сохранилась во всей силе своей — идея о возможности истинной вечной любви. Я уповала на нее, верила в осуществление моей утопии, как в жизнь свою, и, нося в груди зародыш священного чувства, не истрачивала его на мелочные привязанности, берегла как дар небес, который мог осчастливить меня только однажды в жизни»[39].

Замужество обозначило перелом в ее судьбе. Жизнь ее, однако, не пошла на улучшение, а повернулась в худшую сторону. Люди они были уж больно разные:

«Между тем тонкий, веселый ум моего мужа, приправленный всею едкостью иронии, ежедневно похищал у меня какое-ни-будь сладкое упование, невинное чувство. Все, чему от детства поклонялась я, было осмеяно его холодным рассудком; все, что я чтила как святость, представили мне в жалком и пошлом виде»[40].

Ситуация довольно-таки обычная для образованной и духовно развитой женщины той эпохи. Тут были даже ни при чем моральные качества Петра Алексеевича Гана. Он жил как все люди его круга и поступал соответственно — как того требовало положение русского офицера. На долю его молодой жены, можно себе представить, выпало немало бытовых трудностей, но намного больше — горечи и обид.

Что оставалось в памяти Елены Андреевны от походной жизни с мужем? Сырые ночи, от которых ее болезнь набирала силу, грубые армейские шутки товарищей мужа, густой табачный дым, взаимные упреки, ссоры и постоянная беременность. Самым приятным среди этого кошмара было вспоминать, как денщик

мужа по несколько раз в день вздувал самовар: из-под низа сыпались совсем не обжигающие искры, и вскоре на столе появлялись кружки с ароматным черным чаем, — в эти мгновения ее неудержимо тянуло в родительский дом. Там были дорогие и духовно близкие ей люди — мать, сестра и брат. Там были книги, долгие душевные беседы за полночь и благожелательная атмосфера, совсем другая жизнь. По мере возможности она уезжала с детьми к родителям — для короткого отдыха и сосредоточенности. За десять лет замужества она родила четырех детей: Елену, Александра, Веру и Леонида. Александр умер на втором году жизни.

В письме из села Каменское в Малороссии от 14 октября 1838 года сосланному декабристу С. И. Кривцову, с которым Елена Андреевна познакомилась и подружилась на водах в Кисловодске, она откровенно описывает бытовые тяготы и духовные испытания походной жизни с мужем:

«Я живу в скверной, сырой, холодной избе, из моих окон я вижу — на восток сельскую церковь, к западу — кладбище на пригорке, уставленное крестами, готовыми упасть; к югу — большую конюшню, к северу — другое строение, принадлежащее батарее, дальше — степь, пески и болота. Прибавьте к этому вечно пасмурное небо, в доме — угрюмое молчание, едва нарушаемое лепетом Верочки, непрерывный свист ветра, а вечером — вой собак и карканье ворон, — и вы будете знать мое жилище, как если бы вы сами жили в нем. С тех пор, как Лоло живет с гувернанткой в другой избе по соседству с моей, я почти не покидаю моего кабинета, — крошечной комнаты, которая напоминает мне ваш каземат 1826 г., потому что в ней не более трех шагов в длину и двух шагов в ширину; но я довольствуюсь малым, и так как в ней могут помещаться моя библиотека, стул и стол, то я чувствую себя в ней очень уютно»[41]. В том же письме Елена Андреевна предоставляет адресату свой достаточно точный психологический портрет: «Основная черта моего характера — неустанная деятельность ума и чувства, вечно подвижные, непокорные, беспокойные, они беспрестанно требуют пиши и только напрягая все мои духовные силы, в принудительном занятии я могу укрощать их и подчас даже усыплять. Это нравственный опиум, и я пользуюсь им, как предохранительным средством против моей экзальтации, которая, на ваш взгляд, есть не что иное, как горячка»[42].

Не была ли Елена Петровна живым воплощением того, чего жаждала экзальтированная душа ее матери, Елены Андреевны Ган? Не явилась ли ее жизнь продолжением материнских поисков

неразделенной любви, основанной на глубоком сродстве душ? Не представляют ли ее поступки, ее поведение, ее решительный разрыв с национальной духовной традицией результат нового женского сознания, сформировавшегося в 30-е годы XIX века? Думаю, все это именно так. Живость, веселость, оригинальность — основные доминирующие черты характера Елены Андреевны Ган. И еще одна особенность личности была ей присуща. Вот что писала об этой странности в поведении писательницы ее сестра Надежда Андреевна: «Когда она подмечала смешные стороны иных людей, она любила этих людей дурачить и мистифицировать, — это ее забавляло, и она это делала так остроумно, так комично и вместе с тем так серьезно, что в самом деле выходило необыкновенно забавно для особ, посвященных в шутку, а не понимавшие ее и не подозревали мистификации»[43]. Итак, сомнительный дар дурачить людей Елена Петровна Блаватская получила в наследство от своей матери. Другое дело, что этот дар она обратила на психологическую обработку практически всех, кто ее окружал в зрелые годы жизни. Ее прегрешения требовали покаяния. Но вот на подобное очищение совести Блаватская пойти не могла и не хотела. Единственное, что ее спасало от душевных терзаний, это нравственная необходимость распространять ложь во спасение, создавать новые иллюзии для человечества, большая часть которого все еще обладает, как она была убеждена, инфантильным сознанием, детской доверчивостью и верит всему тому, что им внушают более сообразительные и требующие себе беспрекословного повиновения люди. За девять лет до смерти Блаватская цинично иронизировала по поводу своих последователей. Ей был присущ черный юмор: «О милые мои ослики! Когда я умру и вся философия и чудеса прекратятся, тогда они поумнеют. Ведь без меня — какая философия и откуда?»[44] Может быть, с «осликами» Блаватской после ее кончины так и произошло, но некоторые из них превратились в старых ослов-долгожителей, к тому же подросли новые ослики, и все продолжало идти по-старому, по испокон веку заведенному порядку в рутинном мире людей. Род человеческий с его варварскими законами выживания внушал ей ужас. Вот почему по отношению к нему она была злоязычна и в мрачных красках описывала его будущее. Но, как многие пророки и пророчицы, Елена Петровна при всей своей способности прозревать историческую даль часто не могла разглядеть и понять того, что творилось у нее под носом. Сестру Веру и тетю Надежду она сделала соучастницами своей самой крупной мистификации — предстать перед человечеством в образе пророчицы и ясновидящей.

Человек в мире есть не что иное, как игралище капризной судьбы и ветреного случая. Блаватская мне на это возразила бы с неопровержимой логикой, что судьба — это направляющая нить кармы, случай — божественный загонщик, а кто охотник — не дано знать никому из живых.

* * *

Блаватская всегда, до последних дней своих, обращалась к личности матери. Память о матери стала чем-то вроде священного ковчега, в котором она хранила самые возвышенные чувства. Дочь подхватила основную тональность матери — проповедь новой жизни для женщины света. Женщины, которая стоит выше грубой чувственности и ищет утешения в служении высоким идеалам. Вопросы, волновавшие ее мать, Блаватская перенесла на почву мистицизма и оккультизма. Плодом этого явилось создание Теософического общества. Ей необходимы были другие религиозные и философские обоснования, другие логические доводы для объяснения таких понятий, как духовный брак, основанный не на плотском влечении мужчины и женщины друг к другу, а на истинном вечном сродстве их душ. Недаром спустя много лет, находясь в Соединенных Штатах Америки, Елена Петровна обратила пристальное внимание на религиозное движение мормонов, которые пытались достичь идеала семейной жизни. С точки зрения православного сознания, они впадали в грех гордыни и прелюбодеяния, а семейный очаг превращали в своего рода сатанинскую скудель. Блаватская между тем совершенно иначе оценивала их деятельность.

В столицу Елена Андреевна Ган попала весной 1836 года, там был временно расквартирован полк ее мужа, и прожила в ней по май 1837 года. Она приехала туда из Курска с годовалой Верой. Этот город стал для матери Блаватской местом вдохновения и триумфа. В те достопамятные времена не Москва, а Санкт-Петербург был законодателем литературной моды.

В Санкт-Петербурге Ган завязала нужные литературные знакомства. На художественной выставке произошла ее случайная встреча с Пушкиным, о которой она тотчас же написала родным: «Я вдруг наткнулась на человека, который показался мне очень знакомым… Иван Алексеевич (брат мужа Елены Андреевны. — А. С.) в то же время сжал мне руку, указывая на него глазами, и при втором взгляде сердце мое забилось… Я узнала — Пушкина! Я

воображала его черным брюнетом, а его волосы не темнее моих, длинные, взъерошенные… Маленький ростом, с заросшим лицом, он был не красив, если бы не глаза. Глаза — блестят, как угли, и в беспрерывном движении. Я, разумеется, забыла картины, чтобы смотреть на него. И он, кажется, это заметил: несколько раз, взглядывая на меня, улыбался… Видно, на лице моем изображались мои восторженные чувства»[45].

Аристократическое происхождение позволяло ей без особых затруднений быть принятой в высшем свете. Перед ней распахнулись все двери. Следует также иметь в виду, что Елена Андреевна приходилась двоюродной сестрой поэтессе Евдокии Ростопчиной и мемуаристке Екатерине Сушковой, в замужестве Хвостовой, возлюбленной Лермонтова. Родственниками Елены Андреевны по матери были известные поэты того времени Иван Михайлович Долгоруков и Тютчев. Ведь родная сестра бабушки Блаватской из рода Долгоруковых Анастасия Павловна, родившаяся в 1789 году и скончавшаяся в 1828 году, была замужем за Сушковым, дядей графини Ростопчиной и братом Николая Васильевича Сушкова[46]. Женой Николая Васильевича была Дарья Ивановна, сестра Ф. И. Тютчева[47]. Родственные связи семьи Фадеевых, как видим, были достаточно обширными. Помимо прошлого, связанного с русской историей, у этой семьи было и вполне достойное настоящее, связанное с русской литературой. А ее будущее, как известно, наилучшим образом заявило о себе как в русской истории (деятельность С. Ю. Витте), так и в мировой культуре (сочинения Е. П. Блаватской). В доме Екатерины Сушковой Елена Фадеева шапочно общалась с Лермонтовым и о своем впечатлении от этих встреч написала родным: «Его я знаю лично… Умная голова! Поэт, красноречив». Вообще-то внешне Лермонтов не произвел на нее большого впечатления: «…Он, по крайней мере, правду сказал, что похож на сатану. Точь-в-точь маленький чертенок с двумя углями вместо глаз, черный, курчавый и вдобавок в красной куртке»[48].

В общественной и культурной жизни столицы весна представлялась совсем не такой, какой являлась в природе. Она олицетворяла не пробуждение и расцвет, а скорее замирание жизни, спад и всеобщую усталость. Зима самодовольно выставляла напоказ все лучшее и ценное, что было в Петербурге. Люди круга Елены Андреевны Ган ходили в театры, в оперу и на балет, посещали выставки картин, концерты и балы. Большое распространение в то время получили званые обеды и ужины.

На весну оставалось тоже кое-что, однако не в таком, как зимой, количестве и объеме. Елена Андреевна в самозабвенном восторге вспрыгнула на эту праздничную карусель. Потрясающий

мир красоты, изящества и свободы раскрылся перед ней. Что она больше всего любила — это ночные посиделки в частных домах с восьми часов вечера до четырех утра. Мужчины играли в вист, дамы — в бостон или преферанс. Одни говорили о политике и бизнесе, другие сплетничали, обсуждали последние театральные новости, обменивались впечатлениями о прочитанных романах и делились сведениями о том, что нынче в моде, а что нет. За сизым папиросным и сигарным дымом все они едва различали друг друга. В этих гостиных между тем царила чинная и благопристойная атмосфера. Хозяева и гости дорожили добрым именем. В то же время у каждого из завсегдатаев этих гостиных был свой предмет обожания. Любое движение молодой симпатичной женщины толковалось часто произвольно, в пользу того или иного воздыхателя. На этих встречах приходилось вести себя благоразумно и осторожно. Никто не смог бы упрекнуть Елену Андреевну в кокетстве. В то же время, как она признавалась в письме сестре Екатерине, «нет души в целом Питере, которая бы была мне близка»[49].

В одной из петербургских гостиных она случайно познакомилась с человеком, определившим ее литературную судьбу, — с Осипом Сенковским, который открыл ей страницы «Библиотеки для чтения», но «расчеты и поступки которого были черны», а «деспотизм превышал ее терпение»[50]. Она отдала в его журнал компиляцию из романа Бульвер-Литтона «Годольфин». В 1837 году там же появилась ее первая собственная повесть «Идеал» под псевдонимом Зенеида Р-ва, а затем в 1838 году повесть из калмыцкой жизни «Утбалла» и кавказская повесть «Джеллаледдин». Вслед за этими произведениями Осип Сенковский опубликовал одну за другой ее повести «Медальон», «Суд света» и «Теофания Аббиаджио». Последняя повесть вызвала восторженные отзывы критики и принесла ей всероссийскую известность. В. Г. Белинский писал о ней: «Между русскими писательницами нет ни одной, которая достигла бы такой высоты творчества и идеи и которая в то же время до такой степени отразила бы в своих сочинениях все недостатки, свойственные русским женщинам писательницам, как Зенеида Р-ва. <…> Итак, основная мысль, источник вдохновения и заветное слово поэзии Зенеиды Р-вой есть апология женщины и протест против мужчины <…>. Но к чести ее надо сказать, что она глубоко понимала униженное положение женщины в обществе и глубоко скорбела о нем. Но она не видела связи между этим униженным положением женщины и ее способностью находить в любви весь смысл жизни»[51].

Сколько услышала Елена Андреевна оскорблений, сплетен и

пересудов по поводу сотрудничества с редактором «Библиотеки для чтения». Молва выставляла Елену Андреевну чуть ли не за черту семейного круга, назвав женщиной эмансипированной и распущенной. Своим независимым поведением она словно давала повод отождествлять ею написанное с ее личной жизнью. Богатую пищу для досужих вымыслов, например, предоставила повесть «Суд света»: «Шатался по свету без пользы для себя и для других; встретил женщину, бросил беззаветно к ногам ее все свое бытие и потом, когда она отвергла непрошеный и ненужный ей дар, напал на нее, беззащитную, истерзал ее, запятнал честь мужа, распорядился самовольно жизнью ближнего и своей собственною…»[52] Быть может, в этом отрывке из повести в какой-то мере сказалась реакция молодой замужней женщины на всяческие хулы в ее адрес. Известно, что в списках ходили посвященные ей скабрезные стихотворные послания. Приложил руку к подобным эпистолам и младший брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич, пустивший в публику ернический мадригал, написанный в отместку за то, что Елена Андреевна отвергла его домогательства[53]. Однако в большинстве своем творческие люди отнеслись к Елене Андреевне с пониманием. Так, И. С. Тургенев высказывался о Ган с большим уважением и написал в 1852 году:

«В этой женщине были действительно и горячее русское сердце, и опыт жизни женской, и страстность убеждений — и не отказала ей природа в тех „простых и сладких“ звуках, в которых счастливо выражается внутренняя жизнь»[54].

В «Отечественных записках» А. А. Краевского незадолго до смерти Е. А. Ган была опубликована ее повесть «Напрасный дар». Первая часть повести вышла при ее жизни, а вторая появилась в посмертном собрании сочинений. Написанные в 1842 году повесть «Любонька» и новелла «Ложа в одесской опере» были опубликованы уже после ее смерти. Всего за свою короткую жизнь Е. А. Ган написала одиннадцать произведений[55].

Наступившее пыльное и жаркое лето разлучило Елену Андреевну с Петербургом. Получивший новое назначение в Астрахань ее отец Андрей Михайлович Фадеев забрал ее с детьми с собой. Однако петербургский духовный заряд сохранялся в ней долго, слишком долго, вплоть до самой смерти, поддерживая скудеющие силы и интерес к жизни.

Глава четвертая. СМЕРТЬ МАТЕРИ

В Одессе они жили наездами начиная с 1835 года. Впервые Лёля оказалась в этом городе совсем маленькой. Здесь 29 апреля 1835 года родилась ее сестра Вера — будущая известная детская

писательница Вера Петровна Желиховская. Последний раз Елена Ган приехала в Одессу с тремя детьми и гувернантками ранней весной 1842 года. Она редко оставалась на одном месте: то ездила вслед за своим мужем по дальним гарнизонам, то останавливалась, чтобы передохнуть от кочевой жизни, у родителей, там, где служил ее отец — Андрей Михайлович Фадеев, либо в Екатеринославе, где А. М. Фадеев был управляющим конторой иностранных поселенцев, либо в Одессе, где он был членом Комитета иностранных поселенцев южного края России, либо в Астрахани, куда его направили главным попечителем кочующих народов. В родительском доме она хотя бы на время спасалась от пошлости гарнизонного быта. И наконец, незадолго до маминой смерти дед Лёли получил серьезное повышение по службе — был переведен в Саратов управляющим палатою государственных имуществ и там же вскоре назначен гражданским губернатором. Карьера деда шла по возрастающей линии[56].

Весна была необычно жаркой, а лето — сухим и душным.

У Лёли самой постоянно першило в горле, и какая-то тяжесть внутри не давала вздохнуть полной грудью. Они жили на квартире у друзей бабушки. Квартира располагалась в особняке и была с отдельным входом. Их временное жилище отличалось роскошной, почти царской меблировкой в стиле рококо. В двух комнатах стояли «кудрявые» столы на приплясывающих ножках и шкаф с волнообразными ящиками, опутанный сочными стеблями бронзы. Сквозной орнамент пышных трав и чувственных извивов туманил сознание. Девочка ходила мимо этих вещей как во сне, на цыпочках. Пряные вычуры рококо дразнили воображение, перемещали из скучной действительности во вкрадчивый мир Востока, полный нежного изящества и тропической полуденной истомы. Гедонизм рококо не совмещался с ужасом положения, в котором они оказались.

Для лечения мамы требовалась особая минеральная вода. Отец направил их сюда в надежде на мамино выздоровление. Однако чудодейственная вода на этот раз не помогла, как и кумыс, которым мама опивалась до тошноты. При них неотлучно находились две гувернантки и доктор Гэно, считавшийся лучшим в городе. У доктора было лицо идиота, вечно озабоченное и кислое. Он пришепетывал и картавил. Его речь напоминала звук булькающей в кастрюле каши. Доктор относился к стеснительным и невротическим натурам. Казалось, он вот-вот непроизвольно разрыдается. Доктор ходил по комнате как малахольный, гладил ее и Веру по голове, маялся и страдал. Ему становилось невмоготу при мысли, что манипуляции, которые он совершал

над молодой, безнадежно больной женщиной, бессмысленны. Они усиливали ее страдания и окончательно изнуряли.

Елене Андреевне Ган едва исполнилось двадцать восемь лет. Она и перед смертью работала до полуночи. Проводила долгие часы за зеленой коленкоровой занавеской, отгородившей часть комнаты. Этот крошечный уголок был ее рабочим кабинетом. Где бы они ни жили, в городе или деревне, она всегда огораживала для себя небольшое пространство. Лёле и Вере туда заходить не возбранялось, но запрещалось трогать что-либо из маминых вещей. Они даже не предполагали тогда, что мама работает в поте лица, чтобы оплатить их домашних учителей и гувернанток. Состояние их было совершенно расстроенное, так что мамина писательская деятельность давала кое-какой доход. Гонорары за повести уходили на оплату жалованья англичанке мисс Джефферс, учителям, а также на покупку нужных книг для себя и для них, ее детей[57]. Елена Андреевна из последних сил пыталась сделать дочек и сына образованными людьми: «Какими-то ни было жертвами хочу, чтобы дети мои были хорошо, фундаментально хорошо образованы. А средств, кроме пера моего, — у меня нет!..»[58] Их мама дописывала свою очередную повесть, девятую по счету.

Мамины огромные черные глаза смотрели на нее, Веру и брата Леонида с невыразимой скорбью. Этот безутешный и страдающий взгляд предвещал величайшее несчастье, скорую и вечную разлуку с той, кто дал им жизнь.

От моря шел йодистый запах лазарета. С холма при вечереющем небе оно напоминало огромную, тщательно отполированную плиту серого мрамора. Лодки рыбаков смотрелись на этой светлой поверхности черными, как расплывшаяся тушь, пятнами.

Лёля знала за мамой одну неприятную черту — воспламеняться от неожиданной идеи, погружаться в пучину творческого вдохновения и забывать обо всем на свете. Материнское безразличное отношение к ней, ее старшей дочери, расстраивало до слез. Большей частью она находилась под опекой ординарцев отца. Она страдала от того, что не была способна заинтересовать маму своей личностью. Чего только она не делала, чтобы привлечь ее внимание: строила из себя взрослую светскую даму, раздражая маму бонтонными фразами, ходила на голове, капризничала, беспрестанно меняла расположение духа. Все было бесполезно. В итоге Лёля отводила душу на маленькой Вере. Но все равно тоска не переставала ее преследовать. Ей казалось, что она одна, вечно одна. Эти приступы тяжелой

душевной депрессии, которые сопровождали ее всю жизнь, достались в наследство от матери, которая напряженной умственной работой, писательством своим пыталась подавить те же самые чувства отчаяния и одиночества. И каким еще другим способом она могла избавиться от постоянного недовольства окружающей средой? Из убивающей душу монотонной обыденности должен же быть какой-то выход? Лёля подсознательно, с детской непосредственностью размышляя о маме и самой себе, обнаружила подступы к освобождению от инертности жизни. Она своей детской фантазией преодолела замкнутый круг, в который загнал ее и маму кем-то установленный и, казалось бы, навечно нерушимый порядок людского общежития. Она интуитивно поняла, что существует какая-то возможность не следовать этому заведенному порядку вещей. С этого мгновения ее одиночество питалось навязчивой мыслью о неком Хранителе — величественном индусе в белом тюрбане. Взрослея, она все сильнее нуждалась в материализации этой детской фантазии.

Девочка была убеждена, что мама не любит ее, и доискивалась причины этой нелюбви. Много лет спустя она поняла, что ошибалась. Елена Андреевна любила Елену с тем же трепетным страхом за ее будущее, как Веру и Леонида. А если и уделяла всем им времени меньше, чем хотелось бы, в этом следует винить жизненные обстоятельства — необходимость ежедневным писательским трудом зарабатывать на пропитание и хорошее образование.

В характере матери были твердость и мужество патологоанатома. Она препарировала нежнейшую, эфемерную ткань сохраняемых памятью ощущений с неслыханным самообладанием.

Дочь научилась у неё фаталистическому отношению к происходящему. Не к жизни в целом, а к отдельным событиям, непосредственно ее затрагивающим. В то же время ее действия против всяких жизненных передряг и неприятностей были стремительны и победоносны. Мать, в отличие от нее, представляла романтический тип, была «причудницей», наделенной возвышенным строем мыслей. Словно сошла с неба, чтобы встать на защиту несчастных и униженных женщин. Сама же только внутренне, в душе, сопротивлялась насилию жизни, а внешне — плыла по ее течению.

Ах, мама, бедная мама! Зачем ее опять занесло в Одессу?

Лёля открыла настежь окно и встрепенулась. С

глазированной солнечным зноем улицы слышались знакомые родные голоса. Сочный баритон дедушки, дребезжащее сопрано бабушки и неокрепший голос взрослеющей тети Надежды. Словно предчувствуя трагическую развязку, мамины родители приехали из Саратова, где губернаторствовал дедушка, в Одессу. Андрей Михайлович Фадеев так вспоминает эти страшные дни: «21-го мая 1842 года я с семейством моим отправился в Одессу, через Воронеж, Курск и т. д. В Екатеринославе мы прогостили несколько дней у старушки моей матери, которую я видел уже в последний раз. Я предполагал пробыть у нее далее, но должен был поспешить с выездом, узнав об усилившейся болезни бедной моей старшей дочери Елены, которая по полученному нами известию находилась в опасности и с нетерпением ожидала нас в Одессе. Ей не столько угрожала болезнь, сколько пагубная, общепринятая тогда метода лечения кровопусканиями; такой слабой, истощенной продолжительным недугом женщине, как она, в течение двух недель пустили восемь раз кровь и поставили более ста пиявок, что, конечно, привело ее в полное изнурение. Лечил ее врач, считавшийся лучшим в городе»[59].

Лёля на всю жизнь запомнила бурю, случившуюся перед самой маминой смертью. Молния сверкала почти беспрерывно, сопровождаемая оглушительными раскатами грома. Один из электрических разрядов попал в соседний дом, разбил створчатые двери, повредил и распаял замки.

Елена Андреевна умерла 24 июня 1842 года на руках своей матери. На ее могиле установили белую мраморную колонну, обвитую мраморной розой. Надпись из двух строчек, цитаты из последнего произведения Е. А. Ган «Напрасный дар», вырезанная на колонне, звучала безнадежно: «Сила души убила жизнь… Она превращала в песни слезы и вздохи свои…»[60]

После смерти Елены Андреевны ее близкая подруга, Антония Кюльвейн, не оставила детей. Девушка по себе знала, что значит жить без матери. Ее собственная мать, дочь лютеранского священника, умерла, когда Антония была ребенком. Они проживали всей семьей в маленьком городке в Финляндии, где отец находился на русской службе. За несколько лет до смерти матери старший брат Антонии чуть было не утонул, его вытащил из воды местный рыбак. В благодарность за это спасение сына отец Антонии, оставшись вдовцом, женился на дочери рыбака. Как в сказке о Золушке, мачеха Антонии оказалась злой и коварной бабой, пыталась всеми силами уморить падчерицу. Она одевала девочку в грязные тряпки, обуви своей у девочки не было

— только башмаки младшей сестры, которые, естественно, не подходили ей по размеру. Когда же отец Антонии умер, мачеха совсем потеряла стыд. Однажды в середине суровой зимы она выгнала Антонию из дома. Девушка чудом осталась жива. Ее, замерзшую, заприметил на улице и внес к себе в дом бывший служка ее деда-пастора. К тому времени дед жил в Петербурге и служил в одной из тамошних лютеранских церквей. Ему сообщили о происшедшем событии, он приехал за внучкой и увез ее к себе. Используя связи и то обстоятельство, что Антония осталась круглой сиротой, а ее покойный отец был российским чиновником, дед записал ее на казенный счет в Екатерининский институт. Она училась настолько хорошо, что по окончании учебы ее должны были отметить высшей наградой — золотым шифром, вензелем государыни, получаемым институтками при выпуске. Однако эта награда досталась титулованной девушке, дочери умершего князя. Перед торжественной церемонией по этому случаю присутствовавший император Николай I, пытаясь хоть как-то соблюсти справедливость, предложил Антонии на выбор: либо остаться в Институте пепиньеркой, то есть готовиться в наставницы, либо получать пожизненную ежемесячную пенсию в размере 35 рублей. Антония выбрала свободную жизнь. Некоторое время она была компаньонкой у одной легкой на передок помещицы, которая использовала ее как ширму для своей греховной жизни. Понятно, что вскоре бедная сирота от нее сбежала. Приехав в Полтаву, она случайно познакомилась и в одночасье подружилась с Еленой Андреевной Ган. С тех пор они не расставались[61].

Нет необходимости говорить о том, что Антония Кюльвейн боготворила Елену Андреевну, восхищалась ее писательским даром, благородной и светлой душой. Жизнь девушки довольно тесно сплелась с жизнью семей Фадеевых, Ган и Витте. Она находилась среди них до самой своей смерти в Тифлисе в начале апреля 1850 года, пережив свою близкую подругу на восемь лет, и была похоронена на Верском кладбище, на высоком обрыве над Курой[62].

Антония оставила о себе у Веры и Лёли много добрых воспоминаний. Недаром много лет спустя Елена Петровна Блаватская, рассказывая о своей первой поездке в Индию (что, впрочем, мне представляется маловероятным), упоминает о встрече в Лахоре с неким немцем, якобы старым приятелем отца, бывшим лютеранским священником. Его фамилия, как она уверяла Олкотта, была Кюльвейн. По просьбе отца Блаватской, обеспокоенного судьбой старшей дочери, он якобы пытался разыскать ее в Индии. Таким вот своеобразным способом Елена

Петровна отдала дань памяти Антонии, во многом скрасившей их первые с Верой годы сиротства.

Они покидали Одессу. Родители Елены Андреевны забирали детей с собой в Саратов. Путешествие на этот раз оказалось потрясающе интересным, ведь рядом с ними был Андрей Михайлович Фадеев, который до своего саратовского губернаторства, находясь в Астрахани, управлял кочующими народами, в том числе и калмыками, буддистами по своей вере. Внучки называли его «большой папа» в отличие от «папы маленького», их родного отца Петра Алексеевича. Деда встречали с особым радушием на всем пути их следования в Саратов, который частично пролегал по прикаспийским степям. Как-никак он, высокопоставленный царский чиновник, делал всё, что было в его силах, для улучшения жизни калмыков и киргизов. Вероятнее всего, для Лёли это было первое осмысленное соприкосновение с буддийским миром. Ее поразило много нового в нем, чего она прежде никогда не видела. Вне всякого сомнения, непривычные образы этого мира запали в ее душу. Удивительно, что даже ее семилетняя сестра Вера запомнила из этого путешествия большое количество деталей быта калмыков. Спустя много лет она восстановила в автобиографической книге «Мое отрочество» весь антураж приема семьи Фадеевых гостеприимным калмыцким князем: «…белая тонкая скатерть была разостлана без стола, прямо на полу поверх ковров. На ней были вместо тарелок расставлены пестрые глубокие чашки, вроде наших полоскательных, а перед каждой чашкой был постлан маленький коврик или же просто пестрый платок и только пред некоторыми лежали подушки. На эти подушки князь Тюмень усадил старших, а мы все разместились, как пришлось»[63].

Угощение важным гостям подавали в большой богатой кибитке. Она представляла собой островерхую палатку из войлока на жердях и деревянной решетке, а внутри была обита и устлана коврами, циновками и шелковыми тканями. На калмыках, как запомнила Вера, были надеты халаты и круглые меховые шапки. Калмычки были разнаряжены в парчу, бархат и золото. На них висело столько украшений, что они с трудом поворачивали головы[64]. Бабушка девочек, Елена Павловна, по мере возможности доступно и коротко объяснила им, кто такой Будда, который, по ее словам, жил гораздо раньше Иисуса Христа, «был очень умный и добродетельный человек и проповедовал очень чистое, нравственное учение…»[65]. Для православной христианки первой половины XIX века очень даже смелое заявление. Бабушка ознакомила их с основными атрибутами

тибетского буддизма, божествами и другими предметами религиозного культа калмыков: скульптурными изображениями буддийских богов — так называемыми бурханами, молельными барабанами, или, как еще их называют, молельными мельницами, а также с «танка» (в переводе с тибетского — свиток) — живописными, выполненными клеевыми красками буддийскими иконами. Что бабушка знала, тем и поделилась с внучками. Неискренности в их семье не было. Кое-что от детей, разумеется, утаивалось, но только не то, что было связано с культурой других народов.

В Саратове у них появилась новая гувернантка-француженка мадам Каролина-Генриетта Пеккер, женщина далеко не молодая и требовательная. Она была небольшого роста, со сгорбленной фигурой, со злым выражением лица, с блестящими серыми глазками и острым носиком, на кончике которого почти всегда висела капелька, с седыми жидкими волосами, свернутыми на висках в плоские завитки[66]. К ним также приехала из Астрахани, где еще недавно служил дедушка Андрей Михайлович Фадеев, дочь их хороших знакомых, небогатых обрусевших англичан, Елизавета Яковлевна Стюарт. Лёля и Вера не должны были растерять знания, полученные от мисс Джефферс, а наоборот — укрепить их с помощью учительницы по английскому языку. Елизавета выросла в России и говорила по-русски хорошо и без акцента. Последнее обстоятельство, к сожалению, не укрепляло ее авторитет среди фадеевской прислуги. Горничные за ее спиной делали кислые рожи и говорили, что англичанка она не настоящая, а так себе. Может быть, эти пересуды дворовых людей позволили Лёле нахально утверждать, что она знает английский язык намного лучше, чем их молоденькая неопытная учительница. Эта самонадеянная позиция строптивой ученицы не раз становилась причиной ее конфликтов с миссис Стюарт[67]. Однако вовсе не с ней затеяла Лёля настоящую затяжную войну, а с мадам Пеккер. Старушка, естественно, в свою очередь и защищалась, и нападала, но молодость брала свое, и Лёля часто праздновала победу, о чем свидетельствовал ее наглый и оглушительный смех. Это противостояние, взаимные «подставы» и словесная перепалка Лёли и мадам Пеккер почти превратились в «общее место» их повседневной жизни. И все-таки развязка наступила. Терпение мадам Пеккер истощилось после одного случая, описанного честно и правдиво сестрой Лёли — Верой. Перед этим, правда, был подброшенный в постель мадам Пеккер еж и много чего другого. На этот раз у старой француженки уже не оставалось сил терпеть шутки и хамское поведение несносной девчонки. И она навсегда покинула дом Фадеевых. Вот эта

история о том, как Лёля, подкравшись у реки к прогуливавшимся по берегу мадам Пеккер и Вере, до смерти напугала их, завыв волком:

«— Ага! Испугались?.. Я нарочно подкралась… <…> Что вы так смотрите? Неужели я так вас ужасно перепугала? <…>

— Шутка, которая могла стоить мне и сестре вашей жизни!

— Жизни? <…> Кто же умирает от такого вздора? — наивно изумлялась сестра, продолжая смеяться.

— Вздор — ледяная ванна в ноябре месяце?

— В конце октября! — хладнокровно поправила Елена. — И наконец, вы ее не приняли, ледяной ванны. Зачем преувеличивать?

— Преувеличивать? В октябре? В ноябре, говорю я вам! Теперь ноябрь для всей Европы. Но, разумеется, ее здесь не знают, цивилизованную Европу! Что же может быть общего между Европой и варварскими странами, которые могут порождать таких девиц?»[68]

Очередной эксперимент над мадам Пеккер закончился плачевно. Ее стремительный отъезд в Саратов с фермы, где в то время жили сестры в семье Юлия Витте, мужа тети Кати, стал для Лёли неожиданностью. Чем объяснить это постоянное стремление Елены Петровны, проявившееся еще в детстве, подначивать людей, злить и прилюдно надсмехаться над ними — злым мизантропическим характером, нравственной глухотой или безразличием к себе подобным? К сожалению, многие из тех, кто считается великими строителями будущего и перелицовщиками людских судеб, не могли бы ни шага сделать, ни пальцем пошевелить, не обладай они в полной мере этими малопочтенными человеческими качествами и свойствами. Может быть, безразличное отношение к чувствам и мыслям других людей — необходимое условие для успешного результата экспериментирования над ними.

Тетка Елены Петровны Надежда Андреевна Фадеева в своих воспоминаниях пыталась обнаружить причины строптивого, нетерпеливого характера своей племянницы и подружки:

«Она была избалована в детстве непомерной заботливостью и услужливостью слуг и преданной любовью со стороны родственников, которые все прощали „бедному ребенку, лишенному матери“, и позже, в девичестве, ее самолюбивый характер заставил ее открыто бунтовать против принятых в обществе норм. Ее было невозможно ни подчинить проявлением притворного уважения, ни запугать общественным мнением. Она ездила верхом <…> с десятилетнего возраста, на любой казацкой лошади в мужском седле! Она не кланялась ни перед

кем, так же как не подчинялась предрассудкам или общепринятым нормам. Она оспаривала все и вся»[69].

Вера Петровна соглашается с Надеждой Андреевной, но в книге «Мое отрочество» акцентирует внимание на добрых началах в личности старшей сестры, в том числе отмечает присутствие в ней чувства сострадания к сирым и убогим: «Она умела подмечать слабости человеческие и дурные свойства, но никогда не смеялась над несчастием, над уродством физическим. Она, напротив, обиженным всегда бывала готова помочь, а своих обид никогда не помнила. Невозможно было быть менее злопамятной, чем она, и прощать искренне всех своих недругов. Эта прекрасная черта всю жизнь ее отмечала»[70]. В старости Елена Петровна Блаватская, представляю себе, с большим удовольствием вспоминала слова мадам Пеккер о цивилизованной Европе и варварской России. Ведь она сумела эту Европу, а заодно и Америку уложить на обе лопатки. И заметьте, с применением только одного оружия — силы своего характера.

Судьбы старенькой Каролины-Генриетты Пеккер и ее мужа сложились самым плачевным образом. Они оба умерли от холеры в Саратове в 1847 году. В тот же год, весною, все жившие в Саратове Фадеевы, Ганы и Витте уехали к дедушке в Тифлис на постоянное место жительства. И уже в этом замечательном городе сестры Лёля и Вера, а также их тетя-подружка Надежда получили посылку от их гувернантки француженки. «Там оказались великолепно переписанные мастерским почерком Каролины-Генриетты Пеккер все нравившиеся песни, баллады и юмористические куплеты, которые она бывало распевала своим дребезжащим голоском. То был ее посмертный подарок, — знак того, что она искренне простила своим непокорным, насмешливым ученицам и не забывала о них. Подарок этот очень растрогал Надю и Лёлю, а у меня часть его и доныне в сохранности», — подытоживает свой рассказ о мадам Пеккер Вера Петровна Желиховская[71].

Глава пятая. ФАНТАСМАГОРИИ, ФАНТАЗИИ, НЕВИДАННЫЕ ЧУДЕСА

Над морем стояла радуга. Ее нижний край был розовый, середина золотистая, а верхний край темно-оранжевый. Зрелище восхитительное и волшебное. Других радуг, как сказала ей бабушка, вообще не бывает. После смерти мамы девочка ощутила в себе какое-то раздвоение личности, а точнее — расщепление собственной души и сознания. С одной стороны, она была убита горем, а с другой — словно повернулась спиной к чудовищной реальности смерти, чтобы не быть сокрушенной тяжелым, невыносимым сиротством.

Во времена своего отрочества Елена Петровна с трудом переносила это раздвоение. Ее изматывало присутствие в душе кого-то постороннего, без всякой учтивости, настырно влезающего в любой ее разговор со своими высокопарными словами, заставляющего ее вести себя в соответствии с его волей, перекраивающего ее натуру по своему усмотрению и капризу. Этот невидимый для окружающих «некто» преображал ее изнутри до неузнаваемости, менял до такой степени, что она уже не воспринимала себя Лёлинькой, взбалмошной Лоло, а с ужасом ощущала кем-то еще, совершенно неизвестной ей личностью, которая была к тому же наделена по отношению к другим людям непомерными амбициями и серьезными претензиями. Она, спасаясь от этого наваждения, впадала в сон или в транс, долгий или кратковременный.

После пробуждения Лёля едва вспоминала кое-какие обрывки этого сна, мучилась головной болью и чувствовала себя совершенно разбитой.

С годами Елена Петровна все больше и больше укреплялась в духовном отщепенстве, свыклась с ним и ждала нового транса с необыкновенным воодушевлением. Она более детально запоминала происходящее с ее второй натурой и искренне Удивлялась тому, что получила возможность без особых затруднений передвигаться во времени и пространстве. Этой невообразимой свободе она была всецело обязана, как впоследствии настаивала Елена Петровна, своим Учителям, «иерофантам», «иерархам света». Во взрослые годы она, основываясь на опыте подобных, постоянно переживаемых ею психических состояний, разработала теорию двойников.

В таком потустороннем состоянии она позволяла себе говорить и делать что угодно. Однако совсем не в этом

заключалась ценность благоприобретенного дара. Действительный смысл был в том, что свои рассуждения, казавшиеся некоторым людям бессвязными и самонадеянными, она не из пальца высасывала, а выводила из сопоставления картин прошлого и будущего. Панорама дня вчерашнего и дня будущего разворачивалась перед ней без всякого принуждения, стоило ей только впасть в эту своеобразную летаргию. И все же ее провидческие экстазы не были легкими, они отнимали у нее здоровье, преждевременно старили.

Потом Елена Петровна осознала, что провидение будущего и воспоминания о далеком прошлом являются способностью памяти ее предков, которую она от них унаследовала. Как сейчас сказали бы, способностью генетической памяти, по разным причинам у Елены Петровны чрезвычайно обострившейся и ставшей объемной.

Разумеется, эти провидческие всплески ее сознания не занимали каждого мига ее неприкаянной жизни. Она жила преимущественно мгновением, сумбурной жизнью авантюристки. Ей приходилось выживать с помощью сомнительных средств и не задумываться о последствиях некоторых своих необдуманных решений и поступков. В то же время она переломила себя в главном, заставив жить не по любви, а в соответствии с идеями и поставленными целями. На склоне лет она почти утеряла способность понимать обыкновенную жизнь, отчего нередко впадала в тяжелую депрессию, никого не хотела видеть и неделями не выходила из своего дома в Лондоне.

Она, не думая уже о необходимости зарабатывать себе на хлеб насущный, пыталась превратить долгий сон в психотерапевтическое средство. Однако новые страшные видения и кошмары настолько ее ошеломляли, что, придя в себя, она едва слышно произносила пересохшим ртом малозначительные слова и долго после этого мучилась бессонницей. Следствием такого нервного перенапряжения стал для нее сахарный диабет.

Перед погружением в сон ее часто мучил набирающий силу скрежещущий звук, словно купол неба вдруг стал железным и, раскачиваясь, задевал и царапал землю. Казалось, началось светопреставление. Кали-юга — черная эпоха приходила к своему завершению, как сказали бы индусы. А затем снова рождалось солнце нового «золотого века». Один мировой цикл сменялся другим, и появлялись новые земля и небо.

Все развивается циклично, возвращается в конце концов на круги своя.

Согласно представлениям индусов, установился на земле

Черный век, Кали-юга. Век ужасный, при котором земля под ногами человека — шаткая и затягивает в себя, как трясина, а путь, по которому идет человек за своим бессмертием, освобождаясь от тяготения сансары, — одно бездорожье и ведет в никуда. Человек шарахается на этом пути из стороны в сторону, то налево, то направо. А стоять твердо посередке мало кто из людей умеет и хочет.

Она во сне видела тупые и сытые лица палачей, методично забивающих людей, как скот на бойне. Елена Петровна чувствовала, как седеет — ее золотистые, в мелких кудряшках волосы превращались в извивающихся серебристых змеек. На поверку получалось что-то совсем противоположное ее мечтаниям. Упорное подстегивание людей ко всеобщему счастью дало не то чтобы убогий, а совершенно отвратительный результат.

Блаватская узнала правду — в подготовке всемирной бойни было ее подспудное участие, ее идейное благословение. Ей стало невыносимо страшно в своем провидческом сне. Она бежала в отчаянии мимо просторных загонов, в которых находились, ожидая смерти, истощенные, сбившиеся в огромные толпы люди, мимо вырубленных садов и разрушенных церквей. Она бежала со всех сил обратно, в свое время. Она ныряла в мертвые воды Стикса с единственной надеждой — избавиться навсегда от сострадания и от любви к людям. В этой маслянистой, со свинцовым отсветом, воде забвения находились ответы на все вопросы ее многострадальной жизни.

Личная жизнь не удалась Елене Петровне. С детских лет она была поражена силой страстной и высокой любви к никому не известному индийцу в белых одеждах. Она часто думала о нем и представляла его то разряженным с восточной роскошью принцем, то скромным монахом. Образ «Учителя» не зависел от силы ее воображения, как она себя убедила, он присутствовал в ней изначально, был присущ только ей, как тембр голоса или как ярко-синие, с желтыми искорками глаза.

Она приходила в неистовый священный гнев, когда кто-то пытался усомниться в его существовании или представлял мнимой его мудрость. Она разносила из страны в страну весть о своем «Учителе» и его друзьях с такой настойчивостью, словно делилась со всем миром несказанной радостью, переполнявшей ее сердце.

Из чувства сиротства и одиночества родилась ее первая и единственная любовь. В каком-то смысле это была любовь к самой себе — заброшенной взрослыми, взбалмошной девочке,

которую домашние называли Лёлей или Лоло, а чужие — Еленой.

Блаватская любила уединение, и в то же время ее прельщала многолюдность, в которой она чувствовала и вела себя, как акула среди мелких рыбешек. Она постоянно пребывала в смятенном расположении духа и на одни и те же вещи в зависимости от настроения и меняющихся привязанностей смотрела по-разному. Минутное и иногда безотчетное побуждение заставляло ее поступать не так, как ей хотелось бы. И все же Елене Петровне, испытавшей измены и разочарования в людях, были чужды злоба, недоверчивость и мстительность. Ей зачастую приходилось прибегать к притворству и показной скромности: а как еще ей было защитить себя от низости и коварства ничтожных людей? В устных рассказах самой Блаватской вообще нет никаких упоминаний о первой поездке их семьи на Северный Кавказ, в Кисловодск — известный курорт того, как, впрочем, и нынешнего, времени, где ее мать Елена Андреевна пыталась поправить свое здоровье.

Сестра Блаватской с благодарностью описывает жизнь у бабушки и дедушки, их гостеприимный дом в Саратове. Кроме них в этом доме жили мамины сестры Надежда и Екатерина, которая вскоре вышла замуж за Юлия Витте.

Вот что пишет Вера Петровна:

«Теперь надо еще сказать, что бабушку мы всегда называли бабочкой, почему — сама не знаю… Вероятно, объяснение этому прозванию находилось в том, что бабушка, очень умная, ученая женщина, между прочими многими своими занятиями любила собирать коллекции бабочек, знала все их названия и нас учила ловить их. Оба они, и дедушка, и бабушка ничего на жалели, чтобы тешить и забавлять нас. У нас всегда было множество игрушек и кукол; нас беспрестанно возили кататься, водили гулять, дарили нам книжки с картинками. <…> Дом дедушки, который я ночью приняла за фонарь, был в самом деле большой дом, с высокими лестницами и длинными коридорами. В нижнем этаже жил сам дедушка и помещалась его канцелярия. В самом верхнем были спальни: и бабушки, и тетины (Екатерины Андреевны и Надежды Андреевны. — А. С.), и наши. В среднем же почти никто не спал; там все были приемные комнаты, — зала, гостиная, диванная, фортепьянная»[72]. Важная деталь: в их длинной, невысокой детской не было другого света, кроме яркого огня в печи. Печь была широкая, русская, украшенная изразцами и с большой лежанкой. Распластавшись на этой печи, Лёля и Вера очень любили слушать сказки, которые им рассказывала крепостная няня, бабушка Настя. Так и представляешь комнату с

таинственными, скачущими в такт пламени тенями на стенах и потолке. Не бессмысленные и случайные тени, а диковинные арабески, сложенные из загадочных, но имеющих объяснение фигур и экзотических черно-белых цветов и листьев, которые непостоянны, недолговечны и от которых невозможно оторвать взгляда, как и от горящих и неожиданно стреляющих в печном зеве поленьев. При этой игре света и тени вся комната наполняется колеблющимися лицами и фигурами, беспрестанно меняющимися и оттесняющими друг друга.

В унисон этому слаженному хору огня и теней звучит хрипловатый, устрашающий голос няни, бабушки Насти, воспитавшей два поколения Фадеевых и рассказывающей им, детям, сказку о злой ведьме и Иванушке. Крепостная женщина, бабушка Настя в общении с Лёлей и Верой исходила из гуманного педагогического принципа, что детей надо брать лаской и уговором, но ни в коем случае нельзя их воспитывать подзатыльниками, пинками и шлепками.

Огонь помаленьку догорает, и в его багровых отблесках комната кажется огромной. Наконец наступает обволакивающая темнота. Не видать ни зги. Глаза пытаются нащупать в темноте лица и предметы — темно-синяя стена мрака. Тогда зрение устремляется вовнутрь, а как только чуть-чуть развиднеется, очертания неведомого мира проступают за слабой серой дымкой «посюстороннего».

Так открываются духовные очи. Они, только они способны различить и понять заветнейшие мысли, сокровенные тайны и глубокие чувствования.

Елене Петровне было недостаточно реальной, обыденной жизни, потому-то своим буйным воображением она творила, противопоставляя скучному существованию жизнь иную — затаенную, таинственную, загадочную. Эта непохожая ни на что жизнь уподоблялась ее снам, в которых часто возникали картины предыстории человечества. Иногда она слышала рев давным-давно исчезнувших с земной поверхности животных. Звездное небо над ее головой было незнакомым и неузнаваемым, так же как и шумы и шорохи таящей опасности ночи. Она, напуганная этими видениями, открывала глаза, прочувствованное и увиденное ею во время сна не исчезало без всякого следа, а частично, обрывками оставалось в реальности, просачивалось, как кровь, сквозь бинты здравого смысла и эмпирического опыта, которыми ее плотно обматывали, пеленали чуть ли не с самого рождения.

Она искренне уверовала, что без этих знаков потустороннего,

этих отсветов прошлого ее собственная жизнь окажется неизжитой, будет провалом в несущемся куда-то пространстве. К тому же с детских лет она была подвержена необыкновенным галлюцинациям. Она умела, впадая в транс, в течение долгого времени видеть наяву то, что для большинства людей тут же растворяется в воздухе. Уже в Америке эта нервная болезнь окончательно определилась и диагностировалась как эпилептическая аура. Врачам известно, что заболевшие этой болезнью люди часто слышат какой-то невидимый голос и видят какие-то предметы. Этим заболеванием страдали как выдающиеся мужчины, так и женщины. Например, Елена Ивановна Рерих. Будем сострадательны к двум Еленам, понимая, что любой прорыв в запредельное почти всегда сопрягается с какой-то аномалией в психике человека.

Сколько раз взрослые находили ее дрожащей и до смерти напуганной в каком-нибудь углу просторного саратовского дома. Никто из них не мог себе представить, что она буквально за минуту до своего обнаружения видела перед собой что-то невообразимо жуткое и зловещее.

К тому же она обладала фантазией неистощимой выдумщицы, и эта ее способность завираться до неприличия с годами развилась еще больше.

Вера вспоминает сестру Лёлю шалуньей, насмешницей и хохотушкой, чрезвычайно любопытной ко всему, что было непонятно и скрыто от ее внимательных и цепких глаз. Однажды сразу после причастия Лёля неприятно поразила близких какой-то неуемной бесшабашной веселостью. «„А ты-то, Лёля, большая девочка, только что от исповеди и громче всех хохочешь! Не стыдно ли?“ — пыталась ее урезонить мама»[73]. Еще более странные веши проявились во взаимоотношениях старшей сестры с младшими детьми. Свою вину она запросто могла переложить на другого, не из страха быть изобличенной в чем-то нехорошем, а исключительно ради куража, ради потехи и упрямства. Так, находясь на даче под Саратовом, она камнем случайно, играя, убила гусенка, который принадлежал живущей по соседству сторожихе, и тут же свалила это бессмысленное убийство на младшую сестру[74].

Лёля была нестандартным ребенком. Самолюбивая и гордая, она пыталась первенствовать всегда и во всем, чего бы ей это ни стоило. Максималистка, она искренне хотела, чтобы мир вокруг нее был совершенен.

«— Гадкая птица ворона! Я ее не люблю, — сказала Лёля бабушке.

— Чем же она гадкая?

— Некрасивая, неуклюжая, черная, толстая. А как захочет запеть, так противно каркает.

— Чем же она виновата, что ее Бог такою сотворил? — сказала бабушка. — Значит, ты всех некрасивых не любишь? Вот и я тоже толстая, неуклюжая и петь не умею, так ты и меня за это не будешь любить?

— Ну, вот еще, бабочка! Что это вы говорите? — сконфуженно пробормотала Лёля, вся покраснев…»[75]

Ничего удивительного, что в семье ее не то что недолюбливали, а держались с ней настороже, ожидая какого-нибудь подвоха.

У Блаватской с детства не прекращались конфликты со взрослыми. Она хотела поступать по-своему — они требовали от нее послушания. Взрослые ее раздражали. Екатерина Андреевна, ее тетя, на плечи которой легла забота о детях ее старшей сестры, одно время изрядно баловала Лёлю. Понимая, что ей многое позволяется, девочка совсем отбилась от рук. Тетя Катя пыталась исправить огрехи своего воспитания, но было уже поздно. «Другие в твои годы сами помогают родным в воспитании младших детей. А ты только усложняешь и отравляешь мне жизнь своим безрассудством!»[76] — укоряла ее тетя Катя. Однако на Лёлю мало действовали подобные взывания к ее совести. Она злилась, когда кто-то пытался поставить ее на место. Ей представлялось, что ее свободе приходит конец, и она впадала в панику.

В эти тягостные для нее минуты Лёля обращалась за помощью к таинственному незнакомцу (ангелу-хранителю?), которого она одна ощущала горячей, неискушенной душой и сердцем и о существовании которого никто вокруг нее до определенного времени не догадывался. Она любила его одного так сильно и глубоко, как любят только идеал или неосуществимую мечту.

С членами семьи у Лёли возникали бесконечные конфликты, будто они общались на разных языках. Она часто выходила из себя и сгоряча наговаривала невесть что на любящих ее людей. Эта импульсивность характера передалась от матери: для них обеих творческий мир был несравненно выше всего остального. Так, любая критика в ее адрес или обычное несогласие с ее взглядами воспринимались Блаватской с неслыханной обидой, вызывали негодование, иронию и сарказм в отношении тех, от кого эти замечания исходили. Вместе с тем, как вспоминает сестра Вера, она была «в сущности предобрая, а только своевольна и насмешлива до крайности»[77]. Мать и дочь жили по особым меркам. Думается, что втайне они относили себя к

аристократкам духа. Мать и дочь по-настоящему волновала одна мысль, которую они не решились бы произнести вслух, — найдут ли их произведения свое место в России будущего?

Отец также боготворил и баловал свою любимицу — старшую дочь. Петр Алексеевич позволял ей делать, что вздумается. И девочка словно сорвалась с привязи, стала заносчивой и дерзкой. При неблагоприятном стечении обстоятельств такая вседозволенность обязательно принесла бы совсем горькие плоды, не будь бабушки Елены Павловны, которая старалась обуздать капризный и своенравный характер внучки.

А бабушка Блаватской за свои выдающиеся качества пользовалась в Тифлисе прекрасной репутацией и уважением. «Невзирая на то, что сама ни у кого не бывала, весь город являлся к ней на поклон»[78], — вспоминала о ней Мария Григорьевна Ермолова, у которой муж был губернатором в Тифлисе в сороковых годах XIX столетия. Труженица, она и детей своих приучила не бить баклуши, всех поставила на ноги. Сын Елены Павловны, Ростислав Андреевич Фадеев, впоследствии артиллерийский генерал, был видным деятелем в славянских землях и известным военным писателем 70–80-х годов XIX века. Образованный и остроумный, он неудержимо привлекал к себе людей. В дяде Ростиславе, да еще в сестре Вере, а в более поздние годы и в ее детях, Елена Петровна очень нуждалась. Только они питали и поддерживали ее героическое и романтическое жизнелюбие. Ее любовь к миру, всеохватная и грандиозная, утверждалась большей частью в отстраненности от каких-либо личных привязанностей. Только родные составляли исключение.

Для понимания психологии Елены Петровны и ее матери весьма существен один момент: их как бы одновременное пребывание в двух реальностях — художественной и повседневной, бытовой.

Для матери такая двойственность положения обернулась трагедией. В повести «Идеал» героиня видит выход из сложившейся ситуации в вере и приобщении к Богу: «…я постигла, наконец, что если женщина по злой прихоти рока или по воле, непостижимой для нас, получает характер, не сходный с нравами, господствующими в нашем свете, пламенное воображение и сердце, жадное любви, то напрасно станет она искать вокруг себя взаимности или цели существования, достойной себя. Ничто не наполнит пустоты ее бытия, и она истомится бесплодным старанием привязаться к чему-нибудь в мире. Неземные привязанности могут удовлетворить ее жажду. Ее любовью должен быть Спаситель, ее целью — небеса»[79].

Для самой Блаватской этот путь — заведомо тупиковый, она

не уповает на милосердие Божие. Церковное христианство, как она позднее полагала, не способно более управлять человеческой совестью. Этот отход от церкви произошел, разумеется, не в детские и отроческие годы Елены Петровны, а значительно позднее, в годы ее странствий по миру. И все-таки зерна бунта против христианской веры появились тогда, в конце сороковых годов, и были порождены одной из малоприятных черт ее характера — своеволием.

Вот почему Блаватская нередко позволяла себе кощунствовать, юродствовать и лукавить. По воспоминаниям сестры, она еще с детства примеряла роль сокрушительницы привычных духовных устоев, используя для этого «красноречивую откровенность»[80]. Вне христианства Блаватская жила авантюристически вольготно, а последние шестнадцать лет своей жизни всецело увлеклась конкретным делом: оформляла свои мистические прозрения в определенную организацию, в новую церковь — Теософическое общество. Поэтому не стоит, читая ее письма соотечественникам или работы, в которых есть упоминание о христианстве, выковыривать из них, как изюм из сдобной булки, христианские максимы. Не была Елена Петровна Блаватская христианкой! Как это ни печально. Уже с середины 60-х ее потянуло в мир совершенно других духовных ценностей.

С ранних лет Блаватская стремилась к духовному и умственному общению — наиценнейшему дару русского человека. По ряду причин сугубо семейного, личного характера такое общение постепенно вырождалось в демонстрацию ее оккультных способностей. Последовательница учения Блаватской, известная русская теософка Е. Ф. Писарева, основываясь на воспоминаниях В. П. Желиховской, которые относятся к детству Елены Петровны, была убеждена в том, что «Блаватская обладала ясновидением; невидимый для обыкновенных людей астральный мир был для нее открыт, и она жила наяву двойной жизнью: общей для всех физической и видимой только для нее одной! Кроме того, она должна была обладать сильно выраженными психометрическими способностями, о которых в те времена на Западе не имели никакого представления. Когда она, сидя на спине белого тюленя и поглаживая его шерсть (в зоологическом музее Е. П. Фадеевой в Саратове. — А. С.), рассказывала детям своей семьи о его похождениях, никто не мог подозревать, что этого ее прикосновения было достаточно, чтобы перед астральным зрением девочки развернулся целый свиток картин природы, с которыми некогда была связана жизнь этого тюленя.

Все думали, что она черпает эти увлекательные рассказы из

своего воображения, а в действительности перед ней раскрывались страницы из незримой летописи природы»[81].

Многие волшебные и чудесные истории из жизни Блаватской дошли до нас в меньшей степени из рассказов очевидцев — ее сестры Веры и тети Надежды, а в значительно большей степени — от двух соратников Елены Петровны по теософской деятельности: американца Генри Стила Олкотта[82] и англичанина Альфреда Перси Синнетта[83]. Понятно, что Блаватская, создавая Теософическое общество и утверждая в нем свой культ, эти рассказы им сама и озвучивала, когда находилась в приятном расположении духа и в приподнятом настроении. В хорошей компании, при заинтересованных слушателях она часто давала необузданную волю собственной фантазии. А потом уже эти мифы стали кочевать из одной теософской книги в другую. В историю тюленя еще можно было бы поверить, в ней нет ничего сверхъестественного, а вот во многие другие, например, связанные с духом Теклы Лебендорф из Норвегии, под диктовку которой девочка Лёля записывала сообщения с того света, и ее сумасшедшим, живущим в Берлине сыном — увольте! Еще к этому добавим, что племянник Теклы Лебендорф находился рядом с Лёлей, он служил в полку ее отца. Но так или иначе подобные свидетельства оккультных способностей Елены Петровны Блаватской, изложенные Синнеттом и опубликованные при жизни основательницы теософии в 1886 году, переносят нас в ее мифологизированное детство. Ведь у великих и святых людей их сверхъестественная одаренность, как полагают агиографы, проявляется чуть ли не с пеленок. И с этим заявлением приходится считаться.

В общении Блаватской с природой и людьми соседствовали детская наивность и определенный расчет: она любила подурачиться, однако все свои проделки и проказы пыталась объяснить серьезными причинами.

И это качество она унаследовала от отца: Петр Алексеевич мог обескуражить человека каким-нибудь ехидным замечанием или ироническим поворотом мысли.

Лёля была храброй до безрассудства, и в то же время ее нередко охватывал безотчетный страх. Может быть, этот страх был порождением ее галлюцинаций? Ее часто преследовали, как она признавалась, ужасные, светящиеся глаза. Она шарахалась подчас от неживых предметов, уверенная в том, что это недобрые «привидения», которые способны причинять вред. Она забалтывала детей невероятными историями, преподнося их таким образом, словно была в них главным действующим лицом.

Она произвольно творила мир, словно держала перед глазами калейдоскоп и встряхивала разноцветные битые стеклышки — получались волшебные, завораживающие узоры.

Ей никогда не приходило в голову, что участниками этих удивительных и смелых фантасмагорий были не куклы, а живые люди. Но чего не сделаешь, на что не пойдешь ради общения с неизведанным!

Дед Андрей Михайлович и бабушка Елена Павловна после смерти дочери привезли сирот, двух внучек и внука, к себе в Саратов, в губернаторский дом.

Настоящие приключения между тем ждали детей не в саратовской резиденции губернатора, а в загородном доме, в одной из так называемых двух дач, куда семья Фадеевых перебиралась ближе к лету. «Дом был старинный, каменный, с расписными потолками в цветах и амурах; с двумя балконами, опиравшимися на толстые колонны, с густым сиреневым палисадником. Один балкон спускался в него боковыми ступеньками; другой, побольше, выходил к трем густым липовым аллеям, которыми начиналась роща. Невдалеке аллеи эти перерезывал провал, все увеличивавшийся от дождей и превращавшийся далее, влево, в глубокий овраг, приводивший к Волге»[84] — так Вера Петровна Желиховская описывает большой летний губернаторский дом, находящийся на опушке леса, практически на окраине города. Более подробно она описывает этот дом, оставивший в ее памяти незабываемое впечатление, во второй книге своих воспоминаний «Мое отрочество». Такое ощущение, что его она видит глазами старшей сестры: «…в одной из зал было чудное эхо, а на потолке была нарисована красивая женщина, вся в цветах, которая, как я подозревала, сама откликалась на мой голос. Это был действительно огромный дом, где несмотря на вечную сутолоку гостей все же много комнат, в особенности в верхнем этаже, оставались незанятыми. А уж о его подвальном этаже ходили целые легенды: о несчастных, которых кто-то когда-то будто бы морил голодом, мучил пытками в этих маленьких темных комнатах на сводах, о том, что и поныне слышны по ночам их плач и стоны и что многие ведали там привидения и разные страхи»[85].

Это громадное здание настолько много значило в их детстве и отрочестве, что сестра Елены Петровны пытается вновь и вновь восстановить в памяти все его архитектурные особенности. Это был роскошный барский дом «с подземными галереями, давно покинутыми ходами, башнями и укромными уголками. Это был скорее полуразрушенный средневековый замок, чем дом

постройки прошлого века. Нам было разрешено в сопровождении слуг обследовать эти старые „катакомбы“. Мы в них нашли больше битого бутылочного стекла, чем костей, и больше паучьих сетей, чем железных цепей, но в каждой тени, отраженной на стене, нашему воображению чудились какие-то духи. Однако Елена не ограничивалась одним-двумя посещениями, оказалось, что это страшное место она сделала своим убежищем, где укрывалась от учебных занятий. Много времени прошло, пока это убежище не было обнаружено. Каждый раз, когда Елена исчезала, на поиски ее посылали большую группу прислуги во главе с тем или иным „жандармом“, человеком, который не побоялся бы выловить ее силой. Из сломанных столов и стульев она соорудила в углу, под окном, закрытым решеткой, некое подобие башни. Там она долго пряталась, читая книгу с разными легендами, которая называлась „Мудрость Соломона“. Раза два ее лишь с большим трудом удалось найти где-то в сыром коридоре, так как, стараясь избежать погони, она зашла в лабиринт и там заблудилась. Но это ничуть не испугало ее, ибо она утверждала, что никогда не бывала там одна, а всегда в обществе своего „маленького горбуна“ — ее товарища по играм. Она была сверх меры нервной и чувствительной, во сне громко говорила и часто ходила во сне. Случалось, что ее находили ночью, крепко спящей в далеких от дома местах, и когда ее уносили наверх в ее комнату, то она при этом не просыпалась. Однажды, когда ей было двенадцать лет, ее нашли в таком состоянии в одном из подземных коридоров, разговаривающей с каким-то невидимым существом. Лёля была совершенно необыкновенной девочкой, по природе двойственной: с одной стороны — боевой, озорной, упрямой, с другой же стороны — мистически настроенной, со стремлением ко всему метафизическому. Ни один мальчишка школьного возраста не был таким озорным, совершающим самые невероятные проказы, какой была Лёля. Но когда кончались шалости, ни один ученый не мог быть более прилежным в своих занятиях. Ее нельзя было оторвать от книг, которые она глотала днем и ночью. Казалось, вся домашняя библиотека не сможет удовлетворить ее жажду знаний»[86].

Мир невидимых существ, обитавших в пределах этого дома, неудержимо привлекал девочку. Эти сливающиеся с прозрачным воздухом духи полей и лесов, прячущиеся по темным углам домовые и гномы сделались единственными ее товарищами по играм и забавам. В свой круг она еще включала вольных птиц, а также чучела различных животных, находящиеся в бабушкином музее. Голуби ворковали ей таинственные сказки. Чучела рассказывали невероятные истории из собственной жизни. В их

компании она готова была оставаться с утра и до вечера, не будь других дел. Понемногу она овладевала, как она внушала сестре Вере, колдовской силой, позволяющей слышать голоса неживых предметов: фосфоресцирующих пней, лесистых холмов, придорожных камней, деревьев, рек и озер. По вечерам она укладывала спать голубей, как это описывалось в ее любимой книге «Мудрость Соломона», и голуби на ее руках в самом деле успокаивались — затихали, словно одурманенные. Блаватская с детских лет верила в перевоплощение, как нынче говорят, в реинкарнацию. Возможно, тому способствовали русские сказки, которые рассказывала старая няня, бабушка Настя. В этих сказках люди легко и естественно превращались в зверей, становились оборотнями. Верила Лёля и в ковры-самолеты, в общение на расстоянии через волшебное зеркало, и в возрождение из мертвых с помощью живой воды. Сказки, на ее взгляд, как нельзя точно и правдиво отражали действительно происшедшие события. Другое дело, что в старину люди, которые владели магическим искусством, так называемые волшебники, встречались почти на каждом шагу, а теперь их днем с огнем не сыщешь, — делилась она своим открытием с Верой и другими детьми. Теперь же остались единицы, продолжала она, которые скрываются в каких-то укромных местах. В качестве доказательств своей правоты Лёля указывала на столетнего старца, жившего в лесном овраге неподалеку от их дачи. Как говорили люди, этот старец по прозвищу Бараний Буерак был настоящий ведун и знахарь. Он занимался врачеванием, ставя на ноги совершеннейших доходяг. Лекарством служили полевые и лесные травы, целебные свойства которых он досконально знал.

Об этом старце ходили слухи, что он умеет предсказывать будущее. Жил тайновидец скромно, в отапливаемой по-черному избушке, когда же появлялся на людях, увешанный с ног до головы роями пчел, то представлял сногсшибательное зрелище. Казалось, Бараний Буерак выучил пчелиный язык, а монотонное жужжание воспринимал как осмысленную речь.

Для Блаватской старец, как она рассказывала Синнетту, был толкователем языка птиц, животных, насекомых. Она усердно вслушивалась в его бормотание. Старец приветил девочку. Часа два-три в день Лёля проводила у него, была на побегушках: то принесет старцу воду, то отроет коренья целебных растений, то растопит печку[87].

Она присматривалась к приготовлению лекарств, запоминала, какая трава от чего лечит.

Дворня Фадеевых уверяла барышень, что старец спятил и несет бог знает что, но девочки только отмахивались; и мало-

помалу между ними и старцем установилось взаимопонимание. Он не раз предсказывал Лёле завидную судьбу: «Эта маленькая барышня совсем не такая, как вы. Ее ждет большое будущее. Жаль, что я не доживу до той поры, когда исполнятся мои предсказания, но исполнятся они непременно»[88].

Так и представляешь, что, сказав это, столетний мудрец, словно утомленный способностью прозревать будущее, прищуривал один глаз и замирал, предаваясь глубокому размышлению. Напоследок, стрельнув отуманенным глазом в сторону девочек, он делал неопределенный жест рукой, то ли на что-то их благословляя, то ли прогоняя прочь. Вскоре по прерывистому, тяжелому дыханию, очень напоминавшему храп, становилось ясно — до него уже не достучаться. Он становился слепым, глухим и неподвижным, как кусок дерева.

С помощью старца Лёля надеялась увидеть вещие сны. Но что могли дать эти сны маленькой фантазерке, которая грезила наяву и вольготно чувствовала себя в подземных таинственных галереях дома, где находились, как она рассказывала, кости доисторических чудовищ и где под наблюдением преданного ей горбуна хранились помогающий восстановить утраченную молодость бальзам, приготовленный из растертых язычков ядовитейших змей, а также дрова, нарубленные магами Востока и дарующие вечное тепло, не говоря уже о множестве других престранных волшебных вещей?

Ни сестра Вера, ни юная тетя Надежда не осмеливались ей возражать. Они боялись ее каталепсических припадков, когда она на время казалась окоченевшей. Кожа у нее становилась нечувствительной, и закатывались глазные яблоки. После одного из таких припадков она овладела, как призналась Синнетту, автоматическим письмом: способностью бессознательно фиксировать на бумаге получаемую из непонятных источников информацию. Именно такую мистическую картину своего детства в Саратове и его окрестностях представила Синнетту Блаватская.

Совершенно иначе, правдоподобнее, реалистичнее описывает, например, того же столетнего старца ее сестра Вера Петровна Желиховская: «Из дальнейших прогулок я больше всего любила поездки на гору Увек, потом в чье-то красивое имение, называвшееся Бараний Буерак, где на пасеке жил столетний старичок-пчеловод, угощавший нас огурцами со свежим сотовым медом»[89].

Без сомнения, мистический портрет старца кисти Блаватской, который предсказывает ее будущее и в знак благодарности за этот провидческий дар получает от нее прозвище по названию имения, — это нескрываемое ерничество Блаватской. Но оно

намного интереснее, чем сухая информация ее сестры. К тому же мы лишний раз по достоинству можем оценить насмешливый характер русской теософки.

Одно чрезвычайное событие, случившееся с Еленой Петровной еще в раннем детстве, как бы доказывало невидимое присутствие ее Хранителя. Именно с этого происшествия начался новый этап развития ее самосознания. Именно тогда, как она убеждала Синнетта, залегла в ее душу тяга к таинственному Востоку. Я же предполагаю, что в детстве Лёлю поразил один экзотический подарок, сделанный ее деду богатым калмыцким князем, — привезенный из Тибета халат из толстой шелковой материи[90]. Она часто видела его по утрам на деде, и этот халат давал пищу ее необузданной фантазии.

Елена Петровна вспомнила этот эпизод совершенно случайно, по привычке роясь в захламленном углу памяти, атакованная со всех сторон настырными журналистами. В то время Блаватская жила в Лондоне. Прогуливаясь по лондонской улице, а точнее, с трудом передвигая больные отекшие ноги, она наблюдала, как облезлые голуби жались к карнизам. Полуголодные птицы совсем не походили на отъевшихся голубей Соломона. Тогда-то она и вспомнила, что случилось с ней в дедушкином доме в Саратове. Все началось с того, что Блаватская решила получше рассмотреть портрет одного из предков.

Целая галерея ликов сановитых особ, их жен, сыновей и дочерей украшала лестницу, ведущую на второй этаж и в гостиную. С портретов смотрели люди из прошлых веков, ее близкие и дальние родственники. Один из портретов, висевший высоко наверху, был полностью закрыт лоскутом материи. Поставив на большой стол маленький и взгромоздив на них еще и стул, она с трудом взобралась на это нелепое сооружение. Опираясь о стену одной рукой и держась за край ткани другой, она с трудом балансировала на своем шатком помосте, но в конце концов грохнулась вниз.

Что случилось потом, она не помнила. Скорее всего, она какое-то время находилась без сознания. Придя в себя, она поняла, что лежит на полу. К ее удивлению, на ней не было ни царапины, а оба стола и стул стояли на прежних местах. О том же, что она действительно пыталась сорвать с портрета покрывало, что ей это не приснилось, свидетельствовали следы детских рук, оставленные на пыльной стене под портретом[91].

Жизнь Елены Петровны была непрерывным странствием, не

всегда веселым путешествием за пределы заколдованного круга обыденности. Ради обретения духовной свободы она отказалась от привычного комфорта, от родного дома, от семьи. Годы бедности не прошли бесследно — к старости вконец замучили болезни. И все-таки жизнь Блаватской, как она сама считала, была исключительно удачливой, ведь ей удалось воспринять обыкновенное и необыкновенное, естественное и сверхъестественное в их едином слиянии.

По ночам ее, как и Ньютона, которого преследовал призрак солнца, окружали какие-то видения, до того ясные и отчетливые, что она с трудом отличала их от реальных предметов и живых лиц. Впрочем, при первом же прикосновении призраки быстро исчезали, растворялись в темноте.

Видения эти нисколько не смущали. Напротив, они приводили ее в какой-то мечтательный восторг!

Она чувствовала острую жалость к себе — к той впечатлительной девочке из Саратова, душа которой была преисполнена смутных порывов и тоски. Когда же затянется эта ноющая рана непонимания, когда, избавившись от боли, она откроет в себе силу, разительную и великую?

Елена Петровна шла к самопостижению не спеша, и великая тайна раскрывалась перед ней как необозримый горизонт.

Как губка она впитывала в себя рассказы о любых странных и невероятных событиях, которые хранились в памяти людей или в саратовских хрониках: о какой-то женщине, родившей страшилище: по пояс — человека, а выше — нечто рыбье с отверстиями на голове вместо ушей[92]. Или вот еще случай: хоронили умершую при родах молодуху, но вдруг заметили странные перемены в ее лице. Оно то бледнело, то покрывалось румянцем. Решили тело, не зарывая, опустить в землю, а для наблюдения приставили караул. В течение нескольких недель лицо умершей удивительным образом изменялось, но тело не разлагалось. И вдруг в одно мгновение тело превратилось в прах! Как тут не потерять дар речи![93]

Да и в природе происходили смущающие умы феномены.

Особенно потрясли обывателей два явления: 26 июля 1842 года в Саратове наблюдалось затмение Солнца. Утро было пасмурным, дождливым, горизонт заложили темные облака. Мгла, исходящий от земли плотный туман, постепенно перемещаясь кверху, почти скрыли небо. Мрак давил, становясь с каждой секундой все гуще и гуще, и свет лишь тускло брезжил сквозь облака. Наконец окончательно смерклось и наступила полная темнота: черный круг неведомого тела почти полностью поглотил Солнце, лишь верхний тонкий край его продолжал едва

светиться[94].

А через три года с 25 мая по 2 июня в северной части неба над Саратовом зависла и не исчезала комета. Ядро ее было будто туманным, но она четко обозначалась среди звезд. Неровные и бледные лучи ее хвоста протягивались от горизонта вверх[95].

Еще одно небесное явление, зрителями которого стали жители Саратова, заставило задуматься о неисповедимости путей Господних. Местные жители были взволнованы появлением блуждающих огней и падением метеоритов. То и другое поразило их своим обилием. Метеориты падали на землю как-то странно и загадочно. Например, один из них выглядел, как овальный клуб дыма величиною с луну. Он на какое-то время завис в воздухе, а затем изменил форму и стал медленно опускаться на землю в виде белой струи, извиваясь зигзагами[96]. Чудны дела Твои, Господи!

В духовной эволюции Елены Петровны Блаватской и затмение Солнца, и появление кометы сыграли определенную роль. Вторжение Космоса дало новый толчок развитию чудесных свойств ее души. Сны, грезы, фантазии, сколь ужасными и нелепыми они ни были, приобрели для нее вдруг вполне реальный смысл. Она нашла наконец им объяснение. Во сне душа ее выпархивала из тела и парила за пределами земной жизни, обозревая в медленном и долгом полете недоступную обычному зрению явь.

Отраженные одиноким сознанием, явления и предметы земной жизни обретали другое существование, словно перемещались в зеркало, или в воду, или в марево отполированного зноем воздуха.

Для того чтобы понять свои интуитивные прозрения, разобраться в существовании верховных законов природы, Елена Петровна обращалась к историческим событиям и небесным явлениям — кометам, затмениям, бурям, ко всем устрашающе болезненным отклонениям от привычных форм жизни, ко всем противоречащим здравому смыслу, загадочным, странным и поразительным случаям — по аналогии с теми очевидными, предупреждающими, грозными знаками Провидения, которые, исчезая на время, неизбежно являлись вновь. Она пыталась, обострив до предела свою восприимчивость, отрывая себя от всего обыденного, повседневного, осознать и все, что происходило в ней самой, а осознав природу своего мировосприятия, обрести надежду, получить иллюзорную власть понимания почти невидимого, непознанного и столь удаленного от человека мира.

Мир этот был скрыт в манящей и таинственной дымке

времени, где нельзя было отличить прошлое от настоящего и будущего.

Сам воздух саратовской земли, где прошел счастливый период отрочества Елены Петровны, был пронизан дурманящим и сладострастным духом иной, необыкновенной жизни.

Ее память хранила нежные воспоминания о близких людях, и эти воспоминания вполне соответствовали духу ее радушного семейного гнезда.

Думы об этих годах были также созвучны всему чудесному и мистическому в ее душе, являлись светом благодати в беспросветно-черном пространстве ее сомнений.

Она не любила рассказывать посторонним об этих будоражащих душу воспоминаниях, и недаром. Она остерегалась навязчивых вопросов, избегала разумных объяснений загадки, дарованной Хранителем. Она целомудренно берегла в себе чувство очарования саратовской землей и не хотела говорить о даре ясновидения, который обнаружила в себе ненароком.

В России пифия взращивается не торжественным и молчаливым храмом, а рассерженной толпой, кричащим разноголосым базаром.

Это в одном случае, а в другом — одиночеством, однообразным существованием, головной болью, изжогою, воздухом уныния, надоедливыми комарами и мухами.

Ее предвидения и предчувствия тревожили, заставляли насторожиться. Однажды она уверила мальчишку, встретившегося на берегу реки, что его защекочут русалки, и он утонул. Она пыталась шутками издеваться над глупостью, но вызывала в ответ только ненависть и страх. Ее племянница, Надежда Владимировна Желиховская, сумела оценить смешливый характер Блаватской: «У тети была удивительная черта: ради шутки и красного словца она могла насочинить на себя что угодно (и про мальчишку тоже? — А. С.). Мы иногда хохотали до истерики при ее разговорах с репортерами и интервьюерами в Лондоне. Мама (В. П. Желиховская. — А. С.) ее останавливала: „Зачем ты все это сочиняешь?“ — „А ну их, ведь все они голь перекатная, пусть заработают детишкам на молочишко!“ — А иногда и знакомым своим теософам в веселые минуты рассказывала, просто для смеха, разные небывальщины. Тогда мы смеялись, — но с людской тупостью, которая шуток не понимает, из этого произошло много путаницы и неприятностей»[97].

Здесь, в Саратове, она обрела уединение, которого не знала никогда прежде. Лёля любила верховую езду. Однажды в галопе лошадь сбросила ее наземь. Поскольку нога девочки запуталась в

стремени, ее некоторое время волочило по земле, и она неминуемо расшиблась бы, если бы в тот момент какая-то неведомая сила не приподняла ее над землей и не остановила на скаку испуганную лошадь. Именно тогда на какую-то долю секунды она увидела своего спасителя: это был индиец в белых одеждах, в чалме, высокий и прекрасный. Прежде он являлся ей только в снах, а сейчас, как и надлежало доброму ангелу, возник в роковую минуту, чтобы спасти ее[98]. Спустя много лет после этого события Блаватская вспоминала, что, спасенная кем-то ей неизвестным, она перестала чувствовать под ногами землю. Потрясенная случившимся, Лёля опустила глаза и ахнула: она медленно поднималась вверх, словно за спиной у нее выросли крылья. Волна огромного, неизбывного счастья — нашелся человек, которому есть до нее дело, — подхватила ее и понесла в заоблачную даль, опровергая закон всемирного тяготения и доводы обыденного рассудка. Она обрела опору в самой себе.

Через девять лет она узнает его в лондонской толпе, он станет ее Учителем, ее Покровителем и откроет врата восточной мудрости. В своих сочинениях она увековечит его имя — Мория.

Ее дух воспарит, имея под собой твердую почву знаний.

История с лошадью и появившемся неизвестно откуда спасителем в белых одеждах — отправная точка мифа Блаватской о «гималайских учителях» и их Братстве. Если от некоторых других сюжетов своей оккультной эпопеи она отказывается, словно их забывая, то в отстаивании этого наваждения непоколебима, а ее цинизм, не важно — подлинный или напускной, отступает, когда речь заходит об Учителе Мории, или о Кут Хуми Лал Сингхе, или о ком-нибудь еще из Гималайского братства. В ее книге «Из пещер и дебрей Индостана» Мория и Кут Хуми Лал Сингх представлены под обобщающим именем Такура Гулаба Лалла Сингха[99]. В письмах восьмидесятых годов своему старому знакомому, царскому вельможе князю А. М. Дондукову-Корсакову, которые большей частью столь же откровенно-простодушны, как ее письмо в Третье отделение, она, учитывая христианскую ортодоксальность адресата, не забалтывает его рассказами об оккультных феноменах. Но даже в этих сугубо личных письмах (Е.П.Б. ясно осознает, с кем имеет дело) есть довольно подробная информация о ее духовном Учителе и взаимоотношениях с ним: «Несколько недель я провела в Одессе у своей тети госпожи Витте, которая по-прежнему живет в этом городе. Там я получила письмо от одного индуса, с которым при весьма необычных обстоятельствах познакомилась в Лондоне 28

лет назад и который убедил меня предпринять мою первую поездку в Индию в 1853 году. В Англии я виделась с ним лишь дважды, и во время нашей последней встречи он мне сказал: „Судьба навсегда свяжет вас с Индией, но это произойдет позже, через 28–30 лет. Пока же поезжайте и познакомьтесь с этой страной“. Я туда приехала, почему — сама не знаю! Это было словно во сне. Я прожила там около двух лет, путешествуя, каждый месяц получая деньги неведомо от кого и честно следуя указанным мне маршрутом. Получала письма от этого индуса, но за эти два года не виделась с ним ни разу. Когда он написал мне: „Возвращайтесь в Европу и делайте, что хотите, но будьте готовы в любой момент вернуться“, — я поплыла туда на „Гвалиоре“, который у Мыса потерпел кораблекрушение, однако меня и еще десятка два человек удалось спасти. Почему этот человек приобрел такое влияние на меня? Причина мне до сих пор не ясна. Но вели он мне броситься в пропасть — я бы не стала колебаться ни секунды. Я побаивалась его, сама не зная почему, ибо не встречала еще человека мягче и проще в обращении, чем он. <…> Теперь он навсегда покинул Индию и поселился в Тибете (куда я могу отправиться, когда захочу, хотя, уверяю вас, туда ни за что не проникнуть ни Пржевальскому, ни кому-либо из англичан), и из Тибета он переписывается с англичанами из нашего Общества, которые по-прежнему целиком находятся под его таинственной властью <…> Если вам захочется узнать побольше об этом человеке, то, когда будет время, прочтите „В дебрях Индостана“. Вещь напечатана в „Русском Вестнике“, где я выступаю под псевдонимом Радда-Бай. Пусть они вышлют вам ее отдельной брошюрой. Мой индус представлен там под именем Такур Гулаб Сингх. Из этой книги вы узнаете, чем он занимался и какие необычайные явления связаны с ним»[100].

История с лошадью и спасителем, не раз рассказанная Еленой Петровной своим соратникам по теософскому движению, произошла также с ее сестрой Верой, хотя в этом случае сестру спас не появившийся неизвестно откуда индиец, а обычный кучер. Обратимся к воспоминаниям Веры Петровны Желиховской: «…я уж мечтала об амазонке, — еще бы! Ведь мне уже шел одиннадцатый год, я себя чувствовала взрослой барышней! На четвертой моей верховой прогулке я, должно быть, уж очень расхрабрилась, дернула поводья, прищелкнула языком; моя лошадка поднялась в галоп, мигом оставила позади себя сопутствовавших мне проводников, казака и денщика дяди Рости, и, повернув без моего на то желания, поскакала прямехонько к своей конюшне. Должно быть, она почуяла, что с таким седоком нечего время терять и церемониться, и решила возвратиться к

стойлу.

Если бы я не растерялась и не бросила поводьев, чтоб уцепиться за луку, она, наверное, остановилась бы при малейшем движении уздечки; но я сама ее оставила на произвол, своими криками только еще более ее возбуждая бежать скорей. Бежавшие сзади люди тоже кричали, но догнать, понятно, не могли. К счастью, кто-то из кучеров, увидав, в чем дело, побежал наперерез и схватил мою лошадку под уздцы у самой конюшни. Я говорю *к счастью* потому, что не догадайся я или не успей пригнуться в ту минуту, как она вбежала бы в ворота, я могла бы сильно разбиться, слететь с седла, пожалуй, даже и убиться, если бы лбом ударилась о балку ворот!.. Этого не случилось; меня сняли с седла невредимой, хотя перепуганной и сильно сконфуженной; но тем не менее мои уроки верховой езды были отложены на неопределенное время, а мои мечты об амазонке рассеялись, исчезли в тумане дальнего будущего…»[101]

Правдоподобность этого рассказа сомнений не вызывает. Кто пытался когда-либо научиться верховой езде, попадал в ситуации более сложные. Очень трудно допустить, что подобное происшествие, случившееся с Верой Петровной в детстве, тогда же для всех членов семьи Фадеевых, Ган и Витте не стало событием наиважнейшим. В их семейном кругу, я убежден, его рассматривали со всех сторон, охали, переспрашивали друг друга, как такое могло произойти, радовались счастливому исходу. Однако читая об этом случае в воспоминаниях Желиховской, не испытываешь мистического трепета. Воспринимаешь его как факт семейной хроники, не более того. Другое дело, когда в российской глуши на мгновение появляется индус в чалме, совершает благородный поступок и тут же исчезает, чтобы спустя несколько лет появиться в лондонской толчее. Не правда ли, интригующий сюжет? Существовала, впрочем, одна загвоздка: как сделать так, чтобы в эту душераздирающую волшебную историю поверили десятки тысяч людей? У Елены Петровны Блаватской это в конце концов получилось. На то ведь она и харизматическая фигура!

Похоже, что длительная поездка вместе с дядей Ростиславом Андреевичем в 1844 году к его старым друзьям, калмыцким князьям, в степь, а оттуда в киргизскую орду к его знакомому князю Джангиру подвела черту под детством Елены Петровны[102]. Началась другая, взрослая жизнь, отягощенная трудностями становления ее личности и обретения общего языка с окружающим миром. Пришло отрочество.

Впервые Блаватская увидела шамана во время путешествия с дядей Ростиславом. Шаман кривлялся, кружился, плясал, почти задушенный надетой на него волчьей шубой, затем упал в изнеможении и с пеною у рта. Он переступил роковой предел, созерцая прошлое и будущее. Она вспомнила слова Плиния Старшего: «Ни одна наука в древности не пользовалась таким уважением и не была так прилежно изучаема, как магия». Ее любимый Вольтер также понимал суть дела, заявляя, что «все верили в магию. Учение о духах и магии распространено по всей земле».

Это путешествие (в тринадцать лет) позволило заглянуть за черту горизонта ее культурного мира.

Сила человеческого духа и есть основа, альфа и омега творимых на земле чудес.

И это еще была не вся правда. Блаватская читала у знаменитого Парацельса о мировом свете. О том, как невидимый свет, поступательно колеблясь, изливаясь от насыщенных им центров, дает движение и, соответственно, жизнь всем предметам. Он существует в звездах, в животных, в людях, в растениях, в минералах. Этот свет, как ваятель, творит все формы многообразной природы. Это еще было понятно. Куда труднее оказалось принять другое: в человеке есть звездное (астральное), внутреннее тело, которое при определенных условиях настолько расширяется, что переходит на внешние предметы, образуя с ними тесную взаимосвязь. Подобный магический эффект был известен издавна, а в XIX столетии он получил название животного магнетизма.

И уж совсем немыслимо было признать, что в ней самой пробуждается, брызжет живительным светом звездное (астральное) тело.

Но так и было! В Саратове она впервые почувствовала как бы легкое жжение внутри себя.

Саратовский край представил ей философию истории в образах и красках наиболее естественных и запоминающихся: в курганах, в волжских утесах, в подвиге ее пращура князя Михаила, в былинах, поверьях и сказках, в пастельных переливах небесного свода, в акварельной размытости речной волны.

Саратовская земля являла для впечатлительной и мечтательной девочки с нежной и чуткой до чрезвычайности нервной организацией сакральное или заповедное пространство.

Именно здесь творились чудеса. В саратовской степи явился перед ней индиец в ослепительно белых одеждах с широким золотым поясом, с длинными черными волосами и в белоснежной чалме. Он спас ей жизнь и — что совсем непостижимо — усмирив

норовистого, бьющего копытом коня, наделил его памятью и способностью понимать сумбурную человеческую речь. Она имела возможность в этом неоднократно убеждаться.

Из своего лондонского далека она вдруг осознала, что оставила родину не потому, что возненавидела ее, а потому лишь, что устала постоянно перемешаться из огня да в полымя.

Борис Михайлович Эйхенбаум трактовал индивидуальное творчество как акт осознания себя в потоке истории[103]. Если применить эту формулу известного литературоведа к личности Елены Андреевны Ган и ее дочери, придется ее чуть-чуть переиначить. Для них творчество было осознанием себя в контексте вечных, вневременных истин, только у Е. А. Ган эти истины более живые, не столь отвлеченные, как в сочинениях ее дочери. Тяжелая болезнь, протекающая неровно и оставляющая надежду на излечение, приучила ее смиряться перед Божьей волей, терпеливо нести свой крест.

У Блаватской никакого смирения и в помине не было. Она верила, впрочем, в некий Промысел, имеющий власть над жизнью каждого. Однако Елена Петровна возводила эту направляющую судьбу человека силу к кармическим закономерностям. Она знала, что ни одна вера, ни одна религия не в состоянии заполнить пустоту, образующуюся в сознании смертного человека, который оказывается перед лицом бесконечной Вселенной, перед вечным, неиссякающим потоком жизни.

Особые, неровные отношения, строящиеся по принципу «любовь — ненависть», сложились у Лёли с ее старшей тетей.

Екатерина Андреевна взяла заботу о детях своей умершей сестры, выделяя Лёлю как наиболее сообразительную и взрослую. Какое-то время та была, как я уже отмечал, ее любимицей.

Иными словами, Лёля, пользуясь своей безнаказанностью, казалось, почти полностью подчинила себе Екатерину Андреевну. Мадемуазель Антония Клюнвейн в воспитание Лёли не вмешивалась. Ее подопечными были Вера и маленький Леонид. Можно предположить, что воля, которую предоставила Блаватской ее тетя Екатерина Андреевна, со временем незаметно обернулась своеволием — метаморфоза, никоим образом не входившая в педагогические планы воспитательницы. Лёля начала раздражать Екатерину Андреевну еще и тем, что поведение свое она окружала какой-то непонятной тайной, а как говорил Байрон, «где есть тайна, там предполагается обыкновенно и зло».

Однако время было упущено. Девушка развивалась по

нравственным законам, ею самой и созданным. На ее представления о морали, о добре и зле, об идеале красоты влияли книги, которые она читала запоем. Друзья-книги уводили ее в область мечтаний, увлекали в мир высоких чувств и благородных героев. Это были книги ее матери, которые перешли к детям по наследству.

«Тут была чуть ли не вся старая и новая литература европейских народов — и Гомер, и Дант, и Шекспир, и Байрон, и Софокл, и Шиллер. Солидное место занимал Пушкин. Тут же были стихи Жуковского, Козлова»[104], — писала по воспоминаниям близких Е. А. Ган первая исследовательница ее творчества Е. С. Некрасова.

К этим книгам добавим масонские сочинения и трактаты по алхимии на русском, французском, английском, немецком языках из библиотек прадеда, князя Павла Васильевича Долгорукова и маркиза Адольфа Францевича Бандре дю Плесси, французского деда бабушки Елены Павловны, а также любовные романы, которые Лёля тайно похищала у той же самой тети Кати. Книг для детей в то время практически не издавали. Отрадное исключение составляли стихотворные сказки Пушкина о царе Салтане и спящей красавице. Для девочек любимыми рассказами были «Утопленница» и «Пиковая дама» Пушкина и «Вий» Гоголя. На французском и немецком языках детских книг издавалось куда больше. Допоздна они зачитывались сказками Гофмана. Вера Петровна также вспоминает о детском журнале «Звездочка»[105].

Екатерина Андреевна Фадеева, выйдя замуж в 1844 году, продолжала неотлучно жить с ними долгое время в Саратове и Тифлисе. Ее мужем стал агроном Юлий Федорович Витте, происходивший из семьи датских лютеран и служивший под началом ее отца-губернатора[106]. По настоянию будущей жены он перешел в православную веру. Ю. Ф. Витте занимал должность управляющего хозяйственной фермой ведомства государственных имуществ. Эта ферма находилась за Волгой в восьмидесяти верстах от Саратова.

Сестра Вера писала о нем:

«Мы все, и старшие, и дети, его ужасно полюбили, потому что он такой сердечный, добрый, искренний человек, что, зная его, нельзя было его не любить»[107].

Но так уж получилось у Блаватской, что равноправное, идейное «общение» складывалось не с членами ее семьи, а с теми, кто как бы и не существовал вживе, во плоти, — кого рождала ее бурная фантазия.

Мистическая жизнь Лёли оказалась непонятной взрослым родственникам, и девушка пестовала свое одиночество, поскольку

именно в нем сохранялась возможность существования ее внутренней, своеобразной жизни.

Итак, уже в юные годы Елена Петровна начала осознавать себя особенной личностью. Реальная жизнь казалась ей не настоящей: это была ярмарка тщеславия, скучная и презренная. Овеществленная пустота, которая приводила в содрогание ее мать. Нет, она не хотела просто плыть по течению. Ей необходимы были любовь и доброта, красота и гармония, обрести которые она могла лишь внутри себя.

Лёля уже не различала: она ли жила в видениях или видения в ней. Прочитанное странным эхом отозвалось в ее сознании и душе. Вымысел смешался с реальной жизнью — навсегда, до самой смерти.

Лёля, когда ей было лет пятнадцать, вместе с сестрой Верой облюбовали удобное местечко для чтения в доме за Волгой. В начале сентября с книгой в руках они забирались на гумно и, уютно «устроившись на мягкой соломе в одном из коридоров, образованных рядами высоких, как дома, правильных скирд», принимались за чтение. Мало кому из домочадцев пришло бы в голову искать их здесь, поэтому они могли не беспокоиться, что кто-то их потревожит. Лёля, как вспоминает сестра Вера, уже зачитывалась дозволенными и недозволенными любовными романами. В случае своего обнаружения она могла спрятать книгу в карман под верхнее платье или зарыть на время в солому[108].

Глава шестая. НА ПОРОГЕ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ

Деятельность Андрея Михайловича Фадеева в его должности гражданского губернатора не получила должного одобрения у высокого начальства в Петербурге. Тревоги и служебные неприятности, как тогда говорили, были предвестием серьезных изменений в его чиновничьей карьере. Нашла коса на камень — так можно охарактеризовать его отношения с непосредственным начальником — министром уделов Львом Александровичем Перовским, в наше время больше известным в связи со своей внучатой племянницей, революционеркой-народницей Софьей Львовной Перовской. Конфликты с министрами заканчиваются либо отставкой нижестоящего чиновника, либо назначением его на новую должность. Все зависит от того, есть ли у жертвы начальственного произвола вельможные заступники. А. М. Фадеев не выдержал несправедливых придирок желчного Л. А. Перовского и подал прошение об отставке, которую

немедленно получил. Он надеялся на хорошее к себе отношение графа П. Д. Киселева, министра государственных имуществ, любимца двух императоров — Александра I и Николая I. До обострения конфликта с Перовским тот неоднократно приглашал А. М. Фадеева перейти в его министерство. Однако на этот раз граф полностью устранился от судьбы отправленного в отставку губернатора. Он только что возвратился из-за границы и узнал, что его жена графиня София Станиславовна Киселева, урожденная Потоцкая, выслана из Петербурга за свои выступления против властей и симпатию к революционной польской эмиграции. Вот почему, как можно предположить, он не делал лишних телодвижений, предпочитая на какое-то время затаиться, быть в отдалении от императора.

Так оно происходило или по-другому, но макиавеллизм и свой эгоизм по отношению к А. М. Фадееву он проявил в полной мере[109]. А. М. Фадеев вспоминал: «Он давал мне деликатным образом понять, что не может для меня сделать ничего, потому что Государь не любит, чтобы министры помещали у себя тех высших чиновников, коих не желают иметь другие министры, где они состояли на службе; и также не любит, чтобы они защищали таковых чиновников, сколь бы им ни была известна их невинность. Одним словом, он боялся высказать Государю правду из опасения, чтобы не подвергнуться за то кривому взгляду. Хорош патриотизм государственного человека»[110]. У Николая I существовали, по-видимому, серьезные основания для столь жесткой позиции к российским высшим чиновникам. В современную эпоху подобное самодержавное отношение к членам своей команды практически исключено. В наши дни ротация высших чиновников государства стала обычным явлением, но при этом ухитряются никого не обижать. А тогда, в те далекие и темные времена, можно было запросто выпасть из номенклатурной обоймы. Что же касается А. М. Фадеева, он, слава богу, вне службы оставался недолго. У него нашелся влиятельный защитник. Это был князь М. С. Воронцов, наместник Кавказа, у которого А. М. Фадеев служил в Одессе до своего назначения губернатором в Саратов. Он предложил Лёлиному деду должность, во всем равную губернаторской, а именно: войти в Совет Главного управления Закавказского края. Граф П. Д. Киселев был настоящим царедворцем. Эти люди улавливают малейшие изменения в дворцовой атмосфере. Эту специфическую особенность ума или обоняния почему-то приняло называть угрызениями совести великих мира сего, которые возникают всякий раз, когда резко меняется политическая конъюнктура. П. Д. Киселев не был исключением из общего правила и

практически тут же предоставил А. М. Фадееву еще одну должность — заведующего делами по Министерству государственных имуществ в Закавказском крае[111].

Это был настоящий подарок судьбы. Одно лишь обстоятельство омрачило радость всего их большого семейства. Им пришлось находиться в разных частях России до тех пор, пока муж тети Кати, Юлий Федорович Витте, не получил новое место в Тифлисе. До этого ожидаемого назначения они жили порознь больше года. Лёля, Вера и Леонид вместе с семьей Витте оставались в Саратове на попечении Екатерины Андреевны. А бабушка с дедушкой и тетей Надей переехали в Тифлис. В Саратове жил их дядя Ростислав, молодой офицер-артиллерист, который ждал со дня на день своего перевода на Кавказ.

Они переселились за Волгу, где находилась ферма Юлия Федоровича Витте, а потом некоторое время перед отъездом в Тифлис снимали дом в самом Саратове. Как вдруг одно неожиданное событие резко изменило планы дяди Ростислава и заставило его подчиниться чужой воле. Что нежданно-негаданно обрушилось на его голову, об этом я расскажу чуть-чуть позднее. Как и о том, каким образом случившаяся с дядей Ростиславом неприятность изменила также ход жизни его старшей племянницы, тогда все еще чистейшей и простодушной девушки. В этой истории на авансцену выходят князь Эмилий Витгенштейн, графиня София Станиславовна Киселева и ее брат граф Мечислав Потоцкий.

София Станиславовна Киселева вписалась в биографию Елены Блаватской содержательной и запоминающейся строкой. Эту строку не выкинуть из песни о жизни героини этой книги, какой бы в итоге эта песня ни сложилась — гимноподобной или гривуазной. Бесспорно одно, что встреча Блаватской с Софией Станиславовной в самом начале ее долгих странствий по миру пришлась как нельзя кстати. Именно графиня долгое время уберегала Лёлю от многих необдуманных поступков, а также от неприятностей и опасностей, а с ними неминуемо сталкивалась в то время любая неопытная и самонадеянная молодая женщина, решившаяся на путешествие по Египту, Греции и странам Восточной Европы.

София Станиславовна родилась в семье польского магната графа Станислава Щенсного Потоцкого и гречанки Софии Главани Маврокордато де Челиче. Для ее отца графа Потоцкого это был третий брак, для матери — второй. Станислав Щенсный Потоцкий вошел в историю как лидер аристократической оппозиции, чья деятельность в защиту старошляхетских

вольностей Речи Посполитой с целью укрепить власть магнатов в ущерб королевской привела к третьему разделу Польши между Россией и Пруссией. Понятно, что поляками Станислав Потоцкий и его соратники рассматривались как предатели польского народа. Мать Софии Станиславовны — великолепная София, происходящая из простого сословия, достигла положения высокородной дамы благодаря необыкновенной утонченной и экзотической красоте, уму и способности сводить с ума мужчин. Фортуна действительно ей благоприятствовала. Ее по праву считали самой красивой женщиной Европы, и она была всегда желанной особой при дворе трех королей: польского — Станислава Августа, прусского — Фридриха II и французского — Людовика XVIII, а также австрийского императора Иосифа II. Российская императрица Екатерина II относилась к ней с большим расположением и осыпала милостями, ведь она была ее тайным агентом и чрезвычайно содействовала в привлечении через Станислава Потоцкого на сторону России польской аристократической оппозиции. София-старшая вскружила голову многим мужчинам, среди ее любовников были послы и министры, и даже всемогущий князь Г. А. Потемкин-Таврический.

София младшая унаследовала многие внешние черты матери, а также ее ум и сообразительность, но не легкость поведения с мужчинами. Дочь, в отличие от матери, была благонравной и нравственной женщиной. София Станиславовна относилась, как и ее мать, к утонченным и одухотворенным натурам, была безупречной красавицей и пленила Пушкина с первых мгновений знакомства. Она подсказала ему сюжет «Бахчисарайского фонтана», крымскую легенду об одной из представительниц их рода — Марии Потоцкой.

Словно искупая вину отца перед Польшей, София-младшая непоколебимо стояла на том, что с поляками Россия обошлась не лучшим образом, и до самой своей смерти 2 сентября 1875 года в Париже она не изменила своим свободолюбивым взглядам. Умирала эта выдающаяся женщина в полном одиночестве.

Долгое общение с Софией Станиславовной не могло пройти бесследно для Елены Петровны Блаватской. Оно, конечно, подействовало на стиль ее поведения — волю идти против течения и заставлять окружающих считаться с собой. Тут, впрочем, необходимо сделать одну оговорку. В общении с представителями российской власти Блаватская старалась не проявлять своего строптивого характера и всегда сохраняла особую осторожность. Может быть, этому научил ее горький жизненный опыт графини Киселевой.

Отец Лёли, Веры и Леонида, как всегда, находился где-то далеко, на очередных учениях. Теперь он был в чине ротмистра — рыжеволосый сорокасемилетний красавец, с седыми висками и мужественным лицом, испещренным морщинами. Лёля чувствовала прилив радости, когда он вырывался из полка и приезжал к ним. Однажды она оказалась в комнате отца. В углу, за ширмой, она увидела спинку простенькой кровати и на ней канифасный чистый халат. Находясь вне службы, отец обычно снимал мундир, переодевался в партикулярное платье. Каска с султаном сиротливо лежала на столе. Лёля почувствовала тогда, как у нее сжалось сердце.

Она целые дни думала о предстоящем путешествии. Ей хотелось уехать хоть к черту на рога — лишь бы подальше от всего, что хоть немного напоминало детство, тот подчиненный чужой воле уклад жизни, который ей окончательно опротивел. Она верила, что кавказское солнце возвратит ей вожделенную свободу, вернет к настоящей самостоятельной жизни. Лёля вдруг испытала неизъяснимую нежность и благодарность судьбе за то, что она родом из известной уважаемой семьи, что она хорошенькая и умная, что у нее еще все впереди. Однако ей был необходим совсем иной, загадочный и пестрый мир, центром которого она собиралась стать. Лёлю утомляло даже чтение.

Она ждала этого путешествия как манны небесной и часами лежала на широком диване без всякого занятия, внимательно прислушиваясь к стуку собственного сердца.

В конце мая 1847 года Юлий Федорович Витте получил обещанную ему должность в Тифлисе в департаменте государственных имуществ на Кавказе, и они, собираясь в дорогу основательно и долго, больше месяца, наконец-то стронулись с насиженных мест. С Юлием Федоровичем ехали пароходом до Астрахани, оттуда он возвращался опять в Саратов для передачи дел новому управляющему фермой. Их было девять человек: дядя Юлий, тетя Катя, их сын, Лёля и Вера, а также Антония и трое слуг. Обоз из двадцати человек прислуги пошел сухим путем с упряжными лошадьми в трех фургонах в Царицын, на Дон, а оттуда уже через Ставрополь на Северный Кавказ — во Владикавказ и до конечного пункта их путешествия — в Тифлис.

Как только они отплыли, в Саратове появились первые жертвы холеры. 1848 год назвали годом малой холеры в отличие от холеры великой — 1830 года, времени, когда их мать Елена Андреевна Ган вынашивала Лёлю. Несмотря на то что в 1848 году холера выкосила много народа, эпидемия была непродолжительной. Они бежали от нее, но куда? В далекий чужой край, где не затихала война, где на дорогах шалили лихие

люди, где воровали людей как скот и тут же перепродавали кому попало или же за выкуп возвращали родным, где по ночам местные жители грабили и убивали, а днем сидели в своих лавках, тихо, как ни в чем не бывало, и вдохновенно читали суры из Корана.

Путь в Тифлис оказался долгим, но не изматывающим и не однообразным. Сначала поплыли от Саратова вниз по Волге до Астрахани неуклюжим, колесным, купеческим пароходом «Св. Николай», которым управлял приказчик в смазных сапогах. Пассажирские каюты использовались в пароходе для перевозки товаров, особых удобств, естественно, не предусматривалось. Существовали какие-то крошечные, косые, кривые, низенькие клетушки с ларями вокруг одной сравнительно большой каюты. В нее-то и набилась вся путешествующая братия. Спальных мест не хватало, спали кто на чем: на полу, на ларях, даже на большом обеденном столе. Прошло пять дней, пока добрались до Астрахани. От Астрахани поплыли по Каспийскому морю другим кораблем, на этот раз военным, под названием «Тегеран», испускавшим густые клубы дыма. С остановками в Петровске и Дербенте доплыли на седьмой день до Баку, а потом уже на перекладных, сделав месячный привал в Шемахе, добрались до самого Тифлиса.

В Баку их встретил дедушка Андрей Михайлович Фадеев. При нем был большой конвой из казаков и всадников-татар, так называемых гапар, как говорил дедушка, прирученных разбойников. Эти гапары по пути устраивали настоящее представление: на всем скаку стреляли, выскакивали из седел и опять на них вскакивали, навзничь опрокидывались на конские спины, словно их убивали, съезжали под брюхо коней до самой земли и тут же одним махом оказывались в седлах и с гиком неслись дальше, не разбирая дороги, за воображаемым врагом. Для Лёли и Веры это была большая потеха. Ехали кто в дедушкиной коляске, кто в тарантасе, и была еще перекладная с чемоданами. Дорога заняла у них около двух месяцев.

Шемаха, где они надолго остановились и где их ждали бабушка Елена Павловна и тетя Надежда, был губернский полуазиатский городок, расположенный в гористой местности. В нем проживали в большом количестве молокане и немцы-колонисты в синих куртках и в смешных картузах с огромными козырьками, а также русские казаки в бескозырных фуражках набекрень и с ружьями, саблями и длинными пиками за спиной. Тетя Надежда их встретила на лихом коне, прискакав навстречу обозу. Ей исполнилось девятнадцать лет, и она любила демонстрировать самым неожиданным образом свою ловкость и

самостоятельность. Время семья Фадеевых проводила весело, беззаботно и безрассудно. Посещали дома богатых татар, беков и ханов. Лёля при этом вспомнила о пушкинской «шемаханской царице». Убранство жилищ восточной аристократии поражало чрезмерной роскошью. Стены были покрыты панелями из агата и сердолика, лепные потолки сияли зеркальными звездами и золотыми арабесками, мозаичные окна были заключены в рамы из дорогих пород дерева. Прибавьте к этому плотные шерстяные ковры, бархатные узорчатые диваны, шитые золотом подушки, резные инкрустированные столики и табуреты, мощенные цветными изразцами галереи, внутренние дворики с мраморными бассейнами, фонтаны, вода которых стекала по стеклянным желобкам, как по плющу, — и если вы не задохнетесь от восторга, значит, у вас сильные легкие и крепкое сердце. Можете себе представить, какое впечатление на Лёлю произвела эта способность восточных владык украшать свою повседневную жизнь, скоротечность, хрупкость и ненадежность которой они ощущали каждое мгновение при всем своем богатстве и могуществе.

Чем ближе они подъезжали к Тифлису, тем наступившее лето всё яростней заявляло о себе пахучими оранжевыми и белыми лилиями, ярко-красными цветами граната, пышными многоцветными розами и словно осыпанными снегом кустами жасмина[112].

Лёле не хватало дяди Ростислава. Кто ее понимал, так это он. В отличие от остальных членов ее семейства. Тетя Надя в счет, разумеется, не шла. К великому сожалению, дядя Ростислав был далеко. Обстоятельства жизни загнали его в ненавистный Екатеринослав. Скандал с Р. А. Фадеевым, как часто случается в жизни, разразился неожиданно. Перед этим неприятным событием он побывал на Кавказской войне волонтером. Находясь на Кавказе более года, Фадеев принимал участие в сражениях, был дважды ранен в руку и голову. Он объездил весь Кавказ и Закавказье, собрал большое количество разнообразного материала по этому краю, что пригодилось ему в дальнейшем для написания фундаментальных книг о Кавказской войне. Елена Петровна Блаватская иногда интуитивно улавливала приближающуюся опасность. Ростислав Андреевич Фадеев в этом отношении был ее противоположностью. Он возвратился из Тифлиса в Саратов по некоторым делам на короткое время, намереваясь, завершив их, отправиться в Петербург за официальным назначением на Кавказ в действующую армию. Он предполагал начать серьезную военную карьеру, но судьба рассудила иначе. В то время в Саратове находился сосланный по

распоряжению Николая I граф Мечислав Потоцкий. Причиной немилости царя стали упорно ходившие в обществе слухи о его политической неблагонадежности. Поговаривали, что он оказывал содействие польским мятежникам. Впрочем, убедительных доказательств не приводилось. Обстоятельства, приведшие к ссылке в Саратов Потоцкого, как официально разъяснялось публике, были сугубо бытовые, а не политические. Подчеркивалось, что причиной опалы стала реакция царя на печально известную в свете нравственную нечистоплотность графа.

Еще в 1820 году, за двадцать пять лет до описываемых событий, Мечислав Потоцкий, пользуясь отсутствием матери, захватил ее дворец, а заодно и драгоценности. Попытки родных воззвать к его совести оказались тщетными. Только обращение матери к Александру I расставило все по прежним местам. Царь, возмущенный позорным поведением сына женщины, которую он уважал и ценил, готов был немедленно сослать его в Тобольск. Только заступничество братьев Мечислава Потоцкого спасло виновного от заслуженной кары. В этот раз, уже при Николае 1, граф не поладил с собственной женой. Непрекращающиеся с ней ссоры приняли неприличные формы. Для разбирательства этих матримониальных склок был направлен флигель-адъютант царя, который встал на сторону графини. Впрочем, мало верится, что только одни семейные неурядицы привели к столь строгому наказанию шурина П. Д. Киселева, одного из влиятельных людей Российской империи. Скорее всего, они были поводом, а настоящей причиной, можно полагать, была постоянно демонстрируемая старшей сестрой Мечислава Потоцкого Софией Станиславовной Киселевой стойкая симпатия к революционной польской эмиграции.

Говорите, что хотите, но сами попробуйте войти в положение Николая I. Не ссылать же ему было в российскую провинциальную глушь под надзор полиции жену его друга и соратника, которая оказалась невоздержанной на язык?

Так граф Потоцкий оказался совершенно неожиданно для себя в Саратове, где он смертельно скучал и пытался во что бы то ни стало вырваться из провинциального города.

Графиня Киселева писала Лёлиному дедушке-губернатору слезные письма, умоляя его как-то облегчить положение брата. Но мы знаем, что карьера самого Фадеева тогда висела на волоске, и его заступничество за графа могло только ухудшить положение обоих. Граф Потоцкий, вращавшийся в аристократических кругах Европы, был человеком образованным и умным. Нет ничего удивительного в том, что он часто бывал в

семье А. М. Фадеева, где и познакомился с его сыном, который стал для него «драгоценной находкой, оазисом в саратовской Сахаре». Дела задержали молодого Фадеева в Саратове. Перед отъездом в Петербург его новый друг граф Потоцкий уговорил Ростислава Андреевича похлопотать о его освобождении из ссылки. Он назвал своих приятелей, через которых следовало действовать, и сказал, что в случае положительного решения не пожалеет никаких денег. Фадеев не мог отказать новому другу, Лёлиному дяде исполнилось 23 года, и в подобных переделках он никогда не был. Как только он начал хлопоты по смягчению участи графа Потоцкого, его буквально на следующий день вызвал к себе шеф жандармов и управляющий Третьим отделением Его Императорского Величества канцелярии Леонтий Васильевич Дубельт и приказал незамедлительно покинуть Петербург и выехать под надзор полиции в любой губернский город, кроме Тифлиса, где в то время находились родители проштрафившегося молодого человека и его младшая сестра.

Дядя Блаватской выбрал Екатеринослав, в котором он долгое время жил и в котором у него было много друзей и знакомых. Андрею Михайловичу Фадееву удалось через графа Воронцова вызвать сына в Тифлис только в середине 1849 года, но и там не один год сохранялся за ним строгий полицейский надзор. Его репутации будущего офицера был нанесен значительный урон. Многие в Тифлисе думали, что его сослали по политическим мотивам. Вот какую кашу заварили ненароком графиня София Станиславовна Киселева и ее брат![113]

Первая зима в Тифлисе Лёле особенно запомнилась. Не мягким, щадящим климатом, а пьянящей атмосферой общения, театрализованными застольями, восхитительными загородными прогулками. Тифлис был игрушечным уютным городом. Его жители, бодрые и неунывающие, всякий раз к вечеру валились с ног от переизбытка дневных впечатлений. Застроенный преимущественно двух- и трехэтажными зданиями по берегам реки Куры, Тифлис постоянно расширялся, соединял воедино старые, свободно петляющие улицы и переулки и новые, вытянутые словно по линейке. Он забирался в овраги, вползал на отвесные скалы и с этих круч, еще вчера казавшихся неприступными, исходил человеческими криками, гомоном базаров, нависал над рекой пестрыми балконами. Как манящ и соблазнителен был этот город неиссякающих ликующих ритмов и зажигательных вибраций, могущих даже мертвых поднять из могил!

Сколько горя претерпела эта маленькая христианская страна! Особенно досталось ей от соседей-мусульман, персов, турок и

татар, упорно стремившихся в течение целого тысячелетия обратить грузин в свою веру — ислам. Разорялись города, разрушались и осквернялись храмы, истреблялся грузинский народ. Но никакое насилие не смогло заставить грузин отречься от Христа и забыть свои обычаи. Самым удивительным из основ грузинского жизнеустройства был закон гостеприимства. Он существовал у них, казалось, с незапамятных времен, как особенность их психики, как их родной язык. Гость дороже друга — вот его великий смысл. Как еще говорили в Тифлисе: «Для гостей последняя копейка ребром».

Тифлис по-настоящему преобразился, изменил свой внешний и внутренний облик с появлением в нем князя Михаила Семеновича Воронцова, генерал-адъютанта, наместника Кавказа. Перемены в городе произошли в самом деле разительные: были разбиты новые парки, засыпаны овраги и проложены широкие улицы, выстроены двух- и трехэтажные дома, стала выходить политическо-литературная газета «Кавказ», учредили Публичную библиотеку, отдел Русского географического общества, пансион для благородных девиц, появились русский театр и итальянская опера, прошли спектакли на грузинском и армянском языках. В феврале 1850 года открыли первую в Тифлисе выставку естественных произведений, образцов ремесленной и фабричной промышленности[114]. С появлением князя Воронцова «жизнь потекла на европейский лад, изменились обычаи, вкусы, костюмы, особенно костюмы женщин, которые все реже и реже стали появляться закутанными в белые покрывала (чадры), смягчились нравы, явилась новая обстановка»[115]. Тифлис жил как большая дружная и гостеприимная семья. На его улицах и площадях царило оживление. В лунные вечера под звуки мелодичного тары звучали народные песни. Грузины любили хоровое многоголосое пение. Оно сопровождалось игрою и на других инструментах, не уступающих тари в мелодичности. Это были саламури (что-то вроде кларнета), чиапури (грузинская скрипка), чонгури (балалайка) и думба (литавры). Как только певцы появлялись на улицах, все население соседних домов высыпало на крыши, балконы, выбегало к воротам наслаждаться пением, затягивавшимся иногда до поздней ночи[116]. В первые дни от впечатлений Лёля совсем потеряла голову. Она едва не сошла с ума от пряных тифлисских базаров, от азартных скачек, от храмовых праздников, отмечаемых с религиозным рвением. Наиболее значительные церковные шествия сопровождались громом пушек из Метехского замка. Она любила смотреть, как охваченные религиозным порывом люди бросались с крутых

берегов в бурлящую Куру.

Ее сестра Вера вспоминала: «В то время не только в старом городе, но и в европейских кварталах большинство крыш были плоские, с земляными террасами, по которым можно было гулять и смотреть в чужие дворы и на улицы. С крыши и галерей нашей первой квартиры были видны все окрестные сады и здания, тонувшие тогда в виноградниках. <…> Несмотря на палящий июньский жар, до отъезда из города надо было приискать другую квартиру. <…> Это был только что оконченный великолепный и громадный дом, построенный словно крепость за высокими стенами двора, со всевозможными службами, в середине которого был распланирован садик, еще не дававший тени, но полный цветов. Богатый купец-армянин Сумбатов, его хозяин, отстроил его, ничего не жалея, во вкусе полуазиатском, с лепными украшениями, цветными стеклами, с круглым балконом и хорами в огромной овальной зале»[117].

Они почти полностью заняли этот дом-дворец. К сожалению, жить в нем долго не пришлось: князь Воронцов попросил уступить дом Сумбатова бежавшему в Тифлис из Персии дяде тогдашнего персидского шаха. Дедушка снял другой дворец, бывший дом князя Чавчавадзе — великолепное сооружение в самом центре нового города, занимающее с флигелями чуть ли не целый квартал. Различные части этого дворца соединялись между собой галереей, мостиками и лестницами. Посреди обширного двора находились бассейн и розарий. Особой гордостью была зала с зеркальными окнами в два просвета — по тем временам великая редкость. Расписной потолок, позолоченные перила лестниц, великолепные вазы и статуи в просторной прихожей, на лестничных площадках и в больших комнатах украшали этот дом.

В гостиной поражали своеобразные обои, на которых были изображены картины на мифологические сюжеты. Говорили, что эти обои подарил князю Чавчавадзе кто-то из царской семьи. Дух барства витал в этом доме. Лёля прожила в нем около года, а ее родные пребывали там неизмеримо больше — пятнадцать лет. До тех пор, пока не умерли бабушка, дедушка и дядя Юлий Федорович Витте.

Строптивость Лёли, или Лоло, сопровождаемая победным вскидыванием подбородка, резким сведением бровей и разящим, не терпящим возражения взглядом, воспринималась в кругу семьи с большим неудовольствием. Предпринятые для усмирения ее упрямого непослушания строгости не дали результатов. Ведь известно, что настоящий бунт разгорается из-за полумер, направленных на его подавление.

Внешне Лёля изменилась, превратилась в миловидную барышню-блондинку со здоровым цветом лица. В то время в моде были бледные или со слабым румянцем щеки, прямой лоб, слабо развитые скулы, тонкая кость, маленькие руки и ноги, томные или страстные глаза. Грациозность в ней отсутствовала, но зато переполняли энергия и жажда любить и быть любимой. Теперь она вполне соответствовала своему имени Елена — избранная, светлая.

Одетая в белый батистовый пеньюар, утопая в пене кружев, она пила маленькими глотками из изящной чашечки шоколад и делала вид, что над чем-то напряженно размышляет. Наскоро покончив с завтраком, взяла книгу и раскрыла то место, которое с вечера заложила бисерной закладкой. Это была «История Лигурии, со всеми достопамятными происшествиями, тамо бывшими». Книга редкая, напечатанная в 1781 году в типографии масона Николая Новикова. Она еще раз прочитала отмеченное: «Сохраните в глубине вашего сердца сию ревность к вольности: ибо она будучи спомоществуема мужеством и храбростью, преодолевает наконец все препятствия и неудобства: предки ваши, не успев в своем намерении, оставили вам приобретать сию бессмертную славу»[118]. Как ей не хватало вожделенной свободы!

Она с нетерпением ждала, когда ее освободят от всей этой галиматьи — опеки, гувернанток, экзерсисов и немецкой грамматики.

В доме, который они занимали, почти всегда царила праздничная атмосфера, особенно по вечерам, когда зажигались канделябры и кенкеты, особые масляные лампы с горелкой ниже резервуара. В полумраке неслышно передвигались слуги, таинственно выступали из темных ниш кружевные занавеси, неожиданно расцветали цветы на окнах, мерцали, соблазняя и заигрывая, большие зеркала с подзеркальниками. Навощенные паркетные полы отражали это великолепие жизни и словно двумя руками отталкивали громоздкую черную мебель, которая давила на них, основательно и бесцеремонно. Маленькие язычки свечей зябко поеживались, временами радостно взвивались вверх.

Они жили все-таки в необыкновенном месте — в бывшем доме князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, известного грузинского поэта, чья старшая дочь Нина вышла замуж за Александра Грибоедова, растерзанного чернью в Тегеране.

В Тифлисе их приняли гостеприимно, затаскали по гостям, приветили и обласкали с обычным грузинским радушием.

Ее разбирало любопытство. Она прислушивалась в одиночестве к этому знаменитому дому, надеясь услышать что-то из его прежней жизни, какую-нибудь захватывающую

романтическую историю. Она догадывалась, что необыкновенная тревожная тайна существует в любви Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Эта тайна давила на новых домочадцев, создавала в их взаимоотношениях небывалую прежде, странную натянутость. Какое-то всепрощающее сострадание и безмолвная скорбь охватили дом, и всего хуже было то, что никто из взрослых не решался рассказать ей хотя бы часть правды. Словно сговорившись, они заводили с ней речь о посторонних предметах, но о самом главном, о том, что ее интересовало более всего, молчали. Что бы сделать такое, думала она, чем бы их удивить — и тогда у всех мигом развяжутся языки.

Она сознавала, что у ее близких о ней самое никудышное мнение. В семье она была вроде урода, вроде больного места, которого боялись касаться, чтобы не создавать себе новых проблем. Они понимали, что с ней, взрослой барышней, надо говорить совершенно иначе, однако не знали — о чем.

Лёля подружилась с князем Владимиром Сергеевичем Голицыным, двоюродным братом по матери княгини Елизаветы Ксаверьевны, жены князя Михаила Семеновича Воронцова. Владимир Сергеевич часто приходил в гости к Фадеевым. Он, как вспоминает Вера Петровна Желиховская, был «такой большой, толстый и веселый, такой остроумный и так любил петь разные стихотворные куплеты, что очень мне напомнил Закревского. Но когда сказала об этом, Надя с Лёлей начали смеяться надо мной, что Закревский так похож на Голицына, как толстый бульдог на льва. У него было два сына, но у нас чаще бывал старший — Александр, очень красивый»[119]. Голицын прославился сочиненным им фрондерским каламбуром, который, распространяясь по России, превратился в афоризм. Напомним читателю этот маленький шедевр, который не потерял актуальности и в наши дни. Князь Владимир Сергеевич в веселые минуты застолья обычно произносил вальяжным голосом, грассируя и растягивая слова: «Господа, а служить (ослу жить) в России хорошо!»[120]

— Лёля! — вдруг послышался из гостиной нетерпеливый голос бабушки Елены Павловны. — Иди сюда! Поговорим.

Должно быть, бабушка будет опять уличать ее в плохом отношении к близким. Как все это ей надоело!

— Лёля, ты опять как в воду опущенная. Что с тобой, милая? — Бабушка пыталась быть с ней ласковой и предупредительной. — Ты сегодня вечером пойдешь на бал?

— Бабочка, любимая моя! — она не сдержала своих чувств. — Непременно пойду, непременно!

Более всех о Елене Петровне в ее девичестве была осведомлена Мария Григорьевна Ермолова, муж которой в 40-е годы был губернатором в Тифлисе. Обладавшая необыкновенно отчетливой памятью, она отозвалась о юной Елене Петровне как о девушке с выдающимися способностями, весьма заметной среди русской дворянской молодежи Закавказья[121].

В Тифлисе внешне отношения Лёли с бабушкой изменились к лучшему. Она старалась выглядеть воплощенным смирением. Только и была занята одной мыслью: как бы сдержаться и не нагрубить кому-нибудь из окружающих. Особенно ее выводила из себя гувернантка, которая как-то сказала, что барышне с ее взбалмошным характером ни за что не выйти замуж, даже за какого-нибудь общипанного ворона.

— Лёля, о тебе ходят неблагоприятные слухи, — сказала бабушка. — Говорят, что ты между делом оскорбляешь достойных людей.

Она вспыхнула и возразила:

— Если ты имеешь в виду это чучело в гусарском мундире, то что ему ни говори, как о стенку горох.

— А зачем ты подпевала князю Владимиру Сергеевичу Голицыну двусмысленный куплет? Даже что-то от себя досочинила.

— Ах, бабушка, он такой большой, толстый и веселый. Настоящий светский лев. Мы от души веселились, и я позволила себе импровизацию. Было, право, очень смешно. Всем понравилось, кроме одного человека, который тебе об этом пении донес и все извратил. Не слушай шпионов, милая бабушка! Они пакостные и завистливые люди. Я отправила бы их всех на Луну.

— Ты опять, Лёля, придумываешь невесть что, — сказала бабушка, расстроенная тем, что их разговор вошел не в то русло, а внучка и на этот раз перехватила инициативу. — Ты лучше чаще общалась бы с сыновьями Алексея Петровича Ермолова. И вообще посмотри вокруг себя. В Тифлисе столько достойных молодых людей из лучших русских семейств[122].

В этом бабушка была права. Под знамена войны на Кавказе собрался цвет русской дворянской молодежи.

Лёля тоже хотела принести себя в жертву. Удивить всех своим выбором. Например, назло Александру Голицыну, в которого влюбилась по уши с первых минут знакомства, выбрать себе какого-нибудь завалящего женишка. Может быть, думала она, ей подойдет Никифор Васильевич Блаватский? Он служил чиновником по особым поручениям в канцелярии тифлисского губернатора и часто наведывался в их дом. Он превосходил ее годами, но разница в возрасте ее мало заботила. Это был

скромный, ничем не отличавшийся чиновник. Во всяком случае, неравная пара для нее, девушки из известной, высокопоставленной семьи. Однако он ей как-то признался, что интересуется оккультными науками, после чего Лёля чуть ли не час с ним секретничала.

Она взглянула на дом синими задорными глазами, прислушалась к его шумам, скрипам и шорохам, воззвала к его неослабевающей памяти. Сначала она ничего не услышала. Но вскоре раздался плач — тонкий и безутешный, сочащийся, как влага, сквозь толщу времени. Еще до нее дошел смысл произносимых снисходительно-холодным тоном слов, в которых содержались загадочные намеки на искупление блаженным и наивным детством несправедливой взрослой жизни, полной преступлений и безумной гордыни. Как всегда в подобных случаях, к внятной речи с той стороны примешивалась несуразная абракадабра. Незнакомый ей человеческий голос вызывал из небытия образы, претящие ее душе: то появлялся семиглавый дракон, то вообще непонятно что, но по виду достаточно жуткое и неопрятное. Не зная, как ей поступить, растерявшись, она зашипела на этих страшилищ, затопала на них ногами, попыталась их урезонить и приструнить. Большие черные глаза плачущей женщины мелькнули за занавесью. Лёля как бы нечаянно очутилась совсем близко к одному из оконных простенков, у которого кто-то стоял. Оказалось, что нежданная гостья — Нина Чавчавадзе. Неиспытанное прежде чувство сопричастности чужому горю поднялось в ней, когда они наконец оказались лицом к лицу. Трудно было понять, почему Нина, несчастная женщина, решилась на эту встречу. Нина приложила веер к губам — это был деликатный призыв к молчанию, и сделала несколько шагов вглубь комнаты. Только тогда она разглядела на ней бальный наряд: длинный шлейф платья волочился по полу. Вдова Александра Грибоедова была частой гостей у Фадеевых. Она поражала окружающих ее людей, как вспоминает Вера Желиховская, «не только красотой, но и прелестью своего обращения»[123].

Задумчивая и тихая, Нина восприняла ее внимательное сочувствие с застенчивой благодарностью. Глядя на нее, становилось ясно, что она — искупительная жертва. Провидение приготовило ее в дар вечности как расплату за великодержавную сановитость ее несчастного мужа.

Красота и судьба Нины возводили ее жизнь к событиям библейского масштаба. Кроткая прелесть Нининого лица возвещала победу над человеческими своеволием и

властолюбием. Нина более походила на святую мученицу, чем на молодую вдову. И прошептала ей на ухо: «Мы, женщины, спасаем их от сатаны».

Не могли старшие того понять, что Лёлю разрывало на части.

Она получила безалаберное воспитание. Может быть, права бабушка Елена Павловна, называя ее ветреной, взбалмошной особой. А какой же еще ей быть? На нее то лили елей, то обливали помоями. То страстно любили и заласкивали, то поносили почем зря. Чтобы окончательно не впасть в отчаяние, она самоуслаждалась своим странным даром — вслушивалась в потусторонние голоса, всматривалась в необыкновенные видения. Бабушка, требовательная к себе и ничего себе не прощавшая, не прощала и другим: ей, Вере, абсолютно никому, кто не подчинялся установленному в их доме распорядку, пытался жить по своему усмотрению.

От бабушки она унаследовала твердость характера и властность, от отца — горячность и простодушие, от матери — мечтательность и нежность. Они, ее близкие, внушали ей отвращение к той светской жизни, которая велась вокруг и которую они, по своему общественному положению, обязаны были поддерживать. Получалось, что идеалы — сами по себе, а жизнь — сама по себе.

Гул балов стоял в ее ушах, там было так весело, и ее неудержимо тянуло туда. В то же время она ясно осознавала, что стоит увлечься светским образом жизни, и навсегда произойдет разрыв с видениями и внутренними голосами. Она не знала удержу расходившейся фантазии — звала своего Хранителя, но он куда-то исчез. Ей была необходима твердая рука, которая привела бы в порядок мысли.

Ни мнение света, ни предрассудки общества не в силах были остановить Елену Петровну на пути к духовному совершенству и обретению чуда. Это было у нее в крови — поступать наперекор здравому смыслу. Нельзя было допустить, чтобы здравый смысл подмял тайну, которую она несла в себе, вынашивала, как ребенка.

Ее прабабка, французская аристократка, бросив детей и любящего мужа, умчалась на двадцать лет неизвестно куда и непонятно с кем. Никто не смог бы объяснить, почему она это сделала. Только Лёля одна догадалась, примерив прабабкин поступок на себя: ее прабабка, как и она, получала сообщения оттуда — из космических глубин, из неизведанных далей и неукоснительно им следовала.

Лёля давно уже видела жизнь своей семьи в ином свете. В Тифлисе она избегала разговоров даже с сестрой Верой и тетей

Надеждой. Опасно было с ними откровенничать. Одновременно ей нравилась бесшабашно-веселая жизнь, она завлекала в свою пучину. Спустя много лет она убеждала всех и каждого, что не ходила на балы, ссылалась на невозможность появляться на них в глубоком декольте. Ведь не пристало ей, девушке, представать почти голой перед чужими людьми. В качестве примера приводила невероятный случай, когда она, чтобы не появляться полураздетой на большом балу у царского наместника, якобы умышленно сунула ногу в кипящий котел и шесть месяцев провалялась в постели[124]. То, что она рассказывала своим соратникам-иностранцам о себе, по большей части было откровенным враньем. Она экспериментировала над ними, играла на их легковерии. На самые немыслимые выдумки Елена Петровна была большой мастерицей. Мы-то сейчас знаем по воспоминаниям сестры Веры, как все обстояло на самом деле.

Спустя много лет Елена Петровна утверждала, что всегда ненавидела наряды, украшения, цивилизованное общество, балы и парадные залы.

Это никак не соотносилось с той веселой жизнью, которую она вела в Саратове и Тифлисе. А совсем бесцеремонным враньем было ее признание, сделанное лет в пятьдесят. Она утверждала, что если бы в юности какой-то молодой человек посмел заговорить с ней о любви, она застрелила бы его, как бешеную собаку[125]. Уже с первых дней приезда в Тифлис Лёля, как свидетельствует ее сестра Вера, выезжала на балы и вечера, упрашивала бабушку Елену Павловну и тетю Екатерину Витте, чтобы ее брали с собой в гости. А знакомых у Фадеевых в Тифлисе было видимо-невидимо[126]. Так что нету нас оснований не доверять воспоминаниям Веры Петровны Желиховской. Она за честь своей старшей сестры Елены Петровны Блаватской готова была голову на плаху положить! Так не будем осуждать основательницу теософии за ложные сведения, связанные с ее молодостью. Когда кто-то до неприличия завирается, беспрерывно сочиняет всяческие небылицы, над таким человеком начинают веять враждебные вихри, вокруг него возникает славословящий хоровод из никчемных людей и, соответственно, вся эта суматоха лишает его ощущения реальной и нереальной жизни.

Став Еленой Петровной Блаватской, «старой леди», она, что важно иметь в виду, не признавала дуализма божества, не разделяла одно совокупное целое на «доброе» и «злое». Для нее сатана, Люцифер — «дрожжи вселенной, которые не допускают быть всему на одном месте — это принцип активного движения», как точно определил концепцию Блаватской и принял ее как

основополагающую для собственного творчества великий композитор А. Н. Скрябин[127].

Глава седьмая. ГОЛИЦЫН И ТАЙНА АТЛАНТИДЫ

Встречи с князем Александром Голицыным она вспоминала последовательно, день за днем, со всей яркостью всплывающих из прошлого картин и отчетливостью ощущений. Знакомство с князем было первым важным событием в ее почти взрослой жизни. Он был старшим сыном князя Владимира Сергеевича Голицына. Представительный, красивый, образованный юноша Александр Голицын[128] какое-то время казался ей лучшим из всех людей, которых она встречала. Как долго сердце ее искало привязанности, и наконец-то, похоже, ей повезло! Накануне нового, 1848 года прошел ее первый бал, к которому ей сшили роскошное платье. Лёля очень любила выезды на балы, вечера, в театр. Не могла существовать без шумных и праздничных людских сборищ, которых не терпела и избегала ее тетя Надежда[129]. «Это был ее первый большой настоящий бал. Она мне показалась — да и в самом деле была — чудо какой хорошенькой!..» — вспоминала сестра Вера[130]. Тогда-то, на этом балу ее как магнитом потянуло к Александру Голицыну, который до этого несколько раз вместе с отцом заглядывал в их дом. Она прошла с ним все шесть фигур кадрили, говоря без умолку. После предновогоднего бала они сильно сблизились. У них оказалось много общих тем для разговоров.

До девяти лет, как признавалась Елена Петровна Блаватская, ее единственными «нянями» были артиллерийские солдаты и калмыцкие буддисты. У одних она научилась уверенно и лихо сидеть в седле, у других — долготерпению и мудрости.

В седле она дышала свободнее. По утрам выбирала из конюшни самого норовистого вороного жеребца и чуть ли не с места пускала его в галоп. Ей нравилась бешеная скачка, когда распущенные белокурые волосы, откинутые назад с белого выпуклого лба, развевались и трепетали от встречного ветра.

Посмотришь со стороны — загадочная обворожительная амазонка из исчезнувшей Атлантиды. Поездки верхом словно охлаждали в ней снедающий жар затронутого честолюбия и непомерной гордыни.

Ранняя весна опушила нежной зеленью деревья и землю.

Она, взволнованная, неслась на лошади, не разбирая дороги. Все чаще и чаще жеребец переходил на шаг, копыта вязли в сплошном месиве грязи. Небо тяжелой попоной спустилось на землю, тучи обложили вершины гор. Издалека слышны были раскаты грома. Она не замечала пронизывающего ветра. За склоном горы показалась старая церковь, сложенная из грубых

необтесанных камней. Она пришпорила коня, вспугнув с земли целую стаю ворон: их всполошенный грай заставил ее вздрогнуть и осмотреться.

Он складывал на площадке перед церковью дощечки, тонкие веточки и плоские камушки. Выстраивал их в шеренгу, столбиком, что-то бормотал себе под нос, не обращая на нее никакого внимания. Лицо то расплывалось в улыбке, то, вспыхивая, искажалось гримасой недовольства.

Лёле представилось, что он совершает какой-то ритуал, ей непонятный.

Никакими ухищрениями и обманом не достичь духовной свободы. Она это поняла только перед смертью, беспомощно опускаясь в кресло у столика, чтобы передать на бумаге свое главное напутствие людям. К сожалению, чуть-чуть не успела, не сорвала перед потомками последнюю завесу.

Она подозревала, что в Тифлисе сохранились толкователи удивительных и загадочно-чудесных фактов и явлений — бесстрашные первопроходцы непознанного, рисковые ныряльщики в бездонные глубины сверхъестественного. На зыбкой почве предположений и догадок строили они Соломонов храм мудрости.

Неужели этот юноша был одним из тех, кого она долго и безуспешно разыскивала? Что заставило его ворожить у спрятанной в горах старинной церкви? Каприз светского человека или магическая необходимость?

Ее вернул в реальность недоуменный и глубокий взгляд юноши, заставив замереть в жгучей, перехватывающей дыхание истоме. Она быстро справилась с собой, с непринужденной грациозностью соскочила с коня и синим пламенем глаз обожгла молодого князя.

Ей уже исполнилось шестнадцать. Она была и романтична и мечтательна, музицировала, посещала балы, но пока еще никто не угадывал в ней выдающуюся личность.

— Какая приятная неожиданность, какая радость, мадемуазель! — произнес молодой князь, слегка картавя на французский манер.

Дерзкий и насмешливый взгляд Голицына заставил ее встрепенуться.

— Поверьте, я уже давно мечтаю поговорить с вами не на ходу, а основательно.

— Так в чем же дело, князь? Судьба, как видите, дарит нам такую возможность. Если вы, конечно, тот самый князь Александр Голицын, сын Владимира Сергеевича, а не его двойник, не мираж, не фата-моргана.

Она любила кольнуть без всякого заднего смысла, исключительно себе в удовольствие. Он же ее иронию пропустил мимо ушей.

— Какое счастье встретить вас здесь, — он продолжал отпускать комплименты. — Послушайте, я буду откровенен — вы давно занимаете мои мысли. Прошел уже месяц, как я впервые увидел вас на балу и не в состоянии забыть эту встречу.

«С места в карьер, — мелькнуло в голове. — С чего бы это?»

— Я мучаюсь в догадках по поводу ваших необыкновенных способностей, — продолжал между тем князь. — Кое-что до меня доходит. Правда ли, что вы сомнамбула и к тому же ясновидящая?

Она не сводила с него вдумчивого взгляда, восхищаясь им с той девической непосредственностью, которая возможна только в этом возрасте. Что-то торжественное и загадочное было в его лице, жестах, во всей фигуре.

Не получив ответа, князь Голицын продолжил:

— Извините, может быть, мой вопрос покажется вам бестактным. Но если в вас есть этот талант, его необходимо развивать. И я готов тому поспособствовать.

«Он все-таки чересчур самонадеян», — заключила она, внутренне ощущая манящую, исходящую от него силу. Силу, окутанную властной и сладостной тайной.

— Вы, конечно, слышали об Атлантиде? О ней упоминал еще Платон. Находятся люди, которые считают миф об Атлантиде вздорной сказкой. В лучшем случае — занятной легендой.

Что же касается меня, само это слово вызывает во мне трепет. Не стоит бояться легенд. Они — противоядие засасывающей скуке жизни. Вы верите, что существует неумирающая, проходящая через столетия память поколений?

— Да, — чуть слышно отозвалась она. — Я знаю об этом.

Сердце ее оборвалось, и она, взволнованная, шагнула к нему.

— Вообще-то настоящие открытия строятся не на логике, а на откровении, на догадках и домыслах, на снах, в конце концов. Вы согласны со мной?

Она утвердительно кивнула головой.

— Память поколений, — тихо проговорил князь, — обширнее и точнее всего, что написано рукой человека. В какой-то степени эта память отражается в преданиях, заговорах и поверьях, в мифах и сказках. Но лишь частично. Преемственность тайного знания сохраняют, берегут от уничтожения временем посвященные: от жрецов Атлантиды и греческих иерофантов до египетских коптов и индусских святых.

Она взглянула на него с легким беспокойством и

простодушно спросила:

— Князь, вы маг?

Он не ответил, пристально изучая комбинацию веток и камней, лежащую в уродливой неподвижности. Эта застылая неживая груда сдвинулась и затрепетала столь неожиданно и тревожно, что она, испугавшись, вскрикнула.

Зловещие раскаты оборвали беседу, и они вошли в церковь.

— Я кое-что знаю, — признался князь Александр Голицын и, резко повернувшись к ней лицом, обнял за плечи. Она почувствовала, как рушится тонкая преграда, разделяющая их.

Сильный удар ветра распахнул дверь. Гроза приближалась. Воздух с каждым мгновением темнел и насыщался влагой. Крупные капли брызнули на землю.

По натуре она привязчива, способна на порывы доброты и великодушия. Однако жизнь постоянно загоняет ее в угол, заставляет идти наперекор совести. Она научилась видеть людей и события в выгодном для нее свете. Она попыталась представить будущие отношения с князем. Сразу было видно, что он баловень женщин, явно окружен их поклонением. В ней ширился, рос благоговейный восторг: она готова питаться черным хлебом, но узнает, что есть истина.

— А откуда все эти знания у египтян? — с жадностью спросила она.

— Не все сразу, мадемуазель, — ответил он шутливо, направляясь к возникшему из полумрака церкви священнику за благословением.

Она также подошла поцеловать руку с тонким, словно девичьим, запястьем и утомленными от долгого перебирания четок пальцами.

За церковными стенами вовсю громыхала гроза. Отсветы молний падали на иконостас, и лики святых оживали в полумраке. Сердце ее трепетало: он заметил ее, заинтересовался.

В Тифлис они возвращались вместе по черной, петляющей ленте дороги. Их лошади мерно шли рядом. По осунувшемуся лицу и посиневшим губам князя она поняла, что он основательно продрог, хотя и не подавал виду, точно боялся проявить перед ней слабость. Он слегка покачивался в седле из стороны в сторону, задумчивый и уставший.

Внизу жарко пылало светлое зарево города. Она предложила остановиться у обрыва: невозможно было отвести глаз от огнедышащего костра, устроенного людьми много веков назад для победы над страхом перед ночным, непонятным миром.

Сосны в тающем тумане словно пристегивали горы к небу толстыми, просмоленными канатами, подтягивали их к

ослабевшим и размаянным после грозы облакам. Она отметила, что кора сосен чем-то похожа на панцирь доисторических животных, чешуйчатых стегозавров, к примеру. Те же узкие и вытянутые струпья, слегка наслаивающиеся друг на друга, та же шероховатая и растресканная, как у обезвоженной и бесплодной почвы, поверхность.

«Как все-таки условна и подвижна грань между формами живой и неживой природы!» — подумала она с удивлением.

— Я убежден, что где-то на земле уцелели потомки атлантов, не все же они погибли? — неожиданно сказал князь Голицын. — Вот мы, люди истины, ищем следы таинственных доисторических цивилизаций, стоявших на высокой ступени духовного развития.

— Конечно, кто-то же должен сохранять память о минувших веках и открывать людям глаза на их прошлое, — подтвердила она, вся превратившись в слух.

— Атлантида, как вы знаете, была огромным материком, размерами больше Азии и Африки вместе взятых. Катастрофа случилась в связи с каким-то космическим катаклизмом, чему предшествовали мощнейшие землетрясения. Разверзлась земля, и богатая цветущая страна провалилась на дно моря. — Он говорил уверенно, без тени сомнения в голосе, словно был уцелевшим свидетелем происшедшего. — Сообщение Платона об Атлантиде облечено в форму мифа о «Солнечном острове», на котором в далекие времена процветало могущественное Государство Солнца с развитым культом бога морских пучин Посейдона и авторитарной теократией. И Христофор Колумб, и испанец Писарро усматривали остатки погибшей в океанской пучине Атлантиды в открываемых ими землях.

— Князь, я поняла, что Атлантида существовала в те времена, когда человечество было единым, не разделенным географически и этнографически. Отсюда и общая форма пирамид, и совпадение многих культов, религиозных эмблем и символов у разных народов.

— Вы умница! — Голицын коснулся рукой ее волос. — Вы достаточно образованная девушка и должны поэтому знать об удивительном сходстве в названиях явлений и символов культа. Например у семитов Передней Азии и тихоокеанских полинезийцев. Должен заметить, вопросов, связанных с Атлантидой, возникает довольно-таки много.

Он испытующе взглянул ей в глаза. Мягкая ладонь князя была холодной, как у покойника. Она же, напротив, пылала, охваченная лихорадочным нетерпением узнать от него как можно больше. Она была уже готова служить ему со всей преданностью.

— Археологи постоянно обнаруживают свидетельства очень

древней и высокой культуры. Я убежден, что это следы Атлантиды. Она располагалась, вероятно, на материке между Европой и Америкой. Нетрудно увидеть теснейшую связь между средиземноморской культурой, с одной стороны, и мексиканской и перуанской — с другой.

— Князь, а могла Атлантида погибнуть в результате вулканической катастрофы? — подала она голос, окончательно стряхнув с себя гнет робости и молчания.

— Меня в большей степени интересуют не причины, приведшие к гибели Атлантиды, а существование людей, которые сумели предвидеть эту катастрофу и предпринять меры для своего спасения, — ответил Голицын. — Ведь спасая себя, они спасали те знания, которые веками, а может, тысячелетиями накапливала цивилизация атлантов.

— Мы ничего не знаем о прошлом, словно неразумные дети, — вздохнула она и, пришпорив коня, вырвалась вперед. Она вспомнила, что домашние ее заждались и, судя по всему, сходят с ума от беспокойства. Пора спешить! Обронив на ходу: «До скорой встречи!», она понеслась вперед. Голицын прокричал ей в спину:

— Наша встреча должна остаться тайной!

Этих слов она уже не услышала.

Очень скоро Лёля поняла, что Александр Голицын — верхогляд. Все, о чем он говорил, узнано им из разных книг, из тех же самых, что прочитала она. Но она прочитала таких книг намного больше, чем он. Он самовлюблен и самонадеян. Вряд ли она увлечет его собой. Если выбирать между ним и Атлантидой, то что для нее важнее — она некоторое время сама не знала. Так именно или приблизительно так думала Елена Ган, влюбленная «на минутку» в старшего сына Владимира Сергеевича Голицына. Его отца она просто боготворила. А какой еще мудрости вы ждете от молодой симпатичной девушки, окруженной молодыми воздыхателями, щеголями в военных мундирах? Лёля уже научилась приковывать к себе внимание окружающих людей, знала, каким словом, жестом и выражением лица их зацепить, но что последует потом? Она влюбила в себя Костю Кауфмана, молодого человека с красным носом то ли от постоянной простуды, то ли от перепоя. В будущем он станет генералом, героем Туркестанского похода. В одном из писем князю А. М. Дондукову-Корсакову она вспомнит о нем: «…мой бедный невинный красноносый друг Константин Петрович! Я не виделась с ним с 1848 года; тогда в Абаз-Тумане он имел обыкновение попусту объясняться мне в любви, восседая на куче картошки с морковью»[131].

От нее не отходил ни на шаг местный Дон-Жуан и греховодник (по ее словам, сказанным значительно позднее) Саша Дондуков-Корсаков, в то время адъютант князя М. С. Воронцова. И сколько их было других молодых офицеров, которые искали ее расположения! Но для своих чувств она требовала драгоценной оправы из мудрых изречений и глубоких мыслей. Вот это ее условие никто из упомянутых молодых людей не был способен выполнить. С Александром Голицыным все разрешилось само собой. Он уезжал навсегда в конце 1848 года вместе с отцом в Москву. Для нее это была настоящая трагедия.

Лёля спешила на последнее тайное свидание за городом с князем Александром Голицыным. Она полюбила его и на тебе! — он уезжает. Его обхождение с ней, его ум, его красота свели Лёлю с ума, и она забыла о правилах ханжеского и мстительного светского общества. Как коротко длилось их счастье! И что же? Ее насильно разлучили с ним, испачкали в грязи. Она навещала княгиню Елизавету Ксаверьевну Воронцову, которая должна была психологически ее поддержать, и почувствовала, что она не на ее стороне. Лёля вовсе не хотела, чтобы ее добрый и великодушный дед Андрей Михайлович Фадеев, кормилец и опора всей их семьи, опять впал в немилость, теперь уже у своего благодетеля князя Воронцова. Она представляла, что за этим неминуемо последует.

Князь поджидал ее там же, у церкви.

— Я скоро уезжаю с отцом в Москву.

— Так что же мне делать, князь? — Она пыталась отыскать себе спасительную соломинку, одновременно в ней росла неприязнь к тому, перед кем еще вчера трепетала и кого все еще любила.

— Не беспокойтесь. Выход найдется из любого положения всегда. Я уезжаю, но мир тесен. Убежден, что мы еще встретимся.

— Князь, а может быть, мы попутешествуем вместе? — вдруг вырвалось у нее совершенно непроизвольно. Она сама испугалась своей просьбы.

— Девушке больше пристало путешествовать с дамой, чем с мужчиной, уж поверьте мне.

«Отлично, — быстро отреагировала она, — значит, князь не собирается меня соблазнять». Но было в этой мысли и что-то неприятное, словно он пренебрег ею.

«Надо как-то сбить его с панталыку, — подумала она, — а то подумает, что я без него не смогу жить».

И она нашла, что ему сказать. Пусть уж лучше считает ее сумасшедшей.

— Князь, я доверю вам тайну, — сказала она. — У меня есть Хранитель, Защитник. Он появляется неожиданно и всякий раз

вовремя. Он выглядит, как индийский принц.

По его спокойному лицу она поняла, что он не придал ее провокации ровно никакого значения. Это слегка ее обидело, но потом она рассудила: князь решил, что она говорила об ангеле-хранителе, а упоминание об индийском принце пропустил мимо ушей.

Князь молчал. Наконец, слегка заикаясь, сказал:

— Как память о себе, дарю вам тау-крест, древнеегипетский символ бессмертия, знак планеты Венера. Мне его привезли из Каира. Если окажетесь там, непременно встретьтесь с коптом Паулосом Ментамоном. Он, если захочет, приобщит вас ко многим тайнам.

Она взяла из его рук крестик, по форме напоминавший букву «Т» с овальным ушком, и невольно подумала: «Князь задушил бы меня не в объятиях, а суждениями о таинствах египетского богослужения».

Больше они никогда не встречались. Через двадцать пять лет, в 1874 году, Елена Петровна в одном из своих интервью американским журналистам вдруг заявит, что была обручена с князем Александром Голицыным, но он неожиданно умер[132]. Обручение, если оно в самом деле состоялось, было тайным, и, как можно предположить, влюбленных заставили расторгнуть эту помолвку по настоянию князя М. С. Воронцова и его жены.

Следуя общей страсти своего времени, Елена Петровна искренне тянулась к оккультным знаниям. Мысль о том, что она откроет секрет философского камня, а также возьмет под неослабный контроль скрытые силы природы, подстегивала ее, увеличивала и без того непомерные амбиции. С годами она пренебрегла многими радостями жизни, почти полностью отрешилась от повседневного. В особенности с той поры, как удостоверилась в своем развивающемся магическом даре. Она в самом деле блаженствовала и торжествовала, когда ей удавалось раскрыть перед людьми свои оккультные способности. Она несколько раз совершала в жизни необычные и странные действия, нечто такое, что вызывало у окружающих изумление и даже повергало некоторых из них в шок. Она читала мысли чужих людей и не всегда к месту озвучивала их.

Если прежде она целиком и полностью полагалась на сновидческую правду как на просвет Оттуда, то в старости ей вовсе не нужно было забываться долгим сном, чтобы прозревать будущее и восстанавливать из руин прошлое. Она в полной мере ощущала себя провиденциальной личностью. Само собой разумеется, что состояние экстатического бодрствования отнюдь

не означало полного отказа от пророческих сновидений.

В них появлялись призрачные замки, наполненные гремучими змеями и привидениями. Другое дело, что Елена Петровна теперь не прибегала исключительно к снам, чтобы узнать, что же будет с ней завтра. В этом практически не существовало необходимости. Она действовала более осознанно, чем, например, в Саратове или Тифлисе. Ощущение пророческого дара не сделало ее самонадеянной и заносчивой. Она пыталась быть осмотрительнее в своих заявлениях и не скрывала зависимости от высших стихий и существ, с которыми она ухитрялась вступать в общение и которые были ее единственными советчиками и подсказчиками. Ее неустойчивый характер служил источником несноснейших неприятностей для близких.

Не надо забывать, что Провидение щедро одарило ее духом любознательности. Во времена сильнейших встрясок и испытаний она никогда не утрачивала этого Божьего дара.

Лёля попыталась найти кого-нибудь постарше.

Ей нравилось обращать на себя внимание Никифора Васильевича Блаватского. Она встретила его не на балу, а у себя в доме, в непринужденной обстановке. Она помнит свое белое кисейное платье. Волны золотистых волос схвачены, словно закованы в берега, черепаховым гребнем. Лёля умела распознать реакцию спутника, знала, как очаровывать, когда того хочешь. Она вспомнила, как подрагивали ноздри Никифора Васильевича, смотревшего на нее во все глаза. Он хорошо знал ее дедушку, сталкивался с ним по службе, работая долгое время в Полтаве в канцелярии губернатора. На Кавказе он был сначала по полицейской части в Шемахе, затем жил некоторое время в Персии и, наконец, оказался чиновником по особым поручениям при тифлисском губернаторе С. Н. Ермолове[133].

Они стояли молча на балконе, вслушиваясь в южную, звенящую цикадами ночь, а затем вернулись в гостиную. Она, сложив на коленях руки, не смела поднять на него глаз, испуганно бледнела. Старалась скрыть необузданный нрав за смиренным взглядом. Но и сквозь ресницы сумела разглядеть Блаватского основательно и подробно.

Лысая, как колено, макушка. Тогда-то она подумала: «Выйдешь за него замуж — и разнесет, как попадью». Ни субтильностью фигуры, ни отсутствием аппетита она не страдала.

«С этим человеком ты на, какое-то время свяжешь свою судьбу», — прозрение было смутным, но прочным.

Он говорил с ней приветливо и ласково, как с избалованным,

капризным ребенком. Без излишней назойливости, свойственной молодым людям. Может, это и привлекало, особенно на первых порах.

Никифор Васильевич в разговорах поддержал ее интерес к египетским тайнам, подарил редкие книги по алхимии и масонству.

Они снова вышли на балкон, и она, жадно вдыхая свежую вечернюю прохладу, подумала, взяв за локоть, словно от смущения, немолодого воздыхателя, что не всеми она покинута, не всеми пренебрежена.

Она слышала, что тетя Екатерина Андреевна Витте грозила отдать ее на год в монастырь для укрощения строптивого характера.

Блаватский по делам службы некоторое время находился в Персии. Она вспомнила Грибоедова, и сердце заныло от нестерпимой жалости: «А ведь его тоже могли убить».

Нужно было что-то решать, что-то предпринять, дать понять этому скромному порядочному человеку, что он не одинок, что она ценит его благородную душу. Лицо ее просветлело и, склонившись к Никифору Васильевичу, она едва слышно прошептала: «Не надо вам никуда больше ездить, лучше оставайтесь в Тифлисе!»

Ей казалось, что она чуть-чуть полюбила Блаватского и этого «чуть-чуть» достаточно, чтобы вырваться из-под опеки семьи, обрести долгожданную свободу. По прошествии некоторого времени она свыкнется с мужем, а он в свою очередь не станет мешать ее мистическим опытам. Врата, за которыми маячила ее свобода, скрипнули, с трудом сдвинувшись с места на заржавленных петлях, и приоткрылись.

Сердце ее вскоре отозвалось, откликнулось на душевное тепло Блаватского. Исключительно ради нее тянулся он к их семье. Никому и в голову не приходило, что у него столь серьезные намерения. Человек он в возрасте — тридцать девять лет. Ну и пусть думают что хотят.

У нее свои резоны: она увидела в нем черты Грибоедова, блистательного дипломата, поэта, напористого администратора. В себе она узнавала Нину, хрупкую фантазерку, избалованное дитя света.

Они тоже встретились в Тифлисе, как Грибоедов с Ниной. И она, как и Нина Чавчавадзе, бесповоротно решила отдать свое сердце человеку вдвое ее старше. Да и мама была вдвое моложе отца. Видно, в их семье так уж повелось.

Дело теперь было только за ней.

К её окончательному решению выйти замуж за Блаватского

привел разговор с княгиней Воронцовой. Они встретились на балу. Она не помнила, что это был за повод, но разговор остался в ее памяти на всю жизнь.

— Вы хорошеете с каждым днем, Елена, — сделала ей комплимент княгиня, — и так стремительно повзрослели. Ну просто девушка на выданье.

Она скромно потупила глаза, ничего не ответила. Лёля знала, что княгиня Воронцова готова выдать ее замуж и за черта лысого, только не за своего двоюродного племянника.

— Я слышала, что к вам сватается Никифор Васильевич Блаватский. Это на самом деле? Не стоит ему отказывать. Лед и пламень порой рождают дивные вещи. Блаватский — порядочный человек и будет вам предан до гроба. Настоящие женщины выбирают мужей, которые будут им служить. Все мужчины — наши слуги! — закончила речь княгиня Воронцова и одарила ее двусмысленной улыбкой.

Вскоре состоялась Лёлина помолвка с Н. В. Блаватским. Он подарил ей два шлифованных камня с арабской надписью.

Нельзя сказать, что А. М. Фадеев возрадовался столь неожиданному повороту событий. А кому из дедушек, скажите, придется по душе, когда таким бесцеремонным способом унижают твою внучку?! Князь М. С. Воронцов добился для Блаватского назначения вице-губернатором Эривани — вновь учрежденной губернии Закавказья. Для скромного чиновника это была сногсшибательная карьера.

В конце концов старшие Фадеевы дали согласие на брак исключительно потому, чтобы спасти положение, разом прекратив наговоры и слухи о легкомысленном поведении внучки[134].

Ее мысль скользила в Космосе, как блуждающий огонек — негаснущий земной маяк. Она проснулась в лондонском доме на авеню Роуд в холодном поту и до утра не могла заснуть.

Бессонница рождала галлюцинации. Они возникали, как сновидения. Выступали наружу из укромных уголков подсознания, как талая вода, скопившаяся в рытвинах, ямах, ложбинах, овражках ее окоченевшей жизни. Оттаивая, она все еще была обложена этими зажорами памяти. Одно непродуманное действие, один резкий поворот вспять — и она обязательно рухнула бы в бездонное небытие, утонула бы окончательно и бесповоротно. Недаром говорят в России: «Не река топит, а лужа». А тут подводные камни моря житейского. Да еще — Тарпейская скала, на которой греки убивали своих болезных новорожденных.

Она чувствовала, что необратимо меняется. Ей мнилось, что кокон мерцающей туманности, спеленавший ее послушное тело,

распадается, и она возвращается из своих потусторонних снов. Превращается в жирную неповоротливую гусеницу и медленно выползает на окраину Млечного Пути, а вокруг стоит вечная морозная стынь.

Теперь, наконец-то, она, жалкое подобие легкокрылой бабочки, выпархивала в живой Космос, возвращалась на землю, к людям.

С огромной высоты она видела сменяющиеся миражи: нечеткие, струящиеся картинки из своего детства, юности и отрочества. От страдальческого умиления и безысходной печали ее дух трепетал в черных провалах космических дыр. Ему, вероятно, было неловко от ощущения заново переживаемой жизни.

Из-за беспрерывного опасения навсегда исчезнуть она (невидимое летучее создание, бабочка-сфинкс) усыхала и исходила дрожью. На ее темном пушистом тельце явственно проступал скособоченный череп — предупреждающий знак вечно хлопочущей смерти. Однако эта скромная затасканная эмблема бренности жизни (слава тебе господи без скрещенных костей) ни в коей мере не соответствовала ее неумирающей сущности.

Нет ничего опаснее, чем обнаружить в себе, находясь в запредельном пространстве сна, ностальгическое чувство, тоску по Родине. Ее непреодолимо потянуло в Россию. Это не проходящее с годами желание мешало ей сосредоточиться на индусских богах и богинях с зеленоватыми пятнами — следами окисления на медных и бронзовых телах; на распаренном жарой воздухе и ослепшем от яркости солнце, на цветастой одежде и рельефных телах индийцев — на всем том стремительно движущемся и пребывающем в ленивой истоме мире, который постоянно чудился ей в Лондоне, а сейчас, за несколько дней до смерти, вдруг непонятно почему затягивался липкой паутиной безразличия, обрастал мхом страха и покрывался мраком отчаяния.

Она впала в забытье.

Из продолжительного обморока ее вывел трогательный монотонный звук зурны. В неприхотливой мелодии было столько покоряющей и завораживающей глубины, что она стряхнула с себя наваждение сна, освободилась от терзающих призраков своих давних согрешений. Вокруг нее зазвучали человеческие голоса, зашептали о погибели ее души. Кто-то сменил мелодию, и она услышала успокаивающий панихидный мотив — повеяло густым и свежим воздухом белых березовых рощ и бело-розовых

гречишных полей.

Россия все-таки святая земля!

Мистические волнения оставили ее. Ей захотелось вместо звездной уединенности оказаться в ярмарочной толчее, надземное немедленно сменить земным, надбытность снизить до обыкновенного человеческого быта. Ей захотелось сновидений-воспоминаний.

Никогда не могла она холодно созерцать Тифлис, где зародилась ее взрослая жизнь. Не только Саратовский край, но и Закавказье все еще были полны отсветов, отражений и отзвуков событий и действий, имевших место в ее жизни.

Почему-то Блаватской вспомнилась русская народная мудрость: плуту и вору — честь по разбору.

Она не боялась ни смерти, ни страданий. Двух опасностей, впрочем, не учла в своей жизни: непреодолимую силу невежества и диктат человеческого эгоизма. Ее последователи так и не открыли тайны Голгофы. Не смогли понять, что правда — это то, за что умирают на Кресте. Ведь за ложь не только никто не хочет умереть добровольно, но даже и пострадать желающих не найдется. Не оказалось среди ее теософов мучеников идеи. Лакеи и приказчики составили ее воинство. Да еще самовлюбленные негодяи и негодяйки с командными голосами и авторитарными подходами. Всякие там Мории Афанасьевичи и Махатмы Васильевны. Не перестают они топтать ее несчастную Россию, словно не великая это вовсе страна, а жалкая общипанная курица.

Во время бессонницы Блаватской неоднократно мерещился ее труп, заваленный цветами, и всякий подходящий проститься с ней видел себя в предыдущих рождениях либо фараоном, либо Клеопатрой, и никто, абсолютно никто не признавался, что когда-то существовал в теле собаки, гадюки, паука или хотя бы был заурядным скромным чиновником. Все они, ее сторонники, охвачены манией величия: нарочно обманывают себя, преисполняясь при этом непомерной гордыни.

В человеческом сознании больше тайн, чем предполагают люди. Вся история человечества, от начала и до конца, отпечатана в извилинах головного мозга, тогда как «я» великого человека — ослепляющая на мгновение молния этой истории.

В один и тот же час казавшейся вечной ночи она вглядывалась в одну и ту же светящуюся точку — человеческое «я», и не могла смириться с мыслью, что каждый человек, по существу, раб своих предков. Всей прожитой жизнью он

уменьшает или увеличивает духовно-энергетический потенциал своего рода.

Может быть, реинкарнация — утешительная ложь. Бессмертен только дух родоначальника[135]. Она все больше уверовала в эту истину, предполагая между тем, что ей несдобровать, если легковерные и корыстные сподвижники поймут ход ее мыслей. Она пыталась их перехитрить, утверждая в теософской практике необходимость и важность рабского подчинения воле Учителей, иерофантов, звездных братьев.

Она отлично ладила с теми, кто поверил в могущество этой воли. Просто удивительно, как быстро они, ее последователи, поверили в то, что ее теософские сочинения написаны под диктовку Учителей. Скажут, она устраивала мистический маскарад и обман, многих водила за нос и оставляла в дураках.

Самое удивительное, что она не издевалась над здравым смыслом и не считала, что мир состоит сплошь из круглых идиотов. Просто ей понадобился таран, с помощью которого она попыталась разрушить банальные представления о, казалось бы, непоколебимых авторитетах. А для этого был просто необходим культ Учителей — ее духовных двойников.

Блаватская любила загадочное непостижимое небо, голубую бездну вечности. Неспроста ведь с детских лет ее преследовали видения лесов тридесятого царства.

Глава восьмая. МАСОНСКАЯ МУДРОСТЬ

Библиотека Фадеевых была обширной и необычной по содержанию. Дед и бабка Елены Петровны перевозили ее из дома в дом, к месту нового назначения Андрея Михайловича Фадеева. Значительная часть книг досталась бабушке Елене Павловне в наследство от ее отца князя Павла Васильевича Долгорукова и деда по матери Адольфа Францевича Бандре дю Плесси. В библиотеку входила большая коллекция книг (несколько сотен) по алхимии, магии и другим оккультным наукам. Эти книги составляли обязательный круг чтения мало-мальски образованного русского масона. Назовем некоторые из них: «Мудрость Соломона», «Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста», «Каббала», «Египетская книга мертвых», «Книга Тайн», «Кодекс Назареев», творения Сведенборга, Эккартсгаузена, Феофраста, перевод на русский язык индийской «Бхагават-гиты», изданной в 1788 году Николаем Новиковым. Можно себе представить, какое это было увлекательное чтение для девочки, свободно и непринужденно общавшейся с представителями потустороннего мира. Сама Блаватская признавалась, что она

перечитала все эти книги с острейшим интересом до пятнадцати лет: «Голова моя стала пристанищем для всей черномагической средневековой чертовщины, и вскоре ни Парацельс (великий врач, естествоиспытатель. — А. С.), ни Кунрат (выдающийся немецкий каббалист, розенкрейцер, химик и врач. — А. С.), ни К. Агриппа (создатель римского водопровода, кудесник храма Пантеон. — А. С.) уже ничему не могли бы меня научить. Все они рассуждали о „брачном союзе красной Девы с Иерофантом, и о бракосочетании астрального минерала с сивиллой“, о взаимодействии мужского и женского начал в определенных алхимических и магических операциях»[136].

Лёля научилась распознавать нераспознаваемое и ясно видела то, что вряд ли было по силам кому-либо другому. Так, она, по крайней мере, полагала и с важным видом строгой наставницы рассуждала среди своих сверстников о всяких высоких материях. Какие еще масонские книги могли находиться в библиотеке Фадеевых? В своих предположениях будем исходить из того, что подобная литература вызывала большой интерес у интеллектуалов екатерининского времени. Понятно, что речь идет о масонских сочинениях, переведенных на русский язык, большая часть тиража которых была уничтожена в связи с гонениями на мартинистов, но в библиотеках русской знати кое-что сохранилось. Это произведение Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», книги Штарка «Апология, или Защищение вольных каменщиков» и «О древних мистериях, или О таинствах, бывших у всех народов», «Братские увещания» Станислава Эли, «Новая Киропедия» Рамзая, анонимная брошюра «О поклонении Богу духом и истиною», повесть «Хризомандер», «Карманная книжка для вольных каменщиков» и конечно же «Парацельса химическая псалтирь»[137]. К сожалению, сейчас практически невозможно восстановить весь круг чтения просвещенными русскими дворянами масонской литературы на иностранных языках.

Бабушка Лёли, Елена Павловна, не только не принимала, как тогда говорили, живого участия в масонском союзе, но вообще как женщина не могла быть принятой в масонскую ложу. К тому же она была законопослушной подданной Российской империи, остерегалась общаться с вольнодумцами, была предана царю и Отечеству. По убеждениям своим, по внутренней вере стремилась к самопознанию, а не к самовыпячиванию и фрондерству. Она неутомимо работала над собой, отдавала всю себя поиску истины и служению людям. Не позволяла заглохнуть и в Лёле любознательности и свободы, воспитывала безусловную терпимость к другим верованиям.

Масоны работали над восстановлением и реальным

выражением чисто человеческого первообраза, который был до неузнаваемости искажен, как им представлялось, многовековыми идеологическими раздвоениями и общественными катаклизмами. Дело оставалось за малым: восстановить этот прообраз сперва в тесном кругу масонского братства, а затем уже сделать его доступным всему человечеству как эталон высоконравственной и духовно-осмысленной жизни.

Во всех домах, где бы ни приходилось жить семье Фадеевых, на стенах в гостиной всегда находились два превосходных поясных портрета деда и бабушки Елены Павловны, писанные масляными красками — изображение генерал-поручика Адольфа Францевича Бандре дю Плесси и его супруги Елены Ивановны Бандре дю Плесси, урожденной Бризман фон Неттинг. Адольф Францевич предстает на этом портрете красавцем со значительным и породистым лицом. Он вельможно смотрит с портрета в напудренном парике и в мундире гене-рал-поручика. Елена Ивановна изображена также в напудренном парике, с розой на груди и в том самом роскошном платье, в котором впервые появилась перед Екатериной II.

В постраничных комментариях к воспоминаниям Андрея Михайловича Фадеева, к написанию которых приложил руку кто-то из его семейства, скорее всего младшая дочь Надежда Андреевна, рассказана любопытная история, связанная с восприятием портрета Адольфа Францевича Бандре дю Плесси двумя масонами, американцем Аленом и англичанином Мурчисоном: «В этом портрете есть такая таинственная особенность, по которой люди, принадлежащие к масонству, узнают в нем тотчас масона, хотя по наглядности портрет не заключает в себе решительно никакого знака, никакой особенности и ни малейшего намека на число три. При жизни его никто не знал о принадлежности к масонству, а после смерти, при разборе оставшихся бумаг, жена его открыла это. Спустя лет двадцать, когда Фадеевы жили в Екатеринославе, туда заехал американский миссионер Ален <…> и находясь у них в доме, обратил внимание на висевшие по стенам гостиной портреты, причем указав на генерала Бандре, тотчас объявил: „Это был масон высшей степени“».

На вопрос Елены Павловны Фадеевой, почему он это знает, он извинился невозможностью отвечать и, несмотря на все просьбы, ничего более не сказал. Другой раз, уже в сороковых годах, когда Андрей Михайлович был губернатором в Саратове, у него обедал путешествующий по России президент Лондонского географического общества, известный ученый Мурчисон и, тоже осматривая портреты после обеда, остановился перед портретом

Бандре и спросил у Елены Ивановны: «„Кто это?“ На ответ, что это ее дед, Мурчисон сказал: „А знаете ли вы, что он масон и очень высокой степени?!“ И так же, как Ален, наотрез отказался от всяких объяснений по этому поводу»[138].

Елена Петровна, как я уже писал, рассказала Синнетту о своем чудесном падении с шаткого сооружения из стола и стула. Как, надеюсь, помнит читатель, она пыталась отдернуть шторку на одном из портретов, до которого ей не удавалось дотянуться. Этот рассказ должен был лишний раз убедить Синнетта, что уже в детстве ее оберегал кто-то могущественный и невидимый. Однако в своем рассказе она упустила главное: почему ее разобрало подобное любопытство. С большой вероятностью можно предположить, что она, начитавшись масонских книг и наслушавшись рассказов взрослых о выводах Алена и Мурчисона, пыталась найти на портрете, изображающем деда ее бабушки, определенные масонские знаки и символы. Вот уж тогда она утерла бы нос старшим!

Лёля влюблялась без памяти во все то, что относилось к «запретному плоду». Ее тянуло неудержимо к чему-то спрятанному, утаиваемому, о чем говорят шепотом и с оглядкой. Не случайно же она дурела от туманно-полусветлых ночей, когда окружающие и едва различаемые предметы наводили на нее трепетный сладкий страх и вызывали острое любопытство — словно представляли смутные очертания нездешнего, незнакомого мира. Ее сердце екало и обрывалось. Что-то в ней постоянно колобродило. Ее живые, нервно-возбужденные глаза еще больше разгорались, твердые, плотно сомкнутые губы, насупленные брови, высокий лоб и слегка вьющиеся волосы создавали облик решительной и непреклонной девушки, которая живет по-своему, а не по-порядочному, как заставляет общество. Лёля была сведущей в масонской мудрости. Масонские книги она читала без разбора. Основные понятия и положения масонства в ее сознании остались, а со временем очень даже пригодились в жизни.

После 14 декабря 1825 года масонские ложи в России были запрещены, однако масонство, уйдя в тень, сохранялось как определенная система этических правил и взглядов. В межличностных отношениях столбового дворянства масонские ценности все еще многое значили, не утратили своего прежнего авторитета. Человеческому сообществу недоставало, как свежего воздуха, любви к себе подобным. Вот чего не хватало и ей, Елене Прекрасной, взбалмошной и амбициозной девушке! Надо было

кого-нибудь да полюбить для того, чтобы преодолеть этот мировой холод и всеобщее безразличие людей друг к другу. Надо было на чем-нибудь да остановиться, дабы вконец не растеряться и не впасть в отчаяние.

Настоящая, безусловная правда существовала в глубочайшей древности. Великие несчастья отделили многие, в том числе и нынешние, поколения людей от этой правды. Однако ничего не может бесследно исчезнуть. От материков остаются острова, от умерших языков — слова, от исчезнувших народов — мудрость их гениев. Согласно мифу, который поведал Платон в своих сочинениях «Тимей» и «Критий», некий египетский жрец сообщил афинскому архонту (высшее должностное лицо в Древней Греции), реформатору Солону об ушедшем под воду громадном материке посреди Атлантического океана, который превосходил своими размерами Азию и Ливию вместе взятые и исчез в океанской пучине в результате землетрясения. С мифом об Атлантиде непосредственно связывались представления о Лемурии — так назвал крупнейший английский зоолог Ф. Склэтор материк, якобы существовавший на месте нынешней части Индийского океана, между Индией и Мадагаскаром. Для Лёли одно было ясно: человечество находится в страшном упадке. И в тоске своей по лучшей, достойной ее дарований жизни, в неотвязном желании полюбить и быть любимой она правильно почувствовала — нужно отправляться в дальнюю дорогу.

Само масонство в России, во времена Блаватской запрещенное, не имело того влияния, как при Александре I. После разгрома восстания декабристов оно как широкое движение мысли заглохло, переместилось на периферию культурной жизни страны. Исследовательница русского масонства Т. А. Бакунина в своей книге «Русские вольные каменщики» пишет: «Масонство, занесенное в Россию, по преданию, Петром Великим, почти одновременно с его возникновением в современной форме на Западе, чрезвычайно быстро привилось и распространилось. Объясняется это тем, что появление масонства в России совпало с пробуждением общества, с первыми исканиями освобождавшейся мысли. Усвоив те этнические начала, которые проповедовали вольные каменщики, русское масонство отбросило утопические стремления западноевропейского масонства и превратило орденское учение в популярную нравственную философию, идею которой и стало проводить в жизнь. Такое быстрое распространение объяснялось, по-видимому, и тем, что во времена, как на Западе масонство было лишь одной из школ нравственной философии, у нас оно было единственной»[139].

Масонство или франкмасонство, с которым Лёля ознакомилась с помощью прапрадедушкиных книг, представляет собой систему моральных принципов, воплощенных в аллегории, образы, символы. Всем им дается гностическая, деистическая или христианская интерпретация. Вне всякого сомнения, масонство устремлено, повернуто к Востоку, ибо с помощью восточной мудрости надеется вновь обрести, понять и заново оценить предвечные и исконные черты человеческого духа. Однако эта увлеченность Востоком не дает еще особых оснований считать масонство социокультурным образованием, изначально враждебным русской национальной традиции.

Масонские тайны — это лишь проекция на экран современной национальной культуры того весьма отдаленного прошлого человечества, когда это человечество, как считают масоны, не было разделено географически и этнологически и поэтому обладало высшей целокупной мудростью.

Прямым желанием, верой масонов является то, что всем людям необходимо приняться за работу по строительству Храма Человечества, где будет возрождена память о прошлом. Храм Человеческа — это храм Духа, а его всемогущий архитектор — Бог Любви. Это желание, эту веру масон должен выстрадать в неустанном своем движении к добру. На этом тернистом пути смерть — всего лишь этап к высшему свету. Путь к добру — это путь к прошлому, дорога в золотой век человечества. Достижение великой цели требует от масона не только моральной выдержки и мужества, но и веротерпимости. Масонство не выдвигает общего положения религиозной веры, поскольку форма, в которой осуществляется мистический акт — воссоединение Духа и Мира, гармония микро- и макрокосмов, — может быть разнообразной. Большое значение масоны придают другому аспекту своего мистического акта — воспоминаниям или переживаниям всей предыдущей истории Духа, воссоздания с помощью художественного сознания, а проще говоря, фантазии (которая есть не что иное, как прапамять) всей цепочки бесконечно долгого перерождения души. Чем дальше масонство уклоняется от земного, тем больше оно приближается к созданию той системы идей, совокупность которых получает название «теософии» («богомудрия»). Недаром императивное «я» масона-иерарха или масона-художника превращается в высшую мудрость творческого духа. К этому следует, конечно, прибавить, что орден вольных каменщиков развился из строительных корпораций, лож строителей, со своей системой паролей и символов, которые с XVII века постоянно подвергались идеологизации и превращались в школы морали. Естественно, в ходе такого преобразования

старая строительная символика перетолковывалась в этическом смысле.

Однако не только символизация реалий строительной техники легла в основу эзотерического языка масонства. Чтобы понять те или иные толки масонства, необходимо быть сведущим и в истории религии, и в истории культуры, как западной, так и восточной. А все потому, что в доктрины масонства входят фрагменты и обрывки многих культурно-религиозных систем. На идеологию масонства повлияли школы мистерий, пифагорейцы, митризм, египетское жречество и его обрядовая практика, ессеи, друиды с их тайнами, каббала, средневековая алхимия. В своей организационной структуре масоны многое позаимствовали у христианских рыцарских орденов, в частности, у ордена тамплиеров (храмовников), а также у арабских тайных обществ.

Что еще следует сказать о масонстве? Может быть, имеет смысл четче обозначить основные периоды его истории. Достоверно известно, что вследствие упадка церковного строительства первые почетные члены были приняты в строительную ложу в Эдинбурге в 1600 году, а в 1717 году представители четырех масонских лож собрались в лондонской таверне с единственной целью — образовать Великую ложу Англии.

А через двадцать один год после этого знаменательного собрания папа Климент XII запретил католикам вступать в любые масонские ложи. В своей булле он осуждал масонов за религиозный индифферентизм, натуралистичность многих обрядов, требование клятв с вновь поступающих и предостерегал о той опасности для церкви и государства, которая, возможно, исходит от масонов. Вполне понятно, что в масонских организациях часто царит антикатолическая атмосфера. Впрочем, своим неприятием масонства ничем не отличались от католиков и протестанты. В протестантских государствах масоны были запрещены: в Голландии в 1735 году, в Швеции в 1738-м, в Баварии в 1784-м, в Австрии в 1795 году.

Масоны, напротив, оказались более веротерпимы, в масонские ложи в католических странах привлекают обычно свободомыслящих граждан и антиклерикалов, а в Англии, Северной Европе и США члены лож рекрутируются в основном из протестантов. В масонскую ложу, таким образом, могут входить представители любых религий. Это с одной стороны, а с другой — как только французская ложа «Великий Восток» в 1877 году упразднила требование веры в Бога и бессмертие, с ней немедленно разорвала всякие отношения Объединенная Великая ложа Англии, а также ее филиалы. Несмотря на то что в англо-

американских ложах на алтарь кладут Библию, клятва вступающего может быть принесена на Коране, Ведах и другом священном тексте по выбору.

Все эти исторические факты достаточно красноречиво свидетельствуют о внешней стороне существования масонства в христианском мире, однако мало что говорят об основных чертах его внутренней жизни, особенно о том, что составляет великую тайну масонства. Связана ли эта тайна с магическим опытом гроссмейстера ложи, сверхгения, или же познается через самоутверждение своего божественного «я», через выявление мощи творческой воли, через экстаз Духа, открывающего и переживающего свою сущность, — эти вопросы сами по себе затрагивают сферу эзотерического и потому ответы на них — также тайна за семью печатями.

Масоны объявляют духовными центрами Египет и Индию, и это при том, что их идеология (мистика, обряды) родилась и оформилась в Англии, Франции и Германии. Именно в этих странах Западной Европы масонство в различных своих системах и ипостасях расходилось в окружающие страны, вплоть до России. Во все эти страны масонство несло как свой стиль духовного поведения, так и определенный идеал жизни[140]. В России масонство между тем приобрело особенные специфические черты. Т. А. Бакунина подчеркивала их лояльность как по отношению к Русской православной церкви, так и по отношению к государству. Она утверждала, что русское масонство в XVIII и XIX веках преимущественно не было тайной политической организацией. Цели и стремления большинства русских масонов не выходили за рамки нравственного самоусовершенствования в русле масонского миропонимания. Недаром те русские масоны, которых интересовали исключительно религиозно-нравственные искания, каким-либо преследованиям со стороны правительства не подвергались[141].

Масонство оставило неглубокий след в политической истории России. Может быть, поэтому о нем до недавнего времени писали сравнительно мало. Ведь россияне были и по-прежнему остаются самым политизированным народом в мире.

Масонство обладает всеми признаками и атрибутами религиозного культа: храмы, алтари, молитвы, моральные кодексы, облачения, служба, наказание или награда после смерти, иерархия, вступительные и похоронные обряды. Вместе с тем центральные христианские мифы в культовой практике масонства считаются неприемлемыми для обсуждения, неверно интерпретирующими истину, периферийными. Кандидат в масоны при вступлении в ложу ищет «света», и его уверяют, что

не христианская Церковь, а ложа способна дать ему этот свет духовного наставления. Ему внушают, что если его жизнь будет подчинена моральным принципам масонства, то в этом случае ему уготована ложа небесная. Может быть, в связи с этим обещанием «небесного рая» у некоторых протестантов создается искушающее обманчивое впечатление, что масонство — христианское начинание. О переоценке христианских ценностей в масонстве свидетельствует, например, тот факт, что упоминание Иисуса Христа в масонской молитве запрещено как оскорбляющее чувства братьев-нехристиан.

В конце сороковых годов для Лёли эти знания были книжными. Разумеется, она не помышляла ни о какой масонской ложе. Ей куда интереснее было блеснуть перед молодыми людьми, ее ухажерами, своей осведомленностью в алхимии, магии и других высоких материях. Я убежден, что в то время Лёля даже не предполагала, что ее начитанность и уникальная память окажут ей неоценимую услугу на том поприще, которое она окончательно для себя изберет.

Глава девятая. БРАЧНЫЕ УЗЫ НА КОРОТКИЙ СРОК

Согласие Лёли на брак с Блаватским было импульсивным решением. Сделать такой отчаянный шаг, как можно предположить, вынудил ее ряд чрезвычайных обстоятельств. Во-первых, это был результат шока, который она испытала в связи с отъездом Александра Голицына. Во-вторых, явный вызов новой гувернантке-француженке, которая допекала ее постоянными намеками, что из-за своего невыносимого характера она должна приготовить себя к участи старой девы. В-третьих, тетя Екатерина Андреевна взялась за приготовления к свадьбе племянницы с такой расторопностью и энтузиазмом, что погасить этот предсвадебный ажиотаж не хватило бы никаких сил. В-четвертых, ее горячо любимый отец, который годами жил от нее отдельно и представлялся ей вдовствующим страдальцем, как раз в это время женился вторично на красивой и молодой графине Ланге. И наконец, в-пятых, на нее ошеломляюще подействовали неожиданная встреча с Ниной Чавчавадзе, вдовой Александра Грибоедова, а также пребывание Блаватского некоторое время в Персии и разговор с княгиней Воронцовой. Все обстоятельства ее скоропалительного замужества изложены не самой Еленой Петровной, а ее близкими и друзьями, а также биографами. Сама же она много лет спустя в письме, посланном из Бомбея князю А. М. Дондукову-Корсакову от 7 февраля 1882 года, совершенно иначе объясняла свое решение стать женой Блаватского:

«Знаете, почему я вышла за старика Блаватского? Да потому, что в то время, когда все молодые люди смеялись над „магическими“ предрассудками, он в эти предрассудки верил! Он так часто говорил мне о эриваньских колдунах, о тайных науках курдов и персов, что я решила использовать его как ключ к этим знаниям. Но *его женою я никогда не была*, и я не перестану клясться в этом до самой смерти. **Никогда** я не была „**женою** Блаватского“, хотя и прожила с ним год под одной крышей»[142].

А впрочем, что было на самом деле, сейчас трудно восстановить. Ведь Елена Петровна умела любое событие трактовать в свою пользу и в том свете, какой ее в данный момент устраивал. Проблеск истины забрезжил в том же письме князю, в котором она словно ненароком вспомнила их разговор незадолго до ее свадьбы: «Никогда не забуду, что где-то за месяц до моей свадьбы на балконе у княгини Лидии Гагариной, в Тифлисе, вы прочитали мне проповедь на тему морали. Помните? Tempi passati! (Времена минувшие! — ит.)»[143]. Разговор, судя по всему, был архиважным и касался ее выходящего за рамки приличий

поведения, когда она, обезумев, бегала по знакомым и искала встречи с князем Александром Голицыным, который, по слухам, вернулся в Тифлис.

Таким образом, у Лёлиных дедушки и бабушки были свои резоны выдать ее быстро замуж, и резоны веские. Они боялись, что она вытворит что-то уж совсем неприличное, что может запятнать честь семьи. Предчувствие их не обмануло. Что Лёля нуждалась в свободе, что ей надоело ходить на поводке у тети Екатерины Андреевны, что ей претил конформизм деда и бабушки, а еще в придачу к ним Юлия Федоровича Витте — все это так. Но всех названных причин явно недостаточно для того, чтобы вот так, с ходу, выходить замуж и тут же сломя голову бежать от мужа. Тут должен был найтись повод более основательный. Можно сказать, ее толкнули на этот шаг жизненная необходимость и безвыходное положение. Более того, как я постараюсь доказать, в ее втором, на этот раз мнимом побеге уже не из мужниного дома, а из России, были заинтересованы все члены семьи Фадеевых и Витте, а также ее муж Н. В. Блаватский. К ним еще можно присоединить князя М. С. Воронцова и его жену. Уж больно ситуация возникла щекотливая! Все они добивались ее исчезновения из их круга, но друг и союзник у Лёли оказался единственный — ее дядя Ростислав Андреевич Фадеев.

Лёля обвенчалась с Никифором Васильевичем Блаватским 7 июля 1849 года в селении Джелал-Оглы (русское название — Каменка) в двадцати верстах от окруженного горами и лесами местечка Гергеры, военного поселения, где стоял грузинский гренадерский полк. Этим полком командовал князь Илья Дмитриевич Орбелиани, близкий друг Андрея Михайловича Фадеева. Он и пригласил его с семьей на отдых. Понятно, что свадебная церемония не могла проходить в Тифлисе из-за невыносимой жары. Гергеры же для этого не подходили из-за отсутствия церкви. В то же время по причине, которую я только что изложил, это важное событие в Лёлиной жизни, которой тогда до восемнадцати лет не хватало трех недель, ее близкие не пытались превратить в большой и многолюдный праздник. Вместе с тем приличия были соблюдены: на свадьбу из Тифлиса приехало достаточное количество гостей. В тот же день после венчания и свадебного обеда молодые уехали в Даричичах — горное местопребывание всех эриванских чиновников во время летней жары[144].

Лёля стояла у притолоки кухонной двери. В кухне вовсю шли

приготовления к свадебному пиру. Пылала печь, по стенам висели гирлянды кастрюль, мисок и горшков. Поднимались облака мучной пыли, рубилось мясо, толклись орехи и пряности, всяким разносолам и лакомствам не было числа. Съестные сокровища всего мира, казалось, были перед ней. Как живо все это запечатлелось в ее памяти!

Свыкнется — слюбится.

В церкви она слышала, как бабушка сказала: «Поздравляю, Елена, дай вам Господь многие лета жить в согласии».

Но когда священник во время венчания произнес слова: «Ты должна будешь чтить своего мужа и слушаться его», она не утерпела и, побледнев, сквозь зубы, едва слышно пробормотала: «Ну уж нет»[145]. Она сердцем почувствовала, что очень скоро расстанется с Никифором Васильевичем Блаватским.

Она опять впала в гордыню и согрешила. Какими бы ни были ее жизненные обстоятельства, она должна была бы поступить по совести и избежать этого опрометчивого шага. По одной только причине — за невозможностью, выйдя замуж за Блаватского, исполнять супружеские обязанности.

Приставания Блаватского после свадьбы были тягостны, но она устояла.

Еще вчера Лёля была убеждена, что постарается полюбить Блаватского, а затем это чувство совсем исчезло. Вероятно, волшебные чары Нины Чавчавадзе рассеялись, и она «расколдовалась». Недоумевая и тоскуя, она твердо решила под любым предлогом уехать от Блаватского в Тифлис к своей семье. К тому же в нем не обнаружилось того «тончайшего магнетизма», которым обмениваются духовно одаренные люди[146]. Сколько раз она была убеждена, что без памяти влюбилась, но вскоре все проходило.

«Женщина, — пришла она к окончательному выводу, — находит свое счастье в приобретении сверхъестественных сил. А любовь является только дурным сном, бредом»[147]. Широкое распространение в воспоминаниях о Блаватской получила романтическая версия ее побега из России. В них реальный полуторагодичный временной отрезок жизни Блаватской на Кавказе после замужества сжат до условных трех месяцев. Эти сведения перекочевывают из одной книги о русской теософке в другую. Трудно, однако, представить, что восемнадцатилетняя девушка пошла напролом и со всей страстной необузданностью натуры, без посторонней помощи прорвалась через пограничные кордоны, оказавшись в мгновение ока за пределами Отечества. Прямо скажем: что-то не верится в этот сценарий, утвержденный родственниками и почитателями Блаватской как единственно для

них приемлемый. Нашлась, впрочем, одна преданная теософской идее женщина, которая в нем осторожно усомнилась. Я имею в виду Е. Ф. Писареву, исследовательницу жизни и творчества Блаватской. В одной из лучших «духовных» биографий основоположницы теософии она писала о возможной предварительной договоренности Лёли (а со своей стороны добавлю — и ее дяди Ростислава Андреевича Фадеева) со старой знакомой их семьи графиней Софией Станиславовной Киселевой. Е. Ф. Писарева в связи с этим обстоятельством утверждала: «Если мое предположение верно, весь характер ее исчезновения на Востоке совершенно меняется: вместо бесцельного искания приключений является определенное стремление к намеченной цели»[148]. Прежде чем приступить к изложению новой версии побега Блаватской, обратимся к версии хрестоматийной, которая вызывает у наблюдательного читателя множество недоуменных вопросов.

Глава десятая. ПОБЕГ ПО ОБОЮДНОМУ СОГЛАСИЮ

Итак, Лёля, ставшая госпожой Блаватской, бежала от своего тридцатидевятилетнего суженого из Эривани в Тифлис, где укрылась у своих деда и бабушки, не приняв участия в церемонии официального вступления супруга в должность эриванского вице-губернатора, которая состоялась 27 ноября 1849 года. По прибытии к родным она поклялась, что покончит собой, если ее заставят вернуться к Н. В. Блаватскому[149].

Ранним октябрьским утром, оседлав и пришпорив коня, она поскакала навстречу своему будущему, туда, где ее дух, разорвавший тесные оковы рутинного, будничного существования, мог жить свободной скитальческой жизнью, в которой были возможны и поэтическая роскошь фантазии, и раскрытие тайн природы, и совершение чудес. Мир надвигался на нее как что-то огромное, невыразимо ужасное. И рядом с ней не было ее Учителя, ее спасителя. Ее душу заполняла беспредельная пустота, а за спиной едва слышался перезвон колоколов, странный своей неурочностью.

В Тифлисе каждый по-своему толковал о причинах ее бегства от мужа. Люди, хорошо к ней относившиеся, уверяли, что Никифор Блаватский, развратная рожа, Синяя Борода, ежедневно истязал бедную девочку побоями, заставляя ублажать его разыгравшуюся плоть, другие молча ухмылялись и намекали на его половую слабость, а более откровенные и гражданско мыслящие говорили: «Вот вам плоды женской эмансипации!»

Родственники Блаватского желали ей разродиться девятью

ежами (что было, по существу, невозможно, ведь она оставалась девственницей, прожив с мужем под одной крышей целый год, как она утверждала в письме А. М. Дондукову-Корсакову) и угрожали загнать туда, где «козам роги правят». Последняя угроза представлялась вполне осуществимой в случае, если Н. В. Блаватский поднял бы шумный скандал. Однако он повел себя, как порядочный человек: страдал и переживал Лёлин поступок внутри себя.

* * *

Почему Елена Петровна Блаватская оказалась за границей и в конце концов приняла американское гражданство — об этом стоит основательно поразмышлять. Главная причина, которая заставила ее отправиться в дальний путь, вполне тривиальна и не требует отдельных пояснений. «Насильно мил не будешь», — говорят в России умные люди и сматывают удочки.

В случае с Еленой Петровной данное выражение следовало бы перефразировать: «Насильно не полюбишь»; это как нельзя более соответствовало сложившейся ситуации и предлагало единственный из нее выход — стремительное, сломя голову, бегство. Ведь от насилия спасаются либо дав деру, либо дав ему сокрушительный отпор. Не упускайте к тому же из виду, что Блаватская производила впечатление малахольной девушки со своеобразными и сложными представлениями о любви. Между тем существуют недосказанные любовные слова, но межеумочной, промежуточной, половинчатой любви не бывает в природе вовсе.

Она пребывала, если говорить прямо, в любовной истоме. А между любовной истомой и любовью такая же разница, как между землей и небом. Блаватская в письмах Дондукову-Корсакову распахивает душу, чего она почти не делала в 80-е годы, когда перешагнула полувековой рубеж и шла семимильными шагами к всемирной славе. Только в них, в этих письмах, она проговаривается о личном, тщательно спрятанном в памяти и находящемся под грифом «совершенно секретно». Вместе с тем даже князю исповедуется она вполголоса, полунамеками и с надеждой, что он вспомнит сам, как складывалась ее жизнь в молодости, и простит ее прегрешения. Очень важным для понимания истинных причин, заставивших Блаватскую бежать из Тифлиса, является ее письмо от 7 августа 1883 года, посланное Дондукову-Корсакову из Мадраса: «Я никогда ни от чего не отрекалась, и меня никогда не просили убраться из Тифлиса. Оба раза я сама, по собственной воле, уезжала оттуда, потому что на

сердце была тоска и душа требовала простора. Никто никогда не понимал, да и не хотел понять, что творится в моей душе. Я никогда не строила из себя непонятную (!) и невинную женщину. Если я в чем-то провинилась, то открыто это признаю: не пристало Ивану на Петра кивать. В юности я казалась, да наверное, и *была* ненормальной по сравнению с другими. В то время в свете добродетельных женщин было больше, чем недобродетельных, и сегодняшняя госпожа Блаватская в свои пятьдесят лет — и я знаю это наверняка — могла бы выиграть приз Монтиано в состязании с вашими московскими и петербургскими увядшими розами»[150].

Изложим общепринятую «официальную» версию, в которой было заинтересовано все семейство Фадеевых и Витте, включая нашу героиню, а также все их основные благодетели. Согласно этой версии, которую излагает сама Блаватская в устных рассказах, а ее сестра и двоюродный брат Сергей Юльевич Витте в письменном виде, наша героиня для осуществления своего плана бегства из России прибегла к некоторым незамысловатым хитростям, помогшим ей осуществить задуманное. Некоторые технические детали этого плана они, к сожалению, опускают, но его схематичное изложение с прописанием некоторых конкретных деталей все же присутствует. Лёле с ее богатым воображением и ее сестре необходимо было создать у слушателей впечатление смертельной опасности, которой она себя подвергла, совершив в одиночку, без документов побег из России. А ее тетя Екатерина Андреевна Витте пыталась представить внезапное исчезновение племянницы следствием ее авантюрного и взбалмошного характера, а не чего-либо другого. Именно версию матери изложил в своих воспоминаниях Сергей Юльевич Витте.

В этих рассказах все равно с трудом сходятся концы с концами. Главный вопрос, конечно, упирается в деньги. На какие это средства она приплыла из Керчи в Константинополь, подкупила капитана и стюарта, какое-то время жила в Турции? Что это были за деньги, откуда они у нее взялись? Не подворовывала же их помаленьку Лёля у своего мужа, проживая с ним какое-то время под одной крышей? Такое предположение абсолютно невероятно. При всех своих странностях Елена Петровна воровкой в вульгарном смысле этого слова никогда не была. Литературным плагиатом, правда, баловалась, да и то по необходимости, один раз и исключительно по причине своего бедственного положения. К тому же ее совместная жизнь с мужем, как она заявила в письме Дондукову-Корсакову, длилась не три месяца, а год?[151] Тогда дата ее побега значительно сдвигается по времени, и ее новый любовный роман, уже замужней женщины,

носит характер не эпизодический, а более-менее постоянный. На это утверждение, впрочем, сторонники официальной версии побега могут возразить, что Елена Петровна имела в виду суммарное время проживания с мужем под одной крышей, куда также вошло ее пребывание в Тифлисе в 1860 году. Однако трудно представить, что в письме князю от 1 марта 1882 года она занималась подсчетом. Все же ситуация у нее была не настолько аховая, как у героя Александра Дюма Эдмона Дантеса, заключенного тюрьмы на острове Ив. У Блаватской не было необходимости вычислять, сколько дней и ночей она провела в неволе. Исходя из ее заявлений, я убежден, происходящие события охватывают 1849–1850 годы.

Возвращение к родным в Тифлис окончательно скомпрометировало Лёлю. Ее репутация до замужества в мнении света уже была сильно подпорченной из-за страстного увлечения князем Александром Голицыным. Замужество списывало добрачные прегрешения. Теперь ответственность за ее поведение целиком перекладывалась на мужа. Что о ней судачили — было, конечно, важно для ее близких, да и она сама тогда не была твердокаменной. Но разве что-нибудь услышишь, находясь чуть ли не в ссылке, на окраине Кавказа, вдалеке от Тифлиса. Лёля, как полагали в окружении князя М. С. Воронцова, постепенно превращалась в добропорядочную супругу серьезного человека. Вот тут-то они основательно ошибались. Впрочем, быть при нелюбимом, но благородном муже означало совсем не то же самое, чем находиться под строгим надзором полиции, как ее дядя Ростислав, с помощью князя М. С. Воронцова наконец-то получивший разрешение жить в Тифлисе. Но и здесь прослеживался каждый его шаг, запоминалось и фиксировалось каждое сказанное слово.

Оказавшись у родных в Тифлисе, Лёля опять предоставила досужим языкам бесцеремонно ее обсуждать. В Тифлисе уже не было Александра Голицына, молодого человека, родственными узами связанного с семьей первого человека на Кавказе. Он уехал и уехал, как полагали, навсегда. Нет человека — нет проблемы, как говорили значительно позднее и по другому поводу толстокожие люди абсолютно противоположной духовной закваски и вкладывали в эту людоедскую формулу совершенно иной смысл, чем те патриархальные чиновники николаевского времени, их жены и дети, с которыми имела дело молодая Блаватская. Достаточно убедительным может быть предположение, что Лёля, разрываясь между Тифлисом и Эриванью, ка-кое-то время жила у деда с бабушкой, а какое-то время у постылого мужа. Скорее всего так оно и было, отсюда и

появился в письме князю Дондукову-Корсакову пресловутый год с хвостиком вместо трех месяцев. Такое ее поведение, конечно, для окружающих представлялось странным. Оно давало пищу для сплетен, но все же никаких достоверных фактов Лёлиной измены мужу тогда не существовало. Вот почему для того, чтобы хулы в адрес Лёли не оставались только сотрясением воздуха, потребовались новый человек и новые жареные факты. И она не заставила всю эту злоязычную публику долго ждать. На авансцене ее жизни появился князь Эмилий Витгенштейн, человек, близкий к наследнику русского престола и его супруге.

В своих письмах и воспоминаниях Блаватская с ностальгической грустью по ушедшим дням молодости и с нескрываемой нежностью упоминает не раз князя Эмилия Витгенштейна, старшего сына князя Августа Сайн-Витгенштейна-Берлебурга. Его отец ко времени рождения своего первенца 21 апреля 1824 года командовал полком легкой конницы в войсках великого герцога Людвига II, монарха герцогства Дармштадтского. Брату герцога принцу Эмилию Гессенскому отец Эмилия Витгенштейна спас жизнь при переправе через Березину во время войны с Наполеоном. С тех пор Август Сайн-Витгенштейн-Берлебург и принц Эмилий Гессенский стали неразлучными друзьями. Разумеется, что спаситель столь высокой особы был осыпан всяческими монаршими милостями, а со временем покровительство принца и его семьи перешло на его сына — князя Эмилия Витгенштейна. Уже в первые дни своего появления на свет старший сын князя Августа Витгенштейна ощутил на себе расположение принца Эмилия Гессенского, который стал его восприемником от купели, а проще говоря — крестным отцом. Воспитание и образование юного князя проходило под надзором его матери, женщины выдающейся по уму и красоте[152].

В 1841 году семнадцатилетний князь Эмилий Витгенштейн сопровождал своего крестного отца в Петербург по случаю бракосочетания наследника престола цесаревича Александра Николаевича с принцессой Марией Гессенской, будущей императрицей Марией Александровной. Понятно, что он был наилучшим образом представлен будущему русскому монарху и в ходе пребывания при русском дворе уяснил себе, что его служебная карьера в России имеет все перспективы стать блистательной. На принятие окончательного решения потребовалось еще семь лет, и в 1849 году двадцатипятилетний красавец князь Эмилий Витгенштейн поступает на русскую службу. Его принимают капитаном в драгунский полк принца Виртембергского и в конце того же 1849 года производят в

майоры. Вскоре молодого князя посылают на Кавказ, в Тифлис, где он становится адъютантом графа М. С. Воронцова, главнокомандующего кавказской армией. В этой должности он пребывает недолго, его отзывают в Петербург и назначают флигель-адъютантом[153].

Какое все это имеет отношение к Лёле Ган, уже ставшей госпожой Блаватской? На мой взгляд, самое непосредственное. Вне всякого сомнения Эмилий Витгенштейн в Тифлисе конца 1849-го и начала 1850-х годов был чрезвычайно заметным молодым человеком, великолепно образованным и куртуазным. Его популярность среди окружения графа Воронцова возросла еще больше осенью 1850 года, когда Кавказ и, естественно, Тифлис посетил наследник-цесаревич. По этому случаю город взорвался фейерверками и захлебнулся многодневными празднествами. Обратимся к очевидцу этого события:

«Вся мостовая города была усеяна цветами, во всех церквах звонили в колокола, все крыши были усеяны женщинами, составлявшими в своих ярких костюмах такие живописные группы, которые могли только присниться художнику. Из окон и с балконов домов свешивались драгоценные ковры и шали; живописная толпа, трепетавшая от радости, бросалась с громкими криками под ноги нашим лошадям, чтобы взглянуть на великого князя поближе. Надобно было видеть огненную ленту, опоясавшую соседние горы, надо было видеть бесчисленные минареты и куполы, словно усеянные горящими алмазами, слышать выстрелы и дикую музыку, которой население выражало свой восторг»[154].

По всей вероятности, Елена Петровна Блаватская была участницей этого праздничного события. Нет сомнения, что в то время она все еще находилась на Кавказе. Тогда же, если не чуть-чуть раньше, состоялось ее знакомство с князем Эмилием Витгенштейном. Это был именно тот человек, с которым она могла на равных говорить о многом. Ведь его, как и ее, сводили с ума оккультные тайны и спиритические опыты. А как известно, мистические озарения вообще представить невозможно без сексуального восторга, без обостренного и предельно утонченного эротизма. Так что делай выводы сам, дорогой читатель!

В том же самом исповедальном длинном письме Блаватской князю А. М. Дондукову-Корсакову от 1 марта 1882 года проясняется очень многое в ее личной жизни 40-х и 50-х годов. Она в нем даже называет имя своего первого мужчины — Эмилий Витгенштейн. Шокирующая откровенность была присуща

Блаватской. Итак, обратимся к тексту письма: «Теперь на свете остался лишь один человек (еще несколько лет их было двое), которому известен мой секрет и который знает, что все только что мною поведанное — чистая правда. Этот человек — князь Семен Воронцов (сын князя М. С. Воронцова, хорошо известный Е.П.Б. еще по жизни в Одессе. — А. С.). Второй из них, ныне покойный — мой бедный князь Эмиль Витгенштейн, мой лучший друг, с которым я много лет переписывалась. О! Уж он-то меня никогда не презирал! Он бы ни за что не поверил в ту клевету, которую распространяли обо мне, ибо именно ему я в минуту отчаяния и безумия предъявила подлинное доказательство того, что на свете осталась, по крайней мере, одна женщина, которая около года состоя в браке и пользуясь при этом репутацией *куртизанки*, — давайте же произнесем наконец это слово — тем не менее в *плотском отношении* по-прежнему чиста, как новорожденное дитя. Я говорю „в плотском“, ибо, к сожалению, в нравственном смысле я таковою не была»[155]. Тут, как говорят, комментарии излишни. Кем-кем, а уж гинекологом князь Эмилий Витгенштейн никогда не был.

Когда обнаружился роман Блаватской с князем Витгенштейном, казалось, гром прогремел среди ясного неба. Такого поворота событий от нее никто не ожидал. Пока эта новость не распространилась, как пожар, по салонам Тифлиса и не вызвала грандиозного дворцового скандала, необходимо было незамедлительно действовать, то есть решить, куда спрятать сексуальную озорницу Лёлю подальше от любопытных глаз и злых языков.

«Немедленно отправить к отцу в Петербург! С глаз долой! Пусть сам и разбирается» — таким был, вероятно, суровый вердикт рассерженного деда Андрея Михайловича Фадеева относительно мятежной, своевольной и к тому же оказавшейся безнравственной внучки. Однако эмоциям дедушки не дали проявиться в деле. Послать ее в Петербург было бы то же самое, что снова бросить в объятия Эмилия Витгенштейна. Слава богу, что рядом с А. М. Фадеевым в тот момент оказались его рассудительная дочь Екатерина с мужем и его мудрая жена Елена Павловна, после инсульта прикованная к инвалидному креслу, но находящаяся все еще в здравом уме. Жена и дети А. М. Фадеева резонно рассудили, что его вторичная отставка означает не только крах с трудом восстановленной карьеры, но и полное разорение всего семейства. Какая-то косвенная вина ложилась на князя М. С. Воронцова и его жену — почему это они позволили возникнуть подобной ситуации? Ведь знали же, что появившийся недавно в России князь Эмилий Витгенштейн еще беззащитный

желторотый птенец среди российских орлов и орлиц. Не защитишь его — вмиг заклюют. Вот только в тот момент никто, кроме Лёлиного дяди Ростислава Андреевича Фадеева, не думал о чувствах молодой женщины. Таким образом, от всех названных лиц требовалась скоординированная программа действий. Кто был ее автором, сейчас сказать трудно. По крайней мере, до тех пор пока под рукой не окажутся новые документы. А вот какие роли между кем были распределены — предположить вполне возможно. На Екатерину Андреевну возлагалась задача уговорить Лёлю покинуть Россию и (боже упаси!) не в одиночку, а в компании хорошо знакомых людей. Что это были за люди? Скорее всего дальние фадеевские родственники или близкие друзья, которые собирались провести время в Константинополе. А может быть, уже из России ее сопровождала графиня София Станиславовна Киселева. Ростислав Андреевич вполне мог договориться со своей должницей, что она на первых порах возьмет на себя заботу о его племяннице в их совместном путешествии по Ближнему Востоку, Западной и Восточной Европе. Ведь брат и сестра Потоцкие были люди благородные и чувствовали свою вину в перемене его судьбы. Лёлиного отца П. А. Гана обязали обеспечивать дочь постоянным денежным вспомоществованием. Эту отцовскую обязанность он неукоснительно выполнял до самой своей смерти. Князь М. С. Воронцов патронировал все этапы депортации молодой Блаватской из России в чужеземные края. Весь путь из Тифлиса до Константинополя в официальной версии описан верно, за исключением маршрута, который был позднее придуман Блаватской для своих сподвижников по теософскому движению, только опущены важные детали, связанные с тем, как и с кем проходило это путешествие. Железных дорог вто время на Кавказе не было и в помине, передвигались исключительно с помощью конной тяги. Наняли до Поти большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми, а в попутчики снарядили четырех человек: дворецкого сделали главным сопровождающим лицом, двух дворовых женщин отправили в качестве горничных и еще одного сообразительного паренька из мужской прислуги прибавили на всякий случай.

Из устных рассказов Елены Петровны складывается невероятная история: якобы всех этих людей она провела вокруг пальца, перехитрила как бы между прочим.

Надо воздать должное ее фантазии. Согласно Лёлиной версии, она нарочно задержалась в пути и, прибыв в Поти, опоздала на пароход, который уже отправился в Одессу. В потийской гавани стоял под парами другой корабль, английский

пароход «Коммодор». Не скупясь на щедрое денежное вознаграждение, она уговорила капитана взять на борт ее и четырех слуг. «Коммодор» был выбран Блаватской не случайно. Он шел не до Одессы, а до Керчи, затем до Таганрога на Азовском море и далее до Константинополя. Доплыв до Керчи к вечеру следующего дня, она отправила на берег слуг, чтобы они подыскали подходящее жилище и подготовили его к утру для временного проживания.

Пожелав слугам удачи, она осталась на корабле и той же ночью поплыла дальше до Таганрога одна.

В Таганроге у Блаватской возникли трудности с пересечением границы. У нее якобы не было на руках паспорта, по которому она могла бы беспрепятственно выехать в другую страну[156]. Эту версию побега своей кузины излагает в своих воспоминаниях С. Ю. Витте — настолько основательно, что, несмотря на всю свою неправдоподобность, эта легенда вошла в сознание его близких[157].

Английский корабль должен был в Керчи подвергнуться пограничному контролю и таможенному досмотру. Она вовсю строила глазки капитану и вызвала у него к себе нескрываемую симпатию.

Ей предложили переодеться юнгой. Настоящего юнгу спрятали в угольном трюме. Чтобы не привлекать внимания жандармов, ее представили больной, укутали одеялами и уложили в гамак.

На этом, однако, ее испытания не закончились.

Ее кокетство имело еще и отрицательные последствия. Капитан воспылал к ней непреодолимой страстью и не скрывал своих откровенных желаний. Предпочитая не искушать судьбу, по прибытии в Константинополь с помощью подкупленного стюарда она сошла незамеченной на турецкий берег[158]. У нее появилось глупое желание показать язык одураченному капитану и сплясать на пирсе танец краснокожих. Но она этого не сделала, сдержалась, предпочла скромно смешаться с разноязыкой толпой.

Таков неприхотливый по сюжету рассказ Блаватской, который она поведала в 80-е годы своему сподвижнику Альфреду Перси Синнетту. У меня же на эти события совершенно другой взгляд. Перед тем как Лёля села на корабль в Керчи, у нее произошла встреча с отцом, с которым она подробно оговорила маршрут и сроки своего путешествия за границей, где и у кого она остановится, когда и с кем вернется обратно в Россию. Понятно, что он снабдил ее дополнительными деньгами. Основные деньги были даны дедушкой А. М. Фадеевым и, по-видимому, находились у тех людей, с которыми она поехала путешествовать.

Чтобы не быть голословными, обратимся к официальной бумаге, на которой стоит подпись Блаватской. В ней без всяких литературных ухищрений описывается, как все могло быть на самом деле. Я имею в виду прошение, направленное в 1884 году князю Дондукову-Корсакову в связи с новой клеветой в ее адрес, на этот раз со стороны фрейлины г-жи Смирновой: «Я вышла замуж 6 июля 1848 года в селении Джелал-Оглы Эриванского уезда. Тогда мне было 17 лет. (Е.П.Б., как обычно, сознательно путает даты, когда ей необходимо что-то скрыть. — А. С.) В следующем году я уехала из Эривани в Тифлис, и, прожив там два года, я с паспортом, который выписал мне г-н Блаватский, отправилась сначала в Одессу, а оттуда — за границу»[159]. Обратим внимание, что в своем письме в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии Блаватская признается, что отправилась за границу не из Одессы, а из Поти без всякого паспорта. Думаю, что последнее ее признание соответствует действительно происшедшим событиям. Вот почему в нелегальном пересечении границы ей понадобилось содействие наместника Кавказа князя М. С. Воронцова. К тому же нельзя сбрасывать со счетов возможности ее дяди по отцу — Ивана Алексеевича Гана. Ведь в то время он возглавлял в Санкт-Петербурге департамент портов России.

Тем читателям, кто наотрез откажется принять новую версию не побега, а депортации Блаватской из России, я посоветую только одно: внимательнее вчитывайтесь в эпистолярное наследие Е.П.Б., дамы и господа! В некоторых своих письмах она лукавит, кое-что придумывает и преувеличивает, кого-то мистифицирует и обманывает. Однако в посланиях тем, кого знала давным-давно, по своей жизни на Кавказе, она почти не врет, потому что ее приятели, тогда еще молодые умные и образованные люди были самыми лучшими из всех ее последующих друзей и знакомых. Они бродили вокруг нее, как мартовские коты, с восторгом вслушиваясь в каждое ее мистическое слово. Для духовного и искреннего общения с ними не требовалась демонстрация феноменов. Само ее присутствие среди них, свободной в мыслях, сексапильной и очень красивой девушки, уже было феноменальным и будоражащим душу явлением.

Первое время Лёля, оказавшись за границей, изо дня в день, с утра до вечера бродила по кривым улочкам, посещала базары с узкими рядами маленьких лавочек под навесами, сидела в кофейнях, не спуская глаз с серьезных, чем-то озабоченных и курящих кальяны турок, и надолго застывала на мосту из Галаты

в Константинополь через Золотой Рог, который соединял Старый и Новый город, — до того восхитительным было зрелище скользящих по голубой глади Босфора рыбачьих лодок и отражающихся в морской воде вилл и дворцов.

Она с детства ходила быстро и легко, немного раскачиваясь, любила широкий мужской шаг. Сказались, вероятно, в выработке этой походки прогулки с отцом, конно-артиллерийским офицером.

По Константинополю она неслась, как скаковая лошадь, точно хотела быть первой на финише и выиграть приз. За ней едва поспевали ее сопровождающие. Она загоняла их почти до упаду, они то и дело останавливались, переводили дыхание, с трудом собирались с силами, чтобы опять продолжать многочасовые экскурсии по городу.

Большое впечатление произвели на нее дервиши, мусульманские бродячие монахи, особенно те, кто обладал даром ясновидения. Путешествие для Лёли началось — лучше не представить. Она описала его в своих романтических рассказах как беззаботное времяпрепровождение, в котором вызревали таинственные и мистические события. Устные рассказы, которые она импровизировала, по ее задумке предназначались в качестве сырого материала для мемуаров о ней. В них она расписывала свою беззаботную жизнь в Константинополе как полную лишений, как изматывающую борьбу за выживание. Она якобы оказалась практически без денег. Надо было что-то предпринять, чем-то на время перебиться. Тогда она, по ее словам, еще не натерпелась от нужды, знала о ней до своего бегства только понаслышке. В Константинополе нищету невозможно было не заметить. Она выглядывала из-за каждого угла на улочках старого города, попрошайничала, выклянчивала кусок хлеба на площадях перед мечетями, воровато суетилась на заваленных фруктами, овощами и мясом базарах. У нищеты был острый и затравленный взгляд, которым она осматривала каждого нового встречного в надежде чем-нибудь поживиться.

Осознав всю трагичность положения, в которое она попала, Лёля, как она рассказывала позднее своим иностранным сотрудникам и почитателям, потихоньку поплакала, заложила кое-что из драгоценностей, перегодила день-другой в номере, не выходя на улицу, и наконец-то решилась попытать счастья в цирке — ведь не зря же она считалась искусной наездницей.

В цирке она была занята в конном аттракционе. На необъезженной лошади необходимо было преодолеть восемнадцать барьеров. В этом аттракционе принимали участие несколько наездников. Двое, самых незадачливых, на ее глазах

сломали себе шею. Но разве у нее был выход? Она играла роль так называемой подсадной уткой. Выходила на манеж словно обыкновенная зрительница — испытывать судьбу. Разумеется, в случае удачного преодоления всех восемнадцати барьеров она, дополнительно к своему заработку, получила бы объявленный денежный приз. Но именно это не входило в ее задачу, тогда пришлось бы распрощаться с цирком, идти на все четыре стороны и добывать себе пропитание иным, более традиционным способом.

Лёля должна была преодолеть не все, а наибольшее число барьеров. Она принимала, выходя из зрительского ряда, самый веселый и бесшабашный вид, притворяясь, что ей все нипочем, и с помощью циркового жокея нарочито неловко взгромождалась на взбрыкивающую и поднимающуюся на задние ноги лошадь. Цирк сотрясался от хохота. «Только бы удачно упасть!» — думала она со страхом, улыбаясь во весь рот идиотской улыбкой.

Она с такой силой и решимостью вцеплялась в конскую гриву, что на какие-то секунды лошадь под ней смирялась, и без особого напряжения Лёля, прежде чем свалиться, брала несколько барьеров.

В цирке, словно бы шутя, к ней привязался однажды толстоватый немолодой человек, который внешне походил на хорохорящегося вдовца и который пришел в ужас, когда узнал, что она питается, по русской привычке, одними бутербродами. Он сокрушался по поводу ее одинокой и неустроенной жизни в Константинополе. Она не придала никакого значения этому случайному знакомству. Но лицо его запомнила.

Через несколько дней, как рассказывала Елена Петровна своим последователям, она обнаружила его лежащим бездыханным на улочке. Он был тяжело ранен напавшими на него разбойниками. Она оказала ему первую помощь и отвезла в ближайшую гостиницу[160].

Ее карьера наездницы в цирке все-таки была недолгой. Однажды произошло то, чего следовало ожидать. Ей надоело играть в поддавки. Она захотела по-настоящему выиграть. О том, как все произошло в действительности, она излагает в уже не однажды цитированном мною письме Дондукову-Корсакову от 1 марта 1882 года: «В Константинополе я сильно нуждалась в деньгах и хотела заработать 1000 монет — награду, обещанную тому, кто выиграет *скачки с препятствиями*: 18 прыжков через барьеры на диком скакуне, только что убившем двух конюхов. Шестнадцать барьеров мне удалось преодолеть, но перед семнадцатым конь мой вдруг встал на дыбы, опрокинулся на спину и задавил меня. Это случилось в 1851 году. Я пришла в

себя через шесть недель; последнее, что я увидела, прежде чем впасть в свою *нирвану* (ибо это была полная нирвана), — это как мужчина огромного роста, просто великан, одетый совершенно не по-турецки, вытаскивает из-под коня мою разодранную и окровавленную одежду. Запомнилось только лицо, которое я уже где-то видела»[161].

В этом письме обращает на себя внимание дата происшедшего события — 1851 год. А Константинополь был ее первым городом, куда она попала, сбежав из России. Понятно, что спасителем был ее Хранитель. Как рассказывала Блаватская своим теософским собратьям, она узнала его по вдохновенному и задумчивому лицу с пронзительными глазами. Это видение продолжалось минуты две, а затем над ней склонилось совершенно другое лицо, вполне земного человека. Его незадолго до того она спасла от смерти, вовремя доставив в больницу. Сквозь едва выносимую боль, которая заполняла и раздувала ее тело, как легкий газ оболочку воздушного шара, и казалось, что еще чуть-чуть и она взлетит в запредельную небесную высь; сквозь эту кроваво-розовую плаценту, соединяющую привычное земное, материнское, с зародышем потустороннего, посмертного, пока еще существующего вне ее, Блаватская четко увидела, что у оказывающего ей помощь человека добрые, слегка навыкат, выразительные глаза. Удар о землю, впрочем, не прошел для нее бесследно. Сломанное ребро неудачно срослось. Боль в груди беспокоила ее на протяжении двадцати лет.

Так, Лёля, по ее версии, впервые встретила Агарди Митровича в Константинополе и закрепила с ним свое знакомство после падения с лошади. Агарди Митрович был одним из известных в Европе оперных певцов, басом, итальянцем по отцу. Он считал себя к тому же знающим и опытным оккультистом. Со своей стороны скажем, что он влюбился в нее с первого взгляда, бесповоротно, без надежды на взаимность. Но именно к нему она в конце концов прикипела всей душой, единственно ему была покорна и отдала бы все на свете, только бы он пережил ее. Однако распоряжаться человеческой судьбой было не в ее власти. Вот что писала Блаватская Альфреду Перси Синнетту через пятнадцать лет после смерти Митровича: «Агарди Митрович был моим самым преданным другом с 1850 года. Я спасла его от виселицы в Австрии с помощью графа Киселева. Он был последователем Маццини, оскорбил Папу Римского, был изгнан из Рима. В 1863 году он приехал со своей женой в Тифлис. Мои родственники хорошо знали его, и когда его жена, тоже бывшая моей подругой, умерла, — он приехал в Одессу в 1870 году»[162]. Можно с большой долей вероятности предположить, что

Блаватская была так же, как ее родственники, знакома с Агарди Митровичем по его первым выступлениям в Тифлисе.

Двоюродный брат Блаватской С. Ю. Витте подтверждает версию о том, что она работала в Константинополе в цирке и «там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов — бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего „внука“ — оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда — Блавацкой, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блавацкого, Эриванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени, и мои дед и бабушка получили письмо от нового „внука“, какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блавацкой, отправившейся с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блавацкая появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известнейшего спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, — Юма»[163].

После появления Хранителя, как убеждала своих последователей Елена Петровна, ее жизнь более-менее наладилась. По крайней мере, именно на таком повороте событий она настаивала в беседах с Олкоттом и Синнеттом.

В рассказах Блаватской о первых месяцах за границей правда настолько плотно переплетена с вымыслом, что при отсутствии документально подтвержденных фактов трудно разобраться, что было на самом деле. Однако все-таки попытаемся продолжить нашу реконструкцию начавшейся взрослой и вполне самостоятельной жизни молодой Елены Петровны.

Лёлю в Константинополе, как было договорено, сопровождала графиня София Станиславовна Киселева, урожденная Потоцкая. Она взялась ее опекать в путешествии, еще до конца не представляя, какую непосильную ношу взваливает на себя. Что безусловно объединяло двух женщин, несмотря на разницу в возрасте и характерах — это любовь к оккультизму. Графиня Киселева привыкла смотреть на окружающий мир сквозь мистические очки. Чтобы они появлялись на ее глазах, потребовались многолетние ежедневные тренировки — «психотренинг», в котором использовались медитативные техники восточных школ. Ей исполнилось шестьдесят лет. Ее муж, Павел Дмитриевич Киселев, относился к либералам-реформаторам и безуспешно пытался, как он сам в этом был

убежден, изменить к лучшему жизнь в России. Эта реформаторская прыть позволила ему сделать блистательную карьеру при дворе Александра I, а после его смерти войти в интимный кружок императора Николая I. Русскому императору пришлась по душе идея Киселева о необходимости «частичного» освобождения крестьян от крепостной зависимости. Имелось в виду, что граф П. Д. Киселев предлагал не абсолютное освобождение, а только «регуляризацию крепостного права с целью отнять у дурных помещиков возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными в свод законов и несогласных с справедливостью»[164]. Что ни говорите, а русские высшие чиновники во все времена и при всех правителях умеют изящно и деликатно формулировать самые смелые идеи, чтобы не дай бог никого не задеть вульгарным словом. Чиновникам низшего ранга есть на кого равняться, с кого пример брать.

Не имея ученого образования, любимец императора был весьма умен и предусмотрителен, приятен в обществе, как тогда говорили, и слыл златоустом. Двадцатичетырехлетним он принимал участие в Бородинском сражении и был отмечен орденом Святой Анны 4-й степени. В 1829 году П. Д. Киселев прибыл в Бухарест и вступил в должность управляющего княжеством Валахия. Он зорко следил за положением дел на Востоке. Еще в 1832 году Киселев послал графу Нессельроде записку об основных принципах политики в отношении Турции.

У выдающегося государственного деятеля, дипломата и царедворца Киселева, как часто случается с подобными людьми, не сложилась семейная жизнь. Для него обстоятельства карьеры были выше нежных чувств. А может быть, он просто охладел к своей жене. Она долго надеялась на примирение и даже простила ему измену с ее младшей сестрой Ольгой. Однако чуда не произошло. По обоюдному согласию они с ноября 1834 года начали жить врозь. Теперь с мужем ее связывала только общая фамилия. У них был сын Владимир, который умер в двухлетнем возрасте.

Что-то в жизни графини Киселевой, вероятно, ее мучило, с чем-то она не могла примириться, поэтому-то пыталась быть независимой от кого-либо. Сказались, видимо, гены отца, коварно обманутого императрицей Екатериной II и ее фаворитом Потемкиным.

Зная ее упрямый, неистовый характер, граф Киселев, назначенный в 1856 году послом во Францию, писал своему брату Николаю Дмитриевичу в Рим о том, что для него одно из самых щекотливых затруднений — это пребывание в Париже его жены с ее надменным и иногда отважным характером. Граф опасался с

ней столкновений, которые при его официальном положении могли быть более чем неприятными. Понятно, что после двадцати пяти лет разлуки расставшиеся пары редко сходятся вновь.

Графиня Киселева также не оставалась в долгу: «Я никогда не любила своего мужа иначе, как дружеской, но верной любовью. Он — ревнив и убил бы меня или умер от горя, узнав о том, что я полюбила другого»[165].

Католические корни графини Софии Станиславовны Киселевой, ее политический нонконформизм в конце концов дали о себе знать. Она завещала самопишущие столики для спиритических сеансов и другую медиумическую аппаратуру, дощечки для письма и карты Таро Римско-католической церкви[166]. Умирала же она в полном одиночестве.

Блаватской пришлось долго жить под одной крышей с графиней Киселевой и считаться с ее причудами. Она обрядила ее, например, в мужское платье — куда пикантнее и заметнее немолодой женщине, по-видимому, считала она, путешествовать с юным смущающимся студентом, чем с бесшабашной девушкой, от которой неизвестно чего ожидать[167]. Переодевание ничуть не смутило Блаватскую, напротив, ей безумно понравилось находиться в мужском обличье. Она даже была готова сыграть роль евнуха, если бы сведения об Атлантиде и египетские тайны, к которым она фанатически стремилась, находились в серале арабского эмира или гареме турецкого паши.

Может быть, в этом случае она согласилась бы и на роль одалиски, несмотря на все свое декларируемое отвращение к плотским утехам.

Волею судьбы Елена Петровна, сопровождая графиню Киселеву, оказалась в самом центре сложнейших международных интриг, связанных с интересами России на Востоке. В некоторых из них она позднее самым деятельным образом участвовала, о чем поведала в письме в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Нет дела благороднее, чем разоблачать всякие обманы и плутни врагов родной страны, думала она, и была в этом совершенно права.

Подобной патриотической позицией Лёля решительно дистанцировала себя от графини Киселевой.

Так она думала и извлекала для себя из совместной жизни с графиней все выгоды и удобства. Дружеские связи все-таки великая вещь! Единственное достояние, которым следует дорожить в жизни. Было бы что связывать, что сохранять и беречь. По счастью, она относилась к известной в России фамилии. Кто

же из их знакомых мог отказать «белой вороне» из знаменитой семьи, не помочь в трудную минуту, не стать ее покровителем!

Русских за границей во второй половине XIX века, когда на престол взошел Александр II, было очень много. После значительного послабления для русских дворян в оформлении выезда за рубеж они ринулись как угорелые в европейские страны на свежий воздух западного вольнодумства. Но были среди путешественников и любители Востока, дегустаторы тонких духовных блюд.

Вместе с графиней Киселевой Блаватская отправилась в Египет.

Часть вторая. НА ПОДСТУПАХ К ВЕЧНОСТИ

Глава первая. ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНОСТЬ

Лёля с удовольствием знакомилась с Египтом и его людьми. В этом открытии новой для нее страны помогали прочитанные ею в России книги. Некоторое время она была в замешательстве от увиденного. Получалось, что древние египтяне представляли цивилизацию, во много раз превосходящую по уровню развития современную, западную. Египетская премудрость поражала разнообразием своих открытий, присутствием колдовской силы, легко проникающей в тайны природы. Очертания Древнего Египта выступали из тумана неопределенности и полуфантастических историй.

Она продиралась сквозь заросли научных гипотез к пониманию древности человечества. Начало ее духовному прозрению положила изображенная в каменных рисунках египетская Книга мертвых, образный язык которой напоминал ей язык христианского Откровения; особенно это касалось верования в бессмертие души.

Что ожидает человека после смерти, будет ли он снова жить? Вот вопрос, который не давал ей покоя. Она искала на него ответ на гранитных страницах пещерных храмов, на сфинксах, пропилонах и обелисках. Это были, как ей представлялось, мистические письма в будущее, которые она должна была прочитать. Она изо всех сил старалась понять, в чем состоит религиозное начало мира. Только поняв это, она могла бы обнаружить истоки библейского Откровения в седой древности, в сумерках истории. Большие надежды в своем поиске она возлагала на археологию. Ведь археологические находки не могут лгать, они — самые достоверные свидетельства исчезнувшей жизни. Она готова была искать эти исторические памятники по всему миру. Тогда-то она и позавидовала змеям, которые обитают в развалинах храмов и дворцов. Недаром змея считается символом мудрости. Свой путь к пониманию вечности, так уж распорядилась судьба, Блаватская начала с Египта — колыбели человечества. Она пыталась углубиться в постижение этой духовной вселенной, изучить ее законы и подчинить себе ее силы. Она отринет в процессе этого познания христианское богословие как догматическое, усомнится в непогрешимости науки, надсмеется над материализмом своего века. Не может быть многих истин о Боге, решит она, истина о Боге — только одна.

Божественная сущность принимает разнообразные формы и различные образы. Непревзойденное искусство египетских каменщиков воплощали пирамиды и многочисленные, не столь грандиозные, усыпальницы фараонов в долине Нила. Самой загадочной была великая пирамида Хеопса. В сопоставлении с этими замечательными памятниками глубокой древности явно прогадывали современные постройки людей.

У Блаватской оказалась чудесная цепкая память. Она много чего запоминала в своем путешествии по Египту. Древние египтяне повсюду оставляли свои письмена, словно послания будущим поколениям, — на мебели, утесах, стенах, саркофагах, гробницах, на каждом предмете, уцелевшем в потоке времени, окончательно не раздавленном под тяжестью прошедших тысячелетий. Они вырезали, высекали и ваяли этот многокилометровый свиток человеческой мудрости в надежде, что их знания в случае каких-либо катастроф не пропадут бесследно, а будут законсервированы и когда-нибудь восстановлены на благо людей. Много секретов содержали, как она надеялась, рукописи на шероховатых папирусах.

Сухой раскаленный воздух Сахары был бережным и надежным хранителем этих духовных сокровищ.

Она сидела в разогретом солнцем номере гостиницы «Шеферд» и размышляла о том, что Древний Египет — родина многих искусств, по крайней мере, музыкального, изобразительного, театрального. Египтяне знали в совершенстве, как извлекать гармонические звуки из струнных инструментов, например из арфы. Торс статуи Рамзеса II поражал взгляд своей скульптурной мощью. Рядом с ним все остальные каменные идолы выглядели тщедушными. Филигранной отделкой отличались ювелирные изделия из золота, серебра и самоцветов. А стеклянная имитация драгоценных камней, особенно изумруда, была доведена до совершенства. Художественная резьба по камню: по сиениту, граниту и базальту — в Древнем Египте была широко распространена и считалась не высоким искусством, а обычным ремеслом. В бездну времен уходили чудесные творения египтян.

Древние египтяне обладали основательными знаниями в астрономии и математике, физике и химии, медицине и биологии. Были они и искусными мореходами. В Египте, как она была уверена, впервые культивировались виноградарство и виноделие. Было присуще древним египтянам и умение изготовлять прочные ткани. Она вспомнила, что фараон подарил Иосифу одежду из тонкого полотна, золотую цепь и много других изящных и красивых вещей. Египетские ткачи славились своим

мастерством. В их полотно пеленали умерших фараонов и знатных египтян, и оно прекрасно сохранилось по сей день.

Много тысячелетий назад, как утверждали масоны, на этой земле был заложен фундамент постоянно строящегося здания науки. Из тех же прадедушкиных масонских книг она еще в Саратове вычитала, что все достижения египтян были незначительной, видимой невооруженным глазом частью огромного культурного мира древности. Этот мир был непосредственно связан, по ее мнению, с опустившейся на морское дно Атлантидой. Чтобы увидеть большее, следовало обрести другое, безграничное зрение. Но как этого достичь, она тогда еще не знала. Египетская земля казалась ей обиталищем тайны. Одно было ясно: основой высочайшей цивилизации египтян являлась религия. В величайшей тайне в храмах изучали магию, с помощью которой познавались оккультные силы природы и осуществлялись во время мистерий чудесные исцеления.

Как она верила в предание об Атлантиде! Как она хотела обнаружить тайные летописи древних мудрецов! Она слышала, что существует ключевой камень, весь испещренный священными непроизносимыми буквами. Этот камень использовался древними строителями как высшая точка крыши, имеющей вид арки. Об этом ключевом камне, на котором каждая из девяти букв представляла одно из божественных имен, начертанных знаками-эмблемами, знали первые франкмасоны. По атрибутам обозначенных на камне богов они опознавали принадлежность каждого из масонов к тому или иному братству. Она знала об этом уже в Саратове, когда слетела со стула, поставленного на стол, пытаясь выяснить, какого градуса посвящения был ее прадедушка и к какой ложе он принадлежал. Лёля была убеждена, что многие ключи к библейским чудесам древности и к известным феноменам современности, к нераскрытым проявлениям человеческой психологии и физиологии находятся в руках «посвященных» — членов тайных братств. Она для себя решила, что потратит жизнь на раскрытие этих тщательно оберегаемых от многих людей тайн. Эзотерическое знание должно быть доступно людям. Вероятно, думала она, мудрецы древности также стремились к этому, но обстоятельства жизни древних не позволяли обнародовать им великие открытия. Иисус Христос, решила тогда Лёля, был первым, кто пошел на подобный шаг, за что и поплатился жизнью.

Через двадцать лет Блаватская заявит, что верит в Христа безличного, но не в Иисуса из Назарета. Для нее Кришна или Будда были тот же Христос. Этого ей покажется мало, и она

осмелится утверждать, что христианское учение перековеркано и грубо материализовано Церковью. Она провозгласит безличный Божественный Принцип, объявит вслед за древними гностиками, что Христос означает «проявленный свет», а не «помазанник» — как переиначили это имя, существовавшее тысячи лет у язычников, греческие отцы Церкви, отождествив его с еврейским словом «мессия». Она усомнится в церковных догматах и учениях и назовет их страшнейшей материализацией духа. Но все это будет ею сказано позднее. Так, потребовалось почти двадцать шесть лет, чтобы в ее сочинениях образ древнеегипетской богини плодородия, воды и ветра Изиды, символ женственности и семейной верности, совместился с христианским образом Девы Марии. Это нашло отражение в ее фундаментальном труде «Изида без покрова», в котором излагались основные принципы ее теософского учения и утверждался культ Майтрейи — будды грядущего исторического цикла.

Девятнадцатилетней Лёле вряд ли было по силам сочинить что-либо подобное. Для этого требовалась незаурядная эрудиция, осмысление, как сейчас сказали бы, огромного количества культурной информации. Елена Петровна не собиралась прослыть у своих современников фантазеркой, пораженной бледной немочью мысли. Наоборот, насыщение ее теософских сочинений идеями достигает чрезвычайно высокой концентрации.

Но все это было еще впереди.

Лёля с удовольствием путешествовала по Востоку с графиней Киселевой, которая знала, разумеется, кто такая Изида, и рассказала Блаватской немало об этой древнеегипетской богине, совершенно искренне при этом сокрушаясь, что старые времена, когда фараоны и мудрецы ладили друг с другом, безвозвратно прошли.

Графиня выказывала необыкновенную для ее возраста живость: говорила без умолку, часами, не давая другим рта раскрыть и вдаваясь в ненужные подробности при описании различных событий и людей, — и все это с такой бешеной энергией, как будто она вела не обыкновенную беседу, а вступала в сражение с целой армией врагов, которых необходимо было оттеснить с занимаемых позиций, а затем наголову разбить. И в свои шестьдесят лет графиня Киселева не утратила жара юности. Общение с бодрой и говорливой женщиной проходило с величайшими трудностями. Наиболее отважным, пытавшимся ввернуть в ее монолог словечко, она мгновенно затыкала рот каким-нибудь ехидным замечанием.

Но, как известно, свалившаяся на голову графини племянница Ростислава Андреевича Фадеева тоже не была молчуньей. Тут, как говорят, нашла коса на камень. Прибавим еще и то, что постоянным правилом Блаватской было идти напролом и таким образом добиваться того, чего она хотела. И в этом случае от своего правила она ни на шаг не отступила. Она в конце концов уломала графиню подольше задержаться в Египте. Ей удалось замаскировать розовыми флерами романтического вымысла и мистическими дымками вещь обыкновенную и житейскую: она увлеклась молодым человеком, приехавшим в Египет из Нового Света. Его приветливое лицо в веснушках и нелепая долговязая фигура наполняли ее душу ликованием.

Впрочем, я не собираюсь делать сомнительные предположения, строить малоправдоподобные догадки или гипотезы. В мою задачу входит скрупулезное и строгое изложение фактов. А факты были таковы, что Блаватская познакомилась в Каире с Альбертом Лейтоном Роусоном, американским художником, начинающим арабистом и любознательным путешественником. Знакомство с этим молодым человеком стало для нее важным событием, окончательно привязало к миру Востока. Она представилась ему вдовой русского генерала[168]. В Каире Лёля с его помощью пристрастилась к гашишу. Его курение, как она уверяла Роусона, вызывало у нее потрясающие видения, словно с обыкновенных вещей спадала пелена, и они завораживали своей непостижимой сутью[169]. Она совершенно забыла об Александре Голицыне. Он как будто навеки исчез, растаял в неизвестности. О нем не было ни слуху ни духу. И это при том, что у них были одни понятия, одни стремления, одна тайна — Атлантида. Люди неожиданно встречаются и так же неожиданно расстаются. К этому надо было еще привыкать. Таков был, вероятно, закон человеческого бытия, и ничего с этим нельзя было поделать. Эмилий Витгенштейн оказался для нее птицей высокого полета, но она по нему не особенно убивалась. Их сексуальная связь была кратковременной и непрочной. Духовные отношения, напротив, — основательными и многолетними. И в те достопамятные чопорные времена девушки теряли невинность, как и в наши дни, не по любви, а по зову взбунтовавшейся плоти, а некоторые из них — из-за любопытства.

Она обнаружила Паулоса Ментамона в Каире.

Известный копт оказался при ближайшем знакомстве вовсе не старым, знающим свое ремесло оккультистом, за хорошую плату охотно делившимся с учениками профессиональными секретами[170]. Кое с чем она ознакомилась в каирском цирке,

который посещала довольно часто. Лёля не собиралась потешать публику на ярмарке, как это делали паяцы, шуты и фокусники. Не затем она оказалась на Востоке, чтобы, выучившись на факира, извлекать доход из своего странного дара. Она не имела ни малейшего желания пополнять собой ряды бродячих артистов. Однако если уж она встретилась с продвинутым в магии мастером, было бы глупо не поучиться у него сотворению некоторых чудес. До встречи с ним у нее были уже некоторые успехи в обращении с ядовитыми змеями. Блаватская знала, как управляться с кобрами, чтобы не быть ими ужаленной, — не прошли даром уроки, которые она брала у самого известного в Каире заклинателя змей шейха Юсуфа[171]. При виде Лёли Паулос Ментамон буквально лучился счастьем, что доставляло ей неизъяснимое удовольствие. Она уже научилась не принимать за чистую монету все то, что втолковывали ей эти адепты оккультизма, но, приглядываясь к ним, соображала, какая от них в будущем может быть польза. Блаватская уже с молодых лет делала себе мистическую карьеру, готовясь победоносно царить среди магов и чародеев.

Встреча с Альбертом Лейтоном Роусоном пришлась также очень кстати. В какой-то мере он заменил Александра Голицына: его тоже интересовали восточная мистика и тайна Атлантиды.

Молодой человек оказался на Востоке вследствие совершенно особых обстоятельств. Под видом правоверного мусульманина он хотел посетить Мекку и сумел это сделать, рискуя собственной жизнью. Вообще-то Роусон не мог существовать без трех вещей: без опасных авантюр, без того чтобы постоянно не быть ряженым и без романов с негритянками. Несмотря на то что Блаватская относилась к белым девушкам, она тем не менее привлекла начинающего, но уже опытного ловеласа компанейским, неотразимым характером. У нее были, по словам Роусона, луноподобное лицо, изящные руки и маленькая стопа с розоватыми пяточками[172]. Она отличалась, как он позднее вспоминал, хорошо сложённой фигурой, гибкостью и пикантной округлостью тела. В последнем случае он имел в виду ее необыкновенную, не по возрасту развитую грудь с тугими, как из гуттаперчи, сосками и вызывающе выпуклые по отношению к прямой спине ягодицы.

У Роусона были исключительные способности к изучению языков. Он буквально на ходу, играючи, овладевал чужой речью. Будь он более усердным и терпеливым человеком, его языковедческий дар принес бы ощутимые, серьезные результаты, а не оставался бы детской погремушкой, которой он тешил и

удивлял доверчивых и говорливых арабов.

Многое в судьбе мужчины зависит от обстоятельств его жизни и от женщины, которая использует эти обстоятельства во вред ему или во благо. Роусон любил легкое времяпрепровождение, старался от всего получать удовольствие. Бродяга-гедонист, он прятал вечно неудовлетворенную плоть под заемным балахоном, принадлежавшим до него истощенному в вынужденной аскезе дервишу.

Под воздействием магнетической силы синих ослепляющих глаз Елены Петровны Роусон смирял свою страсть к сибаритству, но на некоторое время, чтобы с большим, чем прежде, азартом вернуться, немного попостившись добродетельным и примерным поведением, к неискоренимым порокам и беспутной жизни.

«Среди полиглотов редко встречаются умные, обстоятельные люди. Все они преимущественно вертопрахи и эгоисты», — с горечью думала Блаватская.

Роусон сохранял здравый смысл до тех пор, пока не встречал смазливое, трепещущее под его взглядом создание. Тогда его сердце кровоточило, а душа разрывалась на части, и он самозабвенно погружался в умопомрачительный блуд. Лёля пыталась отвлечь его от фривольных мыслей серьезными разговорами. То она начинала длительную дискуссию о древнееврейском языке, доказывая Роусону, что этот язык похож на пестрый костюм арлекина, сшит из разноцветных лоскутов, а проще говоря — составлен из греческих, арабских и халдейских слов. И по этой причине, самонадеянно утверждала Блаватская, такого языка вообще никогда не существовало, а был арабско-эфиопский диалект с примесью халдейских элементов. Халдейский же язык, настаивала она, происходит из санскрита. Поэтому, заключала Лёля, верить в еврейские писания и в то же время веровать в Небесного Отца Иисуса — абсурд, даже больше того — святотатство![173] То она переходила от этих сомнительных рассуждений к египетской Книге мертвых, не замечая того, что все ее ученые разглагольствования проскальзывают мимо ушей молодого человека, а его взгляд концентрируется на кончике ее быстро мелькающего, как у змейки, язычка.

Солнце заливало светом Нил и придавало торжественность находящемуся перед ее глазами ландшафту. Погода была великолепной, и Нил блаженствовал в своих берегах, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги. Она шла с Роусоном вдоль реки, и эта прогулка под просторным египетским небом наполняла ее неведомой силой, таинственное присутствие которой она начала ощущать, как только оказалась в Каире.

Хорошее расположение духа сопутствовало ей постоянно. Она словно превращалась в священную рощу, и соловьи выводили свои рулады в ветвях деревьев, а она принимала под широкую сень влюбленных в жизнь путников. Форма облаков, цвет неба и воды, трепещущий зноем воздух, мягкая, ненавязчивая игра света и тени самым чудодейственным образом влияли на ее мысли, утверждали в ней покой и мудрость.

Она увидела, как зеленая змейка соскользнула с берега в воду, и мгновенная дрожь пробежала по телу. Не потому, что ей угрожала опасность и она инстинктивно вздрогнула, а из-за вернувшегося вдруг ощущения неминуемости смерти. Она поняла, что тоска одиночества появляется в тех людях, которые находятся под гнетом неудержимой боязни навсегда исчезнуть из мира, не оставив по себе никакой памяти. «Как это странно: жил человек — и нет его», — подумала она и воспротивилась, до неожиданно выступивших слез, такому бессмысленному порядку вещей. Ей стало грустно оттого, что люди, избавляясь от снедающей их скуки, добровольно надевают на себя ярмо брачной жизни, втискиваются в наезженную колею, стараются забыться в семье, детях, повседневных заботах, чтобы притупить в сознании мучительную мысль о конечном пределе своего существования, освободиться от страха перед потусторонней тишиной. Она остановилась. Перед ней расстилались очертания Нила, берега которого терялись в солнечном мареве. Древние египтяне знали, как перебороть этот ужас полного исчезновения. Они создали фантастический мир невидимых духов, таинственных видений — загробное зазеркалье, эту бездонную яму, куда проваливаются человеческие существа, закончив свой земной путь. Однако владыкам смертных — фараонам они постарались сохранить телесный облик до скончания веков. Может быть, они, внушаемые страхом утраты загадочной царской воли над своей порабощенной душой, берегли фараоновы останки и возводили пирамиды как вечные могилы, как надежду на собственное воскрешение в загробном мире? Они держали под своей иллюзорной властью нетленные мощи земных богов, словно заложников, понимая, что обыкновенным людям не обойтись без заступников по ту сторону жизни.

Лёля неожиданно повернулась к Роусону и перехватила его плотоядный ненасытный взгляд, исподтишка направленный на нее, в котором напрочь отсутствовали возвышенные стремления, — и все ее существо вмиг воспротивилось его домогательствам. Она не терпела мужчин, рассматривающих женщину только как объект для совокупления. Вместе с тем она

избегала окончательного разрыва со знакомыми людьми. Для нее куда важнее было долго и по-русски эмоционально выяснять с ними отношения. Потому-то решив, что необходимо менять страну своего местопребывания, она призадумалась, чем в этом ей сможет помочь Роусон.

С неприсущим ей умилением Лёля вдруг вспомнила о человеке с добрыми глазами, который прошел огонь и воду, которому было далеко за сорок и который обещал ждать ее, пока жив. Она засомневалась во многих своих привязанностях и увлечениях, и неуверенность в том, что она во всем и всегда абсолютно права, уже свидетельствовала об определенной духовной зрелости. Явившееся сомнение, как известно, предваряет появление мудрости.

Ей захотелось к Агарди Митровичу в Европу, где он гастролировал вместе со своей женой Терезиной. До ее ушей донеслось его пение, поражавшее очаровательными мелодическими оборотами, совсем не похожими на все то, что она слышала прежде.

Однако ее спокойствие было временным и обманчивым. В душную каирскую ночь ей приснился кошмар. Будто дьявол ввел в заблуждение ее чувство неосознанной силы. Он превратил ее в смерч, и она вздымала морские волны, топила суда, крушила людские жилища, сносила горы и подрезала под корень вековые сосны, и они ложились на землю, как ровно скошенная трава.

Стон и рев стоял в мире.

Стряхнув с себя налипшие ошметки мяса и остатки костей, сгустки крови и комья земли, она, взвившись, неслась дальше и с хрустом крошила хрупкий купол неба. В испуге разбегались реки и выходили из берегов моря.

Она насыщалась жарким огнем, опаленным воздухом, взбесившейся водой и вздыбленной землей. Морской песок скрипел на ее зубах.

Дьявол убеждал ее в том, что ничтожнее человеческих тварей нет ничего на свете. Он безраздельно овладел ее доверчивой душой. Она проснулась в холодном поту. Египет вдруг напугал ее спонтанно возникающими миражами.

Глава вторая. ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Лёля уехала с графиней Киселевой в Париж. Там София Станиславовна передала ее на попечение грузинской княгине Багратион-Мухранской, которая принадлежала к царской династии и в Тифлисе дружила с Фадеевыми. В каждом крупном европейском городе, особенно в Париже, Лондоне и Риме,

встречались русские люди, находящиеся в длительном путешествии. Они, как правило, относились к русской аристократии, жили на широкую ногу в первоклассных гостиницах и с большим удовольствием общались друг с другом. В то время существовала мода часами сидеть за самоваром и, утопая в табачном дыму, рассуждать о Боге, политике и музыке. Для Блаватской, впрочем, оставалась неразгаданной одна тайна: каким образом ее знатным соотечественникам удавалось сохранять вкус к духовным занятиям при том чисто русском обжорстве и показном безделье, которые заполняли их жизнь. В Париже она обратила на себя внимание месмеристов, последователей знаменитого чудотворца Франца Месмера, с которого начинается история животного магнетизма и гипноза и который умер в Германии в 1815 году в возрасте восьмидесяти лет. Его жизнь знала великие триумфы, но закончил он ее в почти полном забвении. Обычная судьба тех, кто уповает на счастливую звезду и полагается на три ненадежных подспорья — на всеобщее умопомешательство людей, на благоприятный случай и на собственную дерзость. В Европе и до Месмера встречались люди с демоническими чертами лица и блестящими искристыми глазами, которые силой внушения прилежно творили чудеса. При помощи магических заклинаний и лунного света они исцеляли больных и возбуждали в обществе ажиотаж. Так, граф Калиостро околдовал чуть ли не всю Европу, а швед Сведенборг погрузил ее в мистический транс.

Через несколько лет Елена Петровна скажет, что медиумство — это несчастье, болезнь. Безопаснее человеку со слабой волей, предупреждала она, попасть в общество воров, пьяниц и мошенников, чем сделаться постоялым двором для леших и кикимор, которых называют громким именем духов и поэтизируют.

На Енисейских Полях Блаватской не удалось занять достойного места. В 1850 и 1851 годах ее талант медиума оказался невостребованным. Месмеристы во Франции влачили жалкое существование. В моде тогда был научно-технический прогресс, а не мистические откровения. Материализм на время превозмог идеализм. Люди еще не устали от научных открытий и технических нововведений. Восток интересовал европейцев не как родина духовных озарений, а как источник дарового сырья и дешевой рабочей силы. Старым богам устраивались пышные аутодафе. В роли инквизиторов выступали ученые мужи и политиканы разных мастей.

Выдающиеся умы продавали, как Исав, право первородства за

чечевичную похлебку — устроенный быт и газетную трескотню в свой адрес. Многие из них ступили, как божественный Леонардо, на тропу нарциссизма, справедливо полагая при этом, что любовь к самому себе (более прочная и естественная, чем к себе подобным) постоянно подпитывает в человеке волю к жизни.

Отец Елены, Петр Алексеевич Ган, не забывал непокорную и свободолюбивую дочь. Он, по мере сил и возможностей, оказывал ей из России постоянное вспомоществование. А как же иначе? В душе он гордился Лёлиной независимостью и ее бурным темпераментом. Уже незадолго до своей смерти он полностью попал под ее магическое влияние и под диктовку «Елениных духов», как называл он звучащие в нем внутренние голоса, писал генеалогию своих предков — «галантных рыцарей Ган-Ган фон Роттерганов».

Как известно, Блаватская не церемонилась с родственниками. К большинству из них она не испытывала сентиментальных чувств. Если и скучала по дому в Тифлисе, то редко, по вечерам, когда ее доставало окружение княгини. Тогда она тосковала и, нахохлившись, смотрела на всех хмуро, потухшим взглядом, даже переставала ерничать и над всем насмехаться.

Она попала в свиту княгини Багратион-Мухранской и тяготилась размеренным, строго регламентированным бытом. Вокруг богатой старухи суетилось много посторонних людей. Она играла роль младшей фрейлины при большом и достаточно амбициозном и шумном дворе. Блаватская вспоминала свою жизнь в Стамбуле и Каире с удовольствием и сожалением.

Весной 1851 года Багратион-Мухранская, а с ней и Блаватская из Парижа отправились в Лондон. По прибытии туда Лёля сначала остановились одна в меблированных комнатах на Сесил-стрит, а затем переехала к княгине в отель «Майварт» (в настоящее время отель «Клеридж») — напротив Гайд-парка[174]. Там, окруженная скучными людьми, Лёля не знала, чем себя занять, и по целым дням не раскрывала рта. Она довольствовалась общением с княгиней, которая была набожна, держала ее взаперти и заставляла читать вслух Библию и Четьи минеи. Этих книг она не понимала или не хотела понять — какая разница! Может быть, относилась к ним с подозрением из-за присущих ей гордости и легкомысленности.

Она, томимая сознанием одиночества, увлеклась Агарди Митровичем, несмотря на то обстоятельство, что он был женат. Красота его одухотворенного лица находилась в несоответствии с потерявшей стройность грузной фигурой. Под предлогом присутствия жены он не взял ее с собой на гастроли. А зря. Она вела бы себя как мышь и без особой необходимости не вылезала

бы из норки. Она была бы рядом с ним, как талисман, и сама попытала бы на сцене счастья как пианистка.

«Интересно знать, — думала она, — сколько продлится это пустое препровождение времени в компании княгини?»

Идею возрождения человечества любовью подменила другая — идея всемогущества науки. В силу пара верили больше, чем в силу проповеди. Апофеозом науки и техники стала открывшаяся в Лондоне Всемирная промышленная выставка, или, как ее называли, Великая выставка. В Гайд-парке был воздвигнут ослепительный Хрустальный дворец, сооруженный из стекла и стали по проекту Дж. Пэкстона, — подлинная жемчужина выставки. К нему стекались толпы народа. Дворец воплощал полноту и гармонию жизни, неукротимую жажду человечества к прекрасному. Это была неизвестная доселе железно-стеклянная архитектура. По словам В. В. Стасова, это был «первый шаг, смелый до дерзости, невероятный до безумия, с которого начинается новая архитектура Европы». Для современников Блаватской Хрустальный дворец стал явленным чудом. Недаром Н. Г. Чернышевский увидел в нем прообраз замечательного завтрашнего дня и в романе «Что делать?» в фантастическом «Четвертом сне Веры Павловны» поселил в огромных сооружениях из металла и стекла людей будущего.

Вниманию посетителей выставки были предоставлены тринадцать тысяч экспонатов, от новейших жаток фирмы «Мак-Кормик» до громадного алмаза «Кохинур». Лондон с мая 1851 года (время нахождения выставки в Лондоне, затем она поехала по другим городам Европы) напоминал вавилонское столпотворение. Люди приезжали со всего света, за пять месяцев выставку посетили 6 009 948 человек — успех по тем временам небывалый.

Великая выставка была самым захватывающим аттракционом XIX века. Ее грандиозный размах подавлял, а не только восхищал и удивлял.

Казалось, что Европа общими усилиями заложила этой выставкой фундамент здания, в котором найдется место для мирной, созидательной жизни всем европейским народам. Какое это было горестное заблуждение!

Как только выставка закрылась, началась безобразная агония. Уже на следующий год резко усилилось противостояние между Великобританией, Францией, Турцией, с одной стороны, и Россией — с другой. А еще через год разразилась Крымская война. В 1857 году в Индии вспыхнуло кровавое Сипайское восстание — ответ феодального быта на западный прогресс,

который воспринимался индийцами как изощренное насилие над их жизненным укладом.

Из посещения выставки Блаватская вынесла важную идею — мистицизм, с помощью которого совершенствуется человеческая личность, нельзя противопоставлять научному анализу, необходимо с широких (а не узких) научных позиций исследовать и постигать тайны человеческого духа. Наряду с этим она окончательно утвердилась в мысли, что средоточием всего мира, центром, около которого должны вращаться солнце, луна и звезды, является личность духовного наставника. В ином случае, как она считала, духовная свобода неизбежно принимает грубые формы, превращается в своеволие, делает землю — адом, а жизнь — невыносимой нравственной пыткой.

Она давно уже чувствовала брезгливую раздражительность по отношению к людям. И страдала от этого состояния. Страшный час суда Божьего — это переход человечества с одной эволюционной ступени на другую. Тогда-то и происходит отделение зерен от плевел. В человеческой истории было несколько таких часов.

Трудно представить, но уже в Лондоне в сознании девятнадцатилетней Блаватской в общих чертах обозначился план восстановления единства человечества, каким оно по ее представлениям существовало в Атлантиде. Чтобы победить, необходимо было объединить в одно целое науку и религию.

С присущим ей озорством она подумала, что тоже устроит когда-нибудь свой аттракцион, который будет не хуже, чем Великая выставка, по крайней мере, обойдется значительно дешевле. Этими размышлениями она, разумеется, не делилась с княгиней Багратион-Мухранской: та просто не поняла бы хода ее мыслей.

Она сидела в номере гостиницы с порыжелыми портьерами и мутным, словно запыленным, зеркалом. Княгиня объявила ей о своем отъезде из Лондона. Блаватская же оставалась с одной из ее компаньонок по имени Иезавель, скучнейшей и занудливой женщиной[175]. Несчастье заключалось в том, что Багратион-Мухранская ее полюбила и от полноты чувств была готова оставить при себе до самой своей смерти. Материнская нотка стала проглядывать в ее обращении с нею. К величайшему изумлению княгини, Лёля отказалась от дальнейшего совместного путешествия и вскоре перебралась в гостиницу поскромнее, но также в самом центре Лондона — на Стрэнде. Общение с княгиней привело ее в состояние депрессии — не в ее натуре было изо дня в день обращаться с кем-то робко и почтительно. Подобный этикет сводил с ума, однажды от

отчаяния она чуть было не прыгнула в Темзу с моста Ватерлоо. Значительно позднее она, перешагнув свой пятидесятилетний рубеж, объясняла князю Дондукову-Корсакову свое желание броситься в мутные речные воды другой причиной — сугубо мистической. Ей якобы никак не удавалось найти важный для ее оккультных экспериментов астральный камень. Она искала его в Афинах, в Египте, на Евфрате, среди дервишей и друзов с Ливанской горы, среди арабских бедуинов и марабутов. Все было безуспешно. Никто и нигде его не видел. Еще позарез была нужна для ее изысканий красная Дева — алхимический ингредиент, антипод астрального камня. В колбе алхимика происходит их оккультное соитие. Лёля старательно изучала некромантию и астрологию, но на след красной Девы не нападала. И пришел бы ей неминуемый конец, если в ту секунду, когда она уже собралась прыгнуть в реку, не возник бы перед ней тот же самый, уже не раз встречаемый ею индус. Естественно, он спас ее, утешил, примирил с жизнью и вдобавок еще обещал достать искомые камень и красную Деву. Эту поразительную историю рассказала Блаватская в письме своему старому приятелю, который был в курсе всех ее тифлисских приключений[176]. Как тут не восхититься ее смешливым умом!

Слава богу, отец прислал Лёле немного денег, было на что жить. Приближался день ее двадцатилетия. Она купила себе в подарок альбом форматом семь на одиннадцать дюймов — для рисования и записей. Это очень ценный биографический источник, сохранившийся до наших дней и помимо зарисовок содержащий несколько таинственных записей. Вот одна из них, очень странная, говорящая о важнейшем событии в жизни Блаватской: «Незабываемая ночь! Значительная ночь в Рамсгейте, 12 августа (это 31 июля по русскому календарю. — А. С.), мой день рождения — мне исполнилось тогда 20 лет. Я встретила М., учителя из моих снов»[177].

Рамсгейт — курорт на побережье под Лондоном. Почему-то там Блаватская решила отметить в полном одиночестве свой день рождения. Ей захотелось отдохнуть на воле от долгого заточения в гостинице, от своих пугающих и причудливых мыслей. Впрочем, Рамсгейт не был пустынным местом. В теплые дни его пляжи до отказа заполняли отдыхающие лондонцы, с трудом можно было пробраться к воде, лавируя между густо разбросанных по песку человеческих тел.

У самой кромки прибоя женщины падали навзничь и, вытянув руки, лежали на спинах, накатные волны задирали им на голову купальные балахоны, мокрая ткань прилипала к

обветренным лицам, и они барахтались в пене, счастливые и бесстыжие, выставляя на всеобщее обозрение кружевные панталоны, освобожденные от чулок ноги с блестящими коленками, обнаженные матовые животы и полуоткрытой, завораживающей плотью сводили с ума припавших к биноклям мужчин, которые прятались за высокими дюнами и в эротическом раже ловили мгновения непроизвольного раздевания — этот наивный стриптиз чопорных англичанок в XIX веке, робкое проявление нудистских влечений.

На Блаватской была модная шляпка с широкими полями, скрывавшая ее лицо и волосы, убранные в сетку. Когда она снимала шляпку, из-под сетки торчали во все стороны и трепетали под ветром тонкие светлые кудряшки, словно это были язычки пламени или извивающиеся на голове маленькие змейки.

От этих непритязательных картинок обыкновенной жизни она приходила в себя.

На первой странице альбома Блаватская передала в линиях и красках свои ощущения от морской воды и прогулочных лодок — безмятежную атмосферу отдыха. Под этим рисунком она и сделала запись о встрече с Учителем из ее снов. В то же время в разговорах со своими последователями она неоднократно утверждала, что эта знаменательная встреча произошла в Лондоне, в Гайд-парке, у главного павильона выставки — Хрустального дворца. Именно там она увидела своего Хранителя, которого она сразу узнала и который сделал ей тайный знак. Этого человека Блаватская называет Учитель Мория.

Встречи Елены Петровны с ее, как она их называла, гималайскими Учителями, «иерархами света» (среди них Мория был ей ближе всех), с этого момента приобрели определенную периодичность. Они проходили, как правило, в уединенных местах, в атмосфере мистической таинственности и абсолютной секретности. Описывая убежище своих Учителей, Блаватская перетолковывает ключевое понятие индуизма «майя». В ее объяснении это не столько магическая сила сотворения феноменального мира, сколько таинственная завеса, скрывающая от посторонних гималайских Учителей и места их обитания.

Среди биографов Блаватской высказывается мнение, что человеком, которого она могла действительно увидеть и с кем могла познакомиться в Рамсгейте, был известный писатель Эдуард Бульвер-Литтон. Его произведения пользовались чрезвычайной популярностью в России, на основе его повести, как помнит читатель, сделала компиляцию Е. А. Ган, мать Блаватской, — это был ее литературный дебют. К тому же Эдуард

Бульвер-Литтон слыл знатоком розенкрейцеров, то есть тех масонов, чьи алхимические опыты, магические обряды и церемониал производили на Блаватскую наиболее сильное впечатление. Так, его роман на восточный сюжет «Занони» надолго запомнился Елене Петровне и определенно повлиял на некоторые мотивы ее творчества. Но куда больше на нее воздействовали другие романы писателя: «Будущая раса» и «Будущая порода людей».

Существует также предположение, что очаровательный день в Рамсгейте окончился обычной для нее галлюцинацией: настолько опьяняюще подействовал свежий морской бриз на ее воображение. А может быть, она на минуточку увлеклась случайно встреченным на пляже молодым человеком, и все ее существо задышало жизнью и счастьем. На эту мысль наводит рисунок на второй странице альбома, изображающий мужчину и женщину на фоне прекрасной летней ночи. Очень романтически и загадочно звучит подпись, сделанная Блаватской под этим рисунком:

«Огненные цветы разбросаны по небу. Мужчина сказал женщине: „Я люблю тебя“. Эти слова возникли из божественного аромата души»[178]. Если уж совсем бесцеремонно вторгаться в интимный мир Елены Петровны, то эти слова следует рассматривать как романтическую интерлюдию, связку между ее трепетной мечтательностью и вполне определенным знакомством с человеком из плоти и крови. Вспомним, что до поездки в Рамсгейт Блаватская находилась под опекой княгини Багратион-Мухранской. Долгие, скучные дни с княгиней тянулись томительной, однообразной чередою и довели ее до отчаяния.

Она ждала человека, который придет и даст ей развлечение и духовную пищу. К сожалению, ее любовная история, едва начавшись, тут же закончилась. К такому выводу заставляет прийти запись на третьей странице альбома: «Любовь — это отвратительный сон, а счастье существует разве что в подчинении сверхъестественным силам»[179]. Открыв альбом на четвертой странице, находим имя и лондонский адрес нового человека — капитана Миллера, драгуна. Теперь уже невозможно узнать, был ли именно он причиной ее горьких разочарований в любви: ведь под рисунками нет дат.

На странице пятой изображен пудель, сидящий на столе, — очевидный мотив гётевского «Фауста». В этом же альбоме на следующих страницах появляется изображение Агарди Митровича в роли Мефистофеля[180]. Блаватская тосковала по настоящей любви и в то же время хотела освободиться от этой тоски. Она надеялась, что обязательно найдет себе защитника среди людей,

не избалованных вниманием белых женщин, и такое знакомство будет самым радикальным лекарством.

Существует еще одна версия, откуда появились в жизни Елены Петровны Учителя. Полагают, что она познакомилась с несколькими непальскими принцами, приехавшими на Всемирную промышленную выставку. С двумя из них она особенно подружилась, их-то она и называет в дальнейшем Морией и Кут Хуми. Ее последователь Ледбиттер поддерживает эту версию, ссылаясь на разговор с Блаватской. Сама Елена Петровна в письме своей тете Надежде Андреевне Фадеевой от 29 октября 1877 года также подтверждает эту версию: «Сахиб („господин, хозяин“, одно из обращений Блаватской к Учителю. — А. С.) мне знаком вот уже лет двадцать пять. Он прибыл в Лондон вместе с премьер-министром Непала и королевой Ауда. После этого я не видела Сахиба, пока через одного индуса не получила от него письмо, что он приехал сюда три года назад и читал лекции по буддизму. Сахиб напомнил мне в этом письме также о некоторых вещах, которые предсказывал мне ранее. В Лондоне он смерил меня взглядом, исполненным глубокого сомнения (вполне оправданного), и поинтересовался, готова ли я теперь отвергнуть неизбежное уничтожение после смерти и поверить ему. Взгляните на его портрет: Сахиб с тех пор ничуть не изменился. Он, который по праву рождения мог восседать на троне, отринул все, чтобы жить, будучи никому не известным, а свое огромное состояние раздал бедным»[181].

Так или иначе, но в августе 1851 года Лёля познакомилась с красивым высоким молодым человеком восточного происхождения, который стал для нее искусным лоцманом в бескрайнем море знаний. И не только лоцманом, а впередсмотрящим ее жизни, хозяином ее судьбы. Откуда появилось у него имя Мория? Я думаю, что Блаватская использовала библейское название горы, на вершине которой Исайя собирался принести в жертву Богу собственного сына и где был построен, согласно преданию, храм Соломона. Впервые она обнаружила это имя, как мне представляется, не в Библии, где оно встречается дважды, а в книге своего детства и юности «Мудрость Соломона».

Елена Петровна утверждала, что неоднократно общалась в Лондоне с Учителем Морией. Он рассказал ей о грандиозных планах по изменению человечества в лучшую сторону и дал понять, что путь этот будет тернистым. Он предоставил ей время немного подумать, прежде чем она согласится на сотрудничество. Тогда же, в Лондоне, Учитель Мория просил сохранить до поры до времени их встречу в тайне. Он обещал ей путешествие в

Тибет, и там, в Гималайском братстве, обещал подготовить ее к уникальной роли посредницы между Учителями, иерофантами, звездными братьями и обыкновенными смертными. С этого времени жизнь Блаватской приобрела новые смысл и значение. Если прежде она была в одиночестве, то теперь ее брал под опеку человек, достигший высочайшего уровня духовности. И не просто помогал ей, а делал своим доверенным лицом, местоблюстительницей Гималайского братства в так называемом цивилизованном обществе. Вот такого человека она могла любить без памяти, чтить его и ему повиноваться. Он вышел из-за таинственной завесы, чтобы быть с ней рядом и направлять ее.

Для любой девушки всегда травма быть отвергнутой мужчиной, лучше и благороднее которого, как ей кажется, нет никого на целом свете и о котором она с придыханием рассказывает своим подругам. С течением времени нанесенная обида забывается, а воспоминания об этой девической влюбленности приобретают экзальтированный характер. Особенно когда в дальнейшем не складывается личная жизнь. В этом случае эфемерный образ несостоявшегося возлюбленного становится вполне осязаемым и возвышенным. Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему именно в такие неожиданные и экзотические формы трансформировалось в сознании Блаватской чувство неразделенной и страстной любви и ее уязвленное болезненное самолюбие. Нельзя при этом также не учитывать импульсивность и нервозность ее натуры, а также тщеславного желания, чтобы ей пели осанну на протяжении всей оставшейся жизни.

Глава третья НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

Англия ее разочаровала. В этой стране почти никому не было дела до психических феноменов. Появилась, правда, в Кембридже немногочисленная группка молодых людей, которых заинтересовала как эта неисследованная сторона человеческой психики, так и связанные с ней явления[182].

Оккультный бум начался чуть позднее, с 1852 года. Приехавшая в Лондон из Америки медиум миссис Хейден за свои демонстрации брала гинею с человека. В 1853 году мания столоверчения охватила английское общество. Участие в спиритических сеансах принимали королева Виктория и принц Альберт[183]. Все эти факты, связанные то с отсутствием, то с возникновением моды на контакт с потусторонними существами, не следует упускать из виду, и тогда перед нами откроется бытовая сторона жизни Блаватской в Лондоне после отъезда

княгини Багратион-Мухранской.

Лёле опять захотелось самостоятельности и свободы в передвижении по миру. Она оказалась без средств к существованию, без опекающих ее русских друзей, с неопределенными надеждами на будущее. Блаватская не любила вспоминать то время, переломное и тяжелое в ее судьбе.

Последующие семь лет жизни Блаватской выпали из поля зрения даже ее придворных летописцев. Альфред Перси Синнетт, которому Елена Петровна немало рассказала о себе, также не смог восстановить «белые пятна» в ее биографии с 1851 по 1858 год и сетовал на отсутствие у «старой леди» привычки вести дневник и на ее плохую память. Можно говорить о сознательной забывчивости Е.П.Б., но на слабую память она не жаловалась. Она умела, как никто другой, заметать следы и прибегать к мистическому туману, когда была в этом крайне заинтересована.

Елена Петровна основное внимание обращала не на частности, а на общий стиль своей насыщенной бурными событиями жизни. Стиль этот, разумеется, был сугубо романтический. Поэтому в беллетристических произведениях Блаватской вы не найдете изображения обыкновенных людей в заурядных ситуациях. Ее герои — не от мира сего, особенные, избранные натуры. Они подвержены роковым страстям и мучительным сомнениям. Блаватская предпочитала эффектные сцены в духе Шиллера, и это переносилось также и на ее устные рассказы о собственной жизни, в которых обязательно проливается кровь, а окружающий мир кишит подосланными убийцами и негодяями, уродами и дураками, сотрясается политическими скандалами, интригами и заговорами, полон смертей и походит на сумасшедший дом.

Чтобы в таком мире окончательно не потерять рассудок, требовалась поддержка противодействующих злу, справедливых и добрых сил. Именно эти силы в последующие годы ее жизни воплощают собой гималайские Учителя: Мория, Кут Хуми, Лалл Синг и др.

Она всегда держала в уме ту простую истину, что большинство людей — нравственные дальтоники и воспринимают мир в черно-белых красках. Большинство из них занято ежедневной борьбой за выживание, и им не до наслаждения радужными переливами быстротекущей жизни.

Семь лет жизни Блаватской, о которых у нас нет достоверных сведений, были, я убежден, необыкновенными, насыщенными многими значительными лично для нее событиями. И не важно, где эти годы проходили — на Западе или на Востоке. К тому же

не стоит забывать, что Елена Петровна свою молодость не сдавала в ломбард и не обсыпала нафталином. На мой взгляд, она получила все возможное и невозможное, что молодость смогла ей предоставить.

Очень может быть, что она побывала в то время в Индии, Непале, на Тибете, Яве, в Сингапуре, на Цейлоне. Все может быть. По крайней мере, в письмах к Синнетту она признается, что в 1855 году поехала вторично в Индию только потому, что тосковала по Учителю[184]. Первая поездка, как она утверждает в письме к Дондукову-Корсакову, состоялась в 1853 году. В том же письме она пишет о своем Учителе Мории: «В Англии я виделась с ним лишь дважды, и во время нашей последней встречной мне сказал: „Судьба навсегда свяжет вас с Индией, но это произойдет позже, через 28–30 лет. Пока же поезжайте и познакомьтесь с этой страной“. Я туда приехала, почему — сама не знаю! Это было точно во сне. Я прожила там около двух лет, путешествуя, каждый месяц получая деньги неведомо от кого и честно следуя указанным мне маршрутом. Получала письма от того индуса, но за эти два года не виделась с ним ни разу. Когда он написал мне: „Возвращайтесь в Европу и делайте что хотите, но будьте готовы в любой момент вернуться,“ — я поплыла туда на „Гвалиоре“, который у Мыса потерпел кораблекрушение, однако меня и еще десятка два человек удалось спасти»[185].

Чего-чего, а густого тумана Елена Петровна напустить умела. Причем из этого белесого молока всегда появлялось что-то материальное, конкретное и убедительное в своей осязаемости. Так что не поверить в картины, которые она художественно воссоздавала, было невозможно. Слишком много появлялось деталей и привязок к определенным географическим точкам и очень редко к определенным персонажам. Следует иметь в виду, что круг ее друзей, сотрудников и знакомых был чрезвычайно ограниченным, так или иначе связанным с ее семьей, а в дальнейшем — с теми людьми, которые поддерживали или противоборствовали ее деятельности по созданию оккультной империи. Чтобы выиграть в схватке с конкурентами, Блаватской нужно было иметь абсолютную власть и деньги. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ходе борьбы за эту власть и деньги подавляющее большинство преданных ей сподвижников и сотрудников не выдерживали ее тирании. Многие из них отходили в сторону, на время или навсегда, некоторые поднимали против нее бунт, но были также и те, немногочисленные, кто оставались до поры до времени ее преданными друзьями, а кто-то окончательно срывался, не вынеся ее диктата, и переходил в стан врагов. Но нельзя вспомнить ни

одного верного ей до конца человека из тех людей, кто был связан с нею общей целью — создать и укрепить оккультную организацию. Теософическое общество. Быть постоянно с нею означало потерять устойчивость в жизни. Ее жизнь проходила, как на качелях. И вместе с ней ее сподвижники то взлетали высоко вверх, то стремглав устремлялись вниз. Другое дело, что гениальность Блаватской заставляла в конце концов многих бунтарей смиряться с ее деспотическим характером, идти с ней на мировую и принимать на веру экстравагантные выходки по сотворению всяческих чудес, в которых уже не было особой необходимости с момента возникновения филиалов Теософического общества во многих странах.

Блаватская свободно перемещала события, происшедшие с ней или с другими людьми, во времени и пространстве. Все зависело от той задачи, которую она перед собой ставила. А вот когда она заявляла, что жизнь в пору ее молодости протекала, как во сне, или что-то в этом роде, тут уж при всей вере в ее гипотетическую правдивость приходится разводить руками.

Определенно нельзя сказать даже о том, в какую страну в августе 1851 года направилась Елена Блаватская из Англии. По ее версии — в Новый Свет с целью изучения культуры и обычаев индейцев, где провела год сначала в Канаде, а затем в США и Мексике. В это время скончалась княгиня Багратион-Мухранская, которая, по словам Блаватской, завещала ей 85 тысяч рублей золотом. По крайней мере, она упоминала об этом вскользь, когда речь заходила о финансовой базе ее путешествий.

В 1852 году в Вест-Индии Блаватская встретила приятеля, как она писала, «некоего молодого англичанина, с которым сошлась в Германии и который предложил ей совершить совместное путешествие по Азии». С этим джентльменом и со знакомым индусом (Морией? — А. С.) она добралась пароходом через Кейптаун до Цейлона, а оттуда до Бомбея. В Бомбее, как она уверяла, они расстались, у каждого из них оказались свои интересы и планы. Блаватская пыталась через Непал попасть в Тибет, но ее задержал английский военный патруль. Это уже совершенно другая версия ее появления в Южной Азии. Более убедительная для профанного сознания, чем первые две, изложенные Синнетту и в письме Дондукову-Корсакову.

Затем, по словам Елены Петровны, она несколько месяцев пропутешествовала совершенно одна по Юго-Восточной Азии, посетила Яву и Сингапур и вернулась в Англию в самое неподходящее для русского человека время — началась Крымская война.

Блаватская вновь пересекла Атлантику и оказалась в Нью-

Йорке, потом, пожив месяц-другой в Чикаго, с караваном эмигрантов через Скалистые горы добралась до Сан-Франциско. На все эти передвижения по миру ушло еще два года. Елена Петровна вторично отправилась в Индию, на этот раз через Японию, и в конце 1855 года добралась до Калькутты. В Индии, в Лахоре, она встретила друга отца, тоже путешественника, искателя, как и она, тибетских тайн, — Кюльвейна (вспомните Антонию Кюльвейн!), который передал, что полковник Ган разыскивает странствующую дочь[186]. Об этом эпизоде читатель уже знает из рассказа о подруге и наперснице матери Елены Петровны — Антонии Кюльвейн. Еще раз подчеркнем, что количество однофамильцев в бурной жизни основоположницы теософии просто поразительное. Повторяться она не любила, чаще всего предлагала разные версии одного и того же события. Но и на старуху бывает проруха.

Кюльвейн, как она утверждает, тоже пытался попасть на Тибет, он немного понимал по-монгольски и имел под рукой сведущего в восточной мистике человека — монгольского шамана, который и стал их проводником.

Блаватская была якобы снабжена подаренным ей Учителем Морией талисманом — агатовым камнем с выгравированным на нем треугольником, заключавшим в себе мистические слова. Увидев этот талисман, настоятель буддийского монастыря, который принадлежал к аскетам высокой ступени посвящения, продемонстрировал ей, Кюльвейну и монгольскому шаману феномен «инкарнации», воплощения. Елена Петровна также сама произвела несколько феноменов. Однако избыток ее мистических сил проявился в другом: оказавшись в критическом положении в пустыне, она послала дух шамана к адептам Гималайского братства, и те пришли на помощь. Так, по крайней мере, она описывает свое первое путешествие в Тибет в 1856 году в «Изиде без покрова». Елене Петровне не удалось тогда попасть в ашрам Учителя, но в Индии она неоднократно встречалась с Морией и даже была им предупреждена, как она уверяет, о Сипайском восстании за месяц до его начала. Увлекательные все же истории сочиняла на досуге Елена Петровна Блаватская!

Впечатления об этих путешествиях, а также приобретенные в результате их знания составляют немало страниц «Изиды без покрова». Встреча с этой книгой Блаватской, ее первым «оккультным бестселлером» еще ожидает нас впереди. Книг о Тибете в те времена существовало немного. Блаватская могла прочитать «Воспоминания о путешествии по Монголии, Тибету и Китаю» — довольно основательный труд католического священника, миссионера Хука, который в 1846 году вместе с

отцом Габетом посетил, не без приключений, эту недоступную для иностранцев страну.

При обсуждении вопроса «была или нет Блаватская на Тибете?» не надо забывать, что у тибетцев существовало благосклонное отношение к белым, особенно молодым, женщинам. Нежные чувства, по-видимому, не были им чужды, несмотря на принадлежность к самой бесстрастной религии мира — тибетскому буддизму. Эта особенность мужской психологии позволила в 1850–1852 годах совершить путешествие по Тибету и Китаю выдающейся женщине — миссис Хорвей. Свои приключения она подробно описала в трех томах.

Однако сочиненное Блаватской о Тибете более легко для читательского восприятия и удержания в памяти, а ее обращение к мистической стороне культовой практики тибетцев поражает читательское воображение. Как было все на самом деле, остается на совести Елены Петровны. Я не верю в ее заявление о покорении самых высоких гор в мире — Гималаев. По одной только, но вполне веской причине. Зная, каким легким пером обладала наша героиня, нетрудно предположить, что совершив такие беспримерные странствия по Востоку, она не описала их в томах, по количеству превосходящих выпущенных в свет миссис Хорвей.

Среди современных теософов бытует мнение, что Блаватская ознакомилась с некоторыми сторонами «тайного учения», путешествуя по Египту и Ливану. К источнику этой мудрости ее привели якобы мусульманские мистики — суфии. «Суфий» восходит к арабскому слову «суфа» — неприхотливая одежда из грубой шерсти, практически рубище, в которое облачались бродячие аскеты-вольнодумцы. Существует и другая этимология этого слова. Его возводят к арабскому «сафуа» — чистота. Ведь суфии стремились к духовной и телесной чистоте. Греческая версия связывает слово «суфий» с «Софией», мудростью. Некоторые из суфиев убеждены в том, что система их религиозных взглядов существовала задолго до прихода в мир пророка Мухаммеда и являет собой интерпретацию индийской «веданты» (букв. — завершение Вед), которая представлена различными религиозно-философскими школами. Исторически первой из этих школ была школа адвайта-веданта (недвоичность, недуализм) Шанкары. Именно из нее суфии позаимствовали многие положения своей философии. С их точки зрения, истинной реальностью является только Бог, Он во всех вещах, и все вещи в Нем. Все видимые и невидимые существа представляют собой эманацию Бога и тождественны Ему. Все

религии, как бы они между собой ни различались, ведут к познанию истинной реальности. Некоторые из них пригодны для этого в большей степени, некоторые — в меньшей, но ислам среди них — самый верный религиозный путь. Для того чтобы встать на этот путь и не сломать себе на нем шею, необходим просветленный наставник, Учитель. Именно он для неискушенного суфия — источник постоянного духовного возбуждения.

Очень важным постулатом суфизма было заявление, что не существует различия между добром и злом, то и другое в конечном счете сводится к неразлагаемому единству, а Бог — истинный автор всех деяний человеческих. К тому же Бог руководит волей человека, который не свободен в своих действиях. Суфии провозгласили, что душа существовала до появления тела, а потом уж оказалась в нем, как в клетке. Вот почему суфий вожделеет смерть — именно через нее он возвращается в лоно Божественного. Суфии ввели в систему своих взглядов идею метемпсихоза, касающуюся душ тех людей, которые не выполнили своего предназначения на земле и им опять придется начинать все сначала, чтобы заслужить воссоединение с Богом. Без Божественной милости, предупреждали суфии, которую получают в результате самых неистовых молений, невозможно достичь духовного слияния с Богом. Главным своим делом суфии считают растворение в Божественной сущности с помощью медитации или других духовных практик. Скитальчество — также один из путей к достижению этой цели[187].

Блаватская без устали трудилась над своим «имиджем» духовной скиталицы. У нас нет сведений, что она занималась йогой, или медитациями, или какими-нибудь очистительными процедурами. Да и как ей было ими заниматься, когда уже с первых месяцев своей скитальческой жизни она пристрастилась к курению, которое с годами превратилось в никотиновую зависимость! Когда речь заходила о ее личной безопасности в этих многотрудных и многолетних путешествиях, она неизменно намекала на приобщенность к оккультным сообществам, к неким духовным тайным организациям. К сожалению, все ее пафосные заявления по поводу могущественных защитников не выходили за рамки психотерапевтических упражнений, направленных на самое себя. Может быть, они духовно укрепляли ее волю в исключительно неблагоприятных жизненных обстоятельствах, но не более того. Наш современник, теософ Пол Джонсон полагает, что перед исторической встречей с Учителем Морией в Лондоне у Блаватской уже был, по крайней мере, годичный опыт общения с

духовным мастером — Паулосом Ментамоном, который инициировал ее как члена еретической исламской секты друзов. П. Джонсон, анализируя сочинения Елены Петровны, приходит к выводу о влиянии суфизма на некоторые содержащиеся в них идеи. Одним из доказательств ее связи с исламскими тайными орденами он также считает ее поездку на остров Ява, большинство населения которого состоит из мусульман. В дальнейшем, уже в конце 70-х и в 80-е годы эти связи и знания пригодились Блаватской, суммирует Пол Джонсон, в ее общении с индийскими мусульманами[188]. Блаватская и вправду в итоге верила всему, что пускала в оккультный оборот. Со спокойной совестью она писала в письме от 1878 года профессору английской литературы Корнеллского университета Хайраму Корсону (1828–1911): «Я принадлежу к тайной секте друзов с Ливанской горы и долго жила среди дервишей, персидских мулл и мистиков всех сортов»[189]. Что тут скажешь в ее оправдание? Остается только верить этому или не верить. И конечно же не забывать русскую пословицу: всяк человек ложь — и мы тож.

Глава четвертая. СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРУГОГО МИРА

В 1858 году Блаватская обнаружилась в Париже в окружении Даниела Дангласа Юма, знаменитого спирита. Он был женат на русской подданной, уфимской дворянке, графине Александрине (Саше) Кролл, одна из сестер которой позднее была замужем за известнейшим русским химиком Александром Михайловичем Бутлеровым[190]. Заглядывая вперед сообщим, что в 1871 году А. М. Бутлеров, к ужасу многих своих ученых коллег, организовал первую научную комиссию для исследования медиумических явлений. Юм родился в Шотландии, но известность приобрел в Соединенных Штатах Америки. В 1855 году он возвратился в Европу и был принят в высшем обществе.

Спиритизм как специфическое религиозное движение возник в США в 1848 году и на первых порах не привлек к себе большого внимания. Его рождение связано с таинственными, непроизвольно проявляющимися «постукиваниями», которые исходили от невидимых существ и напугали семью американских фермеров Фоксов. Две младшие дочки Фоксов, двенадцати и тринадцати лет, нашли ключ, позволявший им получать ответы на задаваемые призракам вопросы.

Духов обыкновенно вызывали, сидя вокруг небольшого круглого столика, положив на него руки. Духи отвечали стуками на задаваемые вопросы, указывая при произношении кем-то из

собравшихся всех букв алфавита по очереди на те именно, из которых должны были составляться слова ответа. Столик, наклоняясь в разные стороны, громко стучал, ударяя об пол одной из своих ножек, подчеркивая таким образом, какие именно буквы следует записывать. Записав букву, начинали опять называть весь алфавит с самого начала. Было замечено, а затем и предано широкой огласке, что ответы часто бывали очень удачны, а предсказания, сделанные таким путем, чаще всего сбывались. Вызыванием духов занимались по вечерам, это было что-то вроде гадания. Духи иногда отвечали мгновенно, торопясь, даже не дослушав до конца вопроса, на лету схватывали мысль.

Спустя некоторое время возможности принимать потустороннюю информацию расширились благодаря столоверчению, механическому письму и ясновидению. С сестер Фокс началось повальное увлечение беседами с душами умерших людей. Появилась целая армия медиумов, и к 1870 году души всех покойников, казалось, переместились на постоянное жительство в США, слетелись, как мотыльки, на свет газовых ламп в американских гостиных.

Спиритизм по-настоящему проявил себя после окончания Гражданской войны, то есть во второй половине 60-х годов. Ведь нельзя упускать из внимания, что Гражданская война унесла большое количество человеческих жизней и до крайней степени обострила у оставшихся в живых чувство вины перед погибшими.

Проблема существования загробной жизни, которую наука не рассматривала вовсе, а Церковь трактовала догматически и формально, перерастала из проблемы отвлеченной и философской в самую что ни на есть бытовую и сугубо личную. В 1870 году одиннадцать миллионов американцев верили всему, что демонстрировалось на многочисленных спиритических сеансах. Это были уже не только «постукивания», «пощелкивания», «позвякивания колокольчиков», но и вещи более осязательные и видимые: материализация призраков, например. Такой наплыв «феноменов» заставил Лондонское диалектическое общество сформировать комиссию по их исследованию, которую возглавил сэр Альфред Уоллес — последователь дарвинской теории естественного отбора. К ужасу материалистически настроенных членов общества, комиссия пришла к заключению, что явление спиритизма требует более серьезного внимания и исследования, чем было до сих пор.

В США такую же позицию занял Хорас Грили, редактор «Нью-Йорк геральд», он встал на защиту сестер Фокс, обвиняемых в мошенничестве и обмане. Сама поддержка этих двух уважаемых и известных людей укрепила авторитет спиритизма среди

американцев. Не нанесли ему ощутимого вреда и многочисленные иронические и критические статьи в американской прессе. Так, «Сатердей ревью» охарактеризовал спиритизм как «одно из наиболее несомненно приводящих к вырождению суеверий, которые когда-либо укоренялись в разумных существах».

Даниел Юм довел до артистического совершенства спиритические демонстрации, превратил их в великолепное шоу. Главное, он не брал денег со зрителей. Подарки со стороны титулованных особ, разумеется, в расчет не шли. Неудивительно поэтому, что Юм стремительно разбогател. В 1855 году это был высокий стройный молодой человек двадцати двух лет, с элегантной бородкой, безупречно одетый. Его коньком считались частичная материализация, психические эффекты, левитация. Все свои «феномены» он демонстрировал при ярком свете, а не в полумраке или в темноте, как поступали обычно другие его коллеги. Юм поднимал в воздух столы, стулья и самого себя. Можно представить, какой он имел ошеломительный успех среди скучающей аристократической публики!

Для Юма было проще простого воспарить к потолку, оставить там карандашную помету и медленно опуститься вниз.

Как-то однажды он «вытек», словно дым, из окна ванной комнаты и, задержавшись несколько мгновений на высоте семидесяти футов над землей, опять «втек» в дом, но на этот раз со стороны окна гостиной[191]. Поверить в такое странное происшествие было просто невозможно, если бы не находились свидетели феноменов Юма, которые клятвенно уверяли, что все это видели собственными глазами. Не без влияния поклонников, поверивших в сверхъестественные силы своего кумира, слава о Юме как чудотворце широко распространилась в Европе. Педантично узкий скептицизм людей науки относительно подобных аномальных явлений, неожиданных и парадоксальных фактов, не укладывающихся в обычные представления людей, шел на руку спиритам.

Действительно, неразумно, с любых точек зрения, исключать чудесное из сферы непредвзятого, всестороннего рассмотрения.

Даниел Юм был гениальный гипнотизер и умный человек, впервые применивший в своих инфернальных спектаклях невидимые простым глазом стальные нити. Спустя много лет его открытием воспользуется наш современник Дэвид Копперфилд и не только он один. У нас есть достоверное свидетельство необыкновенных способностей Юма производить впечатление на достаточно искушенных и умных людей. Это дневниковая запись от 5 января 1859 года дочери поэта Федора Ивановича Тютчева

Анны Федоровны, в то время фрейлины императрицы Марии Александровны, супруги Александра II: «Я присутствовала вчера на самой любопытной в мире вещи, именно на сеансе Юма. <… > Мне пришлось стать свидетельницей всех тех любопытных явлений, о которых до сих пор я только слышала. Стол, на который мы только слегка положили руки, поднимался над землей на значительную высоту, наклонялся направо и налево, причем ни лампа, ни карандаш, ни другие предметы, лежавшие на нем, совершенно не двигались с места, даже пламя лампы не колыхалось. Он отвечал ударами; один означает — нет, два раза — может быть, три раза — да, пять раз означает, что он требует алфавит, и тогда он стуками указывает буквы. Я получала ответы на свои вопросы посредством ударов под моим стулом, а так как у меня стул был соломенный, то я столько же чувствовала удары, сколько слышала их. <…> Все время я и все присутствующие ощущали на руках и на ногах движение ледяного воздуха. Что касается меня, то я совершенно окоченела и, сверх того, едва боролась с охватывавшим меня сном, хотя я была в высшей степени заинтересована тем, что происходило. (В эту ночь я проспала беспросыпно восемь часов сряду, хотя уже много ночей страдала от бессонницы вследствие головной и зубной боли.)»[192].

Елена Петровна встречала на базарах в Стамбуле и Каире дервишей, которые длинными иглами и узкими лезвиями кинжалов прокалывали себе щеки, языки, руки и ноги, становились голыми ступнями на раскаленное железо и приплясывали на нем без каких-либо признаков испытываемой боли. Они же заглатывали живьем ядовитых скорпионов — и все это делалось на глазах у множества людей. Блаватская видела, как дервиши с помощью пения и пляски доходили до беспамятства и, находясь в трансе, совершали умопомрачительные действия. Быстро-быстро вертели головой, словно в ней что-то взбалтывали, — приводили себя в полное одурение. Далеко было до их необыкновенных возможностей всем западным чародеям и фокусникам. А всё потому, что всепоглощающая любовь дервишей к Богу растворяла их *эго* и не имела ничего общего с инстинктом самосохранения и желанием выжить любыми средствами. У западного виртуоза-иллюзиониста, такого как Даниел Данглас Юм, весь смысл жизни заключался совершенно в другом. Он пытался на мгновение утвердить свое мнимое могущество и почувствовать себя выше владык мира сего. Цель ставилась, по существу, ничтожная, фанфаронская, и соответственно средства для ее достижения использовались также мошеннические.

Блаватская не пренебрегла знакомством с Юмом, известность которого в то время среди просвещенного русского дворянства трудно представить. При том скудном общении с людьми, которым ей приходилось ограничиваться, Лёле каждый новый человек был в радость и в помощь. К тому же она надеялась подучиться кое-чему у Юма. Как мы знаем, Блаватская была чрезвычайно любознательной и одаренной девушкой и все новое буквально схватывала на лету. Ее, конечно, занимало прежде всего познание, а уже потом тот путь, греховный или богоугодный, который к этому познанию вел. В ее взглядах грех вообще не занимал особого места. Она ощущала себя по ту сторону добра и зла. Оказавшись за пределами России, Блаватская непрерывно училась у многих людей тому, что ее страстно интересовало — как стереть с облика мира «случайные черты» и разгадать его сущность. Трудно представить ее смиренной и терпеливой ученицей. Она была не из тех, кто до самой смерти проводит жизнь в ожидании чуда. Блаватская все секреты, вплоть до деталей, пыталась выведать у Юма. Она с дотошностью допытывалась, как у него получается то или другое — и в конце концов ему надоела. Впрочем, он ей тоже. Поэтому неудивительно, что через какое-то время общения с Еленой Петровной Юм отказал ей в праве считать себя медиумом и назвал вульгарной и безнравственной женщиной[193]. В свою очередь, Елена Петровна не осталась в долгу и объявила лихорадочно-нервную атмосферу, в которой производились Юмом спиритические показы, искусственной и растлевающей[194]. Она обратила внимание, что даже самые выдающиеся медиумы прибегают к фокусническим трюкам. О спиритах, таким образом, у Блаватской сложилось самое никудышное мнение как о ловких и изощренных мошенниках, использующих свои медиумические и гипнотические способности в корыстных целях. Об этом своем открытии она объявила значительно позднее, находясь в Соединенных Штатах Америки, что, впрочем, не помешало ей успешно использовать для демонстрации своих феноменов те знания и навыки, которые она получила у своих учителей, в том числе и у Юма. В письме издателю «Нового времени» А. С. Суворину от 1 октября 1879 года, уже создав свое Теософическое общество, она писала: «Совсем я не спиритка и против материализующихся бабушек и усопших тещей восстаю всеми силами. Наше Общество (Theosophical Society) воюет против спиритуалистов более четырех лет»[195]. Это заявление лишний раз свидетельствует о том, что Блаватская, использовав на первых порах своей мистической деятельности спиритизм как пиаровскую акцию, вскоре повернула дело таким образом, что

превратилась в беспощадного врага всех спиритов, известных широко и не очень. Для того чтобы о тебе говорили на каждом углу и твой товар шел нарасхват, необходим не только пиар, но и маркетинг. А маркетинг свидетельствовал о переизбытке медиумов на рынке, в связи с чем требовались новые подходы к платежеспособной публике. В конце концов Блаватская проторила абсолютно новую тропу к людским сердцам. Материализовавшихся призраков заменили взявшиеся невесть откуда Учителя и другие «феномены», а идею о контактах с потусторонним миром — концепция индусов и буддистов о телесном перевоплощении, реинкарнации и мокше-нирване. На фоне этих разработанных на протяжении тысячелетий многими восточными религиозно-философскими школами образов, идей и технологий западные спиритуалистические радения выглядели игрой в бирюльки.

Призрак Атлантиды вновь промелькнул в ее сознании. Она достоверно знала, что чудеса гипноза, заново открытые европейцами, были известны и практиковались в Египте и Индии на протяжении тысячелетий. Факиры, дервиши и йоги обладали различными магическими способностями, позволяющими доводить себя и других до гипнотического состояния.

Неожиданно она вспомнила дом своего деда в Саратове, и ей неудержимо захотелось в Россию.

В 1858 году Блаватской исполнилось двадцать семь лет. Вот уже почти девять лет, как она находилась вдалеке от близких людей. Ей захотелось напомнить о себе, и она написала тете Надежде Андреевне о своем возможном приезде в Россию. Ее волновало прежде всего, как поведет себя в этом случае Никифор Васильевич Блаватский, законной женой которого она все еще считалась.

В России между тем произошли большие перемены. Царь Николай I, по одной версии, скончался от вирусного гриппа, которым заразил его приехавший из Парижа граф Павел Дмитриевич Киселев, подругой — покончил жизнь самоубийством.

На престол взошел Александр II. Россия была накануне Великих реформ.

Произошли важные события и в семье Блаватской. Спустя год после ее отъезда из России умерла вторая жена отца, оставив дочку Лизу. В семнадцать лет Вера вышла замуж за сына генерала Яхонтова и родила ему двух дочек. К несчастью, ее муж вскоре умер. Впоследствии Вера станет также известной писательницей. Она будет до конца своих дней преданным другом и защитницей

Елены Петровны, ее биографом. Вера Петровна была еще с детства и юности участницей ее удивительных забав и сомнительных игрищ. Талантами Бог наделил Веру Петровну не с такой щедростью, как ее старшую сестру, но несомненный художественный дар в ней все-таки присутствовал. Она получила известность в России преимущественно как детская писательница и защитница доброго имени Блаватской, вступившая за честь сестры в полемику с Всеволодом Соловьевым. В ее произведениях присутствуют душевность и доброта, та обнаженность в самовыражении, которая делает повествование исповедальным, неимоверно искренним и в то же время насыщенным наблюдениями острого воспримчивого ума над повседневной жизнью.

О Елене Петровне в семье были не самого лестного мнения. Взрослые знали, что она жива, но ее имя в разговорах не упоминалось. О том, чем она занимается за границей, доходили кое-какие слухи, прежде всего от графини Киселевой и княгини Багратион-Мухранской. Касаясь этого периода жизни своей двоюродной сестры, С. Ю. Витте писал: «…из газет семейство Фадеевых узнало, что Блавацкая дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершей хора, который содержал при себе сербский король Милан»[196].

Предположительно летом или ранней осенью она, оставив на время Митровича в Европе, появилась в России. В каком городе она остановилась — неизвестно и не столь уж существенно[197]. Куда более важным представляется отношение близких к ее возвращению в лоно семьи. Блаватская обратилась за помощью к тете Надежде Андреевне и та, написав письмо в Эривань, слезно умоляла Блаватского не устраивать публичного скандала в связи с появлением ее блудной племянницы. Известно, что Н. А. Фадеева, Вера и Елена Петровна стояли горой друг за друга. Н. В. Блаватский оказался благородным и незлобивым человеком. В ответном письме от 13 ноября (по старому стилю) 1858 года он признал, что у него давно исчез интерес к Елене Петровне, и меланхолично заметил, что время лечит раны, смягчает горе и стирает из памяти многие события нелепой и безотрадной жизни[198]. Он выражал надежду, что они наконец-то разведутся и Блаватская снова сможет выйти замуж. Он собирался подать в отставку и уединиться в имении своего брата. Иными словами, Н. В. Блаватский предал забвению ее предательство по отношению к нему.

Если Н. В. Блаватский оказался покладистым и сговорчивым человеком, то дедушка А. М. Фадеев ничего не хотел о ней

слышать. Он наотрез отказался принять в Тифлисе неблагодарную внучку. Тетя Надежда Андреевна нашла выход из создавшейся двусмысленной ситуации и предложила Елене Петровне остановиться у овдовевшей сестры Веры.

Так, в Рождество Блаватская после девятилетней разлуки оказалась в Пскове в кругу семьи. В доме Яхонтовых было семейное торжество, выдавали замуж дочь свекра Веры, и по этому случаю приехали их отец П. А. Ган, брат Леонид и младшая сводная сестра Лиза.

Сестра Елены Петровны Вера описала эту незабываемую встречу:

«Мы все ждали, что приезд ее состоится на несколько недель позже. Но, странно, когда я услышала дверной звонок, я вскочила на ноги в полной уверенности, что это она. Случилось так, что дом моего свекра, в котором я тогда жила, был полон гостей в тот вечер. Это была свадьба его дочери, гости сидели за столом, а дверной звонок звонил не переставая. Я была настолько уверена, что она приехала, что, гостям на удивление, я быстро встала и побежала к дверям, не желая, чтобы дверь сестре открыли слуги.

Преисполненные радости, мы обнялись, забыв в этот момент обо всем. Я устроила ее в своей комнате и, начиная с этого вечера, я убеждалась в том, что моя сестрица приобрела ка-кие-то необыкновенные способности. Постоянно, и во сне и наяву, вокруг нее происходили какие-то невидимые движения, слышались какие-то звуки, легкие постукивания. Они шли со всех сторон — от мебели, оконных рам, потолка, пола, стен. Они были очень слышны, показалось, что три стука означали „да“, два — „нет“»[199].

Они часами говорили друг с другом и ощущали при этом такую радость общения, такое спокойное и ясное примирение, которых прежде никогда не было.

Они оказались наконец-то все вместе.

Лёля рассказывала о своих странствиях — все это было так необычно, так ново для них, что они едва ей верили. Они представляли желтые воды Нила, яркое голубое небо, скороходов хедива в куртках, шитых золотом и с откидными рукавами, цветные окна домов, женщин в чадрах, обитые атласом кареты с грозными евнухами на козлах, гортанно кричащую, полураздетую толпу, гоношащие и грязные базары — весь огромный город Каир, разлегшийся за Нилом у подножия Макаттама, с мечетью Мухаммеда Али, с двумя остроконечными минаретами, и казавшийся фантастическим видением.

Блаватская была совершенно другая — немало повидавшая и уверенная в себе молодая женщина с теми же жгуче-синими

глазами и с загадочным выражением лица, однако от нее по-прежнему веяло все еще чем-то наивно-детским.

Ее брату Леониду исполнилось восемнадцать лет, он учился на юридическом факультете Дерптского университета. У сестры Веры было небольшое именьице Ругодево в Псковской губернии, купленное первым мужем Яхонтовым, незадолго до его смерти. Вся семья Гана, включая Лизу, решила основательно отдохнуть в деревне. Перед поездкой в Ругодево они несколько недель провели по отцовским делам в Петербурге, где у Блаватской несколько поубавился медиумический пыл.

В Ругодеве все еще существовал патриархальный уклад жизни. В незамысловатом усадебном доме они провели больше месяца. Жили бы они и дольше, если бы не скорбное известие из Тифлиса о том, что бабушка Е. П. Фадеева умирает. Бабушка была наполовину парализована уже в то время, когда Лёля вышла замуж за Н. В. Блаватского. Однако голова у бабушки оставалась светлой. Она обучала чтению и Закону Божьему детей и внуков Екатерины Витте. Блаватская не встречалась с бабушкой почти девять лет. В такой трагической ситуации, когда Е. П. Фадеева доживала последние дни, дед сменил гнев на милость и разрешил Лёле приехать в Тифлис — проститься, как они ее называли, с «бабочкой».

Вера Петровна с детьми и Блаватская срочно выехали на Кавказ и на полпути, в Одессе, узнали о бабушкиной смерти. Это печальное известие сообщил им дядя Ю. Ф. Витте, выехавший из Тифлиса им навстречу.

Елена Павловна Фадеева умерла на семьдесят первом году жизни 12 августа (по старому стилю) 1860 года. Ее похоронили в Тифлисе, в ограде городской церкви Вознесения. После ее смерти остались десять томов собственноручных рисунков тех растений, которые она собрала и определила, богатейшие орнитологическая, минералогическая и палеонтологическая коллекции, а также собрание древних монет и медалей[200].

Веру Петровну, во втором замужестве — Желиховскую, Господь Бог, как я уже отмечал, также не обделил умом и талантом. Снискавшая известность как детская писательница и пережившая свою старшую сестру на пять лет, она после ее смерти выступила горячей защитницей Блаватской и ее самым осведомленным биографом. Для нее старшая сестра была и оставалась значительной личностью, для которой не существовало благороднее цели, чем гуманизировать человечество и таким образом избавить его от всяческих изъянов и пороков. Художественный вкус Веры Петровны ничуть не

оскорбляла любовь ее сестры к театральщине и аффектации. Она прощала ей буквально все. Вера Петровна не полностью разделяла теософские верования и убеждения старшей сестры, однако была, как и она, всецело захвачена и глубоко заинтересована необъяснимыми таинственными явлениями природы и человеческой психики. В отличие от тети Надежды Вера Петровна находилась на периферии теософского движения. Она считала себя доброй христианкой и строго соблюдала обряды и постановления Русской православной церкви. Рассказы В. П. Желиховской на фантастические и мистические сюжеты посвящены чудесам, происходившим в семье Фадеевых. Так, ее рассказы и эссе «Необъяснимое или необъясненное. Из личных и семейных воспоминаний» печатались в журнале «Ребус», издававшемся с 1881 года в Санкт-Петербурге супружеской четой Прибытковых[201]. В 1885 году лучшие из них были опубликованы отдельным изданием[202]. Появление Елены Петровны в их доме всегда означало преображение жизни. Повсеместно обнаруживались знаки ее духовной мощи. И сама Вера Петровна отличалась необычным восприятием оккультных феноменов, которое по мере возрастающей известности сестры становилось сверхчувственным.

Необыкновенные события, описываемые Верой Петровной, в центре которых находилась Блаватская, представляют особенный интерес для тех, кто низвергает себя в бездны подсознания. Для тех, кто надеется, как на чудо, на проявление в своей жизни чего-то бессознательного и странного, таких духовных прибамбасов, заморочек и фенечек, от которых у любого несокрушимого скептика «едет крыша» и от удивления возникает необыкновенная сухость во рту. Сначала эти поразительные феномены приписывались странному дару Елены Петровны, но вскоре выяснилось, что паранормальные способности присутствуют не только у одной Блаватской, но также и у других членов ее семьи, в частности у их дяди Ростислава Андреевича Фадеева.

Обратимся, однако, к рассказам Веры Петровны Желиховской в стилистической обработке Альфреда Перси Синнетта. То, что прочтет читатель, крайне важно для понимания того, как осуществлялся пиар Блаватской ее сестрой в России и за рубежом.

* * *

«… Как это часто бывает, самые близкие и дорогие Блаватской люди скептически относились к ее способностям. Ее

брат Леонид и отец дольше всех были противниками очевидного, но сомнения брата были сильно поколеблены после следующего эпизода.

Однажды в гостиной Яхонтовых собралось очень много гостей. Некоторые музицировали, другие играли в карты, но большинство, как всегда, было занято феноменами.

Леонид фон Ган не присоединялся ни к одной из этих групп, а медленно прохаживался по комнате, наблюдая за окружающими. Это был физически очень сильный, мускулистый юноша, голова которого была полна полученными им в университете знаниями, латинским и немецким языками и т. д. И не верил ничему и никому. Он остановился у кресла сестры и выслушал ее рассказ о том, что некоторые люди, называемые „медиумами“, могут сделать легкие предметы настолько тяжелыми, что их невозможно будет поднять, и, наоборот, тяжелые предметы могут сделать легкими.

— И ты хочешь сказать, что можешь это сделать? — иронически спросил сестру Леонид.

— Медиумы могут, и я также делала, хотя не всегда могу отвечать за результат… Я попробую. Я просто укреплю этот шахматный столик. Кто хочет попробовать, пусть поднимет его сейчас, а потом попробует поднять его второй раз, после того как я его укреплю.

— Ты сама не коснешься столика?

— Зачем мне его касаться? — ответила Блаватская, спокойно улыбаясь.

После этого один молодой человек уверенными шагами подошел к шахматному столику и поднял его как перышко.

— Хорошо, — сказала она, — а теперь, будьте любезны, отойдите в сторону.

Приказ был выполнен. Все замолчали и, затаив дыхание, наблюдали, что она будет делать. Ее большие глаза обернулись к шахматному столику. Строго глядя на него и не отводя глаз, она движением руки пригласила молодого человека поднять столик. Он подошел к столику и с самодовольным выражением лица схватил его за ножки. Столик нельзя было сдвинуть с места. Скрестив свои руки, как рисуют Наполеона, он медленно сказал:

— Это хорошая шутка.

— Да, действительно хорошая шутка! — отозвался Леонид. Он решил, что молодой человек тайно сговорился с его сестрой и теперь дурачит всех.

— Могу ли я попробовать? — спросил он сестру.

— Прошу, попробуй, — смеясь, ответила она.

Брат, улыбаясь, подошел к столику и, в свою очередь,

захватил ножку столика своей мускулистой рукой. Улыбка мгновенно исчезла с его лица, и он смотрел в полной растерянности. Затем он очень внимательно рассмотрел хорошо знакомый ему шахматный столик и со всей силой ударил его ногой. Столик не шелохнулся. После этого он попытался потрясти столик, прижав его к своей могучей груди обеими руками. Раздался скрип, но столик так и не поддался его усилиям. Его три ножки казались привинченными к полу. Потеряв надежду сдвинуть столик, Леонид отошел от него и, сморщив лоб, пробормотал:

— Как странно!..

Все гости были привлечены к столику, возникли шумные споры, многие, и старые, и молодые, попытались поднять этот маленький треугольный столик или хотя бы сдвинуть его с места, но безуспешно.

Видя, как брат ее был потрясен, Блаватская сказала ему со своей обычной беззаботной улыбкой:

— Ну а теперь попробуй еще раз поднять столик!

Леонид приблизился к столику, опять взял его за ножку и рванул его кверху, чуть не вывихнув руку от этого чрезмерного усилия. На этот раз столик легко поднялся, как перышко»[203].

Глава пятая. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТИФЛИС

Самые известные книги Веры Петровны Желиховской — «Как я была маленькой» и «Мое отрочество». Они были переведены во Франции и там же великолепно изданы. В них раскрывается самая сокровенная тайна Блаватской: как осуществлялась завязь ее необыкновенной личности, кем стимулировались и чем определялись ее первые касания высшего мира. Вполне вероятно, что портрет юной Блаватской, созданный ее сестрой, наиболее приближен к оригиналу. По крайней мере, как убедился читатель, он избавлен от парадности и вычурности. Елена Петровна, Лёлинька, предстает на нем озорной насмешливой девочкой в светлых кудряшках и небрежной одежде, неисправимой шалуньей, у которой на первом месте оставались шутки и проказы. В этих книгах нет и намека на ее сверхъестественные способности. Речь в них идет разве что о ее бурной фантазии.

В других своих книгах и статьях Вера Петровна ваяет иной образ своей старшей сестры — ясновидящей и оккультной мастерицы. Елена Петровна запросто читает запечатанные письма или же перемещает в пространстве медальоны. Создается впечатление, что все эти чудеса она творит с легкостью необыкновенной, просто от нечего делать. В годы совсем уж зрелые Блаватская к себе в помощь привлекала сестру Веру и тетю Надежду.

Согласно Желиховской, сверхъестественные способности ее сестры с годами окрепли, развились до размеров фантастических. Теперь Елена Петровна могла запросто вызывать звуковые феномены или, как она называла, «совершать бросание аккордов», или же «устраивать перезвон астральных колокольчиков». Главное, что от этих вызываемых ею паранормальных явлений никому никогда не было никакого вреда. Напротив, присутствовавшие при их демонстрации получали неподдельное удовольствие, а некоторые из них приходили в неописуемый восторг. Наибольшим спросом пользовалась демонстрация Еленой Петровной животного электричества. Феномен был прост по технике исполнения, но по производимому на присутствующих эффекту не имел себе равных. Блаватская просила сидящих за круглым столом гостей сложить горкой руки на руки и тут же взмахивала над этой грудой рук своей рукой, после чего участники сеанса орали истошными голосами, поскольку им казалось, что их ударили сильным разрядом тока или же их ладони прибили к столу длинными гвоздями. Такие электромагнетические удары особенно нравились мазохистским

натурам, а их в окружении Блаватской было предостаточно, и они требовали немедленного повторения этих болевых экспериментов. Она держала этих людей в напряжении, всем своим видом показывая, что стоит ей чуть-чуть прибавить энергии и таким электромагнетическим ударом можно запросто свалить с ног быка или же убить человека.

Сегодня мы понимаем, что Блаватская своими демонстрациями сделала короткое замыкание в умах людей. Оттого-то они не то чтобы теряли рассудок, но некоторое время пребывали в полном замешательстве. Не будем строги к ней, ведь творить новые небо и землю всегда приходится с чистого листа и не совсем чистыми руками.

Возвращение в Тифлис представлялось Елене Петровне Блаватской невыносимо тяжелым бременем. Не такого будущего она для себя ожидала, когда восемь лет назад, заляпанная дорожной грязью, с размазанными по лицу слезами скакала, как очумелая, к родным, бросив вызов судьбе. И дождалась ответного удара. Она тогда понимала, что ее свободе наступает конец, и теперь придется быть под неотступным надзором родственников, не принадлежать самой себе. И сейчас перспектива жить под одной крышей с Н. В. Блаватским приводила в содрогание — выдержит ли она подобное испытание? Предстоящая встреча с дедом А. М. Фадеевым также не сулила ничего хорошего. Уже сама мысль, что она возвращается в Тифлис, к месту своего позора как бы по доброй воле, больно била по самолюбию. Семья деда ведь оставила ее в покое, словно навсегда о ней забыла, а она каким-то чудом отыскалась, возникла из небытия и — нате вам — появилась как ни в чем не бывало. Получалось, что она снова навязывала им себя. Все это казалось постыдным. Позднее, в 1862 году отчаянное положение, в котором оказалась Блаватская, еще больше осложнилось новым замужеством Веры Петровны, двадцатишестилетней вдовы с двумя малолетними детьми от прежнего брака. У нее появился муж, Владимир Иванович Желиховский, директор Тифлисской гимназии, их двоюродный брат с отцовской стороны. Ее выбор пришелся не по душе старшим Фадеевым, деду и бабушке. Они посчитали, что этот человек — не лучшая пара их внучке. В. И. Желиховский отличался вздорным характером и был любителем как следует выпить. Все же Вера Петровна не послушалась доброго совета, поступила по-своему — сбежала из дома Фадеевых и вышла замуж за Желиховского. Она, как и старшая сестра, создавала для близких серьезные проблемы — так уж было написано у них на роду.

Блаватская могла, конечно, жить у отца, движимая сочувствием к его положению вдовца, и заняться воспитанием сводной сестры Лизы. Однако она все еще была достаточно молода, чтобы довольствоваться жизнью монашенки в миру. Но даже жизнь в глуши, однообразная и скучная, пугала меньше, чем возвращение к законному мужу в теплый и праздничный Тифлис! Чему быть, того не миновать! Вернуться наперекор желанию других — это было вполне в ее духе.

В тифлисское знойное лето 1860 года, слегка обдуваемое ветром с гор, умиротворяемое и затеняемое трепещущей листвой и охлаждаемое стремительными, мгновенными ливнями, она лучше узнала своего двоюродного брата — одиннадцатилетнего Сережу Витте, миловидного и застенчивого. Трудно было представить, что спустя много лет он, министр финансов при Александре III и Николае II, пройдет через, казалось бы, непроходимую толпу российских чиновников и не как-нибудь, бочком и раболепно, а степенно и важно, и станет среди них первым лицом, архитектором новой индустриальной России. Он и она словно невзначай остались в памяти русских людей. У каждого из них было свое поприще, но их объединяло общее в характере. По существу, они жили как получится, любили прихвастнуть, проявляли в нужные моменты вероломство, удивляли окружающих своей мелочностью, отличались скрытностью. Вместе с тем они обладали развитым интеллектом и сильной волей, неуемной энергией и потрясающей проницательностью. Когда надо было, видели людей насквозь. Могли и поступить против воли окружающих. Бросить вызов обществу. Так, Сергей Юльевич женился вторым браком на еврейке, чем немало обескуражил сослуживцев, а о вызывающих поступках и действиях его двоюродной сестры и говорить не приходится. Родовые черты Долгоруковых и Фадеевых проглядывают во всем их поведении, таком неординарном и запоминающемся. У них не было злого умысла, зачастую их поступки определяли страсти и романтические надежды. Они бывали иногда нетвердыми в своих решениях и занимаемой позиции, даже в ущерб собственной репутации. В воспоминаниях С. Ю. Витте, написанных им в возрасте шестидесяти двух лет, Блаватская предстает не в розовом свете и не с лучшей стороны, словно он писал не о близкой родственнице, а совершенно постороннем и дурном человеке.

Непременным условием проживания Лёли в Тифлисе, поставленным ее дедом, было возвращение к законному мужу. Она это условие приняла, рассчитывая, по-видимому; на

обещание, которое дал в письме тете Надежде Н. В. Блаватский.

Она всегда была неблагодарной по отношению к мужу. Н. В. Блаватский, как свидетельствуют факты, сочувствовал, сострадал и помогал ей больше других. Она просто не любила его.

С ней происходило нечто необъяснимое и безобразное, когда она встречалась с мужем. Особенно ее раздражали его голос и огромные очки в медной оправе. Она вела себя с ним как полоумная: грозила и стращала, а зачем — не объяснила бы сама. Многие в Тифлисе, она знала, считали ее сумасшедшей.

Не желая раздражать Елену Петровну и верный данному слову, Н. В. Блаватский перед ее появлением уехал на время для лечения в Берлин. Правда, его принципиальности хватило ненадолго. В ноябре, возвратившись в Россию, он неожиданно для всех подал в отставку с поста вице-губернатора Эриванской губернии и перебрался в Тифлис, чтобы опять замаячить перед ее глазами. Как Блаватская считала, ее муж был до нелепости глупым человеком. Она не принимала во внимание деликатность и хрупкость его натуры, а в особенности не хотела замечать те робкие шаги, которые он делал навстречу ей, может быть, втайне надеясь, что его блудная жена образумится. Как заблуждался этот несчастный и по существу наивный человек!

Лёля давно уже утвердилась в мнении, что любая пакость, сделанная Блаватскому, сойдет ей с рук. Судя по всему, у него был явный половой изъян. К тому же Н. В. Блаватский питал склонность к мазохизму, а иначе какой мужчина, будь он даже по душевной природе ягненком, а по уму полным идиотом, позволил бы так долго и целенаправленно над собой издеваться. Лёлины родственники искренне его жалели и от души обрадовались, когда она переехала к нему на новую квартиру. В это время он получил менее завидную должность при наместнике Кавказа. Знали бы ее близкие, чем кончится это временное перемирие между ней и Блаватским! Но он сам сунулся в капкан, когда принимал ее всю целиком — с мясом и костями, с придурью, фанаберией и высоком о себе мнением. Недоумевая и сомневаясь, он носился с ней как с писаной торбой. И вот за ласку, добродушие и долготерпение, за спокойствие и выдержанность ему преподали такой урок, который он не смог забыть до конца своих дней. Все-таки большой проказницей была Елена Петровна!

На первых порах Блаватская соблюдала осторожность и, скучая до отчаяния, старалась по мере сил не будировать общество. Большую часть времени она проводила в доме у деда, в старинном особняке князя Чавчавадзе, в кругу своей семьи, среди родственников и ближайших друзей. Отсутствие в доме бабушки,

Е. П. Фадеевой, сказывалось, но дом по-прежнему оставался нарядным и ухоженным. Бабушкина коллекция растений, редких бабочек и букашек ушла в Петербург, в дар университету. Особенно Блаватская сблизилась с тетей Надеждой и дядей Ростиславом.

Н. А. Фадеевой досталась коллекция антиков и других занятных вещиц, среди которых Лёля отыскивала предметы с каббалистическими знаками и подолгу их рассматривала, любовалась ими и пыталась вникнуть в их смысл — необыкновенная жажда знаний все еще не оставляла ее. Она никак не могла отвязаться от мысли об умственном могуществе атлантов и очень сожалела, что на время прервала свой поиск затонувшего материка. Она знала, что слово «каббала» означает предмет, передающийся от отца к сыну, из века в век, то есть созданный в незапамятные времена. Такой реликвией в их семье был крест, принадлежавший великому князю Михаилу Черниговскому. Через какое-то время после смерти бабушки и дедушки он был передан для хранения в семью Витте вместе с частью архива.

Не прошло и месяца, как Блаватская вошла в курс семейных дел.

Дед Андрей Михайлович, как и раньше, оставался в семье основным кормильцем, он занимал должность члена Совета при наместнике Кавказа, однако прежняя бодрость и живость в нем исчезли. Ему исполнился 71 год.

Дядя Ростислав приобрел широкую известность как военный историк. Его перу принадлежал монументальный труд «Шестьдесят лет войны на Кавказе».

Тетя Надежда переняла от своей матери страсть к собиранию редких вещей и пополняла доставшуюся ей в наследство коллекцию образцами оружия всех времен и народов, китайскими и японскими божками, византийской мозаикой, персидскими коврами, произведениями живописи, а также старинными книгами.

В доме все еще чувствовался достаток, он был открыт для друзей и знакомых, особенно в нем привечали людей своеобразных и бывалых. Семья Фадеевых всегда славилась широким гостеприимством. Дядя Ростислав и тетя Надежда не чаяли души в своей племяннице, взяли под свою защиту и делали все, что могли, чтобы скрасить ее тифлисскую жизнь. Для них она оставалась неразумной девочкой с непомерным самолюбием, с вечно тревожными мыслями и с нелепыми угловатыми движениями. Маленькой несчастной фурией, которую природа

наделила необыкновенными способностями, а судьба с ней обошлась прескверно. Лёля чувствовала по румянцу, выступившему на щеках, что к ней возвращается прежняя свобода. Боязни и смущения в ней уже не было, она держалась прямо и с достоинством, точно таким же образом, как в шестнадцать лет. Ей удалось привлечь внимание тифлисского общества медиумическими сеансами, которые она еженедельно устраивала в доме А. М. Фадеева. Естественно, что уроки спиритизма она давала даром, ибо получала удовольствие от создаваемой ею гармонии между миром живых и мертвых, ведь в какой-то степени она была прилежной ученицей европейской знаменитости, спирита и мага Даниела Юма. Для тех, кто знал ее ближе, она обставляла свои мистические спектакли бытовыми мизансценами, импровизировала на ходу, с едва заметной иронией относясь к зрителям. В создании атмосферы потустороннего ей помогали блестящая эрудиция и необыкновенная память на нужные детали, которые она вытаскивала откуда-то из мусорной кучи повседневности, из своего никому неизвестного прошлого и придавала с их помощью впечатляющую достоверность зрелищу появления призраков с того света. Блаватская обычно предваряла демонстрацию. «феноменов» рассказами о поразительных случаях из собственной жизни, которые противоречили обыденным представлениям и заслуживали названия сверхъестественных. Даже мать Сергея Витте, тетя Екатерина, вступала в игру, освобождаясь на время от гнета ежедневной жизни, и смотрела на нее влюбленными глазами. Все они, невольные или вольные соучастники этих мистических радений, почему-то стеснялись деда, А. М. Фадеева, и с нетерпением ждали, когда он, попрощавшись с гостями, уйдет к себе в спальню. Трудно объяснить, но все были убеждены, что старый человек, знавший еще Александра I, масона и мистика, не поймет и осудит их полуночные забавы, их игру с привидениями, то сильное влечение к странным явлениям, которое наполняло их приятным ощущением крайней нервозности. Может быть, они просто не хотели сыпать ему соль на раны, видя, как он тяжело переживает смерть своей жены.

Все суета сует и томление духа.

Всякий человек стремится достучаться до сердца другого человека, ждет, что ему отопрут и примут как дорогого гостя.

Одни люди стучат тихо, едва слышно, другие — барабанят что есть силы, отчаянно и с вызовом. Но разве можно осуждать человека за его темперамент? Нежданно-негаданно открываются человеческие сердца. И тогда каждый миг бытия ощущается как страх разлуки, как воспоминание о рае.

В Тифлисе все оставалось по-старому. Жизнь в нем не текла, а бурлила, и в этом несущемся и затягивающем водоворотами потоке важно было не утонуть. Лёля уже не ощущала себя затворницей. Успех медиума придал ей силы, приободрил и заставил опомниться от пережитых неприятностей. Кроме того, она хорошо знала, что у людей короткая память, и ее девятилетней давности одиссея прочно забыта. Знала она также, что счастье для русского человека — это когда нет несчастья, а когда есть кого любить, то и горе нипочем.

Елена Петровна просыпалась поздно, через приоткрытое окно видела кусок осеннего неба в перистых облаках. Оно зависало над ней, как волшебная птица Рух из сказок «Тысяча и одна ночь». Она не страшилась этого ожившего неба, оно было ей союзником, а не врагом. Благородная лень и истома Востока струились в охлажденном горами воздухе. Ей хотелось побыстрее выйти на улицу — навстречу кофейням, где густой кофе варился по-турецки в жарком сухом песке и темно-коричневая пена переливалась через края медных с короткими ручками кружек. Она торопилась заглянуть в тесные харчевни с длинными, грубо сколоченными столами и лавками из боржомской сосны. На столах возвышались высокие с вытянутыми горлышками бутылки, наполненные молодым кахетинским вином, лежал мягкий и податливый, как творог, сыр, растрепанное веретье лаваша, сочные перламутровые луковицы и спелые, исходящие кровавой влагой помидоры. Она окончательно приходила в себя, и ей казалась совершенно непривычной и невероятной разряженная и маскарадная жизнь, в которой приходилось постоянно притворяться.

Окинув мысленным взором картины прошлого, она вдруг впервые усомнилась в том, что годы, прожитые вне России, пошли ей на пользу.

Глава шестая. ЛЮБОВЬ

Как никогда прежде, Лёлю волновала музыка. Она садилась за рояль и играла до изнеможения все подряд: вальсы Шопена, прелюдии и фуги Баха, песни без слов Мендельсона, «Годы странствий» Листа. Ее музыкальные способности по достоинству оценили в салоне князя Барятинского. Музыка отражала гармонию сфер, была для нее мигом прозрения, возвышала душу, воплощала в звуках иной, заоблачный мир.

Как божественное искусство музыка зародилась в Атлантиде, она на этом постоянно настаивала, и гости Барятинского, не споря с ней, весело переглядывались между собой.

Интересная жизнь шла в Тифлисе, ничуть не хуже, если не ярче и насыщеннее, чем в некоторых европейских столицах.

Нам трудно представить эту исключительно новую для России атмосферу, которая была абсолютно безмятежной и свидетельствовала о какой-то нарочитой бесшабашности дворянства накануне и во время Великих реформ. Это была жизнь во хмелю, но протекала она не в душном, полутемном пространстве кабака, а на чистом, промытом солнцем воздухе культурного общения.

Понятно, что никто не расскажет лучше об этом времени, чем те люди, которые жили тогда. Воспоминания — это полу-сновидения, рожденные беспокойным сознанием человека, который не может расстаться со своим прошлым.

Вот что писал о Тифлисе 60-х годов XIX века, о салоне князя Барятинского, о доме Фадеевых П. С. Николаев: «Широко и шумно текла жизнь в Тифлисе; привлеченные богатыми потребителями, целиком переносились туда из Парижа роскошные магазины. Тифлисский театр был положительно идеалом вкуса и изящества; по своей оригинальности и красоте он не имел себе подобного в Европе. Безжалостное пламя стерло его с лица земли, подобно тому, как безжалостное время тоже стерло с лица земли большинство его посетителей. Тифлис был переполнен громкими именами, прелестными женщинами и иностранцами всех национальностей. Традиционное барство представителей туземной аристократии, их типичные лица, чуть не вчера вырвавшиеся из облаков порохового дыма, покрытые золотом и бриллиантами женщины — все это, окруженное зеленью тропических растений, под тропическим синим небом, невольно кружило голову и казалось нескончаемым, опьяняющим сном. <…> У князя Барятинского бывали по четвергам вечера, которые хотя и оканчивались в одиннадцать часов, но проводились чрезвычайно весело и приятно. <…> Обыкновенно не танцующий и не ухаживающий люд собирался в курительную комнату, в которой раздавались споры, остроты и смех. <…>

В этой комнате был постоянный гвалт, в ней решались вопросы не только Европы, но и всего мира, и представителем бурных прений можно было по справедливости назвать моего покойного друга, Ростислава Андреевича Фадеева. Он говорил очень хорошо и своеобразно, поэтому около него постоянно теснился кружок слушателей. Фадеев пользовался слишком большою известностью, чтобы мне говорить о нем; но вся семья его была так примечательна, что не могу удержаться, чтобы несколько не остановиться в своих воспоминаниях с любовью на том времени, когда я был с нею знаком.

Старик Андрей Михайлович Фадеев (отец Ростислава), несмотря на свой преклонный возраст, сохранял полнейшую свежесть умственных способностей, и его рассказы из последних годов царствования императора Павла и всего царствования Александра I часто заставляли нас переноситься в те отдаленные годы.

Супруга его, Елена Павловна, урожденная княжна Долгорукая, была одною из замечательных личностей по своим обширным знаниям в области естествоведения.

Муж второй дочери Фадеева, Екатерины Андреевны, покойный Ю. Ф. Витте, окончивший курс в двух заграничных университетах и видный деятель в управлении князя Барятинского, был, бесспорно, одним из самых образованных людей Тифлиса.

Старшая сестра Ростислава, г-жа Ган — давно уже покойница, — писавшая под псевдонимом Зенеиды Р., была одною из любимейших писательниц своей эпохи.

Другие две сестры, Е. А. Витте и Н. А. Фадеева, своими сведениями и начитанностью вполне гармонировали со всеми выдающимися членами этой семьи; а если ко всему сказанному прибавить широкое, старинное радушие и хлебосольство, которым отличались Фадеевы, то всякому станет понятно, отчего знакомство с ними оставляло по себе самое приятное воспоминание. Жили они в старинном доме князя Чавчавадзе; самый этот дом носил на себе печать чего-то особенного, чего-то взявшего Екатерининскою эпохою. Длинная мрачная зала, увешанная фамильными портретами Фадеевых и князей Долгоруких, затем гостиная, оклеенная гобеленами, подаренными Екатериною II князю Чавчавадзе, следующая затем комната Н. А. Фадеевой, представлявшая собою один из самых примечательных частных музеев, — такова была обстановка этого дома. Коллекции музея отличались своим разнообразием: оружие всех стран мира, кубки, блюда, древняя домашняя утварь, китайские и японские идолы, мозаика, образа времен Византии, персидские и турецкие ткани, вышитые шелками и золотом, статуи, картины, окаменелости и, наконец, весьма редкая и ценная библиотека. Освобождение крестьян не изменило жизни Фадеевых, вся громадная крепостная их дворня осталась у них по найму, и все шло по-прежнему привольно и широко. Я любил у них проводить вечера; в одиннадцать без четверти часов, шаркая теплыми сапогами, старик уходил. Неслышно приносился ужин в гостиную, двери запирались плотно, и начиналась оживленная беседа: то разбиралась современная литература или современные вопросы русской жизни, то слушался рассказ какого-нибудь

путешественника или только что возвратившегося с боевого поля загорелого офицера; иногда являлся старик испанец-масон, Квартано, с рассказами о Наполеоновских войнах, или Радда-Бай (Елена Петровна Блаватская, внучка А. М. Фадеева) вызывала из прошлого бурные эпизоды своей жизни в Америке; порою разговор принимал мистическое направление, и Радда-Бай вызывала духов. Догоревшие свечи чуть мерцали, фигуры на гобеленах как бы оживлялись, невольно становилось жутко, а восток начинал уже бледнеть на черном фоне южной ночи. Немалого стоило труда прогонять с этих вечеров спать двух шалунов — детей Витте, Сергея и Бориса»[204].

В салоне Барятинского на свою беду встретила Лёля барона Николая Мейендорфа.

Эстляндский барон, всесторонне образованный, но не без сумасшедшинки в глазах, оттого-то и увлеченный спиритизмом, Николай Мейендорф пришел в восхищение от Блаватской. Она показалась ему обворожительной и бесподобной; с первой встречи будто невидимая ниточка протянулась между ними и их соединила.

Барон, безупречный красавец, гроза женщин, увлекся Блаватской — это удивило окружающих, которые считали, что молодой человек либо что-то в ней не разглядел, либо его неожиданно вспыхнувшая страсть была заранее приготовленным и отлично разыгранным фарсом. Правды так никто и не узнал. Несомненно, что Николай Мейендорф относился к категории противоречивых и изменчивых людей, впрочем, как и сама Елена Петровна.

Роман между ними развивался бурно и стремительно, на одном дыхании. Барон был женатым человеком, его супруга принадлежала к русской аристократии. Положительно почти все в жизни зависит от места, среды и обстоятельств, в которых человек оказывается. Тифлис был как раз тем самым местом, где происходили невозможные, сверхъестественные вещи. О среде, в которой развивалась любовь между Блаватской и бароном, читатель, надеюсь, уже составил некоторое представление по воспоминаниям П. С. Николаева, а обстоятельства сложились совсем удивительные: Николай Мейендорф оказался закадычным другом, названым братом Даниела Юма, известного спирита и фокусника. Как тут было Елене Петровне не проявить свое обаяние!

Николай Мейендорф поделился в письме Даниелу Юму своей донжуанской победой, поведал о кое-каких интимных подробностях любовной интрижки с Блаватской — в нем явно отсутствовало чувство рыцарской чести.

Даниел Юм не пришел в восторг от любовных проказ приятеля и тут же предупредил в письме, что с подобной дамой опасно иметь дело, от нее лучше было бы держаться подальше[205]. Однако Николай Мейендорф не внял разумному совету и не прервал с Блаватской любовной связи, вероятно, полагая, что все образуется само собой.

О Лёлиной светской жизни в Тифлисе того времени не сохранилось практически никаких воспоминаний. И все-таки одним достоверным и важным свидетельством о ее времяпрепровождении после возвращения в Россию мы располагаем. Оно принадлежит человеку, в честности и порядочности которого сомневаться не приходится. Это отец священника Павла Флоренского, Александр Иванович Флоренский. Вот что рассказывал он своему сыну: «Из детских воспоминаний моего отца мне особенно запомнился рассказ его об основательнице Теософского общества Елене Петровне Блаватской. Может быть, запомнился потому, что отцу моему, вероятно, врезались в память впечатления от Блаватской, и отец несколько раз вспоминал о ней. Он был тогда гимназистом, воспитанником 1-й классической гимназии в Тифлисе; а директором ее состоял Желиховский, муж писательницы Веры Петровны, сестры Блаватской. По рассказам папы, Елена Петровна вела веселую легкомысленную жизнь, была всегда окружена сворой молодых офицеров, которыми распоряжалась по-своему. Они иногда возили ее на себе, впрягаясь в фаэтон вместо лошадей и таща экипаж по Дворцовой улице, засыпали ее цветами и вообще ухаживали безумно. Е. П. Блаватская их гипнотизировала и, по впечатлению папы, обладала какими-то чрезвычайными силами. Например, внушала им на расстоянии, без слов. О Блаватской папа рассказывал мне несколько раз, и я чувствовал из его слов, что эти детские впечатления не прошли мимо его мысли, заставили призадуматься, а может быть, и послужили оплотом против материализма»[206].

Блаватская отчетливо помнила, как она и барон Мейендорф поздно ночью вышли из дома князя Барятинского. На бароне была широкая черная шляпа, из-под нее выбивались спутанные светло-желтые волосы, а на шее был повязан вызывающе пурпурного цвета бант. Ей запомнились его выразительные, заигрывающие глаза, которыми он пренебрежительно и оценивающе осматривал каждую незнакомую женщину. Этим мужским, нескрываемым нахальством он, вероятно, ее и пленил. Она многое прощала барону Мейендорфу и покорно соглашалась с тем, что никогда не приняла бы в других мужчинах. Она полюбила его, и этим все сказано. Ее любовь походила на временное умопомешательство.

Лёля была проникнута чувством, что ее любовь взаимная, что барон влюблен также страстно, не меньше, чем она в него. Она не находила себе места, томилась недобрыми предчувствиями, когда его долго не видела, — настолько искренне и самозабвенно увлеклась этим светским, абсолютно пустым человеком.

Каждый день Блаватская желала его видеть, обязательно и непременно. Ничего не предвещало бури. Она была счастлива и летела к нему как на крыльях.

И тут в Тифлисе некстати появился с гастролями Агарди Митрович, ее закадычный друг. Их знакомство в Константинополе не оборвалось внезапно, а имело свое продолжение. Приезд Митровича нарушил устойчивость и соразмерность любовного треугольника, появилась другая геометрическая фигура — квадрат. Вот как эту ситуацию описывает С. Ю. Витте: «В это период своей жизни Блавацкая начала сходиться с мужем и даже поселилась с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлисскую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блавацкую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал»[207]. Не будем подробно вникать в душевное состояние Елены Петровны. Можно представить, как она вскрикнула от удивления при виде своего старого обожателя. Старого в прямом и переносном смысле этого слова. Агарди Митровичу в 1861 году было около шестидесяти лет. Ничего не могло быть эффектнее внезапного появления близкого друга, но уже в новом амплуа резонера-моралиста. Конечно, он возвысил свой голос, исполненный страдания и обиды, но разве возможно было что-нибудь поправить и изменить? Блаватская с ужасом обнаружила, что беременна[208].

Барон Мейендорф решительно отказался от будущего отцовства. Потрясенный Никифор Васильевич Блаватский постарался сохранить лицо и назначил Елене Петровне ежемесячное содержание в 100 рублей[209]. Агарди Митрович наблюдал развитие событий со стороны, не зная, как и чем ей помочь.

При всей порочности характера Блаватская почувствовала желание накинуть на себя петлю, она часами сидела на постели и меланхолично расчесывала длинным гребнем ниспадающие до пояса волосы. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что незнакомое ей состояние, предвещающее появление новой жизни, вызывает у окружающих людей, самых близких и дорогих, чувство злобы и негодования. Единственным способом предотвратить

наступающий домашний ад было самой уйти из жизни, повеситься или заточить себя в темную монастырскую келью. Казалось, вся Грузия чесала о ней языки и перемывала косточки.

Глава седьмая. ССЫЛКА

На общем семейном совете решили отправить Елену Петровну в дальний гарнизон, в Мингрелию; там она должна была донашивать ребенка и родить. Действительно, для людей, одержимых скукой, она была драгоценным подарком. Их похотливое воображение рисовало Блаватскую вавилонской блудницей, молодой колдуньей, приворожившей и обольстившей несчастного барона, семейного человека. Она напрягла всю свою волю, чтобы выдержать натиск этих пошлых измышлений.

В гарнизоне, куда она попала, ее словно не замечали. Деньги от Н. В. Блаватского часто задерживались, она едва сводила концы с концами. Тетя Екатерина Андреевна Витте, получая ее письма с просьбой о помощи, в ответ читала нотации о том, что необходимо обходиться малым, и не высылала ни копейки дополнительно к деньгам Блаватского[210].

Где-то неподалеку находилась полумифическая Колхида, куда под предводительством Ясона приплыли за золотым руном аргонавты. Ясон, выкормыш кентавра Хирона, за эту шкуру диковинной овцы собирался выкупить отнятое у его отца силой царство. Его сопровождали в плавании к берегам Колхиды лучшие сыны Эллады, среди них Геракл и Орфей. С помощью коварной, влюбленной в него Медеи Ясон, как известно, овладел золотым руном. И все-таки всемогущий рок по своему усмотрению распорядился судьбой его царского рода. Ясон не только не получил обратно царства, но в итоге лишился собственных, рожденных от Медеи сыновей. Почему Медея их убила? На этот вопрос существуют разные ответы. Бесспорно одно: сила хаоса, темные силы гордыни и мстительной ревности навязчиво проглядывают в подобном бесчеловечном и противоестественном поступке обезумевшей жены и матери.

Вот что такое кармическое возмездие, со страхом думала Елена Петровна, содрогаясь в душе от жутких предчувствий. Она всерьез переживала страшную судьбу Ясона и его семьи. Место, в котором она готовилась к предстоящим родам, было в самом деле диким и гиблым. Труднее всего ей приходилось с аборигенами. Среди них встречались особенные гордецы, те, кто считал себя потомками аргонавтов, упивался и бахвалился своим древним происхождением. Елена Петровна по русскому обыкновению пыталась найти с некоторыми из них общий язык, однако из этой

затеи ничего хорошего не выходило. Они, словно одурманенные колдовскими чарами, никак не могли почувствовать себя в потоке мировой любви. Такому братскому единению мешали, по-видимому, горы, отделявшие этих подозрительных и воинственных людей от всего белого света.

Как вышло, что ее, добрую и смешливую Елену, сослали в дикую глухомань, разлучили с близкими?! Этого она не понимала и морально страдала от такого унизительного положения. Разумеется, Елена Петровна догадывалась, что своей беременностью она оскорбила честь семьи, насмеялась над чувствами Никифора Васильевича Блаватского. Однако кара за ее любовный порыв, за ее женскую непредусмотрительность была слишком суровой и беспощадной. Реакция родных на ее желание стать матерью оказалась исступленной и фанатически жестокой, чего она от них, по правде говоря, никак не ожидала. Ей надо было сделать серьезное усилие над собой, чтобы их не возненавидеть со всей пылкостью, на которую она была способна. Она походила сейчас на издерганную преследованием дрофу с нелепым тяжелым телом и маленькой птичьей головкой.

Она всегда, с ранних лет относилась к жизни, как к забавной и захватывающей игре, совершенно не задумываясь, что любая игра предполагает выигрыш или поражение. Она окончательно вступала во взрослую жизнь, в которой исключительно на нее одну ложилась ответственность за все, что с ней происходило и произойдет в дальнейшем.

Случившееся с Еленой Петровной основательно переломило ее жизнь. Она перехватывала ухмылки солдат и офицеров, осуждающие взгляды исподлобья невежественных и грубых мингрелов, чувствовала отвращение к себе окружающих женщин, даже тех, кто ее обслуживал, — и вся эта смрадная атмосфера осуждения и ненависти окончательно ее добила. С ней случилось самое худшее: она перестала ощущать самое себя. С ней вновь стати происходить странные и непонятные вещи. За месяц до родов она находилась в рассеянном, полуобморочном состоянии, словно умерла и наблюдала со стороны, что происходит с похожей на нее истощенной женщиной с желтым лицом роженицы и неправдоподобно раздутым животом. У ее любви отобрали иллюзию, и она обратилась, как и раньше, к темным, одуряющим сновидениям. Тяжелые пробуждения ей были вовсе не в радость, она сделалась настоящим призраком. Хранитель ее оставил. Она вздрагивала от счастья, когда погружалась в долгий сон, словно приобщалась к необъятному.

Однако были сны, которые вовсе не утешали и поддерживали

ее, а доводили до полного умопомрачения.

Это были не просто бессмысленные ночные импровизации дремлющего и запуганного сознания, а, если уж прямо смотреть в глаза правде, тонкие провидческие предчувствия каких-то зреющих грядущих событий, действительно кармических, наполненных особенным значением. Боль ее не отпускала. Один страшный сон сменялся другим.

Она рожала, но рожала по-особому — ртом. Процесс родов был отвратительным и затяжным. Сначала из десен вывалились зубы, словно семечки из тыквенной мякоти. Потом изо рта свесился до самого пола длинный мокрый мешок, чем-то похожий на рыбий пузырь, внутри которого колыхалось, раздвигаясь и сужаясь, что-то бело-розовое, опутанное бахромчатыми тонкими пленочками. В них, разрывая прозрачные ткани, двигался, вырывался на свободу плод с большой уродливой головой и скрюченными ножками. Зрелище было столь отвратительным, что врача, принимавшего роды, стошнило.

Собственный истошный крик разбудил Елену Петровну. Она была вся, снизу доверху, мокрой. Пыталась позвать на помощь, но вышло маловразумительное мычание. Боль то отпускала ее, то терзала снова. Она разорвала на себе ночную рубашку, обнажились не только ноги, но и низ живота. В ту ночь она, глотая слезы, неистово молилась. К утру она с трудом разродилась мальчиком.

Ребенка пришлось вытаскивать щипцами. Гарнизонный врач не был повивальной бабкой, у него дрожали руки, и он повредил новорожденному кости. Блаватская родила мальчика-уродца, очень похожего на того горбуна, с которым забавлялась в саратовском доме.

Елена Петровна, обессиленная и убитая горем, не открывала глаза. Ей не хотелось жить. Она отказывалась от еды и превратилась в обтянутый кожей скелет. Разглядывая худосочную костлявую и неопрятную женщину, никто не сказал бы, что это она, Елена, Лёля, Лоло, душа общества и мистическая провидица. Крохотный страшненький ребенок, находившийся с сиделкой и кормилицей в соседней комнате, казался воплощенным укором ее греховной и нелепой жизни. Он тихо лежал, обложенный корпией. На его сморщенном личике проглядывало столько горестных размышлений о несвоевременном приходе в мир, что ее сердце разрывалось от боли. Она интуитивно догадалась, что вялое равнодушие и тупая бесчувственность — для нее самое наилучшее лекарство, чтобы прийти в себя. Только бы ее оставили в покое, тогда-то она худо-бедно дотянет свой век.

Чего только не натерпелась Елена Петровна за девять месяцев

беременности. А увидев своего первенца, она вообще впала в летаргическое состояние. Бесчувственную, ее погрузили в лодку и отправили рекой до Кутаиси. Сопровождавшие Блаватскую люди рассказали малоправдоподобную историю. Будто от нее отделился призрак и пошел по воде, как посуху, навстречу прибрежным лесам. Это случилось в первую ночь, а во вторую, ближе к утру, от нее отошли не одна, а две эфемерные тени, два бесплотных двойника и растаяли во мраке. Неудивительно, что вскоре от нее сбежали почти все слуги, при ней остался один верный человек — старший лакей в доме А. М. Фадеева. В Кутаиси у нее начались галлюцинации, словно она заболела горячкой. В Тифлис ее привезли скорее мертвой, чем живой[211]. Примечательно, что преследуемая роком, она умственно перешла, как сейчас сказали бы, в параллельный мир, обосновалась в столь ей привычной области грез и фантазий.

Как явствует из воспоминаний сестры Веры, много сил затратили тетя Надежда и дядя Ростислав, чтобы содействовать ее душевному и физическому выздоровлению. Именно они вернули тогда Елену Петровну к нормальной жизни.

Глава восьмая. ПЕРЕДЫШКА ОТ ОККУЛЬТНЫХ ОПЫТОВ

Удивительные перемены совершаются с людьми. Вскоре по возвращении в родной дом Елену Петровну невозможно было узнать: она стала матерью и матерью любящей, прилежной и заботливой.

Медиумические сеансы, полуночные беседы о тайнах Атлантиды, фантастический, недосягаемый Тибет, даже ее Учитель Мория — все это воспринималось теперь как мираж, который исчез и больше никогда не появится. Оставался уаукивающий розовый комочек, ее трогательный уродец, ее любимая крошка Цахес. От массы новых, неведомых ей прежде ощущений кружилась голова. Она думала только о своем сыне, которого назвала Юрием в честь Юрия Долгорукого, и терялась в догадках о его будущем.

Агарди Митрович уехал из Тифлиса на гастроли в Европу. Н. В. Блаватский помогал деньгами, а в 1862 году подал прошение об оформлении на нее паспорта, куда должен был быть вписан Юрий. Кроме того, он снабдил Елену Петровну специальной бумагой, позволяющей ей с сыном посетить Таврическую, Херсонскую и Псковскую губернии, то есть те места, где жили ее родственники[212]. Никто из них, кроме самой Елены Петровны, не считал в то время Юрия чужим ребенком.

Она потребовала у барона Мейендорфа определенности по отношению к собственному сыну В момент последнего и окончательного объяснения с бароном у него был, она обратила внимание, неподвижный мертвый взгляд, словно он прятался по ту сторону жизни от нее и от Юры. Он не признал Юру своим ребенком, но после некоторых размышлений и переговоров с родственниками согласился принять на себя часть расходов по его содержанию.

Елена Петровна наконец-то поняла, что рождение сына значительно обогатило ее жизнь, внесло в нее новый, неведомый прежде смысл.

Конечно, следовало бы показать Юру дедушке, ее отцу П. А. Гану и сестре Вере, поэтому она отправилась в Псковскую губернию и пыталась представить дело так, что она приемная мать ребенка, но П. А. Ган не был дураком, чтобы клюнуть на заведомую ложь. Прямо скажем, ее отец отнесся к появлению на свет незаконнорожденного и к тому же больного внука без всякого энтузиазма. Может быть, боязнь семейного скандала заставила Блаватскую совершить первый некрасивый поступок в отношении сына. Она через дядю Ростислава Андреевича получила от врача, его друга — профессора С. П. Боткина (1832–1882), справку о своем бесплодии[213]. Обзаведшись этим документом, она утихомирила гнев отца Петра Алексеевича Гана, а в дальнейшем использовала его как козырную карту в игре с ханжами и лицемерами, кто свою викторианскую мораль ставил выше Нагорной проповеди Христа. Боткин, благородный и добрый человек, прекрасно понимал, что ложь, на которую он пошел, — во спасение. К тому же у Боткина было чувство вины за поступок своего старшего брата, который женился по православному обряду на легкомысленной француженке, приехавшей в Россию отыскивать фортуну, а через месяц, разочаровавшись в ней, бросил ее на произвол судьбы[214].

Елена Петровна была полностью поглощена заботами о своем сыне. Все ее прежние медиумические и оккультные увлечения имели мало общего с той обыкновенной жизнью, которую она вела и которая ей искренне нравилась. Мальчик требовал особого ухода, и она вступила в отчаянную борьбу за его здоровье.

Что касается ее самой, Блаватская старалась воздерживаться от покупок новых вещей, донашивала свое старое или взятое с чужого плеча — тетины капоты и сестринские платья. Она потеряла вкус к светской маскарадной жизни. В ее положении стало совершенно невозможным устраивать спиритические сеансы, творить «феномены» — она, по-видимому, боялась

потерять сына и поклялась не заглядывать больше за роковой предел[215]. Елена Петровна теперь целиком полагалась на себя, на тетю Надежду и дядю Ростислава.

Н. В. Блаватский ее не беспокоил, а в декабре 1864 года он подал в отставку и навсегда исчез из поля зрения — уехал доживать свой век в Полтавскую губернию, в имение своего брата[216].

После двух лет молчания неожиданно обнаружился Агарди Митрович.

Митрович не держал на нее зла, тосковал и настойчиво звал их с Юрой в Италию, где у него был ангажемент. Она, долго не раздумывая, согласилась. В сущности, связь с Митровичем удовлетворяла ее два главных желания: путешествовать и быть при театре. Мигом она собралась в дорогу и на Рождество уже была в Италии, расцеловав сильно сдавшего, грузного Митровича; у него от избытка чувств брызнули из глаз слезы. Он простил ее, выслушав невнятный рассказ о стечении неблагоприятных обстоятельств, в результате которых они разошлись и были вынуждены не видеться целую вечность. Этот неоднократно проверенный прием заставать людей врасплох и вить из них веревки отлично сработал и на сей раз. Митрович не только расчувствовался, но и окончательно сдался под ее словесным напором, подкрепленным воздействием ведьмовских чар. Теперь они втроем, Митрович, она и Юра, были обречены на кочевую жизнь. Они ныряли в вечной спешке, с тщательно укутанным в одеяло ребенком куда придется — в холодный полумрак дорожной кареты, в черный зев пароходного трюма, в остро пахнущий угольной копотью железнодорожный вагон. Продуваемые сквозняками и понукаемые нуждой, они с невероятной силой переживали свою вернувшуюся любовь.

Елена Петровна смертельно боялась за Юру, мальчик хирел на глазах, горбился и тяжело дышал. Это была вечная пытка — искать гостиницу поопрятнее и подешевле. Но как бы они ни старались, не могли избежать серых простыней с желтыми разводами и шустрых тараканов. В ее дорожный дневник залетали имена, которые были на слуху у всей Европы. Но вряд ли она была близко знакома с известными композиторами, музыкантами и певцами. У кого она, неряшливая подруга Агарди Митровича, да еще к тому же с незаконнорожденным сыном-уродцем, в то время могла вызвать интерес? Непростительную оплошность, думала она, совершил Митрович, позволив задвинуть себя во второй ряд европейских басов. Он смог бы продержаться в качестве солиста намного дольше, обладая

недюжинным талантом и голосовыми связками, сделанными словно из бычьих сухожилий. Они постоянно нуждались, экономили на чем могли — лучший кусок отдавали сыну[217].

Юра умер осенью, ранним утром. Произошло это трагическое событие на Украине. Вот как в письме Синнетту Блаватская описывает похороны мальчика: «…ребенок умер, и так как у него не было ни бумаг, ни документов и мне не хотелось превращать свое имя в пищу для „доброжелательных“ сплетников, именно он, Митрович, взял на себя все хлопоты: он похоронил ребенка аристократического барона — под своим, Митровича, именем, сказав, что „ему все равно“, в маленьком городке южной России в 1867 году. После этого, не известив родственников о своем возвращении в Россию с несчастным маленьким мальчиком, которого мне не удалось привезти обратно живым гувернантке, выбранной для него бароном, я просто написала отцу ребенка, чтобы уведомить его об этом приятном для него событии, и вернулась в Италию с тем же самым паспортом»[218].

Елена Петровна была убеждена, что ее нервы достаточно закалены событиями последних лет. Однако смерть сына показала ей, что она ошибалась. Она безуспешно пыталась взять себя в руки, ни о чем не думать. Юрина смерть основательно изменила всю ее жизнь. Она вновь возвратилась к старым оккультным увлечениям — слишком сильна и неустранима оказалась возникшая в ней ненависть к православному Богу. «Моя вера умерла вместе с тем, кого я любила больше всего на свете»[219]. Елена Петровна не походила на ту обыкновенную, замученную прозой жизни, но счастливую женщину, которая ради любви к несчастному ребенку отказывалась от многих пагубных духовных привычек и пристрастий. Теперь это была разгневанная, яростная фурия, требующая незамедлительного отмщения.

Смерть Юры, как огненный смерч, выжгла все искреннее и естественное в ее душе. Позднее во втором по счету из дошедших до нас шестнадцати откровенных, сумбурных и эмоциональных писем Дондукову-Корсакову она два раза упомянула об этой давней утрате, которая оставалась для нее все еще открытой раной. Письмо было послано из Бомбея 5 декабря 1881 года. В то время князь был важным сановником, генерал-губернатором Одессы и Херсонской губернии. Блаватская спустя почти четырнадцать лет после смерти Юры не смогла утолить свое материнское горе: «Мне было 35 лет, когда мы с вами виделись в последний раз. Давайте не будем говорить о том мрачном времени, заклинаю вас позабыть о нем навсегда. Я тогда только что потеряла единственное существо, ради которого стоило жить, существо, которое, выражаясь словами Гамлета, я любила, как

„сорок тысяч братьев и отцов любить сестер и дочерей своих не смогут“»[220]. И в том же письме она опять вспоминает о своем мальчике: «С 1865 по 1868 г., когда все думали, что я в Италии или где-то еще, я опять побывала в Египте, откуда должна была направиться в Индию, но отказалась. Именно тогда, вернувшись, вопреки совету моего невидимого индуса, в Россию… я приехала в Киев, где потеряла все самое для меня дорогое в мире и едва не сошла с ума»[221].

Наиболее фанатичные последователи Елены Петровны Блаватской твердо стоят на том, что Юра был не родным ребенком, а усыновленным. Событие это произошло приблизительно в 1862 году. По крайней мере, на этой точке зрения для публики настаивала сама создательница теософского движения. Отвечая на вопросы Синнетта, касающиеся важнейших событий ее жизни, Блаватская писала: «„Случай усыновления ребенка!“ Пусть лучше меня повесят, чем я упомяну об этом. Да знаете ли Вы, к чему это приведет, даже если не называть имен? К потоку грязи, который обрушится на меня. Ведь я говорила Вам, что даже мой собственный отец подозревал меня и, возможно, никогда не простил бы, если бы не справка от врача. Впоследствии он жалел и любил этого несчастного ребенка-калеку. Прочтя эту книгу (речь идет о книге Синнетта „Случаи из жизни госпожи Блаватской“. — А. С.), Юм, медиум, будет первым, кто соберет остатки сил и разоблачит меня, обнародовав имена, и обстоятельства, и все что угодно еще. Итак, мой дорогой м-р Синнетт, если Вы намерены погубить меня, то нам следует упомянуть этот „случай“. Не упоминайте ничего — это мой совет и просьба. Я сделала слишком много, чтобы доказать и клятвенно заверить, что он мой — и перестаралась. Справка от врача пропадет без пользы. Люди скажут, что мы подкупили или дали взятку врачу, вот и все»[222].

В этом письме Блаватской, как и во многих других ее письмах 80-х годов, прагматический подход к событиям собственной жизни, связанный с созданием ею оккультной империи, заставляет умолкнуть живые чувства. Как тут ни старайся, а все же невозможно оставаться нормальным искренним человеком тому, кто сочиняет глобальные проекты по спасению мира, а идеологию ставит выше многообразной жизни.

Она творила что хотела: перекраивала биографии близких людей, переиначивала происходившие с ней события, мифологизировала обыденные вещи. Блаватская попыталась в письме Синнетту объяснить, почему она так поступает: «Я не хочу лгать и мне не разрешается говорить правду. Что же нам делать, что же мы можем сделать? Вся моя жизнь, за исключением недель

и месяцев, проведенных мною с Учителями в Египте или Тибете, столь невероятно наполнена событиями, к тайнам и подлинным обстоятельствам которых имеют отношение мертвые и живые. Я единственная оказалась ответственной за то, в каком виде они предстанут миру, а чтобы оправдать себя, мне пришлось бы наступить на большое количество мертвых и облить грязью живых. Я этого не сделаю. Ибо, во-первых, это не принесет мне никакой пользы за исключением того, что добавит к тем эпитетам, которых я удостоена, еще и ярлык хулителя посмертной репутации, и, возможно, обвинение в шантаже и вымогательстве; и во-вторых, как я уже говорила Вам, я — оккультист»[223].

Блаватская перешивала согласно моде свою жизнь, заштопывала дырки, а на прорехах ставила заплатки. Превращаясь в мистическую рукодельницу, она теперь смотрела на людей как на безропотных статистов в ее доморощенном театре, как на персонажей своих будущих письменных сочинений и устных рассказов. Так, она приписала возраст Агарди Митровича Никифору Васильевичу Блаватскому, невесть что насочинила о себе, Митровиче, Блаватском, Мейендорфе. Особенно много тумана она навела вокруг жизни и смерти своего мальчика, отреклась от своего материнства, предала память Юры.

Возводить в мрачную тайну любовь к собственным детям — нет на свете дела постыднее и отвратительнее.

Как уже убедился читатель, вся биография основоположницы теософии наполнена противоречащими друг другу данными. У Блаватской не было никакого желания «записывать» чем-то реалистически достоверным «белые пятна» на картине своей судьбы. Ей было проще смыть уже созданное жизнью — так выглядело загадочнее и благопристойнее. Она простодушно признавалась: «Просто совершенно невозможно сообщить настоящую, неприкрытую правду о моей жизни. Немыслимо даже упомянуть о ребенке. Бароны Мейендорфы и вся русская аристократия восстали бы против меня, если в процессе предоставления опровержений (каковые обязательно последуют) потребовалось бы упомянуть имя барона. Я дала *честное слово* и не нарушу его **до смерти**»[224].

Елена Петровна превратилась в алхимика. В тигле творчества она смешивала бог знает что, пестиком фантазий перемалывала и перетирала алмазы и гравий прожитых дней, слезы использовала как прожигающую насквозь соляную кислоту. Ворожила и

экспериментировала с неслыханной дерзостью — надеялась добыть философский камень.

И что самое ужасное, она представила свою человеческую трагедию в батальных образах, настаивая на том, что в эти осенние месяцы 1867 года сражалась на стороне Джузеппе Гарибальди, была ранена в битве при Ментане, основательно покалечена шрапнелью, а ее левая рука буквально висела на нитке после полученного удара саблей[225]. Вот таким символическим образом она переживала смерть своего сына и отречение от материнства.

В действительности же, похоронив Юру, она и Агарди Митрович некоторое время жили в Киеве. Митрович с ее помощью выучил русский язык, достаточно хорошо, чтобы участвовать в таких русских операх, как «Жизнь за царя» и «Русалка». Блаватская, как утверждает С. Ю. Витте, тогда же поссорилась с другом детства, генерал-губернатором Киева князем Александром Дондуковым-Корсаковым. Она написала на него эпиграмму и расклеила по городу. Сейчас уже трудно представить, по какому поводу. Естественно, Елена Петровна и Митрович стали нежелательными лицами в Киеве и им пришлось перебраться в Одессу[226]. Вообще, в эту историю трудно поверить, читая задушевные письма Блаватской, адресованные князю.

Из Киева они переехали в Одессу к тетям Екатерине и Надежде.

1869 год был годом утрат и для семей Фадеевых и Витте. Умерли дед, Андрей Михайлович Фадеев, и муж тети Кати, отец Сергея — Юлий Витте. С их смертью исчезла спокойная зажиточная жизнь. Дед оставил своим детям небольшой капитал, ведь он платил жалованье восьмидесяти четырем прежним крепостным. Впрочем, были еще два участка высочайше пожалованной ему земли в Ставропольской губернии, семь тысяч десятин. Эта земля тогда стоила три рубля за десятину, деньги невеликие[227]. Вот почему Екатерина Витте и Надежда Фадеева упаковали чемоданы и двинулись в Одессу, где предстояло учиться в университете двум сыновьям тети Кати — Борису и Сергею. Положение, в котором оказались Блаватская и Митрович, не шло ни в какое сравнение с бедностью ее тетушек. Бывали дни, когда ей с Митровичем нечего было есть. Она предпринимала кое-какие попытки заняться бизнесом, как сейчас сказали бы, открыла цветочный магазин, но полностью прогорела. И вдруг Митрович получил приглашение в Каирскую оперу — это было настоящее спасение. Они спешно тронулись в путь.

Пароход «Евмония», отплывавший в Александрию из Неаполя

с четырьмястами пассажирами на борту, с грузом пороха и петардами, взорвался и затонул 6 июля 1871 года в Неаполитанском заливе. Среди его пассажиров были Блаватская и Митрович. Она чудом спаслась, а он якобы утонул. Такую версию гибели Митровича излагает в своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте:

«Митрович, очутившись в море, при помощи других пассажиров спас Блавацкую, но сам потонул. Таким образом, Блавацкая явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша»[228].

Смерть Митровича вызвала во внутренней жизни Елены Петровны серьезные изменения. Он был для нее единственным человеком, с кем она общалась искренне и без особых церемоний. Она воспринимала его как мужчину, которого уважала и на которого всегда могла положиться. При нем Елена Петровна вела жизнь более-менее обыкновенную, практически ничем не отличавшуюся от жизни многих других людей. С его уходом ее бурная натура избавлялась от сдерживающих начал, ее склонность ко всякого рода авантюрам теперь не знала ограничений и принимала формы поистине невообразимые.

Для своих единомышленников по теософскому движению у Блаватской существовала совершенно иная трактовка ее отношений с Митровичем, которого она называет «самым преданным и верным другом после 1850 года». Вот что она писала в связи с этим Синнетту: «…я …якобы заявляла, что покинула своего мужа, полюбила и сожительствовала с неким мужчиной (чья жена была моей ближайшей подругой и умерла в 1870 году — человеком, который и сам скончался через год после жены и был мною похоронен в Александрии)»[229].

При каких обстоятельствах закончил свой земной путь Агарди Митрович, на этот счет сама Блаватская выдвигала несколько версий: смерть от руки наемного убийцы в Александрии и гибель в результате кораблекрушения. А что касается характера их любовных отношений — никто из современников над ними свечку не держал. И разве так уж важно, какая любовь их объединяла: платоническая или совершенно иная? До самой смерти Блаватская так и не назвала имя главного своего возлюбленного, с кем была готова разделить свое последнее пристанище в жизни. Может быть, такого человека из крови и плоти вовсе не существовало.

Сам я больше доверяю версии, согласно которой Лидия Пашкова дала телеграмму о болезни Митровича в Рамлехе. Это случилось в 1871 году. Получив телеграмму, Елена Петровна срочно приехала в Египет, застав еще в живых своего друга. Она же спустя некоторое время его и похоронила.

Новое, самое страшное изменение в психике Елены Петровны заключалось в том, что большинство людей она рассматривала в качестве недовоплощенных фантомов, отказывала им в человеческой и божественной природе. Еленой Петровной овладело демоническое чувство духовного отщепенства и исключительности. Оно не позволяло ей думать об устроенном домашнем быте, о семье, заурядных человеческих радостях. Легкая влюбленность в необыкновенное и запредельное со временем обернулась всепоглощающей страстью к любым проявлениям чертовщины. Ночные бдения, многочасовое писание, нередко заканчивающееся обмороком и галлюцинациями, беспрерывное курение папирос, крепкий чай становятся нормой ее сумбурной жизни, ее ежедневной привычкой.

Однако не надо думать, что Блаватская с момента смерти Митровича проживала жизнь в постоянном трансе, в какой-то нескончаемой фантасмагории, в спонтанных видениях раскрепощенного подсознания — были и длительные возвращения в обыкновенную жизнь, были усталость от собственных фантазий и желание стоять на земле двумя ногами.

Глава девятая. ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Елена Петровна Блаватская еще в России поняла, что язык правды — язык мертвый, вроде санскрита или латыни, и общаются на нем немногие, избранные. А она хотела, чтобы ее услышал весь мир. Разумеется, она предвидела, что общение, сопряженное с постоянным обманом, ничем хорошим не заканчивается. Главное было — окончательно не завраться, соблюсти баланс между вымыслом и правдой. Не метать бисер перед свиньями, не обнажать свою душу перед кем попало, как это она делала, живя после смерти Агарди Митровича некоторое время в Каире, за что впоследствии и поплатилась. Между тем всей своей жизнью не удалось ей опровергнуть христианскую максиму, что истина и добро нераздельны. Помыслы ее, вместе с тем, как она убеждала окружающих людей, были благородны и далеки от низких меркантильных интересов.

Чревовещатели говорят не размыкая губ и разными голосами. Такая способность, конечно, вызывает удивление, как странный дар, отсутствующий у большинства людей. Это редкое умение подражать чужой речи само по себе ничего не значит. А если и имеет какой-то смысл, то не больший, чем способность человека воспроизводить с помощью голосовых связок щебетание птиц, или мычание коровы, или писк полевой мыши. Совсем иное дело,

когда исходящим из утробы звуком вызывается из небытия образ какого-нибудь диковинного существа, образ, хорошо узнаваемый, но мало кем виденный. Например образ дьявола. Елена Петровна любила и умела из одной себя создавать разноголосую толпу.

Она без особого напряжения, смущения и зазрения совести вытягивала из глубины своей души самые неожиданные и любопытные человеческие типажи, которые друг с другом в обыкновенной жизни вряд ли ужились бы. Однако все они, такие непохожие и взаимоисключающие, были вылеплены из одной глины — из ее разносторонней личности. Будто Елена Петровна предоставила духовным субстанциям свое физическое тело, и они, ее многочисленные личины, как живые создания, осваивали окружающий мир непринужденно и даже с определенной долей нахальства.

Блаватская, наученная горьким опытом, умела за себя постоять. Не обольщалась она и по поводу князя А. М. Дондукова-Корсакова, которого знала как облупленного и относила к друзьям юности. В письмах князю она выговаривала ему без всякого политеса: «Я слишком хорошо знаю вас, больших людей (…) Вы отдаете распоряжения, а потом забываете поинтересоваться, выполнены ли они»[230]. Или совсем уж откровенно: «…не осмеливаюсь назвать вас другом, ибо я на самом деле достаточно натерпелась, чтобы верить в дружбу сильных мира сего»[231].

Она низвергала себя в ад, сжигала за собой мосты и мостики, соединявшие ее с родственниками и друзьями. Впереди маячило неопределенное, крайне ненадежное будущее.

Воображаю, что чувствовала она, предавая земле тело Агарди Митровича в Александрии, на берегу моря, под одиноко растущей пальмой. Я представляю вспухший бугорок могилы, вырытой наспех во влажном песке. С одной стороны — море, с другой — виллы, окруженные зеленью, и белое скромное надгробие, беспощадное солнце, быстро сгущающиеся южные сумерки и звездная неохватная ночь. Получился целый набор эффектных кладбищенских открыток, недоставало только венка в изножье могилы с трогательной надписью «От неутешной вдовы» или «До скорой встречи, любимый!».

В октябре 1871 года Елена Петровна приехала в Каир, где не была больше двадцати лет. «Боже мой, как быстро идет время!» — подумала, вероятно, она, лихорадочно приступая к осуществлению своих замыслов — наладить связь с недосягаемым миром древних богов, мудрецов и покойников. Ее сердце утомилось и очерствело от общения с обыкновенными живыми

людьми.

У египтян сохранились мифы, относящиеся к достопамятной эпохе атлантов; она обязательно должна была ознакомиться с учениями различных жреческих школ, в особенности ее интересовала богиня Изида, отличающаяся необычной мудростью. Эта богиня превосходила всех богов силой своего чародейства. Образ Изиды получал в ее воображении неизъяснимую прелесть.

Обычно Блаватская не чувствовала подстерегающей ее опасности: то ли из-за избытка самомнения и по легкомыслию, то ли потому, что беззаветно, полностью полагалась на судьбу.

На Елену Петровну опять нашла мистическая одурь, до такой степени неотвязная и глубокая, что она встрепенулась и ожила вновь, поверила в свою путеводную звезду. Ее звездой, теперь она точно удостоверилась, была Венера, она же Люцифер, она же Урусвати, утренняя звезда, демоническая посредница между ночью и днем, мраком и светом, стоящая неусыпным стражем у могильных врат, лицом — к живым, затылком — к мертвым.

Елена Петровна была согрета ее лучами. Звезда оживляла разум и волю. Требовался удачный, благоприятный момент — и свершилось бы задуманное, ради чего было принесено столько неоправданных жертв: она рассталась бы с иллюзией веры в то, что мудрость и доброта одно и то же.

Все вокруг нее постоянно делали вид, что ничего не знают и о чем не догадываются. Жалкие лицемеры, они выклянчивали у жизни невозможное — вечное детство. Она удивлялась их глупости, понимая, что в детство впадают, как в безумие. Никто еще не смог жить спокойно и безмятежно в остановившемся времени.

Тяжелую миссию возложила она на себя: успокоить и привести в порядок мятущееся человеческое сознание, направить его на постижение внешней природы, а также внутренних особенностей человеческого духа. Беспорядок в мыслях, была она уверена, причина всех человеческих неурядиц и страданий. Разум непосредственно влияет на здоровье тела. Вместе с тем ни в коем случае нельзя было проявлять спешку в обретении ключа, а лучше сказать — отмычки ко всем загадкам и тайнам мироздания. Елене Петровне во что бы то ни стало требовалось охладить их встревоженное сознание, подчас бунтующее, как белый кипяток в самоваре. Вот тут-то и шли в ход разные цирковые иллюзионистские навыки и приемы, которыми она овладела в пору своего скитальчества по чужеземным краям. К тому же Блаватская, как женщина с характером волевым и с годами ставшим деспотическим, научилась оживлять рутинную жизнь

скандалами и интригами. Подобный параноидальный всплеск эмоций и неуправляемый стиль поведения, безусловно, сказывался на состоянии здоровья. К сахарному диабету прибавилась еще базедова болезнь. Постоянные перегрузки, связанные с защитой собственной чести и достоинства, а также чести и достоинства преданных ей людей, порядком истощали ее нервную систему.

В то же время, как это ни парадоксально звучит, опасность быть разоблаченной, основательно и бесповоротно, наполняла жизнь Елены Петровны Блаватской пафосом и смыслом. Само ее существование превращалось в захватывающий спектакль, который всегда проходил с аншлагом, — какой острый сюжет в этом спектакле ни разыгрывался бы и какую роль, положительную или отрицательную, она в нем ни играла бы. Одно было важно: ее непосредственное участие. Хождение по канату над пропастью переполняло ее мрачной радостью.

Блаватская по приезде в Каир тут же возобновила отношения со своим старым наставником, коптским знатоком магии Паулосом Ментамоном. В свою очередь он представил ее Луи Бимштайну; со временем этот человек под именем Макса Фе-она получит на Западе известность как учитель «космической философии». В те времена оккультизм становился востребованным товаром. Дело оставалось за малым — как превратить его в товар ходовой, сделать, так сказать, товаром массового потребления. Может быть, тогда у этой троицы оккультистов возникла идея «тайных учителей». Такая мифологизация, как полагает Б. З. Фаликов вслед за американским исследователем Полом Джонсоном, объяснялась необходимостью конспирации. Паулос Ментамон и Луи Бимштайн предпочли не засвечиваться, оставаться в тени, руководя действиями Блаватской за кулисами[232].

Елена Петровна совершенно не узнала Каира. Город за двадцать лет преобразился. Много новых зданий было построено, еще больше строилось. Повсюду слышались шаркающий звук разгуливающих по доскам рубанков, сухой перестук молотков. Плескались и журчали фонтаны, на улицах и бульварах было множество белых людей, преимущественно англичан и французов. Кроме туристов Каир заполонила целая армия инженеров и рабочих Суэцкого канала. Эти специфические пилигримы нуждались в своих пророках, гадалках и ясновидящих[233].

Блаватская помимо Паулоса Ментамона и Луи Бимштайна сблизилась с француженкой мадам Себир, которая выдавала себя

за медиума. Она также нашла в Каире эксцентричную Лидию Александровну Пашкову, урожденную княжну Глинскую, неутомимую путешественницу, исследовательницу Верхнего Нила, время от времени отсылавшую свои статьи в «Фигаро». Лидия Пашкова была дальней родственницей Фадеевых. Бурная встреча со старой знакомой показалась Елене Петровне добрым знаком, предвещающим и ее, Лёлино, собственное появление из тьмы безызвестности.

Присутствие Пашковой в Каире на какое-то время вывело Елену Петровну из докучных забот о хлебе насущном. Ее тщетные попытки заявить о себе и достичь некоторого материального благополучия вдруг обрели почву. Она поняла, что необходимо писать, как это делала Лидия Пашкова, для русских газет и журналов. Спустя несколько лет, а именно в 1878 году журналистские пути Блаватской и Пашковой пересеклись на страницах одесской газеты «Правда», где Елена Петровна стала, что называется, своим человеком. Так, в ноябрьском и декабрьском номерах этой газеты появился очерк Лидии Пашковой под интригующим заголовком «Современный Египет. О гареме египетского феллаха».

Тема секса, поданная в неожиданном экзотическом ракурсе и, главное, с определенной просветительской целью (ведь пишется про это вовсе не для разжигания похоти, а исключительно ради расширения культурного кругозора), всегда пользовалась и по сей день пользуется в России повышенным спросом. Пашкова знала, чем взять за живое российского читателя, застенчивого и богобоязненного на публике, однако наедине с собой и близкими способного черт знает на что.

Блаватская прочно привязала к себе молодую левантийку Эмму Каттинг. Они случайно познакомились на улице Красной мечети, название которой по-арабски звучало, как булькающий в горле прохладный, с кусочками льда, щербет: «Сикке эль кхамма эль хамра». Эмма Каттинг не хватала звезд с неба, но оказалась женщиной привязчивой и заботливой[234].

В компании трех экстравагантных дам и двух оккультных учителей Блаватская с пользой для себя проводила в Каире время.

Елена Петровна общалась еще с русскими дипломатами. Кое о чем из своей каирской светской жизни она рассказала позднее в секретном письме русским жандармам, надеялась на понимание, но какой был ответ — до сих пор покрыто мраком.

В Каире она вместе с Паулосом Ментамоном и Луи Бимштайном совершила неудачную попытку создания в 1871 году оккультного общества — Общества по исследованию спиритических феноменов. Для решения технических задач была

привлечена мадам Себир, ведь она представила себя женщиной достаточно искушенной в медиумических показах. Титаническими усилиями Блаватской удалось даже собрать на организацию общества значительную сумму денег. К несчастью, все дело испортила мадам Себир: ее подвела недостаточная опытность в проведении трюков, отсутствие необходимой «ловкости рук». Члены общества обнаружили муляж появлявшейся в полумраке длани призрака: ею оказалась набитая ватой перчатка, подвешенная к потолку и управляемая веревочками[235]. Пришлось вернуть разгневанным джентльменам и дамам их деньги. Таким образом была посрамлена теория французского метафизика Аллана Кардека (псевдоним маркиза Ипполита Леона Денизара Ривайля), согласно которой душа умершего превращается в дух и заявляет о себе посредством медиумов — именно через них передаются сообщения с того света. Маркиз считался основателем спиритизма. Он был автором многочисленных книг о природе духов, феноменов, чудес и предсказаний. Себя он представлял земным воплощением бретонского друида по имени Кардек.

Разумеется, ни сама Блаватская, ни Паулос Ментамон, ни Луи Бимштайн не имели к скандальному событию, происшедшему в Каире, никакого отношения, о чем тут же Елена Петровна публично оповестила многих. В письме тете Надежде Блаватская живописала случившееся в присущей ей драматической ернической манере, всю вину переложив на мадам Себир. По ее версии, один из обманутых членов общества, грек по национальности, понукаемый злобным привидением, во время завтрака ворвался к ней с пистолетом и угрожал пристрелить, но только после того, как она закончит утреннюю трапезу, — это был воспитанный человек, настоящий джентльмен. К счастью, уверяла она тетю Надежду, ей удалось его обезоружить, и в настоящее время он находится в сумасшедшем доме.

Вряд ли этот устрашающий эпизод в действительности имел место в жизни, но дурная слава уже витала над ней, словно мстительный призрак, и требовались новые усилия, новые неожиданные решения, чтобы, не обращая внимания на неудачи, продолжать начатое дело. Конечно, Елена Петровна была крайне обескуражена. Она посыпала голову пеплом, намекая на козни врагов, однако надо было мужественно признать: инфернальный спектакль, в создании которого принимали участие она сама и ее оккультные учителя, с треском провалился.

Жизнь в Каире не напоминала, как прежде, волшебную восточную сказку. Всю зиму 1872 года она перебивалась с хлеба

на воду и сомневалась, дотянет ли до весны. Ее спасла беззаветная преданность Эммы Каттинг. Откровенно говоря, Елена Петровна попала в такой переплет, что не знала, куда деваться от безнадежной тоски. Эмма занимала для нее деньги, понимая, что возвращать их будет не с чего.

Эмма стала закадычной подругой Блаватской, испытывая к ней, по-видимому, самые сильные чувства. Очерствевшая душа Елены Петровны опять ожила и вырвалась из заточения потусторонних иллюзий, из тесного узилища невыносимого одиночества. Эмма Каттинг доказала ей, что еще существуют на земле непонятные, сердобольные люди, всегда готовые по неизвестным причинам и без корыстных целей прийти на помощь.

Может быть, умственная ограниченность Эммы и питала ее временный альтруизм, помогала обрести превосходство в духовной силе. Может быть, горе от невосполнимой утраты укрепило ее человеколюбивый дух — у Эммы Каттинг застрелился единственный брат. А может быть, причиной такого бескорыстного отношения к чужому человеку была ее непомерная гордыня.

Блаватская охотно изливала перед Эммой душу. Ей больше некому было довериться, не на кого положиться.

Эмма Каттинг терпеливо выслушивала подругу, узнавая много нового о ее жизни. Можно было подумать, что Елена Петровна раскрыла перед ней все свои тайны. Обнажилась до самого основания.

Между тем никто из ее верных соратниц и соратников не предполагал, что открывшаяся сокровенная сущность Блаватской, как медуза Горгона, могла превращать в камень наивных и доверчивых людей. Сама же начинающая оккультистка тогда еще не догадывалась, что превращенные ею в камень люди при столкновении с ними могут больно ударить.

В Каире Блаватская пересмотрела кодекс нравственных правил и понятий о чести. К величайшему сожалению, она какое-то время осознавала себя политиком, для нее тайны спиритизма не существовали сами по себе как загадки человеческой психики. Эти тайны стали притягивающим магнитом, и не она единственная попала под его воздействие. Таких «намагниченных» людей оказались многие тысячи, и они в свою очередь притягивали других, любопытных и любознательных. Не сложно было предвидеть, что в итоге получится из такого неожиданного явления массового психоза, а также понять, какие огромные выгоды оно сулит.

Она твердо решила установить контроль над

разбушевавшимся интересом к потустороннему. В ином случае эта вышедшая из берегов стихия неминуемо приведет, как она полагала, к неисчислимым бедствиям. Теперь Блаватской приходилось чутко улавливать глухой мистический гул толпы. На берегу Нила она поклялась себе поддерживать стихийно разгоравшийся жертвенный огонь. Судить, утешать и брать на себя чужие грехи. Присягнула пирамиде Хеопса, что будет для толпы матерью, вроде Пречистой Девы, для неокрепших умом — мудростью, прорубит прямые просеки в дремучем лесу насилия и предрассудков, и люди увидят небо. Она была уверена, что заразит людей собственной верой. Поселит их в надземной стране надежд и предчувствий, выведет за обыденную явь в многомерное пространство сновидений и грез. Она научилась любить призрачный мир. Обещала, что с голубого неба мечты ее правда сойдет на землю. Она верила, что станет провозвестницей всеобщего счастья, обрежет лишние побеги и даст завязаться плодам. Она обещала, что никого не упрекнет за свою разбитую жизнь. Она надеялась, что когда-нибудь распахнется настежь, как двери храма, и волшебная музыка хлынет наружу, — люди поневоле запляшут, тогда-то их жизни будут в ее руках. Она явно нарушала заповедь «не сотвори кумира». Она всецело отдалась служению оккультной идее. Мысль о грозной силе влиять на людей въелась в ее плоть, кровь и сознание. На тех, кто за ней не пойдет, она грозилась наслать мор, глад и несчастную долю. Она внутренне менялась у древней реки.

И вдруг первый раз мгновенным ясновидением своей одаренной натуры поняла, что никогда не сможет поднять людей из грязи, потому что сама находится в ней по уши.

Умереть среди слез и рыданий толпы было выше ее сил.

Блаватская доказала, что кое-чего стоит. Создание Общества по исследованию спиритических феноменов было ее первым шагом к верховной оккультной власти. Ее роковая ошибка заключалась в том, что она своевременно не обратилась за помощью к своим — россиянам. Не представлялся благоприятный случай. В российском консульстве в Каире завязывались интриги между сотрудниками, им было не до нее.

Только она одна, как ей представлялось, владела такой неуемной энергией, вдохновенным словом и магнетическим даром, была способна увлечь людей. Ей хватало присутствия духа быть наверху, при дворе хедива, и в самом низу — в каирской базарной толпе. Не так-то просто было застать ее врасплох, на чем-то поймать.

Тихий плеск нильской воды остужал ее пыл.
Неожиданно для самой себя она улыбнулась, непонятно чему.

Блаватская сожалела, что связалась с мадам Себир. Вместе с тем без нее она уже не смогла бы обойтись. Мадам Себир ведала всем реквизитом медиумического театра, служила ей «крышей» при сомнительных и рискованных авантюрах. Она была ее глазами и ушами. Блаватская утешала себя тем, что у всех великих людей есть скрытые, недостойные их привязанности, своеобразные громоотводы для порочных страстей. Ей было, однако, досадно, что мадам Себир возомнила о себе невесть что.

В сущности, цель Блаватской, Паулоса Ментамона и Луи Бимштайна была достигнута. Они создали в Каире Спиритическое общество. Несмотря на разразившийся скандал, общество не прекратило своего существования. Об этом свидетельствовал приехавший в Каир американский спирит Джеймс М. Пиблз. В своем отчете он отметил, что был безумно рад узнать, что «мадам Блаватская при поддержке мужественных соратников организовала Общество спиритов, в котором одаренные медиумы записывают сообщения с того света, а также выявляются другие формы потустороннего присутствия»[236].

Глава десятая. НАЗАД В ОДЕССУ

К моменту приезда Пиблза в Каир весной 1872 года Блаватская уже находилась в России, ее ожидала в Одессе приехавшая раньше мадам Себир, с ними также были купленные по случаю обезьянки. Чтобы как-то заработать себе на жизнь, Елена Петровна решила открыть под фамилией своей французской подруги фабрику и магазин чернил. 12 сентября 1872 года в «Одесском листке объявлений» появилась реклама следующего содержания: «Чернило химика Себир и Ко. Превосходя все, употреблявшиеся в России, своими качествами, продается дешевле, чем у всех конкурентов. Покупающим ведрами уступается по 2 р. 10 ведро…»[237] И так далее в том же духе.

Выбор компаньонки оказался не совсем удачным. Мало того что мадам Себир плутовала, где удавалось, и утаивала от Блаватской какие-то гроши, она еще и распространяла о ней порочащие слухи. Вот этого Елена Петровна стерпеть не смогла и вскоре рассталась с главным химиком своего предприятия. Само собой разумеется, что фирма прогорела вчистую.

Появление Блаватской в Одессе в апреле 1872 года не

привело в восторг ее родственников. У Елены Петровны с ними стали возникать бесконечные ссоры и перепалки по каким-то малозначительным поводам. Она определенно раздражала тетю Катю, мать Сергея Витте. Та смотрела на нее, как на кобру, стоявшую на хвосте. Уж лучше она останется со своей неудачливой, голодной и безвестной жизнью и со своим непризнанным талантом, но ни за что не пойдет у них на поводу! — так рассуждала, вероятно, Блаватская, желая как можно быстрее уехать из Одессы, где ее всегда ожидали одни неприятности. В эти сумеречные дни ее жизни она, словно сговорившись, одновременно со своим дядей Ростиславом Андреевичем Фадеевым, написала письмо русским жандармам, изложила фантастический проект о том, как следует работать на арабском Востоке представителям внешней разведки. Письмо было написано в декабре 1872 года и адресовано начальнику жандармского управления города Одессы. Роксана Ахвердян пишет:

«В 1872 году Блаватская приехала в последний раз в Россию, в Одессу, из Египта, где она провела несколько лет. Не без ее влияния, несомненно, в 1875 уехал Ростислав Фадеев, получив приглашение как советник по преобразованию египетской армии. Весьма знаментальным является тот факт, что в 1872 году и дядя, и племянница обратились с письмами-исповедями к шефу жандармов в III отделение. (Адресат Блаватской был рангом пониже. — А. С.) Знакомство с содержанием писем позволяет сделать вывод о наивности и бескорыстии обоих, об их жизненной непрактичности»[238].

Любопытно будет привести в связи с письмом жандармам отрывок из другого письма Блаватской, отправленного 1 мая 1886 года Альфреду Перси Синнетту. Оно было вызвано защитой ее чести и достоинства. Это была реакция основоположницы теософии на нелицеприятные высказывания и заявления в ее адрес писателя Вс. С. Соловьева, о котором читатель в свое время получит исчерпывающую информацию:

«Соловьев оказался отъявленным подлецом и штрейкбрехером. Представьте, после того, что я вам рассказала о его плане и предложении, он заявил герру Гебхарду, что *я предложила ему служить российскому правительству* в качестве шпиона!!! Говорю Вам, кажется, сам дьявол стоит за всем этим заговором. Это подло! Он говорит, что он (Соловьев) лично видел барона Мейендорфа, который признался ему, что *так сильно любил меня*(!!!), что даже настаивал, чтобы я развелась со стариком Блаватским и вышла замуж за него, барона Мейендорфа. Но что, к счастью, я отказалась, и он был очень рад,

потому что впоследствии выяснил, какой *пользующейся дурной славой*, **безнравственной женщиной** я была и что ребенок **был его и моим**!!! А справка от врача, что я никогда не произвела на свет и горностая, не то что ребенка? Теперь он лжет, и я уверена, что такой трусливый и безвольный человек, каким я знаю Мейендорфа, никогда бы не сказал ему такого. Потом он заявил, что видел в Тайном отделении документы, в которых я предлагала себя в качестве *шпионки* российскому правительству»[239].

Тут, как говорится, комментарии не требуются. И по сей день не совсем ясно, что побудило Блаватскую вслед за своим дядей Ростиславом Андреевичем Фадеевым взяться за перо и обратиться к русским жандармам с предложением своих услуг. Может быть, она захотела получить прощение за нарушение законов Российской империи. Ведь она покинула Россию неожиданно, использовав родственные связи, а также служебные возможности графа М. С. Воронцова, деда А. М. Фадеева и дяди по отцу И. А. Гана. Она не посчиталась с законом: не оформила паспорта, не испросила на выезд за границу разрешение властей. Елена Петровна пишет об этом своем единственном «преступлении» в письме, подчеркивая, что больше никаких грехов за ней не числится. Может быть, это злополучное письмо появилось на свет в результате тех несчастий, которые обрушились на нее: смерть в 1867 году Юрия, когда мальчику было пять лет, смерть Митровича в 1871 году. Эти две смерти стали для нее страшным испытанием. А может быть, написанию этого письма способствовал конфликт с родственниками во время пребывания в Одессе в апреле 1872 года. Но таким ли уж действительно неожиданным и курьезным было это письмо? Блаватская предлагала себя русскому правительству в качестве международного агента. Она писала о своих реальных возможностях стать ему полезной.

Рассмотрим как внешние факторы, так и внутренние побуждения, заставившие Блаватскую взяться за перо и обратиться к жандармам. Вчитаемся в него и попытаемся понять, каков характер услуг, предлагаемых Блаватской через Охранное отделение русскому правительству, каковы истинные цели ее обращения, в основе которых, как она пишет в том же письме, верность России и ее интересам.

Очевидно, Блаватская видела себя искусной и проницательной лазутчицей в чужом стане, разведчицей и готова была в соответствии со своей новой ролью пойти на всяческие жертвы, лишения и невзгоды не ради корысти, а ради интересов государства Российского.

В конце концов, то, что предлагала русским жандармам Блаватская, означало ее переход в ряды тех, кого на современном языке разведки называют «нелегалами». Она даже не рассчитывала на дипломатический иммунитет. Нельзя также не учитывать и того, что имперское, державное мышление среди деятелей русской культуры было свойственно не одной Блаватской. XIX век — это век борьбы империй за сферы влияния. Блаватская предлагала свои услуги в качестве тайного агента прежде всего в Египте и Индии. Ее главным врагом была Англия. Нельзя забывать о том, что такой патриотизм в русских людях укрепила Крымская война 1853–1856 годов за господство на Ближнем Востоке.

Вообще говоря, в мире нравственных ценностей нюансы иногда приобретают решающее значение в конечной оценке того, что есть хорошо, а что есть плохо.

И наконец, разве можно забывать о том, что письмо писала талантливая писательница, чьими очерками «Из пещер и дебрей Индостана» зачитывалась спустя двенадцать лет вся образованная Россия? Для письма Блаватской характерен остросюжетный, приключенческий стиль. Читая его, понимаешь, что перед тобой не столько деловое письмо-обращение или письмо-исповедь, сколько талантливый эскиз будущей авантюрной новеллы. Понимаешь, что русские жандармы к предложению Блаватской о сотрудничестве отнеслись с большой осторожностью. Чиновники сыска в России всегда опасались и опасаются художников, людей с непредсказуемыми действиями и поступками. А ведь письмо Блаватской — прямое свидетельство, что ее обман, мистификация — все это есть игра художника. Игра, предвосхитившая стиль поведения и творческие поиски художника-авангардиста, тип которого начал складываться в самом начале XX века.

Надо заметить, однако, что какие-то выводы из ее письма все-таки были сделаны. Иначе трудно объяснить ту основательную финансовую помощь, которую она получала в 80-е годы в Париже от агента охранки Юстины Глинки, а в Лондоне — от другой видной дамы Ольги Новиковой, урожденной Киреевой. В Лондоне ее вообще чествовали при содействии русского посольства как мировую знаменитость. Нельзя не согласиться с тонким наблюдением Б. З. Фаликова: «На мой взгляд, желание Блаватской стать международной агентессой (кажется, не поддержанное Третьим отделением) не является курьезом. Оккультизм и шпионаж психологически близки друг другу — и тот и другой сулят тайное могущество. Поэтому в соседстве их нет ничего удивительного. Достаточно вспомнить такие фигуры, как Калиостро, Сен-Жермен и другие, не говоря уже о

многовековой истории масонства. Попытка Елены Петровны испытать себя в этой роли выглядит вполне закономерно на таком фоне»[240].

Зная, что Блаватская женщина не совсем адекватная, решено было, вероятно, держать ее на подхвате. Относительно Ростислава Андреевича Фадеева приняли положительное решение, и в 1875 году он уехал в Египет преобразовывать туземную армию. Елена Петровна вполне могла оказать ему на первых порах серьезную помощь, ведь ее в Каире знали все, а она всех. Было, правда, одно «но» — мошенничество с демонстрацией феноменов. Кроме этого провала других скандальных историй за ней не числилось. Короткие, но многочисленные поездки Блаватской в разные страны Восточной и Западной Европы в этот период ее жизни вполне можно принять за служебные командировки. Не трудно представить, однако, что те профессионалы, которые с ней, возможно, работали, немало натерпелись от ее капризов и взбалмошного характера. Она представляла для российских спецслужб очевидный интерес лет за восемь — десять перед своей смертью. Вот тогда за Блаватской стояла целая многоязыкая и многонациональная армия, которую она собрала под свое теософское знамя, и со строгостью и знанием дела муштровала каждого воина, как прусский фельдфебель.

* * *

Одесса, 26 декабря 1872 года

Ваше Превосходительство!

Я жена действительного статского советника Блаватского, вышла замуж в 16 лет (здесь Е.П.Б. опять сознательно уменьшает свой возраст и на один год смещает дату венчания с Н. В. Блаватским. — А. С.) и по обоюдному соглашению через несколько недель после свадьбы разошлась с ним. С тех пор постоянно почти живу за границей. В эти 20 лет я хорошо ознакомилась со всей Западной Европой, ревностно следила за текущей политикой не из какой-либо цели, а по врожденной страсти я имела всегда привычку, чтобы лучше следить за событиями и предугадывать их, входить в малейшие подробности дела, для чего старалась знакомиться со всеми выдающимися личностями политиков разных держав, как правительственной, так и левой крайней стороны. На моих глазах происходил целый ряд событий, интриг, переворотов… Много раз я имела случай быть полезной сведениями своими России, но в былое время по глупости молодости своей молчала из боязни. Позже семейные

несчастья отвлекли меня немного от этой задачи. Я — родная племянница генерала Фадеева, известного Вашему Превосходительству военного писателя. Занимаясь спиритизмом, прослыла во многих местах сильным медиумом. Сотни людей безусловно верили и будут верить в духов. Но я, пишущая это письмо с целью предложить Вашему Превосходительству и родине моей свои услуги, обязана высказать Вам без утайки всю правду. И потому, каюсь в том, что три четверти времени духи говорили и отвечали моими собственными — для успеха планов моих — словами и соображениями. Редко, очень редко не удавалось мне посредством этой ловушки узнавать от людей самых скрытных и серьезных их надежды, планы и тайны. Завлекаясь мало-помалу, они доходили до того, что, думая узнать от духов будущее и тайны других, выдавали мне свои собственные. Но я действовала осторожно и редко пользовалась для собственных выгод знанием своим. Всю прошлую зиму я провела в Египте, в Каире, и знала все происходящее у хедива, его планы, ход интриг и т. д. через нашего вице-консула Лавизона покойного. Этот последний так увлекся духами, что, несмотря на всю хитрость свою, постоянно проговаривался. Так я узнала о тайном приобретении громадного числа оружия, которое, однако ж, было оставлено турецким правительством; узнала о всех интригах Нубар-паши (премьер-министр в правительстве хедива Исмаила. — А. С.) и его переговорах с германским генер<альным> консулом. Узнала все нити эксплуатации нашими агентами и консулами миллионного наследства Рафаэля Абета и много чего другого. Я открыла Спиритское общество, вся страна пришла в волнение. По 400, 500 человек в день, все общество, паши и прочие, бросались ко мне. У меня постоянно бывал Лавизон, присылал за мной ежедневно, тайно, у него я видела хедива, который воображал, что я не узнаю его под другим нарядом, осведомляясь о тайных замыслах России. Никаких замыслов он не узнал, а дал узнать мне многое. Я несколько раз желала войти в сношение с г. де Лексом, нашим генер<альным> консулом, хотела предложить ему план, по которому многое и многое было бы дано знать в Петербурге. Все консулы бывали у меня, но потому ли, что я была дружна с г. Пашковским и женой его (Е.П.Б. переиначивает фамилию И. А. Пашкова. — А. С.), а mme де Леке была во вражде с ними, почему ли другому, но все мои попытки остались напрасными. Леке запретил всему консульству принадлежать Спиритскому обществу и даже настаивал в том, что это вздор и шарлатанство, что было неполитично с его стороны. Одним словом, Общество, лишенное правительственной поддержки, рушилось через три

месяца. Тогда отец Грегуар, папский миссионер в Каире, навещавший меня каждый день, стал настаивать, чтобы я вошла в сношения с правительством папским. От имени кардинала Барнабо (кардинал, осуществлявший связь папского престола с иностранными миссиями. — А. С.) он предложил мне получать от 20 до 30 тысяч франков ежегодно и действовать через духов и собственными соображениями в видах католической пропаганды и т. д. Я слушала и молчала, хотя питаю врожденную ненависть ко всему католическому духовенству. Отец Грегуар принес мне письмо от кардинала, в котором тот снова предлагал мне в будущем все блага, говорит: «II est temps que l'ange des tenebres devienne l'ange de la lumiere» (Время ангелу тьмы становиться ангелом света. — А. С.) и, обещая мне бесподобное место в католическом Риме, уговаривает повернуться спиной к еретической России. Результат был тот, что я, взяв от папского миссионера 5 тыс. фр<анков> за потерянное с ним время, обещала многое в будущем, повернулась спиной не к еретической России, а к ним, и уехала. Я тогда же дала об этом знать в консульство, но надо мной только смеялись и говорили, что глупо я делаю, что не соглашаюсь принять такие выгодные предложения, что патриотизм и религия есть дело вкуса — глупость и т. д. Теперь я решилась обратиться к Вашему Превосходительству в полной уверенности, что я могу быть более чем полезна для родины моей, которую люблю больше всего в мире, для Государя нашего, которого мы все боготворим в семействе. Я говорю по-французски, по-английски, по-итальянски, как по-русски, понимаю свободно немецкий и венгерский язык, немного турецкий. Я принадлежу по рождению своему, если не по положению, к лучшим дворянским фамилиям России и могу вращаться поэтому как в самом высшем кругу, так и в нижних слоях общества. Вся жизнь моя прошла в этих скачках сверху вниз. Я играла все роли, способна представлять из себя какую угодно личность; портрет не лестный, но я обязана Вашему Превосходительству показать всю правду и выставить себя такою, какою сделали меня люди, обстоятельства и вечная борьба всей жизни моей, которая изощрила хитрость во мне как у краснокожего индейца. Редко не доводила я до желаемого результата какой бы то ни было предвзятой цели. Я перешла все искусы, играла, повторяю, роли во всех слоях общества. Посредством духов и других средств я могу узнать, что угодно, выведать от самого скрытного человека истину. До сей поры все это пропадало даром, и огромнейшие в правительственном и политическом отношении результаты, которые, примененные к практической выгоде державы, приносили бы немалую выгоду, —

ограничивались микроскопической пользой одной мне. Цель моя — не корысть, но скорее протекция и помощь более *нравственная*, чем *материальная*. Хотя я имею мало средств к жизни и живу переводами и коммерческой корреспонденцией, но до сей поры отвергала постоянно все предложения, которые могли бы поставить меня хоть косвенно против интересов России. В 1867 г. агент Бейста *предлагал* мне *разные блага за то*, что я русская и племянница ненавистного им генерала Фадеева. Это было в Пеште, я отвергла и подверглась сильнейшим неприятностям. В тот же год в Букаресте генерал Тюр, на службе Италии, но венгерец, тоже уговаривал меня, перед самым примирением Австрии с Венгрией, служить им. Я отказалась. В прошлом году в Константинополе Мустафа-паша, брат хедива египетского, предлагал мне большую сумму денег через секретаря своего Вилькинсона, и даже один раз сам, познакомившись со мной через гувернантку свою француженку, — чтобы я только вернулась в Египет и доставляла бы ему все сведения о проделках и замыслах брата его, вице-короля. Не зная хорошо, как смотрит на это дело Россия, боясь идти заявить об этом генералу Игнатьеву (посол России в Турции. — А. С.), я отклонила от себя это поручение, хотя могла превосходно выполнить его. В 1853 г., в Баден-Бадене, проигравшись в рулетку, я согласилась на просьбу одного неизвестного мне господина, русского, который следил за мной. Он мне предложил 2 тысячи франков, если я каким-нибудь средством успею добыть два немецких письма (содержание коих осталось мне неизвестным), спрятанных очень хитро поляком графом Квилецким, находящимся на службе прусского короля. Он был военным. Я была без денег, всякий русский имел симпатию мою, я не могла в то время вернуться в Россию и огорчалась этим ужасно. Я согласилась и через три дня с величайшими затруднениями и опасностью добыла эти письма. Тогда этот господин сказал мне, что лучше бы мне вернуться в Россию и что у меня довольно *таланту*, чтобы быть полезной родине. И что если когда-нибудь я решусь переменить образ жизни и заняться серьезно делом, то мне стоит только обратиться в III Отделение и оставить там свой адрес и имя. К сожалению, я тогда не воспользовалась этим предложением.

Все это вместе дает мне право думать, что я способна принести пользу России. Я одна на свете, хотя имею много родственников. Никто не знает, что я пишу это письмо.

Я совершенно независима и чувствую, что это — не простое хвастовство или иллюзия, если скажу, что не боюсь самых трудных и опасных поручений. Жизнь не представляет мне ничего радостного, ни хорошего. В моем характере любовь к борьбе, к

интригам, быть может. Я упряма и пойду в огонь и воду для достижения цели. Себе самой я мало принесла пользы, пусть же принесу пользу хоть правительству родины моей. Я — женщина без предрассудков и если вижу пользу какого-нибудь дела, то смотрю только на светлую его сторону. Может быть, узнав об этом письме, родные в слепой гордости прокляли бы меня. Но они не узнают, да мне и все равно. Никогда, ничего не делали они для меня. Я должна служить им медиумом домашним так же, как их обществу. Простите меня, Ваше Превосходительство, если к деловому письму приплела ненужные домашние дрязги. Но это письмо — исповедь моя. Я не боюсь тайного исследования жизни моей. Что я ни делала дурного, в каких обстоятельствах жизни ни находилась, я всегда была верна России, верна интересам ее. В 16 лет я сделала один поступок против закона. Я уехала без пашпорта за границу из Поти в мужском платье. Но я бежала от старого ненавистного мужа, навязанного мне княгиней Воронцовой, а не от России. Но в 1860 году меня простили, и барон Бруно, лондонский посланник, дал мне пашпорт. Я имела много историй за границей за честь родины, во время Крымской войны я неоднократно имела ссоры, не знаю, как не убили меня, как не посадили в тюрьму. Повторяю, я люблю Россию и готова посвятить ее интересам всю оставшуюся жизнь. Открыв всю истину Вашему Превосходительству, покорнейше прошу принять все это к сведению и если понадобится, то испытать меня. Я живу пока в Одессе, у тетки моей, генеральши Витте, на Полицейской улице, дом Гааза, № 36. Имя мое Елена Петровна Блаватская. Если в продолжение месяца я не получу никаких сведений, то уеду во Францию, так как ищу себе место корреспондентки в какой-нибудь торговой конторе. Примите уверения, Ваше Превосходительство, в безграничном уважении и полной преданности всегда готовой к услугам Вашим Елены Блаватской[241].

Часть третья. СТРАНЕ СЛЕПЫХ ПОЛОЖЕН ОДНОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Глава первая. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Блаватская задержалась в Одессе, но уже через год она поехала сначала в Бухарест, к старой подруге, спиритуалистке мадам Попеску, а оттуда направилась в Париж, где обосновался ее двоюродный брат Николай, сын Густава Гана[242]. Приблизительно в то же время Блаватская познакомилась с американским врачом Лидией Маркетт, которая стажировалась в парижских больницах и посещала лекции на медицинские темы. Лидия Маркетт провела с Еленой Петровной много времени и сохранила о ней память, как о человеке, ведущем чрезвычайно замкнутый образ жизни. Блаватская часами либо рисовала, либо что-то писала. Помимо Лидии Маркетт и двоюродного брата она общалась с четой Леймар, людьми весьма авторитетными в оккультных парижских кругах, возглавившими после смерти Аллана Кардека в 1869 году спиритическое движение в Европе[243]. Судя по всему, именно от них Блаватская узнала о спиритическом буме в США. Не прерывала она связи с Паулосом Ментамоном и Луи Бимштайном. Они, как утверждает Б. З. Фаликов, рассчитывали на организаторские способности Елены Петровны и считали, что ей необходимо немедленно отправляться в Новый Свет, чтобы поставить их общее оккультное дело на широкую ногу[244].

В июне 1873 года, побуждаемая своими каирскими учителями, Блаватская купила за 125 долларов билет до Нью-Йорка в каюту первого класса на отплывающий из Гавра пароход и осталась с почти пустым кошельком[245]. Лето 1873 года во Франции было очень жарким. В Гаврском порту, наполненном грохотом и раскаленной пылью, Блаватская в широкополой шляпке, в строгом дорожном костюме уже было ступила на пароходный трап, как вдруг ее взгляд упал на бедно одетую, плачущую женщину, прижимающую к себе двух малюток.

«Что с вами?» — участливо спросила женщину Елена Петровна. Оказалось, что женщине продали поддельные билеты на тот же самый пароход. Деньги на билеты выслал из Америки ее муж, который копил их на протяжении нескольких лет. Обманутая женщина не знала, что делать.

Блаватская вошла в ее положение. Она немедленно продала свой билет в каюту первого класса. Ее 125 долларов хватило на

покупку четырех самых дешевых билетов. Елене Петровне предстояло провести пятнадцать дней кошмара на нижней палубе, перегруженной пассажирами, среди грязи, смрада и корабельных крыс. Счастливые лица матери и ее детишек придали ей мужества, все плавание она находилась в приподнятом настроении[246].

Б. З. Фаликов возвращает нас на грешную землю, когда пишет о причине решения Блаватской отправиться в США: «…в одной из записных книжек Блаватской говорится о том, что ей было поручено создать в Америке „тайное общество наподобие Розенкрейцеровской ложи“. А Теософское общество поддерживало связь с египетским Братством Луксора, членом которого состоял Луи Бимштайн. Однако „тайные учителя“ произвели такое впечатление на поклонников Блаватской, что миф разросся как снежный ком и стал главной приманкой для поклонников теософии»[247].

Рано или поздно углубившийся в такого рода мистификации человек, к тому же обладающий повышенной сенсорной восприимчивостью, начинает считать иллюзию контакта с потусторонними или волшебными силами обыкновенной реальностью. Это хорошо понимал генерал Алексей Алексеевич Брусилов, женатый на Надежде Владимировне Желиховской, племяннице Блаватской, и задолго до этого брака почувствовавший интерес к оккультным наукам. Он усердно занимался ими вместе с писателем Всеволодом Соловьевым, С. А. Бессоновым, М. Н. Гедеоновым и другими своими интеллигентными приятелями. Вот что он писал:

«Много лет спустя, изучая и читая книги теософические и книги других авторов по этим отвлеченным вопросам, я убедился, насколько русское общество было скверно осведомлено, поскольку оно не имело в то время никакого понятия о силе ума, образования, высоких дарований и таланта своей соотечественницы Е. П. Блаватской, которую в Европе и Америке давно оценили. <…> Ее „психологические“ фокусы — такой, в сущности, вздор. Они в природе вполне возможны, это нам доказала Индия, но если бы этих явлений даже и не было, если бы Блаватская на потеху людей их и подтасовывала, то, оставляя их в стороне, стоит почитать ее сочинения, подумать о том пути духовном, который она открыла людям, о тех оккультных истинах, с которыми она нас знакомила и благодаря которым жизнь человеческая становится намного легче и светлее»[248].

От нас, современных людей, требуется немалая доля спокойствия, терпения и такта, чтобы на поле необузданной фантазии русской писательницы отделить зерна от плевел,

отличить случайное, сиюминутное от вечного и не принять ее психологические эксперименты за остроумный розыгрыш простаков.

Блаватская ехала в новую страну практически без денег, как и десятки тысяч эмигрантов из Европы. Мятежная русская аристократка, неспокойная натура, она втайне надеялась, что США предоставят ей последний шанс победить, громко заявить о себе. И ее надеждам суждено было сбыться.

Елена Петровна оказалась в Нью-Йорке предположительно 5 июля 1873 года. Тяжелое пятнадцатидневное плавание было позади. Пароход «Сент Лорен» задержался с приходом в порт назначения на четыре дня из-за скверной штормовой погоды. Огромные океанские волны перекатывались через высокие борта. Находясь с десятками других пассажиров глубоко в трюме, Елена Петровна слышала, словно издалека, как стонущая палуба с трудом сдерживала сильный напор воды. Плотно задраенные люки перекрывали подачу свежего морского воздуха. Воздух шел не сверху, а откуда-то снизу, отчего был затхлым и горячим. Отсутствие единой налаженной вентиляционной системы увеличивало духоту. Прибавьте к этому перегруженность парохода пассажирами и антисанитарные условия и вы поймете, в каком кошмарном аду оказалась на пути к новой жизни Блаватская, что ей пришлось вынести, пересекая Атлантику. Когда они прибыли в нью-йоркскую гавань, было серое, хмурое утро. В воздухе пахло гарью и морем. Желающих переселиться из Европы в Америку в то время было не меньше, чем в наши дни. У некоторых переселенцев были колючие глаза, жесткие волосы, костлявые фигуры, а в своей массе все они напоминали неровный, с острыми сколами и зазубринами, край разбитого стекла. Елене Петровне приходилось в общении с ними проявлять чрезвычайную осторожность. Тем не менее они вели себя спокойно и уверенно, оказавшись в очереди в Иммиграционную службу. Кто-то стоял на нью-йоркской пристани у перил, засунув руки в карманы брюк, кто-то курил короткую глиняную трубку, а кто-то лежал, растянувшись и подложив руки под голову, отрешенно смотрел в дождливое белесое небо. Это были, судя по всему, несокрушимые люди, свежая кровь Америки.

Блаватская обнаружила, что переселенцам нет дела до себе подобных. Каждый из них был занят мыслями о том, как бы получше устроиться.

Эти люди вступали в отчаянную борьбу за новую жизнь. Они искали пристанища и хлеба, она — признания и славы.

Блаватская оказалась в США в неудачное время: страна испытывала спад производства, в ней насчитывалось три

миллиона безработных. 18 сентября 1873 года обанкротился крупнейший американский банк Джеймса Кука и вслед за ним многие другие банки. Пять тысяч бизнесменов превратились в нищих, а на предприятиях сталелитейной промышленности оставшимся на производстве рабочим до минимума урезали зарплату. Повсеместно закрывались шахты и текстильные фабрики[249]. Положение, в котором вдруг очутилась Елена Петровна, действительно, было почти безвыходным. Одиноким женщинам-переселенкам в Нью-Йорке приходилось намного хуже, чем мужчинам. Их не регистрировали, например, в приличных гостиницах — требовались сопровождающие лица мужского пола. С трудоустройством дело обстояло еще хуже. Пишущих машинок к тому времени не изобрели, поэтому единственное, что оставалось женщинам, это быть школьными учительницами, телеграфистками, гувернантками, продавщицами, швеями, фабричными работницами. Деятельность в сфере бизнеса для них практически исключалась[250]. Блаватская была не таким человеком, чтобы пасть духом, когда стало ясно, что в Америке ее никто не ждет. Во всяком случае, она энергично занялась поиском как места для своего проживания, так и необходимых средств к существованию, — хотя бы самых минимальных. Она поселилась в бедном квартале Нью-Йорка, на Медисон-стрит, 222, в новом многоквартирном доме, заняв комнату на втором этаже. Весь дом снимал женский жилищный кооператив. Это было временное пристанище для порядочных энергичных женщин со скудными средствами[251].

Первое время Блаватская зарабатывала себе на жизнь, делая искусственные цветы, — в этом ремесле она в достаточной мере преуспела еще в Одессе, когда жила там с Агарди Митровичем. Какие-то деньги давало также шитье кошельков и салфеток для протирания пишущих перьев. В доме на Медисон-стрит у членов жилищного кооператива была зала для общих собраний и доставки почты, в ней-то Елена Петровна и проводила большую часть своего времени. В этой зале она говорила часами, вспоминая свою жизнь в разных странах, что само по себе было увлекательно и интригующе. Более глубокое впечатление на слушательниц производило описание событий из биографий присутствующих. Блаватская напоминала им казалось бы навечно забытое. Вот почему она прослыла среди жильцов дома на Медисон-стрит спиритуалисткой[252].Во многих отношениях Елена Петровна оказалась неприспособленной к бытовой стороне жизни. Она была женщиной мечтательной. Не раз ошибалась в своих сердечных привязанностях.

Вместе с тем она не мирилась со своим полунищенским

состоянием, делала все возможное, чтобы из него выйти. Это было у нее в крови — действовать энергично, в соответствии со сложившейся ситуацией.

Елена Петровна не могла дать себе ясного отчета в том, что произошло с ней после смерти Юры. Она почувствовала тогда опустошенность и неприязнь к христианскому Богу. Она не выдержала небесной кары и оказалась снова в оккультном плену. Ее фантазия вследствие утраты Юры развилась необыкновенно. В письме Дондукову-Корсакову она писала:

«Между Блаватской 1845–1865 годов и той Блаватской, какой я стала за 1865–1882 годы, пролегла *непреодолимая пропасть*. Если вторая Блаватская стремится подавить предшественницу, то это больше во славу человечества, нежели ради собственной чести. Между обеими Блаватскими — Христос и все ангелы небесные, и Пресвятая Дева, а за второй Блаватской — Будда и нирвана, с горьким и холодным осознанием печального и смешного фиаско сотворения человека — первого человека, по образу и подобию Божиему! Первую Блаватскую следовало уничтожить еще до 1865 года — во имя человечества, способного породить столь безумную диковину. Что же касается второй, то она приносит себя в жертву, ибо первая верила и молилась, думая, что с помощью молитв грехи ей отпустятся, возлагая свои надежды на *non compos mentis*[253] человечество, — безумие, которое является результатом цивилизации и культурного общества; а вторая верит только в отрицание своей собственной личности в ее человеческой форме, в нирвану, где прекращается всякое бытие, где не могут помочь ни молитвы, ни вера, ибо все зависит от нашей *кармы*, личных заслуг или прегрешений»[254]. И в том же самом письме князю Блаватская говорила о своей настоящей, выстраданной и подготовленной предшествующей жизнью вере:

«Моя вера — это полное отсутствие веры, даже в саму себя. Я давно перестала верить в видимых и незримых личностей, или в общепринятых и субъективных богов, в духов и в провидение — я верю только в человеческую глупость. Для меня всего, что обусловлено, относительно и конечно, не существует. Я верю лишь в Бесконечное, Безусловное и Абсолютное, но я не проповедую свои идеи»[255].?

Это прозрение пришло к ней значительно позднее, уже в Индии, в 1882 году. А тогда в середине семидесятых годов вся Блаватская без остатка ушла в «медиумизм». С помощью медиумических практик пыталась вернуть мудрость древних. Она всегда была тайно убеждена, что где-то существуют заповедные прекрасные места, совершенно непохожие на обычные поселения

людей, туда открыт доступ самым достойным, посвященным; там она однажды, кажется, побывала, однако не могла наверняка сказать, где эти места находятся.

Вильям Кингсленд в своей книге «Истинная Блаватская» писал:

«В 1873 году Е.П.Б. завершила „годы странствий“, которые она провела в разных странах, среди людей разных рас, объединений и обществ (от самых примитивных до высокоаристократических). Она искала и нашла множество оккультных явлений, которые наука того времени не считала достойными внимания, а религия приписывала работе Сатаны и его приспешников. Кем должны мы считать ее — это беспокойное, неистовое и совершенно необычное проявление жизни? Работником Учителя в мире»[256].

Из различных воспоминаний о Блаватской Питер Вашингтон отметил наиболее запоминающиеся черты ее внешности, характера и поведения. Попытался воссоздать словесный портрет еще не старой женщины, которая через десять лет станет культовой фигурой. Речь идет о Блаватской второй половины семидесятых годов, времени ее пребывания в Соединенных Штатах Америки:

«Будучи заядлой курильщицей, она постоянно носила при себе табак для сигарет в меховом кисете, сделанном из головы какого-то зверька и висевшем у нее на шее. Руки ее постоянно были усеяны кольцами (иногда с настоящими драгоценными камнями), и в целом Елена Петровна, наверное, походила на плохо завернутый блестящий новогодний подарок. Говорила она низким грудным голосом; порой ее речь была остроумной, порой — грубой. К сексу она была равнодушна, но рассуждала о нем откровенно и без стеснения; больше любила животных, чем людей; и была чуждой всякому снобизму и претенциозности, скандальной, капризной и довольно шумной, а также вульгарной, импульсивной и добродушной и никогда никому и ни в чем не уступала ни на волосок»[257].

Каждая эпоха в истории цивилизаций заявляет о себе новыми веяниями и модами, чаще всего отражающими иррациональную природу человека и его безуспешные попытки преодолеть собственную ограниченность. Так называемые харизматические личности с их магнетическим влиянием на людей каким-то непостижимым образом улавливают эти веяния и моды и виртуозно используют в собственных интересах. Среди новых американских витий Блаватская не была белой вороной. Таких медиумов, как она, в то время в Соединенных Штатах Америки

было хоть пруд пруди. Ей пришлось выдержать серьезную конкуренцию со стороны большого количества таких же чародеев и волшебников, которые самонадеянно утверждали, что овладели премудростями оккультизма. С первых дней своего пребывания в Америке Блаватская поняла, что настал ее час. Выпестованный ее фантазией, а в большей степени — прочитанной литературой эфемерный мир отвлеченных идей и фантастических предположений стал осязаемым и очень привлекательным для большого числа людей. Для тех, кто искал связь с потусторонним и наполнял кассу на бесчисленных спиритических спектаклях и сеансах. Вообще, повышенный интерес к посмертию — признак переходных эпох, когда налаженная человеческая жизнь выходит из колеи и теряет свой устойчивый статус.

Пребывание Блаватской в Америке совпало с угасанием популярности спиритизма в этой стране. Может быть, поэтому борьба за тающую в количественном отношении паству приобретала если не драматические, то, по крайней мере, острые формы. Необходимо было вовремя размежеваться с одними и вступить в союз с другими лидерами и участниками спиритуалистического движения. Известно, что в людском сообществе, где царит идеология (а религиозная она или светская — не суть важно), всегда возникает борьба между руководителями, которые одни и те же исходные идеологические постулаты трактуют по своему усмотрению и требуют от своих сторонников не столько уважения к тому, что они проповедуют, сколько беспрекословного им подчинения и личной преданности.

Между тем не всегда сухая рассудочность лежала в основе деятельности Блаватской. Оглянувшись на ее прошлое, нетрудно обнаружить в нем кипение страстей — то чувство безрассудства и потерю здравого смысла, которые только и присущи эмоциональным и постоянно влюбляющимся женщинам. Ей казалось, что прежнее время безвозвратно ушло. Теперь она жила лишь для того, чтобы своим приобщением к великим тайнам человечества внушать людям величайший трепет и покорность ее воле. До любви ли ей было, когда она появилась в Нью-Йорке? Но как это не раз случалось, предугадывая далекое будущее, она смутно представляла, что ждет ее завтра.

Блаватская пришлась по душе жителям дома на Медисон-стрит. Будем говорить откровенно: у его обитателей не было никаких развлечений, только работа, хозяйство, пересуды и сплетни, вот и всё, пожалуй. Они порядком надоели друг другу.

Елена Петровна с ее небывальщинами свалилась на их головы словно с неба. Ее происхождение тоже вызывало немалый

интерес. Русская аристократка, чуть ли не графиня, постоянно без денег, живет в напряженных трудах, как золотошвейка, — не иначе за ее образом жизни стоит какая-то тщательно скрываемая тайна. Фантастическими выглядели, в частности, рассказы Блаватской о том, как в Париже по ее эскизам создавались живописные панно и фрески для покоев императрицы Евгении, супруги Наполеона III.

Она довольно долго общалась с некоей ирландкой миссис Сарой Паркер и с ее подопечной — молоденькой девушкой Элизабет Холт, их комната находилась как раз напротив залы для общих собраний и почты. Блаватская вела себя с Сарой, как мудрая наставница. Их отношения в дальнейшем имели продолжение. Елена Петровна не обольщалась по ее поводу. 17 ноября 1883 года она писала Альфреду Перси Синнетту: «Сара Паркер — неблагодарная, глупая, себялюбивая и смешная старая кобыла. Она прикидывается, что питает ко мне великую любовь и преданность, а за моей спиной злословит на мой счет»[258].

Человеческая глупость наводила на Елену Петровну тоску. Лично к Саре Паркер у нее не было особых претензий. За несколько месяцев до беспощадной характеристики подруги она писала тому же Альфреду Перси Синнетту: «Что же именно „раздражает“ Вас в миссис Паркер? Я знаю ее почти восемь лет. Она человек восторженный, безрассудна во многих вещах, но никогда ирландский корпус не содержал в себе женщины лучше, искренней, порядочней и добродетельней. Она — настоящий теософ, бескорыстна и готова расстаться с последней одеждой в пользу других. Не очень культурна, „грубятина“, как Вы ее называете. Возможно и так, но не больше, чем я»[259]. На самом деле, если разобраться, противоположные оценки Блаватской одних и тех же людей вызывались ее повышенной эмоциональностью и неумением оставаться внешне спокойной в стрессовых ситуациях, что в большинстве случаев было следствием заболевания щитовидной и поджелудочной желез. Разумеется, она не умела сдерживаться и в том случае, когда наступали на ее «любимый мозоль» — сомневались в существовании «вестников», «адептов», «иерофантов», Учителей.

Когда слава Блаватской как о духовном учителе разнеслась по Америке, Элизабет Холт не верила своим ушам. Она не могла представить себе, что женщина с взрывным характером, приходящая по любому поводу в раздражение и ярость, обрушивающая на своих обидчиков потоки матерщины, вдруг превратилась в образец благонравия и нравственности. Однако было в Елене Петровне одно качество, которое и тогда вызывало у

соседок по общежитию неподдельное уважение, а именно: ее храбрость. Время было неспокойным, район, где находилось общежитие, опасным для ночных прогулок. Однажды одна из жилиц дома, молодая женщина, возвращаясь после ночной смены, подверглась нападению. С трудом избавившись от пьяного хулигана, она пожаловалась Блаватской, которая выразила свое возмущение в очень сильных выражениях и, вытащив из складок своего платья острый нож для резки листьев табака, пообещала всякий раз встречать девушку в позднее время[260].

Несмотря на появившуюся популярность Блаватская бедствовала. Вспомоществование от отца не поступало. Ей приходилось обходиться самым малым. И тут на ее счастье на горизонте появилась энергичная и состоятельная дама, родом из французской Канады — мадам Магнон. Она жила через несколько кварталов от Медисон-стрит — на Генри-стрит. Мадам Магнон — моложавая вдова, весьма неглупая, предложила Блаватской перебраться в ее жилище до наступления лучших времен. Так Елена Петровна начала, а точнее сказать — продолжила свою медиумическую деятельность. Было решено устраивать в жилище мадам Магнон еженедельные воскресные спиритические сеансы. Миссис Паркер, с которой Блаватская сдружилась в доме на Медисон-стрит, была завсегдатаем этих мистических посиделок. Ее подопечная Элизабет Холт на них не присутствовала (лицезрение подобной чертовщины не понравилось бы ее матери), но находилась в курсе дела того, что совершал с присутствующими, в том числе и с самой Блаватской, некий дух «дияки». Миссис Паркер рассказывала девушке вещи необыкновенные и ужасные. Например, однажды Елену Петровну заждались к завтраку, а когда мадам Магнон вошла в ее спальню, то увидела подругу в неподвижном состоянии лежащей на кровати. Дух «диаки» якобы пришил ее ночную рубашку к матрасу и пришил так основательно, что мадам Магнон одной было не по силам разорвать нитки. Пришлось звать пришедшую к завтраку мисс Паркер, которая с помощью ножниц освободила Елену Петровну от этих пут[261].

Дух «диаки» был позаимствован Блаватской у известного американского ясновидящего Эндрю Джексона Дэвиса (1826–1900) и представлял собой призрак, оболочку, фантом из *камалок*, то есть «нечто» из субъективного и невидимого полуматериального мира, где пребывают, как она считала, бестелесные «личности», астральные формы. Как сформулировал Дэвис:

«Диака — это тот дух, которому доставляет безумную радость разыгрывание ролей, выкидывание трюков по части

олицетворения персонажей противоположного характера, поэтому для него молитва и богохульственные высказывания равноценны; у него страсть к лирическим повествованиям; так как он нравственный урод, у него отсутствует чувство справедливости, человеколюбия, нежной привязанности. Он не знает того, что люди называют чувством благодарности; результаты любви и ненависти для него одно и то же; его девиз часто страшен для других — вся жизнь только для СЕБЯ, и индивидуальная жизнь кончается УНИЧТОЖЕНИЕМ»[262].

Блаватская энергично обрабатывала знаменитого американского спирита. Ей позарез нужно было печататься в России, а у Эндрю Джексона Дэвиса сложились наилучшие деловые и дружеские отношения с А. Н. Аксаковым (1832–1903), выдающимся исследователем паранормальных явлений и видным издателем фундаментальных книг по спиритуализму. Аксаков по праву считался лучшим специалистом по трудам шведского философа-мистика XVIII века Эммануэля Сведенборга. Он перевел и издал в 1863 году знаменитое сочинение шведского мистика «О небесах, о мире духов и об аде», а через год там же свою собственную работу «Евангелие по Сведенборгу. Пять глав от Иоанна, с изложением и толкованием их духовного смысла, по науке соответствия». Исследователь творчества А. Н. Аксакова Сергей Сучков, русский мистик, изучая Сведенборга, пришел к выводу о том, что до тех пор пока дух учения Христа не станет всесилен над его буквою, люди будут рабски преданы букве, форме, внешности[263]. «Поэтому он (Аксаков. — А. С.), применяя метод, разработанный Сведенборгом, дешифрует „Евангелие от Иоанна“ в духовном смысле слова, освобождая его от природно-человеческого знания»[264]. Эту методологию Аксакова Блаватская взяла за основу своих размышлений о христианстве и непосредственно об Иисусе Христе. С 1867 года Аксаков начал издавать на немецком языке в Германии, в Лейпциге, серию под общим названием «Спиритуалистическая библиотека для Германии». Среди изданных книг — «Реформатор» (1867), «Автобиография» (1868), «Принципы начал природы» (1869), «Врач» (1873) Эндрю Джексона Дэвиса. Там же, в Лейпциге, с 1873 года он выпускал на немецком языке журнал «Psychische Studien», однако же ему не удалось добиться разрешения на издание подобных журналов на русском языке. В 1869 году Аксаков вернулся в Россию и вскоре женился на дочери выдающегося химика-органика Александра Михайловича Бутлерова (1828–1886) — Софье. Находясь на государственной службе и уйдя в 1878 году в отставку в чине действительного статского советника, он на протяжении многих лет знакомил

российскую общественность со спиритуалистической проблематикой. Через духовидение Аксаков пытался рассмотреть проблему происхождения человека[265]. Блаватская по рекомендации Эндрю Джексона Дэвиса срочно списалась с Аксаковым, однако первая реакция на ее письмо была не той, которую она ожидала. Ее соотечественник, хорошо известный в международных кругах спиритуалистов, в письме Дэвису высоко отозвался о ее медиумических способностях, но пренебрежительно о ней самой, характеризуя Блаватскую как женщину глубоко безнравственную[266]. Ведь после женитьбы на Софье Бутлеровой он стал дальним родственником Даниела Д. Юма, женатого на сестре жены великого ученого. Естественно, Елена Петровна не промолчала и накатала в ответ длиннющее письмо Аксакову, в котором она поставила перед ним вопрос ребром:

«Одна есть у меня к вам просьба: не лишайте меня доброго мнения Andrew J. Davis'a. Не раскрывайте перед ним того, что если он узнает и убедится, заставит меня бежать на край света. У меня осталось лишь одно убежище для себя в мире — это уважение спиритуалистов Америки, тех, которые ничего не презирают столько — как „free love“ (свободная любовь. — англ.). Неужели вам принесет удовольствие навеки убить нравственно женщину, которая уже и так убита обстоятельствами?»[267]

Понятно, что в роли добровольного палача Аксаков выступить не захотел, хотя и не бросился в ее оккультные объятия. На протяжении многих лет он сотрудничал с Блаватской, но в отношениях с ней сохранял дистанцию. Да и она сама, обжегшись на молоке, дула на воду. Иными словами, занималась самоуничижением без всякой на то причины: «Не знаю, как благодарить вас за вашу неизмеримую доброту. Имея право презирать меня, как всякий благородный человек, за мою прошлую, грустную репутацию, вы так снисходительны и великодушны, что пишете мне… Если есть у меня надежда на будущее, то это только за гробом, когда светлые духи помогут мне освободиться от моей грешной и нечистой оболочки»[268].

Эндрю Джексон Дэвис был также последователем Сведенборга. В собственном учении он делал акцент на принципе божественной бисексуальности. Однако широко он прославился не столько своей гетеросексуальной практикой, сколько удивительным врачебным даром. Он проникал взглядом в тело человека и по состоянию внутренних органов диагностировал его болезни. Он уверял, что кожа пациента для него прозрачнее стекла. По отзывам его пациентов, Дэвис впадал в транс и мог часами беседовать с душами давно умерших людей. Он

предвидел, как писали позднее, многие совершенные уже после его смерти открытия. Например, описал в общих чертах автомобиль, аэроплан и пишущую машинку. Один лишь Жюль Верн превзошел его в количестве предугадываемых чудес науки будущего. Дэвис был человеком малообразованным — он проучился в школе не больше пяти месяцев. Между тем отсутствие школьного образования не помешало ему «наговорить» двадцатишеститомный труд «Гармоническая философия»[269]. Из этой энциклопедии «ясновидения» Блаватская почерпнула многие идеи для «Тайной доктрины» — главного труда своей жизни, особенно представления о происхождении и эволюции звездных миров. Дэвис долгое время опекал ее, оказывал денежную поддержку. Однако же не бисексуалу Эндрю Джексону Дэвису, а полковнику Генри Стилу Олкотту было уготовано судьбой стать ближайшим сподвижником Елены Петровны в создании теософской империи.

С различных незамысловатых представлений начиналась режиссерская карьера Блаватской и других участников ее мистических шоу. Участники на протяжении многих лет менялись по ходу смены репертуара оккультного театра, но режиссер-постановщик оставался неизменно прежним. Необходимы были серьезные денежные средства, чтобы выстроенные на скорую руку мизансцены заняли соответствующее место в грандиозном спектакле с дорогими декорациями. Елене Петровне не терпелось дождаться того дня, когда на нее прольется золотой дождь.

Глава вторая. ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ИЗМЕНИВШЕЕ ЖИЗНЬ

В начале ноября 1873 года Блаватская получила письмо от сводной сестры Лизы со скорбной вестью о скоропостижной смерти Петра Алексеевича Гана. В письме сообщалось, что он похоронен в городе Ставрополе. Лиза уведомляла старшую сестру о наследстве и о незамедлительной высылке ей первых 1500 рублей с вычетом пяти банковских процентов[270]. Окрыленная надеждой, она сняла себе квартиру в доме, стоящем на пересечении 14-й улицы и 4-й авеню. Это было затхлое получердачное помещение. Вся мебель в нем состояла из железной койки, стола и трехстворчатого шкафа. Из этого помещения вниз, туда, где находилась зала, спускалась лестница. Разумеется, такое убогое жилище не вызвало восторга у Блаватской. Долго в нем она, однако, не задержалась. Через некоторое время из-за небрежного обращения с огнем она устроила пожар. Приехавшие пожарники огонь быстро потушили.

После их отъезда Блаватская объявила хозяину квартиры, что у нее исчезли часы и цепочка. Услышав о заявленной пропаже, он рассмеялся в лицо Елене Петровне и заявил, что у нее никогда не было этих вещей. Так рассказывала присутствующая при этой сцене Элизабет, подопечная миссис Паркер.

Тут начинается самое интересное. Блаватская отозвала Элизабет в сторону и на ухо тихо поведала, что пожар был устроен нарочно, с целью ее ограбления. Она, может быть, сама об этой подлости никогда бы и не догадалась, но ей помогли ее духи-хранители, которые предъявили вещественное доказательство кражи, а именно обугленную бумажку с двумя светлыми разводами, по контуру напоминающими форму кольца и цепочки. Растолковывая девушке детали происшедшего, Елена Петровна уже не использовала слова «духи-хранители», а заменила их в целях конспирации местоимением «они». На вопрос Элизабет, откуда у нее обугленная бумажка со светлыми разводами, Блаватская ответила, что «они» на ее глазах эту бумажку материализовали. Сумасшедший дом, да и только![271] Понятно, что подобные улики, предъявленные хозяину квартиры, окончательно вывели его из себя. То, что через семь лет сходило Блаватской с рук и вызывало полное доверие у многих ее последователей, на первых порах не производило должного эффекта. Скорее, наносило серьезный ущерб ее репутации. Чтобы бить прицельно и успешно по нервам людей, надолго западая в их сознание, требуется новая религиозная, а точнее — псевдорелигиозная идеология, создающая соответствующую атмосферу для мистического восприятия. Тогда даже небрежные импровизации мастера оккультных наук воспринимаются его экзальтированными поклонниками чудесами из чудес. Блаватская по себе знала, что многие правдолюбцы и непримиримые борцы с людским ханжеством держатся до последнего, до того мгновения, пока в них жива вера в нравственность человечества. А когда этой веры нет, эти люди внезапно деревенеют и — хрясть! — ломаются, как спички под пальцами любого циничного и самовластного неврастеника.

При том постоянном раздвоении собственной личности и при той двойной жизни, которую после смерти Юры она вела без малейших угрызений совести, Блаватская ощущала себя одновременно и жертвой и палачом. Для нее оказалось практически невозможным вернуться к друзьям детства и юности, в тот привычный и теплый мир, который, может быть, уже и не существовал в реальности, а всего лишь был тенью каких-то несвершившихся надежд и игрой воображения.

Квартиру пришлось срочно менять. На этот раз Блаватская

перебралась в дом под номером 45 на Элизабет-стрит. По проживающим в нем жильцам он напоминал кооператив для одиноких работающих женщин на Медисон-стрит. Однако на этот раз здание, где поселилась Блаватская, было более основательным — шестиэтажным и кирпичным, и в нем проживало пятьсот человек. На его первом этаже размещались общая комната, читальня, прачечная и ресторан. Все эти службы очень облегчали жизнь одинокой спиритуалистки. Где бы ни жила Елена Петровна в Нью-Йорке, она не прерывала своих дружеских и отчасти деловых отношений с мадам Магнон. Она почувствовала к ней доверие и, как представлялось Елене Петровне, при тех стесненных обстоятельствах, в которых она оказалась, лучшего менеджера для спиритических проектов, чем эта француженка, ей трудно было найти.

Блаватская понимала, что в то время настоящий пиар ей могла сделать американская пресса. Ее отличие от многих других русских, оказавшихся в то время в США, состояло в том, что она принадлежала по отцу и бабушке Елене Павловне Фадеевой к русской аристократии. Это было уже кое-что. К тому же за ней стояла собственная яркая и авантюрная биография, которой позавидовали бы герои любых остросюжетных романов. Короче, ей было о чем рассказать въедливым и охочим до сенсаций американским журналистам.

Блаватская, как мне представляется, многократно обсуждала с мадам Магнон стратегию и тактику своего внедрения в духовный истеблишмент американского общества. Прежде всего надо было хоть как-то «отметиться» в американской печати. Время шло, а настоящего дела, ради которого она приехала в Соединенные Штаты Америки, не появлялось. Полученные от Лизы деньги быстро кончились, однако в начале 1874 года пришла остальная, большая часть причитающегося ей наследства. Это была значительная сумма. Блаватская переселилась в дорогую гостиницу — она любила пожить на широкую ногу, когда представлялся случай.

В начале 1874 года Блаватская, еще находясь в доме на Элизабет-стрит, познакомилась с Ганной Вульф, журналисткой из газеты «Нью-Йорк Стар». Ганну Вульф заинтересовали соображения Елены Петровны по поводу роли женщин в американской периодической печати, и она взяла у нее интервью. Спустя некоторое время они снова столкнулись на съезде феминисток. Движение женщин за свои права мало интересовало Елену Петровну. Она появилась на этом сборище сытых и расфуфыренных дам с единственной целью: расширить круг своих знакомых. В то время Блаватская была при деньгах. Ей не

составило труда пригласить на ланч наиболее известных делегаток съезда. Говорила она со знанием дела на любую тему, поэтому легко предположить, что отобедавшие с ней дамы остались довольны. Блаватская нуждалась в общении с интеллектуальными и состоявшимися людьми.

После встречи на съезде феминисток она взяла Ганну в оборот. Начала обыкновенным порядком с того, что зачастила к ней в гости, потом перешла к долгим рассказам о собственной жизни и закончила тем, что перезнакомилась со всеми ее влиятельными друзьями. Такая неожиданная прыть новой подруги несколько смутила Ганну. Многое из того, что рассказывала ей Блаватская, она не принимала на веру и часто задавала каверзные вопросы. Она ловила ее, в частности, на многих несуразностях и неточностях, особенно часто встречающихся в рассказах о тех годах, которые Блаватская якобы провела рядом с Гарибальди. Когда же оскорбленная недоверием к ее рассказам Елена Петровна обнажила свой бок и показала шрам, оставшийся якобы от удара вражеской сабли, Ганна, рассмотрев его со всей журналистской тщательностью, вынесла совершенно другое заключение и заявила, что это след не от удара саблей, а скорее от удара кнутом. Ганна была не только глазастой журналисткой, но, что редкость для ее профессии, сообразительной женщиной. Во всяком случае, она помогала Блаватской, чем могла.

Весной 1874 года Ганна Вульф познакомила ее с начинающим спиритом господином У. Блаватская сделала вид, что впервые слышит о спиритических опытах, и попросила этого господина сопроводить ее на лекцию известного в то время американского медиума Уилсона. После лекции она изобразила удивление от услышанного и увиденного, заверив своего попутчика в том, что это якобы ее первый медиумический опыт. Спустя несколько дней после лекции она, повстречав на улице Ганну Вульф и господина У, обрушила на них поток слов, из которого явствовало, что медиум Уилсон пробудил в ней оккультные силы. Доказательством тому, как она уверяла, были черно-белые фотографии из ее письменного бюро. Они-то, доказывала Блаватская, после того как духи приложили к ним руку, стали выглядеть акварельными зарисовками. Она затащила Ганну Вульф и господина У. в свое новое жилище. На этот раз Елена Петровна занимала дешевые апартаменты вместе с тремя журналистами, одной женщиной и двумя мужчинами. По крайней мере, она так их представила. Может быть, одним из проживающих под общей крышей мужчин был ее новый друг, на двадцать лет ее моложе Михаил Бетанели, грузин из Тифлиса.

По свидетельству Блаватской, Бетанели приехал в Нью-Йорк во второй половине 1874 года, чтобы с ней познакомиться. Незадолго перед его приездом она занимала роскошный номер в дорогой гостинице, но оттуда съехала, понимая, что деньги понадобятся на что-то более существенное. Версия о духах, раскрашивающих фотографии, не прошла. По-детски наивными выглядели уверения Блаватской в том, что эти милые бесплотные создания рисуют по ночам, когда природа впадает в меланхолию[272]. Что на это возразишь? Вероятно, так же решила Ганна Вульф и промолчала. Отношения двух амбициозных и сильных женщин, Вульф и Блаватской, еще больше ухудшились после того, как Блаватская представила ей на отзыв свою сатиру на американские нравы. Оказалось, что Елена Петровна переписала заново на сереньком английском языке Салтыкова-Щедрина, внеся в текст лишь незначительные поправки, а именно: переименовав Россию в Соединенные Штаты Америки, а царя — в президента[273]. Естественно, литературный дебют Блаватской как англоязычной писательницы тогда не состоялся. Литературную известность на Западе она получила после выхода в свет в 1877 году фундаментального труда «Изида без покрова», который с того времени неоднократно переиздавался, а его общий тираж составил полмиллиона экземпляров.

Блаватская вошла во вкус литературной работы и даже задумала дописать неоконченный роман Чарлза Диккенса «Тайна Эдвина Друда», обратившись, как она объявила, к духу умершего писателя[274]. По мере того как Елена Петровна пробовала себя на разных поприщах, время неумолимо шло. Одни малозначительные события сменялись другими, вместе с тем ничего принципиально нового в ее жизни не происходило. Единственное, что у нее определенно получалось, — это расширяющиеся связи с американскими журналистами. Она вместе с мадам Магнон ежедневно внимательно просматривала все газетные публикации, так или иначе связанные с дискуссионными и сенсационными темами. Им было просто необходимо подцепить на крючок если уж не акулу из журналистского мира, то, на худой конец, какого-нибудь жирного сазана. И наконец удача им улыбнулась. Они обнаружили сначала в газете «Нью-Йорк сан» отчет Генри Стила Олкотта о невероятных феноменах, которые он наблюдал на ферме в Читтендене в штате Вермонт, в нескольких милях от Нью-Йорка, а затем цикл его статей о тех же известных явлениях в «Нью-Йорк дейли график». Это был тот самый человек, которого долго искала Елена Петровна Блаватская и наконец нашла. С прочтения первых статей этого цикла началась охота на их автора. Как

всегда в таких случаях, Блаватская испытывала небывалый душевный подъем и вдохновенный азарт ловца. Она не ошиблась в том, какие сети следует расставить, чтобы рыбка из них не выскользнула. Она основательно готовила эту победу над Олкоттом, прибегнув к помощи Михаила Бетанели и мадам Магнон. И в итоге сделала то, о чем только витийствовали говорливые американские феминистки — на долгое время подчинила мужскую волю своей, женской. Полковник Олкотт, а затем Синнетт сыграли решающую роль в ее восхождении к мировой славе.

Полковник Олкотт был из англосаксонской семьи первых поселенцев. Он принимал участие в Гражданской войне на стороне северян, состоял председателем Комиссии по расследованию убийства президента Линкольна. Его так же, как Блаватскую, интересовало всё сверхъестественное.

В книге воспоминаний «Страницы старого дневника» полковник Олкотт с восторгом восстановил детали своего знакомства с русской оккультисткой:

«…Особые обстоятельства свели нас вместе. В один прекрасный день июля месяца 1874 года я сидел в своей адвокатской конторе и обдумывал одно очень важное дело, которое получил от Нью-Йоркского муниципалитета, как вдруг мне пришла в голову мысль, что вот уже годы я не обращаю внимание на спиритуалистическое движение… Я вышел на улицу и на углу купил номер журнала „Бэннер оф лайт“. В нем я прочел о совершенно невероятных феноменах, происходящих на какой-то ферме в районе Читтендена, штат Вермонт. Я сразу решил, что если все это правда, то мы здесь встретились с важнейшим явлением современной науки, и что мне надо поехать туда и во всем убедиться самому. Так я и сделал. Все оказалось так, как было описано в журнале. Я провел там три или четыре дня и вернулся в Нью-Йорк. О своих наблюдениях я написал в газете „Нью-Йорк сан“… Потом редактор „Нью-Йорк дейли график“ поручил мне снова поехать в Читтенден и взять с собой какого-нибудь художника, который мог бы по моим указаниям рисовать происходящие явления… 17 сентября я вернулся на ферму Эдди… Я поселился в этом таинственном доме и в течение двенадцати недель ежедневно переживал сверхъестественные вещи… Дважды в неделю газета „Нью-Йорк дейли график“ печатала мои письма про „духов Эдди“, иллюстрированные художником Капесом. Эти письма обратили на себя внимание госпожи Блаватской и привели к тому, что она поехала в Читтенден. Это и свело нас вместе…

На ферме обычно обедали в 12 часов. Она появилась в

столовой с какой-то французской дамой (с мадам Магнон. — А. С.).

Когда мы вошли, они уже сидели за столом. И прежде всего мне бросилась в глаза ярко-красная гарибальдийская рубаха на первой даме, которая так контрастно выглядела по сравнению с окружающим ее тусклым фоном. Ее волосы были тогда пышные, светлые, шелковистые, вьющиеся, едва доходили до плеч и напоминали тонкое руно. Они и ярко-красная рубаха привлекли мое внимание, прежде чем я смог рассмотреть ее черты подробнее. У нее было массивное калмыцкое лицо, сила, образованность и выразительность его контрастировали с заурядными образами, так же как ее красное одеяние среди серых и бледных тонов стен, мебели и безликой одежды остальных гостей.

Дом Эдди постоянно посещали с целью увидеть медиумические феномены самые разнообразные и необычные люди. Когда я увидел эту эксцентричную даму, я подумал, что это одно из таких лиц. Остановившись на пороге, я шепнул Капесу: „О! Посмотрите на этот экземпляр!..“ Когда обед закончился, обе дамы вышли, г-жа Блаватская скрутила себе папироску, и я протянул ей огонь, чтобы иметь повод заговорить с нею»[275].

Рыбка попала в расставленные сети. Блаватская и Олкотт поняли друг друга с полуслова. По многу часов они прогуливались по аллеям фермы, беседовали под кронами мощных буков, кленов и вязов, сверкавших золотом и темно-красной медью. Теплая и сухая осень стояла на дворе. У Блаватской и Олкотта оказались разные взгляды на природу происходящих на ферме феноменов. Полковник был убежден, что наблюдал настоящих пришельцев с того света. Он предпринял все меры, чтобы исключить обман: опечатал окно уборной, из которой призраки выходили в гостиную, осмотрел самым тщательным образом стены и двери и не обнаружил в них ничего тайного: ни параллельных двойных стен, ни каких-нибудь иных хитростей. Блаватская с ним не соглашалась и уверяла, что все эти появляющиеся с того света тени умерших людей — плод мозговых импульсов медиума, они — не больше чем иллюзия и в этом смысле представляют обман зрения. Вот и обвиняй после этого Блаватскую в том, что она морочила людям голову. Скорее, она удовлетворяла их плебейскую страсть приобщиться самим к чему-то загадочному и непонятному. Предоставляла им пищу для разговоров и пересудов на всю оставшуюся жизнь.

Природа одарила Блаватскую талантом, которым она распоряжалась не всегда с пользой для себя самой и окружающих

ее людей. На всякие безрассудства ее толкала неумолимая жажда славы. Она терзалась необходимостью широкого ей поклонения, пока смутно себе представляя, как этого добиться, к каким еще средствам прибегнуть и через какие испытания пройти. Действительно, она была тщеславной женщиной, но не до такой степени, чтобы возводить себе памятник при жизни и не понимать при этом, что далеко не все придут от ее культа в восторг. Когда Блаватская оказалась в Соединенных Штатах Америки, как уже знает читатель, первые месяцы жизни там ей было не до славы, не до поклонения, не до высоких материй. Ей приходилось элементарно выживать. Отцовское наследство предоставило ей некоторую передышку в ежедневной борьбе за крышу над головой и кусок хлеба.

Для Блаватской всегда было большой радостью, когда кто-то обращал на нее внимание. Она находила в каждом новом странном и нелепом человеке то же опьянение, что и в оккультных книгах или в общении со своими тайными мыслями и галлюцинациями. Она тянулась ко всему тому, чего ей так не хватало в обыкновенной скучной жизни. Поэтому свою неизвестность Елена Петровна воспринимала как величайшую и унизительную несправедливость. Ее посещали видения, смысл которых был совершенно неясен, они оглушали сознание, и она впадала в мрачное оцепенение — настолько непостижимо-горестными представлялись ей образы, рожденные в укромных уголках ее души. Она жила как в полусне. Но реальность грубо напоминала о себе возможным безденежьем: отцовское наследство таяло на глазах. Его большая часть была потрачена на покупку бесполезной птицефермы на Лонг-Айленде, которая не давала никакого дохода[276]. Елена Петровна не умела с пользой для себя вкладывать деньги, а уж мотом она была отменным!

Следовало предпринять что-то уж совсем необыкновенное, чтобы привлечь к себе пристальное внимание журналистов и, соответственно, большое количество людей. Она понимала, что пиар — необходимое условие любой известности и славы.

Ферма братьев Эдди, Уильяма и Хораса, представляла ей такую возможность. Оставшаяся от наследства некоторая сумма денег помогла осуществить задуманное. Род братьев Эдди в нескольких поколениях был наделен, как говорили, паранормальными способностями. А одна из его представительниц приняла мученическую смерть — была сожжена как ведьма на костре. Случилось это прискорбное событие в 1692 году в Салеме, во время ведьмовских судебных процессов.

Блаватской необходимо было приручить Олкотта, сделать его

совершенно домашним, как бесхозную собаку или как приблудного кота. Она не собиралась с помощью потусторонних призраков убеждать зрителей, что они не будут оставлены на произвол судьбы после смерти, а, напротив, будут с радостью встречены перешедшими в небытие близкими и друзьями. Такого спиритуалистического «материализма» она на дух не выносила. О «Стране вечного лета» Эндрю Джексона Дэвиса, об этом загробном «Зазеркалье» не хотела слышать[277]. Любого думающего и одухотворенного человека такая перспектива оказаться в многомиллионном хоре поющих псалмы покойников заставила бы удавиться. Цель Блаватской была куда значительнее и масштабнее: доказать людям, что существуют «феномены» и весь ход истории человечества определяется ими. На концепцию «феноменов» нанизывались все ее остальные идеи. Блаватская писала профессору Хайраму Корсону, ярому спиритуалисту, искала почву для компромисса: «Не надо недооценивать важность спиритуалистических феноменов; вместо того чтобы относиться к ним как к букве, „которая убивает“, вам следовало бы считать, что они образуют общую глубинную основу, на которой только и возможно возвести надежное здание разумной веры в бессмертие человека. Они возвестили рождение христианской религии, были тесно связаны с ее детством, поддерживали и утешали ее, вооружали ее пропагандистами в виде „Отцов Церкви“; а упадок церкви восходит к тому времени, когда одна ее ветвь стала игнорировать эти феномены, а другая — направлять по ложному пути»[278].

Блаватскую, когда она занималась спиритизмом и выступала в роли медиума, и позже, когда переквалифицировалась в оккультистку, постоянно взбадривал и развлекал черный юмор! А как еще, скажите, ей было спасаться от человеческой глупости? Прочтите внимательно «Изиду без покрова», ее статьи и эссе на темы, связанные с появлением духов среди живых, и те объяснения, которые она дает этим сверхъестественным проявлениям потусторонней «закулисы», или ее статью в защиту братьев Эдди[279], или что-нибудь подобное в том же роде — и всё предстанет до смешного простым и ясным. Впрочем, при одном условии: для адекватного понимания многого из того, что написала Блаватская, необходимо самим обладать чувством иронии и помнить, что окружающая нас жизнь с точки зрения индуса, последователя «адвайты веданты» — «майя», иллюзия. Иными словами, земной мир, разумность, упорядоченность и стабильность которого индус пытается сохранить всей своей нравственной и регламентированной религиозными обычаями жизнью, оказывается иллюзорным, полым и населенным

фантомами. Этот парадокс индусского мировидения человек западной культуры со всей серьезностью принять не в состоянии. Он, как и Блаватская, пытается его всячески обыграть, спародировать в трагикомическом духе. Вот откуда берут свое начало смешливость, ироничность и сарказм Блаватской. На эти особенности ее натуры обратил внимание один из лидеров спиритуализма в США профессор Хайрам Корсон, расположения которого она упорно и долго добивалась[280].

Как все-таки трогателен и жалок удел человеческий!

Блаватская с жадным любопытством осматривалась вокруг и кое-что поняла в действиях братьев Эдди, в их режиссуре. Братья были в большей степени схожи не чертами лица, а тем смелым авантюрным характером, который позволял им ошарашивать потусторонними «живыми» картинами находящихся во тьме неведения людей.

Все было впечатляюще и ловко в их оккультном искусстве, у зрителей сильно колотилось сердце, а на лбу от переживаний и страха выступала испарина.

Комната, в которой происходило медиумическое действо, освещалась тускло горящей керосиновой лампой. У самой стены, на приподнятой над полом сцене было сооружено что-то вроде кабинета, в глубине которого виднелся закрытый одеялом дверной проем. Зрители размещались на жестких, с прямыми высокими спинками, стульях.

Кто-то из братьев, обычно это был Уильям, шаркающей ленивой походкой поднимался на сцену и усаживался посреди кабинета. Звучала тихая мелодичная музыка, слышались нечеткие, вздыхающие голоса, какие-то печальные слова. Зрители словно прирастали к стульям, когда в дверном расшторенном Уильямом проеме в зыбком полумраке возникали светящиеся руки. Эти руки тянулись к зрительному залу, и дамы в первом ряду вскрикивали: их пышные прически обдувал могильный холод.

Вместе с тем животный страх смерти на время отступал, появлялось наслаждение потусторонним. Все с нетерпением ждали главного события — материализацию призрака. И укутанная в белый саван фигура наконец-то возникала на сцене как свидетельство реальности загробного существования. Мир теней оказывался ближе и роднее, чем находящаяся на краю света Россия, с которой у Блаватской тогда не было практически никаких связей[281]. В тот вечер, когда она решила разнообразить оккультный спектакль новыми персонажами, среди публики

находились знаменитые люди: спиритический писатель и лектор Джеймс Пиблз, профессор музыки, мистик Лензбург и медиум из Чикаго миссис Керей. Другими словами, экзаменационная комиссия по принятию Блаватской в круг профессиональных оккультистов была хотя и немногочисленная, но вполне солидная и авторитетная[282]. То, что показала зрителям в тот день Блаватская, на мой взгляд, было прощанием со спиритуализмом. Она создала гротесковый спектакль с русским и кавказским национальным колоритом. Она словно доказывала многочисленным американским медиумам, что работает не хуже, чем они, и тут же тихо вопрошала: «А к чему все это?»

Действительно, Елена Петровна не ударила лицом в грязь. Она всё представила чуть-чуть по-иному. Внесла в спектакль братьев Эдди новые мизансцены, отрежиссировала его с большим артистизмом. Триумвират экзаменаторов пришел в восторг от увиденного, оценил по достоинству ее ум и находчивость. Она же сидела в зале среди зрителей и, как в константинопольском цирке, терпеливо ждала своей очереди. Кроме того, она исполняла и роль эксперта, совсем не выпячивая себя. Вот в чем была ее гениальная находка!

На сцене один за другим появлялись хорошо ей знакомые по грузинской жизни люди.

Всем на удивление материализовался дух Михалко Гугидзе, слуги тети Екатерины Витте, который когда-то давно в другой жизни ожидал ее с новорожденным Юрой в Кутаиси и довез до Тифлиса. Михалко был в национальной грузинской одежде. По просьбе Елены Петровны он станцевал на сцене зажигательный кавказский танец — лезгинку. Зрители были в шоке от увиденного. Но чудеса продолжались. В нахлобученной по самые брови шапке в деревенской американской глуши возник разнаряженный купец из Тифлиса — Хассан Ага, а вслед за ним — Сафар Али-бек, охранник-курд с длинной пикой в руке, украшенной перьями дрофы, сопровождавший ее на Кавказе по поручению Никифора Блаватского. Укутанная в пуховый оренбургский платок, переваливаясь, как утка, и отдуваясь, вышла на сцену толстая старуха — Блаватская признала в ней свою и Верину крепостную няню Надю. Совершенно неожиданно для всех возник на сцене осанистый вельможный господин в строгом черном костюме и со Святой Анной на шее, орден держался на муаровой, с двумя черными полосками, ленте.

«Вы мой отец?» — едва слышно выдохнула Елена Петровна. «Дядя!» — ответил призрак укоризненным голосом. Покрасневшая от стыда, она тут же оповестила собравшихся, что перед ними предстал материализовавшийся дух одного из родных

братьев ее отца — Густава Алексеевича Гана, на протяжении двенадцати лет председателя уголовного суда в Гродно, который умер в 1861 году. Само собой, перед публикой он появился в мундире, в котором был погребен.

Глаза зрителей, естественно, вылезали из орбит от удивления, никому из них не приходилось видеть такой сногсшибательной экзотики.

Самое поразительное происшествие случилось чуть-чуть позднее. Это была словно последняя эффектная фраза в конце произведения, впечатляющая и надолго запоминающаяся.

Явившийся дух некоего Георгия Дикса передал ей непосредственно в руки отцовскую медаль, которая была получена Петром Ганом за храбрость в Турецкой кампании 1828 года и находилась, как утверждала Елена Петровна, вместе с ним в гробу.

Крик, который исторгла Блаватская, рассматривая на ладони вновь вернувшуюся к ней из могилы семейную реликвию, был настолько естествен, что никто из присутствующих не заподозрил ее в притворстве. Затем последовал короткий оглушительный обморок.

Мизансцены, мастерски поставленные Блаватской в спиритическом театре братьев Эдди, не отличались вместе с тем изощренным и тонким вкусом, но на зрителей они подействовали сильнейшим образом, выбили их из привычной колеи, а у наиболее нервных дам вызвали истерику. Тем, кто вдруг взял бы под сомнение ее комментарии, она была готова предоставить фотографическую копию живописного парадного портрета своего отца П. А. Гана, и всякий смог бы убедиться, что на его груди присутствует та же самая медаль[283]. На следующий день после сеанса с появлением близких и знакомых Блаватской людей она и мадам Магнон стремительно покинули ферму Эдди и вернулись в Нью-Йорк. Наивные американцы, никто же из них не знал, что покойников в России кладут в гроб без знаков отличия на груди!

Блаватской необходим был соратник, авторитетный в американском обществе человеке безупречным послужным списком, но отчасти выпавший из активной социальной жизни. Она искала человека на перепутье и, наконец-то, нашла его. Доверчивого, честолюбивого, мистически настроенного. Смысл нового сценария, который предложила Елена Петровна, заключался вовсе не в том, чтобы вывести на сцену неизвестных американской публике экзотических персонажей, а в том, чтобы утвердить собственный авторитет как демиурга, своевольно творящего отличный от повседневной жизни мир. От

примитивных сценок с одними и теми же героями, в основном индейцами, которые разыгрывали братья Эдди, начинала болеть голова. Питер Вашингтон справедливо отмечает: «Уильям и Хорас Эдди были лишь пассивными проводниками, с помощью которых духи перемещались из мира мертвых в царство живых, тогда как Блаватская претендовала на управление ими по своему усмотрению. Это различие между властным и покорным медиумом было чрезвычайно важно по трем причинам. Во-первых, оно позволяло Блаватской выгодно противопоставить свое могущество шарлатанству, неадекватности или пассивности соперников. Во-вторых, оно разбивало в пух и прах все обвинения в том, что медиумы по натуре подвержены манипуляции и самовнушению. И в-третьих, оно утверждало медиума как действенную силу, а не как простой канал для связи с иным миром. Позднее Блаватская будет говорить, что сам контакт с духами умерших не имеет никакой ценности, хотя его легко осуществить для демонстрации психической силы. Важны не спиритические сеансы, а связь с Учителями, которые не имеют ничего общего с духами, хотя их жизнь также протекает иначе, чем жизнь обычных людей»[284].

Доверчивостью к тому, что говорила и делала Блаватская, Олкотт напоминал взрослого ребенка, хотя внешне оставался мужественным солдатом недавно закончившейся Гражданской войны между Севером и Югом. Он без промедления готов был принести себя в жертву добру и справедливости. Блаватская же требовала, но так и не дождалась, от него другой, более существенной жертвы — потери его собственного «я». Она так и не смогла подчинить его себе полностью. Надежды на то у нее были, и надежды небезосновательные. Ведь долгое время он жил под ее крылом. Но она недооценила Олкотта. Вероятно, в заблуждение Блаватскую ввела его душевная податливость. Она привыкла постоянно вытирать о него ноги. Между тем податливость — это вовсе не преданность и верность.

Разумеется, Олкотта с его психологией провинциала до ступора завораживали рассказы Блаватской о ее похождениях. Он верил ей и одновременно не верил в общение с загадочными таинственными существами, находящимися по ту сторону добра и зла. А Блаватской лучше было умереть, чем утратить доверие зрителей вдохновенно сочиненного и поставленного ею спектакля. Она научилась заменять правду жизни игрой в правдоподобие. Не в этом ли заключается смысл искусства? По силе эмоционального воздействия на людей художественный вымысел несравним со скрупулезным описанием рутинной действительности. С одной, впрочем, оговоркой: иногда

повседневная жизнь чудовищной бесчеловечностью настолько превосходит самую бурную человеческую фантазию, что даже ее протокольное описание вызывает у читателей взрыв эмоций. К счастью для Блаватской и ее современников, подобный монстр только вызревал в недрах девятнадцатого века. Его рождение пришлось на век двадцатый.

Глава третья. СПИРИТИЗМ ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Генри Стил Олкотт был потрясен увиденным на ферме Эдди не меньше других, о чем сообщил в газетном отчете. Блаватская же пыталась навязать ему свое объяснение происшедшего, настаивая на том, что это был маскарад самых низших духовных организмов, элементалов. Именно они материализовались с помощью жизненных органов несчастных медиумов, высасывая из них, как вампиры кровь, вещественные оболочки вместе с жизненной силой и здоровьем. Именно таким образом эти духовные организмы облекались в видимые формы человеческих тел. Эти тела им вовсе не принадлежали и еще не успели окончательно разложиться. Элементалы, переодетые в более-менее сохранившиеся тела отошедших в потусторонний мир созданий, как вороны в павлиньих перьях, дивили, морочили и пугали добропорядочных людей, которые воображали, что увидели своих умерших близких. А вообще-то, рассуждала Блаватская, это были развоплощенные души, которые еще на земле вели себя бездуховно, непредусмотрительно, гася в себе божественную искру и тем самым лишая себя шансов на бессмертие.

Ее новый приятель Олкотт продолжал гнуть свое и упорно настаивал, что призраки с того света появлялись по зову братьев Эдди и никак иначе. Вообще-то Блаватская тогда не особенно возражала Олкотту. Под его нажимом она на время согласилась, что призраки возникают независимо от воли живых людей, не вызываются насильственно, а обусловлены духовными устремлениями умерших. Она представила дело так, что элементалы в своих бледных человеческих копиях неудержимо притягиваются к земле, ко всему тому, что родственно их грубым натурам.

Всевозможные наваждения, медиумические явления, одержимость и другие душевные недуги Блаватская объясняла слиянием грешных духов с живыми, призывающими их на себя. Она придерживалась индусской теории, которая разделяет человеческое бытие согласно семи принципам. Первый принцип составляет физическое тело. Второй — жизненная сила. Третий

принцип связан с появлением вещества, создающего эффект обманной формы, когда возникает какое-нибудь чудовище, в простом народе называемое оборотнем. Особое значение для человека имеют пятый и шестой принципы. Пятый принцип представляет самосознание посредством пяти чувств, шестой — божественную душу. Когда пятый и шестой принципы при жизни человека соединяются воедино, что достигается сменами телесных оболочек, реинкарнациями, в результате которых дух постоянно совершенствуется, появляется возможность достичь индивидуального бессмертия. Самый высший принцип — седьмой, он представляет луч или искру божества. В Индии, о чем необходимо помнить, семерка — символ стабильности, число, регулирующее ход и восприятие жизни. Ведь человек различает семь цветов, семь музыкальных тонов, семь составляющих гармонию звуков, семь дней недели. У индийцев число семь также объединяет семь священных рек, семь священных городов, семь наиболее почитаемых богинь, семь святых мудрецов, семь островов и еще много чего другого. Во время свадебной церемонии невеста и жених делают семь шагов, обходя священный огонь, и дают семь обетов. С этого начинается их совместная жизнь. Блаватская большое значение придавала этому числу. Оно было для нее добрым знаком, своеобразным оберегом.

Далеко не все поверили в инфернальные способности американских фермеров. Через два дня после возвращения Блаватской в Нью-Йорк из Читтендена в газете «Нью-Йорк дейли график» была напечатана язвительная статья известного невропатолога профессора Джорджа Берда, в которой братья Эдди объявлялись мошенниками самого низшего сорта, а полковник Олкотт назывался простофилей, ослепленным обыкновенными фокусами[285]. Блаватская с этим согласиться, естественно, не могла и с досадой писала:

«Мир пока еще не готов к пониманию философии оккультных наук; пусть они для начала убедятся, что в невидимом мире действительно обитают различные существа, будь то „духи“ умерших или *Первостихии*; и что в человеке немало скрытых сил, которые способны превратить его в Бога на земле»[286].

Блаватская и полковник Олкотт по возвращении в Нью-Йорк встречались чуть ли не каждый день. Елена Петровна, направив свой ответ Джорджу Берду в газету «Нью-Йорк дейли график»[287], в глазах многочисленных знакомых получила репутацию ярой спиритки. Вот это уже было с их стороны совсем глупо. В то же время она подыскивала удобный и мощный трамплин, с помощью которого стало бы возможным взмыть высоко вверх и уже с недосягаемой для обыкновенных смертных высоты обозревать

возобновлявшиеся в разных концах света ситуации, связанные с проявлением потусторонних сил. Все осознавали щекотливость и двусмысленность неожиданно возникшей проблемы, однако никто не торопился ее разрешить. Блаватская воспринимала спиритизм в США как нечто неизбежное, как детище банальных интересов и запросов толпы. Она испытывала к нему, снедаемая честолюбием, скорее неприязнь и иронию, чем удивление и любопытство. Елена Петровна предлагала новые подходы к обретению мудрости, обращая внимание публики на глубочайшие прозрения мыслителей человечества, начиная от Гомера и Моисея и вплоть до графа Сен-Жермена. Все эти люди, проповедовала она, относились к адептам «Эзотерического братства» и сохранили оккультное учение в первозданном виде. В настоящее время, убеждала Блаватская, не перевелись мудрецы, которые проявляют осторожность по отношению к окружающему миру и сами выбирают себе последователей. Это была уже не только новая упаковка старых идей, но и желание выпустить на американский, а затем и мировой рынок принципиально новый товар.

Истину от желающих ее постичь бдительно стерегут человеческие предрассудки, невежество и национальная гордыня. Нет необходимости говорить о том, что на этих трех пагубных основаниях цивилизации возникли и поднялись, как на дрожжах, Темные Силы, или, как их называла Блаватская, Владыки Темного Лика. Братство Учителей, во главе которого стоит живущий в пустыне Гоби Владыка Мира, оберегает человечество от воздействия этого полюса Зла. Владыка Мира, согласно представлениям Елены Петровны о Светлых Силах, прибыл на Землю с Венеры вместе со своими помощниками: Буддой, Махагояном, Ману и Майтрейей. Учитель Мория, ставший столь близким Елене Петровне, в свою очередь помогает Ману — на него возложены обязанности управления свойствами Власти и Силы. В роли помощника Майтрейи выступает Учитель Кут Хуми, бывший в одном из своих прошлых воплощений Пифагором. В новом телесном воплощении он преимущественно гуманитарий, его главное дело — надзор за Религией, Образованием и Искусством. Блаватская представляла эзотерический мир в категориях Табели о рангах Российской империи — чиновничья стихия взяла свое.

В число остальных Учителей входят Иисус (его Блаватская называла Сириец), граф Сен-Жермен, Серапис Бей, Конфуций, Соломон, Лао-цзы, Бёме, Роджер Бэкон, Фрэнсис Бэкон, Калиостро, Месмер, Авраам, Моисей и Платон. На человеческом

уровне располагаются архаты, которые достигли промежуточных ступеней инициации и в известном смысле — кандидаты на степень Учителя. В самом низу находятся ученики архатов — «чела». Сама же Елена Петровна, согласно этой духовной Табели о рангах, причисляла себя к архатам.

Так укомплектовывался Блаватской репертуар театра феноменов. Большая часть его персонажей имела прототипами реальные исторические или мифологические фигуры. Все они были ее созданиями и олицетворяли Порядок, как она его понимала. Они представляли сверхразумные существа и узурпировали человеческую волю. Все, кто окружал Блаватскую, должны были действовать исключительно по указке ее Учителей. Со временем феномены Блаватской превратились в фантомы, Учителя стали «портретами», фетишами, а живые люди потихоньку превратились в восставших из могил мертвецов, умеющих ловко двигаться, складно говорить, с энтузиазмом работать и изобретать что-то новенькое, но абсолютно не понимающих, что такое свобода личности, и не соображающих, что их ждет впереди. По крайней мере, совершенно лишенных чувства ответственности не только за жизнь своих ближних, но и за свою жизнь тоже.

Новый человек, Генри Стил Олкотт, стремительно вошел в судьбу Блаватской и занимал в ней довольно долго большое место. Какое-то время их даже воспринимали как одно целое. К моменту их первой встречи на ферме братьев Эдди ему шел сорок второй год. Олкотт имел юридическую практику, был солидным, состоятельным человеком, однако его жизнь и то, что он в ней достиг, не доставляли ему особого удовлетворения. Он страдал от жестокой обиды от того, что, прожив полжизни, не нашел самого себя. Олкотт в своих пристрастиях и устремлениях смотрел в разные стороны. Всё его увлекало. То он занимался фермерским хозяйством, и в этом деле неплохо преуспел, то юриспруденцией, то журналистикой, то военным искусством. Правда, он стал военным человеком не по своей воле, а исключительно по необходимости: началась Гражданская война между Севером и Югом.

Олкотт был, безусловно, творческим, талантливым человеком. Что бы он ни делал, ему всегда сопутствовал успех, пока дело не доходило до его личной жизни. В 1860 году он женился на дочери священника епископальной церкви. Через год она родила ему сына, а еще через год — другого, однако последующие дети, сын и дочь, умерли в раннем возрасте.

Смерть двух детей, особенно дочери, внесла диссонанс в его отношения с женой, которые до этого прискорбного события были

достаточно безоблачными.

В 1874 году они расстались, и он начал вести рассеянный образ жизни: стал завсегдатаем ночных клубов, встречался со случайными женщинами, пристрастился к спиртному.

Елена Петровна в первое время их знакомства называла его в шутку «беспутным псом». Внешне Олкотт был представительным мужчиной, выше среднего роста, с приятным открытым лицом, каштановыми волосами. Его густая борода по мере приобретения им известности из короткой превращалась в бороду лопатой. На переносице мощного прямого носа он неизменно носил пенсне. Словом, Генри С. Олкотт представлял собой типичный образец практичного, энергичного, честного и прямодушного американца[288]. Артур Конан Дойль как-то заметил в его адрес, что Олкотт относится к тем людям, которые с редким моральным мужеством принимают истину, если она даже противоречит их ожиданиям и надеждам[289].Что еще сказать о полковнике Олкотте? Он был масоном, магистром Коринфского ордена системы Королевская арка, состоял в гугенотской ложе. Сохранился его масонский диплом за номером 448, выданный 20 декабря 1861 года[290]. К масонству принадлежала и Блаватская, правда, относящемуся не к западному, а восточному братству. Так она, по крайней мере, сама утверждала. Елена Петровна была принята в лондонскую ложу 24 ноября 1877 года по обряду усыновления, то есть побочному обряду, который был создан еще до Великой французской революции несколькими масонскими организациями специально для женщин. Она удостоилась 33-й масонской степени[291].

В паре с Олкоттом Блаватская развила бурную деятельность. Она не ставила себе в заслугу знакомство с ним в Читтендене. Согласно ее версии, эта историческая встреча была предопределена волей адептов «Гималайского братства», прямых наследников духовных сокровищ атлантов. Князю Дондукову-Корсакову она доверительно сообщала об одном из них: «…в Одессе, в 1873 году я получила письмо от моего таинственного индуса, в котором он велел мне отправляться в Париж, и отбыла туда в марте 1873 года (кажется, второго числа). Сразу же по прибытии я получила еще одно письмо с указанием отплыть в Северную Америку, что я и сделала без всяких возражений. Там мне пришлось доехать до Калифорнии, а оттуда — плыть до Йокогамы, где после девятнадцати лет разлуки я снова повстречала своего индуса: он, оказывается, обосновался в маленьком дворце, то есть в загородном доме в трех-четырех милях от Йокогамы. Пробыла у него лишь неделю, ибо он с подробнейшими наставлениями отослал меня обратно в Нью-

Йорк. Там я с ходу приступила к работе. Для начала индус велел мне проповедовать *против спиритуализма*. В результате в Соединенных Штатах на меня ополчились 12 миллионов „блаженных“, которые успели уверовать в возвращение из плоти своих тещ, скончавшихся и съеденных червями много лет назад, а также эмбрионов, которым так и не удалось появиться на свет, но которые, *развоплотившись*, растут и взрослеют там наверху (если вас интересует точное местонахождение, справьтесь в спиритуалистическом руководстве по географии)»[292].

Блаватская вступала в новую схватку. Сражаться с ветряными мельницами было у нее в крови, сражаться и побеждать, преодолевая предубеждения и инерцию толпы, отсюда проистекала ее безрассудная храбрость, даже удальство, больше подходящее юноше, чем зрелой женщине.

Бесконечные конфликты с людьми раззадоривали ее и распаляли. Врагов она поражала в самое сердце, умела доводить их своей безапелляционной агрессивной манерой до белого каления.

Джордж Берд своей статьей против братьев Эдди действовал в ее интересах. Блаватской позарез были необходимы оппонент и скандал, она не сомневалась в победе, ведь за ее спиной находились сотни тысяч, если не миллионы, верящих в спиритизм, целое воинство полоумных, огромная армия американцев, которые исправно читали газеты и могли присягнуть ей на верность. Между Блаватской и Бердом завязалась полемика, настоящая газетная война, на что она и рассчитывала. С флангов ее поддерживал Олкотт. Первое, что он сделал, — опубликовал в «Сан» статью, посвященную исключительно ее персоне. Эта статья за один день сделала ее имя известным в мистических американских кругах. Теперь Блаватской приходилось намного проще. К ней обращались за интервью журналисты многих нью-йоркских газет. И она никому не отказывала. Елена Петровна много писала о своих путешествиях, о жизни на Кавказе. Больше всего ценились ее полемические статьи, сатиры на католичество и папу, ее филиппики против материалистических учений, внешнеполитические обзоры, написанные живым красочным языком.

Известность Блаватской росла с каждым месяцем. Со страниц американской прессы она «забалтывала» читателей невероятными историями о Даниеле Юме, Чарлзе Дарвине, русском царе Александре II, рассказывала о своих умопомрачительных приключениях в Тибете и Египте. От нее самой, как обратил внимание один из американских репортеров, исходил

специфический завораживающий запах, имеющий непосредственное отношение к Востоку. Может быть, это был запах гашиша?

К Блаватской приходила слава, которую она годами вожделела и ждала, теперь ей следовало укрепиться в достигнутом успехе. Настоящей славы не бывает без сонма поклонников, без необозримой толпы «фанатов», поведение которых невозможно, однако, предвидеть. Она искала новые приманки, напряженно думала, чем бы еще ослепить поверивших в ее оккультную силу людей. Ее ближайшая цель заключалась в том, чтобы объединить их всех в одно общество, соединить и уравновесить свои и их интересы. Все может быть решено, думала она, по обоюдному согласию, и пришедшие к ней люди будут освобождены из-под тяжести ежедневной рутинной жизни и от своих спиритических предрассудков.

Глава четвертая. КУРЫ ДА АМУРЫ, ДА ГЛАЗКИ НА САЛАЗКАХ

Первый настоящий поклонник и помощник Блаватской в организации мистического представления на ферме Эдди (Генри С. Олкотт в счет не шел, поскольку считался соратником Блаватской) был из России, его звали Михаил Бетанели.

Михаил Бетанели познакомился с Еленой Петровной, как я уже писал, до посещения ею фермы братьев Эдди. Она встретила его почти в то же самое время, когда подружилась с Эндрю Джексоном Дэвисом, в 1874 году, в самый пик увлечения американцами спиритизмом. Михаил Бетанели не обладал, как Дэвис, чудодейственной силой проникать взором вовнутрь человека. Он был просто молод и хорош собой. По национальности грузин, родившийся в Картли, он в поисках лучшей доли оказался в 1871 году в Соединенных Штатах и работал агентом в одной из американских фирм, которая занималась бартерными сделками: американское машинное оборудование обменивала на скобяные изделия, козлиные шкуры, шерсть, персидские ковры и средства от насекомых. Позднее ревнивые теософы и другие подхалимы Блаватской пытались представить Михаила Бетанели безграмотным крестьянином, по умственному развитию чуть-чуть выше чернорабочего. Эти наскоки на последнюю ее любовь вызывались завистью к выпускнику Императорского университета в Санкт-Петербурге. Его сохранившиеся письма на английском языке достаточно неуклюжи по стилю и изобличают в нем иностранца, делающего первые шаги в изучении чужого языка. Совсем иное дело — его русская переписка, великолепный образец легкого пера и интеллигентного воспитания. В то же время амбициозность его натуры проглядывает во всем его эпистолярном творчестве, как на английском, так и на русском языках.

Вряд ли Блаватская знала Бетанели по жизни в Тифлисе, скорее всего, она впервые познакомилась с ним на одном из собраний русских эмигрантов в Нью-Йорке, и они в разговоре обнаружили общих знакомых. Так или иначе, их сближению, конечно, способствовала обоюдная симпатия друг к другу, несмотря на разницу в возрасте в 20 лет. Любовь, как известно, не знает временных границ. К тому же не следует забывать, что в жизни Блаватской после гибели Агарди Митровича вообще не было мужчины, и она, 43-летняя соломенная вдова, истосковалась по мужской ласке. Красивый молодой человек ее увлек, дал надежду на взаимное чувство. Вероятнее всего, Елена Петровна

скрыла свой истинный возраст и сделала все от нее зависящее, чтобы воспользоваться благоприятными обстоятельствами, среди которых ее растущая известность играла не последнюю роль. Малейшего случая оказалось достаточно, чтобы они стали любовниками.

Что это был за случай, мы, вероятно, никогда не узнаем, но можем предположить основные причины, которые привели Михаила Бетанели в постель к Блаватской: ее умение заговаривать людей до беспамятства, околдовывать их пристальным взглядом синих глаз и соблазнительная округлость ее тела, тогда еще не превратившегося в бесформенную громоздкую массу. Она все еще была соблазнительна.

Бесспорно, Елена Петровна положила на Бетанели глаз с первой встречи. Она нуждалась в нем по совершенно другой причине, чем, например, в Олкотте, который долгое время ни о чем не догадывался, а когда узнал об этом мезальянсе, был неприятно поражен, обижен до глубины души. Он назвал ее поступок сумасшедшим. Елена Петровна, в свою очередь, объясняла свой короткий неравный брак кармическим возмездием, представляла его заслуженной платой за свою прежнюю гордыню, агрессивность и вранье. К тому же, как она уверяла, Бетанели грозился в случае ее отказа покончить с собой. Все это были обычные отговорки, маловразумительные и неубедительные объяснения.

Венчание состоялось 3 апреля 1875 года в унитарной церкви в Филадельфии. Елена Петровна скрыла, впрочем, от всех, что не расторгла предыдущий брак с Н. В. Блаватским.

В первые дни замужества страсть Блаватской возобладала над рассудком.

«А вам, простите, какое дело? — говорила она вызывающим тоном многочисленным доброжелателям. — Коли хочу любить, никто меня не остановит».

Великим людям, как избалованным детям, позволяют делать милые глупости.

И как уверяют индусы, тело часто не слушает священных текстов.

Она смотрела на Бетанели аметистовыми глазами, и под длинными ресницами светилось лукавое кокетство. Она была своевольна и капризна. Как пятнадцатилетняя девушка, раскидывалась, обнаженная, на подушках, распуская светлые волосы, которые окутывали ее слегка отяжелевшее тело. Елена Петровна отбрасывала их за плечи, упиваясь своим бесстыдством и ничего не стесняясь. В этом была ее сила, право исстрадавшейся от долгого одиночества женщины. Шелковые пряди,

пышноволнистые, как руно мериносовых овец, ниспадали до ее нежного округлого живота. В первую брачную ночь она заснула у него под рукой, вслушиваясь в мерные удары его сердца. На какие-то мгновения порядок ее жизни уклонился от назначенного ею же самой.

Вот почему Михаил Бетанели пленился Блаватской. Между ними возникли, пусть очень ненадолго, взаимная нежность и привязанность. Наедине с ним она была по-настоящему раскованной и естественной. Голой кружилась в комнате, вскидывала голову, хлопала себя по матовым с лиловым отливом и синими прожилками бедрам и напрягшимся ягодицам, с вызовом приподнимала ладонями свои слегка отвисающие груди и припадала к нему с ненасытной алчностью.

Они безумствовали вместе, предавались чувству восторженно, судорожно и истерически, не замечая, как из их любви постепенно исчезали торжественность и человечность, оставался скучный, быстро приедающийся ритуал совокупления. Их совместная жизнь длилась не больше четырех месяцев.

Незадолго перед их окончательным разрывом с Блаватской случилось несчастье. Она, передвигая тяжеленный остов кровати, не удержала его, в результате чего повредила колено и чуть было не сломала себе ногу. Она оказалась надолго прикованной к постели, существовала угроза ампутации ноги. Собственные дела Блаватской стремительно приходили в расстройство. Ее молодой муж проявлял себя не как удачливый бизнесмен. Его хвастливые обещания наладить крупномасштабную торговлю России с Соединенными Штатами Америки остались пустыми словами. Молодожены влачили жалкое существование.

Бетанели оказался на краю банкротства и не мог стать для Блаватской поддержкой, как она надеялась.

Она остро нуждалась в настоящем мужчине, который взял бы на себя заботы о ней. Идеальным кандидатом на эту роль был Олкотт, и она позвала его. Так началось их многолетнее совместное трудное сожительство.

Приведем сомнительную версию Генри С. Олкотта о причинах распада брака Блаватской и Бетанели:

«Супруг забыл данный им обет бескорыстия и к ее невыразимому негодованию стал слишком назойливым. Она опасно заболела… Как только ей стало лучше… она рассталась с ним навсегда. Когда после многомесячной разлуки он убедился в ее упорстве, то нашел адвоката и подал на развод по причине того, что его заставили уехать из дома… 25 мая 1878 года развод был оформлен»[293].

Блаватская и Бетанели расстались по взаимному согласию.

Это расставание, как следует из даты развода, оказалось затяжным и мучительным. Блаватская со многим смирилась, многое прощала молодому мужу. И его жизнь не по средствам, и длинный язык, и склонность к мошенничеству.

Десять лет спустя после неудачной свадьбы Блаватская рассматривала свое замужество как дьявольское наваждение, как кошмар, случившийся под воздействием колдовских чар. В конце концов, как временное умопомешательство. Елена Петровна на склоне лет уверяла Синнетта, что она не принадлежала долгое время самой себе и поэтому, когда пришла в осмысленное состояние, была чрезвычайно удивлена, увидев рядом с собой какого-то красивого молодого грузина, который обращался с ней как с женой.

Блаватская окончательно утвердилась во мнении о себе как о духовном учителе.

Необходимо было обозначить перспективу, если не славы, то, по крайней мере, широкой известности. Она сосредоточилась на самых разрекламированных прессой, как сейчас сказали бы — раскрученных, американских медиумах, а также на редакторах тех печатных изданий, в которых писали о спиритуалистическом движении. Природа наделила Елену Петровну острым зрением, чтобы распознать, кто из этих людей без особых колебаний примет правила ее игры или согласится с ее лидерством. Олкотта и Бетанели было явно недостаточно. Она шла напролом, веря в свою путеводную звезду.

Намерение Блаватской с помощью Олкотта учредить частный комитет по изучению спиритизма ничем хорошим не закончилось. На созданный ими в начале мая 1875 года «Клуб чудес» мало кто обратил внимание, несмотря на объявление в «Спиричуал сайнтист». Дело тогда не пошло, как она полагала, по вине медиума, которого они собирались использовать для спиритических сеансов — Дэвида Дана, брата Чарлза А. Дана, редактора «Нью-Йорк сан». Выбор, сделанный ею, был явно неудачным. Во-первых, Дэвид оказался гол как сокол и не удовлетворился теми деньгами, которыми его снабдила Блаватская, заложив для этого свою золотую цепочку. Во-вторых, вместо благодарности Дэвид Дана принялся рассказывать кому ни попало небылицы про нее[294]. И даже в этой казалось бы безнадежной ситуации Блаватская не опустила рук, чего нельзя было сказать об Олкотте. Его необходимо было поддержать и сориентировать, как действовать дальше. Так у нее появилась идея управлять людьми посредством писем от Учителей. И Олкотт получил первое письмо от Сераписа Бея, назвавшего себя главой «Луксорского, или Египетского, братства». Серапис Бей

дал ему совет не раздувать начавшийся с помощью прессы скандал: «Дэвид честен, а его душа чиста и невинна, как ум ребенка, но он не готов физически. Вокруг тебя много хороших медиумов»[295].

Письма Олкотту от Египетских Братьев, представляющих Луксорское братство, главой которого являлся адепт, называвший себя Серапис Бей, он же «Вождь», стали для Олкотта первым сигналом из оккультного мира, своеобразным подтверждением, что им заинтересовались и готовы приобщить к великим тайнам человечества. Если первые послания от Египетских Братьев, а также от Учителей, иерархов света, а в дальнейшем от махатм Олкотт получал через Блаватскую, то спустя некоторое время у него с ними установился как бы непосредственный контакт. Правда, уже в письме от Блаватской перед ним были поставлены определенные условия, которые его обязывали соблюдать. Вот что она писала Олкотту, предваряя письмо Сераписа Бея:

«Я, несчастная, отношусь к *посвященным* и хорошо помню, как мучительно в мою жизнь вторгалось слово *попытайся*», «и как часто я дрожала от страха, что неправильно пойму их приказания и навлеку на себя наказание за то, что зайду в их исполнении *слишком далеко* или, наоборот, проявлю недостаточное усердие. Вы, кажется, принимаете все это за детскую забаву. Я хочу предостеречь вас, Генри, прежде, чем вы очертя голову броситесь в эту пучину. Помните о том, что вы под действием *богодухновенности* написали мне на адрес *Алдена* — Жирар-стрит. Время еще есть, и вы пока можете отказаться от этой связи. Но если вы сохраните письмо, которое я вам посылаю, и согласитесь со словом „Неофит“, вы влипли, дружище, и обратной дороги уже не будет. Прежде всего, на вас обрушатся испытания и искушения вашей веры. (Вспомните мои 7 лет предварительной инициации, испытания и борьбу со всем Воплощенным Злом и легионами Дьяволов и несколько раз подумайте, прежде чем вы примите это предложение.) В письме, которое я вам посылаю, есть таинственные и ужасные заклинания, которые могут показаться вам слишком *человеческими и искусственными*. С другой стороны, если вы все же решились, помните мой совет, если хотите с честью выдержать испытание. *Терпение, вера, никаких сомнений, полное послушание и Безмолвие*»[296]. Елена Петровна Блаватская обладала психологическим чутьем, знала, чем взять человека за живое, как его запугать и как влезть к нему в душу.

Судя по письмам Египетских Братьев, один из них, а именно тот же Серапис Бей, своей штаб-квартирой сделал пещеры Эллоры, то есть находился в Индии. В первом письме от Сераписа

Бея Олкотт получил информацию о том, что «Братья» собираются подвергнуть некоего Чайлда строгому наказанию и возлагают исполнение этого приговора на полковника[297].

Глава пятая. МОШЕННИКИ, ОНИ ЖЕ НАСТОЯЩИЕ МЕДИУМЫ

Доктор Генри Т. Чайлд был фигурой знаменитой среди спиритуалистов. Он входил в руководство Британской национальной ассоциации спиритуалистов, которая образовалась в 1873 году. Среди его вице-президентов находились Чарлз Карлтон Мэсси и Джордж Уайлд, секретарем была мисс Эмили Кислингбери, среди почетных членов-корреспондентов князь Эмилий Витгенштейн, барон и баронесса фон Вей, Александр Аксаков, бабу Пири Чанд Митра, У. Г. Терри, М. Леймари, Эпис Сарджент, Дж. Л. Дитсон, профессор А. Р. Уолесс. Все эти люди через некоторое время станут видными членами Теософического общества. Вот почему для Блаватской диффамация Чайлда была одновременно борьбой за перетягивание на свою сторону тех старых и новых ее знакомых, интеллектуальные и духовные возможности которых она в полной мере оценила и собиралась использовать на благо осуществления грандиозной задачи — создание оккультной империи. Именно этих людей она привлекала к новому духовному движению. У нее это в конце концов получилось.

Интересно отметить, что в 1882 году Британская национальная ассоциация спиритуалистов была реорганизована в Центральную ассоциацию спиритуалистов, а вскоре после этого — в Общество психических исследований. Так уж получилось, что это общество впоследствии оказалось одновременно и близким и далеким Блаватской. Долгое время в отношениях с ним она шла на компромиссы. Это длилось до тех пор, пока однажды один из его членов неожиданно не нанес ощутимый удар по ее репутации. Идеологические расхождения между Блаватской и меняющим свое название обществом, конечно, существовали, но они напоминали схоластические споры теологов Средневековья. Напомним, что в те давние времена они бились насмерть по вопросу о количестве чертей, способных разместиться на кончике иглы. Блаватская подходила к проблеме спиритуализма, как она полагала, исключительно с научной точки зрения, а члены Центральной ассоциации верили в общение с духами и пропагандировали спиритуализм[298]. Блаватская уверенно отстаивала правоту новой доктрины:

«Спиритуализм основывается на слепой вере, то есть

спиритуалисты не могут продемонстрировать реальность своих духов, тогда как вера оккультистов в Бога и духов прочно базируется на математическом доказательстве и того и другого. Поэтому вера спиритуалистов построена на песке, а наша вера — на прочной скале»[299]. К тому же были конкретные, привязанные непосредственно к создавшейся ситуации причины, которые заставили Блаватскую ринуться в бой и действовать бесцеремонно и наступательно, не считаясь с правилами хорошего тона. Во-первых, она знала, что у Чайлда сложились неплохие отношения с главным ее врагом — Юмом. Тот все еще не мог угомониться и на всех углах поливал ее грязью. Елене Петровне пришлось особенно напрячь усилия по защите собственной репутации после издания Юмом в 1877 году книги «Свет и тени спиритизма». В ней бывший учитель Блаватской не пожалел черной краски для воссоздания ее образа. Во-вторых, необходимо было найти козла отпущения и тем самым размежеваться с медиумическими мошенниками, а для этой роли не годился малоизвестный спиритуалист. Это были скрытые причины, но существовал еще другой, более веский и лежащий на поверхности повод — нелицеприятной критикой замести следы собственных прегрешений, худших, чем критикуемые — беспроигрышный ход, повсеместно используемый любыми радикальными деятелями.

Чем так насолил Луксорскому братству доктор Генри Т. Чайлд будет невозможно понять, не обратившись к истории двух американских медиумов — г-на и г-жи Холмс, которые оказались в центре спиритического скандала. Блаватская в то время находилась в Филадельфии, а доктор Чайлд возглавлял там Спиритуалистическую ассоциацию и был бывшим партнером и импресарио этих двух медиумов. Снять его с этой должности попыталась Блаватская, что ей в конце концов удалось. Самое интересное в этой истории заключалось в том, что Генри Т. Чайлд первым выступил в печати с разоблачением своих подопечных — супружеской пары Дженни и Нелсона Холмсов, как только разразился скандал. Его подняла экономка Холмсов некая Элиза Уайт, публично заявившая, что во время спиритических сеансов она исполняла роль призрака дочери Джона Кинга — Кэти. Поведение Чайлда, отскочившего в сторону и принявшегося почем зря поносить своих прежних подопечных, нельзя назвать джентльментским. Можно представить, в какой страшной панике он находился по поводу того, что из-за этого скандала его карьера медиума навсегда закончится.

На протяжении многих лет Джон Кинг и его дочь Кэти были излюбленными духами почти всех западных медиумов. Олкотт в

«Листах старого дневника» пишет о том, что о Джоне Кинге заговорили еще в 1850 году. Вообще-то образ этого «привидения» со временем даже не раздвоился, а растроился. Как полагал Олкотт, тот Джон Кинг, которого использовали для своих феноменов многие американские медиумы, был обыкновенный элементал, однако достаточно искусный в сотворении чудес. Другое обличье Джона Кинга представлял скитающийся по земле дух знаменитого пирата сэра Генри Моргана. А третьей его ипостасью стал посланник и слуга адептов Луксорского братства, в обязанности которого входило быть всегда на подхвате. К тому же он в какой-то степени выполнял роль карлика-домового из русских народных преданий. Это уже было изобретение самой Блаватской. Какую бы из трех ролей ни исполнял этот персонаж из спиритических спектаклей, все равно он выглядел мелкой сошкой среди «звездных братьев», так сказать, эфемерным существом из нижних чинов. Чаще всего Джон Кинг появлялся на спиритических сеансах в паре со своей дочерью Кэти.

Третья ипостась Джона Кинга упоминается в первом письме Сераписа Бея Олкотту: «Брат „Джон“ приводил трех наших Учителей посмотреть на тебя после сеансов»[300]. Подробное описание Джона Кинга содержится в письмах Блаватской генералу Фрэнсису Липпитту, известному американскому спириту. А Елена Петровна могла своей фантазией до неузнаваемости преобразить что угодно и кого угодно. В данном случае под ее пером Джон Кинг обрел запоминающуюся внешность, которая была вскоре представлена генералу в виде автопортрета, где нарисованный на квадратном куске белого атласа вполне красивый, молодой, бородатый мужчина в тюрбане стоял «на балконе, в Стране вечного лета»[301]. (Джон Кинг якобы недурно рисовал.) Наметила она индивидуальные черты его характера, особенности поведения и присущие ему таланты. Помимо художественных способностей он обладал врачебным даром целителя. По проявлениям своего характера этот «милый эльф», как называла его Блаватская, был простодушным и капризным. Она знала его, по ее собственному признанию, 14 лет и за это время не расставалась с ним[302]. Он отличался вспыльчивостью и разборчивостью в знакомствах, не водил дружбу со скверными духами. Трижды Джон Кинг спасал ей жизнь: в битве при Ментане, во время кораблекрушения, описанного в письме Дондукову-Корсакову, и в последний раз 21 июня 1871 года, когда ее пароход взорвался. (Вспомним, что по предыдущей версии жизнь Блаватской спас Агарди Митрович.) Одновременно с этими положительными качествами в нем было много такого, что не влезало ни в какие ворота. Он крал в доме

Блаватской все что попало, при этом оскорблял хозяйку, заявляя, что она закоренелая лгунья, ссорил ее с порядочными людьми, писал хулиганские письма и записки и рассылал их под ее именем. Он внушал адресатам не весть что. Словом, проделкам Джона Кинга не было конца, но Блаватская не знала, как с ним поступить. Все последние события своей мистической жизни она обрушивала в письмах на голову бедного генерала Фрэнсиса Липпитта.

Конечно, картина с автопортретом Джона Кинга, высланная ему Блаватской из Филадельфии в Нью-Йорк, явилась некоторым перебором. При всей своей увлеченности спиритизмом Липпитт вряд ли был легковерным человеком. В самом деле, попробуйте поверить в то, что почти бесплотный дух в состоянии нарисовать собственный портрет. Вероятно, Блаватская надеялась, что если она обворожила и приучила к своим феноменам полковника Олкотта, то и генерал Липпитт в конце концов также поддастся ей. Я думаю, что генерал воспринял автопортрет Джона Кинга как милый розыгрыш со стороны Блаватской. Тем более что она сохраняла некоторую осторожность, когда просила Липпитта не особенно распространяться по поводу того, что через нее как медиума создавали картину. У нее не было, как она кокетливо писала, «ни малейшего желания прослыть медиумом, ведь в наши дни это звание стало синонимом слова „мошенник“»[303]. Как тут не умилиться черному юмору нашей соотечественницы!

Генерал Липпитт не внял просьбе Блаватской и привлек к картине внимание многих своих знакомых. В связи с этим обстоятельством ей пришлось признаться, что она чуть-чуть приложила руку к созданию полотна, подрисовала кое-какие цветочки и листики, но не более того. В очередном письме генералу Блаватская дала волю своим чувствам:

«*Всякий* волен верить в то, во что ему вздумается. Пусть скептики заявляют, что ее *написала я,* полуспиритуалисты — что в процессе ее создания меня *вдохновлял некий астральный дух,* члены традиционных конфессий — что *к картине приложил руку сам дьявол*, а епископальное духовенство (подобный факт как раз недавно имел место) — что ни одному достойному человеку не пристало читать книгу Олкотта или смотреть на эти „сатанинские картинки“ г-жи Блаватской, поскольку последняя *курит* и богохульствует(!), а Олкотт восхищенно рассуждает о ней на страницах своей Книги»[304].

За несколько недель до скандала с Холмсами Олкотт писал о их демонстрациях достаточно благожелательно. Это еще было бы полбеды, если Олкотт и Блаватская в конце 1874 года, когда страсти уже разгорались по-настоящему, не приняли бы участие в

проверке медиумических способностей Холмсов.

В течение двух недель в Филадельфии, где жили медиумы, они наблюдали сеансы телесного воплощения духов и вынесли вполне положительное заключение о медиумической компетентности обвиняемых. Блаватская пыталась всеми силами восстановить репутацию оскандалившейся пары. Олкотт приехал в Филадельфию 4 января 1875 года и остановился в том же отеле, где уже жила Блаватская. Вокруг нее крутилось много сомнительных личностей, в основном спиритуалистов. Она приводила их в восторг своим умением читать чужие мысли. Телепатия тогда только входила в моду. На следующий день по прибытии Олкотта в узеньком коридоре между гостиной и спальней началось расследование. Сначала проверяли мистера Холмса. Его связали и поместили в мешок, а спустя минут пять по комнатам стал расхаживать дух Джона Кинга.

На следующий день взялись за миссис Холмс. Ее также связали и упрятали в мешок, который опечатали. Все это было сделано при свидетелях. Потом мешок с миссис Холмс засунули в шкаф, при этом Олкотт демонстративно простукал стенки шкафа. После всех этих манипуляций с миссис Холмс вдруг начали раздаваться стуки и зазвучали потусторонние голоса в разных концах помещения. А через какое-то время появилась фигура молодой женщины в белом, дочери Джона Кинга — Кэти, и вскоре исчезла. Саму же миссис Холмс обнаружили в мешке, печати были не вскрыты, но она находилась в состоянии глубокой каталепсии. Таким образом, публичное заявление Элизы Уайт, экономки Холмсов, о том, что она неоднократно выступала на спиритических сеансах Холмсов в роли Кэти Кинг, дочери Джона Кинга, было по мере возможности дезавуировано.

По прошествии нескольких месяцев после расследования Блаватская была вынуждена признать, что «Холмсы, будучи отчасти мошенниками, несомненно являются еще и настоящими медиумами. Если для них и есть некоторое оправдание за то, что они прибегли к такому надувательству, оно заключается в „circonstance attenante“ (в сопутствующем обстоятельстве. — фр.) в виде вечной угрозы голодной смерти, нависающей над большинством медиумов, работающих с публикой. Что же до доктора Чайлда — джентльмена, о котором известно, что он богат, то для него нет оправданий, и этот тип подлежит наказанию плетьми. Его участие в данном мошенничестве, по крайней мере на мой взгляд, хуже воровства, хуже человекоубийства; это отвратительное преступление, преступное святотатство, кощунственное осмеяние и осквернение самых священных и сокровенных чувств, самого драгоценного в душах

всех спиритуалистов»[305].

Вообще-то Блаватская с Олкоттом влипли по самые уши. Они согласились на проведение подобной экспертизы еще и потому, что Холмсы обратились к ним с просьбой подтвердить их медиумические способности через ведущего американского спиритуалиста Роберта Дейла Оуэна. А этому человеку Блаватская отказать не могла ни при каких обстоятельствах.

Роберт Дейл Оуэн был сыном английского социалиста-утописта. Помимо славы отца он обладал безупречной репутацией. Роберт Д. Оуэн избирался в Конгресс США и занимался дипломатической деятельностью. Юная Кэти Кинг произвела на 73-летнего бывшего конгрессмена сильное впечатление. В обмен на локон ее золотистых волос он подарил ей несколько драгоценных камней. Эти камни спустя несколько дней оказались в руках железнодорожного подрядчика У. К. Лесли, доверенного лица юной экономки Холмсов. Именно он обвинил Холмсов в мошенничестве и предъявил камни в качестве доказательства исполнения Элизой Уайт роли Кэти Кинг. И тут начался многомесячный спиритуалистический скандал. На первых порах Роберт Д. Оуэн пытался сохранить свою спиритическую веру. Ведь из-за одного урода в семье нельзя же шельмовать и проклинать всех домочадцев! В конце концов нервы у старика сдали в буквальном смысле, и он попал в психиатрическую лечебницу, где и закончил последние дни.

Блаватская понимала: настоящий политик тот, кто не привязан, как лодка к причалу, к одним и тем же, пусть даже верным ему людям, а также к идеям, за которые он еще вчера всенародно клялся отдать жизнь. Вот почему она написала и опубликовала 30 января 1875 года в бостонской газете «Бэннер оф Лайт» («Знамя Света») статью «Фиаско в Филадельфии — или кто есть кто?» — окончательный ответ своим многочисленным недругам. В этой статье она назвала вещи своими именами, сняла маски честных медиумов с супругов Холмс, особенно сурово обошлась с Генри Т. Чайлдом. Она понимала, что время спиритов уходит. Казалось, все безработные Америки объявили себя медиумами. Уже ее старый знакомец и учитель Юм, который ее не выносил на дух (она также не оставалась в долгу и называла его «отъявленным мерзавцем»), «не довольствуется ядовитыми плевками в каждого, кто, по слухам, производит феномены», но «атакует всех медиумов мира»[306].

Ситуация с медиумами в США в самом деле складывалась невообразимая. В письме профессору Хайраму Корсону от 12 марта 1876 года Блаватская писала: «Медиумы в пылу критики рвут друг друга на куски, словно дикие звери. Юм пишет книгу, в

которой разоблачает всех медиумов Америки; он ищет и собирает сейчас все брошюры о „разоблачении медиумов“. <…> Холмсы стали еще более великими медиумами, чем когда-либо, и процветают в Филадельфии, видоизменяя свои почерки и подделываясь под покойных бабушек и ангельски невинных жен или дядюшек-военных, а спиритуалисты все это благополучно проглатывают! Д-р Чайлд возобновил публичную продажу своей книги о Джоне Кинге и Кэти Кинг, а у Олкотта скопилось уже 19 писем, написанных духами и адресованных ему лично и г-ну Гарднеру, в которых содержатся угрозы прикончить его и Гарднера, если он осмелится прочитать в Бостоне лекцию против элементалов. Однако он прочел уже целых две лекции и пока еще жив!»[307]

Это письмо было написано Блаватской, когда уже существовало Теософическое общество, которое насчитывало, как она с гордостью писала тому же адресату, 79 членов. Причем «все они — люди образованные и почти все — скептики, горящие желанием убедиться в великой истине бессмертия, жаждующие взаимной духовной работы по отделению Божественных зерен от плевел, стремящиеся сами убедиться и доказать окружающим, что существует мир развоплощенных духов, состоящий из освобожденных душ, которые трудятся во имя совершенствования и очищения, дабы подняться еще выше и приблизиться к Великому Божественному Источнику — Богу, Великому Принципу, чистому и незримому»[308].

На американском трудовом рынке был переизбыток медиумов. Чтобы не остаться без работы, следовало овладеть новой профессией. Блаватская, как всегда, с энтузиазмом взялась за создание оккультного общества, хотя почти целый год вдохновенно боролась за лидерство в спиритуалистическом движении. Именно оно вынесло ее на поверхность американской общественной жизни. Она предложила своим коллегам и публике новые концепции, объясняющие нашествие духов на США. Если вдуматься в ее объяснения, то выходит, что причиной такого обвального роста призраков явилось не страстное желание выживших из ума родственников видеть своих близких в фантомных телесных оболочках, а повсеместная бездуховность американских граждан. Ведь элементалов, а именно они составляли бесчисленное воинство не сумевших развоплотиться духов, неудержимо тянет туда, где высокий дух отсутствует вовсе. Блаватская ненавидела сытую, ханжескую, растительную жизнь. И не важно, где она с этой жизнью сталкивалась — в России, Европе, Америке или Индии. При этом она не собиралась умирать от голода. Кто бы тогда нес свет заблудшим душам?

Много времени провела Блаватская с американскими спиритуалистами, практиками и теоретиками. Некоторым из них она подыгрывала. Например, «цветочному медиуму» Мэри Бейкер Тэйер из Бостона, по воле которой на головы зрителей лился дождь из цветов и листьев. С большинством же из них, как с доктором Чайлдом, раз и навсегда расплевалась. Никто из них, даже Эндрю Джексон Дэвис, не смог удовлетворить ее потребность в познании таинственных законов природы, поддержать и укрепить ее интеллектуальные силы, в чем она так сильно нуждалась. Все они занимались всяческой псевдонаучной чушью и иллюзионистскими постановками, толкали ее на сомнительные демонстрации чего угодно, только бы не услышать от нее настоящую правду о том, зачем существует человек, что с ним происходило в прошлом и что его ожидает в будущем. В конце концов Блаватская распрощалась с генералом Липпиттом, профессором Корсоном, мадам Магнон, Эндрю Джексоном Дэвисом и многими другими, без малейшего желания встретиться с ними снова. Ее ждал мир индуизма и буддизма.

Глава шестая. ВЕЛИКАЯ РЕСПУБЛИКА СОВЕСТИ

Круг поклонников Блаватской стремительно таял. Большая часть их состояла из людей, которые были зрителями спиритического спектакля на ферме братьев Эдди и там же познакомились с его автором. Эти заинтересованные увиденными чудесами граждане не были обычными обывателями, они относились к научной и культурной элите американского общества. Можно только восхититься тем, как остроумная и находчивая Блаватская, которая за словом в карман не лезла, заставила почти всех этих почтенных и искушенных в спиритизме дам и господ поверить в реальность происходящего. Эффект нерукотворного чуда был достигнут. Теперь следовало объединить вокруг себя желающих понять природу подобных феноменов, тех, кто пытался овладеть хотя бы азами оккультной премудрости.

Трудно понять и определить, что заставляло Олкотта долгое время подпадать под полную власть Блаватской. Вероятнее всего, его покорили непредсказуемость ее поведения, возбуждающего всеобщее любопытство, та оригинальность в мыслях и действиях, основу которой, я думаю, составляло глубочайшее презрение к глупым и безвольным людям.

Эта своеобразная мизантропия, с годами крепнущая, явилась следствием обманутого доброжелательства, а также врожденного простодушия и горячности ее натуры — она исполняла свою роль

духовной наставницы с детской непосредственностью, прямолинейностью и чопорной важностью, словно люди, которых она взяла в оборот, обучала и передвигала в пространстве, были неживыми послушными куклами. Она наслаждалась игрой сними, употребляя весь запас красноречия и недюжинного ума на то, чтобы заставить этих людей свернуть с исхоженной, надежной дороги, которая была огорожена к тому же с двух сторон колючей проволокой запретов. Она собиралась перевести их со временем на новую стезю, пролегающую среди болотных топей непонятного, на тот тернистый, но благословенный путь истины, которого страшится и столетиями избегает легковерный и жестокий мир. Она внушила Олкотту, что большинство людей пока еще не готовы к пониманию оккультных наук.

Блаватская подавляла в Олкотте любые проявления самостоятельности. Первый раз благодаря ему она устроилась в жизни с некоторым комфортом и не допускала мысли, чтобы ее положение изменилось. Она была строга и справедлива с новым другом. Как любящая мать, брала на себя всю ответственность за его дальнейшую судьбу: «…только я отвечаю за последствия и результаты, к которым приводят приказы моего Вождя»[309]. Иногда, чрезвычайно редко, Олкотт огорчал ее непослушанием, претендуя на прямую связь с Учителями. Он требовал от нее поначалу дословной и точной передачи ему посланий хранителей древней мудрости и знания. Она тут же ставила его на место. Никаких инициатив с его стороны не требовалось, когда она одна сочиняла, ставила и по ходу дела правила пьесу. В случае неповиновения она стращала его духом-повелителем Джоном Кингом: «Не задирайте свой нос слишком высоко и не суйте его в запретные тайны Золотых Ворот без чьего-либо присмотра; ведь не всегда рядом в нужный момент может оказаться Джон, чтобы схватить вас за шиворот и благополучно вернуть обратно на землю»[310].

Чувство иронии спасало ее в самых двусмысленных ситуациях. С его помощью она сохраняла душевное равновесие. «Я опять схожу с ума и пишу вам на непонятном для вас языке. Перевожу дословно», — ехидничала она в одной из записок Олкотту[311]. Для нее было постоянным утешением обнаружить, что приструненный Олкотт верит каждому ее слову. Она была убеждена, что ему не придет в голову брать под сомнение подлинность посланий Учителей. Тем более что Елена Петровна всегда с необыкновенной точностью указывала, от кого, когда и зачем эти послания поступали.

На первых порах поучения от Учителей исходили из египетского Луксора. По поводу одной из этих эпистол она с

необыкновенной пунктуальностью сообщала Олкотту: «Послание было передано из Луксора вскоре после полуночи, в ночь с понедельника на вторник. Переписано оно было в Эллоре, на рассвете, одним из секретарей или неофитов, причем очень плохим почерком»[312].

Олкотт был слишком озабочен увиденными чудесами и не имел времени заниматься проверкой того, о чем ему докладывала Блаватская. Он также принял к исполнению приказ Учителя Мории немедленно основать тайное общество, наподобие ложи Розенкрейцеров.

В США постоянным «контактером» Блаватской с Луксорским братством был Учитель Серапис Бей. Его прототипом в жизни, как считает Пол Джонсон, наверняка являлся копт Паулос Ментамон[313]. По крайней мере, за подписью Сераписа Бея рассылались увещевательные и рекомендательные письма, в которых содержались критика спиритической практики, а также советы, как и с кем налаживать связи. В числе основных адресатов Учителя был Олкотт. Серапис Бей представлялся главой Египетской группы Всемирного мистического братства, с ним был также связан еще один адепт — Тьюитит Бей; его обличье, как можно с уверенностью предположить, принял Луи Бимштайн.

Сераписа Бея Елена Петровна называла Вождем и неукоснительно исполняла его приказы. Благодаря их доверительным отношениям она обладала, в отличие от большинства смертных, оккультным знанием того, где и когда произойдут те или иные события. По крайней мере, она смогла убедить в своем особом даре ясновидения Олкотта, которого в одном из своих писем назвала упрямым и своевольным ребенком. Послания от Сераписа Бея и Тьюитита Бея, как правило, поступали непосредственно из Луксора, города в Египте, расположенного в среднем течении реки Нил. На западной окраине этого города, сохранившейся части древних Фив, находится величественный древнеегипетский храм с большим количеством колонн, со статуями-колоссами и аллеей сфинксов. Эти послания переписывались с непонятного для непосвященных языка санзар на английский язык, переписчиками были неофиты Египетского братства в Эллоре — местечке на северо-западе Индии, известном древними, обильно украшенными скульптурой индусскими, джайнскими и буддийскими храмами в пещерах.

Блаватская своими видениями и осознанием своего «двойничества», то есть существованием в ее теле, как она уверяла тетю Надежду Андреевну Фадееву, какой-то посторонней личности, принадлежащей к другой расе и обладающей другими

чувствами, могла потрясти кого угодно. Б. З. Фаликов по этому поводу пишет: «Сегодняшняя психиатрия, видимо, без труда распознает в видениях Блаватской „синдром расщепления личности“, а в видениях ее друзей и врагов что-нибудь вроде коллективного гипноза. Но для историка религии важно не это, а интерпретация самой Блаватской своего странного опыта. Потому-то в ходе этой интерпретации и возник миф, который лег в основу теософии. Очевидно, Елена Петровна творила его под влиянием одной из ключевых мифологем западной оккультной традиции, с которой она познакомилась довольно рано из масонских книг Павла Долгорукого: группа тайных наставников руководит духовным становлением человечества. Причем проецировала она эту мифологему не только на собственный необычный опыт, но и на живых персонажей, о которых пишет Пол Джонсон, то есть и видения, и реальных людей она рассматривала в свете своей мечты о тайных наставниках человечества. Таковыми они и становились, но только не для всего человечества, а для его избранной части в лице Е.П.Б. и ее последователей. В этом, по-моему, разгадка „восточных адептов“, которые по мере ориентализации теософского мифа превратились в „тибетских махатм“»[314].

Без Блаватской любознательность Олкотта в оккультных вопросах была бы удовлетворена не в полной мере. С назидательным пафосом школьной учительницы она годами разъясняла ему, в чем собственно заключается работа оккультной мысли. Из чувства самосохранения Елена Петровна, естественно, не собиралась раскрывать ему всё до конца. Многое из того, что она знала и умела, было вынесено ею из жизни, получено ценой неимоверных страданий. Но даже то малое, о чем она сообщала и что демонстрировала, воспринималось Олкоттом с наивной доверчивостью ребенка, с широко открытыми глазами и дрожанием коленок. Олкотт, погружаясь в лицезрение истины, забывал об одном важном условии: чтобы принять какую-либо истину, необходимо прежде всего понять ее содержание и смысл, в ином случае это будет очередной фетиш.

Олкотту было подчас трудно уложить рядом бесчисленные месмерические эффекты, явления Учителей и их письма, многочисленные фантомы, тяжелый и деспотический характер Блаватской. Иногда ему казалось, что это разнородные, не имеющие между собой никаких точек соприкосновения предметы и понятия.

Олкотт жил с Блаватской в мире и согласии до тех пор, пока не истощилась вера в ее авторитет, а до этого он безоговорочно

принимал все ее диковинные теории и объяснения об оккультном, загадочном мире не потому, что видел в них древнюю традицию, а потому, что наслаждался поразительными картинами, творцом которых она была. В этих картинах полностью отсутствовала закоснелость обыденных представлений о жизни.

К тому же он верил не в красоту ее доказательств, а в силу ее магнетических синих глаз. Напрочь лишенный чувства иронии, он склонялся к мысли, что женщины, особенно гениальные, всегда и во всем правы.

Чего было не отнять у Олкотта — его верности избранному пути, который заключался в постижении им индусской и буддийской мудрости. После смерти Блаватской он с 1894 года большей частью жил в Индии, в Адьяре, в доме Теософического общества, там и умер в 1907 году.

Нет никакого сомнения, что Олкотт с помощью Блаватской семимильными шагами шел к познанию оккультных сил природы.

Положение «неофита», которое Блаватская предлагала Генри С. Олкотту, ограничивало его свободу, связывало по рукам и ногам. Таинственные и ужасные заклинания, содержащиеся в ее письмах к нему, должны были поднять в его глазах ее авторитет посвященного мага. Она приучала его к мысли, что переписка с адептами братства вовсе не детская забава, а серьезное и опасное дело. Более серьезное и опасное, чем вступление в масонскую ложу. Не всем из смертных, внушала она Олкотту, дано увидеть воочию Учителей, этих вестников добра, личному знакомству с ними предшествует семилетнее предварительное испытание.

Блаватская играла свои многочисленные роли профессионально. Никогда не отступала от главного правила — любым путем достичь поставленной цели. В данном случае она хотела создать оккультное общество. Вот почему перед тем, как зарегистрировать новую организацию, она размежевалась с прежними единомышленниками. Прием весьма характерный для радикально мыслящих деятелей. Елена Петровна одно время превозносила до небес молодого издателя и эссеиста Элбриджа Джерри Брауна, редактора существовавшего в Бостоне спиритуалистического журнала «Спиричуал сайнтист». Журнал дышал на ладан, но она вместе с Олкоттом вернула его на время к жизни, вложив в издание тысячу долларов и уговорив тогдашних интеллектуальных друзей побольше писать для этого издания. Блаватская пропагандировала небольшой независимый «Спиричуал сайнтист» с таким жаром и живым участием к его судьбе, что знаменитый антрополог Дж. Р. Бьюкенен, самый

любимый ею спиритический писатель Эпес Сарджент и не менее ценимый библиофил Чарлз Содеран, а также именитые ученые Дж. Л. Дитсон и Хайрам Корсон не смогли ей отказать и стали его постоянными авторами. Она не поленилась написать очередное письмо Александру Аксакову, настойчиво предлагая ему отсылать свои новые работы Брауну. Но настоящей ее победой было уговорить сотрудничать с журналом величайшего астронома и астролога Камиля Фламмариона. Несмотря на такую мощную поддержку со стороны Блаватской, Браун твердо стоял на своем и молол всякую чушь о природе духов. Вот почему вскоре она посчитала этого человека своим смертельным врагом. Он не вписывался в ее новые воззрения, как и с помощью кого постигается тайное оккультное знание.

Некоторое время Блаватская использовала страницы журнала для ознакомления американцев со своими взглядами на оккультизм. Она проинформировала их, в частности, о бывшем проездом в Бостоне греческом адепте Илларионе, как она уверяла, спасшем ее еще в Каире от козней католических монахов, а также о появлении там же (правда, в астральном виде) ее Учителя М. Но самой серьезной концептуальной публикацией Блаватской стал ее ответ пятерым бостонским школярам, выступившим в июльском номере журнала за 1875 год со статьей о розенкрейцерстве. Статья была подписана псевдонимом Хайраф, который сложился из первых букв фамилий авторов — Хинрикс, Айвинс, Робинсон, Адамс и Фейлс. Блаватская назвала свой журнальный опус «Несколько вопросов к Хайрафу». Она охарактеризовала этот материал как свой «первый оккультный выстрел».

В самом деле, это была ее первая открытая публикация (ее письма Олкотту от имени Сераписа Бея в счет не идут), в которой она говорила о тайной оккультной традиции, по цепочке веками передававшейся адептами некоего братства немногим людям, которые прошли через определенные испытания и проверки и были посвящены. С точки зрения Блаватской, «религия и наука, законы и обычаи состоят в близком родстве с оккультизмом, но неумолимое время стерло эти родственные черты». Именно посвященные в тайны древних мистерий, проповедовала она, «решили проблему Смерти, сняли покров с древнеегипетской богини Изиды». В Блаватской существовал сильно развитый дар логически мыслить с помощью силлогизмов. Поэтому-то ей не составило особого труда продемонстрировать молодежи свое интеллектуально-мистическое превосходство. Для нас же важно одно: образ богини Изиды стал для Блаватской обобщающим и как магнит притянул к себе массу разновременного материала,

так или иначе связанного с оккультизмом[315].

Из многочисленных знакомых Елена Петровна отбирала людей наиболее заинтересованных в постижении оккультной премудрости.

Неказистый с виду, но крепкий умом 24-летний адвокат, ирландец Уильям Казн Джадж стал ее второй опорой вслед за Генри С. Олкоттом.

Джадж, как и она, знал, что такое жизнь, полная лишений. Он родился в Ирландии в 1851 году — в год ее встречи в Лондоне с Учителем Морией. В семилетнем возрасте он чуть было не умер, находился в состоянии каталепсии, однако стараниями близких был приведен в чувство, вернулся к жизни. Мальчик рос странным, не от мира сего, с раннего детства пристрастился к мистическим, религиозным книгам. Особенно его интересовала магия.

Во время родов седьмого ребенка умерла мать Уильяма. Семья после смерти матери эмигрировала в Соединенные Штаты Америки и поселилась в Бруклине. Отец Уильяма с трудом кормил семью. Мальчик с четырнадцати лет работал в адвокатской конторе и помогал отцу деньгами. В конце концов Джадж получил право адвокатской практики. К моменту знакомства с Блаватской он занимал должность прокурора округа, был женат и имел малолетнюю дочь. Он основательно помог Блаватской и Олкотту в создании и регистрации Теософического общества. Без помощи юриста невозможно было создать что-либо устойчивое и серьезное и в то приснопамятное время.

Перед регистрацией Теософического общества было, как я уже отмечал, две неудачные попытки создать оккультную организацию: это филиал таинственного Луксорского братства, из которого Олкотт получал многочисленные письма-инструкции, и «Клуб чудес», своеобразная лаборатория по исследованию спиритизма.

7 сентября 1875 года в квартире на Ирвинг-плейс, 46 после лекции инженера и архитектора Джорджа Генри Фелта об утраченном каноне пропорций египтян, греков и римлян словно бы спонтанно было объявлено о необходимости учредить оккультное общество. Инициатива формально исходила от Олкотта. Именно он передал Блаватской через Уильяма Казна Джаджа записку о целесообразности образовать общество для углубленного исследования проблем, сходных с рассматриваемыми Фелтом и связанных с утраченными тайными знаниями древних. Олкотт только озвучил то, что Блаватская задумала давно и даже совместно с Ментамоном и Бимштайном

неудачно пыталась осуществить в Каире. В альбоме Блаватской для вклеек газетных и иных публикаций, а также для фиксаций важных сообщений появилась записка: «М. дает указание основать Общество — тайное Общество, подобное ложе Розенкрейцеров. Он обещает помочь»[316]. Пришло время исправлять допущенные ошибки. Олкотт по предложению Джаджа был выдвинут в председатели нового общества, а Олкотт, в свою очередь, предложил сделать Джаджа секретарем. Блаватская по задуманному плану оставалась в тени, ей был предложен статус корреспондента-секретаря.

По различным документам и воспоминаниям возможно точно восстановить список гостей, присутствовавших на этом историческом вечере в гостиной Блаватской. Помимо докладчика, а также Блаватской, Олкотта и Джаджа там находилась Эмма Хардинг Бриттен с супругом, приятельница и соперница Блаватской. Она считалась популярным нью-йоркским медиумом. Ее перу принадлежала книга «Искусство магии», в предисловии к которой она утверждала, что на самом деле является не автором этой книги, а лишь стенографисткой. Госпожа Бриттен внушала всем и каждому, что лишь записывала «слова некоего „Шевалье Луиса“ — адепта, или духовного существа, похожего на Учителей Блаватской. Цель Шевалье состояла в том, чтобы вступить в контакт с теми немногими людьми, кто способен понять его послание. Его исключительность подчеркивалась заявлением Бриттен, что она намерена ограничить распространение этой книги избранным кругом серьезных исследователей. <…> „Искусство магии“ было якобы порождением „астрального света“ — понятия, по-видимому, изобретенного Элифасом Леви и в среде спиритуалистов обозначавшего источник их силы и знаний»[317].

Публика, собравшаяся в тот приснопамятный осенний вечер на квартире Блаватской, надо сказать, была довольно-таки разношерстная. Чего стоит, например, присутствие там преподобного Дж. Э. Уигджина, судьи, который к тому же был редактором нью-йоркской газеты «Либеральный христианин», гостя из Англии — адвоката, литератора и метафизика, ирландца по национальности Чарлза К. Мэсси, большого любителя спиритических сеансов и месмерических эффектов. Зашел на огонек к Блаватской и Олкотту известный еврейский врач Сэт Пэнкост, каббалист и путешественник. Был там и другой, менее известный врач К. Э. Симмонс. Находились также среди этих достойных людей постоянный автор передовиц в «Нью-Йорк таймс» Уильям Л. Алден и адвокат, доктор права и бывший редактор журнала неортодоксальных евреев «Нью эра мэгэзин»

Джон Сторер Кобб. Нельзя не упомянуть среди будущих отцов-основателей Теософического общества президента Нью-Йоркского общества спиритуалистов Генри Дж. Ньютона, в то время фабриканта не удел, синьора Бручеци — бывшего секретаря итальянского революционера, публициста и критика Джузеппе Мадзини, репортера из «Санди меркьюри» Герберта Д. Моначези, хорошо образованного старого джентльмена из португальских евреев Д. Е. де Лара и знакомого Олкотта по масонской ложе члена розенкрейцеров Чарлза Содерана, писателя, эрудита, правдолюбца и библиофила. Всего Олкотт насчитал 17 человек, включая себя и Блаватскую, и забыл о присутствующих там же хозяевах квартиры.

После этой встречи «инициативная группа» собиралась несколько раз, обсуждая цели и задачи новой организации. Первая проблема возникла с названием общества, Не знали, как его именовать, то ли египтологическим, то ли герметическим, то ли розенкрейцеровским. В конце концов сошлись на слове «теософический». Название общества принадлежит Чарлзу Содерану. На слово «теософия» («богомудрие») он наткнулся в одном из словарей. И оно всем без исключения собравшимся понравилось[318]. Блаватская некоторое время на бумагах, имеющих отношение к созданию Теософического общества, ставила печать Луксорского братства.

Формальная сторона учреждения Теософического общества была соблюдена, когда в середине октября 1875 года состоялось его первое официальное собрание. До этого дня предложения по уставу, программе и составу руководящих органов общества, высказанные в квартире, которую снимала Блаватская, были более детально разработаны, поддержаны и утверждены упомянутыми выше лицами в течение двух встреч 7 и 13 сентября. В конечном итоге его президентом стал Генри Стил Олкотт, вице-президентами — доктор Сэт Пэнкост и Джордж Генри Фелт, секретарем-корреспондентом — Блаватская, секретарем по протоколу — Джон Сторер Кобб, казначеем — Генри Дж. Ньютон, библиотекарем — Чарлз Содеран, членами совета — преподобный Уигджин и преподобный Р. Б. Уестбрук, бывший когда-то профессором филологии в Британском университете, Эмма Г. Бриттен, доктор медицины Симмонс, Герберт Д. Моначези, а Уильям Каэн Джадж — юридическим советником[319].

Торжественная церемония, связанная с основанием Теософического общества, состоялась 17 ноября 1875 года в Нью-Йорке, в помещении «Мотт мемориал холл», который располагался на Медисон авеню, неподалеку от нового

многоквартирного дома, в котором когда-то было женское общежитие работниц и где какое-то время, как, надеюсь, помнит читатель, жила Блаватская. На первом многолюдном собрании Теософического общества вступительную речь о его уставе и программе произнес Генри Стил Олкотт. Тогда же было оглашено обращение от имени руководства Теософического общества к собравшимся. Этот день считается днем рождения теософского движения в мире[320]. Вскоре были опубликованы Преамбула к основному документу, программа, некоторые положения устава и вступительная речь Олкотта. В Преамбуле, в частности, говорилось:

«Ввиду существующего положения вещей необходимо заметить, что Теософическое общество организовано в интересах религий, науки и нравственности; оно должно им способствовать в соответствии с их нуждами. Встречая препятствия при попытках получить необходимые знания в других частях света, основатели общества обратили свои взоры на Восток, откуда произошли все религиозные и философские системы»[321].

Теософическое общество задалось собственно тремя основными целями. Первой и наиглавнейшей было основание Всемирного братства, без различия вер, рас, происхождения. Члены общества обязывались постоянно стремиться к нравственному самоусовершенствованию, к посильной помощи своим ближним, помощи духовной, а при возможности, и материальной. Вторая цель заключалась в содействии в распространении арийских и других восточных языков, наук и знаний. Третьей своей целью общество ставило проводить изыскания в области сокровенных законов природы и психических сил человека.

Итак, общество было создано, но те, кто его создавал и был избран в руководящие органы, даже не догадывались, что их роль в деятельности новой организации будет сведена к нулю. Вероятно, их ввел в заблуждение тот скромный пост, который заняла Блаватская. Это заблуждение длилось очень недолго. Через несколько дней она все расставила по своим местам. И все члены руководства Теософического общества моментально осознали, что начальник не тот, кто всенародно избран, а тот, у кого в руках действительная власть. Обычно власть опирается на деньги. С финансами у Блаватской были постоянные проблемы, а в последующие месяцы после ноября 1875 года ситуация к лучшему не изменилась. Говорят, что деньги — это чеканенная свобода. Елена Петровна не понаслышке знала, что деньги с неба не падают, их чеканит или печатает власть. С государственной властью у нее отношения не складывались ни в России, ни за ее

пределами, потому-то она уповала исключительно на власть духовную, на власть тех, кого она называла своими Учителями, вестниками, иерархами света, звездными братьями. Она объявила себя их посланницей, только через нее они могли общаться со всеми остальными смертными. А если говорить откровенно — она полагалась на самое себя, на свою способность впитывать в себя огромный объем информации из множества прочитанных книг и статей на разнообразные темы. Особенно из востоковедческой литературы — из трудов Ф. Макса Мюллера, У. Моньер-Уильямса, И. П. Минаева, Г. Ольденбурга, Э. Сенара, выдающихся ученых, которые открыли и перевели на европейские языки шедевры санскритской и палийской литературы, привнесли в сознание западных людей основные понятия и категории индуизма и буддизма. Были также достигнуты значительные успехи в изучении Древнего Египта, иудейской и вавилонской культур[322].

Блаватская использовала свои незаурядные способности театрализовать обыденность и внушала людям мысль о величии древних культур Востока. И об этом она говорила во весь голос в то время, когда повсеместно в общественном сознании утверждалось чувство европейского превосходства. Блаватская была одной из первых, кто ощутил ветер перемен, кто понял, что приходит время новых духовных авторитетов и возвращения старых мифов, однако основательно измененных, приспособленных к новым реальностям человеческого существования. При открытости государства внешнему миру и его демократичности, которая в первую очередь проявляется в свободе совести и слова, духовные авторитеты могут быть и со стороны. Особенно в условиях, когда ксенофобия не поощряется, а всячески осуждается общественным мнением. Соединенные Штаты Америки были самым свободным государством в мире. Местом, где все новое, неожиданное встречалось с неподдельным интересом и всячески приветствовалось. Потому неудивительно, что мифологема Блаватской о восточных магах, тайных наставниках человечества, была с восторгом воспринята сначала ее окружением, а затем все большим и большим количеством любознательных людей. Утерянную большинством человечества самоидентичность следовало искать на Востоке, среди неприступных Гималайских гор. Еще летом 1875 года Блаватская записала в своем альбоме: «Из Индии получен приказ основать философско-религиозное общество и выбрать для него название, а также сразу избрать Олкотта его членом. Июль, 1875 г.»[323].

Это было уже второе уведомление ее Учителей о создании оккультной организации.

Стиль поведения и характер общения с людьми, которые

избрала Блаватская, скорее приемлем для режиссера, но за пределами сцены воспринимается как насилие над человеческой личностью, ее зомбирование. Масштабное подавление чужой воли с помощью всеобъемлющей идеологии, не имеющей никакого отношения к реальной жизни и персонифицированной в мудрых учителях, в тайных наставниках человечества, впервые было осуществлено Блаватской в рамках теософского движения. По всей вероятности, она заигралась в своем миссионерском раже. Сказалась, по-видимому, ее азартная натура. Иначе не объяснишь того, почему она с такой настойчивой требовательностью, чуть ли не насильно заставляла многих людей, в большинстве своем христиан по вероисповеданию, принять основные понятия индуизма и тибетского буддизма — двух религиозных систем, которые отличаются веротерпимостью и идеологической аморфностью. Для нее же всеобъемлющая власть иллюзии, майи, парадоксальным образом сочеталась с непомерной жаждой ничем не ограниченной власти над своими последователями. Но все это касалось рядовых участников теософского движения. Именно эти люди в приготовленном Блаватской загоне ожидали того момента, когда с помощью древней мудрости мир и они сами изменятся к лучшему. Само же новое духовное движение представлялось ей вершиной демократии: «Наше Теософическое Общество — это Великая Республика Совести, а не прибыльное предприятие»[324]. Вторую часть лозунга она приберегла для тех, кто собирался поживиться на ее детище. Своих коллег-медиумов она ох как хорошо знала и пыталась от них не отставать.

Вместе с тем у Блаватской, кроме психологического воздействия, не было других, более эффективных государственных и социально-политических рычагов для поддержания среди миллионных людских масс своего авторитета, перерастающего в культ личности. Славу богу, Блаватская не собиралась получать государственную власть. Да это было бы невозможно. При ее жизни в теософском движении отсутствовала крупная историческая идея, цементирующая действия большого числа людей. После ухода Блаватской из жизни такая идея появилась, но на дворе стоял уже век двадцатый. Это была идея национального освобождения, осуществляемая в процессе всенародной борьбы за независимое существование Индии и других стран Южной Азии. В стремительном обновлении мира теософия и тогда играла вспомогательную, далеко не главную роль. Однако культ махатм был одной из главных провидческих догадок Блаватской. И тут Елена Петровна Блаватская опять не сплоховала. Духовное и политическое освобождение Индии возглавил и довел до победного конца не кто-нибудь, а махатма

Ганди.

Глава седьмая. «ИЗИДА БЕЗ ПОКРОВА»

Одно печальное событие в течение дня сделало Теософическое общество широко известным. Нью-йоркская газета «Уорд» сообщила о кремации престарелого барона Йозефа Генри Луи Пальма, члена совета общества. Эту статью вскоре перепечатали сотни газет во многих странах мира. Реклама Теософическому обществу была неожиданной, но очень своевременной. В США кремацию трупов не производили, хотя в газетах с разных точек зрения обсуждали возможность такого ухода в потусторонний мир. Было даже в апреле 1874 года в Нью-Йорке основано Общество кремации. Говорили об этой форме похорон много, но никто не решался сделать первый шаг. К тому же в то время крематориев в США не было, а разводить погребальный костер, как в Индии, казалось вызывающе бестактным.

Барон Йозеф Генри Луи Пальм относился к обнищавшим и сильно потрепанным жизнью европейским аристократам. Он родился в Баварии, в Аугсбурге. Уже в преклонных годах эмигрировал в Новый Свет. Таких несчастных неудачников немало слонялось по Америке. Как он прибился к Блаватской и Олкотту — трудно сказать. В марте 1876 года старого барона избрали в совет Теософического общества вместо ушедшего в отставку его преподобия Уигджина. Когда он поселился у них в доме, это был уже смертельно больной человек, требующий за собой постоянного ухода. Он плел основателям Теософического общества всякие небылицы о якобы ему принадлежащих замках и землях в Европе и даже составил в пользу Олкотта завещание. В нем он передавал ему все, о чем рассказывал. Нет необходимости упоминать, что обнищание барона зашло так далеко, что после его смерти не осталось денег даже на кремацию. Две рубашки, обнаруженные в его сундуке, при внимательном рассмотрении оказались старыми рубашками Олкотта со споротыми инициалами.

После долгих препирательств с властями тело барона Пальма было наконец кремировано. Олкотт из собственных средств оплатил постройку необходимой для кремации печи, снял большой, на две тысячи человек зал для прощальной церемонии. В своей траурной речи он воздал должное покойному и ознакомил присутствующих с целями и задачами Теософического общества. Сам процесс кремации не занял много времени. Тело барона было набальзамировано и мгновенно сгорело. Пресса тут же назвала проводы барона в иной мир языческими похоронами.

За два дня перед тем, как развеять прах над морем, из Англии приехал индус, который совершил по этому случаю «пуджу» — индусское богослужение. Как писала в одном из писем своей подруге Блаватская, этот индус собрал совет общества, спланировал церемонию и провел ее[325]. Дело кремации барона было завершено. В Теософическое общество за несколько дней вступило несколько человек. О его существовании узнало множество людей как в самих США, так и за границей.

И все-таки это был обманчивый успех. В действительности же Теософическое общество, с таким трудом созданное Блаватской, разваливалось на глазах. Она не только не преуспела в вербовке новых, но и с каждым прошедшим днем теряла старых членов. Еще чуть-чуть — и она могла остаться с Олкоттом в гордом одиночестве. Необходимо было что-то предпринять, иначе медиумы-спириты взяли бы реванш. Ведь самые сообразительные из них уже объявили о своих непосредственных контактах с тайными силами, перед которыми пасовали обычные духи. В США складывалась совершенно иная экономическая и духовная ситуация, чем прежде. Преодолевая последствия кризиса, богатели одни и беднели другие. Жизнь продолжалась. Те, у кого были деньги, хотели считаться элитой американского общества. С такими людьми работали многие «харизматические» фигуры. У каждого из конкурентов Блаватской была своя делянка, на которой выращивался урожай — за небольшую мзду вахлаков превращали в одухотворенных джентльменов. Но все это были не те масштабы, не тот уровень промывки мозгов, какой требовался от настоящих мастеров оккультных дел.

Тайны, хранителями которых были Учителя, следовало немедленно обнародовать для широкой публики. Приобщившийся к таким тайнам человек с полным основанием мог считать себя солью земли. Эта азбучная истина почему-то не приходила в голову бывшим ее коллегам по спиритуализму. Открытие для широких масс эзотерического наследства древних тут же привело бы к настоятельной необходимости комментировать и постоянно разъяснять скрытый смысл оккультных идей и практик. Блаватская готова была стать посредником между Учителями и простыми смертными. Она к этому времени знала людей настолько хорошо, что считала большинство из них вуайеристами. Она просто переключала в оккультную сферу их желание тайно подсматривать запретное. Как уже понял читатель, эротизм и мистика — два выражения одного и того же экстатического состояния. Даже в том случае, когда эта сексуально-оккультная страсть задрапирована в священное рубище аскета.

Блаватской не следовало тянуть время. «Нет религии выше Истины!» — вот что объявила она догматом своей веры. Однако только одной этой декларацией обойтись было невозможно. Теперь требовалось новое священное писание. За эту сложнейшую работу спешно и с необыкновенным рвением взялась русская теософка. Блаватская работала над рукописью в течение двух лет. Уже за первые несколько месяцев ею было написано более девятисот страниц. Она убедила Олкотта, что эту книгу ей надиктовывают Учителя. Более того, Блаватская настаивала, что лучшие страницы возникали как бы сами собой во время ее сна. Книга была написана Блаватской на английском языке.

Труд, который за короткий срок создала Блаватская, был огромным по объему — в русском переводе напечатанная убористым шрифтом книга состоит из двух томов и занимает более 1500 страниц. Общее ее название в русской переводческой традиции «Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии». Первый том называется «„Непогрешимость“ современной науки». Второй том — «„Непогрешимость“ религии». Я убежден, что английское слово unveiled в контексте того содержания, которое присутствует в труде Блаватской, точнее переводится на русский язык не как «разоблаченная», а как «без покрова». Русская теософка вовсе не разоблачала древнеегипетскую богиню в каких-то сомнительных деяниях, а напротив, демонстрировала западному миру ее духовную красоту. Так сказать, отдернула завесу, за которой Изида до этого находилась. Поэтому русское заглавие «Изида без покрова» как нельзя лучше соответствует смыслу всего произведения Блаватской. Это была дерзкая попытка сочетать восточный мистицизм с западным оккультизмом.

Лучший перевод «Изиды без покрова» на русский язык был сделан замечательным писателем Альфредом Петровичем Хейдоком, сподвижником Николая Константиновича Рериха и его жены Елены Ивановны. Перевести на русский язык «Изиду без покрова» стало делом всей жизни Альфреда Петровича. За интерес к «сомнительной» теософии он был осужден на 20 лет лагерей. Просидел он «от звонка до звонка» и умер уже за 90 лет на Алтае, в городе Змеиногорске. Русский перевод «Изиды без покрова» долгое время ходил в самиздате и, наконец, был напечатан в 1993 году московским издательством «Золотой век», но, к сожалению, без указания имени переводчика[326].

Рукопись первого труда Блаватской взялся отредактировать по просьбе книжного издателя Дж. У. Боутона и Олкотта профессор Александр Уайлдер, известный знаток философии Платона. Он был многогранной личностью: археологом,

редактором, писателем, практикующим врачом. Ко времени прихода к нему Олкотта профессор лично не знал Блаватскую, хотя читал кое-что из ее статей в американской прессе. Рукопись произвела на него впечатление, и к ее редактированию он отнесся не формально. Убрал в тексте некоторые длинноты, сделал энергичнее стиль. Через некоторое время Александр Уайлдер познакомился с автором рукописи. Обратимся к его воспоминаниям о первой встрече с Блаватской:

«Она была интереснейшей собеседницей и свободно чувствовала себя во всех областях, которых мы касались. По-английски она говорила так бегло, как это бывает лишь у владеющих языком в совершенстве и думающих на нем… Она воспринимала идею в той форме, в которой она была высказана, и излагала собственные мысли ясно, кратко и зачастую ярко… Все, что не принимала или не считала заслуживающим внимания, она немедленно характеризовала словечком „flap-dooble“ (чушь, галиматья. — англ.). Я никогда его раньше не слышал и не встречал»[327].

Перед изданием рукописи Блаватской возникли проблемы с ее заглавием. Первоначально книгу собирались назвать по предложению автора «Покров Изиды», но, как заявил осведомленный в книжных новинках Содеран, книга с аналогичным названием уже выходила в Англии. Тогда издатель и Содеран предложили переназвать рукопись и добавить к основному заголовку еще подзаголовок. Так появилась «Изида без покрова. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии». Блаватская не одобрила новое название. К сожалению, с ее мнением не посчитались. Ведь свои авторские права она продала издателю Дж. У. Боутону. В связи с этим представляет интерес ее письмо Алфреду Расселу Уоллесу, английскому естествоиспытателю, одному из основоположников зоогеографии, который создал одновременно с Дарвином теорию естественного отбора:

«Это название действительно неправомочно, потому что я не открываю **арканы** грозной богини — Исиды. Вам, живущему на Востоке, мне нет необходимости говорить, что высшие мистерии и тайны никогда не выдавались широкой публике… Хоть я не снимаю покров с богини из Саиса, но все же, надеюсь, сумела показать, в каком месте Покров ее святилища может быть приподнят, ибо только там можно найти ответ на тайну тайн — что есть человек, каково его происхождение, на что он способен и в чем его предназначение»[328].

Монументальный труд Блаватской вышел в сентябре 1877 года со следующим посвящением: «Теософическому обществу,

основанному в Нью-Йорке в 1875 г. от РХ. для изучения изложенных здесь предметов».

Первая книга «Изиды без покрова» — «„Непогрешимость“ современной науки» — представляет собой пространный ответ русской теософки на известное утверждение Даниела Юма: «чудо является нарушением законов природы», процитированное Гексли в работе «Физические основы материи». С точки зрения Блаватской, существуют тайные законы природы, неизвестные ученым со «слепой душой». Постичь эти законы — задача оккультного знания. Она не приемлет вывода Гексли о том, что все произошло из протоплазмы. Для нее любой однозначный и окончательный ответ на вопрос о происхождении жизни — посягательство на безграничный человеческий дух, на божественную неоднозначность и многомерность человека и природы.

Вторая книга — «„Непогрешимость“ религии» — вызов Блаватской христианскому благочестию. Она считала богословское христианство главным противником свободной мысли. Дело даже не в том, что Блаватская заново переписывает здесь историю христианской церкви (ее версия не выдерживает критики со стороны серьезных исследователей), а в том, что она самым энергичным образом настаивает на существовании тайной доктрины, создание которой уходит во времена наидревнейшие, и последователем этой доктрины объявляет Иисуса Христа. Эта тайна находится в «руках адептов и должна оставаться тайной для мира до тех пор, пока материалистический ученый не будет считать ее недоказанным заблуждением, нездоровой галлюцинацией, а догматические богословы — сатанинской ловушкой»[329]. На чем же основывается эта новая вера, с помощью Учителей взятая Блаватской из древних эзотерических источников и воскрешенная для ее современников и будущих поколений? Вот что писала Блаватская в «Изиде без покрова»:

«Единство Бога, бессмертие духа, вера в спасение только через наши труды, заслуги и наказание — таковы основные пункты веры Религии Мудрости и основы Ведизма, Буддизма, Парсизма; и мы находим, что таковыми были даже основы древнего Озиризма, когда мы, предоставив популярного солнечного бога материализму черни, сосредотачиваем наше внимание на „Книгах Гермеса“ Трижды Великого»[330].

Диапазон проблем, рассматриваемых Блаватской в труде «Изида без покрова», чрезвычайно широк. Это теории по поводу психических феноменов, тайны природы, возможности индийских магов, секты ранних христиан и негативная роль церкви в человеческой истории как бюрократической организации,

восточные космогонии и записи Библии, тайны каббалы, эзотерические доктрины буддизма, пародированные в христианстве, ереси ранних христиан и тайные общества, иезуитство и масонство, Веды и Библия, миф о дьяволе. И всё это сосредоточено в образе Изиды, древнеегипетской богини плодородия, воды и ветра, в этом символе женственности и семейной верности, который совмещается с христианским образом Девы Марии.

С точки зрения Блаватской, основа мистического христианства — религиозная философия индийских брахманов. Она полагала, что эта философия проникла в Египет из Индии через миссионеров царя Ашоки, которые обратили в буддийское монашество потомков египетских иерофантов (древнеегипетских жрецов высшей лиги) — израимов. К тому же, как утверждала Блаватская, Вавилония оказалась расположенной на пути великого потока самой ранней индусской эмиграции и вавилоняне стали первым народом, обогатившимся древнеиндийской мудростью. Аккадцы наставляли вавилонян в мистериях и научили их жреческому языку мистерий — архаическому санскриту.

Такова в общих чертах культурософия Е. П. Блаватской. Духовными наставниками эзотерической мудрости она провозгласила неоплатоников и гностиков.

Действительно, Блаватская проявила в «Изиде без покрова» глубокие познания в учении Платона и его последователей. Оказалась она в достаточной степени начитанной и в философии Аристотеля. Была осведомленной в доктринах Пифагора. Удивительно точно излагаются ею сочинения средневековых мистиков и алхимиков: Корнелия Агриппы, Парацельса, Евгения Филалета и многих других. В полной мере в «Изиде без покрова» представлены Блаватской те знания, которые она получила, осваивая масонскую библиотеку своих прадеда и прапрадеда. Поражает начитанность русской теософки, когда речь заходит о произведениях ее современников, популяризаторов оккультизма, таких как Папюс, Пиобба, Ж. Э. Мирвилль. Само собой разумеется, что не обходит она вниманием выдающегося мистика и духовного учителя членов французского каббалистического ордена розенкрейцеров Элифаса Леви (псевдоним Альфонса Луи Констана, 1810–1875)[331].

В «Изиде без покрова» Блаватская, кажется, постаралась ничего не пропустить из того, что вызывало тогда неподдельный интерес у ее современников. А что в те времена обсуждалось с энтузиазмом и жаром на всяких публичных сборищах и в тесном семейном кругу? Эзотерические и оккультные тайны, индусские и

буддийские практики, способные покорить «неприступную крепость — человеческий мозг» и наладить контакт микрокосма человека с макрокосмом Вселенной. Люди искали новый путь к пониманию природы вещей, признавали авторитет истины, а не истину авторитета. Они обращались к магическим обрядам, в результате совершения которых человек возвращается в прошлое, укрепляется в настоящем и прозревает будущее; старались постичь науку каббалы, науку управления человеческой судьбой, и с ее помощью получить доступ к управлению логическими законами функционирования высшего мира, который иерархически находится значительно выше материального и не воспринимается органами чувств. Туда же, к этим «горячим», повсеместно обсуждаемым темам относились месмеризм, гипноз, «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста, секреты алхимии и конечно же суждения об астральных телах и феноменах, связанных с практикой спиритизма.

Эту целину эзотеризма попыталась вспахать Блаватская в своем многостраничном сочинении. По композиции «Изида без покрова» напоминает «обрамленную повесть»: один рассказ о вещах и темах невероятных плавно сменяет другой, не менее фантастический. Повествовательной рамкой, связывающей эти истории и комментарии к ним, становится раскрытие автором многих аспектов эзотерического знания, поскольку уже с первых строк книга объявляется «плодом довольно близкого знакомства с Восточными адептами и изучения их науки»[332]. Блаватская представляет себя читателям странницей, побывавшей в обеих Америках, Сибири, Африке, Индии и Тибете и исследовавшей «тайники покинутых святилищ»[333]. Ее семилетнее паломничество, как сейчас сказали бы, по энергетическим центрам и порталам земного шара было подготовлено, как она настаивала, хранителями древнего знания и проходило под их пристальным и благожелательным взглядом. В ходе этого путешествия она была приобщена ко многим тайнам мироздания и человеческого духа.

«В нашей учебе нам показали, что тайны есть тайны. Имена и места, которые для западного ума имели значение только в восточных сказках, были нам показаны, как реальности», — заявляла Блаватская[334]. Теперь, после такого долгого путешествия, ее миссия на земле заключалась в том, чтобы многие люди получили тайные знания, которые прежде тщательно скрывались от профанов. Азы тайной науки, как было решено ее Учителями, иерофантами света, передавались исключительно через нее, Елену Петровну Блаватскую. Она приближала своих последователей к таинственным замыслам

жизни, к границе реального и виртуального миров. Убеждала людей в том, что они часть природы, но не ее хозяева. В кругу друзей и знакомых Блаватская выбирала самых достойных, тех, кому готова была раскрыть значительно больше, чем всем остальным. Она объявляла их своими учениками, «чела», они не должны были задавать лишних вопросов, должны были держать язык за зубами, быть исключительно преданными только ей одной. Наступило, как она провозгласила, время снятия печатей с сокровенных манускриптов. Человечество, как посчитали ее Учителя, звездные братья, претерпело серьезную эволюцию, произошло восхождение от низшего к высшему, «от растения до благороднейшего человека», в котором «зародилась душа, одаренная разумностью», и в таком человеке «растет способность, дающая ему возможность разбираться в фактах и в истинах, превосходящих наш нынешний кругозор»[335]. Вот почему Блаватская, как она объявила в «Изиде без покрова», была допущена к источнику тайной философии и была готова поделиться настоящими знаниями с теми, кто хотел и был способен воспринять запредельное.

Елена Петровна считала себя достаточно компетентной в хитросплетениях эзотерической мысли в отличие от многих других, так называемых самозванцев. Ведь она была единственной из смертных, кому удалось «заглянуть через разодранную завесу в Святая Святых Иерусалима и даже задавать вопросы в подземной часовне, которая когда-то существовала под священным зданием»[336]. Блаватская в «Изиде без покрова» заложила фундамент того религиозно-философского течения, которое было названо «теософией». Исходным, внутренним побуждением ее миссионерской деятельности, как уже убедился читатель, было желание обессмертить человека. Освободить его от ощущения бренности бытия, от страха перед той неумолимой силой, которая снедает и пожирает тело каждого из нас. В этом своем стремлении она, конечно, не была одинока. Довольно будет сказать, что каждая эпоха выталкивает из своих недр подобных утешителей. Куда как просто проявить прекраснодушие и поверить тому, что тебя больше всего устраивает.

Д. Н. Попов, в недавнем прошлом президент Российского теософического общества, рассматривая отличительные черты теософии, пишет, что среди них «выделяется пантеистическое осмысление идеи Божества как единого, безличного, все-начального и всеобъемлющего Абсолюта». Он обращает внимание на утверждение Блаватской сложной системы космической иерархии духовных сил, осуществляющих эволюцию Вселенной, а

также на фундаментальную теоретическую разработку основоположницей теософии философских, религиозных и оккультно-мистических вопросов в неразрывном сочетании с интуитивно-мистическим опытом и откровением и подробно проработанной психодуховной практикой. Основным достоинством «Изиды без покрова», как он полагает, «является взаимодополнение мифологического и научного мышления, религиозно-научный синтез»[337].

В «Изиде без покрова» излагаются доказательства существования других, нематериальных субстанций. Поэтическое воображение и экстатические видения — вот та действительно творческая сила, перед которой пасуют любые эмпирические и материалистические подходы к раскрытию тайны человека и природы. Отрицание так называемыми точными науками духовного начала в человеке, как считает Блаватская, неимоверно его унижает. Блаватская обращается к мистериям древних, пытаясь понять и разрешить мировоззренческие противоречия своего времени. Она уже с первых страниц книги знакомит читателя с эзотерическим, оккультным словарем. Это поднятие на воздух или хождение по нему, так называемая этробация, или левитация, это астральный свет, это акаша — «невидимое небо», это духи-элементарии, элементалы и им подобные эфемерные существа. Восстанавливает Блаватская этимологию таких слов и понятий, как «алхимики», «ессеи», «иерофанты». Рассказывает о халдеях как касте каббалистов, о вертящихся чародеях — дервишах, об индийских факирах, о герметистах, о маздеянах, о священных мантрах, о духах человеческих рас — петрисах, о пифиях, о соме, священном напитке индусских богов… Ее знания в самом деле кажутся неисчерпаемыми. Блаватская ощущала динамику процесса эволюции человечества. Наряду с позитивными моментами, связанными с техническим прогрессом, на ее глазах происходили вещи негативные: человек чувствовал себя неуверенно в убыстряющемся потоке времени. Теория происхождения видов Ч. Дарвина не придавала также исторического оптимизма. Получалось, что дарвинская теория борьбы за выживание берет под сомнение нравственные и этические нормы, которыми руководствуется цивилизованный человек. Б. З. Фаликов очень точно сформулировал смысл отраженного в «Изиде без покрова» бунта русской теософки против этого сугубо биологического подхода к человеку: «… Блаватская противопоставляет материалистическому пониманию эволюции свое собственное. Человеком движет не только инстинкт выживания, в ходе эволюции у него развиваются и высшие способности: он начинает видеть и слышать на

расстоянии, читает мысли, материализует предметы, короче, становится настоящим магом, и что самое важное, овладевает своим духом до такой степени, что достигает бессмертия. Таким образом, история человечества обретает высший смысл, а человек, пройдя через искушения имморализма, находит абсолютное добро и эволюционирует к бессмертию»[338].

Появление в «Изиде без покрова» представления о духовной эволюции от человека к сверхчеловеку, к магу, к высшему существу приводит Блаватскую к логическому выводу о том, что обычный человек, для которого Бог умер, не брошен на произвол судьбы. Напротив, он надежно защищен теми, кто достиг магического могущества и продлил срок своей жизни до мафусаилова века.

То, как Блаватская интерпретирует христианское прошлое и историю христианской церкви, свидетельствует, что она самым серьезным образом претендовала на создание нового культа, а себя провозгласила его основательницей. Недаром в дополнение и даже в противопоставление Библии она обнаруживала другие, с ее точки зрения более авторитетные и истинные, священные писания. Вот почему всё, что случилось между временем Христа и основанием теософии, представлялось ею как период отступничества от настоящей мудрости, примером злонамеренного невежества.

Блаватская не скрывала своего скептического отношения к Евангелиям. Она считала, что к ним не имеют отношения ни Иисус Христос, ни его апостолы. Они якобы сочинены какими-то неизвестными личностями, которые просто записали услышанное от других. Для большей авторитетности этих повествований они озаглавили их именами апостолов.

Блаватская признавала тождественность тайных доктрин магов, доведийских буддистов, иерофантов египетского Тота, или Гермеса, халдейских каббалистов, еврейских Назаров, или назареев. Иисуса Христа она относила к назарам, к халдейским теургам, считая, что слова «назария», «назар» были подменены словом «назарет». Блаватская была убеждена в том, что Христос отвергал учение Библии и законы, содержащиеся в ней, за что и был в конечном счете распят. Она представляла Христа сторонником Гаутамы Будды; для того и другого главная цель их деятельности заключалась в проведении религиозной реформы и создании религии чисто нравственной. Впрочем, под буддизмом она подразумевала древнейшую доктрину мудрости, появившуюся в незапамятные времена, задолго до метафизической философии Сиддхартха Шакьямуни — Гаутамы Будды.

По представлениям Блаватской, Иисус Христос, делил свое учение на две части — экзотерическую, открытую для всех, и эзотерическую, знать которую могли только посвященные. Блаватская относила Христа к тем иерофантам-реформаторам, кто применял магию египтян. В то же время она не признавала в Христе воплощение Бога, видя в нем исключительно величайшего реформатора в истории человечества, учителя одного из наиболее возвышенных этических кодексов, неумолимого врага всякого догматизма и слепого фанатизма. Она писала в «Изиде без покрова»: «…Иисус Христос-Бог есть миф, выдуманный два столетия спустя после того, как умер действительный еврейский Иисус»[339]. Блаватская отмечала в церковном христианстве духовную узость, рожденную болезненным честолюбием его иерархов, начиная с апостола Петра. Такое христианство, настаивала она, не содействует проникновению в истинную сущность, а является исключительно религиозным освящением власти над людьми. Оно якобы утверждает грубый антропоморфизм в ущерб духовному. Единственным апостолом, которого она считала достойным учеником Христа, был Павел, которого она считает «чем-то большим, чем Иисус „Евангелиев“. Павел совершенно отбросил его „бесконечные генеалогии“. Автор четвертого „Евангелия“, будучи сам Александрийским гностиком, описывает Иисуса как то, что теперь назвали бы „материализованным“ божественным духом. Он был Логос или Первая Эманация — Метатрон. <…> Павел трактует о Христе скорее как о персонаже, чем о личности»[340].

Блаватская брала под сомнение телесную смерть и телесное воскресение Христа, считая, что его тело было предано земле, а то, что увидели его ученики и последователи, представляло другое тело, сотканное из эфира (астральная сущность).

В своем отношении к восточной мудрости Блаватская была особенно ненасытна и потому всегда неразборчива. В ее сочинениях, в том числе и в «Изиде без покрова», встречается огромное количество неточностей, спорных вопросов и неудачных заимствований из второсортной «научной» литературы того времени. Ее работам недостает композиционной стройности и смысловой законченности. Блаватской постоянно не хватало времени довести свой очередной труд до последней отделки. Сам язык в ходе работы рассматривался ею не как нечто самоценное, а только как орудие мысли, даже не как орудие ее передачи. Недаром для написания своих фундаментальных работ «Изида без покрова» и «Тайная доктрина», а также многочисленных теософских статей она обратилась к английскому языку. Он вполне ее устраивал, поскольку она проповедовала свои идеи для

мирового сообщества.

К тому же Блаватская осознавала, что вряд ли ее возрожденные идеи о якобы истинном христианстве будут правильно поняты на родине, тем более что среди этих идей отсутствовала русская национальная идея. Ее не было у Блаватской ни в мессианском, религиозно-мистическом, ни в социально-политическом, ни в каком-либо другом воплощении. Я сомневаюсь, что она была фанатичной патриоткой Российской империи, несмотря на всю ее псевдопатриотическую риторику в письмах князю А. М. Дондукову-Корсакову. В мистическом смысле Индия и Египет ей были намного ближе и роднее, чем Россия. А в смысле бытовом и интеллектуальном ее вполне устраивала Англия. Блаватская нередко била себя в грудь, объясняясь в любви к Российскому государству и политическому режиму, в нем существовавшему, но возвращаться обратно в Россию ни за что не хотела. Из той же самой груди иногда вырывались такие леденящие душу вскрики в адрес российской власти, что еще глубже понимаешь действительные, а не декларируемые политические взгляды Елены Петровны. Вот что, например, читаем в ее письме Альфреду Перси Синнетту: «Спаси и защити вас Бог от Русского правительства. Любому индусу уж лучше бы было бы сразу утопиться, чем оказаться под властью Русского правительства»[341].

В то же время в ернических, а местами нагловатых по тону письмах Дондукову-Корсакову она ничтоже сумняшеся предлагала избавиться в Бессарабии от евреев и вместо них поселить на бесплодных землях этого края несколько тысяч бирманцев и прочих буддистов[342]. Шутки у Елены Петровны иногда выходили не совсем удачными. А всё потому, что не могла она с ходу притормозить, когда ее куда-нибудь заносило.

Гипотезы Блаватской, как ей представлялось, отвечали требованиям тогдашней науки, в основном сравнительной мифологии. Так, например, она полагала, что крест «тау» (крест с рукоятью) христиане заимствовали у египтян, которые использовали его в качестве символа двойственной порождающей мощи, как знак возрождения и объединения астральной души с божественным духом.

В последней главе «Изиды без покрова» приводятся основные постулаты новой философии, которые сформулировала в своей книге Блаватская. Вот они:

«1. Чудес нет. Все, что происходит, есть результат закона — вечного, нерушимого, всегда действующего.

2. Природа триедина: существует видимая, объективная природа; невидимая, заключенная внутри, сообщающая энергию

природа, точная модель первой и ее жизненный принцип; и над этимя двумя — *дух*, источник всех сил, один только вечный и неразрушимый. Две низшие силы постоянно изменяются; третья, высшая, не изменяется.

3. Человек тоже триедин: он имеет объективное, физическое тело; оживляющее астральное тело (или душу), действительный человек; и над этими двумя витает и озаряет их третий — повелитель, бессмертный дух. Когда действительному человеку удается слиться с последним — он становится бессмертной сущностью.

4. Магия, как наука, представляет собою знание этих принципов и способа, посредством которого всезнание и всемогущество духа и его власть над силами природы могут быть приобретены человеком, пока он все еще находится в теле. Магия, как искусство, есть применение этого знания на практике.

5. Злоупотребление сокровенным знанием есть колдовство; применение во благо — истинная магия, или МУДРОСТЬ.

6. Медиумизм есть противоположность адептизма; медиум есть пассивный инструмент чужих воздействий; адепт активно управляет самим собою и всеми ниже его стоящими силами.

7. Поскольку все, что когда-либо было, есть и будет, оставляет свой отпечаток на астральном свете, или скрижали невидимой вселенной, то посвященный адепт, пользуясь внутренним зрением своего духа, может узнать все, что когда-либо было известно или может стать известным.

8. Человеческие расы различаются по духовной одаренности так же, как по цвету кожи, росту или по каким-либо иным внешним качествам; среди некоторых народов от природы преобладает дар провидчества, среди других — медиумизм. Некоторые увлекаются колдовством и передают его тайные правила практического применения от поколения к поколению, вместе с большим или меньшим диапозоном психических феноменов в качестве результата.

9. Одним из проявлений магического искусства является добровольное и сознательное выделение внутреннего человека (астральной формы) из внешнего человека (физического тела). У некоторых медиумов это выделение (экстериоризация) происходит бессознательно и непроизвольно. В таких случаях тело более или менее каталептично; но у адепта отсутствие его астральной формы будет незаметным, ибо его физическая чувствительность не нарушается, только он будет выглядеть „погруженным в размышления“, как некоторые называют это. Ни время, ни пространство не являются препятствиями для движения отделившейся астральной формы. Тавматург, полностью

сведущий в оккультной науке, может заставить себя (то есть свое физическое тело) *казаться* невидимым или внешне принять любую форму, какую он захочет. Он может сделать свою астральную форму видимой или придать ей любой вид. В обоих случаях эти результаты будут достигнуты путем месмерической галлюцинации, вызванной одновременно в чувствах всех свидетелей. Эта галлюцинация настолько совершенна, что увидевший ее будет биться об заклад на свою жизнь, что он видел реальность, тогда как это лишь картина в его собственном уме, отпечатанная на его сознании неодолимой волей месмеризатора. Но в то время как астральное тело человека может продвигаться в любом направлении, проникать через любое препятствие и быть видимым на любом расстоянии от своего физического тела, — последнее зависит от привычных методов передвижения. Его можно поднять в воздух при наличии предписанных магнетических условий, но оно не может быть перенесено из одной местности в другую иначе как только обычным путем. Вот почему мы не придаем веры всем рассказам о воздушных полетах медиумов в физическом теле, так как это было бы чудом, а чудес мы не признаем. Инертная материя в некоторых случаях и при некоторых условиях может быть дезинтегрирована, послана через стены, и снова восстановлена, но с живыми организмами это невозможно. Исследователи Сведенборга верят, и сокровенная наука учит, что оставление живого тела душою происходит часто и что мы наталкиваемся каждый день, во всех жизненных обстоятельствах на такие живые трупы. Это явление может быть вызвано различными причинами, и среди них такие, как неодолимый страх, печаль, отчаяние, очень сильный приступ болезни, сильнейший экстаз. В покинутую оболочку могут войти и поселиться там или астральная форма искусного колдуна, или элементарий (привязанная к земле развоплощенная душа), или, очень редко, элементал. Разумеется, адепт белой магии обладает такой же властью, но если только этого не потребует какая-либо чрезвычайно исключительная и великая цель, он никогда не согласится осквернить себя вселением в тело нечистого человека. При умопомешательстве астральная сущность пациента либо полупарализована и подчинена влиянию любого духа, либо она навсегда покинула его тело, и им завладело какое-нибудь вампирическое существо, близкое к своему собственному разложению и отчаянно цепляющееся за землю; чувственными удовольствиями астральная сущность благодаря этой уловке может еще наслаждаться короткое время.

10. Краеугольным камнем МАГИИ является основательное практическое знание магнетизма и электричества, их свойств,

соотношений и потенций. Особенно необходимо знакомство с их влиянием на животное царство и на человека. <…> Если суммировать все вышесказанное в нескольких словах, то МАГИЯ есть духовная МУДРОСТЬ; природа — материальная союзница и служанка мага. Один общий жизненный принцип проникает все, и он управляется усовершенствованной человеческой волей. <…> Адепт может управлять своими чувствами и изменять состояние физических и астральных тел других личностей, не являющихся адептами; он может также управлять и пользоваться по своему усмотрению духами стихий. Но он не может повелевать бессмертным духом какого-либо человеческого существа, живого или мертвого, ибо все такие духи являются одинаковыми эманациями Божественной Сущности и никакой внешней власти не подчинены»[343].

Блаватская отдавала себе отчет, что с выходом «Изиды без покрова» ее ждет всеобщее поругание, особенно со стороны представителей академической науки и христианских церквей. И она не ошиблась в своих предположениях. Несмотря на коммерческий успех «Изиды без покрова», б*о*льшая часть американских газет не выразила особого восторга. Вот что пишет по этому поводу Б. З. Фаликов:

«Желающих научиться (тайной философии. — А. С.) оказалось в Нью-Йорке, да и не только в нем, сравнительно много — тысяча экземпляров книги была раскуплена за 10 дней. Однако отзывы прессы были не слишком хвалебными, а в некоторых звучала нескрываемая издевка: „Спрингфильд рипабликэн“ назвала книгу „большим блюдом объедков“, „Нью-Йорк сан“ — „выброшенным мусором“ (редактор этого издания мог быть не совсем объективным, если вспомнить конфликт Блаватской с его братом Дэвидом Даном. — А. С.). „Нью-Йорк трибьюн“ писала: „Знания Блаватской грубы и не переварены, ее невразумительный пересказ брахманизма и буддизма скорее основан на предположениях, чем на информированности автора“. Редактор же влиятельной „Нью-Йорк таймс“ и вовсе отказал в рецензии, с иронией признавшись: „Мы испытываем священный ужас перед мадам Блаватской и ее письменами“. Но были и положительные отзывы, например, в „Нью-Йорк геральд“ и „Филадельфия пресс“. Скептицизм и иронию рецензентов можно объяснить. Восхваление магии и язычества в протестантской Америке, еще не забывшей о „салемских ведьмах“, было явно преждевременным. Кроме того, оставляла желать лучшего и фактологическая сторона книги»[344].

В Америке с ее свободой печати нелицеприятные отзывы о первом монументальном труде Блаватской если и задевали кого-

то за живое, но мало что по существу значили. Тем более что постоянный и взаимный обмен колкостями между различными периодическими изданиями был привычным делом. А инвективы в адрес автора «Изиды без покрова» весьма способствовали распродаже книги. К тому же, как уже отмечалось, у Блаватской нашлись защитники. Так, рецензент «Нью-Йорк геральд» писал: «Тот, кто внимательно прочтет эту книгу, пожалуй, будет знать все о чудесном и мистическом, кроме, быть может, ключа к нему… Нетрудно предвидеть, как примут эту книгу. Благодаря поразительным неповторимым особенностям, смелости, многогранности и огромному разнообразию затрагиваемых вопросов это одно из самых замечательных произведений нашего века»[345]. Не удержалась от восторгов и «Дейли грэфик»: «Удивительная книга и по содержанию, и по манере изложения. Некоторое представление о ее диковинности и широте содержания можно составить уже по тому, что один только указатель насчитывает пятьдесят страниц, и мы можем, ничем не рискуя, сказать, что подобный тематический указатель никогда еще не составлялся ни одним человеком. Книга конечно же привлечет внимание всех, кто интересуется историей, теологией и тайнами Древнего мира»[346].

«Бостон ивнинг трэнскрипт» разразился восторженными комплиментами непосредственно в адрес Блаватской, словно защищал ее от своры злопыхателей, ставя их на место:

«Надо признать, что это замечательная женщина, которая читала больше, видит острее и мыслит шире, нежели самые ученые мужи. Ее труд изобилует цитатами из работ на многих языках, но не с тем, чтобы лишний раз продемонстрировать эрудицию автора, а чтобы подкрепить доказательствами ее неординарные взгляды… страницы пестрят сносками, где в качестве авторитетных источников выступают самые глубокие писатели прошлого… Книга требует самого Серьезного внимания со стороны философов и заслуживает вдумчивого прочтения»[347].

Для достойного завершения рекламной кампании по продвижению «Изиды без покрова» на рынок не хватало разве что душещипательных историй. Не будь их в жизни, пришлось бы срочно сочинить. Сама Блаватская просто обожала что-нибудь готическое, обязательно с потусторонними персонажами и летальным исходом. Она только что пережила смерть и кремацию барона Пальма. Ей было искренне жаль старика, закончившего свой земной путь вдали от родного дома и близких людей. Он, вероятно, как и она, старался быть в центре внимания. Теперь же ничего от него не осталось, даже горстки праха, развеянного над морской стихией.

Блаватская пользовалась в Нью-Йорке широкой известностью, ее квартиру охотно посещали знаменитые и совершенно неизвестные люди, чересчур высокомерные и простоватые, как деревенские жители. Все они были ей интересны и забавны. Приходили к ней в гости, ненавидя и завидуя ее успеху. Говорили за ее спиной друг другу на ухо, что она вместе с Олкоттом ограбила барона. Среди многих дорогих вещей якобы обнаружилась объемистая эзотерическая рукопись. Мнения, впрочем, о том, кем была написана эта рукопись, разделились. Одни утверждали, что она — плод многолетнего труда посвященного в тайны оккультизма барона. Другие настаивали, что она переписана с древнего свитка и досталась барону в результате стечения кошмарных обстоятельств, о которых всуе лучше не упоминать.

Некоторые из этих людей приходили в ее дом только затем, чтобы лишний раз на нее поглазеть, и внимательно вслушивались в ее монологи, надеясь, что она случайно проговорится, и тогда-то они узнают что-то совсем ужасное. Она не горела желанием их разубеждать. Пусть думают что хотят. Блаватская плохо представляла себя отравительницей. Барона она полюбила, он внешне напоминал чем-то ее деда Андрея Михайловича Фадеева в старости, ведь в его жилах тоже текла немецкая кровь. Самые интеллектуальные и самонадеянные читатели «Изиды без покрова» важно заявляли, что все ее два тома — вольный пересказ сочинений Элифаса Леви и компиляция из старинных книг по алхимии. Мысль о компилятивном характере содержания «Изиды без покрова» получила поддержку со стороны многих спиритуалистов. Особенно (вскоре после смерти Блаватской) усердствовал некий критик Уильям Эмметт Коулман, который попытался обвинить ее в плагиате. Он обнаружил около ста книг, из которых Блаватская якобы заимствовала для «Изиды без покрова» без ссылок многие страницы, и назвал тысяча триста книг, из которых взяты цитаты. Главное обвинение Коулмана заключалось в том, что Блаватская не работала с источниками, многое взяла из «вторых рук». Эта работа американского исследователя, ярого противника русской теософки при ее жизни, в свою очередь была подвергнута критике. Оказалось, что Блаватская работала над большим количеством чужих текстов скрупулезно, в «Изиде без покрова» около 2400 сносок. Такие выдающиеся авторитеты, как профессор Кембриджского университета Грэхам Хау или историк Майкл Гомес, признали высокую компетентность Блаватской как историка религии и отдали ей должное как оригинальному философу. Разумеется, что-то бралось из вторых рук, в тексте книги встречаются не

совсем корректные этимологические реконструкции определенных религиозных понятий. Вместе с тем невозможно не восхититься огромной эрудицией автора этого монументального труда, ее уникальной, чрезвычайно обширной памятью, мощью ее критики церковной бюрократии и собственными интуитивными прозрениями. Прочитав это выдающееся произведение, особенно в переводе Альфреда Петровича Хейдока, понимаешь, каким огромным талантом обладала наша соотечественница Елена Петровна Блаватская. И как тут не пожалеть русскую теософку, вынужденную с арены цирка или через прорехи в шатре балагана смотреть на звезды. Вечная участь большинства талантливых русских писателей и философов!

«Изида без покрова» особенно пришлась по вкусу ирландцам и шотландцам, народам, происхождение которых восходит к древним кельтам. Среди членов Теософического общества их оказалось немало. Тайная доктрина Блаватской, по-видимому, затронула их души. Кельты — загадочное и воинственное племя, которое не делало различия между миром естественным и сверхъестественным, пришло в Европу во второй половине I тысячелетия до н. э. из Северной Монголии. Что их заставляло огненным смерчем выжигать чужие земли? Страсть к грабежам или долг воина? Они не боялись смерти, для них она была безболезненным и нормальным перемещением из одного пространства в другое. Быть убитым в бою и похороненным в своей боевой колеснице — об этом мечтал каждый кельт-мужчина. Мертвая голова врага считалась у кельтов символом славы и геройства, а символом власти — Атлантический океан. Именно в нем сокрыты тайны друидов, жрецов, которые стояли между кельтами и богами, а также океан — обиталище душ мертвых людей. Кельты жили в неказистых домах, их полукруглые стены делались из ивовых прутьев, а крыша была из соломы. В период второго железного века начиная приблизительно с 475 года до н. э. кельты захватили Галлию и Богемию, Англию и Ирландию, Северную Италию и Средний Дунай. Началось многовековое противоборство между кельтами и Римом. В конце концов победил Рим.

Друиды были мозгом и душой кельтов. Они не только хранили трудовые навыки и технические открытия своего народа, но и обладали каким-то *тайным упорядоченным, универсальным знанием.* Сохраняли веками в своей памяти что-то такое, о чем во всем мире никто не знал. Вдали от людей и их жилищ, в безлюдных лесах и сокровенных горных пещерах обучали они отобранных ими юношей. Франсуаза Леру пишет: «Урок проходил

в форме волнующего приобщения к истинам, единственным хранителем и толкователем которых был жрец и которые он доверял по секрету своему ученику. <…> Это нежелание друидов профанировать их учение можно объяснить тем, что друидическое знание было уделом духовной аристократии. Поэтому жрецы запрещали что-либо записывать, чтобы учение не распространялось среди непосвященных. <…> Молодые аристократы приобщались друидами к священным тайнам природы (в частности, у друидов были глубокие познания в астрономии и астрологии) и человеческой жизни»[348].

Основным аспектом учения друидов была вера в бессмертие души. Впрочем, то, как понимали кельты это бессмертие, отличало их от других народов. Это было особое, ни на что не похожее представление о форме существования в ином измерении. Они не говорили об инкарнации или метемпсихозе, им были чужды взгляды на перемещение души во времени в различных телесных оболочках, в том числе, например, ее нахождение в теле животного. Они верили в выживание по ту сторону земной жизни души каждого отдельного человека, в ее существование там в узнаваемой форме. Эта новая жизнь представлялась им намного лучше прежней. Они располагали новое местожительство умершего человека где-то на краю земли или на дальних островах, в общем, неведомо где.

Побежденные Римом кельты нашли свое последнее убежище в Ирландии и Шотландии. Они прижились там, приняли чужих богов и чужие похоронные обряды. Но их генетическая память время от времени давала о себе знать. И тогда феникс восставал из пепла. Разве ирландское литературное возрождение, к которому самое непосредственное отношение имела книга Блаватской «Изида без покрова» и другие ее труды, — это не эпитафия утерянным кельтским богам и мудрости друидов?

Черты и небесно-земной характер Изиды виделись Блаватской в растопыренных двуглавых и двуликих женских изображениях индийских племен, в широкобедрых, грудастых, широкоглазых индийских фигурках из глины, в мягких и нежных линиях и поворотах чувственных малоазийских скульптур из каррарского мрамора, в облике шумеро-аккадских богинь — в решительных мужеподобных Иштар и Иннане и в прямой, как заостренный кол, Нинхурсаг, в призывающих к соитию позах демониц всех времен и народов.

Имена некоторых этих божеств скрывались от непосвященных, но все они восходили, как она считала, к одному древнейшему источнику — к главной богине атлантов.

Поклонение превращает людей в рабов.

Когда-то давным-давно она стряхнула с себя, как призрачное видение, вчерашний день и твердо решила — бежать!

Но в том ли ее вина, что она разорвала связи с семьей, с просветленной христианской верой, с привычным бытом и светским времяпрепровождением и вместо этой милой, немудрящей жизни, прозрев мираж, избрала для себя в сотоварищи каких-то никчемных людей, беспорядочную вереницу авантюристов, соглядатаев, походык, изнасилованных весталок и брошенных жен, придурочных эмансипированных дам, импотентов, мистических вдов, психопатов и психопаток, подрукавных писак и продажных журналистов? Все они были звеньями одной цепи, приковавшей ее к сияющей колеснице сомнительной славы. Все они были участниками ее мистических, разыгранных как по нотам, радений.

Призрак опустившегося на морское дно материка освобождал ее воображение от каждодневной тоски, которая горше слез и страшнее предательств.

Вот во имя чего она, блудная дочь, потратила столько времени, сил и ума, устремившись в погоню за «летучим голландцем» — исчезнувшей Атлантидой.

Глава восьмая. ДУХОВНЫЙ УЧИТЕЛЬ ИЗ ДАЛЕКОЙ ИНДИИ

У Блаватской и Олкотта ясно обозначился интерес к индийской мудрости, особенно к буддизму. В Нью-Йорке в районе Манхэттена на углу 47-й улицы и 8-й авеню, в доме 302 на втором этаже у них появилась квартира-салон. С легкой руки одного из знаменитых нью-йоркских репортеров Дэвида Кертиса это просторное убежище Блаватской назвали «ламаистским монастырем» — The Lamasery. На полу квартиры были расстелены шкуры тигра и волка, на каминной доске возвышались позолоченная скульптура Будды и механическая птица, осененные листвой стоящих в кадках пальм. Чучела совы с удивительно живыми глазами, змей, ящериц выглядывали из-за стекол книжных шкафов и с этажерок. Гордостью этого зверинца было чучело бабуина, огромной обезьяны с круглыми очками на переносице и с книгой Чарлза Дарвина о происхождении видов под мышкой.

В этом салоне собирались искатели истины, привлеченные оккультным энтузиазмом Олкотта и остроумными, шокирующими рассказами Блаватской. Все они, ее гости, с каким-то болезненным нетерпением ждали манифестации «феноменов».

В то время одной из самых выдающихся и авторитетных для индусского мира фигур был Свами Даянанда Сарасвати. Олкотт вступил с ним в переписку в 1878 году, еще находясь в Нью-Йорке. Другой индусский мыслитель и реформатор Ауробиндо Гхош, принадлежащий уже к XX веку, написал о своем соотечественнике так:

«Один человек, неповторимый как личность, ни на кого не похожий в своей деятельности, стоит особняком среди плеяды тех, кого потомки назовут творцами индийского ренессанса… Словно вы долго шли по долине, и разные холмы, то высокие, то низкие, вставали перед вами, и вдруг вам открылся одинокий утес, вздымающийся вверх во всей своей мощи, глыба цельного и несокрушимого гранита со свежей зеленью на самой вершине и одинокой сосной, устремленной в поднебесье, могучий поток животворной воды, низвергающийся в долину, словно сам источник жизни и здоровья…»[349]

Если продолжить образную речь Ауробиндо Гхоша, то можно сказать, что одинокий утес — самое удобное место для водружения на нем грандиозного по размерам памятника: и видно издалека, и небо близко. А уж как хотелось Елене Петровне Блаватской возвысить свое Теософическое общество над дольним миром! И она самозабвенно принялась за покорение этого одинокого утеса.

Почти одновременно с Теософическим обществом в США Свами Даянандом Сарасвати в том же 1875 году было основано в Индии философско-религиозное общество — «Арья Самадж» (Общество ариев). Теософическое общество и «Арья Самадж» в первые годы своего существования плотно и плодотворно сотрудничали, считалось даже, что они объединились. Недаром на дипломах Американского теософического общества с 1877 года печатались слова: «Теософическое общество Арья Самадж Арьяварта». В близости духовных устремлений двух обществ их убедил вступивший с Олкоттом в переписку президент отделения общества «Арья Самадж» в Бомбее Харричанд Чинтамон.

С личностью Свами Даянанда Сарасвати Блаватской еще предстояло освоиться. Она была уверена в себе и рассчитывала на свое умение быстро приноравливаться к ситуациям и людям. Члены «Арья Самадж» призывали своих единоверцев возвратиться к религии древних ариев, черпать мудрость из священных книг индуизма — Вед. Они решительно отвергали идолопоклонство, выступая против изображения богов, и обрушивались с критикой на вековечные предрассудки индусов, в том числе на запрещение браков между представителями различных каст. Не обходили они своим вниманием и широко практикуемую в то время в Индии

матримониальную традицию детских браков.

С большим интересом узнавала Блаватская о широкой благотворительной и просветительской деятельности «Арья Самадж». В Лахоре, где с 1877 года обосновалась штаб-квартира «Арья Самадж» во главе с Даянандом Сарасвати, был учрежден специальный колледж. Плата за обучение в нем была скорее символической, но обучение было поставлено на широкую ногу: наряду с предметами классической индийской науки там преподавались современные гуманитарные и естественно-научные дисциплины. Деятельность общества и проповеди его лидера Свами Даянанды Сарасвати пользовались успехом не только среди торговцев и ремесленников, но и среди индусской знати. Так, к нему прислушивались и его привечали некоторые раджпутские князья[350]. Все эти сведения впитывались, как в губку, во всеобъемлющий и поразительно подвижный ум Блаватской. Казалось, сделав ставку на «Арья Самадж» и лично на Даянанду Сарасвати, она выведет свое Теософическое общество на новые рубежи, значительно расширит его состав за счет индийцев и заставит считаться с ней представителей британских колониальных властей. К тому же ей был близок антиколониальный пафос некоторых выступлений Даянанды Сарасвати. Например, его убежденность в том, что «иностранное правительство никогда не сможет обеспечить благосостояние народу» и что владычество англичан в Индии — «следствие взаимных усобиц и религиозных обычаев»[351]. Елена Петровна хорошо понимала, что индийское просвещенное сообщество и колониальная британская бюрократия будут ее Сциллой и Харибдой. Ей предстояло пройти между ними, остаться невредимой и выйти в свободное плавание.

Земная биография Даянанды Сарасвати наводила Блаватскую на определенные размышления. Непонятным образом ее мысли переключались на перипетии судьбы этого выдающегося человека, на те обстоятельства его внешней и внутренней жизни, которые в совокупности создали ему среди его соотечественников непоколебимый духовный авторитет, обеспечили удивительно прочную власть над умами людей. Такой восторженной привязанности к себе не удостаивались ни герои, ни цари, ни императоры. Елена Петровна с нескрываемым восторгом писала о магнетической харизме, способности духовно воздействовать на людей, полностью подчинять их себе, которая была присуща Даянанде: «В эти последние пять лет у суами (свами. — А. С.) Даянанды насчитывают около двух миллионов новообращенных, большей частью из высших каст. Последние, по-видимому, готовы

положить за него все до одного и жизнь, и душу, и даже самое состояние, что для индуса бывает драгоценнее самой души. Но Даянанд, как истый йоги, до денег не дотрагивается, денежные дела презирает и остается довольным несколькими горстями рису в день. Словно заколдована жизнь этого удивительного индуса, так беспечно играет он самыми худшими человеческими страстями, возбуждая во врагах своих самый бешеный и столь опасный в Индии гнев. Мраморное изваяние не оставалось бы спокойнее Даянанды в минуты самой ужасной опасности. Мы один раз видели его на деле: отослав всех приверженцев своих и запретив им следовать за ним либо заступаться за него, он остановился один пред разъяренною толпой и спокойно смотрел в глаза чудовищу, готовому прыгнуть и разорвать его на куски…»[352]

К 1891 году «Арья Самадж» насчитывало не более сорока тысяч членов. Здесь, как и в других своих работах, Блаватская допускает преувеличение[353]. По рождению Мульшанкар Триведи, так называли Свами Даянанду Сарасвати до того, как он ступил на путь странствующего монаха, саньясина, принадлежал к подкасте брахманов-самавадинов, знатоков одной из четырех Вед — «Самаведы». Мальчик рос наблюдательным и упрямым. Он обладал обостренным чувством собственного достоинства, повышенным самомнением, твердой волей и изощренным интеллектом. Иными словами, сама природа ниспослала ему все необходимые для лидера качества и дарования. Уже юношей он критически относился к некоторым лишенным здравого смысла религиозным обычаям и предписаниям. Вечные вопросы бытия не давали ему покоя. В 21 год начались его многолетние скитания как «саньясина» по Индии. Он примерялся к различным религиозно-философским системам. То это были йогические школы, то шиваитский тантризм вамамаргинов, приверженцы которого постигают истину через мясоедение, винные возлияния, поедание рыбы, принятие наркотиков и совокупление с женщинами из низших каст, то есть нарушая все основные запреты индусской традиции. А то это оказывалась самая распространенная из философских систем — адвайта-веданта, так называемое «сердце индуизма», согласно которой безличная абсолютная реальность, основа всего сущего, истинна, тогда как мир превратен, а абсолютный субъект тождествен этой абсолютной реальности. Не обходил он стороной странствующих факиров, вне всякого сомнения связанных между собой круговой порукой соблюдения своих фокуснических и гипнотических секретов, а иначе чем было объяснить творимые ими всяческие чудеса? Когда, например, статуя бога зависала в воздухе без

какой-либо опоры. Пятнадцать лет странствовал Даянанда, с 1846 по 1860 год, но ни изнурительные йогические практики, ни длительное паломничество, ни чтение многих священных текстов так и не привели его к духовному прозрению. Над ним тяготела бессмысленность пережитых испытаний. Глубокое разочарование в честности и порядочности представителей высших каст чуть было не довело его до самоубийства. Он наблюдал, как стремление к знаниям замещалось у брахманов жаждой обогащения любыми средствами, толерантность сменялась религиозной нетерпимостью. Никакого дружелюбия в них и в помине не было. Не мог смириться он и с бесчеловечным отношением к людям, находящимся вне каст, — изгоям индийского общества, неприкасаемым. Казалось, в целом мире не найти было Даянанде человека, кто смог бы вернуть ему душевное равновесие.

И все-таки в конце концов такой человек нашелся. Духовной неуживчивости и привередливости Даянанды был положен предел. На святой земле Браджа, расположенной между Дели и Агрой, где согласно традиции провел свои детские годы бог Кришна, в городе Матхуре 36-летний искатель истины пошел в обучение (став «чела») к слепому мудрецу Данди Вирджананде (1797–1868). Его учитель славился знанием санскрита, а Даянанде глубокое знание этой «латыни Востока» позволило бы отстоять свою правоту в религиозных диспутах, утвердить среди ученых брахманов, «пандитов», неортодоксальное понимание ведийских истин. Чего он вскоре и добился. О. В. Мезенцева, рассуждая о том новом, что содержало в себе учение Свами Даянанды Сарасвати, пишет: «Уже не странствия души в круговороте бытия становятся предметом размышления, а сам человек как представитель мира бытийности, подчиняющийся законам этого мира. Все стороны его существования видятся самоценными: во всех проявлениях он заслуживает интереса, внимания и уважения уже по одному тому, что „вечная душа“ приобрела рождение в образе человека»[354].

Блаватская, примеряя жизнь Даянанды на себя, надеялась, что ее будущее сложится как нельзя лучше. Слишком много общего было в их судьбах. Она сбежала от мужа в более молодом возрасте, чем индийский мудрец из родительского дома, и по времени почти столько же как неприкаянная слонялась по белому свету. Должно же и ее подвижничество, думала она, привести к искомому результату: широкому признанию выпестованной в долгих размышлениях идеи о главенстве трансфизического элемента в процессе эволюции человечества. Это был, как она преподносила своим последователям, ответ на узость мышления

Дарвина, выстраданный ее скитаниями и бездомной неприкаянной жизнью в мире людей. В общем виде ответ этот вполне укладывался в рамки западного философского сознания, являясь компромиссом между положениями индусской метафизики и представлениями христианской теологии. В конкретном же своем виде, в исходных постулатах доктринерские рассуждения Елены Петровны представляли для христианских богословов абсолютную ересь. Итак, ее нонконформизм был налицо и по эмоциональной реакции окружающих сравним с вызовом обществу со стороны Даянанды. В Индии этот бунтарь-интеллектуал пошел против фанатичного и бездумного обожествления Вед. Даянанда относил к божественному откровению исключительно те тексты, которые не противоречили, по его мнению, «законам природы и правилам логического рассуждения»[355].

У Блаватской были иные критерии отбора божественного и небожественного. Однако в среде благочестивых христиан она также была белой вороной. Единственное, что ее отличало от Даянанды, так это противоположное отношение к жизни. Он был рационалистом, она же — иррационалисткой. Ее привлекали тексты таинственные, маловразумительные и малоправдоподобные. То есть любые книги о чудесном и потустороннем, содержание которых противоречило бы здравому смыслу. Они-то как раз и были той канвой, по которой ее мысль вышивала ни на что не похожий многоцветный мистический узор. Вот почему теория Дарвина была для нее прямолинейной, черно-белой, примитивной и скучной. Он, как считала Блаватская, не увидел самого существенного в жизни человека. Его ошибка, как не уставала она повторять, заключалась в том, что Дарвин пренебрег особым характером развития сознания, не учел специфику умственной, творческой и наблюдательной человеческой деятельности на разных этапах эволюции. Ее сознание коробил биологический подход автора «Происхождения видов» к природе человека без учета его психических и духовных особенностей.

Блаватская часто выдавала желаемое за действительное. Это было вполне допустимо для дамы с развитым воображением и романтическими пристрастиями. В той глубине человеческого духа, куда она сама не раз с любопытством заглядывала, практически невозможно было отличить черное от белого, уродство от красоты, правду от лжи. Трудно было разобрать что к чему вовсе не из-за густого непроницаемого мрака или из-за недостатка знаний и опыта, а по глупейшей причине отсутствия точных критериев, с помощью которых оцениваются человеческие

идеалы и реальная жизнь.

Блаватская называла Даянанду индийским Лютером, уверяя всех и каждого, что их взгляды совершенно совпадают[356]. По крайней мере, они видели в Боге вечный и вездесущий Закон, известный под различными названиями и именами во всех религиях мира. В свою очередь, Елена Петровна недвусмысленно намекала, что Даянанда тесно связан с адептами Гималайского братства.

Она с восторгом писала мадам К. Р. Корсон: «Наше Общество выросло, милая сударыня, и из уродливого, всеми освистанного ребенка превратилось в исполина, в организацию, в рядах которой состоят тысячи членов и которая недавно примкнула к самому крупному эзотерическому братству „Арья Самадж“. В нашей организации теперь несколько тысяч индусов, а наш главный руководитель — свами (святой), чудотворец, Даянанда Сарасвати, крупнейший ученый Индии, самый выдающийся оратор, который буквально завораживает всех, кто приходит послушать его проповеди. Он приказывает нам приехать в Индию. В Индии насчитывается уже два миллиона членов „Арья Самадж“, и каждый день вступают новые. Наше Общество, цель которого — создание общечеловеческого братства, не только изучает психологию и оккультные науки, но является еще реформаторским. Мы решительно боремся против идолопоклонства всех видов и мастей, будь то в язычестве или в христианстве, ибо посудите сами, милый друг: вы же не станете отрицать, что святые православной и католической церквей — точно такие же идолы, как и боги индуистского пантеона?»[357] Теософия, по мысли Блаватской, должна была бы уничтожить такие бессмысленные слова, как «чудо» и «сверхъестественное».

Елена Петровна была убеждена, что в природе всё естественно, да не всё известно. Она приготовилась к открытию сокровенных сил окружающего мира.

Блаватская и Олкотт удвоили свои усилия для того, чтобы наладить добрые отношения также с другими восточными мудрецами. С необычайным рвением они вступили в переписку с двумя буддийскими монахами, жившими на Цейлоне, — с Сумангалом и Мегиттиватте. Последний прославился тем, что взял верх в трехдневных религиозно-философских дебатах над христианскими миссионерами. Его неожиданная победа основательно укрепила позиции цейлонских буддистов в противодействии как репрессивной политике колониальных британских властей, так и миссионерской деятельности христианских священников на острове.

Навсегда уходило время, когда в Индии и на Цейлоне любой

каприз белого человека считался законом. Среди образованных индийцев и сингалезцев все реже и реже встречались люди с низко склоненной головой и вечно поддакивающим языком.

Однако радужным надеждам на тесное сотрудничество с «Арья Самадж» не суждено было сбыться. В скором времени Теософическое общество вернулось к своей автономии. Уже во время индийской поездки Блаватская и Олкотт с горечью обнаружили, что Даянанда трактовал священные тексты индуизма — Веды и шастры — не как мыслитель, ставящий перед собой общечеловеческие цели и задачи, а как патриотически настроенный индус-националист, черпающий в ценностях своей религии силы для борьбы с британским (а шире — с западным) господством. Это прозрение истинной сущности деятельности «Арья Самадж» пришло к Блаватской и Олкотту в Индии, а в Нью-Йорке они только и думали о сказочном путешествии в далекие края. Учитель Серапис Бей проинформировал их, что отплыть в Индию они должны, самое позднее, 17 декабря 1878 года.

Разумеется, одной мысли о встрече с адептами Гималайского братства было достаточно, чтобы у Олкотта тревожно забилось сердце. В предвкушении обрести тайны жизни он был готов претерпеть тысячу смертей и пройти через врата ада.

Он окончательно смирился с тем, что придется сменить удобное и безбедное существование в Нью-Йорке на опасную, полную лишений жизнь паломника. Однако радость будущего путешествия омрачалась тем, что Олкотт оставлял на произвол судьбы двух сыновей. К тому же он находился на грани окончательного разорения. В очередном письме Серапис Бей успокоил полковника тем, что о его жене и детях не стоит беспокоиться — его отсутствие пойдет им же на пользу. В дальнейшем на самом деле так и получилось. Сыновья Олкотта нашли высокооплачиваемую работу, а его бывшая жена снова вышла замуж.

Олкотту шел сорок седьмой год. Ему необходимо было во что бы то ни стало срочно найти деньги на дорогу и на проживание в чужой стране. Умозрительный проект создать в Индии совместную американо-индийскую компанию успеха не имел. Олкотту удалось раздобыть рекомендательное письмо от президента Соединенных Штатов Америки, дипломатический паспорт с особыми полномочиями культурного и торгового представителя. К сожалению, это была почетная, но ничего, по существу, не значащая дипломатическая миссия. Американское правительство не брало на себя по отношению к нему и его спутникам никаких денежных обязательств. Как грубо и образно

выразилась Блаватская, ее компаньон «преисполнился надежд ступить на землю Бомбея с правительственной печатью на заду».

Блаватская перед отплытием в Индию взяла себе американское гражданство. 8 июля 1878 года истекли положенные законом для натурализации пять лет. Так было удобнее и спокойнее, устранялась главная опасность: быть официально объявленной русской шпионкой.

Дата предполагаемого отъезда неотвратимо приближалась. Беспокойство Олкотта в связи с этим нарастало, а больших денег по-прежнему не находилось. Кое-какая сумма набралась после распродажи имущества. С аукциона была довольно-таки выгодно продана экзотическая обстановка «ламаистского монастыря». Блаватская и Олкотт собирались ехать в Индию ненадолго, исключительно с ознакомительными целями. В поездку она пригласила двух англичан, своих знакомых по нью-йоркской жизни, — архитектора и художника Эдварда Уимбриджа и учительницу Розу Бейтс. Они были молоды и согласились без тени сомнения. Розу Бейтс отправили в Англию несколькими неделями раньше остальных как «теософского вестника Блаватской»[358]. Олкотт на время своего отсутствия назначил генерал-майора Абнера Даблдея президентом Теософического общества. К нему в помощь в качестве временно исполняющего обязанности казначея и секретаря-корреспондента он отрядил молодого Уильяма Джаджа. Тот тщательно готовился к путешествию в Индию, но женитьба на учительнице, которая ради него ушла с хорошо оплачиваемой работы, заставила его остаться в Нью-Йорке. Не мог же он бросить свою суженую на произвол судьбы, без средств к существованию и надежды на будущее? К тому же она, убежденная христианка, ненавидела Теософическое общество и в особенности — Елену Петровну Блаватскую[359]. На прощальном вечере 15 декабря провожала Блаватскую и Олкотта шумная компания, завсегдатаи ее «Ламасери». Сестра Олкотта, брат Джаджа, генерал-майор Даблдей, профессор Александр Уайлдер и многие другие. Большая квартира едва вместила всех желающих. Впрочем, среди гостей не было многих из тех, с кем Блаватская начинала свой путь к оккультной власти. Ни мадам Магнон, ни Дэвиса, ни спиритуалистических вождей. К тому же отсутствовали многие, с кем она учреждала в 1875 году Теософическое общество. Если ее спросили бы, почему это произошло, она не снизошла бы до объяснений. Ведь Блаватская никогда не раскрывала перед другими свои козырные карты. Она интуитивно поняла, что для создания той структуры оккультной власти, которая складывалась на ее глазах, необходимо

постоянно менять окружение. Иначе бунт сподвижников будет неминуемым и уничтожит ее как лидера, а заодно и духовный авторитет Учителей.

Блаватская, обладавшая непреодолимой жаждой власти, наживала себе множество врагов. Олкотт избегал конфликтовать с людьми, ему всегда сочувствовали и помогали. Среди его друзей был Томас Эдисон, который обсуждал с ним свои психические эксперименты и стал одним из видных членов Теософического общества. Незадолго перед отплытием Блаватской и Олкотта в Индию Эдисон послал к ним ассистента с заданием записать их голоса на станиольный диск. Олкотт собирался взять с собой в Индию фонограф и демонстрировать индийцам чудеса западной техники.

Отправились они в Индию, как и велел Серапис Бей, 17 декабря 1878 года.

Теософическое общество, как можно предположить, было основано с благословения состоятельных индусов и с надеждой на их покровительство. Цель его состояла в том, чтобы предоставить американцам возможность получить некоторые знания о духовной мудрости Индии, направить их взгляд на Восток. От деспотии Запада было решено избавляться не путем вооруженной борьбы, а мирными средствами, осуществляя духовную экспансию в страны-монополии. В Нью-Йорке жили или находились проездом в другие страны состоятельные индийцы. Безусловно, своей проиндусской и пробуддийской деятельностью Блаватская обратила на себя их внимание. Нескольких ее покровителей и спонсоров мы знаем. Вот что писала она об одном из них своей тете Н. А. Фадеевой: «Кришнаварма, который завтра уезжает в Южную Америку, привез нашему Обществу сорок тысяч рупий (двадцать тысяч долларов золотом), а мне выдал двести золотых фунтов за те две недели, что прожил у меня, при этом из наших продуктов он не пользовался ничем, кроме чая, и заваривал его сам себе»[360].

Кришнаварма относил себя к последователям Свами Даянанды. Среди тех, с кем была знакома Блаватская и кто, возможно, оказывал активное содействие ее теософской деятельности, мы находим президента сикхской реформистской организации Тхакара Сингха Сандханвалия и махараджу Кашмира Ранбира Сингха. Как считает современный американский исследователь Пол Джонсон, эти реальные люди — прототипы махатм Кут Хуми и Мории[361].

То, что начали Свами Даянанда Сарасвати и махатмы

Блаватской, блистательно завершил, как я уже писал, другой махатма, невероятно ее чтивший, — Мохандас Карамчанд Ганди.

Создание общества отчасти изменило самих его основателей. К началу 1878 года Блаватская и Олкотт по мере возможности начали ограничивать себя в земных радостях. Олкотт перестал посещать ночные клубы, отказался от алкоголя, а она, с меньшим успехом, правда, бросила на время курение, переместилась спать на жесткий пол и постоянно ограничивала себя в еде.

Неподвижное монастырское спокойствие и размеренный быт воцарились в их доме. И как награда за аскетический образ жизни предполагалось в будущем духовное озарение. Со стороны это, может быть, так и представлялось. В действительности же Елена Петровна понимала, что она, создав Теософическое общество, вступила на тернистый путь. Почти месяц ее мучили ночные кошмары.

На девятую ночь после того как Блаватская перешла к аскетическому образу жизни, она почувствовала, что оставляет свое тело и улетает в ночной мрак. Она порхала бабочкой. На верхней части груди у нее находился буровато-желтый рисунок, отдаленно напоминающий мертвую голову. Передние ее крылья были буро-черными и покрыты желтыми ржаво-бурыми пятнами, а задние — охряно-желтого цвета с двумя черными перевязями.

Размах ее крыльев был широк, как у птицы.

Она летела, задевая крыльями листья, и издавала противный скрипящий звук.

Она предвещала несчастья. Вот что ее приводило в отчаяние. Олкотт слышал, как во сне она скрипела зубами и страшно стонала.

Она летела навстречу рассвету и вспоминала, как когда-то одушевляла титанов и героев, оплакивала умерших, садилась у их изголовья, как вестница жизни и смерти, вилась вокруг поминальных свечей, сопровождала упырей, колдунов и ведьм, насылала порчу и сглаз, поражала людей в самое сердце, высасывала молоко у коров.

И все это была она, безобидная на вид легкокрылая бабочка, ночная красавица и шалунья, потусторонний мираж, превратившийся в земную явь.

Было далеко за полночь, а Блаватская все еще бодрствовала. Она не смыкала глаз потому, что ее распирала гордость от приобщения к вещам сокровенным. Завистники полагали, что оккультные знания получены ею от обитателей царства смерти. Другими словами, они утверждали, что она прибегала к

посредничеству бесплотных духов, или человеческих останков, или того хуже: пользовалась заступничеством вечно страдающих вампиров. Сколько потратила она времени, защищая себя от обвинений в применении колдовских чар и медиумических способностей! Источник ее познаний был совершенно иным. Она не относила себя к спиритам, которых считала слепцами, принужденными пользоваться глазами других, чтобы познать недоступные им вещи. Никогда не вверяла она себя сомнамбулам, поскольку сама относилась к их числу и по своему опыту знала, что они находятся под влиянием лунного света или магнетизера. Мысли последнего им внушаются: ведь не по своей, а по чужой воле сомнамбулы говорят и действуют — эту истину она также хорошо усвоила.

Истина — не сиюминутна, не подвержена влиянию вечно текущего времени. Потому-то видения адептов, живших тысячи лет назад, как проповедовала Блаватская, — это достоверные картины прошлого, настоящего и будущего.

Наконец-то в Нью-Йорке Елена Петровна научилась не выражать прилюдно всю силу охватывающего ее экстаза при появлении в ее сознании Учителя Мории. Прошло то время, когда она стонала от удовольствия, ощущая вблизи его ароматное дыхание. Ее руки бессильно свешивались вниз, и закрывались глаза. Долгое время она изнемогала от страсти к этому человеку. У нее больше не было терпения ждать. Вот тогда-то он и появился в Англии в своем настоящем облике. Излишне повторять, что он был для нее самым дорогим существом. Симпатия между ними возникла сразу и с каждым годом их знакомства становилась сильнее. А чем сильнее взаимная симпатия, тем ярче бывают проявления таинственной психической силы. В известном смысле, они относились к влюбленным. Поэтому ничего удивительного не было в том, что Учитель Мория постоянно делился своими физическими силами с Еленой Петровной, а она с благодарностью в трудные минуты ее жизни заимствовала у него жизненную энергию. Сколько раз он вытаскивал ее с того света! В степи под Саратовом она пыталась заговорить с ним, но не могла вымолвить ни слова.

Другой случай также запомнился Елене Петровне надолго. Вернувшись очень поздно в свою квартиру в районе Манхэттена, она, утомленная, прилегла, не раздеваясь, на кушетку. Трудно сказать, заснула она или нет, но вскоре почувствовала чье-то присутствие в комнате. Она открыла глаза и приподнялась, опершись на локоть. Посреди комнаты стоял Учитель Мория и укоризненно смотрел на нее. Он едва слышно сказал ей: «Вы еще не в Индии?»

Если это был сон, то во всяком случае момента пробуждения Елена Петровна не запомнила. Когда Мория исчез, она вскочила с постели, бросилась к двери и нашла ее по-прежнему запертой изнутри на щеколду.

После появления Учителя Мории Блаватская стала энергично готовиться к отъезду в Индию. Необходимо было слегка приободрить Олкотта, впавшего вдруг в депрессию в связи с предстоящим путешествием. Он заупрямился ехать с Блаватской на край света. И тут также помог Учитель Мория, который однажды ночью появился перед ним в роскошном одеянии, как индийский принц, и этим своим невиданным экзотическим видом потряс его до глубины души. Свидетельством этой первой встречи Олкотта с Учителем был тюрбан из желтой полосатой ткани, расшитый сырым желтым шелком.

Таковы рассказы Блаватской об Учителе Мории, которые она настойчиво, на протяжении многих лет распространяла среди своих последователей. Что же было на самом деле — об этом знают разве что звезды, тысячелетиями смотрящие на Гималаи, на эти окаменевшие всплески необузданной страсти влюбленной в космос Земли.

«А как же быть с фокусами и плутнями, к которым по мере необходимости прибегала Елена Петровна?» — спросит настырный в своем скептицизме читатель. Ведь трудно найти больший контраст, чем тот, который существовал между ее высокими идеями и намерениями и низкой, преимущественно вульгарной практикой. Иногда эта практика действительно ошеломляет своим откровенным цинизмом и дурным вкусом. А разве этими качествами не отличалась та среда, в которой она жила и творила? Положение Блаватской в самом деле было безвыходным, если она надеялась на ответный отклик, на успех. Божественную мудрость приходилось распространять с помощью кнута и пряника среди эгоистических людей с грубыми нравами и упрямым характером. Они не хотели знать, что такое терпимое и спокойное отношение друг к другу. Потому-то в общении с этими людьми она выбрала наступление, непрекращающиеся психические атаки, которые должны были их устрашить и окончательно сломить, сделать послушными детьми. Только в этом случае получала оправдание ее тактика «навешивания на уши лапши», и уже не представлялось столь чудовищным несоответствие ее бытовой окоченевшей жизни с тем «вечным летом», которое существовало не непонятно где, а в ее душе и в чистых землях того мира, который знали и ценили буддисты Тибета. К ним она стремилась сама и самоотверженно звала других.

Уж кто как не она знала, что изменение человеческой натуры возможно при условии перехода работы над своим самоусовершенствованием из сферы мыслей и желаний в сферу поступков и действий. Тогда только можно рассчитывать на искомый результат: возвращение к человеку дара любви, утерянного им в ходе борьбы за выживание. Сначала необходимо было развернуть перед людьми программу этих действий, пробудить в них интерес к высокому предназначению человека не только на Земле, но и в космосе. Без какой-либо приманки обыкновенные люди и шага не сделают в сторону метафизических открытий. Так и будут столетиями испытывать голод физический и голод ума. С проклятиями к Богу переживать безвыходность и безнадежность своего положения, болезни и неминуемую смерть. Так и будут жить в злобе друг к другу, совершать убийства, верить в очищающую силу террора.

В своих решительных планах по выпрямлению человеческого духа Блаватская делала исключительный упор на авторитет Учителей, гималайских Правителей, звездных пришельцев, сохранивших тайное эзотерическое знание исчезнувшей Атлантиды и управляющих историческим процессом. Блаватская верила, что свет мудрости идет с Востока. Любой никудышный йог, по ее мнению, знал и умел намного больше, чем все просвещенные члены масонских лож вместе взятые. В Индии Елена Петровна окончательно определилась в привязанностях и авторитетах. И это несмотря на то, что индийские путешествия отнимали у нее немало душевных и физических сил. О многих своих невзгодах и трудностях она поведала в письмах знакомым и незнакомым людям. В некоторых из этих писем Блаватская была на редкость откровенной. Читатель уже убедился, насколько исповедальным и правдивым было ее письмо шефу жандармского ведомства.

Для Блаватской вообще были характерны контрасты в отношениях с людьми: либо душа нараспашку, либо полная закрытость и высокомерие. Нетрудно себе представить, что получалось в итоге при ее нервности и страстности.

Могла ли она очистить свою душу от дьявольских наваждений и искушений лукавого? Без душевных затрат, конечно, не могла, несмотря на то что не была ни злодейкой, ни праведницей. Не со злым ведь умыслом пустилась она во все тяжкие, а по предназначению своей неприкаянной жизни: слишком много толпилось вокруг нее людей, жаждавших чуда, слоняющихся без толку и нуждающихся в ее попечении. Эти люди не находили спокойствия вовсе не потому, что потерпели

крушение в море житейском. Совсем не по этой причине они с жадной надеждой цеплялись за нее, а оттого, что напрочь отсутствовали в них внутренняя цельность и духовная обстоятельность, в связи с чем и возникала острейшая потребность в мудром и прозорливом наставнике. И Блаватская удовлетворяла их бессознательное тяготение к мистическому, возвращала утраченную способность во что-то верить, на кого-то уповать. Она знала, кого и как посвятить в сокровенные тайны, какие кому дать советы, подкрепив их рассказами о свершениях, коими полна была ее собственная жизнь.

Единственная проблема, какую создавала Блаватской ее теософская деятельность, заключалась в ее последователях и последовательницах. Вот почему в письме князю А. М. Дондукову-Корсакову она с присущим ей сарказмом дает им и себе точное и беспощадное определение: «И, наконец, честь имею послать вам несколько групповых портретов более или менее прославленных теософов (из тех, кого вы называете „глупцами“), среди которых скромно стоит и дочь моего отца, их „духовная мать“, опять-таки в духовном смысле, очевидно, по принципу „Стране слепых положен *одноглазый* король“» [362].

Часть четвертая. ОККУЛЬТНАЯ ИМПЕРИЯ

Глава первая ДУХОВНАЯ РЕКОГНОСЦИРОВКА

В индусском мире авторитет духовного лица недосягаемо высок. С давних времен древнеиндийское определение гуру относится к брахману, который ответствен за духовное возмужание человека, который закладывает в его сознание нравственные понятия. В переводе с языка санскрита на русский язык гуру означает «тяжелый», «весомый», то есть авторитетный. В древнеиндийском обществе гуру был учителем в брахманских школах. Ученики обучались у него и одновременно были заняты в его хозяйстве: пасли коров, косили траву и делали другую тяжелую работу. Как у православных послушание. Гуру полагается для трех высших варн — брахманов, кшатриев и вайшьев и воспринимается индусами как духовный учитель, наставник. Титулом свами (санскр., букв. — хозяин, владыка) и по сегодняшний день удостаиваются те индусы, которые обладают безупречной нравственной репутацией как духовные и религиозные деятели. К такому же по значимости неформальному титулу принадлежит и махатма (санскр., букв. — великая душа). Этим неформальным титулом отмечают в индусском мире харизматические фигуры, с которых обожествляющие их поклонники пытаются делать собственную жизнь. Такие же распространенные в индусской среде обозначения людей, как садху (санскр., букв. — аскет, отшельник, святой), «вратья» (санскр., букв. — послушный, верный), йогин (санскр., букв. — аскет), сиддха (санскр., букв. — провидец, волшебник, маг) лишь в малой степени очерчивают круг авторитетных в Индии лиц, многие из которых становятся еще при жизни легендой. Они, бесстрашные и упорные в своей фанатической цели вырваться из круга обыденности, преодолевают, как не устают повторять их поклонники, с помощью ментальных упражнений физические законы природы и возвышаются своими духовными подвигами и сверхъестественными способностями над простыми смертными. Культ этих людей широко распространен в Индии с незапамятных времен, существует он и в наши дни, давно преодолев географические границы. Махатмами, великими душами, называют в Индии всех крупных религиозных деятелей, которые воплощают собой доброту и сострадание к людям. Они отличаются глубокими знаниями фундаментальных основ жизни

и безупречным нравственным поведением. В буддийском мире таких людей называют также бодхисаттвами. Это те просветленные, кто остается в круговороте сансары до тех пор, пока не спасены все живые существа. Вероятнее всего, понятие махатмы возникло в Индии в Средние века и было связано с движением бхакти. Это реформаторское в индуизме движение признавало единство и реальность Бога и природы. Оно провозглашало необходимость любить Бога всем сердцем и помыслами для того, чтобы спастись от горестей жизни; считало Бога одинаково милосердным ко всем людям из высших и низших каст. Уже одно это ставило под сомнение справедливость кастового разделения общества. И что было наиболее важным: путь любви к Богу до известной степени устранял стоящего между верующим и Богом посредника — жреца-брахмана[363]. Своей духовно-религиозной деятельностью, всей своей жизнью махатма — образец святости, как ее понимают в Индии. В XX веке Мохандас Карамчанд Ганди стал первым политическим лидером, получившим от индийского народа этот духовный титул.

Блаватская была хорошо знакома с основами индусской жизни.

Традиционная жизнь индуса строго регламентирована и укладывается в четыре последовательные ступени (ашрамы). Само же традиционное индусское общество разделено на четыре эндогамные социальные группы, варны (санскр., букв. — цвет, окраска). Это брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Каждая из этих групп разбита в свою очередь на многочисленные касты и подкасты. Принадлежность к варне определяется рождением и наследуется по отцовской линии. Следует иметь в виду, что члены каждой варны представляли определенные традиционные профессии. Так, брахманы составляли жреческое сословие, кшатрии были воинами, вайшьи — торговцами, ремесленниками и земледельцами, а к шудрам относились те, кто обслуживал более высокие варны. Понятно также, что каждый вид названной деятельности требовал разнообразной специализации. Отсюда и появилась необходимость деления варн на множество каст и подкаст. Через инициацию, повязывание священного шнура проходят мальчики из трех варн: брахманы, кшатрии и вайшьи. Затем ребенок из семьи брахманов имеет возможность в восьмилетием возрасте из отчего дома переселиться в дом своего наставника (гуру) для заучивания древних текстов и получения предписанных традицией знаний. Впрочем, большинство родителей-брахманов предпочитают приглашать учителя на дом. Как предполагается, мальчик должен вести жизнь размеренную,

наполненную умственным трудом. Он приобретает навыки медитации, изучает различные религиозно-философские школы, не прельщается мирскими радостями. Словом, весь погружен в учебу, постигая через изучение священных текстов и бесед с наставником основные правила нравственной жизни индуса.

Первый этап жизни молодого человека продолжается лет десять-двенадцать. А затем наступает второй этап — более ответственный и не такой интеллектуально напряженный. Он женится и становится домохозяином — грихастха. Теперь на его плечи ложатся заботы о семье, он возлагает на себя отцовские обязанности по воспитанию детей, трудится не покладая рук, чтобы в его доме появился достаток. Поставив детей на ноги, выдав замуж дочерей и женив сыновей, он согласно традиции уходит с женой в лес. Там он очищается от скверны бытия, уходит от мирской суеты. Этот третий этап жизни известен как ванапрастха. В лесу он и его жена приуготовляют себя к последнему четвертому этапу — полному разрыву с миром преходящего. Он становится странствующим аскетом, саньясином, а жена, если она еще жива, возвращается к кому-то из детей или в поисках пропитания бродит от храма к храму. Чтобы объявить себя саньясином, он совершает девять жертвоприношений предкам и самому себе, как уже умершему человеку. В последний раз он разжигает костер, проглатывает золу, вдыхает в себя дым, избавляется от тех немногих вещей, которые его сопровождали в лесном затворничестве. Наконец, отбрасывает в сторону самое ценное, что находилось на нем с детских лет, — священный шнур, демонстрируя этим жестом свой окончательный разрыв с привычной социальной средой. Потом он наголо выбривает голову, оставляя на ней только небольшую прядь волос, окунается с головой в воду — в реку, озеро или пруд и, выйдя на сушу, делает несколько шагов, произнося три раза священную мантру (заклинание): «Ом, бхух саньястам майя» (Мною сотворена саньяса). С этого момента он утрачивает все связи с миром.

Трудно себе представить, чтобы большинство людей, принадлежавших к самой высшей варне — брахманам, неукоснительно следовали всем предписаниям, которые содержались в этом своеобразном кодексе брахманской чести, в этом индусском домострое. Очевидно, что в современном мире третий и четвертый этапы жизненного пути подавляющим большинством индусов не соблюдаются. Но не в этом дело, важно другое: существование идеала как такового, как высшей правды. И пусть на практике ему следуют немногие, но признают и

духовно переживают абсолютно все. Вместе с тем индусская традиция не возбраняет в виде исключения перейти сразу от периода ученичества к стадии саньясина.

Знала Блаватская и о четырех жизненных принципах индусов: дхарме, артхе, каме и мокше. Эти принципы непосредственно соотносятся с четырьмя жизненными этапами. Известный специалист по индуизму и его реформации, наш современник Ростислав Рыбаков, точно и доходчиво формулирует такое сложное понятие индуизма, как дхарма:

«Дхарма человека — это нескончаемый перечень его обязанностей: по отношению к предкам, к богам, к окружающим, ко всему живому и неживому. Дхарма — это не только порядок, но и качество жизни. Это правило нравственного поведения, возведенное в долг. Нравственность не рекомендуется, нравственность жесточайшим образом предписывается. Нарушение дхармы есть преступление космическое»[364].

Готовясь к путешествию в Индию, в страну сохранившегося древнего знания, Елена Петровна задумывалась также и над важными для любого индуса вопросами: что такое земная жизнь, насколько она реальна или иллюзорна и что такое смерть? Идея реинкарнации, метемпсихоза была ей знакома из прочитанных книг о философских представлениях древних греков. У индусов многократное, эволюционное (от низшего к высшему) перевоплощение души в различные телесные оболочки происходит через смерть отдельного живого существа. Это многократно повторяющаяся трагедия, бесконечно длительный процесс. В этом смысле смерть не единична. Двигаясь вверх, душа «очеловечивается» и «взрослеет» и уже в человеческой ипостаси через сугубо нравственное существование и через правильное следование религиозным обычаям постигает свою истинную сущность. Просветленной душе открывается мир чистого бытия, сознания и радости — «сат», «чит», «ананда», и она освобождается от перерождений.

Артха и кама представляют основные принципы традиционного индусского жизнеустройства и связаны с двумя первыми этапами жизни: как правильно в нравственном смысле получать жизненные блага (артха) и до какой степени возможно наслаждаться красотой жизни, получая удовольствие (кама), чтобы опять не скатиться на несколько ступенек вниз по лестнице перерождения души. В конце концов человеку, именно человеку, а не какому-то другому живому существу удается достичь глубинного уровня сознания, и только тогда перед ним открывается возможность освободиться от пут времени и пространства и обрести полную всеобъемлющую свободу (мокша,

мукти), соединившись со своим первоисточником — мировой душой.

Не знай Блаватская этих основ индуизма, не смогла бы она тогда написать свои замечательные книги «Из пещер и дебрей Индостана» и «Загадочные племена на „Голубых горах“».

Остальные ее работы, за исключением рассказов, объединенных в цикл «Заколдованная жизнь», относятся к произведениям философско-поэтическим. Идеи, в них содержащиеся, не выстроены в систему. Елена Петровна демонстративно сталкивает полемичные по отношению друг к другу традиции «арийских» и авраамических религий. Не так ли поступал в своих сочинениях и проповедях Свами Даянанда Сарасвати? Они в этом оказались схожи, несмотря на различие во взглядах, характере и в благородных замыслах изменить людей к лучшему. Ей было даже значительно сложнее действовать, поскольку она вела двойное существование. С одной стороны, ей приходилось мельчить и изворачиваться, исхитряться в бесконечных уловках по поиску и привлечению для своей деятельности, как сейчас сказали бы, спонсоров. С другой стороны, она должна была постоянно находиться в образе пророка, благородной дамы «нездешней стороны», допущенной полубожественными существами к познанию великих тайн мироздания. Вот и приходилось Елене Петровне Блаватской «ходить колесом» перед жаждущими зрелищ зрителями, впрочем, на этот раз не в прямом, как это она делала в каирском цирке, а в переносном смысле. Ведь она не была, как Свами Даянанда Сарасвати, живущим на подаяние саньясином.

Глава вторая. ЗЕМНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ ИНДИИ ДУХА

Путешествие морем опять тяжело далось Блаватской. Плыли пароходом «Канада», два дня их болтало у берегов Америки исключительно по вине капитана, который не мог вывести корабль из дрейфа. После недолгой хорошей погоды начались дождь и штормовые ветры. Олкотт пытался повысить ей настроение веселыми песенками, а однажды вечером в кают-компании капитан решил позабавить их страшными историями о кораблекрушениях и жертвах морской стихии, отчего Блаватская окончательно пала духом и сидела с окаменевшим лицом.

Она уже с трудом верила, что доплывет до Англии. Индия казалась ей недосягаемой землей. Она утоляла голод солониной и оттачивала остроумие на англиканском священнике, который пропускал ее колкости мимо ушей. Это был добродушный, неконфликтный человек, с вкрадчивым голосом и смешной

фамилией Стурдж, переводимой на русский язык как Осетр. Его рот и в самом деле напоминал рот этой благородной рыбы. Он был красноречив и изрядно утомлял Блаватскую своей болтовней. Когда «Канада» наконец-то достигла берегов Англии и вошла 3 января 1879 года в грейвлендский порт, он попросил у Елены Петровны фотографию на память.

Блаватская и Олкотт остановились в южном предместье Лондона — Норвуде в доме американского медиума Мэри Биллинг и ее мужа, по профессии врача. Блаватская провела немало времени в Британском музее за чтением необходимых ей книг и рукописей. Ее навещал старый знакомый — Чарлз Карлтон Мэсси, избранный в 1878 году первым президентом Британского теософического общества. Это был первый их филиал, в котором помимо Мэсси работали над теософской идеей Стейнтон Уильям Моузес и подруга Блаватской Эмилия Кислингбери. В то время Чарлз Карлтон Мэсси восторгался «Изидой без покрова», в которой русская фантазерка с детской непосредственностью причудливо смешала разнородные эзотерические традиции, словно это были обыкновенные краски. Ее усилиями получилась такая разноцветная завораживающая размывка, что голова шла кругом. Ему, лирическому поэту, разделяющему взгляды прерафаэлитов, было чему поучиться у старой леди.

Елена Петровна с ходу сотворила несколько «феноменов» и без особенного труда убедила Мэри Биллинг в существовании Гималайского братства. На протяжении последующих лет она не теряла с ней связи и, судя по письмам Елены Петровны Альфреду Перси Синнетту, та в отличие от Чарлза Карлтона Мэсси оказывала ей какое-то время определенную поддержку в борьбе с теософской оппозицией в Лондоне.

В середине января Блаватская написала письмо сестре Вере о том, что плывет в Индию, и послала ей целую кипу своих фотографий.

Они отплыли из Англии в Индию 18 января 1879 года пароходом «Спик Холл». Путешествие не предвещало ничего хорошего. Пароход был старый, как ржавая консервная банка. Отсыревшие гобелены и ковры в салонах и каютах мерзко пахли. Пароход был перегружен и через палубу постоянно перекатывались волны. Блаватская убивала время в кают-компании в окружении членов команды и нескольких высокопоставленных пассажиров. На пароходе она познакомилась с молодым и обходительным ирландцем Россом Скоттом. Он плыл к месту своей службы в британской колониальной администрации. Теософские идеи пришлись ему по вкусу, а от

самой Блаватской он пришел в восторг. Ее же умилили его юношеская непосредственность и искренность. Так случится, что еще не раз им предстоит встретиться на индийской земле.

В Бомбей они прибыли ранним утром 16 февраля 1879 года. Прошло два месяца, как они покинули Нью-Йорк. Олкотт опустился на колени и поцеловал гранитный бомбейский причал. Елена Петровна удержалась от подобного экстравагантного жеста. Президента бомбейского отделения «Арья Самадж» Харричанда Чинтамона и других деятелей этого общества, с которыми Блаватская и Олкотт состояли в постоянной переписке, на пристани не оказалось. Никто их торжественно не встречал. Это было тем более удивительно, что Теософическое общество становилось международным. Его филиал в Англии расширялся за счет новых талантливых и любознательных людей. В Соединенных Штатах Америки в общество вошли такие видные деятели, как изобретатель Томас Эдисон и генерал Абнер Даблдей. Старая подруга Блаватской по Каиру Лидия Пашкова готовила почву для открытия нового отделения в Японии.

И вот черная неблагодарность — представителям «Арья Самадж» они как будто не оказались нужны. Все четверо стояли довольно долго под палящим индийским солнцем, вспотевшие и совершенно растерянные. Блаватская замерла перед просторной круглой площадью, почти у кромки Бомбейского залива. В глубине площади высились громоздкие мрачные здания. Перед ней клокотала полуголая пестрая индийская толпа. Люди с белой тряпкой вокруг бедер и в белоснежных длинных, навыпуск, рубахах гоношились вокруг. Некоторые, впрочем, были одеты побогаче — в почти царские одеяния, а на их головах возвышались ослепительно-красочные чалмы и разноцветные тюрбаны. Они перебивали друг друга, жестикулировали и предлагали всякую всячину — земляные орехи, бананы, пухлые пористые мандарины, небольшие приплюснутые дыни и оранжево-рыжую, с темными пятнами и продольными бровками папайю — полуовощ, полуфрукт. Теснота и давка были невыразимые. И вдруг они увидели, как сквозь эту толчею к ним пробирается толстый запыхавшийся индус с луноподобным лицом. Это явился Харричанд Чинтамон, который чуть было не забыл об их приезде.

Перед тем как отправиться в Индию, Олкотт обратился с письмом к Чинтамону с просьбой снять для четырех человек скромный, недорогой, с минимальным количеством удобств

домик в индусском квартале. Вместо этого Чинтамон предложил им свое жилище — освобожденное от домочадцев бунгало, практически без мебели и с туалетом во дворе. Однако этот непритязательный дом после треволнений и неудобств морского путешествия предстал раем в глазах Блаватской. Отдых в разогретом тропическим солнцем, но хорошо продуваемом помещении был блаженством.

На следующее утро весть об их приезде распространилась среди местных жителей, и на первом приеме в их честь присутствовало больше трехсот индийцев.

Согласно индийскому обычаю, каждому из них повесили на шею гирлянду из белых жасминовых лепестков, а также из лепестков охристых «гэнда» и белых, чуть-чуть темных у основания, «годаври». Олкотт от подобного радушного обращения растрогался до слез. Елене Петровне с трудом верилось, что на родине, в России, стоят морозы, метет пурга, лошади увязают в снегу, люди берегут тепло, законопатили двери и окна. Здесь же, в Индии, многие жилища вовсе стояли нараспашку, зияли дырами, в большинстве из них не было дверей, а крышу застилали тряпками и рогожами.

Некоторое время они общались в Бомбее с Россом Скоттом. Молодой человек принимал участие в их встречах с индийцами. На одной из таких встреч Блаватская выиграла у Скотта пари. Она заявила, что поменяет инициалы на его носовом платке на инициалы Харричанда Чинтамона. Выигрыш в сумме пять фунтов стерлингов пошел в качестве ее пожертвования для «Арья Самадж».

Лужайка перед домом Харричанда Чинтамона представляла собой английский газон. Вот уже лет пятьдесят его аккуратно подстригали. Ступнями ног Елена Петровна чувствовала гуттаперчевую упругость травы, а глазами видела ее цивилизованную косматость, словно перед ней расстелили тщательно выделанную шкуру огромного неведомого зверя, сопровождающего жизнь человека четвертой расы.

Любила она, чего уж тут скрывать, культурное отношение человека к окружающей природе.

Высокая стена, отделяющая лужайку от улицы, была увита плющом, который шевелился, как живой, под порывами ветра, и казалось, что находишься на поляне посреди джунглей.

На обочине лужайки возвышалось несколько пальм, стволы которых словно были выточены из песчаника. На ощупь они в самом деле напоминали камень.

Птичий гомон, который услышала Елена Петровна в Индии, был незабываемым, он словно напоминал о другом,

непостижимом и параллельном мире природы, жившем по своим законам.

В Бомбее они были нарасхват, выслушивали в свой адрес бесчисленное количество приветственных речей. Индийцы их превозносили до небес при всяком удобном случае. У них кружилась голова от успеха и воздаваемых почестей. Олкотт вообще пребывал в эйфорическом состоянии и назвал их первые дни в Индии «ничем не омраченным счастьем». Он, как всегда, поторопился с обобщениями.

Однажды утром Чинтамон представил Блаватской и Олкотту баснословный счет, в который вошли оплата их проживания, еды, радушных приемов и поздравительных телеграмм, мелкий ремонт по дому и другие траты, включая даже аренду трехсот стульев для приветствовавших их индийцев. Еще один такой счет — и они остались бы без гроша в кармане. Блаватская безуспешно попыталась опротестовать у Чинтамона непомерно большие и явно преувеличенные расходы по их пребыванию в Бомбее. Он присвоил себе к тому же 600 рупий, высланные ими заранее на бомбейский адрес «Арья Самадж».

Пришлось всем им срочно перебираться в другой дом, который они без особых затруднений нашли, а проживание в нем оказалось вдвое дешевле.

Мулджи Такерсей, с которым Олкотт познакомился еще в 1870 году, плывя через Атлантику из США в Англию, рекомендовал им в качестве слуги сообразительного пятнадцатилетнего юношу-гуджератца, по вере мусульманина, по имени Валлабх-улла. Это имя Елена Петровна переиначила в Бабулу. Юноша был услужлив, говорил на пяти языках и быстро прижился при Блаватской. Долгое время он сопровождал ее в путешествиях по Индии, Цейлону, Европе.

На протяжении многих лет Блаватская по частям восстанавливала, как ей представлялось, пирамиду утерянного современным человечеством знания. Фундаментом этой пирамиды, краеугольным камнем ее мировоззрения была система понятий, идей и образов, которые так или иначе восходили к индуизму и тибетскому буддизму.

Серьезная борьба за приоритеты в стратегии и тактике приобщения западных людей к восточной мудрости началась с первых дней ее появления в Индии. Исторический момент для успеха Елены Петровны в расширении ее теософской деятельности был наиболее благоприятным. Вот что писал, например, о настроениях индийского общества в 1880-е годы основоположник русской индологии И. П. Минаев: «Оно действительно тревожное, и положение британской власти в

Индии может быть названо даже критическим. Жалобы и ропот слышны всюду»[365].

Начнем с того, что верных последователей в Индии, которых Елена Петровна надеялась найти и на которых могла бы полностью положиться, оказалось почему-то очень мало. Самонадеянность, часто ни на чем не основанная, но всегда сопровождаемая напористостью и неуемной энергией, была ее второй натурой. Благодаря этому качеству характера ей не раз удавалось заставлять нужных людей изменять к ней отношение в лучшую сторону и делать то, что ей было необходимо. На этот раз ее задачей было привлечь к себе внимание важных персон из двух враждующих станов: авторитетных религиозных деятелей индийского общества и высших чиновников из британской колониальной администрации. Первых она должна была, как ей представлялось, поразить знанием индусского культурного наследия, а также своей всепоглощающей любовью к их духовному миру. Любопытство к себе вторых, членов избранного колониального общества, возбудить рассказами о той экзотической жизни, которую она вела, и демонстрацией феноменов. Понятно, что Блаватская, общаясь с одними и другими, не только не скрывала аристократичности своего происхождения, но и при всяком удобном случае сообщала о своей родовитости. Она словно вскользь напоминала всем им, что ее бабушка принадлежала к древнейшему княжескому роду. Блаватская ясно осознавала, что без нужных знакомств путешествие по Индии будет сопряжено с большими трудностями.

Многие влиятельные представители британской власти изъявили желание вступить в Теософическое общество. Уже в первые месяцы пребывания Блаватской в Индии она получила необычно теплое приветствие от Альфреда Перси Синнетта, редактора «Пайонира», влиятельной ежедневной английской газеты, рупора британского правительства в Индии. К ее радости, Синнетт выражал надежду увидеть ее в Аллахабаде (редакция его газеты находилась в этом городе) и был готов опубликовать в своей газете статью о Теософическом обществе. Он уже прочитал «Изиду без покрова», а за несколько лет до этого находился под большим впечатлением от спиритических сеансов известного лондонского медиума миссис Гаппи. Синнетт был свидетелем нескольких произведенных этой дамой феноменов.

Блаватская чувствовала себя как нельзя лучше. С утра она, облаченная в легкое воздушное платье, принимала гостей на веранде, а Бабула стоял за ее спиной с опахалом из павлиньих

перьев. Воздух был насыщен солнечным светом и пропитан запахом цветов. Ее успокаивал однообразный стрекот цикад и чуть-чуть раздражали термиты: они беспрерывно разрушали, растаскивали по мельчайшим частицам нечто для них огромное и величественное — дом, в котором она жила. По стенам бесшумно металась, иногда надолго застывая, зеленая ящерка.

Если полагаться на путевые очерки Елены Петровны об Индии, а писать их она начала чуть ли не с первых дней, как оказалась на индийской земле, то получается, что она и ее немногочисленная свита появились там с определенной целью — под непосредственным руководством Свами Даянанды Сарасвати изучать древнюю страну ариев — Аръяварту, а также «Веды», для чтения которых пришлось бы освоить трудный язык санскрит[366]. Она и Олкотт еще в Америке были наслышаны о глубоких познаниях этого индуса в санскрите, как, впрочем, и о его реформаторской деятельности. Однако куда в большей степени ее влекла к себе Индия мифов и преданий. Индия тайная, которая была доступна далеко не всем. По крайней мере, она с нескрываемым пафосом рассуждала о «пространных подземных жилищах в горных массивах Индии», якобы населенных мистиками и анахоретами[367]. Ее бесконечные разглагольствования о «звездных братьях» и их скрытых убежищах со временем стали изрядно раздражать путешествующих с ней людей. Один лишь верный Олкотт был исключением, но даже он требовал чуть ли не ежедневного подтверждения существования этих чуждающихся общества, незаметных «иерархов света». Однако будем объективны: в первые недели пребывания в Индии ее спутники Уимбридж и Роза Бейтс с восхищением внимали ей — настолько их захватывали фантастические рассказы, большей частью почерпнутые Еленой Петровной из двух индийских эпосов: «Махабхараты» и «Рамаяны».

Блаватская быстро вошла в курс индусских дел, поняла самую суть борьбы между реформаторами, последователями Даянанды, и идолопоклонниками-консерваторами, которых она с присущей ей прямотой назвала «коварными врагами народа»[368]. Казалось, она сделала правильный выбор, бесповоротно поставив на Даянанду. В Нью-Йорке она была убеждена, что ее восхищение реформаторской деятельностью Даянанды будет замечено и взаимное, предопределенное свыше сотрудничество двух оккультных обществ, западного и восточного, состоится. Но к ужасу Блаватской Даянанда, узнав об их появлении в Индии, держал дистанцию. То ли присматривался к ней и ее спутникам, толи чего-то остерегался. Конечно, она слегка переборщила с

восхвалениями Даянанды, исходя из убеждения, что «маслом кашу не испортишь». Блаватская решила изложить свои впечатления об Индии в путевых очерках в виде писем, которые на этот раз предназначались исключительно для России. Она знала, чем взять за живое тогдашнего русского читателя. Первое из писем под общим названием «Из пещер и дебрей Индостана» и под псевдонимом Радда-Бай появилось уже в январе 1880 года в «Русском вестнике» М. Н. Каткова. Наступало новое время рыночных отношений. Товар должен был продаваться быстро, широко и в наибольшем количестве. От получаемых материалов издатели газет и журналов требовали не столько художественности, сколько сенсационности. А тут был редкий случай, когда художественность и сенсационность составляли единое целое.

Из ее путевых заметок Россия узнала о том, какая насыщенная и оживленная духовная и интеллектуальная жизнь была и до сих пор существует в Индии. Она не жалела красок в воссоздании величественного образа Даянанды. Он в ее трактовке олицетворял духовное пробуждение колониальной страны. Даянанда представал в ее воображении средоточием таких идей и понятий индийской древности, которые неминуемо должны были восстановить глубочайшие духовные основы жизни индийцев и сотрясти основы западного суетного мира.

В письмах о своих странствиях по Индии Блаватская была «душой нараспашку». Единственное, в чем она тогда никому не призналась бы, — в ее мучительных сомнениях, нужна ли она вообще здесь, в Индии, стране тысячелетних культурных традиций, со своей неуемной жаждой познания оккультных тайн? А вот ведь оказалось, что нужна, и даже очень.

Она с первых дней в Индии почувствовала, что эта страна населена глубоко религиозным народом, для которого нет ничего выше духовных идеалов. Интеллектуально насыщенная атмосфера, в которой проходило их общение с часто незнакомыми людьми, во многом скрашивала бытовую неустроенность.

В своих очерках для катковского журнала Блаватская дала волю чувствам. Ее возмущение колониальными порядками, презрение к удовольствиям и забавам английских чиновников и прислуживающих им англоиндийцам были выражены в такой саркастической, язвительной и ернической манере, что читатель, сопереживая столь бурным эмоциям, волей-неволей принимал ее сторону. К тому же Елена Петровна учитывала стереотипы мышления среднестатистического русского читателя, его фобии, геополитические взгляды и культурные пристрастия. Вот один из

примеров ее эмоциональных рассуждений на тему английской мнительности и подозрительности:

«Это национальная черта англичан кричать „караул, режут“, когда их никто и не думает трогать, — отвратительна. <…> Но если эта черта замечательна даже в Англии, то с чем же сравнить ее в Индии? Здесь подозрительность перешла в мономанию: англоиндийцы готовы видеть шпионов России даже в собственных сапогах, и они упиваются этой идеей до чертиков. Следят за каждым новоприбывшим из одной провинции в другую, даже если бы то был англичанин. У народа не только отняли всякое оружие, но даже лишили последнего топора и ножа. Крестьянину нечем ни дров нарубить, ни защититься от тигра. Но англичане все еще дрожат. Правда, что их здесь всего 60 тысяч, в то время как туземного населения насчитывается до 245 миллионов. Да и система их, перенятая ими от искусных укротителей зверей, хороша лишь, доколе зверь не почует, что его укротитель трусит… Тогда горе ему! Во всяком случае, подобное постоянное выказывание хронического страха обнаруживает лишь сознание собственной слабости»[369].

Говоря о том, что у индийцев «отняли всякое оружие», Блаватская проявляла осведомленность в колониальном законодательстве. Так, в 1878 году был принят закон об оружии, по которому индийцам запрещалось иметь огнестрельное оружие[370]. Она основательно подготовилась к путешествию в Индию. Можно предположить, что у нее ушла уйма времени на чтение четырех (пусть и в отрывках) ведических собраний в переводах на европейские языки — «Ригведы» (Веда гимнов), «Самаведы» (Веда песен, мелодий), «Яджурведы» (Веда жертвенных стихов) и «Атхарваведы» (Веда заклинаний и заговоров), а также на постижение, хотя бы в самых общих чертах, литературы, комментирующей Веды и проясняющей их смысл, которая представлена «Брахманами», «Араньяками» (Лесными книгами) и «Упанишадами» (Тайным учением). Самым внимательным образом ознакомилась она, как явствует из ее путевых записок, с содержанием двух эпических поэм, и по сей день имеющих для индийцев огромное значение, — с «Махабхаратой» и «Рамаяной», в которые вошли предания, легенды, сказания и мифы.

Взять приступом за короткий срок цитадель индусской мудрости Елене Петровне помогли ее усердие, титаническая работоспособность, а также знание иностранных языков — немецкого, французского и английского. Была она сведуща и в том, что из себя представляют другие религиозные верования индийцев, в том числе буддизм, джайнизм, зороастризм.

Трудно не заметить в этих очерках ощущение индийской жизни, многое из которой поражает воображение читателя кажущейся неправдоподобностью. Возможно ли поверить в целебный змеиный камень «нагмани», созревающий в горле змеи и оттягивающий яд? А ведь действительно существует такой камень, широко применяемый индусами-змееловами как эффективное средство от змеиных укусов. Мне не раз приходилось наблюдать процедуру спасения с помощью этого камня человека, укушенного змеей. Впрочем, если камень «нагмани» не прилепляется к свежей ранке, то, считай, дело пропащее. В таком случае остается полагаться на возможности современной медицины и сделать все от тебя зависящее, чтобы как можно быстрее оказаться в находящейся поблизости больнице. Достоверно описаны Блаватской кустарниковые змеи, в изобилии встречающиеся в джунглях Бенгалии: «Укрепясь за ветку хвостом, змея ныряет всем туловищем в пространство и жалит человека в *лоб*»[371]. Хорошо также была осведомлена Блаватская об эзотерической тантрической секте радж-йогов, «посвященных в таинство магии, алхимии и разных других сокровенных наук Индии»[372]. К незнакомой обстановке Блаватская привыкла достаточно быстро, и все в ней показалось ей важным и значительным. Естественно, в ее путевых очерках встречаются ошибочные суждения и неточности. Ничего в этом нет удивительного, имея в виду, что это была ее первая поездка в Индию и весь громадный объем новой информации о разнообразных сторонах индийской жизни с ходу запоминался с трудом. Несомненно, что в то время Учитель Мория не мог ей оказать серьезной помощи в работе над путевыми очерками. Вероятно, он уединенно медитировал в какой-то из гималайских пещер или вообще был за пределами своего отечества. А иначе он, конечно, не допустил бы таких ляпов, как ее заявление о том, что брахманы ведут свой род от луны[373]. Между тем любой индус знает, что брахманы появились изо рта изначального Пуруши, олицетворяющего мужское начало. К лунной династии относили себя не брахманские, а царские кшатрийские роды. Доисторическая столица лунной династии не Праяг или Аллахабад, как уверяет Блаватская[374], а Матхура и находящийся неподалеку Вриндаван. Именно здесь провел свои детские и юношеские годы Кришна, по земной биографии один из царей лунной династии. На этом остановимся в выискивании мелких и крупных блошек в очерках Блаватской об Индии и отдадим должное ее незаурядному таланту запоминать многое о многом. Большей частью она достаточно точно излагает разновременную и разнородную культурную информацию. Эта способность ума

Блаватской вовсе не мешает ей толковать факты, как вздумается, сцеплять одно событие с другим (что она впервые с размахом осуществила в «Изиде без покрова») и уже из создавшейся фантастической амальгамы творить новую вселенную. Процесс этот, сопровождаемый завораживающим монологом, поражал окружающих смелостью, граничащей с наглостью, на которую способны, как правило, самонадеянные дилетанты. Ее мышление было неожиданным и оригинальным, в то время как жизнь, которую она создавала для себя и для узкого круга избранных, с течением времени надоедала практически всем умным людям, удручая своим банальным интриганством и монотонностью.

Ну и что из этого? Ее рутина была особенной, ни на что не похожей, и затягивала оккультной бездной. Она денно и нощно трудилась на опасной границе между мифом и реальностью и требовала к себе уважения. Она не сомневалась в своей духовной избранности, и казалось, не существовало силы, которая могла бы ее остановить. Больше всего ее заботило, чтобы неожиданно не появился кто-то, способный вырвать из ее рук мессианское знамя. Олкотта она своим соперником не считала. И все же Елена Петровна не собиралась потакать всяким его прихотям и капризам.

Подходило время совершения чудес.

Нравственная нечистоплотность Харричанда Чинтамона, последователя Свами Даянанды Сарасвати, бросала тень, в известном смысле, на репутацию ее Учителей. Такой поворот мысли вполне мог возникнуть у ее спутников и, разумеется, уже возникал. В Соединенных Штатах Америки Теософическое общество едва существовало. Уильям Джадж жаловался в письмах к ним, что касса общества пуста и он с нетерпением ждет их возвращения.

От Блаватской требовались радикальные меры, неожиданные и смелые шаги. Должен был появиться во плоти Учитель и решить, казалось бы, тупиковую ситуацию. Елена Петровна предпочла действовать безотлагательно. Увы, не оставалось в ней больше духовного целомудрия!

Ее первыми мишенями были избраны Мулджи Такерсей и Генри С. Олкотт. Все, что совершала Елена Петровна, делалось с определенным умыслом, часто она была одна против всех, поэтому приходилось хитрить и изворачиваться. В ипостаси женщины слабой, неуверенной в себе, действующей с оглядкой на волю *звездных братьев* и третируемой кем попало, чаще всего католическими миссионерами, ей было проще вызвать к себе симпатию и доверие со стороны людей богатых и

сострадательных. Обманывать их, можно предположить, было для нее мукой мученической, но великая цель помочь человечеству более возвышенно мыслить и более достойно жить, к которой она стремилась, требовала жертв.

Изложим происшедшие события в хронологическом порядке.

29 марта Блаватская попросила Такерсея заказать легкую двухместную коляску с откидным верхом. Она села вместе с ним в коляску и, указывая дорогу вознице, кружным путем доехала до Парела, пригорода Бомбея, расположенного на морском берегу. Там она велела подъехать к воротам богатого поместья и, оставив Такерсея в коляске, позвонила в дверь роскошного особняка. Ей открыл высокий индус, с которым она исчезла в доме.

Вышла она из дома одна, но с букетом роз. Как Елена Петровна объяснила своему спутнику, розы предназначались в подарок Олкотту от таинственного индусского оккультиста.

У Такерсея возникли сомнения в увиденном. Он запомнил, что они побывали в районе Парела. Именно там, на берегу моря, горел погребальный костер его матери. Никогда прежде он не видел в этом месте великолепного особняка, почти дворца. Он вообще не встречал подобных строений в Индии. Блаватская предупредила его, чтобы он не пытался обнаружить то место, где они только что побывали. Она его не обманула. Все попытки Такерсея снова увидеть роскошный дом ни к чему не привели. Дом словно растаял во влажном тропическом воздухе.

Блаватская под большим секретом сообщила ему и Олкотту, что особняк, в котором она побывала, принадлежит Гималайскому братству и используется путешествующими гуру и их учениками чела как странноприимный дом. Для посторонних людей его сделали невидимым.

4 апреля Елена Петровна вместе с Олкоттом, Такерсеем и Бабулой отправилась поездом до станции Нарел и далее на пони до пещер Карли. Во время этого путешествия Олкотт получил таинственные письма от неизвестных лиц, а также подарки: букет роз и небольшую лаковую шкатулку.

В пещерах странные события продолжились. Как только они расположились для трапезы на каменном полу одной из самых просторных пещер, Елена Петровна заговорщицким голосом объявила, что где-то поблизости находится маленькая пещера, а в ней тайная дверца, ведущая в огромную залу в самом сердце горы, там-то и устроена школа адептов Гималайского братства. Олкотт от такого заявления чуть было не подавился бананом. Он обстучал стены нескольких пещер, однако никакой скрытной дверцы не обнаружил.

Вечером, расположившись у подножия горы, они вдруг спохватились, что Блаватская отсутствует. Она куда-то исчезла. Со стороны пещер посреди ночи они услышали хлопанье дверью и взрывы хохота. Через какое-то время появилась Елена Петровна и объяснила как ни в чем не бывало, что посетила оккультную школу Гималайского братства.

Спустя четыре дня со стороны Блаватской произошла еще одна демонстрация чудесного, необъяснимого явления. Они возвращались почтовым поездом в Бомбей. Мулджи спал, растянувшись на верхней полке. Елена Петровна и Олкотт сидели напротив друг друга, и она который раз втолковывала ему о полученном телепатическим путем распоряжении Учителей ехать им вдвоем в Раджпутану и в Пенджаб. Олкотт слушал, как всегда, вполуха. Она сочла необходимым предупредить об этой новой поездке оставшихся в Бомбее Уимбриджа и Бейтс, чтобы те не думали, что она с Олкоттом разъезжает по Индии в собственное удовольствие. Она написала на клочке бумаги: «Попросите Гулаба Синга телеграфировать Олкотту о том, что велено мне в пещере вчера. Пусть это будет испытанием для всех остальных так же, как и для него». Блаватская небрежным жестом руки выбросила эту записку за окно едущего полным ходом поезда. Олкотт машинально зафиксировал время. На часах было 12.45 дня.

По возвращении домой Роза Бейтс протянула им только что полученную на имя Олкотта телеграмму. В ней говорилось о необходимости немедленно выезжать в Раджпутану. На телеграмме стояло время и место ее отправления: два часа дня, станция Курджит, та самая станция, которую они проехали через несколько минут после того, как Елена Петровна выбросила записку за окно [375].

У меня нет желания и тем более возможности проверить все эти мистические истории, скрупулезно изложенные Олкоттом в его книге «Листы старого дневника». В жизни Блаватской было нечто такое, чего до сих пор не могут взять в толк ее исследователи. Ее серьезная несерьезность. Б*о*льшую часть времени, которое она проводила на людях, занимала игра в умную маму и несмышленых детишек. Обычно она импровизировала по ходу дела, словно пыталась установить, до какой степени доходят человеческая наивность и глупость. Насколько же были аморальны те выросшие из детских штанишек люди, которые поняли смысл затеянной игры и потворствовали ее автору и ведущему, исходя из своей выгоды! Блаватская долгое время сочиняла небылицы для домашнего потребления, их вскоре подхватили и растиражировали для широких масс ее услужливые ученики и сподвижники. В этом не ее вина. Ее ответственность

состоит в том, что она вовремя не остановила словоблудов, вроде Олкотта и Синнетта, а всячески содействовала им в мифологизации собственной персоны. Стилевой характер ее перфомансов, изрядно сдобренных юмором и сарказмом, свидетельствует о некотором пробуждении у нее совести.

Блаватская обладала яростной сексуальной энергией, которую сублимировала в творческую и со страстью выплескивала в мир людей. Она надеялась, что возникнет цунами страшной разрушительной силы — зачистка перед рождением новой цивилизации с новой моралью и новым смыслом жизни. К чему ей было в этом случае представляться порядочной и благопристойной женщиной?

Кому многое дано, с того многое и спросится.

Блаватская больше всего на свете хотела встретиться со Свами Даянандой Сарасвати. Она уже поняла, что ради них он не приедет в Бомбей. Пришлось ехать самим.

В апреле 1879 года они с Олкоттом, сопровождаемые Такерсеем и Бабулой, отправились из Бомбея в Сахаранпур на встречу с индийским мудрецом. Как говорят, если гора не идет к Магомету, то… Разумеется, за ними увязались из Бомбея два сотрудника тайной полиции, которые постоянно их пасли. Время для паломничества было не лучшим. В Индии стояла чудовищная жара. В Аллахабаде сделали первую остановку, проведя двое суток в раскаленном вагоне поезда. Синнетта с женой в городе не было, это время они обычно проводили в горах, в Симле.

В гостинице при железнодорожной станции бегали крысы, продаваемую разносчиками еду облепили мухи, на платформе вповалку лежали истощенные люди, с вытянутыми по бокам руками и запрокинутыми к небу лицами. Видеть небо они не могли — с головы до ног завернув себя в какие-то тряпки, они своей окостенелостью напоминали трупы. Пассажиры вагонов третьего класса, как это до сих пор принято в Индии, тащили на себе свернутые тюки с постелью. Вымыть руки или сполоснуть лицо, а также сходить в туалет было то же самое, что окунуться с головой в сточную канаву. В гостинице дышать было нечем, и они вышли наружу, пытаясь обнаружить в уличной толчее какого-нибудь святого человека и по возможности выведать у него местонахождение кого-то из Учителей. Блаватская потратила почти две недели на эти поиски. И наконец напала на слепого старого сикха, прижившегося при станции, который, по его словам, 54 года занимался медитацией. Он оставлял свое место на платформе лишь по нужде и по ночам, когда шел к реке

Джамне совершать омовение. На слезную просьбу Елены Петровны показать феномен он, к ее ужасу, заявил, что это игрушки для невежд, и добавил, что истину находят те, у кого спокойный ум и безмятежная душа[376]. Вот как раз этих качеств всегда не хватало Блаватской, но она и не пыталась их в себе развивать.

Следующим на их пути был город Канпур, там их ждал Росс Скотт, получивший должность в этом городе. С его помощью они обнаружили голого истощенного саньясина, который, услышав о феномене, посмотрел на них таким надменным взглядом, словно они его искушали. Затем было много других городов, среди них Джайпур с его дворцом ветров и грязная, вся в коровьих лепешках Агра, в которой мавзолей Тадж-Махал, по ее словам, предстал «изумительной жемчужинкой, сверкающей на куче навоза»[377]. Она писала своему другу Александру Уайдлеру, что ее шпионская слава заставила махараджу Джайпура отказать им в гостеприимстве[378]. Ее действительно раздражала бесцеремонность и наглость следующих за ними по пятам полицейских ищеек. Но Блаватская привыкла смиряться с неудобствами жизни. Приблизительно через месяц они прибыли в Сахаранапур на первую встречу со Свами Даянандой. Члены «Арья Самадж» тепло их приняли, угостили фруктами и индийскими приторными сластями. У Блаватской уже начинался диабет, но она ради приличия попробовала чуть-чуть того и другого. Свами Даянанда сначала встретился с Олкоттом и Такерсеем и беседовал с ними приватно приблизительно час, а затем уж удостоил внимания Блаватскую. Сказался, по-видимому, его мужской шовинизм. А ведь она настойчиво внушала Олкотту, что Даянанда относится к членам Гималайского братства и высоко ее ценит. Он довольно сдержанно ее поприветствовал и в дальнейшем опять сосредоточился на разговоре с Олкоттом, а ее словно не замечал[379]. Их общение еще затруднялось тем, что Свами Даянанда не знал ни слова по-английски. Его рассуждения о нирване, мокше и Абсолюте были общими и банальными. Вместе с тем Свами Даянанда поддержал идею Олкотта создать отделения Теософического общества по всей Индии. Другим позитивным результатом этой встречи можно считать разоблачение вороватого Харричанда Чинтамона. Оказалось, он прикарманил пожертвования для «Арья Самадж», высылаемые из Нью-Йорка Блаватской и Олкоттом. Его с позором изгнали из «Арья Самадж», но он ничуть не расстроился, отправился в Англию и оттуда в течение нескольких лет исходил желчью в адрес Блаватской и всего Теософического общества. В начале мая 1879 года они вернулись в Бомбей.

Количество писем, получаемых Олкоттом от махатмы Гула-ба Синга, стремительно возросло. Денег у путешественников оставалось все меньше и меньше, и среди них нарастало неудовольствие. Роза Бейтс постоянно хныкала и проводила полдня на кухне под навесом. Чтобы хоть чем-то себя занять, она разводила кур и уток. Блаватская называла ее кухаркой, а ее недоброжелательность объясняла стихийно прущим из нее злобным магнетизмом. Уимбридж по любому поводу брюзжал и всякий раз фыркал, когда Елена Петровна что-то рассказывала. За три месяца до этого он слушал ее, раскрыв рот. Олкотт также заговорил о возвращении домой.

В июне в Бомбей пришел муссон. Лило как из ведра. В доме потекла крыша, и они сидели в комнате под зонтами — нелепые искатели оккультных тайн.

Из затопляемых земляных нор повылазили змеи, скорпионы, ядовитые пауки. Приходилось всегда быть начеку. Постоянное брюзжание Олкотта раздражало Блаватскую до головной боли. Однажды он удостоился словесной выволочки от самого Учителя Мории, который писал ему, что никто силой не заставлял Олкотта покидать родной дом, и сожалел, что полковник не ведет себя как настоящий мужчина, оказавшись в трудной ситуации. После этого послания Олкотт прекратил разговоры о немедленном отъезде из Индии. Еще одно событие, весьма неприятное, окончательно привело его в чувство. Он получил из Соединенных Штатов Америки известие о том, что потерял на страховом полисе и акциях серебряных рудников больше десяти тысяч долларов.

Приблизительно в это время Блаватская узнала, что ее разыскивает Эмма Куломб, урожденная Каттинг, ее старая знакомая по каирской жизни. Эмма жила на Цейлоне со своим мужем, французом Алексисом Куломбом. Она вышла за него замуж вскоре после того, как Елена Петровна уехала из Египта.

Эмма до замужества полагала, что Алексис — энергичный и богатый человек. В действительности же она связала свою жизнь с неудачником. Сначала они приехали в Индию, в Бенгалию. Там Алексис не смог найти работу. Они существовали на учительские заработки Эммы и на ее репетиторство. Она готовила девушек из богатых семей для поступления в женские колледжи. А потом заболела, и для поправки здоровья ей посоветовали перебраться на Цейлон, климат там был мягче, а жизнь дешевле. Однако и на Цейлоне им чудовищно не везло. Может быть, потому, что по душевному складу они были закрытые подозрительные люди, а

таких мало кто любит.

Кстати, все их знакомые в один голос утверждали, что чету Куломбов преследует злой рок. За что бы те ни брались — все заканчивалось полным крахом. Купили в Галле старую гостиницу и тут же обанкротились. Решили заняться сельским хозяйством, выращивать овощи европейских сортов — земля, которую они взяли в аренду, оказалась слишком каменистой, на ней ничего толком не росло.

Эмма Куломб, обратившись с письмом к Блаватской, рассчитывала на помощь старой подруги.

Елену Петровну ее письмо ничуть не обрадовало. Она впадала в панику, когда неожиданно возникал кто-то из ее знакомых, кому была хорошо известна ее прежняя жизнь. Еще в Нью-Йорке она едва уладила свои отношения с Александром Аксаковым, который был осведомлен о ее скандальном прошлом через своего дальнего родственника Даниела Юма, и, как знает читатель, отозвался о ней довольно-таки нелицеприятно в письме к Эндрю Джексону Дэвису. Пришлось самой писать Аксакову в Россию слезные письма, находить душещипательные и покаянные слова, унижаться и просить не распространяться о ее бурной молодости. В конце концов он сжалился над ней и сменил гнев на милость. Однако этот случай оставил у нее тягостное чувство, ведь ей пришлось чернить свою молодость. Похоже, что из-за старых, дискредитирующих ее связей Блаватская стороной объезжала Россию.

Из письма Эммы она не поняла, что та, собственно, от нее хочет: возвращения каирского долга и новых денег как плату за молчание или возобновления прежней дружбы?

В итоге Блаватская ответила Эмме, что она бедна как церковная мышь, никакими свободными денежными средствами не располагает, ибо живет в коммуне. Елена Петровна умела, когда нужно, напустить туману. Вместе с тем она предлагала старой подруге и ее мужу приехать к ней в Бомбей и вступить в Теософическое общество. Обещала даже подыскать им работу. Блаватская была уверена, что супруги Куломб не наберут необходимой суммы на пароход до Бомбея.

Так совпало, что через год после появления в Индии Блаватской в характере колониального режима произошли серьезные изменения. В 1880 году к власти в Англии пришли либералы. Вновь назначенный вице-король лорд Рипон начал проводить политику либерализации, непосредственно направленную на восстановление гражданских прав индийцев. По его инициативе, в частности, был отменен наделавший немало шуму Закон о туземной печати, согласно которому полицейские

власти на местах наделялись правом прекращать издание газет на индийских языках, помещающих материалы антиправительственного содержания[380]. Подобное послабление органам периодической печати вызвало появление новых изданий. Естественно, Елена Петровна воспользовалась газетным бумом и с помощью индийцев, членов Теософического общества, распространяла сведения о себе и своей деятельности везде, где это было возможно. Однако за несколько месяцев до назначения лорда Рипона вице-королем Индии она уже начала издавать журнал «Теософист» при всей скудности имеющихся в наличии финансовых средств. Собственный журнал отчасти спасал двусмысленное положение, в котором оказалась Блаватская. Она жаловалась генералу-майору Даблдею в письме от 16 июля 1879 года, что их выжили из всех местных газет и добивают демонстративным пренебрежением и равнодушием[381].

Что за Блаватской и ее спутниками присматривали британские спецслужбы, на то у них были свои резоны: успех русских войск в Туркестане и их опасное для англичан средоточие вблизи границ Афганистана. Русских почем зря поносили в английских газетах. Русофобия лавинообразно нарастала, еще чуть-чуть — и она погребла бы под собой все благие теософские начинания Елены Петровны. То, что она русская, отпугивало от нее многих законопослушных индийцев и сужало социальную базу Теософического общества в Индии. Впрочем, слежка за Блаватской длилась полтора года. К моменту ее приезда в Индию вице-королем был лорд Р. Бульвер-Литтон, сын знаменитого писателя. Блаватская была представлена ему его интеллектуальным окружением с наилучшей стороны. К тому же вице-короля, как и его отца, интересовали восточные тайны, к которым русская теософка имела самое непосредственное отношение.

Помимо Синнетта у Блаватской оказались влиятельные доброжелатели и поклонники. Она была, что называется, нарасхват у представителей колониальных властей. С индийцами, как мы видим, первое время дело обстояло неблестяще. Индийские националисты с появлением Блаватской в Индии не бросились от радости в ее объятия. Она была для них чужаком, млечха, и они подозревали, что она появилась среди них с корыстной целью. Или еще хуже — считали ее провокатором, тесно связанным с британцами. И это предположение (ошибочное по существу) она чуть ли не ежедневно подтверждала посещением британских домов, куда ее приглашали в гости. Другое дело, что, общаясь с этими людьми, она не скрывала своей симпатии к подневольным индийцам. Особенно она подружилась с

некоторыми раджами и махараджами. С последними она познакомилась опять-таки с помощью своих британских поклонников.

Деньги, с которыми они приехали, были на исходе.

Блаватской и Олкотту приходилось работать не покладая рук, совмещая кабинетную работу с практической деятельностью. Письма она писала обычно по ночам.

Первый октябрьский номер «Теософиста» вышел 25 сентября 1879 года и состоял из статей о буддизме, Древнем Китае, материалов по тригонометрии, а также из панегирика Свами Даянанде Сарасвати. Эдвард Уимбридж вырезал на дереве макет первой обложки журнала. В первом номере Блаватская рассказала о Теософическом обществе, о его целях и задачах. В частности, она писала: «Чтобы полностью определить теософию, мы должны рассмотреть ее во всех аспектах. Внутренний мир не скрыт от нас непроницаемой тьмой. С помощью той высшей интуиции, приобретаемой с помощью теософии (или богопознания), которая переносит ум из мира форм на уровень духа вне формы, во все века и во всех странах людям иногда удавалось ощущать вещи внутреннего, или невидимого мира. Так что „самадхи“, или „дхьян-йог самадхи“ индийских аскетов; „даймонион-фоти“, или духовное озарение, неоплатоников; „звездные беседы душ“ розенкрейцеров или философов огня; и даже экстатический транс мистиков и современных месмеристов и спиритов — тождественны по сути, хотя и различны по степени проявления. Поиски человеческого божественного „я“, столь часто ошибочно толкуемые как общение с Богом, имеющим черты личности, занимали всех мистиков, и, похоже, что вера в его существование — ровесница человечеству, хотя разные народы давали этому разные имена. <…> И наконец, Альфред Р. Уоллес, член Королевского общества, спирит, и тем не менее признанный натуралист, смело и откровенно заявляет: „Чувствует, ощущает и думает один лишь дух — это он приобретает знания, размышляет и устремляется… Нередко встречаются люди с такой конституцией, что их дух может воспринимать независимо от телесных органов чувств или может, частично или полностью, покидать на время свое тело и возвращаться в него вновь… Дух сообщается с духом легче, чем с материей“»[382].

Небольшой тираж «Теософиста» успешно разошелся. Следующий его номер был выпущен в количестве 750 экземпляров.

Блаватская составляла и редактировала «Теософиста». Со временем опубликовала в нем множество своих эссе, ведь аграфией она не страдала, писала до изнеможения, пока рука не

устанет. Она использовала журнал для публикации собственных статей, в которых углублялись и развивались первоначальные теософские идеи. Так, в статье «Семеричный принцип в эзотеризме» она сформулировала одну из основополагающих доктрин теософии — семеричность человека и космоса, привлекая для этого индусские и буддийские термины и понятия. Семеричное строение, на что обращает внимание Блаватская, присуще не только человеку, но и природе. Применительно к человеку она различает четыре низших принципа: физическое тело (рупа), жизнь, или жизненный принцип (прана), астральное тело (линга-шарира) и животные желания и страсти (камарупа). Три высших принципа состоят из разума (Манас), духовной души (Буддхи) и духа (Атма). Система ценностей, которую предлагает Е. П. Блаватская, свидетельствует о ее большой начитанности в индусской философии. Причем дело тут даже не в санскритской терминологии, а в образе мыслей самой Блаватской. Идея сверхчеловека воспринимается ею как идея богоизбранного существа, наделенного значительно большей ответственностью, чем обычные люди. Древнейшая традиция пророка, мессии не преминула заявить о себе в неоправданных надеждах Блаватской на ту роль, которую должны сыграть оккультные идеи в судьбе человечества. Остается надеяться, что в одном она все-таки не ошиблась: ее концепции и образы оказались важнейшими из тех катализаторов, которые, можно считать, способствовали появлению новых направлений в искусстве и художественном творчестве вообще.

Создать и «раскрутить» журнал одной Блаватской было не под силу. С самого начала для издательской и миссионерской деятельности требовались туземные помощники. И волонтеры для такой работы вскоре нашлись. Она вдруг обнаружила вокруг себя людей с пылкими сердцами, достаточно образованных, честных и бескорыстных. Их безразличие к материальным выгодам, отсутствие претензий к условиям работы и патриотические стремления как нельзя лучше соответствовали ее требованиям к новым активистам теософского движения из индийцев. Я уже упоминал Мулджи Такерсея. Однако настоящей находкой для Блаватской стали Дамодар К. Маваланкар, Субба Т. Роу и Мохини М. Чаттерджи — талантливые юноши из брахманских семей. Каждый из них внес свою лепту в создание мифа о ней как о женщине со сверхъестественными способностями. Но главное состояло не в эйфорическом восторге, который они испытывали от общения с Блаватской, а в том, что она наконец-то получила скромных, без всяких амбиций,

преданных и работящих сотрудников.

Для каждого из этих юношей нашлось дело по душе. С Дамодаром Маваланкаром Блаватская познакомилась в Бомбее в 1879 году, вскоре после своего приезда в Индию. Однажды ночью в проливной дождь на пороге их дома возникла долговязая фигура юноши с керосиновым фонарем в руке — он искал своего гуру и нашел его в лице Блаватской. Дамодар занялся практическими вопросами по изданию «Теософиста» и был в числе его постоянных авторов. Молодого адвоката Субба Т. Роу из Калькутты Блаватская встретила в Мадрасе через три года, в 1882 году, и он поразил ее своей способностью обучаться по ходу дела. Он схватывал на лету всё, что она проповедовала. Скорее всего, он был заворожен ею, как и Дамодар Маваланкар. Олкотт уверял, что Субба Роу до встречи с Блаватской вообще не был знаком с санскритской литературой[383]. Пусть, однако, это безапелляционное заявление останется на совести отца-основателя Теософического общества. Трудно представить, чтобы ребенок из известной и образованной брахманской семьи был настолько невежествен. Субба Роу умер молодым, чуть-чуть не дожив до тридцати четырех лет. Со временем он прервал отношения с Блаватской и Теософическим обществом, обвинив в 1885 году основоположницу теософии в страшном преступлении, а именно в том, что она выдает кому попало наиболее священные и сокровенные индусские тайны. Она ничуть не обиделась на такое заявление, оно было ей на руку. Блаватская даже учредила медаль имени Роу, которая вручалась продвинутым теософам.

В «Теософисте» Субба Роу заявил о себе как талантливый эссеист, безоговорочно признав оккультную связь Блаватской с гималайскими Учителями. Только ему она доверяла журнал на время своего отсутствия в Индии. По сути дела, он был ее заместителем по работе с индийскими авторами.

Из этой троицы Дамодар Маваланкар выделяется наибольшим самоотречением, если к этому высшему проявлению альтруизма вообще приложима какая-нибудь сравнительная степень. В его импульсивном характере самозабвенное почитание Елены Петровны дополнялось верой в сверхъестественные способности звездных братьев, Учителей, а экстатическая религиозность парадоксальным образом уживалась с практической сметкой. Может быть, кастовая нетерпимость брахманов — к этой варне он по рождению принадлежал — заставила его искать новых единоверцев и духовных убежищ. Теософское братство, душой которого была Блаватская, окончательно обострило в нем давно пробудившееся желание — поселиться среди Учителей и просветиться их мудростью. Как

вспоминал Дамодар, первый порыв религиозного экстаза он ощутил еще в детстве во время тяжелой и затяжной болезни. Однажды, когда он находился между жизнью и смертью, в его воспаленном мозгу появился образ неземного существа. Образ этот материализовался и внешне напоминал какое-то индусское божество. Из его рук Дамодар получил чудодейственное лекарство и с этого момента начал стремительно выздоравливать. Спустя несколько лет после этого фантастического события, находясь в глубокой медитации, уже повзрослевший Дамодар вызвал в своем сознании тот же самый образ своего спасителя. С того времени, как уверял Дамодар, этот «дух-хранитель» не раз вырывал его из объятий смерти[384]. Вот так он поверил в Учителей и их сверхъестественные возможности. Случилось это задолго до того, как он познакомился с Блаватской. История с лекарством, принесенным мальчику неким божеством, возвращает нас к «Таинственному острову» Жюля Верна. Напомним читателю историю спасения восемнадцатилетнего Герберта Брауна, заболевшего на острове, казавшемся необитаемым, злокачественной лихорадкой. У юноши воспалилась печень, помутилось сознание. Его спутники понимали: без лекарства он был обречен. И вдруг появляется коробочка с сернокислым хинином, которая была принесена неизвестно кем, юноша принимает лекарство и… начинается медленное выздоровление. Вот что пишет Жюль Верн: «Через несколько часов Герберт уже спал более спокойным сном. Его друзья могли поговорить о случившемся. Вмешательство незнакомца в их жизнь никогда еще не было таким очевидным. Но как он мог проникнуть в Гранитный дворец, да еще ночью? Это было непостижимо. Все действия таинственного „гения острова“ были не менее загадочны, чем сам гений»[385]. Понять, кто у кого заимствовал этот поворот сюжета, не так уж сложно. В оправдание Елены Петровны Блаватской и ее верного ученика (чела) Дамодара можно привести единственный, но весомый аргумент: сюжетных поворотов в жизни и литературе вряд ли больше, чем пальцев на руках и ногах. Поэтому то, что случилось с героем Жюля Верна, вполне могло произойти и с Дамодаром.

Дамодар по достоинству оценил мудрость Учителей Блаватской и «первым ввел в теософский лексикон слово махатма применительно к гималайским адептам»[386]. Это нововведение тут же сделало всех Учителей Блаватской по происхождению и постоянному местожительству индусами. Это было существенное уточнение, которое основательно преобразило всю ее концепцию о сверхсуществах. Учителя Елены Петровны с горних высот спустились на индийскую землю. Они с этого момента оказались

крепко-накрепко привязанными к индийской истории и ее героям. К тому же теперь она могла своим фантазиям дать более-менее определенные географические координаты:

«Сейчас Мория живет большей частью вместе с Кут Хуми, у которого есть дом на пути к *горам Каракорум за Ладакхом*, находящимся в Малом Тибете и относящемся в настоящее время к *Кашмиру*. Это большое деревянное строение, похожее на пагоду в китайском стиле, между озером и красивой горой. *Братья* считают, что мир еще недостаточно созрел для того, чтобы учить его оккультизму на высшем уровне. Мир слишком верит в личного Бога и в христианство, в божеств и прочую чепуху. Они крайне редко являют себя миру. Однако они могут проецировать свои астральные формы куда угодно»[387].

Поскольку же у махатм оказались более-менее постоянное место жительства и земная биография, они могли закончить свой жизненный путь и быть упокоенными в достойном для них месте. Что и произошло в конце концов с наставником Альфреда Перси Синнетта махатмой Кут Хуми: «В одном месте, о котором не принято упоминать в разговорах с посторонними, есть ущелье, через которое перекинут непрочный мостик, сплетенный из трав, а под ним стремительно несется яростный поток. И храбрейший из членов ваших альпинистских клубов едва ли рискнет пройти по мостику, ибо он свисает подобно паутине; кажется, что он необыкновенно хрупок и не выдержит вес человека. Но это не так, и перед тем, кто отважится на подобное испытание и успешно его преодолеет, — когда захочет, ибо как раз на это ему должно хватить смелости, — открывается исключительной красоты пейзаж: вход в одно из наших потайных мест и к одному из наших людей, и ни о том, ни о другом нет упоминаний в записях и беглых зарисовках европейских географов. На расстоянии броска камнем от старого ламаистского монастыря стоит древняя башня, в которой созревали целые поколения *Бодхисаттв*. Именно там сейчас покоится ваш безжизненный друг (К. Х.) — мой брат, свет души моей, которому я поклялся следить в его отсутствие за его работой»[388].

Дамодар неожиданно, никого не предупредив, исчез из Адьяра 23 февраля 1885 года после скандала, вызванного Куломбами. Официальная версия теософов, которой они придерживаются до сих пор, — верный *чела* Блаватской отправился в ашрам своего Учителя в Тибете. В 1886 году Олкотт получил очередное письмо от махатмы Кут Хуми, в котором сообщалось, что Дамодар добрался до намеченной цели, прошел инициацию и стал Адептом, преодолев по пути немало

трудностей. Еще один яркий и режущий глаз штрих к портрету «старой леди», во время получения Олкоттом письма живущей вполне комфортно в Германии в окружении экзальтированных западных поклонниц. А ведь никто из всех ее учеников не был к ней привязан так самозабвенно, как этот нелепый, наивный и романтичный молодой человек, ради нее и Теософического общества оставивший свою жену и родителей. Блаватская, легкая на подъем и острая на язык, из безжалостной насмешницы незаметно для самой себя превращалась в поразительно безразличную к людям старую неповоротливую тетку. Что Дамодар, несчастная жертва теософских мистификаций, занялся поисками настоящего Учителя — несомненно. Как достоверно и то, что спустя некоторое время его труп был обнаружен в Сиккиме, о чем основоположница теософии была осведомлена. За свою наивность и доверчивость Дамодар расплатился собственной жизнью. В этой трагической ситуации Олкотт повел себя еще хуже, чем Блаватская. Поскольку исчезновением Дамодара была задета честь Теософического общества, он утверждал, что найденный труп молодого человека — обман зрения, иллюзия, созданная махатмами в целях маскировки, чтобы «создать впечатление, будто паломник погиб». В действительности же, утверждал Олкотт, Дамодар жив и здоров и наслаждается общением с махатмами[389].

Лживая жизнь становилась нормой для основоположников теософского движения. Когда привязан к вращающемуся колесу, хочешь не хочешь, через определенное время обязательно оказываешься висящим вниз головой.

Глава третья. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

К лету 1879 года финансовые дела Блаватской пошли на поправку. В Теософическое общество вступило много состоятельных индийцев. Например, Шишир Бабу, издатель и редактор калькуттской газеты «Амрита Базар патрика», а также раджа княжества Бхавнагар. Вся компания перебралась в просторный дом, который они назвали «Кроуз нест», «Воронье гнездо», расположенный в респектабельном районе Бомбея. Отец Дамодара, состоятельный человек, подарил Блаватской лошадь с экипажем. Его сын наконец-то нашел своего гуру и согласно индусской традиции какое-то время должен был жить в его доме.

Блаватская активно переписывалась с Альфредом П. Синнеттом и его женой Пейшенс. Они пригласили ее и полковника посетить Аллахабад, что было с благодарностью принято. В декабре 1879 года они в сопровождении Дамодара

отправились в путь. В Аллахабаде, где жили Синнетты, большую часть года находилась верхушка британской колониальной администрации. Синнетты встретили Блаватскую и Олкотта с большим почтением и радушием. В доме Синнеттов, в котором почти на две недели остановились основатели Теософического общества, устраивались в их честь бесчисленные приемы и производилась демонстрация оккультных способностей Блаватской. С кем только ни перезнакомилась Елена Петровна! И с членом Верховного суда, и с министром государственного образования, и с секретарем вице-короля. Самым важным, наверное, было ее знакомство с Эллис Гордон, женой члена совета при вице-короле Индии, и Алланом Хьюмом, еще недавно чрезвычайно влиятельным чиновником британской колониальной администрации.

Аллан Октавиан Хьюм и Альфред Перси Синнетт были в Индии известными людьми. Как сейчас сказали бы, имели высокий рейтинг одновременно у индийской общественности и английских колониальных властей. Иначе говоря, к ним относились со всем почтением, на какое только была способна образованная публика. Их в равной степени уважали, несмотря на то что Хьюм был долгое время высокопоставленным британским чиновником и воплощал официоз, а Синнетт относился к представителям четвертой власти — журналистам. В 1879 году Хьюму, когда он впервые встретился с Блаватской, было 50 лет, а Синнетту — 39. Один был отошедшим отдел, некогда влиятельным чиновником колониальной администрации, известным ученым-орнитологом, другой — видным журналистом. За плечами каждого из них стояла непростая, полная приключений жизнь. Аллан Хьюм был сыном бесстрашного шотландского реформатора Джозефа Хьюма. Его отец сделал крупное состояние в Ост-Индской компании. По возвращении в Англию он купил себе место в палате общин и занимался политической деятельностью до конца своих дней. Аллан Хьюм с юности отличался независимым характером, в 13 лет он уже плавал юнгой, а в 25 лет пошел по отцовским стопам — отправился за счастьем в Индию. К этому времени он кое-что понимал в медицине и довольно-таки легко нашел место в бенгальской государственной гражданской службе. По служебным ступенькам он продвигался с необыкновенной скоростью. Он даже стал кавалером престижного ордена Британской империи — ордена Бани. Именно этой наградой было отмечено его мужественное поведение во время Сипайского восстания. Последней его должностью перед уходом в неожиданную

отставку был престижный пост секретаря по сельскохозяйственным вопросам английского колониального правительства. К моменту появления Блаватской в Аллахабаде Хьюм вел частный образ жизни, обладая солидным состоянием. По-видимому, Елена Петровна пришла в восторг от орнитологического музея, основанного Хьюмом на собственные средства. Она вспомнила о своей бабушке Елене Павловне Фадеевой и подумала, что та тоже обрадовалась бы, увидев такую роскошную коллекцию. В музее находилось 63 тысячи чучел и 19 тысяч яиц. Хьюм привлек внимание Блаватской еще и тем, что изучал восточные религии, говорил на нескольких индийских языках и в отличие от Синнетта и большинства англичан благожелательно относился к индийцам. Он был убежден, что они будут в конце концов сами управлять своей страной. Этого уже было достаточно, чтобы Блаватская выделила его из многих англичан, с кем она встречалась в Индии, избрала своим собеседником и часами рассказывала ему об эзотерическом братстве.

Хьюм верил и не верил Блаватской. Однажды он написал ей:

«Хотя время от времени мне отчаянно хочется сказать себе, что вы — мошенница, все-таки, кажется, вы лучшая среди них всех, и я люблю вас больше всех»[390].

Елена Петровна не признавала золотой середины. Демонстрируя феномены, она часто перехватывала через край, не знала, когда вовремя остановиться. Профанация ею своих оккультных сил могла кого угодно озадачить, даже самых преданных *чела*. Первое время демонстрация Блаватской феноменов приводила Хьюма и Синнетта в настоящий восторг.

Блаватская околдовала Синнетта без особых усилий. Он безоговорочно принял ее теософскую стратегию и тактику. Другое дело Хьюм, на бюрократический опыт и политическое влияние которого она безусловно рассчитывала. Он то восхищался ею, то обходил стороной. В сравнении с Синнеттом Хьюм был гигантом, в интеллектуальном смысле, разумеется. Мягкость и приветливость Блаватской не произвели на последнего должного воздействия. Нельзя сказать, что он относился к людям хищного склада, но и ягненком не был. Она основательно взялась за приручение Хьюма. Для начала она проникла в частную жизнь его семьи. С ее помощью и при содействии махатм сблизились друг с другом Росс Скотт и дочь Хьюма Мэри Джейн, которую домашние называли Минни. В декабре 1881 года они поженились. Ничего хорошего, однако, из сводничества Блаватской не вышло. Дочь Хьюма ее возненавидела и в конце концов разрушила добрые отношения между «старой леди» и своим отцом и мужем.

К 1882 году Хьюм окончательно порвал с Блаватской и, назвав ее «лгуньей, притворщицей, посредственностью и хронической хвастуньей»[391], вышел из Теософического общества.

Однако Синнетт стоически переносил все проделки «старой леди», как они с Хьюмом называли Блаватскую. Ему определенно пришлась по вкусу ее склонность к насмешкам над ханжеством и лицемерием британской администрации в Индии.

Синнетт был худощавым, стройным, лысым мужчиной с аккуратно подстриженными пышными усами и бородой. Он оказался в Индии в 1872 году. Ему, талантливому журналисту, писавшему для престижных английских газет и немного проработавшему в колониях, в частности в Гонконге, предложили престижную и высокооплачиваемую должность главного редактора видной англо-индийской газеты. Он конечно же согласился и оказался в шикарном особняке, окруженный слугами и заискивающими посетителями. Это была долгожданная и справедливая награда, как он считал, за его трудную предыдущую жизнь. Ведь он провел детство и юность, полные лишений. По правде говоря, он даже не закончил школу. Теперь он наслаждался жизнью в Индии вместе со своей женой Пейшенс — на русский язык это имя переводится как «терпение».

Блаватская обратила внимание, что во вновь образованных индийских отделениях Теософического общества наиболее активные позиции занимают ирландцы и шотландцы. О духовном аспекте этого явления я уже говорил на предыдущих страницах. Но был еще аспект политический. В 1850-х годах, как пишет английский ученый Нэйл Фергюсон, в Шотландии проживала приблизительно одна десятая часть населения Британских островов, однако управленческий аппарат Ост-Индской компании по меньшей мере наполовину состоял из шотландцев. Со своей стороны добавлю, что если приплюсовать к ним ирландцев, то этот процент значительно увеличится. Нэйл Фергюсон отмечает, что ирландцы были более представлены не среди офицеров в бенгальской армии Ост-Индской компании, а среди нижних чинов. Так, согласно его сведениям, бенгальская армия состояла на 34 процента из англичан, на 11 процентов из шотландцев и на 48 процентов из ирландцев. Среди директоров Ост-Индской компании из 371 человека 211 были шотландцами. У многих шотландцев и ирландцев жены были из местных. Ирландцам Индия казалась той же Ирландией, только большего размера. Сами же индийцы в борьбе за национальную независимость многое почерпнули из ирландского опыта. Ведь политика ирландцев по отношению к англичанам состояла не в том, чтобы

добиваться уступок, а путем бойкота британской власти достичь победы[392]. Шотландцы и ирландцы в Индии с симпатией относились к деятельности Теософического общества, справедливо видя в ней легальную интеллектуальную оппозицию англичанам. В конечном счете именно ирландка Анни Безант, духовная преемница Блаватской, была избрана президентом политической партии Индийский национальный конгресс, которая привела индийский народ к освобождению от британского господства.

Во время пребывания Блаватской в Индии процессу законной ассимиляции с местным населением был положен конец. Браки с индийскими женщинами и мужчинами объявлялись нежелательными и не регистрировались. Стремление англичан оставаться в замкнутом своем кругу победило. Нетрудно представить, какую негативную реакцию вызвало это решение у англоиндийцев. Как я думаю, именно оно заставило их со временем охотно и массово вступать в Теософическое общество. К 1885 году, времени отъезда Блаватской из Индии, там насчитывалось 124 отделения общества.

Альфред Перси Синнетт был в полном восторге от «Изиды без покрова». Его друзья жаждали общества Блаватской и поражались необыкновенным ее умением подавать себя публике.

Она произвела несколько феноменов — преимущественно постукивания и пощелкивания, а также перемещала в пространстве некоторые предметы, например кулоны и броши. К тому же она читала запечатанные сургучом письма. Однако Блаватская наотрез отказалась повторить эти теософско-спиритуалистические опыты перед комиссией, состоящей из серьезных ученых. Дабы утихомирить недовольных и пресечь разговоры о своих цирковых способностях, она небрежно сотворила еще одно чудо во время обеда, данного в ее честь индийским махараджей: на обедающих упало сверху несколько роз. На этом обеде, между прочим, присутствовал Свами Даянанда Сарасвати, который воспринял ее демонстрацию чудесного с некоторой иронией и сделал загадочное заявление, что Блаватская в сотворении этого чуда — не главное лицо.

Синнетт, воплощенная аккуратность, записывал за Еленой Петровной в Индии, а позднее — за ее сестрой Верой в Европе как стенографист, слово за словом, стараясь быть точным, как самые лучшие брегетовские часы. Он был человеколюбив и честен и считал, что помогает справедливому делу, покровительствуя своим пером Блаватской. Ведь она и ее окружение были для него благородными людьми, которые, подобно аргонавтам, приплыли

в Новую Колхиду — Индию за золотым руном древней мудрости. Этот поход, предпринятый для восстановления в правах на Западе индийской культуры, как нельзя лучше соответствовал свободолюбивым умонастроениям образованных индийцев и поддерживающих их европейцев.

Ко времени знакомства Блаватской с Хьюмом и Синнеттом созданное ею Теософическое общество приобретало в мире широкую известность.

Елена Петровна писала всем, кто мог бы оказать ей какое-нибудь содействие и поддержать ее детище. Рассчитывая на отклик, она написала письмо Ивану Павловичу Минаеву, выдающемуся русскому востоковеду, основателю русской индологической школы. Минаев известен своими трудами по буддизму, философии и лингвистике, исторической географии, фольклору, средневековой и новой истории Индии. Свое двухлетнее путешествие по Индии он описал в книге «Очерки Цейлона и Индии», вышедшей в 1878 году.

Блаватская во всех своих начинаниях надеялась на серьезный успех, поэтому-то ей было очень важно заполучить в союзники крупного русского ученого. Вряд ли она догадывалась, что Иван Павлович Минаев помимо своих научных штудий сотрудничал с российским Генеральным штабом. Знай она это — не писала бы тогда, что английские власти подозревают в ней русскую шпионку[393]. Минаев не ответил на письмо Блаватской. Русский ученый, как я полагаю, решил, что его втягивают в какую-то международную авантюру, и проявил осторожность. Он не собирался наносить ущерб своей научной репутации. Это — с одной стороны, а с другой — Минаев знал, что русская угроза Британской Индии — не просто пропагандистский миф, а реально существующая вещь. В советской индологической науке факт поездки русского ученого в Индию в 1880 году по заданию военного ведомства тщательно замалчивался. Сама его поездка в тот год была ко времени. Люди, принимающие решения, ждали от него ответа как от специалиста. Вот что пишет по этому поводу российский индолог А. А. Вигасин: «Русское продвижение в Средней Азии, афганская война, „досадительный инцидент“ при Кушке, наконец, захват англичанами Бирмы — все способствовало тому, что русские военные и дипломаты проявляли самый пристальный интерес к Британской Индии. Об актуальных политических проблемах в данном регионе И. П. Минаев постоянно писал в прессе 70-х — начала 80-х годов (кстати, далеко не только в демократической — в „Новом времени“ и в „Голосе“)»[394].

В своих дневниках Минаев рассматривает возможности

военного противостояния между Англией и Россией и даже не исключает в этой ситуации захват последней Индии. В 1870–1880-х годах в русских журналах и газетах появляется немало материалов, лейтмотивом которых становится идея русского похода в Индию[395]. На волне этой пропагандистской шумихи создавалась писательская известность Блаватской как автора очерков «Из пещер и дебрей Индостана». Что касается Минаева, он делал все с его стороны возможное, чтобы воспрепятствовать авантюре втянуть Россию в бессмысленную и кровавую бойню. Недаром он записал в своем дневнике: «Эта вера в то, что в Индии нас ждут как освободителей — просто непостижимая глупость!»[396]

Может, также думала и Блаватская, но своим русским друзьям она говорила совершенно противоположное. По существу, она подыгрывала их настроениям. Пренебрежение, с которым отнесся к ее письму Минаев, конечно, задело Блаватскую. Хотя она привыкла к тому, что соотечественники смотрят на нее как на особу несерьезную. Вот в этом они основательно ошибались. Ее тактика обольщения британских должностных лиц принесла плоды. Блаватская с каким-то злорадным торжеством обиженной женщины сообщала в письме Дондукову-Корсакову: «…г-н Хьюм предпочитает служить не Ее Величеству королеве-императрице, а г-же Блаватской (смотрите прилагаемую брошюрку с нашим Уставом)»[397]. Напротив должностных лиц, обозначенных в уставе Эклектического общества Симлы, а именно: Аллана О. Хьюма, Альфреда П. Синнетта и Росса Скотта, к тому времени ставшего главным судьей в городе Дехрадун, — она приписала: «Вся эта троица — *мои подчиненные, британские подданные* в рабстве у русской старушки. О триумф патриотизма! Дорогой князь, я мщу за Россию»[398].

Социальная гармония и равенство, предвосхищающие божественную гармонию, — эти первоначально провозглашенные цели Теософического общества отступали на второй план. Чуть-чуть позже она заявит Синнетту, что это в башке Олкотта «возникла в высшей степени идиотская идея Храма Человечества или Всемирного Братства»[399]. Отношения Блаватской с Дондуковым-Корсаковым приобретали сугубо деловой характер. Она понимала, что для российских чиновных вельмож во все времена основной смысл жизни — в безудержном обогащении. Вот почему, как только ее положение в Индии укрепилось, она предложила князю стать его торговым агентом. Как она писала: «Здесь нет ничего дешевле резной мебели. <…> Мой дом весь заставлен мебелью из черного и сандалового дерева, потому что

она здесь дешевле, чем еврейская мебель у нас в Одессе»[400]. Понятно, что через некоторое время из Бомбея в Одессу один за другим пошли тщательно упакованные ящики с мебелью, с отрезами даккского муслина-паутинки, с антикварными вещами. В самом деле, а почему не порадеть родному человечку? Особенно когда этот человек — князь и генерал-губернатор Кавказа.

Глава четвертая. МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

В самый неподходящий для Блаватской момент на ее голову свалились Эмма и ее муж. Французский консул в Галле и другие сердобольные люди собрали для них деньги на билеты пароходом до Бомбея. Они приехали прямо к ней, в «Кроуз нест», «Воронье гнездо», в уже насиженное бомбейское гнездышко.

Новое появление Эммы в ближайшем окружении Блаватской не предвещало ничего хорошего.

Непоправимую ошибку совершают те люди, которые, заявив о себе в общественном мнении, привлекают к своей деятельности неудачливых друзей и знакомых из далекого прошлого, из совершенно другой жизни и делают их своими доверенными лицами. Чувство зависти всегда сильнее у таких людей чувства благодарности. По правде говоря, Эмма Куломб и ее муж не производили впечатления шантажистов, они выглядели забитыми и несчастными людьми, и сердце Елены Петровны растаяло. Она была не злой женщиной, пока ее не трогали и ей подчинялись. Блаватская поселила чету Куломбов у себя. Олкотт устроил Алексиса механиком на хлопковой фабрике. Однако муж Эммы оказался строптивым, неуживчивым человеком. Он не поладил с хозяином фабрики и был уволен. Теперь Елене Петровне пришлось позаботиться об устройстве еще двух взрослых людей. Блаватская не могла предположить, что, допустив близко к себе Эмму и ее мужа, она закладывает под Теософическое общество и самое себя мину замедленного действия.

Годы состарили Эмму. Они иссушили, согнули и скособочили ее тело, однако отступили перед живостью ее натуры. В душе она все еще ощущала себя молодой женщиной. Если можно так сказать, Блаватская телесно опиралась на Эмму Куломб и надеялась, что взамен та, усмирив свою гордыню, положится на ее духовный опыт, с ее помощью как-то устроит жизнь. В то же время Блаватскую смущала психическая неустойчивость характера старой подруги. Видать, многое та перетерпела в жизни. По любому поводу Эмма пускалась в слезы. Истерических рыданий становилось все больше и все меньше понимания того,

каким серьезным делом занимается Елена Петровна. Ведь, по существу, Блаватская была искусным лекарем, причем лечила она не физические травмы, а душевные.

Эмма Куломб, я думаю, изначально не собирала на нее компромат. Просто она ненавидела помощников Блаватской, как индийских, так и западных, а особенно ее раздражала Роза Бейтс. К тому же она больше всего боялась, что кто-то из сотрудников Теософического общества догадается о технической стороне того, как создаются Еленой Петровной с ее помощью феномены. Ведь Эмма была соучастницей обмана. Вероятно, при этом ее успокаивала единственная мысль, что она также способна распорядиться в какой-то определенный момент судьбой Блаватской, как та ежедневно распоряжается ее жизнью.

Какая-нибудь другая женщина, но только не Блаватская, по всяким бытовым мелочам обязательно почувствовала бы, что отношение к ней меняется в худшую сторону. Она конечно же знала, что Эмма подворовывает, не раз ловила ее за руку, но разборок не устраивала. Знала ведь, что левантийская подруга у нее на крючке. Никто из двух женщин, однако, не учел того обстоятельства, что Теософическое общество незаметно набрало силу и уже существовало само по себе. Блаватская, обладая огромным творческим потенциалом, титанической энергией и новыми идеями, была сердцевиной этой оккультной глыбы, ее брендом. Теперь что бы она ни совершила — все сошло бы ей с рук. Самое любопытное и парадоксальное заключалось в том, что Блаватская тогда даже не догадывалась об этой возможности.

В самом конце марта 1880 года она вновь привязалась к Эмме, с которой могла не церемониться. Эмма выполняла, как и в Каире, ее деликатные поручения. На этот раз, например, оповестила Олкотта о странной фигуре в белом, увиденной ею в саду, и была искренне удивлена, когда полковник объяснил, что это был, по-видимому, один из членов Гималайского братства. Или по просьбе Блаватской вышивала инициалы Синнетта на носовых платках, которые плавно падали на его же доверчивую голову. Или принимала участие в материализации нового феномена для приехавшего в гости к Олкотту и Блаватской какого-нибудь махараджи. Не брезговала Елена Петровна и мелочовкой. Например, в Аллахабаде купила симпатичную белую кепку в подарок Дамодару, но решила преподнести ее таким образом, чтобы юноша подумал, что этот дар исходит от кого-то из Учителей. И в этом ей тоже помогла Эмма[401]. Подобные непритязательные штучки приводили Блаватскую в наилучшее расположение духа.

Хитроумные уловки Блаватской не пропадали даром.

Олкотт находился в плену навязанных ею представлений о существовании махатм. Она неспроста брала надушу этот грех. Вера зарождается не на пустом месте, а на совмещении миража и яви. Кто-то должен в таком случае сидеть за волшебным фонарем!

Блаватская наблюдала со стороны за результатами своих действий, следила за Олкоттом и другими своими подданными, словно восточная владычица, сидящая за ажурной сквозной решеткой на троне. Она доходила до совершенства в этой сложной игре, искусно блефовала, тасовала колоду с краплеными картами, делала вид, что проигрывает. Блаватская наслаждалась этими шалостями и была убеждена, что не поступай она так, постоянно впадающий в депрессию Олкотт пустил бы себе пулю в лоб. Не по какой-то серьезной причине, а просто из-за охватившей его хандры. Совсем как маленький ребенок, радовался происходящим феноменам Дамодар. А ее британские друзья Хьюм и Синнетт, хотя и подозревали во всем этом иллюзионистские трюки, в большинстве своем приходили от них в неподдельный восторг и рекомендовали посмотреть другим. Эти необъяснимые здравым смыслом чудеса вдохновили Синнетта на написание книги «Оккультный мир», главы из которой он печатал в «Пайонире», а затем выпустил отдельным изданием в 1881 году в бостонском издательстве. Конечно, книга вышла в США по рекомендации «старой леди».

Елена Петровна обладала недюжинной душевной силой, что позволяло ей деликатно, но настойчиво душить своих врагов в жарких объятиях. Однако она же с неудовольствием вздрагивала при их предсмертных, в фигуральном смысле, разумеется, всхлипах.

Со дня на день Блаватская и Олкотт откладывали свою поездку на Цейлон, куда их пригласили буддийские монахи.

Первые месяцы 1880 года Блаватская, как я уже писал, была занята работой над очерками об Индии для русского издателя Михаила Каткова, который платил ей за каждую написанную страницу щедрый гонорар — 50 рублей (по тем временам пять фунтов стерлингов). Кроме того, она взялась за перевод на английский язык для «Пайонира» книги русского генерала от инфантерии, участника Хивинского похода Николая Гродекова «Через Афганистан».

Олкотт тоже не сидел сложа руки, читал лекции и занимался насущными делами расширяющегося общества. В мае 1880 года он и Блаватская наконец-то отправились с лекциями по Цейлону. Их сопровождала большая компания. Помимо Уимбриджа, Дамодара и Бабулы к ним присоединились пятеро индийцев,

членов общества. Розу Бейтс и Эмму Куломб решили оставить в Бомбее — кто-то должен был присматривать за домом. На хозяйстве в Адьяре за главную распорядительницу Блаватская оставила Эмму, а не Розу[402]. Это был первый серьезный просчет Елены Петровны, но что ей оставалось делать — ее каирская подруга много о ней знала и все ее распоряжения неукоснительно выполняла.

На Цейлоне они были встречены «на ура» сингальскими буддистами. Аудитории, в которых выступали Блаватская и Олкотт, не вмещали всех желающих их послушать. Иногда набивалось до четырех тысяч человек, чему в немалой степени способствовало миниатюрное телосложение местных жителей. В конце мая Блаватская и Олкотт получили в одном из буддийских храмов посвящение. Теперь они с полным правом могли называть себя буддистами. Они вернулись в Индию, создав на Цейлоне семь филиалов Теософического общества. Это был успех, да еще какой![403]

Пока они успешно укрепляли на Цейлоне связи с местными буддистами и даже перешли в их «желтую веру», между Розой Бейтс и Эммой Куломб разгорелась настоящая война. Роза Бейтс не считала себя мелкой сошкой среди других официальных лиц Теософического общества. Она пыталась вмешиваться в издание журнала «Теософист». Конфликт дошел до того, что Роза обвинила Эмму в попытке ее отравить и требовала немедленного изгнания из дома четы Куломбов. По мнению Розы Бейтс, Эмма совала свой нос куда не следует.

Блаватская приняла сторону своей старой подруги и попыталась урезонить Розу Бейтс, поставить ее на место. Розу поддерживал Уимбридж. Олкотт же этой ссорой был захвачен врасплох, он напомнил, что изначально высказывался против того, чтобы брать Розу Бейтс с собой в Индию, но пошел на поводу у Блаватской, которая представляла ее чуть ли не оккультной провидицей.

Чтобы выйти из создавшегося двусмысленного положения, Олкотт предложил купить Розе Бейтс за счет Теософического общества билет до Нью-Йорка.

Роза Бейтс сначала согласилась с этим предложением, но затем заупрямилась.

С каждым днем атмосфера в доме сгущалась. Роза Бейтс и Уимбридж ни с кем не разговаривали, совершенно отдалились от своих прежних друзей. Наконец 12 августа 1880 года они покинули «Кроуз нест» — Блаватская и Олкотт с облегчением вздохнули. Впрочем, Уимбридж не успокоился и превратился из

друга в смертельного врага Блаватской и Теософического общества. Со страниц индийской газеты «Индиан миррор» он обвинял ее в автократическом управлении, иронизировал над лозунгом общества «братство и справедливость». Уимбридж утверждал, что сотрудники общества разбегаются кто куда и скоро никого не останется. Вот это уже была с его стороны бессовестная ложь. Он нашел себе в Индии прибыльное дело, основал мебельную фабрику, которая существует по настоящее время[404].

По приезде в Бомбей их ожидала скорбная весть: скоропостижно скончался Мулджи Такерсей.

По приглашению Синнетта они в тот же день, когда от них съехали Уимбридж и Роза Бейтс, отправились в горы, в Симлу, куда на время жары перемещалась часть британской колониальной администрации. После этой поездки Блаватская полюбила этот городок на подступах к Малому Тибету — пограничному пространству между Индией и Тибетским плоскогорьем. Она останавливалась там либо у Синнеттов, либо у Хьюмов. Дом Хьюмов назывался «Замком Ротни», он располагался на крутом склоне горы и из него открывалась захватывающей красоты панорама снежных пиков.

Елена Петровна наслаждалась путешествием по Индии. В сопровождении супругов Синнетт Блаватская и Олкотт посетили Бенарес, город индусских святынь и святых. Ей надо было окончательно определиться в отношениях со Свами Даянандом Сарасвати. Блаватская попросила Олкотта сказать что-то в ее защиту. Ей безумно надоело безразличие к себе высокомерного индуса. Он поглядывал на нее с неудовольствием и настороженностью, точно от нее исходила опасность. Елена Петровна предприняла последнюю попытку примирения — не хотела она никакой вражды, не в том была ее миссия на земле.

Свами Даянанда в белом дхоти важно сидел в позе лотоса. Наружностью он походил на зажиточного русского крестьянина. Даянанда холодно ответил на их приветствие и кивком головы предложил присесть. Олкотт, почтительно сложив ладони лодочкой, затянул канитель о йогах. Блаватская сначала не поняла, к чему клонит ее друг.

— Свами-джи, — говорил Олкотт, преданно смотря на Даянанду, — как вы считаете, сила у йогов появляется в ходе длительных упражнений или возникает спонтанно, как Божий дар?

Он явно имел в виду Блаватскую, но был настолько предусмотрителен, что ни разу во время разговора не назвал ее

имени, опасаясь колкостей со стороны индуса.

— Ну, вот, например, возможен ли такой случай, когда появляется некто, обладающий немыслимой оккультной энергией, и творит чудеса, — продолжал Генри С. Олкотт растолковывать свой вопрос. — И мы вдруг узнаем, что этот человек нигде и ни у кого не учился и никаких йоговских упражнений не делал.

Свами Даянанда неторопливо обдумывал свой ответ. Разумеется, его раздражала и пугала настырная манера разговора Олкотта. Однако он держал себя в руках, его лицо ничего не выражало, было бесстрастным.

— Это будет возможным лишь в том случае, если эти люди практиковали йогу в предыдущих рождениях, — осторожно ответил он Олкотту.

Олкотт, удовлетворенный услышанным, переменил тему разговора, начал спрашивать о буддизме и буддийской литературе.

— Представления, которые западные ученые составили о восточной религии, — охладил его пыл Даянанда, — абсолютно искаженные, это какие-то маловразумительные, не соединенные друг с другом отрывки из священных книг.

И чтобы окончательно их добить, Свами Даянанда заключил свои рассуждения тем, что иностранцы, чужаки, «млечха» вообще ничего не смыслят в восточной мудрости, не ведают о ней, как сказали бы в России, ни ухом, ни рылом и долго еще будут пребывать в таком состоянии полного невежества, абсолютно непросветленными.

— Вообще-то древние источники, — сказал он назидательным тоном, — недоступны миру, они тщательно спрятаны в Гималаях, в потаенных местах[405].

К сожалению, попытка Елены Петровны переломить ситуацию и расположить к себе Сарасвати Даянанду успехом не увенчалась.

Она поняла, что со Свами Даянандом каши не сваришь, он очень низко ее ставит и не намерен поддерживать Теософическое общество.

Симла расширила круг ее друзей и поклонников среди проживающих в Индии англичан, шотландцев и ирландцев. Синнетт познакомил ее с влиятельными британскими чиновниками, в том числе с отцом Редьярда Киплинга, который сотрудничал с его газетой «Пайонир».

Вполне возможно, что Елена Петровна на время исчезала из поля зрения своей свиты, удалялась куда-то в горы, подальше от шумных городов и экзальтированных знакомых. Ее маршруты не

пролегали в безлюдных местах среди дикой природы. Она обычно попадала в курортные городки, в которых имперское величие проглядывало в каждом кирпиче, но размеры строений в сравнении со сходными зданиями в метрополии были сильно уменьшены, отчего церквушки, муниципальные учреждения, особняки и дворцы знати на фоне гор выглядели почти игрушечными. Типичные образцы английской колониальной архитектуры в далекой восточной провинции. Как только приходила жара, британская администрация переезжала в горы. Кто служил на севере Индии, отправлялся в Гималаи, в Симлу или Дарджилинг, кто на юге — в Голубые горы, в Кодайканал, а кто в центре — выбирал место своего пребывания по воле начальства, но обязательно там, где было прохладно.

Она любила останавливаться в особняках с потемневшими от времени стенами, с полами, выстланными мраморными плитами, с просторными гостиными, верандами и верхними галереями. Они напоминали ей дома деда в Саратове и Тифлисе.

Блаватская из Симлы совершила ознакомительную поездку в долину Спити, которая расположена в Малом Тибете на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря. В долине Спити находятся средневековые буддийские монастыри, которые стоят на скалистых утесах. Для нее было настоящим удовольствием медленно передвигаться верхом на низкорослой лошадке по узкой горной тропе. Находясь в седле, она молодела.

С политической точки зрения появление в Индии Блаватской, американской гражданки, русской по происхождению, было событием неординарным и не могло быть незамеченным британскими властями.

Блаватская заявила без обиняков, что приехала в Индию по совету Учителей специально для того, чтобы обогатить свои эзотерические знания новыми разысканиями.

Иными словами, это было ее настоящее паломничество на духовную родину. Она не собиралась во время своего путешествия набраться побольше внешних впечатлений. Ее интересовало другое — обретение духовной истины.

В марте 1882 года, однако, прекраснодушие, которое среди них воцарилось, было нарушено суровым письмом Свами Даянанды Сарасвати, который возвращал свой диплом Теософического общества и требовал от них в дальнейшем нигде не упоминать своего имени как теософа[406]. Конфликт между теософами и индусами из «Арья Самадж» входил в фазу открытого противостояния. Индусским радикалам не пришлись по душе печатающиеся в «Теософисте» статьи. Они посчитали их

эклектичными и вульгарными. Вместе с тем в Индии существовали индусские умеренные круги, в которых деятельность Блаватской и Олкотта рассматривалась как своевременная поддержка начавшемуся духовному возрождению Индии. Широким жестом со стороны реалистически настроенных брахманов стало символическое приобщение Олкотта к брахманской варне. Весной 1883 года он прошел через обряд повязывания на шею священного шнура «упавита».

В Индии Блаватская и Олкотт купили в 1882 году на пожертвования теософов и на доходы от «Теософиста» землю на окраине Мадраса для штаб-квартиры Теософического общества. Деньги собирали всем миром чуть-ли не целый год. Место это называется Адьяр. Елена Петровна выбрала этот кусок индийской суши для столицы своей оккультной империи не случайно. Она была убеждена, что именно там сохранилось кое-что от легендарной Лемурии. Там же, как она полагала, уцелел осколочек от гигантского сверхконтинента Гондваны, который в доисторические времена объединял Индию, Южную Америку, Австралию, Африку и Антарктиду. На индийской земле она надеялась обнаружить следы Атлантиды. Ее особое внимание привлекло племя Голубых гор — тодда. В людях этого племени, в их глубоких познаниях законов природы она видела отблеск величия исчезнувшей цивилизации атлантов. Она не раз посещала Кодайканал — курортное местечко в Тамилнаду, на юго-востоке Индии. В Голубых горах Нильгири она познакомилась с жизнью, обычаями и верованиями племен тодда, ку-румба и баддага. Печатавшаяся в 1883 году в журнале М. И. Каткова «Русский вестник» вслед за путевыми очерками «Из пещер и дебрей Индостана» новая книга Блаватской «Загадочные племена на „Голубых горах“» закрепила ее славу талантливой беллетристки.

Глава пятая. ЕЩЕ РАЗ О НОВЫХ БОГАХ

Елена Петровна Блаватская, находясь в Симле в доме Синнеттов или в «Замке Ротни» Хьюмов, обычно после ланча прирастала к креслу и, слегка приспустив веки, отрешенно наблюдала, как к ней, погруженной в раздумье, осторожно, чуть ли не на цыпочках, подкрадываются люди. Одни из них просто хотели засвидетельствовать почтение, тогда как другие жаждали с ее помощью приобщиться к тайнам оккультизма. Они кружили вокруг нее, подбираясь все ближе и ближе, словно их притягивали к себе вибрации ее рождающихся мыслей; само же ее лицо становилось кротким и привлекательным. Она умела

выжидать, делала вид, что пребывает в глубокой медитации, а в душе наслаждалась их робостью, готовностью отдать себя в чужие руки. Ее манера овладевать людьми неожиданно для них, одним стремительным броском была очень схожа с повадками скользящих по стенам и потолкам индийских домов большеглазых яркоокрашенных ящериц — гекконов. Эти пожиратели мух, комаров и пауков могли часами поджидать свою добычу. Но в отличие от впадающих в ужас смерти насекомых у ее жертв были сияющие счастливые глаза. Более того, они начинали порывисто дышать не от страха, а от предвкушения долгого и сладостного с ней общения. Елена Петровна взращивала в них веру в иерархов света и, разумеется, не забывала про себя. Она получала изысканное удовольствие, когда вносила смуту в их внешне размеренный, спокойный образ жизни. Не было для нее большей радости, чем видеть крушение привычного духовного мира, зная, что и она тоже приложила руку к его кончине. Так или иначе, Блаватской в конце концов удалось привлечь к себе внимание большого числа людей. Правда, не все из них поверили, что она и опекающие ее «махатмы» — хранители древнего, тщательно запрятанного знания.

Первыми, кто забил тревогу и усомнился в необходимости возвращения утерянных богов, были христианские миссионеры.

* * *

Положение четы Куломбов в Теософическом обществе с переездом в Адьяр как доверенных лиц Блаватской упрочилось. «Старая леди» предоставила им спальню над кабинетом Олкотта.

Эмма Куломб безоговорочно выполняла все распоряжения и приказания Блаватской, поскольку считала, что демонстрируемые фокусы были необходимы и прямым образом содействовали успеху того дела, которое не совсем удачно начиналось в Каире и широко разворачивалось в Англии, Индии и на Цейлоне. Она отдавала себе отчет в том, что от окончательной победы Блаватской зависит осуществление ее собственных надежд — жизнь в спокойствии и достатке, никаких других желаний у нее тогда не было. А что скрывается за этим плутовством, знать не хотела. Блаватская в отличие от своей старой подруги меньше всего интересовалась собственным благополучием. Она неумолимо шла к поставленной цели — основать под своим началом оккультную империю.

Когда Блаватская получала известие о появлении где-ни-будь в мире нового отделения Теософического общества, эти дни были

для нее лучшими, самыми радостными в жизни.

Несмотря на необходимость постоянного пребывания в уединении, чего требовал от нее писательский труд, Елена Петровна любила общаться со многими людьми. Аудитория ей внимающих была вроде хорошо просушенных смолистых бревен, захватив которые, пламя ее мысли разгоралось еще яростнее на погребальном костре уходящего в небытие старого, замшелого в своей косности мира.

Она относилась к женщинам порывистым и эмоциональным. Ее деятельная натура не смирялась перед пассивностью Олкотта. Неудивительно, что она затыркала его обвинениями и попреками в малодушии, инертности и паникерстве. А что еще ей оставалось делать, когда она видела, что все идет не так, как ею изначально задумывалось?

Некоторые из поверивших в оккультные силы Блаватской слушали ее, разинув рот, и удивлялись происходящим чудесам или феноменам. А чудес этих она сотворила для них великое множество. Так, ее инициалы на платке мгновенно заменялись инициалами Синнетта, с потолка сыпались цветы, позвякивали невидимые серебряные колокольчики, постукивания и пощелкивания сменяли друг друга в бешеном ритме, словно шабаш ведьм врывался в спокойный и рассудительный чиновнический быт. Вместе с тем главным были вовсе не эти забавы ее утомившегося от жизни сердца.

Она больше всего надеялась укрепить свои отношения с теми, кто уже получил духовную свободу и даже приобрел сверхъестественные способности: мог творить чудеса, управляя природными стихиями, — с махатмами. С этими реальными, а не придуманными ею людьми она постоянно искала встреч.

Вот что пишет А. Бэшем: «…уже в одном из поздних гимнов „Ригведы“ сообщается о существовании особого рода святых людей, отличных от брахманов (представители высшей жреческой касты, „дваждырожденные“. — А. С.). Это „молчальники“ (муни); одеждой им служит ветер, и, напоенные собственным молчанием, они способны подниматься в воздух и парить вместе с птицами и полубогами. Молчаливому муни известны мысли людей, ибо он испил из магической чаши Рудры, чей напиток губителен для простых смертных»[407].

Основное впечатление, которое Блаватская вынесла из ознакомления с Индией религиозной, — впечатление ее исключительной сложности. Она поняла, что к этой Индии вряд ли возможно прилагать какие-то обычные мерки и масштабы. В этом случае оценки окажутся односторонними и, следовательно,

неверными. Но то, что Блаватская увидела и узнала, показалось ей в самом деле небывалым и неслыханным. Это был совершенно новый мир, в котором существовало, однако, если внимательно к нему присмотреться, много такого, что ей было хорошо известно по прежним путешествиям в другие страны. Это был чрезвычайно значительный духовный мир: культурно-религиозная традиция в нем не пресекалась тысячелетиями — вот что его в первую очередь отличало. И дух человеческий при этом не отучнел, не одряхлел, не распался. Уже одно это таило в существовании подобного мира какой-то глубочайший смысл, какую-то божественную цель.

Но чем больше она всматривалась в Индию реальную, тем меньше что-либо в ней понимала. Побывав в этой стране дважды, она пришла к выводу, что узнала ее поверхностнее, чем созерцая со стороны. «Каноны», «догматы», «точки зрения» не давали ответа на вопрос: существует ли на самом деле Гималайское братство? Адекватные орудия познания мистической Индии находились у безымянных странствующих учителей, у шраманов (букв. — бродяги), не особенно выпячивающих себя на публике и уединенно живущих в окружении немногочисленных учеников в своеобразных индийских скитах — ашрамах. Из этих ашрамов она надеялась выбрать один-единственный — настоящую, неподложную скинию индийской духовности. Ей поначалу казалось, что возвышенное, сосредоточенное чувство благоговения к Индии, охватившее всю ее еще в Саратове, способно совершить невероятное: привести прямо в Гималайское братство. Прискорбная наивность, с какой Блаватская цеплялась за эту надежду, была достойна уважения, и не более того.

Нельзя отрицать, что появление в ее сознании образа махатмы Мории дало всей ее жизни мощный импульс. Ясно при этом, что идея Хранителя зародилась и долго вынашивалась в ее подсознательных интуициях в связи с комплексом безотцовщины. Она не могла смириться с редким, от случая к случаю, появлением рядом с ней отца, Петра Алексеевича Гана. В высокоразвитом сознании махатм были заключены, как полагала Блаватская, законы Вселенной. Душа в христианской трактовке представлялась ей неподвижной сущностью. Душа, как и тело, согласно христианской традиции, искупается в результате человеческого грехопадения кровью Иисуса Христа. На христианских святых лежит Божья благодать. Силой Бога, а не усилиями непорочных людей, совершаются чудеса. Блаватская эту роль отводила махатмам. Недаром появление духов, «феноменов» или других сверхъестественных существ и явлений связывалось ею не с волей медиума, а с манифестацией мощи гималайских

отшельников[408]. Она была уязвлена, оскорблена тем, что мир людей сделал с ней, и поэтому отгородилась от него, устроилась поближе к таким же духовным изгоям, как она сама. Ее отличие от них состояло лишь в том, что она не могла ничего, тогда как они могли многое. И даже когда жизнь вокруг шла вкривь и вкось, Блаватская полагала, что всё образуется, покуда о ней заботятся махатмы.

В своих основных воззрениях Блаватская принадлежала к христианской культуре и разрывалась между «своим» и «чужим». Ведь у индусов развивается все по-иному. Аскеты (йогинины) творят чудеса исключительно своей волей. Они имеют на это право, пройдя через множество телесных и духовных испытаний. Блаватскую притягивал этот магический опыт. Однако утверждение среди теософов культа махатм через таинственные письма, — абсолютно западная форма сакрализации собственных мыслей.

Многие адресаты махатм были удивлены собственно не тем, что о них заботятся за Гималаями, — это в Теософическом обществе стало как бы в порядке вещей, — но их всякий раз поражала неожиданность появления подобных писем. Эти письма словно бы воплощали судьбу, против которой не пойдешь, и, наверное, по их прочтении у каждого из окружения Блаватской возникала одна и та же мысль — сознания своей духовной ничтожности.

Самой же Блаватской письма махатм помогали обрести душевный покой. Она, видя, как кто-то получает их очередное послание, сохраняла самообладание, свежесть мысли и вообще пребывала в хорошем настроении.

Блаватская пыталась обрести новое равновесие, исходя из нетрадиционных для Запада предпосылок, выработанных философско-мистической и религиозной мыслью индусов и связанных с теориями перевоплощения и переселения душ, с законом кармы и с мокшей, — возможностью абсолютного освобождения от земных перерождений духовно развитых людей. Это обращение к древней мудрости, как она полагала, будет способствовать универсальному перерождению и дальнейшей эволюции человеческого рода.

Что бы ни доказывала Елена Петровна, ее воинство пополнялось исключительно такими новобранцами, у которых жажда чудес была неутихающей и требовала постоянного, ежедневного утоления.

В этом заколдованном круге — между защитой теории оккультизма против прикладных наук и утомительной необходимостью творить новые чудеса, звуковые и световые

феномены — Блаватская пребывала всю свою жизнь.

Махатмы стали для нее и ее последователей, таким образом, психологической аксиомой. Факт существования махатм она возвела в принцип. Она оценила этот факт с точки зрения некоторой отвлеченной психической категории. Все образы Блаватской сконцентрировались в нем, как в высшей объективности, какой может достичь художник.

Трудно усомниться в аксиомах, рожденных в недрах собственной души. Махатмы и Гималайское братство были выстраданы Блаватской в результате глубочайшей отчужденности от представлений обычной жизни. Россия же оставалась для нее всегда родной землей, которую не унесешь на подошве башмака, но куда возвращаться ей было хуже смерти.

Из недр этой потаенной реки, созданных ее течением, появились на человеческом берегу махатмы. Их постоянным правилом была не проповедь полной свободы во всем, а желание познания всего и вся. Пожалуй, на этом и заканчивались мистические влияния, которые испытала на себе Блаватская. Махатмы олицетворяли главное, всевенчающее время, переход в пространство высшей духовной справедливости — новое небо и землю. Олицетворяли и одновременно были проводниками к земле обетованной, которая находилась в долинах, тщательно спрятанных среди непроходимых Гималайских гор. В Индии Блаватская собирала сведения об ашрамах и их обитателях, чтобы убедить Запад, располагая этими данными, в существовании оазисов иного, более совершенного мира. Как писательница, Блаватская воплощала, по мере возможности, свои мысли об оккультизме в художественные эффектные формы. Об этом свидетельствуют, например, повесть Блаватской «Заколдованная жизнь»[409] и ее рассказы из серии «Необычайные истории»[410]. Русская теософка, которую принято по сей день обвинять в некрофильстве, не считала жизнь одним из способов достижения смерти. Ее махатмы олицетворяли долгую, осмысленную, счастливую жизнь. Они были ее персонифицированной Аркадией. В той же степени как Теософическое общество было идентично и тождественно ей, Елене Петровне Блаватской. «Общество — это я!» — с гордостью заявила она князю А. М. Дондукову-Корсакову[411]. Вот такая была создана ею «великая республика совести» с монархическим режимом эпохи абсолютизма.

В 1883 году появилась в Адьяре Сара Паркер, старая подруга Блаватской по жизни в Нью-Йорке. Она сопровождала 27-летнего шотландца по имени Уильям Турне Браун. Саре Паркер на протяжении почти что всей жизни приходилось быть при ком-то. Она зарабатывала себе на хлеб насущный либо сиделкой, либо

нянькой. На этот раз ее подопечным оказался молодой юрист с небольшими отклонениями в психике. В будущем он станет писателем. Синнетт, находясь по служебным делам в Лондоне, рекомендовал родителям Уильяма Т. Брауна «старую леди» как опытного психотерапевта. Молодой человек часто приезжал из Англии в США и Канаду в поисках врачей, как сейчас сказали бы, представляющих нетрадиционную медицину. К сожалению, никто из встреченных им тамошних эскулапов не был в состоянии ему помочь. Блаватская приняла новых гостей с присущим ей радушием. Вскоре выяснилось, что Сара Паркер и находящийся на ее попечении молодой человек ненавидят друг друга и, выясняя свои отношения, вносят шумными скандалами дополнительную нервозность в непростую и полную интриг адьярскую жизнь. Их необходимо было развести по разным углам, иначе рассудок помутился бы у всех остальных обитателей штаб-квартиры Теософического общества. И без новых гостей атмосфера в Адьяре была основательно накалена. Многие из индийских сотрудников ко времени прибытия к ним Сары Паркер с подопечным молодым шотландцем едва сдерживали свои эмоции. Высокомерное и хамское поведение Эммы Колумб перешло все границы. Она распускалась до неприличия, как только из Адьяра уезжала Блаватская.

Блаватская вздохнула спокойно, когда Сара Паркер отправилась в Калькутту вслед за «старой леди», снабженная ее рекомендательными письмами, а Уильям Т. Браун вместе с Олкоттом — в Бомбей вслед за Блаватской. В конце октября она уже находилась в этом огромном городе, центр которого был застроен массивными зданиями в викторианском, колониальном стиле. Ей пришлось посетить немало высокопоставленных лиц. Обществу позарез нужны были деньги. Блаватская очень рассчитывала на аудиенцию у махараджи княжества Индор, но в последнюю минуту он отказался ее принять. Видно, слухи о ведьмовских чарах «старой леди», о ее сомнительной репутации дошли до его ушей. И все-таки этот напыщенный павлин с голубой кровью оплатил ее дорожные расходы — швырнул, как нищенке, 200 рупий. Это было неслыханное оскорбление, но деньги она взяла.

В Бомбее Елена Петровна остановилась в семье переводчика колониальной администрации Флинна, дочь которого Мэри, экзальтированная, с невротическим характером девушка, была в восторге от теософских идей и самой Блаватской и во что бы то ни стало хотела поселиться в Адьяре. Отец Мэри неприятно удивился очередной прихоти дочери, но перечить ей не посмел — та в случае отказа угрожала самоубийством. На плечи «старой

леди» легла забота еще о двух полоумных молодых людях. Уильяма Т. Брауна она поставила на ноги практически сразу после его поездки с полковником. Он отправился с Олкоттом и Дамодаром в большое путешествие по Индии. К середине ноября они находились в Пенджабе. Полковник не разбрасывался деньгами общества и поэтому предпочитал ночевать не в гостиницах, а на свежем воздухе, в палатках. В ночь на 19 ноября в Лахоре, (Олкотт разместился в палатке вместе с Уильямом Т. Брауном) произошло удивительное событие. В их палатке появился махатма Кут Хуми, который о чем-то тихо и долго говорил с молодым человеком. После ухода Учителя каждый из них обнаружил его письма, завернутые в шелковую материю. А Уильям Т. Браун получил к тому же белый шелковый платок с инициалами «К. Х.». Махатма Кут Хуми обещал появиться на следующий день и сдержал свое слово. Однако на этот раз он не вошел в палатку, а прогуливался в некотором удалении от нее с Дамодаром, а затем с Олкоттом. Увидеть в физическом теле загадочного Кут Хуми — не каждому улыбнется такая удача. Для Уильяма Т. Брауна встреча с махатмой стала настоящим потрясением. Хотя он на 100 процентов не был уверен в действительном существовании Кут Хуми, но слова члена Гималайского братства о том, что с этого момента молодой человек берется под защиту высших сил, возымели действие. Уильям Т. Браун никогда больше не обращался к невропатологам и психиатрам. Его выздоровление было настолько полным и окончательным, что уже в 1887 году он отзывался о Блаватской, как о бессовестной и лживой обманщице, которая, подобно Фаусту, продала душу дьяволу. Себя же самого он предлагал рассматривать в качестве доказательства во плоти ее мошеннических трюков. Во время выступлений в 1888 году с лекциями в США Уильям Т. Браун не стеснялся в выражениях, рассказывая о своей жизни в Адьяре и Блаватской. Вот и помогай после этого людям!

Со слабоумной, но преданной ей Мэри Флинн Блаватская рассталась в 1885 году. Девушка, которую она стала называть Машкой, раздражала ее своей тупостью, неповоротливостью и никчемностью — неспособностью сварить даже чашечку кофе, не то чтобы приготовить обед. Находясь перед поездкой в Вюрцбург на швейцарском курорте Святого Сергия, известном своими термальными водами, Блаватская в начале августа 1885 года приняла окончательное решение относительно Мэри Флинн. Девушка была отправлена в Лондон к своему дяде. В качестве служанки «старая леди» наняла молодую швейцарку, которая свободно говорила по-французски и по-немецки, была расторопна

и вполне разумна.

В письме доктору Хюббе-Шляйдену, президенту Немецкого отделения Теософического общества Блаватская писала: «Если бы их (махатм. — А. С.) не существовало, то их следовало бы выдумать — за то благо, которое одни лишь их имена приносят тем, кто верит в них»[412].

Во время пребывания Блаватской в Симле махатмы вступили в пространную переписку с Альфредом П. Синнеттом.

Постоянным местом жительства махатм был Тибет, но периодически они наведывались в Мадрас, Лондон, даже в Нью-Йорк.

По отдельным деталям из писем махатм попробуем воссоздать биографии двух из них — Кут Хуми и Мории.

Махатма Кут Хуми родился в Пенджабе в начале XIX века и был родом из знатной кашмирской семьи брахманов. В юности он учился в Европе, возможно, в Германии. Однако на немецком языке не говорил и не писал. Впрочем, как и на языках пенджаби, хинди и тибетском. Его английский оставлял желать лучшего. Его латынь изобиловала грубыми ошибками, зато французским языком он владел свободно. Удивительно, но он не знал санскрита.

Его письма написаны на странном, специфическом английском языке, как будто их переводили с французского, к тому же в них встречаются словечки и обороты из американского жаргона.

Махатма Кут Хуми был начитан в западной литературе, сведущ в науках, его коньком была философия. Он почти без ошибок цитировал Шекспира, не так точно — Свифта и совсем небрежно — Теккерея, Теннисона и Диккенса.

Блаватская имела дело, как известно, с махатмой Морией. О нем мы знаем намного меньше, чем о Кут Хуми. Он происходил из Раджпутаны, из касты кшатриев. По характеру махатма Мория отличался от Кут Хуми, не любил мотаться по свету, целыми днями оставался неподвижным, устремив глаза к небу.

Махатма Мория не был земным путешественником, зато он часто перемещался в астральном пространстве, любил наглотаться звездной пыли. Он страдал аграфией, то есть терпеть не мог попусту марать бумагу, поэтому его послания лаконичны и больше напоминают короткие записки-распоряжения, чем письма.

Кроме этих двух махатм существовали другие волшебные существа, ниже рангом. Некоторые из них, как дух «скай», например, не получили телесного оформления.

Выше махатм стоял «Чохан», он не писал совсем ничего, зато

обладал большей властью. Существовал еще «Махан-Чохан», или «Начальник», как его называл Кут Хуми, однако «Махан-Чохана» разделяла с людьми бездна, это был почти бог. Существовали еще Дхианы Коганы, «владыки света» — высшие боги, божественные разумы, которым поручен надзор за космосом[413].

Пантеон полубогов, созданный Блаватской и представляющий скрепы новой упорядоченной жизни, ставил под сомнение прежние незыблемые авторитеты. Все эти существа со сверхъестественными возможностями представляли с большими преувеличениями многие грани ее независимой от кого-либо личности. Пыталась ли она переключить теософскую теорию и практику исключительно на себя? Судя по тому, какими методами пользовалась Блаватская, утверждая свою власть в Теософическом обществе, в этом можно не сомневаться. Она, выросшая в самодержавном государстве, требовала от окружающих людей огромного пиетета к махатмам и их доверенному лицу — самой себе.

Глава шестая. ТЕОСОФСКИЕ СТРАСТИ

По всему миру начиная с 1886 года как грибы после дождя возникали филиалы Теософического общества. Естественно, процесс этот начался с США, затем в 1888 году перешел на Англию. Менее многолюдные отделения появились в различных городах Индии и Франции, на острове Корфу, на Цейлоне, на Филиппинах, в Одессе, в Венесуэле, в Японии, в Австрии. В 1880 году только одних вице-президентов общества было девять человек. Среди них от России — А. Н. Аксаков, от США — генерал-майор Абнер Даблдей, от Цейлона — буддийский монах высокого уровня посвящения Х. Сумангалала, от Франции — Юлий Денис де Поте. Генеральный совет состоял из двадцати трех человек. Среди его членов находились самые верные на тот момент сподвижники Блаватской: Александр Уайлдер, Мулджи Такерсей, Эдвард Уимбридж, лорд Линдсей, Джордж Уайлд, Камиль Фламмарион, Дэвид Э. Дадлей, барон Одон Ван Вей. Особое положение занимала тетя Блаватской Надежда Андреевна Фадеева, она была объявлена почетным членом Генерального совета. Главным руководителем теософов «Арья Самадж», естественно, выступал Свами Даянанда Сарасвати. Эмма Куломб с момента появления в Индии была сразу приближена к Блаватской, секретарю-корреспонденту общества. Об этом свидетельствует тот факт, что она оказалась единственным западным человеком из семи ее помощников. Она стала ее глазами и ушами. Все остальные были индийцами, представляющими шесть индийских языков, включая санскрит. Разумеется, Маваланкар К. Дамодар среди них занимал особое место, был ее доверенным лицом[414].

Филиалы общества появились и довольно быстро развивались, стремительно расширяясь за счет новых членов. Крупные национальные филиалы с собственным руководством нередко демонстрировали свою независимость. Удельных князей от теософии было необходимо приструнить и окончательно утвердить централизованную власть. В первую очередь требовалось четче определить цели и задачи теософии, устранить разнобой в их толковании. Притушить противоречия между руководителями национальных филиалов или вообще таковые по возможности искоренить. Все это мог сделать сильный, напористый и умный человек. Олкотт на решение подобной задачи не годился. Не хватало ему пороху в пороховницах.

В силу каких-то непонятных предчувствий Блаватская никогда окончательно не разрывала своих отношений с

Олкоттом, несла свой крест до конца. Он был осторожный, спокойный человек, послушный сожитель и книжный червь. Она казалась его противоположностью. Для нее бросаться навстречу новым авантюрам и приключениям было привычным делом, знакомым занятием. Для него же — смерти подобно. Его, номинально президента Теософического общества, раздражало неформальное лидерство Блаватской. С годами, как он считал, она совсем потеряла совесть, когда чуть ли не ежедневно внедряла в его сознание мысль о своем избранничестве и оккультной силе. Эта игра ее забавляла, его же просто бесила. Когда он взбрыкивал, Елена Петровна усмиряла его с помощью своих верных вассалов. Она перетащила из США и Европы нескольких дельных людей. Например, Джорджа Лейна-Фокса, англичанина, сына богатых родителей, инженера-электрика и Франца Гартмана, немца, эмигрировавшего в 1865 году в США. По профессии Гартман был врачом, по призванию — философом-мистиком и писателем. Она его убедила перебраться в 1883 году в Адьяр, он заменил ей в какой-то мере Олкотта. По крайней мере, Франц Гартман умом его явно превосходил. Его талант писателя-оккультиста расцвел прямо-таки на ее глазах. Неудивительно, что при содействии Блаватской Франц Гартман через некоторое время возглавил правление Теософического общества.

Вокруг Блаватской постоянно крутилась всякая шушера: полоумные богатые американские вдовы, разорившиеся английские аристократы, сбрендившие немецкие профессора, подозрительные индусские походыки-мистики. Они в особенно большом количестве возникали в отсутствие Олкотта, словно чувствовали, что появилась возможность пожить на халяву. И в более трудные времена Елена Петровна любила устраивать фейерверки благотворительности и аттракционы невиданной щедрости. Сотрудников у Блаватской становилось все больше и больше. Перед ее отъездом из Индии в 1884 году их насчитывалось почти 40 человек.

Олкотт не поддерживал проявления самодержавной власти Блаватской, ведь кому охота быть президентом-марионеткой?! При любой возможности он старался уехать куда-нибудь подальше от Елены Петровны — к своим буддистам на Цейлон или в Бирму. На Цейлоне деятельность Теософического общества приобретала нужные и важные для сингалезцев формы. Олкотт развернул там борьбу за спасение национальной буддийской культуры от ее христианизации с помощью семи местных отделений общества. Он основал комитет по защите буддизма и как адвокат оказывал содействие буддийским монахам в

отстаивании политическими средствами своих прав и интересов. Самый большой авторитет среди буддистов Олкотт завоевал изданием в июле 1881 года на английском языке «Буддийского катехизиса». Но разве можно его сравнивать с Блаватской? Его сочинения прогадывают рядом с ее «Голосом молчания» или справочником с точными формулировками — «Ключ к теософии», книгами, небольшими по объему, но написанными художественно и полемически заостренно.

20 февраля 1884 года Блаватская и Олкотт отплыли из Бомбея в Марсель в компании нескольких индийцев: слуги Бабулы, ученого брахмана, секретаря Блаватской Мохини Мохана Чаттерджи и молодого поэта, перса Сораба Дж. Падшаха, решившего поступать в Кембридж. Перед отплытием в Европу произошло одно событие, которое должно было бы насторожить «старую леди», но она, к сожалению, не придала ему никакого значения. Из Мадраса до Бомбея их сопровождала Эмма Куломб. Чета Куломбов собиралась заняться в Мадрасе гостиничным бизнесом. Они уже пытались открыть гостиницу, но прогорели. На этот раз сложившаяся в Адьяре ситуация должна была бы способствовать успеху. Со всех сторон приезжали люди, наслышанные о Блаватской, Олкотте и теософии. Их следовало где-то разместить и конечно же лучше в своей, чем в чужой гостинице. Дело было за малым — следовало раздобыть две тысячи рупий. Эмма Куломб, не поставив в известность Елену Петровну, попросила эти деньги у богатого махараджи Ранджита Сингха. Само собой разумеется, она просила деньги исключительно взаймы. У Блаватской на этого махараджу были свои виды, и, чего уж тут скрывать, она рассчитывала в итоге получить от него значительно большую сумму. Вот почему, узнав от Ранджита Сингха о просьбе своей помощницы, она устроила ей выволочку. Надо сказать, что Эмма и Алексис Куломб работали в Теософическом обществе бесплатно, за кормежку и крышу над головой. Таким образом, Блаватская допустила серьезный промах, несправедливо, с присущей ей горячностью указав Эмме Куломб на ее место служанки. А ведь в действительности Эмма была ее подругой, ассистенткой и доверенным лицом, в распоряжении которой находилось много записочек и писулек, написанных рукой «старой леди». Я думаю, что в основе подобного поведения лежит странное, самонадеянное и абсолютно ни на чем не основанное убеждение, что если ты чуть-чуть помог кому-то, то этот человек обязан тебе по гроб жизни. Сколько людей на свете попадали в подобную ловушку.

Прибыв в Суэц, Блаватская с большим опозданием узнала о

смерти своего дяди Ростислава. Ушел из жизни человек, которого она по-настоящему любила. Она видела его образ воочию в Индии три раза кряду, о чем написала своим близким: «Я еду под гнетом страшного горя: либо родной дядя умер, либо я спятила!..»[415]

Первые два видения она объясняла сном, который вырвал ее на несколько часов из обыденной действительности и словно погрузил в волшебный раствор, а уже из него выкристаллизовались ее предчувствия и предположения. Провидческие сны явно представляли первых два явления. К числу других провидческих явлений относились галлюцинации. Ведь третье явление, представляющее призрак дяди Ростислава, невозможно было объяснить обычным сном. Елена Петровна ехала поездом в Бомбей. В купе она находилась одна и четко запомнила, что не спала, когда перед ней во плоти возник дядя Ростислав. Правда, он выглядел значительно моложе своих лет. Он был таким, каким она застала его в Тифлисе по возвращении из Европы, накануне рождения Юры. Она не только его видела, но и говорила с ним. О чем? Вот этого она не сказала бы, поскольку кто-то на время лишил ее памяти. Елена Петровна безусловно верила в приход по собственной воле умерших в мир живых без всяких вызовов и медиумических вмешательств. Да и как она могла в это не верить, когда подобные видения сопровождали ее всю жизнь? Ростислав Андреевич Фадеев скончался в Одессе в 10 часов утра 29 декабря 1882 года по старому стилю. Он оставил после себя несколько серьезных книг, три рубля денег и поношенный генеральский мундир[416].

Елена Петровна Блаватская плыла в Европу, там отныне предстояло ей восстанавливать из руин оккультную Индию, сохранявшую тайны исчезнувшей Атлантиды. Интересы «Всемирного братства» требовали приобщения к нему людей из великосветских кругов. Почти все плавание она просидела над переводом на французский язык «Изиды без покрова». За несколько дней до швартовки в Марселе она закончила работу над первым томом. Некоторое разнообразие в этот монотонный и изнуряющий труд вносили перебранки с Олкоттом. Он не мог простить ей непомерных расходов в Индии. В Бомбее Елена Петровна снимала роскошный номер в дорогой гостинице. А где же еще, скажите, ей было принимать махараджу Ранджита Сингха? Ей принадлежала целая анфилада комнат. Олкотт вечно брюзжал по поводу ее расточительной натуры. Он заметно состарился. Тропики не пошли ему на пользу. Но и она за последние годы не помолодела. В то же время он, как всегда, пылал душой. Елена Петровна про себя отметила, что внутренний огонь никак не отразился на его лице. Он обрюзг и сильно

отяжелел.

За завтраком Олкотт сумрачно взглянул на нее из-под густых бровей и меланхолично заметил: «Мы не молодеем». Она с присущей ей находчивостью добавила ему в тон: «Хотя для этого у нас было достаточно времени».

В большинстве случаев стареют не сразу, не в одночасье. Стареют медленно, словно спускаются вниз по ступенькам жизни. Чем ближе к смерти, тем ступеньки круче.

Елена Петровна после пятидесяти лет все еще вела себя, как молодая энергичная женщина, — не боялась оступиться и переломать себе кости.

Олкотт доводил ее своей занудливостью, корил отсутствием сюжета в ее рассказах. «Что вы заладили — сюжет, сюжет! — однажды ответила она ему в сердцах. — Подумаешь, сюжет! Шел, шел, зашел в другую комнату. Вот тебе и весь сюжет».

На пароходе ее донимали одни и те же мысли и сны. Она думала о том, как сделать деятельность Теософического общества грандиозной и широко известной. Сны ее были ужасными, в них она томилась и погибала.

Ей несколько раз снилось, что она умерла.

Одно спасительное имя безголосо выкрикивала ее измученная астральная субстанция, имя Хозяина и Учителя, имя стеснительного юноши царского происхождения, которого она десятилетиями терпеливо ждала после лондонского знакомства, ждала на ложе преданности и любви, на ложе, покрытом мягкой шкурой дикой козы и усыпанном сухими, приторно пахнущими лепестками роз и лаванды. Она ждала его, как сокровенного таинства вечной жизни, умастив тело душистым нардом обожания. Ее груди были тугими, как нераскрывшиеся бутоны лотоса, и прохладными, как травы в утренней росе.

Она хотела бы постичь истину мудрости, узнать, что же это такое в самом деле. Она грезила чудесами до тех пор, пока не спал однажды покров с ее завороженного чела, пока медвяный запах чинар не стал слегка отдавать сладковатым смрадом смерти.

Звезды вокруг нее то разгорались, то вспыхивали и бледнели; медленно угасая, они тихо исчезали, как блуждающие болотные огни.

Обессиленная космическим холодом, она толком не понимала, что с ней происходит: отсветы ее мыслей и чувств, ослепив озарением, тотчас тонули в непроницаемом мраке небытия.

Неужели душа ее навек покинула отчий дом Земли?

Человеческие голоса, позвякивание, неясные напевы и вздохи, неровный топот бегущих лошадей воспринимались уже как потусторонние — и ее изнемогшее астральное тело пронизывала безысходная печаль.

Земля навсегда уходила из поля ее зрения, тонула в сгустках звездных туманностей. Придет ли конец ее астральным мучениям и страданиям? Ослепленная не отпускающими ее призраками прежних согрешений, Блаватская напряглась, пытаясь освободиться от обступившей ее тьмы. Нужно было возвращаться вспять, к началу начал, к своей колыбели.

Чуть приметный запах росы струился с Земли, удалявшейся от нее все дальше и все быстрее. Застыв в запредельном пространстве, Блаватская все еще надеялась, что кровь вновь заструится в воскресшем теле, заставит застучать усталое, надломленное сердце, и разноцветные, легкокрылые бабочки в ослепительных воздушных уборах окружат ее, перешептываясь с сухой, ломкой травой, сплетясь друг с другом в хороводе причудливого танца.

Она промелькнула в земной жизни азартной потворщицей веселым необыкновенным фантазиям и капризным незабываемым мечтам! Как слабая тень сбитой влет птицы, она пронеслась над Землей. Никто из живых не распознал ее агонии, и потому ни жалости, ни сострадания не снискала она, представ, наконец, пред людьми в сиянии Вечности.

Она освободила других, не освободив себя.

Блаватская металась, беззвучно вопия об очищающем Божественном свете. Ибо не было никаких больше сил терпеть корчи от неутихающей боли, сопровождающей всесильный и изнуряющий экстаз, готовый вот-вот поглотить ее, низвести на нет, развеять морозной звездной пылью!

Сон снова навалился на нее, как тяжелая и липкая тьма.

Наконец, Блаватская и Олкотт ступили на французский берег. Они прибыли в Марсель 12 марта 1884 года. Во Франции их ждали, как, впрочем, и в Англии. Им предстояло провести в Европе семь напряженных и изматывающих повседневной суетой месяцев.

Елена Петровна писала высокопоставленным особам пространные письма в разные концы Европы. Она засиживалась за ними до глубокой ночи, а иногда и до рассвета. На среднем пальце правой руки, ближе к ногтю, у нее образовалась овальная твердая мозоль — впечатляющее свидетельство ее

прогрессирующей графомании. Она уже не могла остановиться в охватившем ее словоблудии, считая себя чуть ли не добрым ангелом, который подает сострадательную руку людям, приговоренным к тоскливой и бессмысленной жизни. Она вошла в писательский раж ради того, чтобы свои сверхъестественные прозрения и предвидения о судьбе человечества передать за тысячи километров какой-нибудь исстрадавшейся по вдохновенному и провидческому слову богатой и знатной даме, однако, к великому сожалению, основательно разочарованной в себе подобных и в связи с этим обстоятельством духовно обносившейся. В способности заговаривать людей, устно и письменно, ей не было равных. Такой дамой, чрезвычайно податливой ее воздействию, оказалась леди Мэри Кейтнесс, герцогиня де Помар, к моменту приезда во Францию Блаватской основательница и глава Теософического общества Востока и Запада. Именно к ней из Марселя в Ниццу, во дворец «Тиранти» направились Блаватская и Олкотт, а также вся их индийская компания.

Испанка по рождению, во втором замужестве леди Кейтнесс, она умела подать себя эффектным образом и с загадочной стороны. Встречая гостей, она обычно облачалась в бархатное малиновое платье с атласными рукавами и со стоячим воротником. Крупные бриллианты сверкали и переливались на ее длинной, горделивой шее.

Леди Кейтнесс была вдовствующей великосветской дамой и жила под одной крышей со своим сыном от первого брака с испанским грандом, герцогом де Помар.

«Изида без покрова» Блаватской настроила герцогиню на теософский лад. Иными словами, она испытала прилив нежности ко всему человечеству и поверила в силу эзотерических знаний. Она сочла своим долгом познакомиться с автором этой удивительной книги. Теософские идеи, однако, не отвратили ее от увлечения спиритизмом.

Леди Мэри Кейтнесс, она же по первому мужу герцогиня де Помар, ждала Блаватскую в Ницце. Герцогиня пережила двух мужей и считалась одной из самых богатых вдов Европы. В ее владении находились дворцы в Париже и Ницце.

Однажды герцогиня почувствовала, осознала всем своим субтильным и нервным существом, что является медиумом и способна по своему усмотрению вызывать дух казненной шотландской королевы Марии Стюарт. Некоторое время она была даже подавлена этим открытием, настолько оно поразило ее чувствительную натуру. Напрасно она клялась самой себе, что

никогда не воспользуется этим внезапно открывшимся даром. Охватившее ее волнение приобрело такие внушительные размеры, что для того чтобы не перейти раньше срока в лучший мир, она была вынуждена открыться ближайшему окружению и начать медиумические сеансы. В роскошном парижском особняке по прямому указанию герцогини была сооружена часовня для общения с духом Марии Стюарт. Свою неиссякаемую любовь к несчастной шотландской королеве она выражала подражанием ренессансной моде, с помощью воланов, кружев и лент пыталась воссоздать внешнее сходство с бесконечно ей дорогой коронованной особой. Герцогиня Кейтнесс не жалела средств на свои увлечения спиритизмом. Денег у нее было предостаточно. Она с нетерпением ждала приезда Блаватской. Среди ее знакомых ходили слухи о духовной мощи этой русской аристократки, приобретенной в одном из тибетских монастырей в результате длительной аскезы и многомесячного общения с адептами Гималайского братства. Как знала герцогиня, у Блаватской существовали фантастические планы по возрождению древнейшей культуры человечества, поэтому-то она сочла своей обязанностью пригласить таинственную русскую путешественницу к себе в гости, доказать ей тем самым, какое неподдельное уважение она к ней испытывает, и сделать теснее соединяющую их духовную связь, которая, вне всякого сомнения, повлияла бы наилучшим образом на судьбы мира.

Среди именитых гостей герцогини Кейтнесс, помимо Блаватской, встречались также другие русские люди. Это были представители русской знати, проводящие время на Лазурном Берегу, публика скучная, праздная и бездумно сорящая деньгами.

«Удивительно, до чего мало изменилось русское столбовое дворянство!» — можно предположить, думала Блаватская, слыша, например, о невероятных тратах князя Черкасского, который снял виллу с обширным участком земли и заставлял целую рать садовников еженощно работать в поте лица, чтобы каждое утро услаждать свой взор новой садово-парковой композицией. Это был заправский гурман, настоящий любитель изысканных плодов садового искусства.

В Монте-Карло многие русские проигрывались в пух и прах. Рулетка и карты, случалось, отбирали у них огромные состояния: не только поместья, но и собственные жены оказывались ставкой в азартной карточной игре.

«Разве ради этого стоит жить?» — размышляла Елена Петровна, видя, на что уходят талант и силы ее соотечественников, с подавляющим большинством которых она не хотела иметь ничего общего. Блаватская отказывалась от

многочисленных приглашений на рауты и вечеринки, на вернисажи и балы, в театры и казино, ссылаясь при этом на слабое здоровье, на нехватку времени.

Каждую свободную минуту Блаватская отдавала писательскому труду и находила в этом истинное наслаждение. Она писала вдохновенно и легко длиннющие письма, сочиняла одну за другой статьи для «Теософиста». Однако юг Франции не стал для нее благословенным краем. Модные курорты не шли ей на пользу, они относились скорее к проклятому, нежели к благоприятствующему пространству.

Блаватской с лихвой хватило двенадцати дней на эту суету сует, на восстановление старых знакомств и обзаведение новыми.

Однако сказано: «Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь, как Мои уста…»

Блаватская, сопровождаемая Олкоттом, поспешно отбыла в Париж. Брахман Мохини Мохан Чаттерджи и слуга-индус Бабула уже ждали ее там. По распоряжению леди Кейтнесс для них был снят дом 46 по улице Нотр-Дам де Шан. Он стал штаб-квартирой «старой леди» на время ее пребывания в Париже.

На перроне парижского вокзала Блаватская и Олкотт увидели невысокую невзрачную фигуру Уильяма К. Джаджа, их американского сподвижника. Прошло пять лет, как они расстались с Джаджем, переложив почти на него одного все заботы об американском отделении Теософического общества.

Уильям Джадж сжег за собой все мосты вследствие несчастного стечения обстоятельств — его дочь умерла от дифтерита и вскоре от него ушла жена — и занялся исключительно теософской деятельностью. Дела Теософического общества в Нью-Йорке после отъезда его основателей в Индию пришли в упадок. Рядовые члены общества ставили личность Блаватской очень высоко и в ее отсутствие потеряли интерес к медиумическим чудесам и феноменам; они, казалось, постепенно погружались в летаргический сон. Генерал-майор Абнер Даблдей, оставленный временным президентом, получил в свое распоряжение иллюзорную власть над горсткой оставшихся теософов. Робкие попытки Блаватской как-то реанимировать теософскую деятельность в Соединенных Штатах Америки успеха не имели. Абнер Даблдей, известный тем, что изобрел саквояж и переделал английскую лапту в американский бейсбол, в теософской практике был не особенно сообразительным и совсем неудачливым человеком. Состояние сонного царства сохранялось в Теософическом обществе вплоть до декабря 1883 года, до появления на теософском собрании загадочного, взявшегося непонятно откуда индуса. Это был разнаряженный с восточным

великолепием красивый человек. На его груди сверкал драгоценный камень с мистическим словом «Ом».

Индус не был словоохотлив, в своей короткой речи он призвал к возрождению Теософического общества и прочитал на санскрите отрывок из Бхагават-гиты — «Песни Господней», священной для многих индусов книги. Один экземпляр этого индусского Священного Писания он торжественно передал в руки Абнера Даблдея. Никто из присутствующих на собрании теософов не заметил, когда и куда индус исчез. Он словно растворился в воздухе или провалился сквозь землю. Но что-то после его появления на собрании сдвинулось с мертвой точки. Джадж приехал на встречу с Блаватской не только за советом, но и надеясь на серьезную финансовую помощь. Он направлялся в Индию, в Адьяр.

Дом 46 на улице Нотр-Дам де Шан слегка разочаровал Блаватскую. Ей не понравилось решительно всё: и улица, длинная и мрачная, расположенная на левом берегу Сены, и сами огромные комнаты, и особенно — крутая и темная лестница. Ежедневно к ним приходила француженка убирать комнаты и готовить еду. Однако Елена Петровна признавала одного повара — своего Бабулу. Жизнь в Париже не была спокойной. О ее приезде сообщили газеты, и ее стали осаждать желающие с ней общаться. Кто только не хотел, помимо друзей и знакомых, припасть к ее ручке! Были гости желанные и нежеланные. К желанным относился, например, астроном и мистический писатель Камиль Фламмарион, который просиживал с Еленой Петровной один на один по многу часов. А от ясновидящих, магнетизеров, чтецов мысли вообще не было отбоя. Но особенно ее донимали репортеры.

Блаватская, чтобы спастись от многих незваных гостей, объявила осадное положение. Серьезных дел было невпроворот, некогда было отвлекаться на светское общение. Именно в Париже она собиралась окончательно решить, здесь или в Лондоне будет европейский центр Теософического общества. Олкотт ненадолго задержался в Париже. Ему пришлось срочно выехать в Лондон, где шла борьба за президентское кресло между Синнеттом и миссис Кингсфорд. Собрание Лондонской ложи Теософического общества было назначено на 7 апреля 1884 года. Пока же Блаватская оставалась в Париже вместе с Джаджем, Бабулой и Мохини. Она понимала, что ее появление должно поставить последнюю точку в соперничестве Синнетта и миссис Кингсфорд.

Она находилась в самом зените славы. Незадолго перед ней уехал из Индии Синнетт, уволенный из «Пайонира» за

чрезмерную пропаганду теософии. По приезде на родину он учредил Теософическое общество по своему вкусу, а себя по необыкновенной наивности провозгласил доверенным лицом махатм. Он сошелся с богатыми интеллектуалами, и они создали что-то очень заумное и элитарное. Требовалось вмешательство Блаватской, только она одна своим присутствием могла дать худосочным и полоумным западным интеллигентам наркотическую силу, за что ее, собственно, они и ценили.

Однако она не торопилась ехать в Лондон. Ей совсем не хотелось выяснять отношения с английскими теософами, которые потеряли, как она считала, совесть и нагло заявляли, что махатмы существуют сами по себе, а она, удивительная и неподражаемая Елена Петровна Блаватская, имеет к адептам Гималайского братства опосредованное отношение. Самонадеянные англичане должны были убедиться в полной своей мистической беспомощности. Она пыталась образумить их письмами, терпеливо им объясняла, кто такие махатмы и что без ее помощи никто и шагу не ступит по дороге, ведущей к цитадели Гималайского братства. Она предлагала английским теософам массу полезных вещей, от которых было грех отказываться, например, через нее консультироваться с махатмами по разнообразным вопросам мистической духовной практики.

Особенное раздражение у нее вызывала Анна Кингсфорд (урожденная Бонас), президент Лондонского теософического общества. Подхалимствующие соратники называли ее «божественная Анна», упирая на красоту ее золотистых волос, длинных ресниц и карих глаз. В действительности же Анна Кингсфорд была всего лишь смазливой женой приходского священника. Блаватская в письмах Синнетту называет ее «змеей, рогатым аспидом среди роз», «невыносимой парвеню»[417]. Ее непомерные амбиции проявились в общественной деятельности. Она потратила немало времени и сил для запрещения вивисекции. В возрасте двадцати восьми лет Анна Кингсфорд решила обучаться в Париже медицине. Через шесть лет она стала дипломированным врачом, но врачебная деятельность ее совсем не интересовала, она ушла с головой в движение протеста против вивисекции. Ее муж не смог или не захотел оставлять приход, поэтому Анну в ее заграничных поездках сопровождал дядя Эдвард Мэйтленд, на 22 года ее старше. Но как говорят, возраст любовному делу не помеха, а чужая душа — потемки. Оставшись вдвоем, Анна и Мэйтленд делили свое время между обучением медицине и увлечением мистицизмом. Вообще-то возлюбленный Анны был меланхоликом и большей частью пребывал в соответствующем, то есть меланхолическом, настроении. Ему

подражала Анна Кингсфорд. Это настроение у нее к тому же усугублялось видениями картин Страшного суда. Ее посещали Жанна д'Арк, дух Сведенборга, Мария и Анна Болейн. Эдвард Мэйтленд также пытался ей соответствовать. Он заглядывал в души деревьев и вызывал духов земли. Анна Кингсфорд убедила себя, что неспроста появилась на Земле, на нее возложена свыше какая-то божественная миссия.

Почему Анна Кингсфорд, христианский мистик, пристала к Теософическому обществу, понять трудно. Она с нескрываемым пренебрежением относилась к восточным учениям. По мере того как Синнетт утверждал в английском великосветском обществе культ махатм, ее недовольство им все увеличивалось. Сохранившиеся отзывы Анны Кингсфорд о Блаватской и теософском движении полны безотрадной тоски. Особенно ее раздражили две книги Синнетта: «Оккультный мир» и «Эзотерический буддизм». В первой книге были опубликованы полученные через Блаватскую письма Учителя Кут Хуми. Американский медиум Генри Киддл, в руки которому попало это сочинение, к своему удивлению, обнаружил в одном из этих писем пассаж из собственной речи. Естественно, такое наглое воровство он не оставил незамеченным и в бостонском журнале «Бэннер оф Лайт» («Знамя Света») без всяких обиняков сказал все, что думал о Синнетте, махатмах и основоположниках теософии. Махатмы в его интерпретации выглядели какими-то прощелыгами, как, впрочем, и их поклонники.

Ощутимой потерей для Блаватской стал выход из ее теософских рядов в 1884 году двух выдающихся людей — английского писателя и переводчика Чарлза Карлтона Мэсси, первого президента Британского теософического общества, и преподобного Стейтона Уильяма Мозеса, ученого и оккультиста. Случай с плагиатом, в котором был уличен Кут Хуми, скорее позабавил, чем привел в шок двух английских джентльменов. Они прекрасно и до этого случая понимали, к каким ухищрениям прибегает Блаватская, чтобы загнать в свое стадо побольше овечек и барашков или, как она их называла, «милых осликов». Однако вчерашние друзья не захотели нести ответственность за подобные сомнительные действия «старой леди». При этом Мэсси и Мозес воздавали должное писательскому и мистическому дару незаурядной женщины из России, когда-то их околдовавшей своей неповторимой харизмой.

Многие, очень многие из самых преданных учеников оставили Блаватскую в то трагическое для нее время. Они не уходили от нее молча, а на всех перекрестках обливали ее грязью. Особенно тяжело пережила «старая леди» предательство Мохини

Мохана Чаттерджи и Дарбхагири Натха Бабаджи. Уж от кого она не ожидала вероломства, так это от Натха, бывшего мелкого клерка из конторы по сбору налогов. Она буквально подобрала его на улице, предоставила кров, накормила и приодела — настолько этот похожий на подростка и трогательный в своей наивной хитрости человек понравился ей с первого взгляда. Он взял Блаватскую задушу и заставил расхохотаться, когда, смотря ей прямо в глаза, без зазрения совести заявил, что провел при Учителе Кут Хуми десять лет. Разумеется, Елена Петровна стала для него новым гуру. Она нуждалась в подобных «чела» и отвела Дарбхагири Натху роль почтальона махатм. Большая часть этих писем от махатм Мории и Кут Хуми шла Синнетту, а за ним следовал Аллан Хьюм. И за всю ее многолетнюю заботу об этом маленьком и никчемном человеке — черная неблагодарность. Он, походя, всем и каждому раскрывал многие секреты повседневной теософской жизни. Этот услужливый индиец знал во много раз больше, чем Эмма Куломб о тайной стороне создания феноменов.

Анна Кингсфорд в отличие от своих английских коллег еще до скандала с письмом Кут Хуми разочаровалась в теософии. Книга Синнетта «Эзотерический буддизм» была последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Нельзя же, возмутилась она, принимать символы за реальность. Это то же самое, что считать живыми существами буквы алфавита. Она ввязалась в борьбу за президентское кресло с одной целью: реформировать Лондонское теософическое общество, переориентировав его деятельность на сугубо теологическую проблематику. Анна Кингсфорд вовсе не собиралась ограничиваться только ориентализмом. Куда интереснее, думала она, заниматься эзотерической стороной всех религиозных учений. В особенности ее привлекала католическая теология. Зная ненависть Блаватской к католицизму, с трудом можно представить, как она сдержалась и не сорвалась на обычную ругань. По-видимому, Елена Петровна рассчитывала использовать имя Анны Кингсфорд, ее авторитет и дружбу с герцогиней Кейтнесс в своих целях. Недаром до скандала с книгой Синнетта махатма Кут Хуми отзывался об Анне Кингсфорд хорошо и рекомендовал ее на пост президента Лондонского теософического общества. Затем ситуация изменилась, и «старая леди» в одном из писем Синнетту попеняла его Учителю Кут Хуми за подобную непредусмотрительность[418].

Выборы, проходившие на собрании Лондонской ложи Теософического общества, закончились поражением Анны Кингсфорд. Она потеряла президентское кресло, на ее место избрали малоизвестного господина Финча, вице-президентом —

Синнетта, а Франческу Арундейл, любимицу Блаватской, — казначеем. «Старой леди» пришлось срочно выезжать из Парижа в Лондон. Ее появление на собрании было триумфальным, некоторые его участники упали перед ней на колени. Ей не нужен был скандал с Анной Кингсфорд, в этом случае она теряла леди Кейтнесс. Она разрядила ситуацию, провела приватные переговоры со сторонниками Анны Кингсфорд. Конфликт в конце концов разрешили полюбовно. Анна Кингсфорд стала основательницей нового эзотерического объединения — Герменевтического теософического общества. На этом перевыборном собрании Блаватская была заслуженно представлена королевой оккультизма, ее воле беспрекословно подчинялись. Она не отказала себе в удовольствии соединить руки Анны Кингсфорд и Альфреда П. Синнетта в дружеском рукопожатии: худой мир всегда лучше доброй ссоры.

Блаватская несколько задержалась в Лондоне. В доме Синнеттов на Лэдбрук-гарденс, где она остановилась, у нее состоялось много встреч с лондонскими теософами. Тогда же она чрезвычайно сблизилась с Ольгой Алексеевной Новиковой (урожденная Киреева, 1840–1925), известной публицисткой славянофильской ориентации, автором книг и статей, посвященных англо-русским отношениям, и английским писателем-мистиком, теософом и редактором «Review of Reviews» Уильямом Томасом Стэдом. О. А. Новикова увлекалась медиумизмом. Но не это увлечение сделало ее имя известным в аристократических кругах Англии. Она была в тесной дружбе с представителями, как сейчас говорят, британских властных структур. Они видели в ней человека, очень близкого к царскому двору и русскому правительству. Она входила в круг великой княгини Елены Павловны, которая вслед за Екатериной II желала видеть двор центром наук и искусств. Также она переписывалась с К. П. Победоносцевым и Ф. М. Достоевским. В ее библиотеке находилось несколько книг великого русского писателя с его самыми уважительными надписями. В Лондоне О. А. Новикова держала салон, куда приходили богатые русские люди, ничего общего не имеющие с революционными изгнанниками в Лондоне. Из англичан ее навещали граф Бейст, Фруд и Виллерс. В тайны международной политики ее посвятил лорд Непир-Этрик, бывший в то время британским послом в Петербурге. О. А. Новикова полагала, что революционер не только враг общества, но прежде всего богохульник, выступающий против священного призвания нации[419]. Карл Маркс не без основания называл О. А. Новикову «неофициальным агентом русского правительства» и в своих статьях разоблачал ее политические связи, в частности, с

лидером английских либералов Гладстоном. Одной из сторон ее деятельности в Лондоне было улучшение имиджа России за рубежом. Ольга Алексеевна Новикова с распростертыми объятиями встретила Елену Петровну Блаватскую, свою дальнюю родственницу. В одном из писем тете Н. А. Фадеевой Блаватская писала: «Наша Ольга Новикова уверяет, что испытывает ко мне какое-то обожание, и каждый день приводит своих людей, чтобы познакомить их со мною. Она уже успела свести со мною всех лондонских знаменитостей, кроме великого министра Гладстона, который, согласно „St. James Gazette“, и боится меня, и восторгается мною: „опасается ее в той же степени, в какой восхищается ею!“ На мой взгляд, это уж просто наваждение какое-то… 21 июля было у нас собрание — conversazione (вечер, устраиваемый научным или литературным обществом. — ит.), как это здесь называется, в честь г-жи Блаватской и полковника Олкотта, которое провели в королевском зале. Сначала отпечатали пятьсот пригласительных открыток, но вокруг них возник такой ажиотаж, что пришлось изготовить еще столько же. Госпожа Новикова написала на имя нашего посла, прося о двух пригласительных билетах, и привела с собой послов Франции, Голландии, Германии, Турции, румынского принца Х. и почти весь персонал ее преданного друга Гладстона. И вот, наконец, Хитрово — наш генеральный консул в Египте, прибывший сюда по делам… <…> Профессор Крукс и его жена сидели позади моего кресла подобно паре адъютантов, указывая мне без конца на своих коллег из Королевского общества, знаменитостей, светил науки в области физики, астрономии и всевозможных „темных наук“. Замечаете, ощущаете теперь, милая моя, как действует карма? Цвет английской науки, интеллектуальная элита и аристократия оказывают мне почести, которые я ни в малейшей степени не заслуживаю»[420].

Ничего на свете для Блаватской не было важнее и сладостнее, чем ее признание сильными мира сего. Уж как она их ненавидела, этих высокомерных, кичливых, с рыбьей кровью людей, сосредоточенных на своей карьере и превозносящих политику выше всего на свете. Они обволакивали ее паутиной своих сословных предрассудков, обольщали призрачными атрибутами богатства и власти. Именно по их вине началась ее тяжелая скитальческая жизнь. И вот теперь она подчинила некоторых из них себе, провела на мякине, таких опытных, хитрых и прозорливых. Одного только не поняла Блаватская — действия своей кармы, которая с какого-то момента не могла не нанести ей сокрушительного удара. Ведь она сама постоянно нарушала основной человеческий закон: жить — Богу служить.

Во время своего визита в Лондон Блаватская поняла, что в английских оккультно-мистических кругах больше всего говорят об Обществе психических исследований. Несколько авторитетных деятелей этого общества одновременно были и членами Теософического общества. Понятно, что слухи о махатмах и их письмах дошли до членов Общества психических исследований и вызвали неподдельный интерес. Говоря откровенно, сама основательница теософии интересовала их куда меньше. Кто-то из них назвал «Изиду без покрова» «хаотическим апокалипсисом невежества». Общество психических исследований, изучая странные явления природы и человеческой психики, создало свой особый мир, в котором научный анализ преследовал цель понять природу феноменальных явлений, удовлетворяя тем самым одну из коренных потребностей человеческого духа — потребность ощущать себя значимой частью существующей жизни. Можно поэтому понять и объяснить переполох среди членов Общества психических исследований, который вызвали заявления Синнетта о махатмах и их посланиях. С членом Общества психических исследований Фредериком Майерсом, поэтом и эссеистом, Блаватская до поры до времени была в хороших отношениях. В середине апреля 1884 года одним богатым американцем от имени этого общества был дан обед в честь Олкотта. На этом обеде он пригласил в Адьяр молодого человека по имени Ричард Ходжсон, выпускника и преподавателя Кембриджского университета. Олкотт хотел, чтобы тот собственными глазами увидел появляющиеся там феномены. Была ли это подстава Блаватской со стороны полковника или его наивность, переходящая в глупость, — сказать сейчас трудно. Тогда на обеде всех заинтересовали феномены, произведенные «старой леди» и ее Учителями в США, Индии и в других местах. Была создана специальная комиссия Общества психических исследований, на заседания которой вызывались Мохини Мохан Чаттерджи и Альфред Перси Синнетт. Пришла очередь и Олкотту рассказать, что он видел своими глазами.

Освидетельствование Олкотта произошло в Кембридже 11 мая 1884 года. На заседании комиссии Елена Петровна не присутствовала. В то время она была уже в Париже. Олкотт удивил собравшихся непосредственностью своей натуры, детской доверчивостью и простодушными ответами. Показания у Олкотта брали Фредерик Майерс, влиятельный член Общества психических исследований, и его коллега Герберт Стек.

Фредерик Майерс спросил его с подковыркой:

— Сэр, будьте любезны сказать, где и когда вы впервые

встретили махатму Морию?

Олкотт поднял на судью не умеющие лгать глаза и сказал:

— Первый раз я встретил его на улице в Нью-Йорке. Учитель появился на короткое время, чтобы поговорить со мной, а затем таинственным образом исчез.

— Чем вы можете доказать, что эта встреча на самом деле имела место? — продолжал допытываться Фредерик Майерс.

— Я ожидал этого вопроса, — простодушно признался Олкотт, — поэтому-то и захватил с собой вещи махатмы Мории, которые он подарил мне.

И Олкотт предъявил шелковый тюрбан в качестве вещественного доказательства: тюрбан должен был бы, как он считал, вызвать у судей благоговейный трепет. Результатом этого показа был громовой смех присутствующих, который сотряс стены небольшого зала.

В разговор вступил Герберт Стек. Он осторожно поинтересовался у Олкотта:

— Я хотел бы все-таки уточнить: почему вы полагаете, что встретившийся с вами человек был махатмой, а не обычным индусом?

Отвечая на этот вопрос, Олкотт превзошел даже самого себя. Он трогательно посмотрел на собравшихся перед ним людей и сказал:

— К сожалению, я редко встречал живых индусов. Впервые я увидел индуса в Лондоне.

Олкотт был искренне убежден, что его ответы понравились высокой комиссии и что он произвел на ее членов хорошее впечатление.

— Что вы можете продемонстрировать нам в качестве других доказательств существования махатм? — Этим вопросом Фредерик Майерс хотел закончить снятие показаний с Олкотта.

Олкотт молча достал из кармана брюк позолоченного Будду на колесиках и с гордостью повертел им перед носом остолбеневших судей. Через несколько секунд, чуть не падая со стульев, расхохотались почти все.

У одного старика, потерявшего бдительность, изо рта от смеха выпала вставная челюсть, и эта неприятная случайность сделала хохот поистине гомерическим.

Когда Олкотт ознакомил Блаватскую со стенограммой заседания, она дала волю своим чувствам и слов при этом не выбирала. Олкотт не вынес издевательств над собой и с вызовом крикнул:

— Что вы от меня хотите?! Мне что, покончить жизнь самоубийством?!

Блаватская смирялась с людской глупостью, но не терпела шантажа. Особенно если угрозы исходили от недалеких людей. Она словно ополоумела — такая охватила ее ярость. Елена Петровна потребовала немедленного выхода Олкотта из общества, визжала и оскорбляла его, как могла. Олкотт отвечал хриплым голосом, глядя на нее исподлобья, как несправедливо обиженный большой ребенок:

— Меня ваши слова не трогают! Я буду работать в обществе до тех пор, пока меня не выгонят Учителя[421].

Не нужно быть провидцем, чтобы понять: ничем хорошим подобные допросы не кончаются. После печального инцидента с Олкоттом Блаватская пришла к убеждению, что дураки оживляют жизнь, они — словно чмокающие пузыри на водной глади, без них всякого рода неожиданности воспринимаются больнее и трагичнее. Ею овладела парадоксальная мысль: не придают ли дураки определенную устойчивость постоянно меняющейся жизни? Может быть, они — соль Земли?

На обратном пути из Лондона в Париж ее сопровождала Мэри Гебхард с сыном Артуром, замечательная женщина, ее новый друг.

Мэри Гебхард была по отцу англичанкой, а по матери ирландкой. С юных лет она проявляла склонность к философии и оккультизму. Обучалась древнееврейскому языку — а как же иначе разберешься в премудрости каббалы? Мэри Гебхард была продвинутой в оккультных науках женщиной. На протяжении многих лет она училась у Элифаса Леви, до самой его смерти в 1875 году. Блаватской с ней было по-настоящему интересно.

Помимо герцогини Кейтнесс великосветские дамы из разных европейских стран наперебой приглашали Блаватскую. Они в ней откровенно нуждались и предпочли бы отказаться от некоторых своих привычек, лишь бы попасть в ее окружение и увидеть сладостные миражи сверхдуховного и сверхреального. Весь ход медиумических событий и паранормальных явлений, которые происходили в Европе, неудержимо влек их к «старой леди». Блаватская была засыпана приглашениями из Лондона и Парижа.

Среди суетливых людей, которые ссорились, ругались, интриговали, говорили банальности, сообразуясь, впрочем, с временем и местом, Елена Петровна казалась гостьей из другого мира. Они, околдованные личностью Блаватской и убежденные в том, что она вошла в общение с небесами, прощали ей веселое и смешливое настроение, крутой нрав и едкую иронию в свой адрес. Иначе говоря, она была нарасхват, и ее, как знамя, передавали из рук в руки.

Она же научилась управлять ими по своему усмотрению.

Блаватская на дух не переносила резонеров и святош, как и тех, кто серьезничал и кичился образованностью, знаниями и богатством. Последние затыркали ее глубокомысленными вопросами, и когда не было сил на них отвечать, она, сощурившись, говорила глухим таинственным голосом: «Подумайте…» Умела она выставить собеседника идиотом, а самой уйти от ответа. Не могла же она этим ухоженным и малоподвижным людям говорить, как прежде говорили ее Учителя: «Дерзайте!» Ею часто овладевало страшное утомление, словно она целое столетие пребывала в изнурительном и бесконечном пути. Блаватской захотелось чуть-чуть отдохнуть и навсегда избавиться от неприятных воспоминаний и навязчивых призраков. Ее крутая и узкая дорога в будущее пролегала через горные теснины человеческого непонимания и недоброжелательства. Она наверняка знала, что всё происходящее с человеком неизбежно и предрешено, и только одна тайна не раскрывалась перед ней: сколько ей отпущено сроку на земную жизнь?

Вернувшись в Париж, Блаватская пошла в Русскую православную церковь. Душа потребовала. Противно было смотреть, как в Лондоне у ее ног распростерся Мохини Мохан Чаттерджи, грамотный человек, адвокат, брахман, знаток санскрита, а за ним с истерическими воплями, вскидывая руки и со слезами на глазах другие, в основном экзальтированные дамы — ее постоянная паства. Ужас ее тогда охватил невероятный. Словно напустили дыму в ее сознание, вылили в нее помои.

В церковь, припасть к родным образам… Так, по-видимому, думала русская теософка после всего пережитого в Лондоне. Вот как она описала свое тогдашнее состояние в письме родным:

«Я стояла там с открытым ртом, как если бы стояла перед моей дорогой матушкой, которую не видела многие годы и которая никак не может меня узнать!.. Я не верю ни в какие догмы, мне противны всяческие ритуалы, но мои чувства к православной службе совершенно иные… Наверное, это у меня в крови… Я, разумеется, всегда буду твердить: буддизм, это чистейшее нравственное учение Христа, в тысячу раз больше соответствует учению Христа, чем современный католицизм или протестантство. Но даже буддизм я не сравню с русской православной верой. Я ничего не могу с собой поделать. Такова моя глупая противоречивая натура»[422].

Откуда-то издалека слышала Блаватская слабый стон тоскующего в небесах ангела. И от этого звука сжималась ее

опустошенная душа.

Приглашение от ее больших поклонников графа и графини Д'Адемар погостить на их вилле Круазак в Энгьене, неподалеку от Парижа, пришлось очень кстати. Блаватская и Джадж, а также весь ее многочисленный штат прожили там три недели. Этот отдых отчасти восстановил ее силы, необходимые для очередной схватки с недоброжелателями. Отдохнув на вилле Круазак, Блаватская вернулась в Париж раньше, чем хотелось бы. Всю весну она ждала к себе в гости тетю Надежду и сестру Веру, они приехали в мае 1884 года и общались с ней почти шесть недель. Во время их пребывания Блаватская старалась до минимума сократить поток посетителей и как можно больше времени уделить дорогим для нее людям. К сожалению, это ей плохо удавалось. Она увидела их после многих лет изгнания: с сестрой Верой она не встречалась более двадцати лет, а с тетей Надеждой — с 1872 года, последнего своего приезда в Россию. Елена Петровна сделала тетю, шестидесятилетнюю деву, почетным членом Генерального совета Теософического общества. Сестру она не вознесла так высоко, наделив ее обычным дипломом.

Первое время они в основном вспоминали о Ростиславе — смерть брата Надежды и их с Верой дяди все еще была незатянувшейся раной. Елена Петровна восприняла уход дяди Ростислава в мир иной как высшую несправедливость, как чудовищное недоразумение.

Блаватская немало удивила сестру и тетю тем, что не считала себя медиумом. Она втолковывала им, что феномены — дело рук ее Учителей, адептов Гималайского братства.

Они сидели, как в старые добрые времена, за общим обеденным столом и не могли насмотреться друг на друга. Сестра Вера была рассеянна и задумчива, слушала Елену Петровну с почтительным выражением на лице, но вполуха. Приезд близких людей стал большим праздником для Блаватской. У нее вдруг вырвалось банальное восклицание: «Как тесен мир!» Вера удивленными глазами посмотрела на нее и тревожно переспросила: «Какой тесть умер?!» Ведь она безоглядно верила в ясновидческий дар сестры. Это словесное недоразумение заставило Блаватскую задуматься о человеческом восприятии. Окружавшие ее люди постоянно попадали впросак и ставили ее в двусмысленное положение из-за того, что она им пыталась втолковать одно, а они слышали совершенно другое — то, что их больше всего беспокоило.

Плохие вести приходили из Индии. Ее старая подруга Эмма Куломб пыталась шантажировать членов совета управляющих в

Адьяре — Джорджа Лейна-Фокса и Франца Гартмана какими-то записками, компрометирующими Блаватскую. Эмма требовала денег, иначе грозилась опубликовать эти записки, в которых раскрывалась тайная сторона того, как создавались феномены. Она для вящей убедительности своих обвинений продемонстрировала им насаженную на бамбуковый шест куклу по прозвищу Кристофоло — многие из обитателей Адьяра признали в ней изредка появлявшегося на оккультных демонстрациях гималайского Учителя. Тут надо заметить, что два управителя изрядно струхнули. На них ложилась серьезная ответственность за происходившие чудеса в штаб-квартире Теософического общества. Эмму Куломб уже невозможно было остановить. В присутствии нескольких членов совета управляющих, среди которых находились индийцы, она настежь распахнула шкаф, который оказался с раздвижными панелями, выявила специально просверленные отверстия в стенах и на потолке и потайные двери. Понятно, что сотрудники Блаватской испытали шок. Впрочем, они пришли в ужас не от того, что их и других обманывала «старая леди», а потому, что размеренная и спокойная теософская жизнь закончилась. Они, конечно, немедленно сожгли шкаф, залатали дыры и начали переговоры с Эммой Куломб. Но не в их возможности было дать ей ту непомерно большую сумму, которую она запросила. В конце концов не выдержал Лейн-Фокс и, забыв, что перед ним женщина, врезал Эмме по первое число. После такого неожиданного поворота в ходе переговоров супруги Куломб 23 мая 1884 года покинули Адьяр и сняли номер в гостинице. Лейн-Фокс был оштрафован местной полицией за хулиганство в размере десяти фунтов стерлингов.

Этим, однако, дело не закончилось. Эмма Куломб продала связку писем ректору Мадрасского христианского колледжа, издателю журнала «Христианский колледж» преподобному Паттерсону. Время для публикации компрометирующих Блаватскую писем преподобный избрал лучше не придумаешь. В это время в Мадрас из Лондона приехал по приглашению Олкотта, как, надеюсь, помнит читатель, молодой представитель Общества психических исследований Ричард Ходжсон и взялся за работу по изучению происходящих в Адьяре феноменальных явлений. Для того чтобы он не блуждал в потемках, преподобный Паттерсон предоставил ему первую публикацию писем Блаватской Эмме Куломб. Назвать опубликованное письмами не совсем точно, это были записочки и указания, где что поставить, куда что направить и кого чем ошарашить. В общем, перед ним предстали детали рутинной работы по сотворению чудес. До

запоздалого приезда в Мадрас основателей Теософического общества у Ходжсона с момента первой публикации писем было в запасе почти четыре месяца, чтобы дотошно разобраться в том, каким образом появляются в Адьяре феномены.

В Лондоне Блаватская не представляла всего масштаба надвигающейся катастрофы. Она все еще полагала, что начались склоки между Эммой Куломб и индийскими сотрудниками, с одной стороны, и Францем Гартманом и Лейном-Фоксом — с другой. Вот почему первым на наветы Эммы Куломб среагировал махатма Кут Хуми. В специальном послании, адресованном индусам в Адьяре, он выразил озабоченность умственным состоянием старой подруги Блаватской и напомнил, что она несет ответственность за свои слова и поступки. Елена Петровна непосредственно от себя направила чете Куломбов письмо с увещеваниями и упреками в непредусмотрительной глупости. Из-за предательства Эммы Куломб между Блаватской и Олкоттом произошла крупная ссора. Полковник обвинил ее в преступной безответственности и непозволительной доверчивости к случайным людям. Блаватская рекомендовала свою старую подругу как человека верного и преданного, а между тем из-за ее интриг и разоблачений само существование Теософического общества оказалось под угрозой. Но кому из них могла прийти в голову мысль, что Куломбы окажутся способны на шантаж? Олкотт написал Эмме письмо, в котором говорил о непоколебимости Теософического общества и предлагал ей пойти на мировую.

Присутствие родственников Блаватской в Париже по времени совпало со скандалом, который набирал силу в Адьяре. Блаватская должна была в такой ситуации выстоять и победить, не могла же она обмануть надежды самых близких для нее людей. Начиная с середины мая 1884 года на нее посыпались телеграммы и письма из Индии.

События в Адьяре развивались стремительно, их невозможно было держать под контролем.

За шесть недель пребывания близких Блаватской в Париже она смогла убедить тетю Надежду в необходимости признать достоверность старого письма за подписью Кут Хуми. Заявление тети Надежды, женщины с безупречной репутацией, должно было доказать, что Эмма Куломб лжет, а она, Блаватская, говорит правду. За три дня до отъезда на родину, 26 июня, Надежда Фадеева подтвердила в письменной форме получение ею в 1870 году в Одессе послания от махатмы Кут Хуми. Это была, как тогда

представлялось, серьезная победа Елены Петровны[423].

Самое забавное, что Блаватская переоценила роль этого письма в судьбе общества. Не случайно ведь о нем не упоминают в своих воспоминаниях ни Олкотт, ни Синнетт.

28 июня 1884 года Блаватская отправилась в Лондон окончательно мирить поссорившихся английских теософов. Ее провожали в Париже тетя Надежда Андреевна Фадеева, сестра Вера и редактор и переводчица на французский язык второго тома ее книги «Изида без покрова» Эмили де Морсье. В Лондоне она остановилась в доме Франчески Арундейл. Их познакомил Синнетт. Англичанка из высшего общества свободное время отдавала поиску мистической подоплеки самых обыкновенных вещей. Франческа Арундейл была широколицей женщиной с непроходящим насморком, крутым подбородком, короткой шеей, тонкими жестко завитыми волосами и близорукими глазами. Она была старой девой, жила с матерью и шестилетним племянником, которого усыновила после смерти своей сестры. Франческа Арундейл относилась к Блаватской с трепетной нежностью. Племянник Франчески Джордж Сидней Арундейл в 1934 году будет избран президентом Теософического общества, сменит на этом посту умершую годом раньше Анни Безант.

В дальнейшем общении с Майерсом в этот свой приезд в Лондон Блаватская вела себя несравненно тоньше и умнее, чем Олкотт. Прибегла к звону невидимых колокольчиков, расположила его к себе, но вместе с тем в душе понимала: лучше уж ей писать книги, чем заниматься подобной ерундой. Тогда она остановилась на шесть недель у Франчески Арундейл и у ее престарелой матери в доме 77 по Элгин-Кресент в Ноттинг-Хилле. Ситуация в Адьяре обострялась, поэтому дом с двумя семерками, символом удачи, вселял надежду, что всё как-то образуется. Майерс пришел к ней в гости, упросил произвести феномены, был потрясен, но затем все-таки засомневался и попытался объяснить услышанное либо гипнозом, либо трюкачеством. Блаватской, по совести говоря, была абсолютно безразлична его реакция. Она предвидела, что адьярский скандал затмит все прежние предположения и версии о ее оккультном даре, сведет на нет все ее пиаровские акции.

Глава седьмая. ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ С ИНДИЕЙ

О последней поездке Блаватской в Индию существуют воспоминания очевидца — Чарлза Уэбстера Ледбитера, тогда молодого сельского священника Англиканской церкви, только что

вступившего в Теософическое общество[424]. В качестве своеобразного послушания он должен был сопровождать Блаватскую из Англии в Порт-Саид, оттуда — в Коломбо, а затем — в Мадрас. Так получилось, что билеты на пароход, на котором отплывала из Ливерпуля 31 октября 1884 года Блаватская с супругами Купер-Оукли, своими друзьями и сподвижниками по теософскому движению, закончились и пришлось Ледбитеру догонять «старую леди», использовав кружной путь через Марсель. В конце концов он соединился с ней в Порт-Саиде, она задержалась там, чтобы добыть кое-что о Эмме Куломб, а заодно замести собственные следы. По крайней мере, узнать, живы ли те, кто с ней встречался в Египте в 1872 году. Из Порт-Саида все они перебрались в Каир, где Блаватская, как свидетельствует Ледбитер, самым радушным образом была встречена российским консулом господином Хитрово. Тот оказывал ей особые знаки внимания. Вероятно, он знал ее дядю Р. А. Фадеева, но скорее всего на него произвело впечатление чествование Блаватской в Лондоне, на котором он присутствовал. Блаватской было приятно каждое утро получать от Хитрово огромный букет царственных лилий. Он понимал, как она думала, с кем имеет дело. Ледбитера Блаватская поразила не своим внешним величием, а совсем другим — способностью находить общий язык с простыми людьми. Не только в фигуральном, но и в прямом смысле. К его удивлению, она свободно изъяснялась на арабском языке с торговцами, обслугой гостиницы, вообще со случайными людьми.

Уладив свои дела в Каире, Блаватская, а с ней и все остальные вернулись в Порт-Саид и, погрузившись на пароход «Наварико», отплыли в Коломбо. Среди пассажиров парохода было много англичан, работающих на Цейлоне. Они живо обсуждали Блаватскую, поскольку в лондонской прессе о ней писали всякие нелицеприятные вещи. К ней с особенной неприязнью относился капитан парохода, но это совсем не волновало Елену Петровну. Она привыкла, что большинство людей, которые о ней что-то слышали, считали ее одиозной личностью. И слава богу!

В Коломбо Блаватскую ждал радушный прием. Ее приветствовали находящийся на острове Олкотт, а вместе с ним несколько десятков буддийских монахов. Лучше бы полковник, подумала она, находился в Адьяре, но Олкотт умел уходить в тень, когда его даже едва припекало. На этот раз Блаватская чуть ли не силой заставила его плыть с ней из Коломбо в Мадрас.

На пароходе Блаватская еще не знала того, что верный из верных Уильям К. Джадж, которого она послала в Адьяр, чтобы он до ее приезда во всем разобрался и по мере возможности все

уладил, неожиданно для всех пустился в бега. Не дождавшись ее с Олкоттом, он, как ошпаренный, покинул Адьяр и первым пароходом отплыл в Ливерпуль, а оттуда — в Америку. Похоже было на то, что для него храм, возведенный с таким трудом «старой леди», в одночасье рухнул. Вера в Блаватскую, казалось, навсегда оставила его. Все, что он делал в дальнейшем, шло по привычке, по инерции. С ним долгое время творилось что-то неладное. Он был сам не свой, пока однажды наконец не понял, что феномены Блаватской не более чем «сласти, которыми заманивают детей в школу». В Нью-Йорке Джадж стал издавать журнал «Путь», в первых номерах которого он опубликовал откровенно халтурный перевод Бхагават-гиты и Йога-сутры Патанджали[425]. В октябре 1886 года он частично загладил свою вину — объединил 12 американских лож в Американский филиал Теософического общества.

В Мадрас они прибыли без опоздания, по расписанию. То, что Блаватская увидела на пирсе, тронуло ее до слез. Огромная толпа учащихся индусского колледжа Пачьяппы встречала ее как национальную героиню. Словно она была богиней Кали, вышедшей на улицу из храма. Ее триумф наблюдали сидящие в экипажах европейцы. Она подумала: пришли поглазеть на нее, как на дьяволицу во плоти. Блаватская восприняла свое чествование как вполне заслуженное. Она чувствовала себя королевой и смотрела на орущую толпу молодых людей горделиво и с достоинством, поворачивая голову в разные стороны и одаривая всех улыбкой. Оркестр играл что-то торжественное и победное. Они с трудом пробрались через эту толпу, в которой кто-то размахивал флагом, кто-то подпрыгивал вверх, чтобы лучше ее разглядеть, кто-то вопил какие-то лозунги на тамильском языке. В конце причала их ждала воистину королевская карета — ее прислал старый и преданный друг Блаватской махараджа Ранджит Сингх. Карета доставила всю компанию в актовый зал колледжа Пачьяппы. Индийские студенты словно посходили с ума, увидев ее. А когда Блаватская сказала несколько слов, началась такая долгая овация, что «старая леди» устала ждать, когда она закончится, и молча присела. Как только аудитория притихла, она начала свою яростную речь, направленную против христианских миссионеров. В ней она ввернула такое непотребное словечко, что Олкотт подскочил как ужаленный и уговорил Блаватскую снова присесть. Он предоставил слово индийцам. Известно, как говорят индийские интеллектуалы — заслушаешься! Ораторы сменялись, время шло. В Адьяр они приехали поздним вечером. Там их тоже ждал митинг. Блаватская постаралась его побыстрее закончить,

насколько это было возможно. Она вошла в спальню и тут же рухнула в постель. В ту ночь сны ей не снились.

На следующее утро началось выяснение обстоятельств, приведших к скандалу. Ситуация оказалась хуже, чем она предполагала. Бунт Эммы Куломб вызвал смуту среди западных сотрудников Блаватской. Прежде всего дрогнул Олкотт, которому не хотелось вечно находиться под каблуком Елены Петровны. Спасовал умный и талантливый Франц Гартман, поджали хвосты верные Дамодар и Мохини, запаниковала семейная пара Купер-Оукли, отстраненно повел себя образованнейший Баваджи Дарбхагири Натх, потом окончательно предавший ее в Лондоне. Те индийцы, которые не хотели верить публикациям преподобного Паттерсона и которые, как могли, защищали Блаватскую, находились за пределами Адьяра, а среди ее сотрудников единое мнение о том, кто такая «старая леди», отсутствовало. Первый отчет Ходжсона был для Блаватской и Олкотта убийственным. Объявлялось, что все производимые ею феномены — надувательство и жульничество, а Олкотт — старый доверчивый дурак и тряпка. В то же время английский дознаватель отдавал должное уникальному таланту Блаватской морочить людям голову и убеждать их в существовании несуществующих вещей.

Он провозгласил ее «самой образованной, остроумной и интересной обманщицей, которую только знает история»[426].Самым верным приемом защиты в самых безвыходных ситуациях является наступление. А когда для защиты нет никаких убедительных аргументов, нет ничего лучшего, как объяснять происшедшие неприятности заговором. Блаватская перешла в атаку и объявила случившееся с ней результатом заговора христианских миссионеров. Это был единственно правильный подход к разрешению возникшей проблемы. Убедительный довод для обычной, среднестатистической публики, умеющей читать, но еще не научившейся самостоятельно мыслить. Для таких людей причина их всегдашних неурядиц и неприятностей — веками непрекращающийся заговор меньшинства против большинства.

Вот это была горячая новость для индийской прессы. Со страниц индийских газет Блаватская предстала мученицей, несправедливо обвиненной, но не дрогнувшей перед клеветниками, готовой взойти на эшафот ради любви к индийской религии и культуре. Блаватская приготовилась к борьбе не на жизнь, а на смерть. Она подала в мадрасский суд иск против Эммы Куломб в защиту своей чести и достоинства. Но тут, как всегда, вмешался Олкотт и потребовал, чтобы она

немедленно отозвала этот иск. Он смотрел на происходящие события более здраво, чем его старая подруга. Любовь индийской националистически настроенной толпы для британского колониального суда, рассудил Олкотт, будет доводом не в пользу Блаватской. Она подчинилась ему и решила уехать из Индии и больше туда никогда не возвращаться. К тому же чувствовала она себя прескверно и морально, и физически. Стала слабо соображать и едва волочила ноги.

В Индии Елена Петровна задыхалась от жары. Пришедшая с возрастом тучность не содействовала парению, тянула куда-то вниз — в преисподнюю. Проснувшись как-то раз утром, она услышала, как тяжело дышит распаренное индийское небо, и ей опять захотелось вернуться в Европу.

Блаватская отплыла кораблем «Тибр» в Неаполь в марте 1885 года в сопровождении Мэри Флинн, Франца Гартмана и Баваджи Натха. Что-то с ней произошло. Учителя на время отошли от нее в сторону, как и большинство соратников. Ее заставили написать заявление об отставке с поста секретаря-корреспондента по причине якобы обострившейся болезни. Незадолго до смерти она печатает в своем новом, издаваемом с сентября 1887 года в Лондоне журнале «Люцифер» сатиру Франца Гартмана под названием «Говорящий идол из Урура». Говорящий идол — это окарикатуренный образ Блаватской, что она прекрасно понимала. Финал произведения Гартмана неожиданный. Злобные силы, сковавшие «говорящего идола», ослабевают, и он освобождается от помрачений сознания. Окончательный вывод автора вполне буддийский: «Ищи истину сам, а не передоверяй ее поиск кому-нибудь другому». Значит, совсем невмоготу было тогда Елене Петровне Блаватской, если она печатала подобную сатиру на самое себя.

Блаватская поселилась возле Неаполя, в местечке Торредель-Греко, подальше от настырных журналистов и взбудораженных разоблачениями Ходжсона теософов. Олкотт словно отправлял ее в ссылку, взяв с нее обещание, что она никому не будет писать, кроме самых близких. Он надеялся, что шум, поднятый скандалом, уляжется и все опять войдет в знакомое русло. Как это ни удивительно, но именно так в конце концов и получилось. Ее разыскали нуждающиеся в ее духовной опеке люди. Ее по-прежнему любили, в ней по-прежнему нуждались!

Испытания для Блаватской, однако, еще не закончились. Отчет, который составил для Общества психических исследований Ричард Ходжсон, был в полном виде опубликован в конце 1885 года и развенчивал ее совершенно. Она была

представлена обманщицей, дешевой иллюзионисткой. Ей ставилось в вину, что она держала людей под гипнозом, для надувательств простофиль прибегала к помощи искусных сообщников во всех частях света, везде и всегда использовала западни и потайные двери.

Чуть-чуть Блаватская отпустила вожжи, растерялась на минуту, и все ее послушные ослики разбежались кто куда. Практически самые близкие соратники отказались от нее. Даже верный из верных Мохини Мохан Чаттерджи пустился в загул с какой-то приличной на вид английской дамой из высшего общества. Естественно, он был обвинен в сексуальных домогательствах и ошельмован, а заодно и по ней прошлись. Как будто это она блудила, а не он. Она же надеялась на его помощь в переводе сложнейших текстов из священных книг индуизма и буддизма на языках санскрите и пали. Ничего не получилось. Мохини от нее сбежал и поливал грязью на каждом углу, как и многие другие, еще вчера воскурявшие ей фимиам.

Скандал вышел грандиозный, его отзвуки еще долго слышались в гостиных богатых домов. Одни перестали ей доверять, другие еще больше полюбили. Такова человеческая природа. Никуда от нее не денешься. Она не придавала ни малейшего значения тому, что могут о ней подумать. Жила как живется. Писала как пишется. Фантазировала как фантазируется. Кого-то она околдовывала, а кого-то расколдовывала. Люди чаще восхищались ею, чем ненавидели.

Эмма Куломб вышла из повиновения, потому что поняла: жизнь прошла без радости и смысла. Вот отчего она напала на старую подругу. Однако, несмотря на предательство Эммы, далеко не все в ней, Блаватской, разочаровались. Многие по-прежнему верили в ее идеи, в ее прозрения и мистерии.

Глава восьмая. ДРУЖБА, ПЕРЕРОСШАЯ В НЕНАВИСТЬ

До и после адьярского скандала у Блаватской появились новые ученицы и ученики. Такие, например, как графиня Вахтмейстер, вдова шведского посланника или семья Гебхардов. Густав Гебхард был баснословно богатый банкир и торговец шелком. Его жена Мэри, как я уже сообщал, познакомилась с Еленой Петровной в Лондоне. Вот на таких верных людях держалась крепнущая слава Блаватской.

Нашлись защитники и в Англии. В начале августа она приняла участие в митинге в Кембридже, где ее чествовали профессора университета. На следующий день она слегла. Густав Гебхард, приехавший на встречу с Блаватской и заставший ее

больной, созвал консилиум авторитетных английских врачей, которые предписали ей, кроме лекарств, спокойствие и полный отдых, а также массаж и насыщенные железом воды. Эльберфельд, красивый городок в Германии, где жила семья Густава Гебхарда и находилась его фабрика шелковых и парчовых тканей, на несколько месяцев стал для нее местом отдыха и лечения. Гебхард взял на себя все расходы по пребыванию в Эльберфельде Блаватской и сопровождавших ее лиц, целого табора индийских и английских секретарей, а также тех друзей, в доме которых она жила в Лондоне. Были там и фрейлина Глинка, и романист Всеволод Соловьев, и госпожа Гемерлей, и купец Густав А. Цорн из Одессы, по происхождению чухонец, а по паспорту подданный Великобритании, и задержавшаяся за границей ради общения с племянницей тетя Надежда. На несколько месяцев дом Гебхардов в Эльберфельде превратился в теософский европейский центр. Обсуждалось немало мистических тем, творились и феномены. Не все из навещающих ее были довольны. Некоторые считали, что она не уделяет им должного внимания, некоторые обижались, что она не раскрывает им медиумические секреты. Впоследствии эти тщательно утаиваемые в Эльберфельде обиды вышли наружу, приняв форму разного рода разоблачений той единственной и неповторимой, на которую они еще вчера молились. Блаватская привыкла к такому повороту событий. На этот раз из друзей во врагов превратились Соловьев, госпожа Гемерлей и Цорн.

Олкотт воспользовался этим столпотворением для проведения в Эльберфельде съезда немецких теософов с целью учредить немецкое отделение Теософического общества.

В доме Гебхардов Елена Петровна продемонстрировала множество феноменов. О некоторых из них поведали в своих воспоминаниях графиня Вахтмейстер и в своих эссе Всеволод Соловьев.

В Блаватской было много природной наблюдательности, с годами обострившейся в связи с ее умением налаживать отношения с людьми, с ходу распознавать, что представляет собой каждый новый человек, чего он ищет в жизни и на что пригоден. Многие высокопоставленные европейские дамы сразу поверили в эту толстую, говорливую, мучимую многими болезнями женщину. И не только поверили, но и стали ждать от нее необыкновенных открытий и чудес. Эти дары природы не замедлили о себе заявить. Удивительно, что новые поучения махатм были совершенно другими, чем те, которые случались прежде и о которых все ее последователи и последовательницы были достаточно хорошо осведомлены. На сей раз в ее монологах

преобладал здравый смысл, однако здравый смысл самобытный и своеобразный, именно такой, каким его хотела видеть «старая леди».

«Старая леди» чувствовала себя головой Горгоны, пристальный и злобный взгляд которой превращал людей в камень. За исключением, разумеется, тех, кто уверовал в нее, Елену Петровну Блаватскую, как в Бога. Не терпела она непослушания некоторых своих молодых и амбициозных последовательниц. К смирению и безгласию призывала она их. Не случайно ведь в уязвленной гордыне, в вечной тишине она обретала мудрость.

Масонство, к которому принадлежала Елена Петровна Блаватская, было царственным искусством, требующим от творящего его мастера величайшей духовной напряженности и сосредоточенности. Люди изверились в идее всеобщего союза и счастья человечества. Требовались неимоверные усилия и ухищрения для того, чтобы вернуть их в утерянный Эдем. Ее Теософическое общество представляло зародыш такого союза.

По вечерам у себя в спальне Елена Петровна внушала молодым дамам из высшего света, что из этого союза исключается не тот, кто верует иначе, а только тот, кто хочет иного или живет иначе, чем того требуют ее махатмы.

Знакомство Всеволода Сергеевича Соловьева с Еленой Петровной Блаватской произошло в Париже в 1884 году. Старший сын прославленного историка Сергея Соловьева и брат гениального философа Владимира Соловьева, он, значительно уступая отцу и брату в знаниях и таланте, тем не менее приобрел при жизни достаточную известность среди своих современников познавательными историческими романами, преимущественно на сюжеты из русской истории. Романы эти не принадлежат к большой литературе, однако и по сей день многих читателей привлекают в них занимательность повествования, драматизм действия и в особенности герои, которые оказываются перед, казалось бы, неразрешимой дилеммой: как соотнести личную свободу с закрепленным в собственных генах общинным самосознанием? Всеволод Соловьев был необыкновенно чуток к таким коллизиям русской истории, как, например, оторванность правящего класса от народных духовных начал.

К моменту знакомства с Блаватской Соловьеву исполнилось 35 лет. Он находился в депрессии, порожденной одиночеством. Чтобы преодолеть это тягостное состояние хандры, знакомое русскому мыслящему человеку, он углубился в изучение модных тогда (как, впрочем, и сейчас) оккультных наук, проводя часы в

Национальной библиотеке Франции. К этому времени он уже прочитал в газете «Русский вестник» увлекательные очерки о таинственной Индии, подписанные экзотическим псевдонимом Радда-Бай, под которым скрывалась Блаватская.

В очерках Блаватская дала объемную панораму Индии второй половины XIX века. Избрав свободную манеру повествования, то есть непринужденный разговор с читателем о том, что поразило ее воображение в долгой дороге по индийской земле и на какие мысли навело увиденное и услышанное ею, какие ассоциации и воспоминания вызвало, она доводит свое повествование, насыщая его бесчисленными деталями, до полного совершенства, до симфонической полноты звучания. Она, таким образом, делает читателя своим спутником.

Этот «эффект присутствия» и был, по-видимому, основной причиной ошеломительного успеха ее путевых очерков в России. Однако при этом она не утрачивает своего доминирующего положения опытного проводника, дающего исчерпывающие ответы на все вопросы, которые возникают у любопытного путешественника, будь то интерес к встречаемым на пути достопримечательностям или желание узнать о малоизвестных сторонах духовной жизни индийцев, о событиях их истории. Во всех случаях, даже самых каверзных, Елена Петровна демонстрирует завидную эрудицию и живость ума. В этом смысле ее книга — страноведческая энциклопедия, и по сей день не потерявшая своего научного значения. Вместе с тем стремление раскрыть Индию «изнутри», через людей, с которыми судьба свела Блаватскую, придает книге по сравнению с обычными путевыми очерками особенный, совершенно новый характер психологического документа, отражающего многие грани индийского духовного мира, специфику жизни традиционного индийского общества. Наконец, в книге «Из пещер и дебрей Индостана» дается объективная оценка английского колониального господства, тем более важная, что в ней содержится осуждение проживающих в Индии англичан, Несмотря на правдивые, леденящие кровь описания жестокостей по отношению к ним со стороны участников Сипайского восстания 1857–1859 годов.

Соловьев был наслышан об авторе очерков от своей золовки, младшей сестры его жены, Юлианы Глинки, которая проживала в Париже и водила дружбу со знаменитой русской теософкой. Вот что пишет об этой даме Норман Кон: «Юлиана Дмитриевна Глинка (1844–1918) была дочерью русского дипломата, который завершил свою карьеру, будучи послом в Лиссабоне. Сама она

была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, принадлежа к высшему свету, прожила большую часть жизни в Петербурге, вращалась в кругу спиритов, группировавшихся вокруг мадам Блаватской, и растратила все свое состояние, оказывая им материальную поддержку. Но существовала и другая, тайная сторона ее жизни. Находясь в Париже в 1881–1882 годах, она принимала участие в той игре, которую впоследствии так блистательно вел Рачковский, возглавлявший зарубежное отделение царской охранки в Париже, — выслеживание русских террористов в изгнании и выдача их местным властям. Генерал Оржевский, который был заметной фигурой в тайной полиции и потом стал заместителем министра внутренних дел, знал Юлиану с детства. Но на самом деле она мало подходила для подобной работы, постоянно враждовала с русским послом и наконец была разоблачена левой газетой „Le Radical“»[427].

Вне всякого сомнения, Юлиана Глинка представила Соловьева Блаватской с наилучшей стороны, и та, с присущим ей радушием, приняла его в особняке на рю Нотр-Дам де Шан. С первых минут знакомства Блаватская и Соловьев произвели друг на друга самое благоприятное впечатление.

Оказалось, что их в равной степени интересуют египетские тайны, та доисторическая мудрость человечества, суть которой унаследовали, как полагала Блаватская, иерофанты — так называла она не старших пожизненных жрецов при элевзинских таинствах в честь Деметры, богини земледелия, брака и семейной жизни в Древней Греции, а древнеегипетских жрецов высшей лиги при мистериях в честь Тота, или Гермеса.

Соловьев на протяжении полутора месяцев ежедневно общался с Блаватской. Ее оккультно-теософские рассуждения совпадали с его тогдашними умонастроениями. В большей степени он интересовался не теософской теорией, в которой он мало разбирался по причине незнания английского языка, а всякого рода чудесами, феноменами, которые производила Блаватская. В самом деле, единственной, с чем из ее теософских трудов он ознакомился, была «Изида без покрова» на французском языке, которую сама Елена Петровна охарактеризовала как произведение неудовлетворительное, сбивчиво и неясно написанное. Общение с Блаватской развивалось для Соловьева как приятное и праздное времяпрепровождение по той, вероятно, причине, что не требовало от него особенного духовного и умственного напряжения и сосредоточенности. Однако эту безмятежность вдруг омрачила сплетня, которую привезла в Париж из России фрейлина императрицы Ольга Смирнова.

Ольга Смирнова заявила, что тифлисский полицейский суд якобы обвинил Блаватскую в воровстве, обмане и мошенничестве[428]. Разумеется, ни Соловьев, ни Глинка не поверили этим нелепым наветам, они потребовали убедительных доказательств.

Ничего определенного Блаватской предъявлено не было. Мало ли что говорят о людях, которых не так-то просто, если вообще возможно, подводить под один ранжир! Глинка, не скрывая обожания и преданности своему кумиру, самоотверженно ринулась в бой, ни на минуту не сомневаясь в оккультном даре Блаватской. Она желала провести собственное расследование, уличить недоброжелателей Блаватской в подтасовке фактов и тем самым спасти ее репутацию. Глинка немедленно написала в Тифлис князю Дондукову-Корсакову Она просила его разобраться в том, что за дело рассматривалось в связи с Блаватской в тифлисском суде, и по мере возможности выслать в Париж официальное обвинение, если таковое вообще имеется[429]. Глинке был нужен подлинный документ, а не его приблизительный пересказ, расцвеченный буйной фантазией Ольги Смирновой, старой девы с невротическим характером и галлюцинаторным воображением. Уж Глинке, как, может быть, никому другому из круга Блаватской, было хорошо известно, как и зачем создаются порочащие человека (или даже целый народ) легенды, обильно сдобренные злобой и завистью к чужим талантам. Одновременно, не дожидаясь ответа от князя, Глинка обратилась к Ольге Смирновой с просьбой представить в ее распоряжение бумаги, содержащие компромат на Блаватскую. До этого события почти все русские в Париже и Ницце, казалось, относились к ее духовной наставнице с нескрываемым восхищением и доброжелательством. Естественно, Смирнова не заставила себя долго ждать и выложила перед Глинкой все, что имела против Блаватской. Это было настоящее досье, собранное на русскую жрицу Изиды с необыкновенным тщанием и с единственной целью — во что бы то ни стало ее очернить. В досье содержались сведения о девических проделках Блаватской, ее ясновидении и лунатизме, которые перемежались с обвинениями в воровстве и мошенничестве. Ольга Смирнова представляла Блаватскую распутной женщиной, среди любовников которой были и князь Семен Воронцов, и князь Дондуков-Корсаков, и Эмилий Витгенштейн, и барон Мейендорф. Она заявляла, что Блаватская зашла так далеко, что в период своей связи с князем Семеном Воронцовым попыталась завладеть значительными денежными суммами, причем это были не только деньги ее любовников, но и совершенно посторонних людей. Кроме этих преступлений

Блаватская, как утверждала Смирнова, связалась с самым дном тифлисского общества, занималась распутством, пьянством и совращением молодых девушек, которых зазывала в гаремы. Ольга Смирнова сочинила целую криминальную историю о побеге Блаватской от правосудия в Одессу, а затем за границу. Это была, по словам Блаватской, торжествующая низость[430].

Блаватская обратилась с письмом к князю Дондукову-Корсакову. В нем она, в частности, писала:

«До сих пор на меня клеветали, меня поносили и делали героиней всевозможных сплетен, главным образом, англичане, американцы и другие благородные иностранцы, которые, зная обо мне совсем немного, подменяли истину более-менее абсурдными вымыслами. Я оставляю их в покое, потому что, подозревая во мне русского шпиона в Индии, они непременно добавляли к этому вопрос о любовниках, которые, несомненно, должны присутствовать в жизни г-жи Блаватской, как и другие свойственные людям ошибки, которые Вы так остроумно называете „удовольствиями Вашего возраста и Вашего пола“. Пусть об этом узнает весь мир: никогда я не достигала в этом отношении уровня некоторых дам из высшего света, которые хорошо известны и мне, и Вам. Но все это не более чем деталь и, в конечном итоге, просто дело вкуса. Но вот появилась новая и гораздо более злостная клевета, причем исходила она от русской! Мне кажется, она сделала это из зависти к моей нынешней репутации и к тому вниманию, которое привлечено сейчас к Теософическому обществу со стороны французских и английских газет, а также к тем полным лести статьям, которые были посвящены моей скромной персоне»[431].

В бумагах Ольги Смирновой ложь была перемешана с правдой, а вымысел с реальностью. Вот почему Глинка и Соловьев потребовали у Блаватской, дабы прекратить пересуды вокруг ее имени, резко отреагировать на обвинение Смирновой и в свою очередь привлечь ее к суду за диффамацию. Глинка, предваряя наступление своей наставницы, напечатала в количестве пятисот экземпляров пришедший довольно быстро ответ князя Дондукова-Корсакова. Из него явствовало, что история с рескриптом тифлисского суда — домысел Смирновой, не более того.

Дело шло как будто бы к развязке в пользу Блаватской. Ей, безусловно, было приятно обрести таких прилежных и преданных учеников, как Юлиана Глинка и Всеволод Соловьев. Они не требовали от нее денег, как многие другие. Их интересовало одно: ее странный дар. Соловьев буквально изнывал от нетерпения узнать оккультные тайны и изводил ее просьбами

сотворить феномены. Он с неизменным восторгом говорил своим знакомым о ее необыкновенной психической энергии, прославляя до небес творимые ею чудеса. И даже посвятил Елене Петровне стихотворение. Весь май 1884 года он и Юлиана встречались с Блаватской почти ежедневно. А для Елены Петровны милые русские лица были также в радость.

Особенно она рассчитывала на своих новых учеников осенью 1884 года, когда на нее обрушился второй удар. На этот раз он исходил, как уже знает читатель, от ее доверенных лиц — мужа и жены Куломбов, живших в Индии, в главной квартире Теософического общества в Адьяре. Именно там против Блаватской созрел очередной и самый мощный заговор, главными действующими лицами которого стали ее сотрудники.

Еще за несколько недель до этих скандальных событий Соловьев был озадачен, если не сказать сильнее — ошеломлен и напуган, ночной встречей с некоей фигурой в белом, которая как своими очертаниями, так и драпировкой экзотического бурнуса весьма смахивала на Учителя Морию, по крайней мере, на Морию с картины Германа Шмихена, в то время модного среди лондонской знати художника, немца по происхождению. Незадолго до этой инфернальной встречи Соловьева с главным махатмой Блаватской немецкий художник написал и ее портрет. Под диктовку махатмы Мории, своеобразного ключника у врат эзотерической мудрости, было создано автоматическим письмом, как она уверяла, ее основное произведение «Тайная доктрина». Видение это отнюдь не было мимолетным, оно не растаяло тут же во тьме, а задержалось на минуту-другую, чтобы конфиденциально сообщить Соловьеву, что он якобы обладает скрытой оккультной силой, для практического применения которой необходимы постоянные ежедневные упражнения — психотренинг, как сказали бы сегодня.

Остается еще уточнить место этой неожиданной и в некотором роде инфернальной по задумке и воплощению встречи с махатмой Морией: спальня в доме Гебхардов в Эльберфельде, куда Соловьев и Глинка были неожиданно вызваны из Парижа Блаватской, дабы составить ей компанию. А также обозначить время: чуть-чуть за полночь, спустя пару часов после того, как он вернулся от Блаватской.

Заявление махатмы как будто не оставляло сомнения в том, что мадам определенно имела на Соловьева виды, — в оккультно-теософском смысле, конечно. Другими словами, она рассчитывала на него как на своего ближайшего соратника, поверенного в ее волшебно-мистических делах. Сам Соловьев тем не менее был склонен объяснять появление у себя в спальне

Мории не чьим-то злым или добрым умыслом, а игрой собственного воображения или даже галлюцинацией — результат долгого лицезрения им в присутствии Блаватской двух портретов: Мории и другого махатмы — Кут Хуми. Понятно, думал, по-видимому, он, что недавнее благоговейное, почти молитвенное стояние перед картинами, занявшее к тому же более часа, способно было кого угодно вывести из равновесия. Недаром у Соловьева разболелась голова, а перед глазами поплыли красные круги. Неудивительно, что после такого безоглядного погружения в искусство может привидеться бог знает что!

Между тем это полуночное событие в самом деле не было ординарным. Вследствие стечения многих случайностей оно стало для Соловьева не только знаменательным, но и роковым в его дальнейших взаимоотношениях с Блаватской — в гораздо большей степени, чем все то, что прежде существовало и вытекало из его недолгого знакомства и общения с ней. Разумеется, тогда еще Соловьев в полной мере не осмыслил ситуацию грубого розыгрыша или навязываемого ему чуда, не предвидел всех результатов своего скептицизма относительно махатмы Мории. К ужасу Глинки и Блаватской, вместо того чтобы осознать случившееся как событие чудесное и прекрасное, он ушел в себя и вскоре объявил о своем немедленном отъезде. Было отчего Блаватской испугаться. Ведь Соловьев не только скрашивал ее в общем-то однообразную жизнь, он стал для нее чуть ли не светом в окошке. Теплым светом в окошке дома на чужбине. Ее раздражали чужие люди, суетливые в постоянном ожидании чуда, отвратительные в ненасытной жажде припасть к ее источнику эзотерических знаний и выпить всё до дна. Неужели в ее смертный час не будет рядом ни одного русского, кто закрыл бы ей глаза?

Вот что приводило в настоящий ужас. Главное, она тогда, понимая, что жить осталось недолго, неизмеримо меньше интересовалась тем, что составляло смысл жизни ясновидцев и предсказателей: добиться неограниченной духовной власти над людьми. Какая уж там власть над кем-то, когда она была обессилена болезнями и раздавлена обстоятельствами жизни. К тому же не было никакой надежды встретить человека, равного ей по уму.

Блаватская просила Соловьева только об одном: поверить в то, во что она верила сама, — в существование махатм. Однако он упорствовал в своем безверии. Она с трудом уговорила его остаться в Эльберфельде на некоторое время. Для этого ей даже пришлось пустить в ход слезы. В конце концов Блаватская убедила себя смотреть благодушно на соловьевское упрямство.

Он твердо стоял на своей версии случившегося. Однако Юлиана Глинка придерживалась совершенно иного мнения. Она с присущей ей горячностью проповедовала существование махатм и всем рассказывала о встрече с махатмой Морией.

Такая точка зрения вполне устраивала Блаватскую. Вместе с тем она продолжала считать Соловьева своим преданнейшим другом. Иначе она не ставила бы его в известность по поводу разрастающегося скандала, вызванного публикацией писем. Многие европейские газеты поместили на своих страницах изложение пространной статьи миссионера Паттерсона, уличавшего Блаватскую в обмане. Статья называлась претенциозно — «Крушение Кут Хуми» — и впервые была опубликована в мадрасском журнале. Добрая репутация Блаватской оказалась под серьезной угрозой. Она писала вдогонку покинувшему Эльберфельд Соловьеву, что готова немедленно податься в Китай, в Тибет, уехать к черту на кулички, туда, где ее никто не знает и никогда не найдет. Надо сказать, что мысль о том, что публика поверит в ее мнимую смерть, доставляла Блаватской особое удовольствие. Она писала также Соловьеву, что махатмы еще не решили, где будет находиться ее временное убежище, в котором она года на два-три исчезнет для цивилизованного мира. Уже из Лондона она жаловалась Соловьеву на душевную черствость сподвижников, рассказывала об их неуклюжих попытках избавиться от нее ради спасения теософского дела. Нельзя не восхититься мужеством, с которым Блаватская, ожидая самого худшего — развала Теософического общества, боролась за сохранение своего образа женщины необыкновенной и загадочной. «Мое падение станет моим триумфом!» — с кичливой гордостью заявила она Соловьеву в одном из писем.

У Блаватской, на которую ополчилась, казалось, вся западная пресса, не было недостатка в защитниках, в том числе и в самой Индии, где зародился этот скандал. Основным аргументом тех, кто встал на ее сторону, была мысль о невозможности сочетания в одном человеке таких противоположных качеств и черт, как осторожность, проницательность, ум и халатная беспечность, простодушная доверчивость, граничащая с житейской глупостью. Кто же в самом деле из умных людей станет добровольно отдавать себя во власть шантажистов? Для западных людей такое сочетание противоположностей представлялось абсолютно невозможным. Но для Соловьева, напротив, это было явное доказательство вины Блаватской, поскольку вполне соответствовало его представлению о русском характере.

Я думаю также, что своими экстатическими письмами Соловьеву Блаватская нанесла себе несомненный ущерб, окончательно подорвав свой авторитет великой волшебницы: из смотрящих в рот учеников не следует делать конфидентов. Конечно, вождям опрометчиво писать откровенные письма. Вообще письма сыграли роковую роль в жизни Блаватской и ее посмертной судьбе. Особенно письма махатм, которые разные люди получали в самое неподходящее время и в самых неожиданных местах.

Соловьева неприятным образом поразила в Блаватской одна особенность: она не чувствовала сильных угрызений совести в связи с обличающими ее фактами.

Соловьев верил Блаватской все меньше и меньше. Однако своих суждений, относящихся к оценке происходящего, не высказывал. В полную силу он высказался позднее, в книге «Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Блаватской и Теософским обществом» (1892)[432]. Это был уничижительный памфлет, направленный против Блаватской и надолго определивший неприязненное отношение к ней в России. В этой книге Соловьев совершенно не верит Блаватской и не понимает, для чего ей понадобилось морочить людям голову. Намного тоньше и обстоятельнее, однако, он расшифровывал загадочный образ Блаватской в своей известной дилогии «Волхвы» (1888)[433] и «Великий Розенкрейцер» (1889)[434]. Уже одно то, что Блаватская предстает в мужском обличье легендарного Калиостро, является смягчающим обстоятельством. Разумеется, в сравнении с трактовкой Блаватской в «Современной жрице Изиды». В портрете представителя тайной европейской ложи Розенкрейцеров Захарьеве-Овинове без труда угадываются черты Соловьева, история его увлечения теософскими таинствами и разочарования в них. Становится понятным, что Соловьев окончательно вернулся в лоно Русской православной церкви. Теперь для него тайной была «живая, деятельная любовь, без которой человек со всеми своими знаниями, силами и талантами, со всей своей властью и могуществом — ничто».

Но как знать, не растоптал ли он безапелляционным ругательным тоном своего памфлета ростки такой любви в душе Блаватской? Ведь ее искренняя привязанность к нему была очень похожа на это всепоглощающее сердечное чувство. Вероятно, он догадался, что своей изменой еще больше уменьшил ее веру в людей. На защиту доброго имени Елены Петровны после ее смерти встала сестра, Вера Петровна Желиховская. Она обратила внимание на то обстоятельство, что Соловьев не имел

возможности глубоко и разносторонне познакомиться с деятельностью Теософического общества и ее основательницы, поскольку общался с Блаватской совсем недолго. Шесть недель в Париже, столько же в Вюрцбурге и несколько дней в Эльберфельде. Он, как полагала Желиховская, вынес свое нелестное суждение о Елене Петровне единственно на основании своих личных чувств и мнений, а не фактов. К тому же эти чувства и мнения менялись у него постоянно. Его всегда интересовали чудеса, творимые Блаватской, так называемые «демонстративные феномены». В дальнейшем, как утверждала Желиховская, несдержанные рассказы Олкотта, Синнетта, отчасти Джаджа и других соратников Блаватской о ее феноменальных возможностях тоже сильно повредили теософскому делу. Соловьев не придавал серьезного значения проявлению со стороны Елены Петровны психических сил, к которым относились духовидение, психометрия, телепатия и другие ее оккультные таланты.

Вера Петровна Желиховская предупреждала последователей Блаватской, но большинство из них к ней не прислушались:

«…видящий и придающий значение в теософском учении одним феноменам, астральным полетам да письмам махатм уподобляется червю, созерцающему лишь кончик сапога великолепно одетого человека»[435].

А теперь прочтем, что о себе и своей жизни думала Блаватская. В книге Соловьева «Современная жрица Изиды» приводится письмо русской теософки, адресованное непосредственно ему, которое она назвала «Моя исповедь». Я думаю, это самый серьезный документ, оставленный Еленой Петровной потомкам. Вряд ли обнаружишь что-нибудь подобное в русской литературе. Итак, исповедь Блаватской:

«Я решилась (два раза подчеркнуто. — А. С.). Представлялась ли когда вашему писательскому воображению следующая картина: живет в лесу кабан — невзрачное, но и никому не вредящее животное, пока его оставляют в покое в его лесу с дружелюбными ему другими зверями. Кабан этот никогда отродясь никому не делал зла, а только хрюкал себе, поедая собственные ему принадлежащие корни в оберегаемом им лесу. Напускают на него ни с того ни с сего стаю свирепых собак; выгоняют из леса, угрожают поджечь родной лес и оставить самого скитальцем, без крова, которого всякий может убить. От этих собак он пока, хотя и не трус по природе, убегает, старается избежать их *ради леса*, чтобы его не выжгли. Но вдруг один за другим присоединяются к собакам дотоле дружелюбные ему звери; и они начинают гнаться за ним, аукать, стараясь укусить и

поймать, чтобы совсем доконать. Выбившись из сил, кабан, видя, что его лес уже подожгли и не спастись ни ему самому — ни чаще — что остается кабану делать? А вот что: остановиться, повернуть лицом к бешеной стае собак и зверей и показать себя всего (два раза подчеркнуто. — А. С.), как он есть, т. е. *товар лицом*, а затем напасть в свою очередь на врагов и убить столько из них, насколько сил хватит, пока не упадет он мертвый и тогда уже *действительно* бессильный.

Поверьте мне, *я погибла потому, что решила саму себя погубить* — или же произвести реакцию, сказав всю божескую о себе правду, *но не щадя и врагов*. И на это я твердо решилась и с сего дня начинаю приготовляться, чтобы быть готовою. Я не бегу более. Вместе с этим письмом или несколькими часами позднее я буду в Париже, а затем в Лондоне. Готов один человек француз — да еще известный журналист с радостью приняться за работу и написать под мою диктовку краткое, но сильное, а главное — правдивое описание моей жизни. Я даже не буду защищаться, ни оправдываться. Я просто скажу в этой книге: в 1848 г. я, ненавидя мужа, Н. В. Блаватского (может быть и несправедливо, но уж такая натура моя была, *Богом* дарованная), уехала от него, бросила — *девственницей* (приведу документы и письмо, доказывающие это, да и сам он не такой свинья, чтобы отказываться от этого). Любила я одного человека крепко — но еще более любила тайные науки, веря в колдовство, чары и т. п. Странствовала я с ним там и сям и в Азии, и в Америке, и по Европе. Встретилась я с таким-то (хоть колдуном зовите, ему-то что). В 1858 г. была в Лондоне, и такая-то история произошла с ребенком — не моим (последуют свидетельства медицинские хоть парижского факультета и других, для того и еду в Париж). Говорили про меня то-то; что я и развратничала, и бесновалась, и т. д. Все расскажу, как следует, все что ни делала, двадцать лет и более, смеясь над quen diza-ton[436], заметая следы *того*, чем *действительно* занималась, т. е. sciences occultes[437], ради родных и семейства, которые тогда прокляли бы меня. Расскажу, как я с восемнадцати лет старалась заставить людей говорить о себе, что у меня и тот любовником состоит и другой, и сотни их — расскажу даже то, о чем никогда людям и не снилось — *и докажу*. Затем оповедую свет, как вдруг у меня глаза открылись на весь ужас моего *нравственного самоубийства;* как послана я была в Америку — пробовать свои психологические способности. Как создала общество там, да стала грехи замаливать, стараясь и людей улучшать и жертвуя собою для их возрождения. *Поименую* всех вернувшихся на путь истинный теософов — пьяниц, развратников — которые сделались чуть ли не святыми особенно

в Индии, и тех, которые поступив теософами, продолжали прежнюю жизнь, как будто и дело делали (а их много), да еще *первые накинулись* на меня, присоединяясь к стае гнавшихся за мною собак. Опишу много русских вельмож и невельмож. С-ву между прочим, ее диффамацию и как это вышло враньем и клеветой. Не пощажу и себя — клянусь, не пощажу, сама зажгу с четырех концов лес родной — общество сиречь — и погибну — но погибну *в огромной компании*. Даст Бог помру, подохну, тотчас по публикации; — а нет, не допустит „хозяин“ — так мне-то чего бояться? Разве я преступница против законов? Разве я убивала кого, грабила, чернила? Я американская гражданка и в Россию мне не ехать. От Блаватского, коли и жив — чего мне бояться; мы с ним тридцать восемь лет как расстались, пожили затем три с половиною дня в 1863 г. в Тифлисе, да и опять расстались. Ме-рф? — Плевать мне на него, эгоиста и лицемера. Он меня выдал, погубил, рассказав вранье медиуму Юму — который позорит меня уже десять лет — ну тем хуже для него. Вы поймите — ради общества я дорожила своей репутацией эти десять лет, *дрожала*, как бы слухи, основанные по моим же стараниям (великолепный казус для *психологов*, для Richet с К°) и преувеличенные во сто раз, не бросили бы бесчестия на общество, замарав меня. Я готова была на коленях молиться за тех, которые помогали мне бросить завесу на мое прошлое — отдать жизнь и все силы тем, кто помогал мне. Но теперь? Неужели вы или медиум Юм или Ме-рф или кто-либо в мире устрашит меня угрозами, когда я сама решилась на полную исповедь? Смешно. Я мучилась и убивалась из страха и боязни, что повредю обществу, убью его. Но теперь я более не мучусь. Я все обсудила холодно и здраво, я все рискнула на одну карту — все (два раза подчеркнуто. — А. С.) — вырываю орудие из рук врагов и пишу книгу, которая прогремит на всю Европу и Азию, даст огромные деньги, которые достанутся сироте-племяннице — сироте брата. Если бы даже все гадости, все сплетни и выдумки против меня оказались святой истиной, то все же я не хуже была бы чем сотни княгинь, графинь, придворных дам и принцесс, самой королевы Изабеллы — отдающихся и даже продающихся от придворных кавалеров *до кучеров и кельнеров* включительно всему мужскому роду — что про меня могут сказать хуже этого? — *А это я сама все скажу и подпишу*.

Нет! Спасут меня черти в этот последний великий час!

Вы не рассчитывали на холодную решимость отчаяния, которое *было да прошло*. Вам-то уж я никогда и никакого вреда не делала и не снилось мне. Пропадать так пропадать вместе всем. Я даже пойду на ложь — на величайшую ложь, которой оттого и

поверить всего легче. Я скажу и опубликую в „Times“ и всех газетах, что „хозяин“ и „махатма“ „К. Н.“ плод моего воображения; что я их *выдумала*, что феномены все были более или менее *спиритические* явления, — и за меня станут горою двадцать миллионов *спиритов*. Скажу, что в отборных случаях я дурачила людей, выставляла дюжины дураками (два раза подчеркнуто. — А. С.) *des hallucines* (подверженными галлюцинациям. — фр.) — скажу, что делала опыты для собственного удовольствия и эксперимента ради. И до того довели меня — вы (два раза подчеркнуто. — А. С.). Вы явились последней соломинкой, сломившей спину верблюда под его невыносимо тяжелым вьюком…

Теперь можете и не скрывать ничего. Повторяйте всему Парижу все то, что когда слыхали или знаете обо мне. Я уже написала письмо Синнетту, *запрещая ему* публиковать мои мемуары по-своему. Я-де сама опубликую их со всей правдой. Вот так будет „*правда* (два раза подчеркнуто. — А. С.) о Е. П. Блаватской“, в которой и психология, и безнравственность *своя и чужая* — явятся на божий свет. Ничего не скрою. Это будет сатурналия человеческой нравственной порочности — моя *исповедь*, достойный эпилог моей бурной жизни… Да, это будет сокровищем для науки, как и для скандала, и все это я, я (два раза подчеркнуто. — А. С.)… Я являюсь *истиной* (два раза подчеркнуто. — А. С.), которая сломит многих и прогремит на весь свет. Пусть снаряжают новое следствие господа психисты и кто хочет. Мохини и все другие, даже *Индия* — умерли для меня! Я жажду одного: чтобы свет узнал всю истину, всю правду и поучился. А затем *смерть* — милее всего. Е. Блаватская»[438].

Что тут скажешь? Укатали сивку крутые горки. Не ее первую, не ее последнюю.

Неужели Соловьеву было трудно понять, что к моменту его знакомства со «старой леди» единственным смыслом ее жизни оставалось творчество и только оно одно было возбуждающей радостью для Елены Петровны Блаватской? Возвратясь из путешествий, она опять бралась за оккультные сочинения, и в особенности за огромный трактат «Тайная доктрина», которым занималась много лет, вплоть до самой смерти. Блаватская следила за обсуждением вопроса о происхождении жизни с неизменно глубоким вниманием.

В вере Запада в эволюцию форм, по Дарвину, отсутствовало представление о человеческой душе. Жизнь в ее бесконечной текучести и необратимости не укладывалась в прокрустово ложе новой материалистической доктрины. Три взаимодействующих фактора — изменчивость, наследственность и естественный отбор

— осуществляли, по Дарвину, эволюцию. В этом треугольнике не было, естественно, места для ирреальной реальности. У прагматичного Запада с его приземленным подходом к жизни не нашлось к тому же достаточно здравого смысла, чтобы обрести веру в эволюцию души, в эволюцию сознания.

Надо добавить, что западная идея прогресса не вызывала у Блаватской особого восторга. В самом деле, что такое прогресс? Так, Герберт Спенсер определял его как переход от однородного к разнородному, от простого к сложному, от общего к частному. Однако к этому определению он делал множество поправок и дополнений, ведь жизнь непредсказуема и сложнее любой теории, а противоречия, ее раздирающие, иногда с трудом поддаются толкованию.

Совсем иной, довольно-таки неубедительной эта формула выглядела в сопоставлении с жизнью человеческого духа. В ее применении существовала серьезная загвоздка. Идея прекрасного, красоты и идея счастья не вписывались в пресловутую спенсеровскую формулу. Причина была чрезвычайно простой — отсутствие в ней нравственных критериев.

Спенсер исходил из христианского, ренессансного положения, что человек — венец творения, объективный центр Вселенной. Такой подход в принципе не устраивал Елену Петровну. Она обращала внимание на физиологические и патологические изменения, проявляющиеся в процессе развития человечества. Она не могла также согласиться с идеей об универсальном характере любого прогрессивного развития, не допускающем исключений. С точки зрения Блаватской, обычная жизнь являла собой какофонию, в лучшем случае — мелодию, состоящую из диссонансов. Единственным ласкающим слух созвучием, уникальным высокогармоническим явлением были ее махатмы. Они воплощали торжество человека благородного над человеком низменным, победу порядка над хаосом. Необходимо твердо себе уяснить, что махатмы — это эзотерический ключ к жизни и творчеству Блаватской.

Если все описываемое Блаватской мы будем принимать за чистую монету, то неизбежно придем к заключению, что Индия, ею увиденная, представляет собой какое-то заповедное место — секретный полигон для совершения немыслимых чудес и сотворения невиданных феноменов. Но в том-то и дело, что талантливую аранжировку расхожих и популярных представлений об Индии, которую Блаватская сделала, ни в коем случае нельзя принимать за неопровержимую истину. Она ведь рассматривала эту страну под оккультным углом зрения, а не как-

нибудь иначе. Индия и ее мудрость были для нее основными аргументами в полемике с материалистами, чтобы убедить последних в том, что «есть силы превыше немногих, ведомых человечеству», и возбудить в них «большее желание развить духовную сторону своего бытия — самосовершенствоваться».

Глава девятая. ВОСПОМИНАНИЯ ГРАФИНИ КОНСТАНЦИИ ВАХТМЕЙСТЕР

Рождение в Вюрцбурге многих страниц «Тайной доктрины» скрупулезно описала в своих воспоминаниях графиня Констанция Вахтмейстер — одна из преданнейших соратниц Елены Петровны.

* * *

«Здесь я хочу прояснить те обстоятельства, которые предшествовали моему посещению мадам Блаватской. В течение двух лет, с 1879 по 1881 год, я изучала спиритизм и поняла, что меня не устраивают современные спиритические толкования фактов, о которых я много слышала.

В конце этого периода я натолкнулась на работы „Изида без покрова“, „Эзотерический буддизм“ и другие теософские книги и обнаружила в них много нового и интересного по поводу природы и причин спиритического феномена, о котором сама много размышляла. Я почувствовала большую тягу к теософии.

В 1881 году я вступила в Теософическое общество и приобщилась к ложе.

Многие вещи меня там не устроили, и я вернулась на путь самостоятельного изучения и чтения.

Тем не менее многие аспекты теософского учения, которые Блаватская подвергла тщательному изучению, были мне симпатичны. Внимательное исследование этих книг повысило мой интерес к мадам Блаватской, поэтому, когда представился случай познакомиться с ней лично, я с большим удовольствием им воспользовалась.

Вскоре после описанного мною визита я присутствовала на вечеринке у миссис Синнетт, где впервые встретила полковника Олкотта. Он собрал вокруг себя многих слушателей и рассказывал о различных случаях, которые он наблюдал и которые происходили с ним самим, связывая их непосредственно с „феноменом“. Однако это не заставило меня изменить отношение к мадам Блаватской, чья яркая личность, окутанная мистикой, вызывала во мне повышенный интерес.

Тем не менее я не стремилась к ней приближаться и проводила приятные вечера с другой новой знакомой, мадам Гебхард, которая позже стала моим очень близким другом и которая развлекала меня множеством историй из жизни „старой леди“ — так Е. П. Б. называло ее близкое окружение.

Только у нее я встречалась с мадам Блаватской во время своего пребывания в Лондоне и не думала, что когда-нибудь увижу ее вновь.

Я уже готовилась к отъезду, и вдруг однажды вечером, к моему великому изумлению, получаю письмо, написанное незнакомым почерком, как выяснилось, принадлежавшим мадам Блаватской.

В письме было приглашение приехать к ней в Париж для какого-то личного разговора, который у нее ко мне есть.

Соблазн лучше узнать личность, которая меня чрезвычайно интересовала, основательницу общества, к которому я принадлежала, одержал верх, и я решила возвратиться в Швецию через Париж.

По приезде в Париж я позвонила на квартиру мадам Блаватской, но мне сказали, что она в Энгьене у княгини Адемар. Недолго думая, я села в поезд и скоро оказалась перед очаровательным домом мадам Адемар. Здесь меня ожидали новые трудности. Послав свою визитную карточку с просьбой увидеть мадам Блаватскую, я получила ответ, что леди занята и не может меня принять. Я ответила, что могу подождать, что я приехала из Англии и не уеду, пока ее не увижу.

После этого меня проводили в гостиную, полную народа, ко мне подошла княгиня Адемар и приветливо отвела в другой конец комнаты, где сидела мадам Блаватская.

После слов приветствия и извинений она сказала, что собирается вечером обедать в Париже с герцогиней де Помар, и пригласила меня к ней присоединиться. Поскольку герцогиня была моим старым другом и я была уверена, что мое присутствие не покажется ей навязчивым, я согласилась. Вечеринка прошла в приятных разговорах со многими интересными людьми и в слушании живой речи мадам Блаватской. По-французски она говорила гораздо свободнее, чем по-английски. Здесь у нее было даже больше почитателей, чем в Лондоне.

В поезде из Энгьена в Париж Блаватская была молчалива и рассеянна. Она призналась, что устала, и мы разговаривали очень мало, разве что об очень обыденных вещах. Только однажды после долгого молчания она сказала мне, что отчетливо слышит музыку из „Вильгельма Телля“, и заметила, что эта опера была всегда одной из самых ею любимых.

Мое любопытство было затронуто, обычно в это время оперных представлений не давали. Впоследствии, наведя справки, мне удалось выяснить, что ту самую арию из „Вильгельма Телля“ в тот день и в то самое время исполняли на концерте в театре „На Елисейских Полях“. Действительно ли мелодия достигла ее слуха, когда она находилась в состоянии гиперэкстаза, или на нее снизошел свет астрала, я не знаю, но с тех пор я не раз убеждалась, что она может слышать то, что происходит на расстоянии.

В тот вечер с герцогиней де Помар не происходило ничего такого, о чем стоило бы говорить, но когда я собиралась возвратиться в гостиницу, мадам Блаватская попросила меня

приехать к ней завтра в Энгьен. Что я и сделала. Там меня сердечно встретила мадам Адемар, но лично пообщаться с мадам Блаватской удалось не более, чем в предыдущий день. Однако я с удовольствием познакомилась с мистером Джаджем, исполнявшим в то время роль ее личного секретаря, мы с ним много беседовали, гуляя в свободные часы по красивому парку в тени деревьев.

Мадам Блаватская проводила все дни, запершись в комнате, и я встречалась с ней только по вечерам за обеденным столом, где она была окружена почитателями и с ней невозможно было поговорить наедине. Теперь у меня нет никаких сомнений, что те трудности, которые возникали у меня, и те отсрочки в серьезном разговоре являлись моим испытательным сроком, хотя в то время я об этом не подозревала.

Наконец у меня возникло острое желание вернуться в Швецию и больше не испытывать гостеприимство хозяев. Я отвела в сторону мистера Джаджа и попросила его передать „старой леди“, что, если ей нечего мне сказать, я уеду на следующий день.

Вскоре меня пригласили к ней в комнату и последовала беседа, которую я никогда не забуду.

Она сказала мне многие вещи, которые, как я думала, были известны только мне самой, и закончила беседу, добавив, что два ближайших года я должна буду посвятить исключительно теософии.

В то время у меня были причины считать это для себя совершенно неприемлемым, и поскольку умалчивать это было бы нечестно, я чувствовала себя обязанной сказать ей об этом.

Она лишь улыбнулась в ответ и произнесла: „Учитель говорит, значит, так и будет“.

На следующий день, попрощавшись с Адемар, я уехала. Мистер Джадж проводил меня до станции и посадил в поезд. Ночью, трясясь в поезде, я думала о том, оправдаются ли ее слова, а также о том, что я совершенно не пригодна для подобной жизни и что совершенно невозможно преодолеть все барьеры, которые стоят на моем пути к цели, которую она мне предначертала.

Осенью 1885 года я готовилась покинуть свой дом в Швеции, с тем чтобы провести зиму с друзьями в Италии и по пути нанести обещанный визит мадам Гебхард в ее резиденции в Эльберфельде.

Это произошло, когда я была занята приведением в порядок своих дел, думая о долгом отсутствии, что было не впервой в моей практике.

Я приводила в порядок статьи, которые собиралась оставить дома, и вдруг услышала голос: „Возьми эти книги, они тебе пригодятся во время путешествия“.

Я могу сказать, что у меня были развиты способности к ясновидению и яснослышанию. Мой взгляд упал на том с рукописями, который лежал в куче вещей, которые я собиралась запереть до моего возвращения, считая, что они мне не понадобятся во время каникул. Эта была коллекция записей по поводу Таро и отрывки из Каббалы, которые были подобраны для меня другом. Однако я решила взять книгу с собой и положила ее на дно одного из моих чемоданов, с которыми собиралась отправиться в путешествие.

Наконец пришел день моего отъезда из Швеции. Это было в октябре 1885 года. В Эльберфельде меня ожидал сердечный прием мадам Гебхард. Постоянство дружбы с этой прекрасной женщиной долгие годы являлось источником душевного комфорта. Она поддерживала как меня, так и мадам Блаватскую. И чем больше передо мной раскрывался ее честный и достойный характер, тем с большим восхищением я к ней относилась.

Оказалось, что мадам Блаватская и некоторые члены Теософического общества провели у нее около восьми недель осенью 1884 года, и ей нужно было многое мне рассказать о тех интересных случаях, которые происходили в то время.

Таким образом, я вновь попала под влияние, которое оказало на меня сильное воздействие в Энгьене, и почувствовала, что во мне пробудился интерес к мадам Блаватской.

Когда я сказала мадам Гебхард, что через несколько дней ее покину, она мне рассказала о письме, которое получила от мадам Блаватской, где та жалуется на одиночество.

Она была больна телом и душой. Ее единственным компаньоном был слуга-индус, которого она привезла из Бомбея и о котором я расскажу позже. „Поезжайте к ней, — сказала мадам Гебхард, — она нуждается в сочувствии и вы сможете ее подбодрить. Я этого сделать не могу, у меня много других дел и обязанностей, но вы можете по-дружески ей помочь, если хотите“.

Таким образом, как она и предсказывала, в обозначенный срок обстоятельства снова привели меня к ней.

Мадам Гебхард была очень обрадована, когда я сказала ей о своем решении: я показала письмо, которое написала „старой леди“ в Вюрцбург. В нем говорилось, что, если она захочет меня принять, я смогу провести с ней несколько недель, поскольку мадам Гебхард считает, что ей сейчас нужны забота и общение.

Письмо было отправлено, и мы с нетерпением ждали ответа. Когда он пришел, нам хотелось скорее вскрыть письмо и узнать

его содержание. Но вскоре наша радость сменилась разочарованием. Нам пришел вежливый отказ. Мадам Блаватская просила извинение за то, что у нее нет для меня комнаты. Кроме того, она писала, что очень занята работой над „Тайной доктриной“ и у нее нет времени развлекать гостей. Однако она выражала надежду, что мы сможем встретиться, когда я буду возвращаться из Италии…

Мадам Гебхард сильно помрачнела. Ей, очевидно, все это было неприятно. Что касается меня, то мне тоже не без труда пришлось изобразить на лице удовольствие по поводу поездки на юг.

Мой багаж вскоре был готов, и карета уже стояла у порога, когда мне подали телеграмму: „Приезжайте в Вюрцбург немедленно. Очень нужны. — Блаватская“.

Легко вообразить, что это послание вызвало у меня удивление и недоумение. Я вернулась к мадам Гебхард за разъяснением. Она обрадовалась и засияла. Очевидно, все ее мысли и симпатии были на стороне „старой леди“.

— О, она действительно очень хочет вас видеть! — кричала она. — Езжайте к ней, езжайте!

У нее не было никаких сомнений. Я нашла объяснение своему поведению для своих друзей. И вместо того чтобы взять билет до Рима, купила билет в Вюрцбург и скоро оказалась в пути, отрабатывая свою карму.

В обитель мадам Блаватской я прибыла вечером. Пока я поднималась по ступенькам, мой пульс участился. Я ничего не знала о причине, которой она руководствовалась, меняя свои планы. Думать я могла что угодно. Мне казалось, что причиной телеграммы была ее серьезная и внезапная болезнь. Но я также не удивилась бы очередной смене настроения, когда пришлось бы вновь ехать в Рим после 36-часового путешествия.

Мадам Блаватская встретила меня тепло и после нескольких слов приветствия заметила:

— Я хочу извиниться за столь странное поведение. Сказать по правде, я не хотела, чтобы вы приезжали. У меня всего одна спальня. Я подумала, что вы, может быть, рафинированная дама и не захотите спать со мной в одной комнате. Мой образ жизни может вам не понравиться. Раз вы приехали ко мне, вам придется принять мои условия, которые, возможно, покажутся вам ужасным дискомфортом. Поэтому я отклонила ваше предложение. Но после того как я опустила письмо, Учитель разговаривал со мной и велел мне передать вам, чтобы вы приехали. Я подчиняюсь каждому слову Учителя. С тех пор я стараюсь придать спальне более жилой вид. Я купила большой

экран, который поделит комнату, так что у вас будет своя половина, а у меня своя. И я надеюсь, что вы не будете испытывать неудобств.

Я ответила, что к каким бы условиям жизни я ни привыкла, я от всего откажусь ради удовольствия побыть в ее компании.

Я очень хорошо помню, это было сказано по дороге в столовую, куда мы переходили, чтобы выпить чаю. Она вдруг резко повернулась в мою сторону, как будто что-то крутилось у нее в голове.

— Учитель сказал, что у вас есть книга, которая мне очень нужна.

— Нет, — ответила я. — У меня с собой нет книг.

— Вспомните, — сказала она. — Учитель сказал, что вам было сказано по-шведски привезти книгу по Таро и Каббале.

Тут я вспомнила про те обстоятельства, о которых говорила выше. С той минуты, как я положила книгу на дно чемодана, я про нее напрочь забыла. Я быстро вошла в спальню, отперла чемодан и стала шарить по дну. Я нашла ее в том самом углу, куда положила ее в Швеции, абсолютно целехонькую. Но это еще не все. Когда я вернулась в столовую с книгой, мадам Блаватская махнула рукой и закричала:

— Стойте, пока не открывайте! Теперь откройте десятую страницу и на шестнадцатой строчке найдите слова…

И она процитировала целый абзац.

Я открыла книгу, которая, не забудьте, была не печатным изданием, экземпляр которого мог быть и у мадам Блаватской, а рукописным альбомом, в котором, как я уже говорила, были записки и исследования моего друга, подобранные для меня. На данной странице и в данной строке было слово в слово то, что она цитировала.

Подавая ей книжку, я отважилась спросить, зачем она ей нужна.

— Это, — ответила она, — для „Тайной доктрины“. Это моя новая работа, которую я сейчас пишу. Учитель собирает для меня материал. Он знал, что у вас есть книга, и велел вам ее привезти, чтобы она была под рукой для справки.

Никакой работой в первый вечер мы не занимались, на следующий день я начала понимать, какой образ жизни у Блаватской и какая жизнь предстоит мне, пока я буду жить у нее.

Для того чтобы представить себе, какой образ жизни вела Блаватская в то время, достаточно описать всего лишь один день.

В 6 часов меня разбудил слуга, который вошел с чашкой кофе для мадам. Слегка освежившись, она встала, оделась и к 7 часам уже сидела за письменным столом в гостиной.

Она сказала, что это ее неизменная привычка и что завтрак будет подан к 8 часам. После завтрака она снова села за письменный стол, и начался по-настоящему трудовой день. В час был подан обед, на который я пригласила ее звонком маленького колокольчика. Иногда она приходила сразу, а иногда дверь ее комнаты часами была закрыта. Швейцарка-служанка приходила ко мне со слезами на глазах, и в голосе ее звучало недоумение, когда она спрашивала, что делать с обедом мадам, который либо остыл, либо зачерствел, либо подгорел, в общем, был совершенно испорчен. Наконец приходила Блаватская, уставшая и голодная после многочасового труда. Тогда или готовили новый обед, или посылали в гостиницу за вкусной едой.

В 7 часов она откладывала работу, и после чая мы обычно проводили время вместе. Удобно усевшись в большом кресле, Блаватская часто раскладывала пасьянс, как она говорила, для того, чтобы облегчить голову. Было похоже, что механический процесс раскладывания карт снимает с нее усталость за целый день. По вечерам она никогда не разговаривала о теософии. Умственное напряжение за день было настолько сильным, что ей необходим был отдых. Я добывала для нее как можно больше журналов и читала ей вслух статьи или отдельные выдержки, предварительно выбрав то, что, на мой взгляд, ей могло быть интересно. В девять часов она шла спать.

Перед сном она прочитывала кипу русских газет. По такому расписанию проходили все наши дни. Единственное отличие заключалось в том, что иногда дверь между кабинетом и гостиной, в которой я сидела, оставалась открытой и мы время от времени переговаривались, я писала письма, и мы обсуждали их содержание.

Посетителей было очень мало. Раз в неделю приходил врач справиться о здоровье Блаватской и обычно задерживался на час, чтобы пошептаться со мной. Иногда, но это редко, наш управляющий, еврей, рассказывал какую-нибудь смешную историю из жизни — это была хорошая разгрузка в нашей монотонной жизни, заполненной ежедневным трудом.

В это время я немного узнала о том, что собой будет представлять „Тайная доктрина“, что это будет гораздо более объемный труд, чем „Изида без покрова“, что когда он будет завершен, это будет четырехтомник, и что он даст миру наиболее полное представление об эзотерической доктрине, какое возможно на данном этапе человеческого развития.

— Это будет, конечно, очень фрагментарная работа, — сказала она. — Необходимо, чтобы остались большие пробелы, что заставит людей думать, и когда они будут готовы, откроется

большее. Но это будет не раньше следующего столетия, когда люди начнут понимать и обсуждать эту книгу.

Вскоре, однако, мне было доверено сделать четыре копии рукописи Блаватской, после чего я, конечно, получила полное представление о „Доктрине“.

Раньше я не упоминала о присутствии в Вюрцбурге индуса, который на некоторое время стал главной фигурой в нашем маленьком обществе.

Однажды в Адьяре к мадам Блаватской пришел индиец, измазанный грязью, в оборванной одежде, с несчастным выражением лица. Он упал к ней в ноги и со слезами умолял его спасти. После расспросов выяснилось, что в состоянии религиозной экзальтации он убежал в джунгли с мыслью оставить общество, стать „обитателем леса“ и посвятить свою жизнь религиозному созерцанию и занятиями йогой. Там он присоединился к йогу, который взял его себе в ученики, и провел некоторое время, изучая трудную и опасную систему „хатха-йога“, основанную главным образом на физических упражнениях, направленных на развитие физической силы.

Наконец после ужасных испытаний и нечеловеческих тренировок, которым он себя подверг, он убежал от гуру. Какие обстоятельства заставили его прийти к Блаватской, осталось неясным. Но он пришел именно к ней, и она его приютила, успокоила, одела и накормила, а потом по его просьбе начала учить правильному спиритуалистическому пути развития, философии раджа-йоги.

Он клялся ей в пожизненной преданности, и, когда она уезжала из Индии в Европу, он попросил, чтобы она взяла его с собой.

Он был маленького роста, нервный, с живыми глазками. В течение первых нескольких дней моего пребывания в Вюрцбурге он постоянно заговаривал со мной, переводил истории из книги Тамилы, пересказывал разного рода потрясающие приключения, которые происходили с ним, когда он жил в лесу с учителем по хатха-йоге. Но долго в Вюрцбурге он не прожил. Мадам Гебхард прислала ему сердечное приглашение навестить ее в Эльберфельде, и однажды утром, после долгой сцены расставания с мадам Блаватской, сказав ей, что она была для него больше, чем мать, и что дни, проведенные с ней, были самыми счастливыми в его жизни, он отбыл, и я должна с сожалением сказать, навсегда. Я бы не хотела долго задерживаться на случаях, подобных этому, а их было, к сожалению, немало. Однако из всех случаев неблагодарности и предательства по отношению к Блаватской этот был для нее одним из самых болезненных[439]. Я хочу здесь

рассказать о тех причинах, которые наряду с умственным и физическим истощением помешали более быстрому темпу ее работы и немало ее огорчали.

Тихая кабинетная работа, которую я пыталась описать, продолжалась недолго.

Однажды утром над нами разразилась гроза. Как-то с утренней почтой без всякого предупреждения Блаватская получила копию известного „Доклада Общества психических исследований“.

Полная неожиданность явилась для нее жестоким ударом. Я никогда не забуду тот день. Войдя в ее кабинет, я застала ее сидящей с открытой книгой в руках в состоянии полнейшего отчаяния.

— Это, — кричала она, — карма Теософического общества, и она обрушилась на меня! Я козел отпущения! Я предназначена для того, чтобы искупать все грехи общества, и теперь, когда меня держат за великого самозванца и русского шпиона, кто будет прислушиваться ко мне? Кто будет читать „Тайную доктрину“? Как мне выполнить работу Учителя? О, проклятый феномен, который я демонстрирую лишь для того, чтобы доставить удовольствие близким и тем, кто вокруг меня. Какую жуткую карму я несу! Как мне все это пережить? Если я умру, работа Учителя окажется впустую, а общество распадется.

В приступе гнева она обычно не слушала никаких доводов. Отвернувшись от меня, она сказала:

— Почему вы не уходите? Почему вы меня не оставляете? Вы баронесса, вы не можете оставаться с униженной женщиной, которую опозорили перед всем миром, на которую будут показывать пальцем как на обманщицу и самозванку. Идите, пока на вас не пала тень моего позора.

— Елена Петровна, — сказала я, и мои глаза поймали ее застывший взгляд, — вы знаете, что Учитель жив, и что он Ваш Учитель, и что Теософическое общество создано им. Каким же образом оно сможет погибнуть? И я это знаю так же хорошо, как и вы. Правда восторжествует без всяких сомнений. Как же вы могли хоть на секунду предположить, что я смогу оставить вас и то дело, которому нам предначертано служить? Даже если каждый член Теософического общества превратится в изменника Общей цели, останемся мы с вами и будем работать в ожидании лучших времен.

В письмах, которые к нам приходили, не содержалось ничего, кроме оскорблений и обвинений, отставок Братьев, апатии и страха у тех, кто остался. Это было временем испытаний. Само

существование Теософического общества оказалось под угрозой, и Блаватская чувствовала, что почва уходит из-под ног.

Ее сердце было глубоко ранено, а гнев и негодование не позволяли прислушаться к призывам о спокойствии и уверенности. Ничего не помогало. Она решила тотчас отправиться в Лондон и уничтожить своих врагов в огне собственного гнева. Наконец, однако, я ее утихомирила, но только на время. Каждая почта только усиливала ее злобу и ярость. Через некоторое время ни о какой продуктивной работе не могло быть и речи. Она поняла, в конце концов, что нет никакой надежды на легальную работу в этой стране, а только в Индии.

Здесь я процитирую отрывок из ее „Протеста“ на „Доклад“, который она озаглавила „Оккультный мир феномена и Общество физических исследований“.

„Мистер Ходжсон знает, — пишет она, — а Комитет без сомнения тоже, что я не приму никаких контрмер, потому что у меня нет средств для ведения дорогостоящих судов (я отдала все, что у меня когда-либо было, делу, которому служу), а также потому, что мое оправдание потребует исследования моего психического мистицизма, которое не может быть проведено должным образом правовыми органами, а также еще и потому, что есть вопросы, на которые я не обязана и не уполномочена отвечать, но которые эти клеветники обязательно вынесут на поверхность. В то же время мое молчание и уход от ответа будут равносильны ‘неявке в суд’“.

Подобное положение дел и объясняет бессовестную атаку, которой подвергается полностью беззащитная женщина, неспособная бороться с теми обвинениями, которые против нее выдвигают.

В дополнение к моему собственному отчету об этом трудном времени я могу процитировать также высказывания мистера Синнетта об этом периоде, включенные в его работу „Эпизоды из жизни мадам Блаватской“.

„Целых две недели, — говорит он, — смятение чувств мадам Блаватской не позволяло ей работать. Ее вулканический темперамент сослужил ей плохую службу. Письма, заявления, протесты, на которые она тратила всю свою энергию в течение этих двух жутких недель, почти никого из холодной публики, не симпатизирующей ей, не заставили поверить в ее правоту, и не стоит заострять на них внимание. Я заставил ее сменить тон в одном из протестов, чтобы я смог включить его в памфлет, который собирался издать в конце января. Я хотел правильно показать причины ее негодования для того, чтобы она была

понята ее близкими друзьями. Ее тон мог вызвать в непосвященном человеке ощущение жажды реванша, готовности к свирепой мести. И только те, кто хорошо ее знал, а это было всего с полдесятка человек из ее близкого окружения, кто уже видел ее в подобных бурных состояниях, были уверены, что если бы ее враги вдруг попали ей в руки, то ненависть ее к ним лопнула бы как мыльный пузырь“.

В заключение данного разговора я хотела бы с вашего разрешения процитировать мое собственное письмо мистеру Синнетту. Оно было опубликовано в его книге „Эпизоды из жизни мадам Блаватской“ и в американской газете. В нем я суммировала свои впечатления о своем пребывании в Вюрцбурге. Я опущу первый абзац, чтобы не повторять то, о чем уж писала выше: „Понаслышавшись различных абсурдных слухов о Блаватской, о том, что она занимается черной магией, мошенничеством и ложью, я пошла к ней с ясным умом и уверенностью, что не поддамся ее оккультному влиянию до тех пор, пока не получу достаточных доказательств, которые бы заставили меня ей поверить. Мои глаза были открыты, и я была честна в своих выводах, здравый смысл не позволил бы мне считать ее виновной без доказательств, но если бы эти доказательства обнаружились, мое чувство собственного достоинства не позволило бы мне остаться в обществе, основоположницей которого является обманщица и трюкачка. Таким образом, я полностью была настроена на исследование и стремление добиться правды.

Я провела несколько месяцев с мадам Блаватской. Мы жили с ней в одной комнате и были вместе утром, днем и вечером. У меня был доступ ко всем ее коробкам и ящикам. Я читала письма, которые к ней приходили и которые писала она сама, и теперь могу открыто и честно заявить, что мне стыдно, что когда-то подозревала ее. Я считаю ее честной и правдивой женщиной, преданной до самой смерти своему Учителю и делу, которому она принесла в жертву свое положение, здоровье и карьеру. Я абсолютно не сомневаюсь, что она приносила эти жертвы, я видела тому доказательства. Некоторые из них подтверждаются документами, и подлинность их несомненна.

С общепринятой точки зрения, мадам Блаватская — несчастная женщина, непризнанная, подозреваемая и обруганная многими. Но если взять более высокую точку отсчета, она обладает необычным даром и никакие оскорбления не могут лишить ее тех способностей, которые ей даны. Она знает границу многих вещей, которые известны только нескольким из смертных, и находится в непосредственном контакте с конкретными

восточными адептами.

Принимая во внимание огромные знания, которыми она обладает и которые распространяются далеко за пределы видимой части природы, остается только пожалеть, что все неприятности и суды отвлекают ее от того, чтобы дать миру необходимую информацию в полном объеме. Что она и хочет сделать, если ее оставят в покое.

Даже большая работа, которой она сейчас занята, 'Тайная доктрина', наталкивается на препятствия, оскорбительные письма и другие досаждающие факторы, что имело место этой зимой. Нужно иметь в виду, что Блаватская не полностью адепт и не претендует на это, и потому, несмотря на все знания, она также чувствительна к оскорблениям и подозрениям, как и любая другая утонченная женщина, которая бы находилась на ее месте.

'Тайная доктрина' будет грандиозной работой. Мне посчастливилось присутствовать при ее рождении, читать рукописи и быть свидетельницей того оккультного пути, по которому она получала информацию.

В последнее время я слышала от людей, считающих себя 'теософами', высказывания, которые удивляли и огорчали меня. Некоторые из них говорили следующее: 'Если бы было доказано, что махатмы не существуют, то тогда не нужно бы было доказывать истинность теософии'. Такие или похожие рассуждения можно было услышать в Германии, Англии, Америке. С моей точки зрения, они неверны. Во-первых, если б не существовало махатм или адептов — иными словами, личностей, которые в развитии человеческой эволюции смогли соединить свою личность с шестым принципом Вселенной (Вселенной Христа), тогда бы и обучение системе, которая была названа теософией, было ошибочно. Существовал бы разрыв в линии прогресса, который было бы объяснить труднее, чем недостающее звено в теории Дарвина. Они, видимо, забывают, что сами связывают существование Теософического общества с адептами, что без адептов не было бы и самого общества, как и таких работ, а также других ценных теософских публикаций, когда-либо написанных. И если в будущем мы закроемся от махатм и останемся только с нашими собственными источниками, мы вскоре обнаружим, что блуждаем в лабиринтах метафизических размышлений. Нужно предоставить науке и философии возможность продолжать разрабатывать теории, и при получении информации, которая содержится в книгах, теософия пойдет дальше и получит знания от прямого внешнего источника.

Изучение теософии означает практическое развитие, а для достижения развития нужен гид, который знает, чему учить, и

который заслужил это звание благодаря спиритическому возрождению.

После всего что уже было сказано в ‘Мемуарах’ мистера Синнетта по поводу оккультного феномена, который рождался в присутствии мадам Блаватской, и каким образом он присутствовал в ее жизни, все время проявляясь, сознательно и бессознательно, мне остается только добавить, что во время моего проживания в ее доме я часто была свидетельницей подобного феномена. В этой области, как и во всех других сферах жизни, главенствовать должно умение быть осмотрительным и способность оценить по достоинству то, что действительно ценно“[440].

…Помимо многих других частых свидетельств того, что Блаватская получала в своей работе помощь и руководство свыше, было и еще одно, которое время от времени попадалось мне на глаза.

Частенько на ее рабочем столе я находила листок бумаги с непонятными для меня каракулями, нарисованными красными чернилами. На вопрос, что они означают, она отвечала, что они изображают график ее работы на день. Это было еще одно дополнительное свидетельство так называемых „посланий свыше“, которые так жарко обсуждались даже в среде Теософического общества, вызывая бесконечные насмешки. „Красные и синие говорящие послания“ — так справедливо называл их Х. Это процитированное выражение из письма Блаватской, опубликованного в „Пути“. В этом же письме, относящемся к тому времени, она говорит: „Было ли это обманом? Конечно, нет. Было ли это написано и передавалось мне по частям? Никогда. Это мне сообщалось. Физический феномен передается отдельными частями с какой-то целью, но они-то, эти каракули, бессмысленные. Какой интеллектуальный смысл они несут?“

Может быть, не стоит сильно удивляться этим маленьким посланиям, учитывая всеобщее невежество в отношении возможностей физического феномена, ведь эти феномены воспринимались с подозрением. Самое большое, что можно ждать от среднего человека, мужчины или женщины, — это подозрительность и вместе с тем желание изучить и исследовать этот феномен. Но когда мы подходим к изучению поведения Е. П. Б., когда ей посылались эти знаки, мы убеждаемся в ее полнейшей искренности.

Они спускались ей, и она всегда послушно выполняла все данные ей предписания, даже когда хотела поступать иначе.

Как же часто впоследствии я сожалела о тех рукописях и

моих аккуратно написанных копиях, которые она по повелению Учителя предавала огню, — они хранили информацию и комментарии и имели бы сейчас для нас бесценное значение, когда мы потеряли Учителя.

В то время, когда я снимала с них копии, по правде сказать, я очень мало что в них понимала.

Я не понимала ценности учения по сравнению с тем, как понимаю его сейчас. С тех пор я часто думаю, что меня выбрали для этой работы именно по этой причине, поскольку отдельные намеки и фрагменты, которые Блаватской даются в „Тайной доктрине“, возможно, на раннем этапе работы никому не нужно было знать, даже такому человеку, как я, — честному, но праздному.

Это правда, что многое из подлинного эзотерического учения было убрано в период создания рукописи и, как я уже сказала, большая часть ее и моих бумаг была уничтожена.

В это время я тоже не получала никаких удовлетворительных ответов на мои вопросы, и поэтому в конце концов я научилась молчать и ничего не спрашивать.

Тем, кто недавно вступил в Теософическое общество, очень трудно представить себе, как все было в то время, которое я сейчас описываю.

Тогда у начинающих теософов не было таких возможностей для изучения теории, какие есть у современных кандидатов в члены общества. Тогда не читались лекции, существовало очень мало книг. Блаватская сама была не готова для того, чтобы спокойно и по порядку изложить свое учение. Передо мной лежит ее письмо без даты, которое пришло из Эльберфельда после ее поездки в Вюрцбург. В нем она говорит, что эта ноша приводит ее в состояние отчаяния. Я приведу отрывок из этого письма.

„Вы огорчены, — пишет она, — но я абсолютно не понимаю, чего вы от меня ждете. Я никогда не обещала для У. играть роль гуру, Учителя, или профессора, или кого-либо еще, мой Учитель велел мне поехать в Эльберфельд, он сказал мне, что У. тоже поедет и мне нужно ответить на его вопросы. Я это сделала, а большего сделать не могу. Я начала читать ему кое-что из ‘Тайной доктрины’ и почувствовала, что продолжать не могу, так как он перебивал меня на каждом предложении и не просто задавал вопросы, а устраивал целые дискуссии по каждому поводу, которые длились минут по двадцать. Что касается У., то он хотел сам написать вам, и я его заставила это сделать. Я хочу вам сказать, что не в моих правилах учить кого-то. Олкотт и Джадж во всем разобрались сами. Если меня заставят кого-то обучать, это будет для меня самым большим наказанием. Читать

лекции по часу или два, как это делают профессора, не для меня. Я лучше сбегу на Северный полюс и мгновенно умру. Я на это не способна, о чем знают все, кто со мной связан. До сего дня я не скажу, что собственно хотел узнать У. об оккультизме, о метафизике или о принципах теософии вообще. Если говорить о последнем, то я считаю, что он для этого совершенно не готов. Мы составили соглашение (которое М. Г. пошлет вам), и У. настаивал на том, чтобы в число подписавших это тайное соглашение вошла его жена. А теперь обнаружилось, что у него нет никакого желания в этом участвовать, а его жена вообще считает это дело греховным. Так зачем надо было все это начинать? О метафизике он мог узнать от М. (махатма Мория? — А. С.) Я сказала ему, что М. ничего не знает о наших оккультных доктринах и не сможет его обучить, но он сможет объяснить ему Бхагават-гиту лучше, чем я. Это все, что я могла ему сказать. Я чувствую себя больной и раздраженной как никогда. Работа над 'Тайной доктриной' остановилась, и мне потребуется месяца два, для того чтобы вернуть ту форму, какая у меня была в Вюрцбурге. Для того чтобы сесть за письменный стол, мне надо быть абсолютно спокойной, а если мне еще надо будет заниматься преподаванием, тогда придется бросить 'Тайную доктрину'. Пусть народ выбирает, что полезнее — чтобы была написана 'Тайная доктрина' или чтобы я обучала У.".

Индивидуальное обучение на раннем этапе могло осуществиться путем переписки со старыми членами общества. <…>

Тогда в самые радостные времена даже не мечтали о том, что наше общество будет иметь американское, индийское, европейское отделения, а также много других представительств почти в каждой большой стране. Нам казалось, что все, на что можно рассчитывать, это существование небольшой группы преданных последователей, честных учеников, которые поддерживали бы искры оккультного учения до последней четверти XX века, когда наступит новая фаза развития. <…> Но прошло не так много лет, и хотя они лишили нас нашего Учителя в его земном обличье, мы получили другой опыт; нас заставили осознать, как мы ошиблись в расчете, что за нашим движением стоит сила спиритизма.

С каждым днем становится все очевиднее, что теософия в ее широком понимании не является исключительной привилегией кучки избранных, а представляет собой щедрый подарок всему, что связано с гуманностью, и что она влияет на современную мысль, что она должна выжить, как мощный фактор в борьбе с пессимистическим материализмом наших дней.

Поскольку я была в самых близких отношениях с Блаватской, естественно, мне приходилось бывать и свидетельницей многих явлений, связанных с „феноменом“. Одно из них я наблюдала довольно регулярно на протяжении долгого периода времени. Оно меня очень убедило в том, что она ведьма, что ею кто-то невидимо руководит.

С самой первой ночи, которую я провела в ее комнате, и до последней я регулярно слышала равномерные постукивания по столу, раздававшиеся в непосредственной близости от нее. Они обычно раздавались начиная с десяти часов вечера и заканчивались около шести часов утра, с интервалом в десять минут. Они были резкими, отчетливыми и слышны были только в данный определенный отрезок времени. Иногда я специально клала перед собой часы, и каждый раз ровно через десять минут раздавалось регулярное постукивание. Это происходило независимо от того, спала ли в это время Блаватская или нет.

Когда я просила объяснить мне происхождение этих постукиваний, мне говорилось, что этот эффект служит своего рода телеграфом и является своеобразным средством связи между ней и Учителями и что они, очевидно, ведут наблюдение за ее телом в то время, когда оно покидает астрал.

В этой связи я могу упомянуть еще об одном случае, который доказывает, что в ее окружении были некоторые агенты, сущность и действия которых невозможно объяснить с точки зрения существующих законов природы.

Я уже говорила о том, что Блаватская имела обыкновение читать перед сном русские газеты и редко гасила свет ранее полуночи. И хотя между кроватью и лампой стоял экран, сильный поток света от лампы, отражаясь от потолка и стен, часто мешал мне отдыхать. Однажды ночью эта лампа вдруг сама собой зажглась, как только часы пробили час. Мне не спалось, а Блаватская мирно спала, глубоко и ровно дыша. Я поднялась, медленно подошла к лампе и выключила ее. Слабый лунный свет освещал спальню, он шел из кабинета, дверь которого была приоткрыта. Я погасила лампу и вернулась назад, но вдруг она снова зажглась, ярко осветив комнату. Я подумала: какая странная лампа, наверное, пружинка не в порядке. Снова подошла к лампе, поднесла руку к пружинке и долго наблюдала ее свечение, пока оно не пропало, и только тогда опустила руку. Буквально через минуту лампа опять зажглась таким же ярким светом. Это меня очень озадачило, и я решила не отходить от нее, пусть на это потребуется целая ночь, пока не найду объяснение необычному явлению. В третий раз я сжала пружинку и поворачивала ее до тех пор, пока свет не исчез, а потом

отпустила, чтобы посмотреть, что же будет. И в третий раз лампа зажглась, но на этот раз я увидала коричневую руку, которая медленно поворачивала лампочку. И поскольку я была знакома с действиями астральных сил и астральных сущностей на физическом плане, для меня не представило труда прийти к заключению, что это была за рука, и, отгадав причину, по которой лампа снова загорелась, я пошла спать.

Однако всю ночь меня мучили сомнения и одолевало любопытство. Мне хотелось побольше узнать, и я стала звать: „Мадам Блаватская!“, потом еще громче: „Мадам Блаватская!“ и вдруг в ответ я услыхала крик: „Сердце! Сердце! Графиня, вы чуть не убили меня!“ — а потом опять: „Сердце! Сердце!“. Я подбежала к кровати. „Я была с Учителем, — прошептала она. — Зачем вы меня отозвали?“ Меня обеспокоило то, что ее сердце билось под моей рукой учащенно. Я дала ей выпить наперстника и посидела до тех пор, пока симптомы не исчезли и она не успокоилась.

Потом она мне рассказала, как полковник Олкотт вот так же чуть не убил ее, неожиданно окликнув ее в то время, когда она пребывала в астрале. Она взяла с меня обещание, что я никогда больше не буду экспериментировать таким образом. Я ей такое обещание дала, принеся извинения, что причинила ей страдание.

Но возникает вопрос: почему она, обладая силой облегчать страдания другим, сама страдала? Почему, выполняя столь важное задание, работая ежедневно по многу часов в день, что требовало хорошего здоровья, почему она пальцем не пошевелила для того, чтобы снять с себя слабость и боль, которые были присущи обычному человеку?

Такой вопрос напрашивается сам собой, и он меня все время мучил, так как я знала, какой она обладала силой и даром лечить других. И когда я ей задавала этот вопрос, она неизменно отвечала одно и то же. „В оккультизме, — говорила она, — тот, кто обладает силой, не должен распространять ее на себя, это означало бы поставить ногу в стремя и поскакать к пропасти черной магии. Я дала клятву этого не делать, и я не из тех, кто ее нарушает. И чтобы обеспечить более благоприятные условия для выполнения моего задания, не обязательно действовать по принципу ‘цель оправдывает средства’. Нам такой путь не годится, это также не значит, что мы должны идти за дьяволом в надежде, что он сделает добро“. Она продолжала: „Я терпеливо переношу не только физическую боль, слабость и болезни. Ради работы я переношу также умственное напряжение, позор, срам и насмешки“.

Все это не преувеличение и не форма эмоционального выражения. Это все оставалось правдой до самой ее смерти, как

фактически, так и исторически. В нее, как на главу Теософического общества, летели отравленные стрелы непонимания, которые попадали в ее чувствительную душу, как в шит, им она прикрывала слабых и заблудших.

Она действительно была жертвой, мученицей, терпеливо переносила любой срам, и на ее агонии держалось благополучие Теософического общества.

И лишь немногие члены Теософического общества могли это понять. Лишь те, кто жил возле нее, кто наблюдал долгие страдания, мучения, оскорбления и издевательства, которые она переносила. И на фоне всего этого неуклонно развивалось и процветало общество. Те, кто видел, каких огромных сил это ей стоило, понимали, в каком долгу они все перед ней. Многие же этого не ценили[441]. <…>

Но пролетела зима, и наступила весна. Однажды утром Елена Петровна Блаватская получила письмо от своей подруги, с которой была знакома несколько лет. Ее звали Кизлингбери. Она была одним из самых старых членов общества. В своем письме она сообщала, что приедет и нанесет нам визит. Мы были в восторге от этого и с нетерпением ждали приезда стародавнего друга. Прочитав о злобных нападках на Елену Петровну, она не могла успокоиться до тех пор, пока не пришла заверить свою подругу в своей неустанной любви и лояльности, а также в том, что она выражает свое негодование по поводу несправедливых и абсурдных обвинений в ее адрес. Мы слушали новости, поступавшие из внешнего мира, и обсуждали общие дела Теософического общества. Так быстро прошел день. Одновременно нас посетила чета Гебхардов. Они были в глубокой скорби по поводу недавней смерти любимого сына. А Елена Блаватская и я оказали им очень радушный прием. Они были такими настоящими добрыми друзьями, что их визит в Вюрцбург был подобен лучу солнечного света, пролившегося на нас. Так как в разгаре была весна, нужно было подумать о планах на лето, и Елена Петровна решила провести будущие летние месяцы в Остенде со своими сестрой и племянницей.

Г-жа Гебхард очень хотела ненадолго остановиться в Австрии и уговорила меня съездить с ней в Кемптен, очень тихое местечко с приятным пейзажем. Но на привлекательность этого места для нас наслаивался тот факт, что город был известен своими дощатыми охотничьими домиками и жившими в них оккультистами. Доктор Франц Гартман проживал там. И так как мы думали, что нам следовало бы получше познакомиться с ним, то сразу начали складывать свои веши. Через несколько дней все пожитки Елены Блаватской были связаны и заперты.

Приближалось полное событий путешествие. Госпожа Кизлингбери возвращалась в Лондон и любезно обещала сопровождать г-жу Блаватскую до Остенда. В Кёльне у них должна была быть одно- или двухдневная остановка, а затем они снова продолжат свое путешествие. Г-н Гебхард обещал посетить их в Кёльне. А поскольку его дочь жила в том городе, то мы полагали, что г-же Кизлингбери и Елене Петровне будет предоставлена хорошая забота.

Путешествовать для Блаватской было всегда громким делом, и я со страхом смотрела на девять мест багажа, которые нужно было разместить в ее купе. Мы отправились на станцию очень рано и там посадили Блаватскую в поезд. Она была завалена своими вещами. Одновременно мы старались договориться с проводником о том, чтобы в ее купе находились только г-жа Кизлингбери и ее горничная Луиза. После долгих обсуждений и пререканий он открыл дверь вагона и начал усердно складывать весь багаж, состоящий из подушек, одеял, сумок и красивого ящика, в котором лежала рукопись „Тайной доктрины“: это сочинение никогда не должно было находиться вне поля ее зрения. Бедная Елена Петровна, она не была на улице в течение нескольких недель. Ей следовало пройтись вдоль платформы, что давалось ей с трудом. Мы ее удобно устроили и собирались было обрадоваться, что успешно выполнили трудно выполнимую задачу, как вдруг один из кондукторов подошел к двери и начал протестовать в связи с тем, что купе переполнено багажом. Он говорил по-немецки, Елена Блаватская отвечала на французском, и я интересовалась, чем это все закончится. К счастью, мы услышали свисток, и поезд начал отходить от станции. Когда я представила, что в Кёльне все эти вещи нужно будет вытаскивать из поезда, то я почувствовала жалость к госпоже Кизлингбери. И осознала ответственность, лежавшую на ней.

Несколько часов спустя я вместе с госпожой Гебхард находилась в пути на юг. Дни нашего общения пролетели быстро и приятно, а затем мы расстались. Она поехала в Висбаден, а я возвращалась в Швецию, чтобы провести лето в своем доме. Первой новостью, пришедшей о Блаватской, было то, что на следующий день по ее приезде в Кёльн с госпожой Кизлингбери господин Гебхард с несколькими членами своей семьи уговорил ее навестить их в Эльберфельде. Госпожа Кизлингбери возвратилась в Лондон, а госпожа Блаватская поехала в дом своих добрых друзей.

Летом я часто получала письма от Блаватской, и первая новость была печальной. В доме Гебхардов в Эльберфельде она поскользнулась на скользком паркете и, к несчастью, растянула

лодыжку и ушибла ногу. Конечно, это помешало ей осуществить свое намерение продолжить путешествие в Остенд. Поэтому она осталась со своими друзьями, чья доброта была безгранична»[442] [443].

Глава десятая. «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»

Блаватская работала не покладая рук. Летние месяцы она обычно проводила в Остенде, на морском побережье в Бельгии, чередуя пребывание там с жизнью в семье Гебхардов в Эльберфельде. С 1 мая 1887 года Блаватская надолго обосновалась в Лондоне. Некоторое время она жила в районе Апнер-Норвуд на небольшой вилле под названием «Мейкотт», превратив ее в теософский центр. Лондонское теософическое общество разрасталось не по дням, а по часам. Все вновь вступившие жаждали оккультного посвящения. Уже было невозможно обходиться заимствованиями из древних верований, цитатами из утраченных апокрифов. Необходима была действительно монументальная книга по оккультизму. И этой книгой для теософов стала «Тайная доктрина», написанная Блаватской на английском языке. За тщательное редактирование нового произведения основоположницы теософии взялись братья Китли, Арчибальд и Ветрам, ее близкие соратники. Бертран Китли также тесно сотрудничал с ней в редактировании и издании журнала «Люцифер». Понятие «тайная доктрина» принадлежит не Блаватской, а было предложено публике основоположником оккультного ренессанса во Франции Элифасом Леви. Согласно его представлениям, «тайная доктрина» объединяет все магические и религиозные системы, связанные преимущественно с индуизмом.

Елена Петровна Блаватская создавала «Тайную доктрину» в течение четырех лет. Осенью 1888 года в Лондоне она получила верстку этой книги. Она не надеялась, что «Тайная доктрина» прославит ее при жизни, поскольку не обольщалась по поводу своих современников. Вот-почему она предсказывала успех «Тайной доктрины» в следующем веке. Она пророчествовала, что согласно идеям этой книги люди будут жить и действовать. Она была убеждена, что «Тайная доктрина» изменит мир. Книга создавалась в разных местах Европы: в Лондоне, Остенде, Вюрцбурге, Энгьене, Эльберфельде. Работа над «Тайной доктриной» приносила ей радость, уверенность в конечной победе над врагами. Она писала Синнетту в Лондон из Вюрцбурга: «Я очень занята „Тайной доктриной“. То, что было в Нью-Йорке (имелись в виду картины психографического

ясновидения, „внушения“, как она их называла. — А. С.), повторяется еще несравненно яснее и лучше!.. Я начинаю надеяться, что эта книга отомстит за нас. Такие передо мной картины, панорамы, сцены, допотопные драмы!.. Еще никогда я лучше не слышала и не видела»[444].

5 августа 1887 года Елена Петровна Блаватская писала из Норвуда сестре Вере: «Я видела странный сон. Будто мне принесли газеты, открываю и вижу только одну строчку: „Теперь Катков действительно умер“. Уж не болен он? Узнай, пожалуйста, и напиши… Не дай Бог!»[445]

И на этот раз сон Блаватской оказался вещим. К моменту написания письма ее любимый издатель был в полном здравии. Он заболел недели через три. Болезнь протекала с большими осложнениями, и вскоре наступила развязка. Одним настоящим другом у Елены Петровны стало меньше. С именем Каткова она справедливо связывала свою огромную популярность как писательницы в России. Ушел из жизни человек, поверивший в ее удивительный талант рассказчицы. Такого издателя она больше не найдет.

«Тайная доктрина» представляет собой комментарий к сакральному тексту под названием «Строфы Дзиан». С этим текстом, как уверяла Блаватская, она познакомилась в подземном гималайском монастыре. В последнее десятилетие жизни для нее источник мудрости окончательно и бесповоротно переместился из Египта в Южную Азию. Концепция теософии, как ее излагала Блаватская, опиралась на положения индуизма, из которых принцип телесного перевоплощения, метемпсихоза или реинкарнации, был основополагающим. В «Тайной доктрине» излагается история того, как появилась жизнь, какие факторы способствовали возникновению ее различных форм, а также в каком направлении она развивается, и вообще существует ли в жизни какой-нибудь смысл. Блаватская признавала процесс жизни циклическим, описывая мир от его сотворения до самого конца, как один замкнутый круг преобразуется в другой еще больший круг.

Первый том «Тайной доктрины» называется «Космогенез». В нем рассматриваются общие закономерности развития. Согласно Блаватской, первоначальное единство неявленного божества вскоре заявляет о себе многообразием сознательно развивающихся существ, которые постепенно наполняют мир. Впервые Бог обнаруживает себя через эманацию и три следующих последовательно друг за другом формы Разума: три космические фазы создают время, пространство и материю. Божественному плану подчиняются также и последующие творения, которым

предстоит пройти через несколько кругов, или эволюционных циклов. В первом цикле миром правит стихия огня, во втором — стихия воздуха, в третьем — стихия воды, в четвертом — стихия земли. В остальных кругах, или циклах, мир определяется эфиром. Таким образом, в первых четырех кругах миром овладевает греховное начало, в связи с чем он отпадает от божественной милости. В последних трех кругах, или циклах, мир искупает свою греховность, это необходимая предпосылка его возвращения к утерянному первоначальному единству и созданию нового большого круга. И всё начинается сначала.

Объективированными мыслями Бога Блаватская считала электричество и солнечную энергию. Особо она выделяла универсального посредника, который призван создавать и поддерживать наш мир. Этот услужливый исполнитель, представляющий начало всего космического процесса, получил от нее имя Фохат.

Во втором томе «Тайной доктрины» под названием «Антропогенез» Блаватская пытается вписать человека в грандиозную космическую панораму. В ее циклической концепции человек занимает значительное место. Блаватская утверждает, что каждому кругу, или циклу, развития жизни соответствуют падение и возвышение семи последовательных корневых рас. От первого до четвертого круга включительно человек деградирует, целенаправленно отдаваясь во власть материальному миру. Лишь с пятого круга начинается восхождение из тьмы к Свету, от материальных сиюминутных целей — к вечным духовным идеалам. Согласно Блаватской, настоящий человеческий порядок на Земле может быть создан только пятой корневой расой, прошедшей через четвертый космический круг. Пятая корневая раса названа Блаватской арийской. Ей предшествовала раса жителей Атлантиды. Атлантам она приписывала, как уже знает читатель, неизвестные современному человеку особые психические силы. Блаватская представляла их гигантами, владевшими развитыми технологиями и создавшими на Земле циклопические строения. Три первоначальные расы относились ею к протогуманоидам. Первая астральная раса возникла в невидимой и вечной священной земле, вторая, гиперборейцы, существовала на исчезнувшем полярном континенте. Третья, лемурийцы, процветала на острове, затерянном в Индийском океане.

Елена Петровна провела через «Тайную доктрину» три основополагающих принципа. Первый из них — признание существования вездесущного, вечного, безграничного и неизменного Бога. Божественный план в космосе осуществляет

Фохат, полуэлектрическая-полудуховная сила, которая воплощается в законах природы.

Вторым принципом служит правило периодичности — всякое творение немедленно включается в череду бесчисленных распадов и возрождений. Эти круги всегда заканчиваются духовным приближением к первоначальной точке. Наконец, третий принцип заключает в себе представление о единстве между индивидуальными душами и Богом, между микро- и макрокосмом.

Блаватская создавала «Тайную доктрину» не для своего времени, а для вечности. И еще для того, чтобы выбрать себе преемницу. Не случайно ведь «Тайная доктрина» попала в руки Анни Безант, которая, прочитав ее, откликнулась восторженной статьей и немедленно познакомилась с ее автором.

Блаватская переехала с прелестной виллы «Мейкотт», где она проживала до сентября 1877 года, в снятый братьями Китли трехэтажный дом на Ланздаун-роуд, 17, к которому примыкал живописный сад. Новый дом находился ближе к центру Лондона. Приходящие к ней люди иронически перешептывались, бесстыже перемигивались, не хватало только наглого шельмующего гоготка в ее адрес. Некоторые из них считали ее одержимой странными маниями. Встречались и такие, кто видел в ее действиях и словах признаки врожденного психического расстройства. Знали бы они, что на протяжении всей жизни ей приходилось лицезреть в состоянии экстаза мучительные картины и пытаться сохранить рассудок, не сойти с ума. Другая на ее месте ни за что бы не вынесла эти умопомрачительные видения, а она с ними сроднилась и пыталась воплотить в общедоступные образы и категорические поучения. Вместе с тем, ради справедливости, отметим, что гостями Блаватской были и благодарные ей люди. Например, испанский аристократ Хозе Шифре, которому «старая леди» дважды спасла жизнь. Впрочем, враги Блаватской не утихали. В Лондоне против нее подняла восстание Мейбл Коллинз, талантливая оккультная писательница, еще вчера ловившая каждое слово Блаватской. В США неожиданную прыть в разоблачении Елены Петровны проявил Элиот Ф. Коуз, анатом, историк естествознания и орнитолог. По тому, как он во многих статьях вдохновенно чернил образ Блаватской, трудно было представить, что за несколько лет до этого он называл «старую леди» «великой и удивительной женщиной» и призывал ее «не обращать внимание на врагов». Против Коуза было возбуждено судебное дело о клевете. Суд первой инстанции признал его утверждения относительно безнравственного поведения Блаватской безосновательными. В Лондоне против Блаватской

совершенно неожиданно для нее выступили Баваджи Натх и Мохини Чаттерджи.

Анни Безант вскоре пришлось стать главным оплотом и двигателем теософского движения. Блаватская писала о ней: «Но что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит! Слушаешь и не наслушаешься! Демосфен в юбке!.. Это такое приобретение, что я не нарадуюсь! У нас именно недоставало красноречивого оратора. Я говорить совсем не умею. А это соловей какой-то! И как глубоко умна, как всесторонне развита! Она пренесчастная была… Ее жизнь целый роман. Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне»[446].

В отличие от своих прежних телесно-духовных материализаций, среди которых находились гречанка Ипатия, растерзанная чернью в Александрии, и итальянец Джордано Бруно, сожженный благочестивыми монахами за свое неверие в церковные догмы, эта властная и энергичная женщина в ее последнем ирландском воплощении никаким изуверским пыткам и мучениям не подвергалась. Умерла невенчанная царица теософского мира, прожив восьмидесятилетнюю жизнь, в роскошной усадьбе штаб-квартиры Теософического общества в Адьяре среди кокосовых пальм и фруктовых садов, в 200 метрах от кромки Бенгальского залива. Всё, за что она бралась, получалось наилучшим образом, потому что во всех своих делах она была напориста и удачлива. Деятельная натура, она не желала до самой смерти ждать небесных даров и в итоге ничего не получить. Жила Анни Безант полной насыщенной жизнью, в молодости ослепляла мужчин красотой, и ослепшие, они шли за ней с необъяснимой покорностью в огонь и воду, как за мелодией, льющейся из дудочки крысолова. Ведь в интимном женском кругу Блаватская и Безант не уставали проповедовать, что крысы и мужчины — одной породы, разносчики чумы в прямом и переносном смыслах. Анни Безант встретилась с Блаватской уже в зрелые годы, за ее плечами была большая и многообразная жизнь, хотя она и не носилась по белому свету, как ее предшественница. Жила себе 50 лет в Англии и никуда не ездила. И все-таки сошлись они не случайно. Что-то было общее в их судьбе и характере. Две потребности души заставляли их преодолевать любые препятствия — жажда знания и жажда власти.

Анни Безант так же неудачно, по молодости, вышла замуж, как и Блаватская. Правда, ее муж не был государственным человеком с положением, а всего-навсего простым священником Англиканской церкви. Брал он себе в жены, как надеялся, не философствующую и литературно одаренную барышню, а

рачительную и трудолюбивую хозяйку, у которой на первом месте — забота о муже и детях. Анни Безант оказалась терпеливее Блаватской. Со своим мужем она прожила несколько лет, родила двух детей, но в конце концов сбежала от него. Для нее началась трудная в бытовом отношении, но удивительно яркая и свободная жизнь. Ариадна Тыркова в очерке «Анна Безант и Елена Блавацкая» очень точно охарактеризовала сложную натуру Анни Безант: «У нее, как и у всех, были в сердце светлые и темные углы, возможно, что властолюбие и честолюбие бывали иногда сильнее доброты и любви. Но все-таки Анни Безант была из тех избранных натур, для которых идеи всегда сильнее материальной предметной стороны. А это уже много, очень много. Но идеи ее менялись. От христианства она равно отказалась. „Христианская культура — это бездельники, разряженные в платья, созданные руками тружеников, это блестящая надстройка из жести, прикрывающая слезы, борьбу, безнадежную нищету рабочего класса“. Это она писала, когда уже была деятельным членом Фабианского общества»[447].

Анни Безант быстро выдвинулась в английском левом движении, для этого ей пригодились врожденные ораторские способности и острое полемическое перо журналистки.

В последние три года жизни Блаватской Анни Безант переложила на свои плечи многие практические дела. Прежде всего то, что было связано с филантропической деятельностью общества, превращение его в сильную и массовую организацию. Елена Петровна смогла полностью отдаться любимым оккультным размышлениям. После смерти Блаватской Анни Безант заняла ее место, превратилась в авторитетного духовного вождя. Начиная с 1893 года идо самой своей смерти она почти безвыездно прожила в Индии. Это были годы ее личного триумфа, время широкого признания Теософического общества. Блаватская в ней не ошиблась, как и не ошиблась в выборе страны, на которой сосредоточила все свои усилия. Именно Индия и ее древняя мудрость подняли авторитет общества в мире, а для его лидеров постоянно оставались источником духовной силы. И Блаватская, и Безант были глубоко убеждены в том, что Запад с его прагматизмом и техницизмом не способен содействовать расцвету свободной мысли. То, что написала Ариадна Тыркова об Анни Безант, можно отнести и к Елене Блаватской: «Она считала, что духовные силы Индии глубже европейских. Не оттого ли она верила, что в следующем перевоплощении душа ее вселится в индусское тело»[448].

Блаватская призвала людей будущего века вернуться к природной жизни. В ее «Тайной доктрине» речь шла, по существу,

об альтернативных формах существования. «Старая леди» провидела кошмары XX века и пыталась дать человечеству какую-то перспективу. Внутри нее, когда она пророчествовала, все дрожало от боли и радости. От боли — потому что она сострадала будущим многочисленным жертвам. От радости — потому что она познала высшие законы жизни и понимала, что зло недолговечно.

Все развивается циклично, возвращается в конце концов на круги своя.

Эта библейская истина подтверждалась многими индусскими и буддийскими священными текстами, с которыми Блаватскую ознакомили, как она уверяла, ее махатмы. Она испытала высочайшее наслаждение в постижении смысла кармы, дхармы, мокши. Она отдавала себе отчет в том, что индусское понимание воздаяния, долга и освобождения не сообразуется с христианским и оправдывает неуничтожимость зла в мире. Действительно, зло на Земле накапливается со временем до огромных размеров и ставит под сомнение существование жизни. Зло — словно спертый воздух в переполненной людьми и герметично закрытой комнате. Таким образом, зло исходит от человеческих сознаний, преумножающих его своим своеволием и непомерными амбициями. Мысль о преодолении зла в мире через смерть и воскресение Христа не принималась Блаватской, в связи с чем ей пришлось выстроить против христианских положений целую систему контраргументов. Она восстановила в равных правах со Всевышним Антихриста — Люцифера. Недаром издаваемый ею в Англии журнал был назван скандально именем дьявола, и, конечно, тут же на Блаватскую обрушился гнев клерикалов. Но она умела защищаться.

В одном из своих писем Блаватская писала: «Что вы на меня напали за то, что я свой журнал Люцифером назвала. Это прекрасное название! Lux, Lucis — свет, ferre — носить. „Носитель света“ — чего лучше?.. Это только благодаря мильтоновскому „Потерянному раю“ Lucifer стал синонимом падшего духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения с этого имени, которым древние христиане называли Христа. Эасфорос — греков, Люцифер — римлян, ведь это название звезды утра, провозвестницы яркого света солнечного. Разве сам Христос не сказал о себе: „*Я, Иисус, звезда утренняя*“ (Откров. Св. Иоанна XXII, ст. 16)? Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари предвещать яркий рассвет правды — слияние всех толкований по букве, в единый, *по духу*, свет истины!»[449]

Под водительством махатм Блаватской из многочисленной людской массы выбирались наиболее одаренные, пригодные к совершенной жизни личности. Они должны были содействовать появлению сверхлюдей — представителей совершенной шестой расы. Почему-то считается, что подобные личности воздерживаются от необдуманных, позорящих их поступков. Они знают, что именно ухудшает и улучшает карму. Деятельность этих людей опирается на синтез религии и науки, на содружество ума и чувства, знания и интуиции. Они руководствуются принципом высшей космической целесообразности. Чем больше «сверхчеловеков», тем меньше становится в мире зла, думала она по своей наивности и недомыслию.

Глава одиннадцатая. ШАГ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

В романе «20 000 лье под водой» Жюль Верн облекает в увлекательную беллетристическую форму идею свободной от тирании и гнета жизни; с этой идеей, как свидетельствуют ее путевые очерки, солидарна и Блаватская. Капитан Немо находит новое небо и новую землю в пространстве, казалось бы, совершенно непригодном для человеческого существования, — в морских глубинах. Его подводный корабль «Наутилус» — это совершеннейший технический аппарат, с помощью которого капитан Немо обеспечивает себе и своим соратникам не только безопасное убежище, где никто и ничто не стесняет свободы, — но и орудие борьбы и мести, используя которое он способен дать сокрушительный отпор представителям несправедливого общества. Капитан Немо, находясь под водой, живя преимущественно в другой, даже противоположной реальности, тем не менее остается человеком Земли: он не тяготеет ни к мистическим теням и просветам, ни к иллюзорности каких-либо видений. Другого мира для него просто не существует. «Наутилус» и его команда представляют альтернативу этому отвратительному миру. Недаром же капитан Немо объявляет себя неутомимым защитником всех бедных и угнетенных: «Это был индус… житель угнетенной страны. До последнего вздоха я буду на стороне угнетенных, и каждый угнетенный был, есть и будет брат мне!»

Не в этом ли разгадка тайны бытия капитана Немо, которую он тщательно скрывает от случайно попавших на борт его «Наутилуса» пассажиров?

Старый, несправедливый мир обветшал. Его истинное спасение — в новых людях, только они способны его обновить, преобразовать. Появление нового, свободного человека,

нравственного и альтруистически настроенного, для Жюля Верна еще более важно, чем научно-технический прогресс со всеми его гуманистическими возможностями. Иными словами, французский писатель лишь с появлением таких людей, избавленных от всех форм рабства, предполагает наладить на Земле сколько-нибудь нормальную и здоровую жизнь. «Земля нуждается не в новых материках, а в новых людях» — эта максима капитана Немо также звучит в унисон многим заявлениям Блаватской.

Махатмы Блаватской представлялись многим в XIX и XX веках странной, причудливой аномалией ее неуравновешенной психики. В действительности же, как можно предположить, они стали для нее самой предтечами ее триумфа в будущем как мыслителя и художника, гарантами того, что ее титаническая деятельность в защиту Индии, мудрости ее народов не напрасна и будет по достоинству оценена потомками.

Блаватская видит в Гималайском братстве символ новой человеческой истории, а имя махатмы Мории возвращает нас в древнюю историю державы Маурьев в IV–II века до н. э. Среди представителей династии Маурьев наибольшую известность получил царь Ашока, образец справедливого, веротерпимого и образованного монарха. Ашока к тому же был чрезвычайно благожелателен к буддизму. В самом имени махатмы Мории (фонетически созвучном родовому имени Маурьев) таится уверенность в возвращении для Индии золотого века, в обретении независимого национального существования. Как и капитан Немо, махатма Мория и другие Учителя оккультного братства, уйдя за пределы досягаемости для человечества и избавленные таким образом от «тяжести отвратительного гнета, который называется законами общества и который люди в своем ослеплении принимают за свободу» (Жюль Верн), все-таки появляются в людском мире зла, греха и смерти с почти безнадежной миссией изменения его к лучшему.

Духовная самонадеянность капитана Немо и махатм, а отсюда и их могущество, проистекают еще и из того, что они верят в непреложность нравственного закона, в духовную силу истины. И это несмотря на то, что капитан Немо и махатмы — личности далеко не равнозначные. Капитан Немо только приближается к разгадке тайны жизни, к ее внутренним источникам и глубинам, тогда как махатмы, по утверждению Блаватской, давно, еще с незапамятных времен Атлантиды, обладают этим эзотерическим знанием. Он — содействует поиску истины, они же — ее воплощают. Он действует в земных условиях, противопоставляя свою мятежную волю укорененному в своекорыстии, национальном эгоизме и кастовых предрассудках

обществу, они же руководят историей и возвещают рождение нового мира.

При всей размытости времени в романе Жюля Верна «20 000 лье под водой» и тем более в «Тайной доктрине» Блаватской в них ясно прочитываются определенные исторические коллизии. Могу с большой долей вероятности предположить, что Жюль Верн и Блаватская были потрясены до глубины души событиями индийского восстания 1857–1859 годов, так называемого Сипайского восстания. Этот феодальный бунт против чужеземцев-англичан произвел ошеломляющее впечатление на западное общественное сознание. В печати европейских стран появилась подробная информация о немыслимой жестокости противоборствующих сторон. Именно эти эксцессы заставили Запад содрогнуться и усомниться в силе разума, в возможности гармонических отношений между Западом и Востоком, между метрополией и колонией, между обществом и личностью.

Симпатии Жюля Верна и Блаватской, разумеется, оказались на стороне восставших индийцев и глубочайшим образом были связаны с антиколониальными представлениями о свободе и справедливости. Между тем из писем Жюля Верна известно, что первоначально он видел в капитане Немо вовсе не индийца, а поляка, участника Польского восстания 1863–1864 годов. Затем, однако, антирусские настроения Жюля Верна отошли на задний план, и уже в «Таинственном острове» капитан Немо предстает перед читателем принцем Даккаром, деятельным участником Сипайского восстания. Он и умирает как соблюдающий религиозные традиции индус — отшельником, в полном одиночестве.

Теперь сделаем некоторые хронологические сопоставления, связанные с созданием двух романов Жюля Верна и «Тайной доктрины» Блаватской. Роман «20 000 лье под водой» был написан в 1869–1870 годах, «Таинственный остров» — в 1875 году, понятие «махатмы» было предложено Маваланкаром Дамадаром Блаватской в начале 1880-х годов для обозначения гималайских адептов, а ее «Тайная доктрина» вышла в 1888 году. Популярность двух романов Жюля Верна вскоре после их перевода на русский и английский языки была в России и в Новом Свете огромна. Образ правдолюбца, гениального ученого и борца с рабством был созвучен как настроениям американцев, недавних участников Гражданской войны 1861–1865 годов между демократическим Севером и рабовладельческим Югом, так и чувствам русских, переживших поражение в Крымской войне 1853–1856 годов и покончивших с крепостным правом.

После Наполеоновских войн еще сохранялась вера в силу разума. Грамотный Запад еще надеялся на чудодейственные плоды просвещения, особенно для колониальных народов. Благородные идеалы разумного, доброго, вечного еще не совсем померкли, как, впрочем, и надежда на обновление мира с помощью научных открытий. Вторая половина XIX века поставила под сомнение для интеллектуальной элиты Запада саму возможность таких перемен. Первая мировая война сокрушила оставшиеся иллюзии идеалистов и возвестила о начале эпохи всеобъемлющего эгоизма, стяжательства, жестокости и скептицизма. После Второй мировой войны материк своеобразной и сложной культуры, веками создававшийся гуманистами и альтруистами человечества, исчез в одночасье, как Атлантида.

Среди далеких провозвестников этой интеллектуальной катастрофы находится и Блаватская. Великая теософка поставила в «Тайной доктрине» вопрос о несостоятельности нынешней человеческой расы, о необходимости эволюционных сдвигов в процессе формирования расы новой с большими интеллектуальными возможностями и моральной ответственностью за жизнь себе подобных. У Жюля Верна подобной альтернативы нет. Он предвидит научные открытия будущего, но не космическую судьбу человечества. Его капитан Немо, творящий новую действительность, по существу, потерпел поражение. Вот что говорит ему Сайрес Смит, один из героев «Таинственного острова»:

«Капитан Немо, ваша вина в том, что вы хотели возродить прошлое и боролись против необходимости, против прогресса. Подобные заблуждения у одних вызывают восторг, других возмущают; разумом человеческим их можно понять, а судья им — один лишь Бог. Вы шли неверным путем, но из добрых побуждений, и борясь против такого человека, к нему не теряют уважения. Ваши ошибки принадлежат к числу тех, которые не порочат честного имени, и вам нечего бояться суда истории. Она любит героические безумства, хотя и выносит строгий приговор их последствиям».

Блаватская, восприняв образ капитана Немо через призму своих оккультных пристрастий, если и не списала с него полностью обобщенный портрет махатм, то воспользовалась, по крайней мере, для его создания многими находками и характеристиками Жюля Верна. Иное дело, что она внесла в трактовку этого образа коррективы и сместила акценты в символе веры своих супергероев. Так, она восстановила из небытия в образе Гималайского братства исчезнувший мир Атлантиды,

насыщенный паранормальными явлениями и чудесами науки и техники, а также воскресила его адептов — махатм. Если «Наутилусу» в конечном счете суждено охранять вечный покой капитана Немо, то махатмы Блаватской оберегают ее от превратностей судьбы, неожиданно приходя на помощь в самые тяжелые моменты жизни. Вот почему в них уживаются холодное космическое бесстрастие и трогательная любовь к ней, ее соратникам и Теософическому обществу в целом.

В сознании современного человека образы капитана Немо и махатмы Мории не случайно сливаются в один. Они представляют два аспекта сверхинтеллектуальной и сверхдуховной личности: житейский и сакральный. Ведь конечный масштаб, конечная цель нашей деятельности и существования были и есть бессмертие человеческого рода, гарантом чему, как считали Жюль Верн и Блаватская, является осознание людьми своей божественной природы, своей божественной миссии. И осознание это должно стать общим и распространенным.

В адьярской штаб-квартире Теософического общества, как в любом монастыре, присутствует общая атмосфера уединения, действующая безотказно и целительно на тех, кто появляется в нем с выстраданной надеждой на диалог с Богом. И она же, эта атмосфера, обостряет до умопомрачения одиночество людей пришлых, временных, которые думают только о себе и своих проблемах и изначально не ищут созвучия своего внутреннего мира с миром окрестным, с миром беспредельности, — в подобных условиях они окончательно падают духом и готовы наложить на себя руки…

Ежедневно я выходил на берег Бенгальского залива, к белой кромке прибоя. Сквозь занавес облаков на воды залива сначала осторожно падал, а затем с нарастающей силой обрушивался сноп света. Грязный пыльный горизонт, возгораясь и пылая, очищался от ночных грехов океана.

Где он сейчас, измученный жизненным гнетом капитан Немо? В чьем теле нашла убежище его благородная неприкаянная душа? Не бестелесный же он, дух «прета», в самом деле, который живет в грязи, моче, испражнениях? Ведь некому совершать по нему поминальных обрядов. Где они все, эти искатели света, восторженные неудачники и дерзкие бунтари?

Прилив… отлив… И смыты следы на песке.

Елена Петровна Блаватская, великая оккультистка и доверенное лицо полубогов — Гималайских братьев, умирала. В чужой стране. В чужом доме. В чужой постели. Какой повод для

злословия дала она врагам своим! Осталась перед смертью, скажут они, у разбитого корыта. Ничего своего — все чужое, общественное. Точнее сказать, принадлежащее ее единственному детищу — Теософическому обществу.

После ее кончины в лондонских газетах напишут: «В доме известной теософки Анни Безант умерла Елена Блаватская, русская аристократка, основательница Теософического общества». Людей с голубой кровью англичане уважают. И опять, в который раз, соврут. С июля 1890 года она и ее ближайшие сотрудники жили в трех роскошных домах, соединенных садом, на благоухающей цветами авеню Роуд в Реджент-парке. Это было новое помещение для «Главной квартиры Теософического общества». Анни Безант являлась одним из арендаторов, а не хозяйкой этих домов, как, впрочем, и все они.

Через неделю-другую новость о смерти Блаватской дойдет до России. Там, на родине, напечатают, она надеется, о ней некролог. Ее сестра Вера тоже не промолчит, скажет что-ни-будь по этому случаю.

У «Главной квартиры» выстроится вереница кебов, они едва уместятся на узкой улочке. Ее сторонники придут отдать ей последний долг. Среди мужчин будут преобладать снобы и дураки. Дамы наденут траур. Ее поклонницы, за редким исключением, дамы молодые и умные, с тонкими чувствами и безупречным вкусом. Публика будет прибывать и прибывать. Большой зал митингов, затянутый черным крепом, в котором поставят гроб с ее телом, окажется переполненным. Запоздавшие останутся в прихожей, некоторые будут толпиться на лужайке перед главным большим домом — ее резиденцией.

Вряд ли кто-то из них, ее преданных поклонников, не привыкших томительно и долго стоять на ногах, повернется и уйдет. Пересилят свою любовь к комфорту, останутся, чтобы взглянуть на нее в последний раз. А на что смотреть-то? На оплывшую старуху с одутловатым лицом?

Господи, грешна перед Тобой! Еще как грешна!

Все будут возбуждены, как на спиритических сеансах. Лица пойдут красными пятнами в ожидании если не чуда, то хотя бы мистических знаков.

Ничего не будет. А придумают многое, нафантазируют с большой охотой. Наплетут черт знает что. Сами же в свои россказни и небылицы поверят. На то они ее ученики — «чела».

Неужто сотворение кумира, постоянное, изо дня в день, из года в год, из века в век отвечает, пусть даже в малой степени, духовной потребности людей? Вероятно, так оно и есть. Она их учит одному, даже не учит вовсе, а пытается с ними собеседовать,

говорить по душам, они же ее мысли, ее возвышенные идеи опошляют, низводят до скучных и банальных нравоучений. Самое омерзительное, что они требуют от нее все новых и новых чудес.

Получается, что далеко не все достойны мудрости Востока, не всем дано услышать голос Безмолвия, Великого Ничто.

Она старалась как могла, изо всех сил пыталась сделать тщательный выбор из своего окружения, отыскать лучших, достойных ее и равных ей, найти истинных мистиков.

Она почти отчаялась в этом изнуряющем поиске. Не тех, не самых лучших и верных в духовных своих привязанностях она выбирала. Ох, совсем не тех!

Так и плутала среди этой горстки ее обожествлявших людей, почти заблудилась в их узком и однообразном мирке, как в трех соснах, пока однажды судьба не свела ее с Анни Безант, гордой и властной ирландкой. Она сразу почувствовала в ней родную душу. Определенно, существовали в их предыдущих жизнях какие-то кармические пересечения. Они были, по всей вероятности, знакомы когда-то очень давно.

Она безошибочно и с ходу приметила в Анни необыкновенную жажду знаний и тщательно скрываемое стремление к власти. Углядела своими слегка выпученными глазами. Подобное пучеглазие появилось у нее сравнительно недавно и было следствием базедовой болезни. Посмотрела на нее тяжело и настойчиво, провидческим взглядом, и поняла: вот она, наконец-то, и нашлась ее преемница.

С первой встречи она оценила сильную, своеобразную личность Анни Безант, гибкий ум, почувствовала в ней неизбывную тоску по запредельному, ожидание каких-то дерзких откровений. Главное, она учуяла ее мятежную, бунтарскую натуру, ведьмовскую неукротимость нрава — ни при каких обстоятельствах не втискивать себя в колею, идти наперекор устоявшемуся, сложившемуся, против многих известных уважаемых традиций, условностей и учений. Беспокойство свое извечное в ней ощутила! И в то же время основательность, надежность, желание докопаться до сути, добраться до истоков. И запредельные голоса Анни Безант, как оказалось, тоже слышала.

Голоса ее махатм, великих душ. Откровения Великих Учителей Востока. Тогда-то она поняла, что жизнь и душа гораздо таинственнее и значительнее, чем люди привыкли думать. И что существует всемогущая сила. Высшая энергия. Космический разум. Но только она одна, Елена Петровна Блаватская, прозрела космичность человеческой жизни. Еще что-то общее было в их бабьей судьбе: неустроенность личной жизни.

В большинстве своем мужчины — напыщенные,

самовлюбленные, горделивые павлины. Недоумки и пустельга. От них войны и другая неразбериха в мире. Иное дело — ее махатмы, великие души, этот воплощенный идеал силы, мужества и знания. И еще был в ее жизни один человек мужского пола, которого она, наверное, любила, — Агарди Митрович. И еще ее мальчик. А больше никого.

В древности, однако, павлины символизировали изобилие и бессмертие. Они были вестниками космоса, посланцами звезд, представителями лунного и солнечного круга. Горящие, искристые глаза разогретого страстью греческого великана Аргоса, сына Геи-Земли, околдовывали женщин, сверкали во все стороны из распущенного веером павлиньего хвоста. Эти въедливые глаза никому не давали прохода, их радужная оболочка напоминала кольца планеты Сатурн. Если бы пришлось и дальше тянуть эту бесконечную метафорическую нить, открывать в одном символе множество других, чаще всего противоположных по смыслу, то возникла бы удивительная величественная картина, в которой детали дополняют друг друга и все вместе составляют единое впечатляющее целое. И вдруг в мгновение ока это целое может растаять на ветру истории, и тут же появляется старое по виду, но по сути своей совершенно изменившееся. Так, в римской мифологии Сатурн уже воспринимался как символ неумолимого времени, как двойник греческого Кроноса. В такой вечно меняющейся ситуации не так-то просто было остаться в своем уме, однако она приспособилась, дала всему этому свое объяснение, пыталась обрести под оболочкой ада прекрасный, совершенный ангельский мир. По крайней мере, убедила себя в возможности такого чуда.

Для избранных, исключительно для ближнего круга, она зажгла свет мудрости во тьме невежества.

Через зыбкость снов, галлюцинаций, иллюзий, через бездонные пропасти неизведанного, через затягивающую пустоту неудовлетворенности торит она собственный путь к нелегкой, но яркой, свободной, одухотворенной жизни. Металась, неприкаянная, по всему свету, убедила всех, даже своих родных, что пробилась наконец-то в закрытый для иностранцев Тибет, хватило ума, сметки, изворотливости. Анни Безант, напротив, безвыездно живет в Англии. Но сколько в ней скрытой энергии, внутреннего движения! После встречи с ней, Еленой Петровной Блаватской, Анни решительно и круто изменила весь свой жизненный уклад, свои взгляды, из социалистки превратилась в мистика. Для них обеих идеи важнее, притягательнее материальных благ, всех богатств мира.

От своих левых взглядов Анни Безант, кажется, полностью

отошла. Она, Елена Петровна Блаватская, почти немощная старуха, переборола, пересилила ее дьявольскую гордыню, превратила ее в покорную ученицу, в свое второе «я» — усиленное более властолюбивым и честолюбивым, чем у нее, характером.

Настоящее «я» — единственное Божество, признаваемое махатмами, Великими Учителями. У этого «я» знание будущего предопределено совершенно необыкновенной памятью, которая отпечатывает, как влажная глина, всё, что совершено человеком в антропоморфных, прежних перевоплощениях, а также в различных, не всегда человеческих оболочках. В некотором роде, настоящее «я» — душа человеческая. Из совершаемых бессмертным «я» всех действий в прошлом появляются ростки будущего. Всякий уяснивший себе эту истину и открывший закономерности в отношениях добра и зла с жизнью может считаться пророком. Однако чтобы понять, какие последствия неминуемо вытекают из совокупности фактов прошлого, человеку необходимо обладать аналитическим умом. Иметь светлую голову, как говорят у нее в России.

Сознание не хотело смиряться с тем, что ее обширная кровать, устланная нежнейшими перинами, а на них чистые хрустящие простыни голландского полотна, — ее последнее земное пристанище, ее смертный одр.

Это была действительно модная кровать на пилястрах, с резными украшениями и покрышкой из шелковой материи.

Лежать на этой кровати, как на ладье, вплывающей с ней в хладные мертвые воды Стикса, было выше ее нравственных сил, напоминало пытку. Она едва двигала ослабевшими членами, пальцы рук ей уже не повиновались. Однако ее сознание не было сознанием умирающей немолодой женщины.

Она понимала, что, если чудом выживет, путешествовать в традиционном обыденном смысле ей вряд ли придется. Лежа, она прикинула на глаз расстояние до письменного стола: не дойти, конечно. О дальних поездках придется навсегда забыть. А как было бы кстати съездить в Швецию, предлагают виллу и яхту. Ее последнее окружение в ней души не чает… Готовы последнее отдать, чтобы узнать свое будущее. Не живут почему-то настоящим, не всматриваются в него. Самое жизнь в упор не видят, не вскрикнут в радости: «Остановись, мгновение!» Черт знает что натворят, чтобы заглянуть за роковой предел. Ничем не побрезгуют. Собственно говоря, тяга к потустороннему у них, как она заметила, сильнее, неотвратимее, чем половое влечение.

От подобных мыслей ее отвлек странный звякающий звук.

Это свет луны бился об оконное стекло, и в его потоке неслись неприкаянные ночные мотыльки. Вот и она также летела навстречу пылающему погребальному костру.

Она унесет с собой все свои тайны. Оставит людям свои книги, наблюдения, заметы язвительного живого ума, свои мистические прозрения, домыслы и догадки о взаимоотношениях человека с космосом. Заставит потомков разгадывать неразгадываемое: свою личность. Они уткнутся в ее размноженный в тысячах экземплярах абсолютно непримечательный портрет старой больной женщины, с головой, закутанной по-русски черным шерстяным платком, с неправильным и решительным лицом, и не увидят ее насмешливой и отзывчивой на чужое горе души.

Не разглядят в этой упертой «бой-бабе» доверчивой, наивной и взбалмошной девчонки, которая жила как хотела, общалась с кем ей было интересно, словно не существовало в мире старости и смерти. Никто из них не поймет драму ее жизни. Вот что до слез обидно.

Друзья и враги сочиняют о ней неправдоподобные истории: в конце концов ее посмертная слава превзойдет несправедливые наветы и досужие злошептания. Во всяком случае, она оставит след на земле. О ней заговорят и через 100 лет. И не потому, что наберет силу созданное ею Теософическое общество, а благодаря тому, что утвердится в людских умах главная ее идея: необходимость соединить воедино науку, религию и философию — такой синтез будет для человечества животворящим и полезным, необходимой предпосылкой обретения всечеловеческого братства.

Ее мозг бунтовал, как белый кипяток. Незримый для телесных очей пар ее мыслей, обжигающих и дерзновенных, распространялся по всему дому, отчего в каждой комнате становилось осязательным ее присутствие, и всякий домочадец тянулся к ее теплу, к ее свету. Для своих последователей она была источником жизни настолько, насколько причиной всех причин, скрытой от обыкновенных смертных, считались ею махатмы.

Ее прокуренный голос, казалось, звучал настойчиво и убедительно в каждом закоулке этого огромного дома.

Хотя она предвидела, знала наверняка, долго здесь ей не прожить: не оказалось на доме заветного числа — приносящей удачи семерки. Несмотря на этот тревожный знак, душа этого жилища определенно была ее душой. Нигде еще она не чувствовала себя так уверенно и спокойно. Каждое место в нем, каждая вещь, каждая комната имели свой особенный характер,

свои особые черты и соотносились в той или иной мере с ее личностью, с главным делом ее жизни — богомудрием, теософией. Она и этот чопорный дом, и его взыскующих истины обитателей вовлекла в ход своей творческой, поражающей смелостью и необычностью мысли.

Она с ранней юности знала, чем задеть человеческое любопытство, как обратить на себя внимание, с помощью чего создать грозовую атмосферу, в результате которой мощнейшие электрические разряды, эти корявые, разлетевшиеся по небу испепеляющие молнии, касаясь земли, не только устрашают неминуемой смертью перепуганных путников, неразумно спрятавшихся от разбушевавшейся стихии под кроны деревьев, но и заставляют самых понятливых и отважных из них переместиться из укромных, но опасных для жизни мест непосредственно под потоки дождя, на открытую дорогу мысли. Поэтому всюду, начиная с обычной, частной беседы с глазу на глаз и кончая ее выступлениями перед многолюдной аудиторией, она пыталась внушить слушателям представление о безграничности разумного мира, о том, что этот невидимый для человека мир населен мыслящими существами, несравненно превосходящими людей разумом и истинными познаниями, что мир духа, выжженный дотла современной наукой, не может оставаться дольше таковым и требует рачительного и заботливого к себе отношения — новых посевов и жильцов. Разве это не духовный подвиг, ею совершенный в век безверия и всеобщего безразличия людей друг к другу?

Не была она логичным, проникновенно-мыслящим философом — глубоко загадочными предстают для посторонних некоторые годы ее жизни. Она всегда находилась в стремительном потоке бытия и не утонула — выжила. Изведала горькое разочарование в людях — в самых близких и дорогих. Сколько раз жизнь приводила ее к роковой черте, за которой стояли ужас и отчаяние нищеты. Чем только она ни перебивалась, чтобы ее избежать: газетной работой, уроками музыки, бывала она и нередко приживалкой при богатых людях. Что из этого? Она внимательно скользнула взглядом по предметам, находившимся в ее комнате. Тень печали лежала на них, словно они прощались с ней, бесповоротно, навсегда, простодушно удивляясь, что она все еще жива.

Ее опять-таки настойчиво притягивали письменный стол и обширное плюшевое кресло перед ним. Немного дальше было зашторенное окно, сквозь которое в комнату прорывались приметы наступившей весны: солнечное тепло и запах цветущих деревьев. Она всегда боялась умереть зимой. Причиной этого

страха были, вероятно, ее детские впечатления, связанные с суровой зимой в России, с крепчайшими морозами, когда в полете замерзают птицы, а природа надевает на себя ледовый панцирь. Когда беспомощные голые деревья впадают в летаргический сон, когда поутру одолевает сонливость, когда за окном белое марево метели и отчаянная стужа.

Она через силу попыталась встать и сделать несколько шагов по направлению к письменному столу. Но тут же с трудом вернулась назад, к кровати. Идти было невозможно. Казалось, она ступает по склизким доскам, перекинутым через трясину. Один неверный шаг — и ее поглотит болото: она слышала уже родные голоса его обитателей, болотная нежить приветствовала ее, трубя и улюлюкая. Веселилась, как могла, предвкушая их соединение. Она не только слышала омерзительные вопли, ка-кой-то плотоядный хруст и металлический смех, но и на мгновение почувствовала идущий от этой гогочущей и заманивающей ее оравы кикимор и леших трупный запах, смрад разверстой могилы. Она чуть было не упала в обморок, отказалась от своего намерения добраться до письменного стола — до милого сердцу пространства, оказавшись в котором она забывала на время о жизненных неприятностях, а ее фантазия получала ничем не ограниченную свободу.

До чего же основательно укоренились в ней все эти предрассудки, крепко сидят еще с детских лет, подумала она. Но того шаловливого отношения к нежити, которое существовало в ней когда-то, в незапамятные времена детства, уже не было. Она на самом деле испугалась этой неожиданной галлюцинации, окончательно для себя решив: никаких захоронений, никаких могил — только кремация. И никаких торжественных шествий, никакого траура. Ее бессмертный дух устремится в блаженную нирвану, окунется в бестелесный покой. Так зачем же печалиться и убиваться? Смерть — это не несчастье, а обретение нового существования.

Ведь зерно не оживет, если не умрет.

Она удивлялась, что все еще дышит, что может прислушиваться, как воздух с мокротой клокочет, сипит, тренькает в ее горле и груди, с разбойничьим присвистом вырывается наружу. Почти всю зиму она проболела гриппом. Болезнь то отпускала ее на некоторое время, то опять мучила с какой-то настырной периодичностью. В середине апреля она лежала в жару. Через неделю ей, однако, полегчало, но в первых числах мая она снова оказалась в постели в почти безнадежном состоянии. Ангина и бронхит, как следствия глубокой непроходящей простуды, ее окончательно добили. Вот и лежит

она теперь, огромная, неповоротливая, хрипит и задыхается. Лицо ее подергивается, вся она пребывает в каком-то странном возбуждении, особенно жутком при ее неподвижности.

Кроме Анни Безант, которую она открыла негаданно, как зарытый клад, к теософскому делу примкнули люди случайные. Либо богатые никчемности, либо обреченные неудачники, обиженные судьбой. Они уже сейчас читают и толкуют ее вкривь и вкось. Что же ожидать от них после ее ухода?

Она предсказала то, что совершится в человеческом сознании и душе 100 лет спустя.

Человек страстно всмотрится в самого себя огненными духовными очами, если говорить высоким слогом, и не одиночество свое обнаружит, а сопричастность, сродство небесному, беспредельной свободе космоса.

И на склоне ее жизни все еще стоит перед ней страшная картина, увиденная когда-то в юности: Лаокоона душат, а его детей терзают, ломая кости, неправдоподобно толстые змеи с раздутыми, тупыми, как свинячьи рыла, головами. По-разному объясняют причины гибели Лаокоона и его детей. То ли за свою проницательность он был наказан богами, то ли за нарушение жреческого обета безбрачия. Она же толкует эту аллегорию совершенно иначе. Лаокоон ради своих детей пытался преодолеть безрассудность и тяжесть земного мира. Но всё напрасно: инертность земли непреодолима. Вспоминая его упрямый и волевой профиль, искаженный душевной и физической мукой, она с ужасом предвидит и свою судьбу — нет, она изовьется и выскользнет из-под мускулистых, ухватистых змеиных колец. Избавится в конце концов от тисков «великой змеи иллюзии» и других убедит, заставит их не смиряться, уговорит хотя бы и с помощью хитрости. Ее письменный стол и старомодное кресло с потертыми подлокотниками резко выделялись на темном фоне зашторенного окна. Солнечный свет, просеянный плотной тканью, падал на поверхность стола. Казалось, крышку стола покрывает тончайший слой фосфоресцирующей пыли. Вероятно, благодаря сочащемуся светом столу и контрастирующему с ним мрачному пространству комнаты создавалось впечатление глубинности и иллюзорности, потусторонности навыворот — это ее возбуждало, приводило в состояние творческого экстаза.

К сожалению, ее эзотерические силы были теперь уже на исходе, однако ей были все еще подвластны прежние чудеса и невидальщины: она могла вызвать невесть откуда звуки рояля, серебристые трели флейты, стук в стены и окна, разбойничий свист. Кое-что, вероятно, по-прежнему повиновалось ее воле. Она вспомнила, как гоняла, бывало, по комнатам своего

«ламаистского монастыря» огненные сияющие шары, восседая спокойно и неподвижно за письменным столом над рукописью «Изиды без покрова».

Она — не Лаокоон, ее не так-то легко придушить. Она освободит своих духовных чад от эгоизма, предвзятости, бездумия, которые искажают все вокруг, как кривые зеркала. Люди обретут в себе гармонию и порядок, необходимые для их дальнейшей эволюции, для их небесного предназначения и восхождения к незримому Богу через череду перевоплощений.

Перед мудростью Востока она испытывает непритворное благоговение, но и робость тоже, даже страх: вдруг окажется, что не по Сеньке шапка? Потому-то и появились в ее жизни гималайские махатмы — ее наставники, советчики, защитники. Это Великие Учителя Востока, старшие братья, духовные водители человечества.

Они вышли из своих тайных убежищ, открылись некоторым из ее наиболее «продвинутых» учеников, даже вступили в переписку с ними. Именно они, хранители сокровенного знания, поддерживают живой огонь веры.

Они мудрецы, а она — чародейка, безошибочно обнаружила их присутствие на земле — разве это уход от жизни? Творческие претворения сновидений и мечтаний более реальны, более существенны, более истинны, чем эта мелькающая перед глазами размалеванная повседневность с проявлениями пошлого благоразумия и суеты. В ее фантазиях есть настоящие вес и мера, вкус есть, в конце концов. Ее душа сольется с великой душой космоса. Эта мысль радовала, дополнительно возбуждала.

Резкая боль в боку заставила ее по-бабьи охнуть и тяжело повернуться на спину. Вместо неба — деревянный потолок. Не случайно ведь Иисус по земной биографии — сын плотника. Возвела ли она стены своего дома? Вряд ли… Сказано многое, а результаты незначительные. Горстка людей.

Несмотря на то что ее новое слово имеет древность нескольких тысячелетий. А еще говорят: крепок человек задним умом. Неправда это!

Посему — никаких траурных торжеств, никаких шествий, никаких радений! Ее последний маршрут в последнем воплощении — станция Ватерлоо, а оттуда в Уокинг, где находится лондонский крематорий. После кремации ее прах, как она уже распорядилась, разделят на три части и в урнах доставят в Нью-Йорк, Адьяр и Лондон. Ведь Нью-Йорк — колыбель ее теософской деятельности, Адьяр — ее алтарь, а Лондон — ее могила. Эти урны будут стоять в ее личных апартаментах, там, где она жила и творила, и эти комнаты останутся с момента ее

смерти нетронутыми и необитаемыми. Ее последнюю волю конечно же исполнят. Вспомнят, она убеждена, и божественные слова Кришны из Бхагават-гиты:

«Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых. Никогда ни я, ни ты не переставали существовать, ни эти правители людей; также в будущем никто из нас никогда не перестанет существовать».

Она вдруг почувствовала внутреннее облегчение. Словно из огненной печи ее вытащили на холодный снег. Она погладила ладонью деревянный брус кровати, оперлась на правый локоть и, спустив ноги на пол, рывком встала. Обычного в таких случаях головокружения не было. Не веря в свою взявшуюся невесть откуда силу, она, торопясь и забыв от волнения надеть на себя халат, мелкими, торопливыми шажками, как можно быстрее, преодолела пространство, отделявшее ее от письменного стола, и рухнула в кресло.

Наверное, она должна была бы кого-то позвать, что она и собиралась сначала сделать. Но лежащая перед ней стопка белой чистой бумаги буквально ее ослепила — вывела опять из душевного равновесия. Вместе с тем она знала, что стоит ей слегка прикоснуться пером к листку бумаги, как тут же вновь она обретет покой и мудрость. Выберется из темноты. Соединится со своими махатмами, увидит на расстоянии их добрые участливые лица, их васильковые глаза, в которых — необыкновенная живость, вечное лето и тайна звезд.

Улыбаясь, она обмакнула перо в чернильницу и уже собиралась вывести первые буквы, как вдруг ее внимание отвлекло маленькое живое существо, появившееся на столе, — паучок-крестовик. «Давно на моем столе не убирали», — рассеянно подумала она, продолжая машинально смотреть за движениями паучка, наблюдая за его обособленной от нее жизнью. Она невольно задумалась, не знак ли это свыше, не намек ли на что-то важное, что она могла не углядеть, недопонять в лихорадочном хаосе последних дней — ведь сама ее жизнь висела на волоске.

Она с умилением взглянула на изображение своего Учителя — махатмы Мории. Его портрет стоял на мольберте в глубине комнаты и был, как всегда, убран белыми цветами: розами, жасмином и лилиями.

Она костяным ножичком для разрезания бумаг осторожно перевернула паучка. На верхней стороне темно-бурого брюшка ярко выделялись светлые пятнышки в виде креста. Такие же пятна были прихотливо разбрызганы и в других местах его крошечного тельца. Она удивилась появлению паучка на письменном столе.

Как она знала, паук-крестовик — житель сырых мест. Он обычно селится около болот, вблизи озер и рек — там, где есть для него обильная пища: мухи и комары. Она вдруг ясно увидела, что паучок соткал паутину в виде колеса в пустой цветочной вазе, стоявшей на столе. Из кармических нитей ушедших жизней, заключила она, сооружает он колесо дхармы, вечного закона жизни.

Неясные странствия паучка по столу не прекращались. Он то подползал к его краешку и замирал у самого обрыва, то совершал паломничество к подножию китайской нефритовой вазы. Ей почудилось, что он нарочно кривляется перед ней, рисуется, как дурно воспитанный гимназист. Вообще его поползновения на владения столом были и смешны, и весьма неприятны. Она почувствовала к паучку антипатию. Он показался противным и опасным, словно был лазутчиком враждебного, непонятного ей мира и плел не паутину, а козни против нее. К тому же паук имел какое-то странное свойство с течением времени представляться все более и более плотоядным и агрессивным. Она безошибочно определила, что у него волчьи аппетиты, и от этого открытия ей стало не по себе. Пристальнее вглядевшись в паука, она обнаружила у него крошечное черное личико. Высохшее, обиженное и опрокинутое, с запавшими глазами, как у больного ребенка. Шестым чувством, атрофированным у большинства людей, она поняла, что паук очень похож, какой бы кощунственной и безумной выдумкой это ни показалось, на худосочного, с белесыми ресничками Юру, которого она любила больше жизни и который умер в пять лет.

Ей стало нехорошо. Она попыталась было преодолеть в себе это наваждение, но оно только усугубилось, что-то кольнуло ее в сердце, и она уже смотрела на паучка с несказанной жалостью и состраданием — вся боль мира отражалась в ее материнском взгляде.

Ясное сознание того, что она в состоянии помочь обойденной душе несправедливо отнятого у нее ребенка, было настолько всепроникающим, что она, продолжая окаменевшим взглядом смотреть на паука, сконцентрировала в себе всё оставшееся в ней тепло, всю волю и жизненную энергию, всю веру в возможность чуда с единственной надеждой — вернуть Юре человеческое обличье. Как будто предчувствуя, что уже стоит у провала в никуда, она напряглась из последних сил и выжала из почти переставшего биться сердца каплю великой вины к своему мальчику.

В то мгновение, когда она поняла, что ее жертва не напрасна и цель достигнута, она попыталась навсегда успокоиться в вечном

Духе. Случилось это 8 мая 1891 года.

В сумасбродстве гордыни испытала она неизбывное одиночество и теперь с трудом обращалась, как бы умоляя простить себя за глупость, неповоротливость, замешательство к Тому, Кого при жизни поносила почем зря и Кто стал в конце концов ее единственной надеждой и опорой. На сей раз речь шла не о махатме Мории, а о Том, кто совершает настоящие чудеса во имя людского блага. Приобщаясь к Единородному и Всеблагому, она ощутила в самой себе творение Божие. Теперь ей предстояло обрести новую жизнь и новое мужество.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А. М. Фадеев, дед Е. П. Блаватской с материнской стороны

Е. П. Фадеева, бабушка Е. П. Блаватской с материнской стороны

Е. А. Ган, мать Е. П. Блаватской

Н. А. Фадеева, тетя Е. П. Блаватской

Е. П. Блаватская в молодости

В. П. Желиховская, сестра Е. П. Блаватской

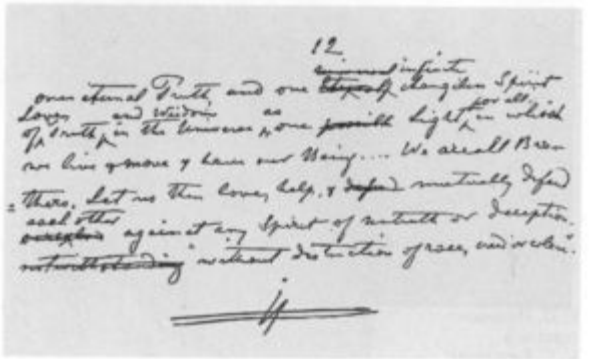
Екатеринослав. С литографии первой половины XIX в.

С. С. Киселева (урожденная С. С. Потоцкая). Рисунок А. С. Пушкина

С. С. Потоцкая (графиня С. С. Киселева)

Лицевая и оборотная стороны конверта письма Е. П.

Блаватской А. М. Дондукову-Корсакову

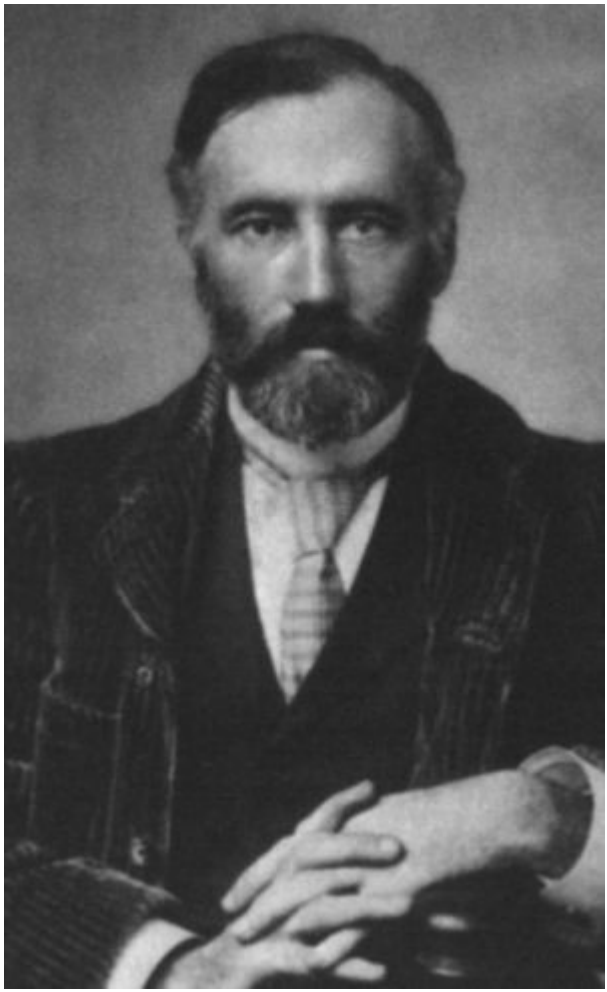


Фрагмент рукописи Е. П. Блаватской

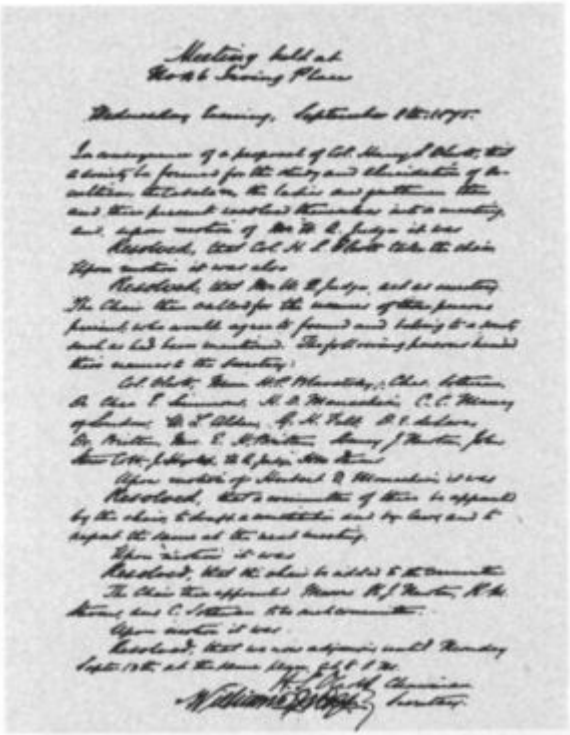
Генри С. Олкотт

Усадьба Эдди (Читтенден, Вермонт, США), где состоялась первая встреча Е. П. Блаватской и полковника Генри С. Олкотта

На втором этаже этого дома жила и работала Е. П. Блаватская. Нью-Йорк, Вестсайд, 47-я стрит, 302



Уильям К. Джадж



Meeting held at
No 46 Irving Place

Wednesday Evening, September 8th 1875.

In accordance of a proposal of Col. Henry S. Olcott, that a society be formed for the study and elucidation of the sublime Occultism, the ladies and gentlemen then and there present resolved themselves into a meeting, and upon motion of Mr. W. Q. Judge it was

Resolved, that Col. H. S. Olcott take the chair.

Upon motion it was also

Resolved, that Mr. W. Q. Judge, act as secretary.

The Chair then called for the names of those persons present who would agree to form and belong to a society such as has been mentioned. The following persons handed their names to the secretary:

Col. Olcott, Hon. M. P. Wetherbee, Chas. Sotheran, R. Clay Thompson, M. A. Wetherbee, C. C. Massey of London, Dr. J. Gibbons, Geo. H. Felt, D. J. Andrews, Dr. Britten, Hon. E. A. Brayton, Henry J. Newton, John Cobb, Jr., Joseph H. Q. Judge, Miss Bates.

Upon motion of Herbert Q. Wetherbee it was

Resolved, that a committee of three be appointed by the chair to draft a constitution and by laws and to report the same at the next meeting.

Upon motion it was

Resolved, that the chair be added to the committee.

The Chair then appointed Messrs. H. J. Newton, M. A. Wetherbee and C. Sotheran to the said committee.

Upon motion it was

Resolved, that we now adjourn until Monday Sept. 13th at the same place, 8 P. M.

H. S. Olcott, Chairman
William Q. Judge, Secretary.

Протокол учредительного собрания Теософического общества. Нью-Йорк, 8 сентября 1875 г.

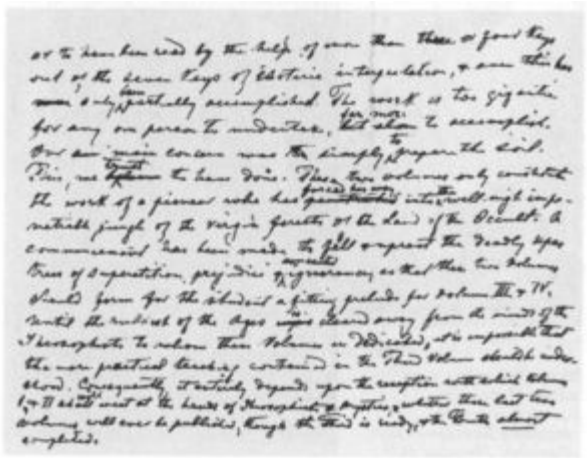
Е. П. Блаватская. Цейлон, 1880 г.

Карикатуры пером на игральных картах, выполненные Е. П. Блаватской

Генерал Э. Даблдей

Мотт-Мемориал-холл в Нью-Йорке, где состоялось первое заседание Теософического общества. 17 ноября 1875 г.

Карикатура на Генри С. Олкотта. Рисунок пером Е. П. Блаватской



Фрагмент рукописи «Тайной доктрины» Е. П. Блаватской

Е. П. Блаватская

Личный герб Е. П. Блаватской, созданный ею самой

Оттиск перстня-печати, постоянно носимого Е. П. Блаватской

Портрет Махатмы Мории

Джон Кинг и «феноменально» проявленный автопортрет в декоративном обрамлении Е. П. Блаватской

Елена Петровна Блаватская

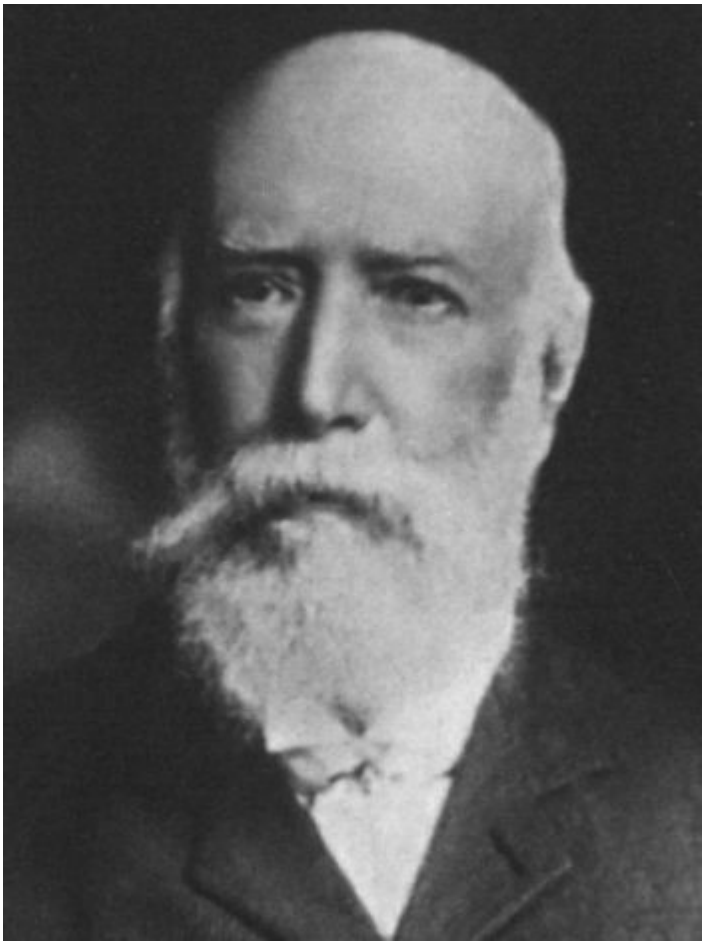
Е. П. Блаватская в последние годы жизни в Лондоне

Адьяр, Центральная резиденция Теософического общества. 1887г.

Члены Теософического общества. Адьяр, Мадрас, 17—19 декабря 1884 г.

Мохини Чаттерджи. 1884 г.

Дамодар К. Маваланкар



Альфред П. Синнетт

Пейшенс Синнетт, жена Альфреда П. Синнетта

«Воронье гнездо», Бомбей. Первая штаб-квартира Теософического общества в Индии

Лондон, Ленсдаун-роуд, 17. Здесь до 1890 года жила Е. П. Блаватская и размещалась штаб-квартира Британского отделения Теософического общества

Бертрам Кейтли

Арчибальд Кейтли

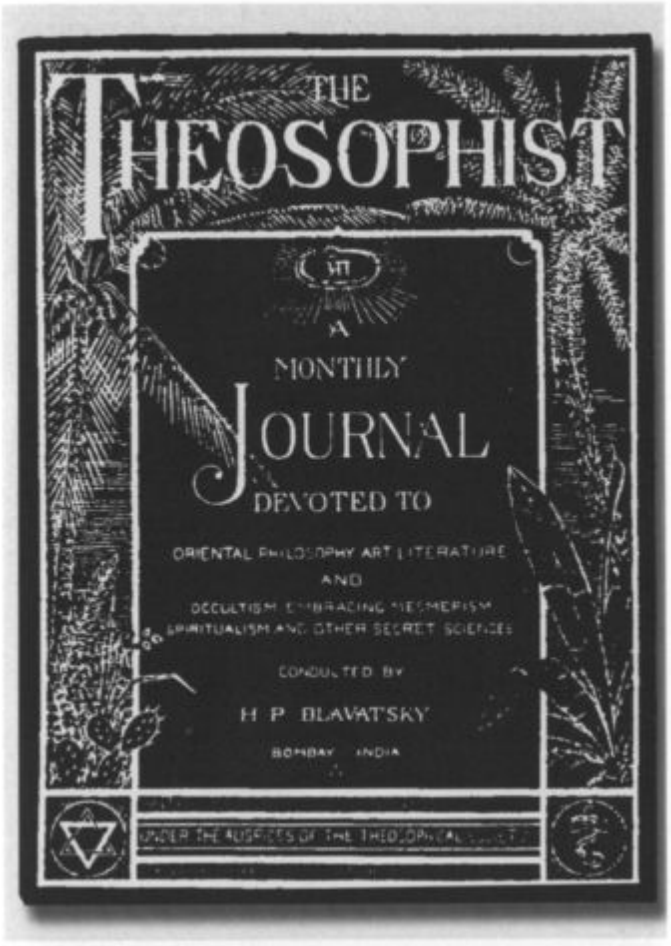
Мэри Гербхард

Анни Безант

Изабель Купер-Оукли. 1884 г.

Графиня К. Вахмейстер

Е. П. Блаватская в«Мейкотте» в Аппер-Норвуд. Лондон, 1887г.

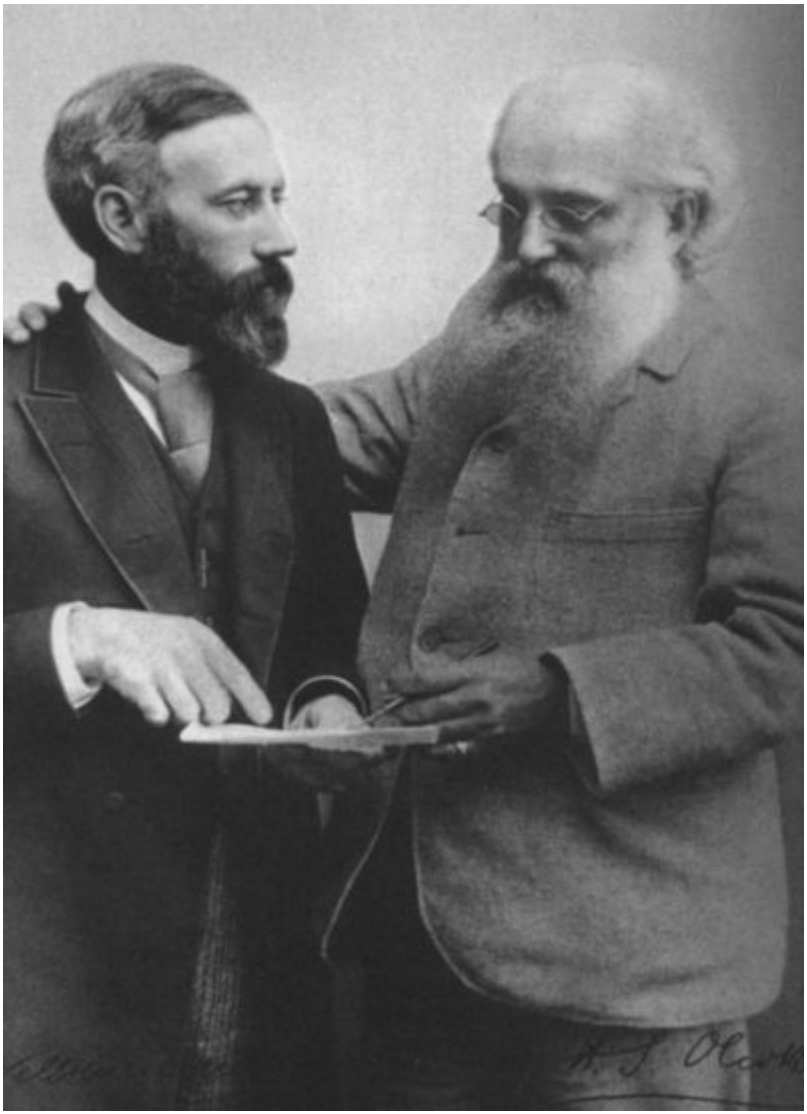


Обложка журнала «Теософист». Октябрь 1878 г.

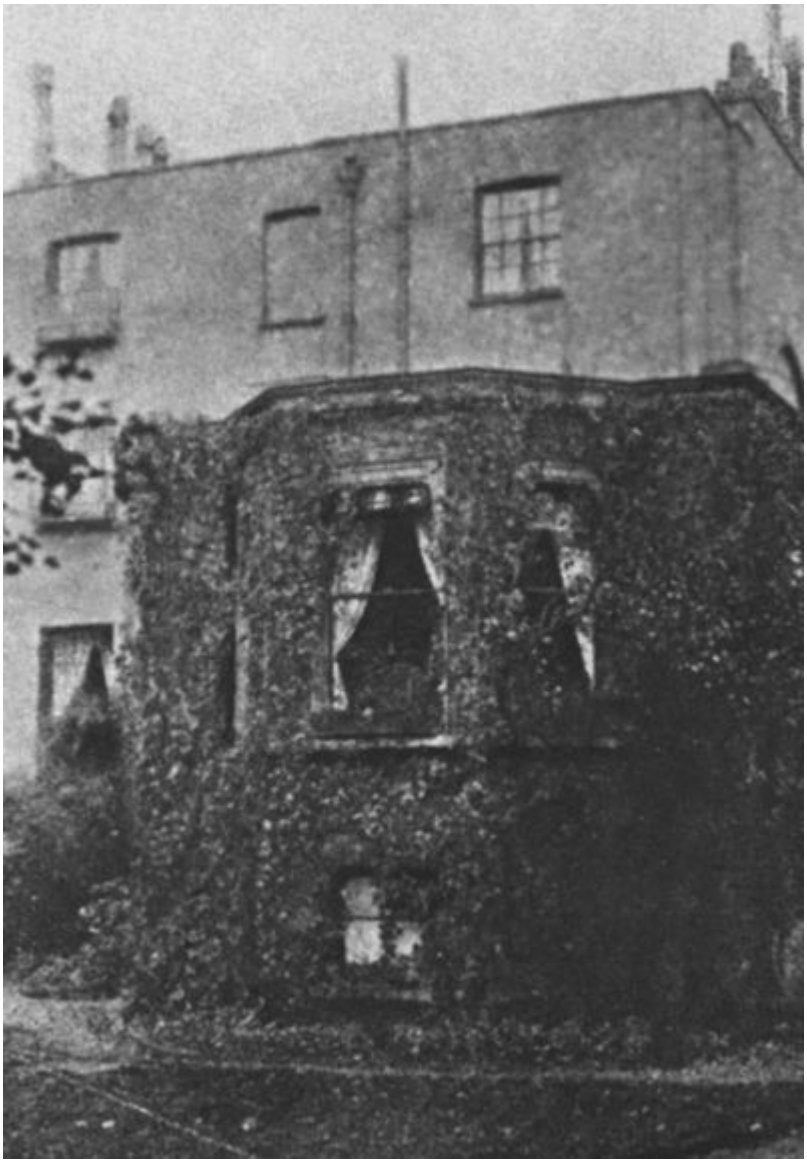
Рисунок для обложки журнала «Люцифер»

Анна Бонус Кингсфорд

Е. П. Блаватская с Генри С. Олкоттом в Адьяре



Уильям К. Джадж и Генри С. Олкотт. Сан-Франциско, октябрь 1891 г.



Лондон, Авеню-роуд, 19. В этом доме Е. П. Блаватская провела последний год жизни с июля 1890-го по 8 мая 1891 года

Е. П. Блаватская. «Сфинкс». 1889 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Е. П. БЛАВАТСКОЙ

1831, в ночь на 12 августа (на 31 июля ст. ст.) — в городе Екатеринославе в семье Петра Алексеевича Гана, капитана конной артиллерийской батареи, и его жены Елены Андреевны (урожденной Фадеевой) родилась дочь Елена.

1835, 29 апреля (17 апреля ст. ст.) — рождение сестры Веры.

1831–1836 — жизнь между селами и городами Малороссии, где была расквартирована конная артиллерийская батарея отца П. А. Гана, и Одессой и Астраханью, где служил дед А. М. Фадеев.

1836, весна — **1839**, май — перевод отца П. А. Гана в Петербург. Жизнь в столице. Обучение грамоте и игре на фортепьяно.

1837, май — отъезд с матерью и сестрой в Астрахань по месту службы деда А. М. Фадеева. Первое соприкосновение Елены с буддийским миром. Июнь — август — в связи с болезнью матери проводит лето на минеральных водах в Пятигорске.

1838, сентябрь — возвращение к деду в Астрахань.

Конец сентября — 1839 — появление в семье воспитательницы и подруги матери Антонии Кюльвейн, с которой Елена занимается танцами и французским языком.

1839, весна — в связи с болезнью матери, которой необходимо лечение минеральной водой, переезжает в Одессу. Занятия английским языком с мисс Августой Софией Джефферс из Йоркшира.

Июнь — август — жизнь в летнем военном лагере вместе с отцом, матерью и сестрой в городе Умань Киевской губернии.

Сентябрь — ноябрь — жизнь в городе Гадяч Полтавской губернии, где была расквартирована конная артиллерийская батарея П. А. Гана. Декабрь — назначение деда А. М. Фадеева гражданским губернатором Саратовской губернии. Переезд в Саратов вместе с матерью и сестрой.

Декабрь — 1841, весна — жизнь в губернаторском доме деда в Саратове и в его загородных домах за Волгой.

1840, июнь — рождение брата Леонида.

1841, весна — переезд из Саратова в село Опошня, неподалеку от Диканьки. Занятия немецким языком с Антонией Кюльвейн.

Осень — 1842, март — жизнь в Харькове, в котором проходит лечение матери.

1842, март — переезд из Харькова в Одессу.

6 июля (24 июня ст. ст.) — смерть матери.

Июль — путешествие из Одессы в Саратов. Посещение калмыцкого улуса и встреча с князем Сербеджаб-Тюменем.

Август — 1847, май — жизнь в Саратове. Продолжение занятий английским, французским и немецким языками с Антонией Кюльвейн, мадам Пеккер и Елизаветой Стюарт.

Венчание тети Екатерины Андреевны Фадеевой с Юлием Федоровичем Витте, агрономом, управляющим хозяйственной фермой ведомства государственных имуществ.

1844 — поездка с дядей Ростиславом Андреевичем Фадеевым в киргизскую орду к князю Джангиру.

1846, май — временная отставка деда А. М. Фадеева. Получение А. М. Фадеевым новой должности в совете главного управления Закавказского края. Отъезд деда А. М. Фадеева, бабушки Е. П. Фадеевой и тети Надежды Андреевны Фадеевой из Саратова в Тифлис.

Елена, ее сестра Вера и брат Леонид остаются на попечении тети Е. А. Витте (урожденной Фадеевой). Переезд из Саратова на ферму за Волгой.

1847, май — путешествие по Волге, Каспийскому морю и прикаспийским степям от Саратова до Тифлиса. Отдых в Шемахе.

Июль — прибытие в Тифлис.

1847–1849 — жизнь в Тифлисе. Первый большой предновогодний бал у князя М. С. Воронцова. Встреча и платонический роман с князем Александром Владимировичем Голицыным. Помолвка с Никифором Васильевичем Блаватским.

1849, 7 июля — венчание с Н. В. Блаватским в селении Джелал-Оглы. Сентябрь — возвращение в Тифлис.

27 ноября — церемония официального вступления Н. В. Блаватского в должность эриванского вице-губернатора. Отсутствие Елены Петровны Блаватской на этой церемонии.

1850 — встреча с князем Эмилием Витгенштейном. Отъезд из России в Константинополь.

Апрель — смерть Антонии Кюльвейн, воспитательницы сестер Ган. 1850–1851 — путешествие с графиней Софией Станиславовной Киселевой по Ближнему Востоку и Западной Европе. Знакомство с коптом Паулосом Ментамоном, американским художником Альбертом Роусоном и певцом Агарди Митровичем. Инициация в секте друзов с Ливанской горы.

1851, март — сентябрь — на попечении княгини Багратион-Мухранской. Проживание в Париже, затем в Лондоне. Открытие Первой всемирной промышленной выставки в Лондоне. Попытка самоубийства. Первая встреча с Учителем из снов.

Вторая половина — 1858— годы жизни Е. П. Блаватской, о

которых определенно ничего не известно. Предположительно: фортепьянные концерты в Лондоне и Париже. Работа капельмейстером хора, который содержал при себе сербский король Милан. Сопровождение Агарди Митровича в его гастролях по Западной и Восточной Европе.

1858 — проживание в Париже. Сотрудничество с Даниелом Дангласом Юмом, знаменитым спиритом.

Декабрь — возвращение в Россию. Встреча с отцом, сестрой и братом в Пскове. Спиритические сеансы в семейном кругу.

1859 — жизнь в Петербурге и в имении сестры Веры Петровны в Ругодеве (Новоржевского уезда).

1860, 24 августа (12 августа ст. ст.) — смерть бабушки Елены Павловны Фадеевой в Тифлисе.

Приезд летом в Тифлис к деду А. М. Фадееву.

1861 — встреча с бароном Николаем Мейендорфом. Жизнь в Мингрелии.

1862, 5 сентября (23 августа ст. ст.) — рождение сына Юрия.

1863, зима — 1864 — жизнь с сыном в Псковской губернии.

1864–1867 — сопровождение вместе с сыном Юрием Агарди Митровича в его гастролях по Италии, Австро-Венгрии и Восточной Европе.

1867 — смерть Юрия.

9 сентября (28 августа ст. ст.) — смерть деда Андрея Михайловича Фадеева в местечке Манглис под Тифлисом.

Смерть Юлия Федоровича Витте. Переезд семьи Ю. М. Витте и тети Н. А. Фадеевой в Одессу.

1867–1868 — жизнь в Киеве, где проходили гастроли Агарди Митровича.

1869–1871, лето — переезд с Агарди Митровичем в Одессу.

1871 — смерть Агарди Митровича в Рамлехе.

Октябрь — 1872, апрель — после похорон Агарди Митровича из Александрии переезжает в Каир. Жизнь в Каире. Совместная спиритуалистическая деятельность с Паулосом Ментамоном и Луи Бимштайном. Неудачная попытка создания оккультного общества в Каире.

1872, апрель — возвращение в Россию, жизнь в Одессе.

26 декабря — письмо начальнику жандармского управления города Одессы Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.

1873, март — апрель — после непродолжительного путешествия по Восточной Европе прибывает в Париж.

Май — июнь — жизнь в Париже.

Июнь — отплытие из Гавра в Нью-Йорк.

1873–1878 — жизнь в США.

1874, октябрь — приезд в деревню Читтенден (штат Вермонт). Знакомство с полковником Генри Стилом Олкоттом. Начало сотрудничества.

1875, 3 апреля — венчание с выходцем из Грузии Михаилом Бетанели.

27 июля (15 ст. ст.) — смерть отца Петра Алексеевича Гана в Ставрополе.

8 сентября — учреждение «Клуба чудес».

17 ноября — торжественное открытие Теософического общества, основанного вместе с Генри С. Олкоттом.

1875–1877 — работа над книгой «Изида без покрова. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии». Переписка с бомбейским отделением «Арья Самадж», представляющим движение за возрождение ведической культуры.

1877, сентябрь — выход в свет книги «Изида без покрова. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии».

24 ноября — принятие в Лондонскую масонскую ложу по обряду усыновления и с присуждением 33-й масонской степени.

1878, май — развод с Михаилом Бетанели.

8 июля — получение американского гражданства.

17 декабря — отплывает в Индию с Генри С. Олкоттом, Эдвардом Уимбриджем и Розой Бейтс.

1879, январь — короткая остановка в Англии по пути в Индию. Работа в библиотеке Британского музея.

16 февраля — прибытие в Бомбей.

Октябрь — выход первого номера журнала «Теософист».

1880, март — приезд в Бомбей Эммы Куломб с мужем Алексисом.

Поездка с Генри С. Олкоттом на Цейлон. Принятие десяти главных заповедей Будды.

1880–1884 — постоянные поездки по Индии.

1880, январь — начало публикаций путевых очерков «Из пещер и дебрей Индостана» под псевдонимом Радда-Бай в журнале «Русский вестник».

1882, 19 декабря — штаб-квартира Теософического общества переносится в Адьяр — район Мадраса.

1884, 20 февраля — в сопровождении Олкотта и сотрудников-индийцев отплывает в Марсель.

12 марта — прибытие в Марсель.

Март — начало апреля — пребывание в Ницце, Париже. Начало работы над «Тайной доктриной».

Май — приезд в Париж тети Н. А. Фадеевой и сестры В. П. Желиховской. Знакомство с Вс. С. Соловьевым.

28 июня — приезд в Лондон на собрание Лондонской ложи

Теософического общества. Скандал в Адьяре, вызванный шантажом Куломбов и первой публикацией дискредитирующих Блаватскую материалов.

Осень — пребывание в Эльберфельде, в гостях у мадам Гебхард. Декабрь — возвращение в Индию, в Адьяр.

1885, февраль — первые признаки тяжелого заболевания.

Март — навсегда покидает Индию на корабле «Тибр», идущем из Бомбея в Неаполь.

Публикация в Лондоне памфлета Эммы Куломб о феноменах, состоящего из писем и записок, написанных или приписываемых Блаватской.

Апрель — июнь — жизнь в уединении в Торедель-Греко, городке неподалеку от Неаполя.

Август — сентябрь — пребывание в Вюрцбурге. Работа над «Тайной доктриной». Общение с Констанцией Вахтмейстер, Вс. С. Соловьевым, Н. А. Фадеевой, Францом Гартманом.

Октябрь — встреча с герцогиней Вахтмейстер.

1886, лето — пребывание в Эльберфельде у супругов Гебхардов (Германия), а затем в Остенде (Бельгия), продолжение работы над «Тайной доктриной». Приезд сестры Веры.

Август — выход в свет книги Синнетта «Случаи из жизни г-жи Блаватской».

Октябрь — объединение двенадцати американских лож в Американский филиал Теософического общества под началом Уильяма К. Джаджа.

1887, май — переезд из Остенде в Лондон. Создание ложи Блаватской.

Сентябрь — выход в свет первого номера журнала «Люцифер».

1888, осень — выход в свет двух частей «Тайной доктрины» — «Космогенезис» и «Антропогенезис».

1889 — выход в свет «Ключа к теософии» и «Голоса молчания».

1890, июль — переезд из лондонской квартиры на Лэнсдаун-роуд в дом 19 по авеню Роуд, который становится штаб-квартирой Теософического общества в Лондоне. Назначение Британским филиалом Теософического общества президентом над европейскими ложами. Наложение вето на это решение Генри С. Олкоттом.

1891, 8 мая (26 апреля ст. ст.) — кончина Е. П. Блаватской.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии / Пер. с англ. В 2 т. М., 1994.

Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Синтез религии, науки и теософии. В 2 т. Рига, 1937.

Блаватская Елена. Заколдованная жизнь.(Рассказанная гусиным пером). Повесть-сказка. Д., 1991.

Блаватская Е. П. Ключ к теософии / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1993.

Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1994.

Блаватская Е. П. Загадочные племена на «Голубых горах». М., 1994.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995.

Блаватская Е. П. Теософский словарь. 2-е изд., испр. М., 1994.

Кармические видения. Мистическая проза Е. П. Блаватской, У. К. Джаджа и М. Коллинз. М., 1995.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е. П. В поисках оккультизма. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е. П. Терра инкогнита. Сборник / Пер. с англ. М, 1996.

Блаватская Е. П. Смерть и бессмертие. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Блаватская Е. П. Письма Синнетту. М., 1997.

Блаватская Е. П. Гималайские Братья. Сборник / Пер. с англ. М., 1998.

Блаватская Е. П. Эликсир жизни. Сборник / Пер. с англ. М., 1998.

Блаватская Е. П. Наука жизни. Сборник / Пер. с англ. М., 1999.

Блаватская Е. П. Что есть Истина? Сборник / Пер. с англ. М., 1999.

Блаватская Е. П. Космический разум. Сборник / Пер. сангл. М., 2001.

Блаватская Е. П. Голос Безмолвия. М., 2001.

Блаватская Е. П. Жемчужины Востока. Годичный круг ежедневной медитации / Пер. с англ. М., 2001.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. Сборник / Пер. с англ. М., 2002.

Аксаков А. Анимизм и спиритизм. М., 2001.

Богданович О. Блаватская и Одесса. Одесса, 1998.

Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке. М., 1998.

Вигасин А. А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

col1_3 П. Блаватская и современный жрец истины. Ответ г-жи Игрек (В. П. Желиховская) г-ну Всеволоду Соловьеву. СПб., 1893.

Елена Петровна Блаватская. Биографические сведения. Сочинения, вышедшие в Англии. Репринт. Харьков, 1991.

Кураев А. В. Сатанизм для интеллигенции. Рерихи и православие. М., 2007.

Колдуэлл Д. Оккультный мир Е. П. Блаватской. Сборник / Пер. с англ. М., 1996.

Кравченко В. В. Мистицизм в русской философской мысли XIX — начала XX века. М., 1997.

col1_1Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. 2-е изд. Рига; М., 1999.

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. 2-е изд. Челябинск, 2002.

Нэф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. М., 1993.

Письма махатм. Самара, 1993.

Попов Д. Н. Возрождение теософии в России // Наука и религия. М.,

1991. № 9.

Попов Д. Н. Старцы российского богомудрия // Аватара. (Альманах Общества культурных связей с Индией). М., 1996.

Синнетт А. П. Оккультный мир / Пер. с англ. М., 2000.

Синтез науки, религии и философии (О творчестве Е. П. Блаватской). М., 1994.

Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е. П. Блаватской и «теософическим обществом». М., 1994.

Соловьев Вс. Волхвы. М., 1991.

Соловьев Вс. Великий розенкрейцер. М., 1991.

Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006.

Фадеева Т. М. Две Софии и Пушкин. Симферополь, 2008.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007.

Barborka Geoffrey A. H.P.Blavatsky, Tibet and Tulku. Third Reprint. Adyar, 1986.

Barborka Geoffrey A. The Mahatmas and Their Letters. Adyar, 1973.

Besant Annie. An autobiography. Репринт, воислроизв. 1-го изд.

Adyar, 1995.

H.P.B.: In Memory of Helena Petrovna Blavatsky, by Some of Her Pupils. Photo-Offset Reprint. Bombay, 1991.

H.P.B. teaches. An anthology. Compiled by Michael Gomes. Adyar, 1992. Coulomb E. Some Account of My Intercourse with Madame Blavatsky from 1872 to 1884; with a N umber of Additional Letters and a Full Explanation of the Most Marvellous Theosophical Phenomena. L., 1885.

Fuller J. O. Blavatsky and Her Teachers: An Investigative Biography. L., 1988.

Hanson V. Masters and Men: The Human Story in the Mahatmas Letters. Adyar, 1980.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980.

Olcott H. S. Old Diary Leaves. L., Madras, 1900–1935.

Ransom Josephine, (сост.) A Short History of the Theosophical Society: 1875–1937. Репринт, воспроизв. 1-го изд. Adyar, 1989.

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky: Compiled from Information Supplied by Her Relatives and Friends. Репринт, воспроизв. 1-го изд. NY., 1976.

Wachtmeister C. et. al. Reminiscences of H.P. Blavatsky and «The Secret Doctrine». 2-е изд. Wheaton, 1989.

Wadia B. P. Studies in «The Secret Doctrine»: В 2 т. Bombay, 1976.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не могла состояться безучастия Зинаиды Сенкевич, которая проводила многие часы в московских библиотеках и архивах, чтобы выявить необходимые для автора даты и документы. Моя ей глубокая благодарность за самоотверженный труд и благородное подвижничество. Выражаю искреннюю признательность за помощь в работе над этой книгой Е. С. Амбрейту, В. Я. Белокреницкому и Б. А. Захарьину, А. В. Бессоновой, Л. А. Белой, С. И. Бэлзе, а также А. Б. Вайнштейну, Л. Б. Воронину, В. Н. Зайцеву, О. А. Евдокименко, В. Е. Никифорову, пандиту Раджешвару Паллу, В. А. Росову и С. Д. Серебряному, Е. М. Трубиловой, временному поверенному в делах России в Индии А. А. Сорокину, А. М. Ушакову, советнику по культуре посольства РФ в Индии Д. Е. Челышеву и его жене И. П. Челышевой. Особая благодарность старшему научному сотруднику Государственного музея Востока Д. Н. Попову за предоставленные фотоматериалы. Не могу также не отметить добрым словом Андрея Викторовича Крючкова и Соню Кольпар, ответственного сотрудника парижского «Дома наук о человеке», которые на протяжении многих лет оказывают помощь в моих научных разысканиях.

notes

Примечания

1

Монтень М. Опыты. Кн. 3. М.; Л., 1960. С. 35.

2

Крэнстон С. Е.П.Блаватская. Жизнь и творчество основательницы теософского движения. 2-е изд., доп. Рига; М., 1999. С. 551–586.

З

Богданович О. Блаватская и Одесса. Одесские годы Елены Петровны Блаватской и членов ее семьи. Одесса, 1998.

Краченко В. В. Мистицизм в русской философской мысли XIX — начала XX века. М., 1997.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. New York, 1980.

7

Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы теософского движения. 2-е изд., доп. Рига; М., 1999.

8

Литературное обозрение. 1988. № 8. С. 110–112.

9

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 251.

10

Там же. С. 248.

11

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. Челябинск, 2004. С. 10.

Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. М., 1994.

13

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 4–20.

Ефремов И. А. Час быка. М., 1988. С. 83.

15

Писарева Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 173.

16

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 20–21.

17

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842: Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8. С. 337–338.

Фадеева Н. А. Заметки о родословии князей Долгоруковых // Русский архив. 1866. № 8. С. 1340–1343.

19

Писарева Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 173.

20

А-ов Вик. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): Предисловие // Ган Е. А. (Зенеида Р-ва). Полное собрание сочинений. СПб., 1905. С. III.

21

Желиховская В. П. Как я была маленькой. СПб., 1908. С. 4–186.

Там же. С. 201.

Оккультный мир Блаватской. М., 1966. С. 27–28.

24

Желиховская В. П. Как я была маленькой. 6-е изд. СПб., 1908. С. 212.

Фадеева Н. А. Заметки о родословии князей Долгоруковых // Русский архив. 1866. С. 1347.

26

Желиховская В. П. Как я была маленькой. 6-е изд. СПб., 1908. С. 207.

Sinnet A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky: Compiled from Information Supplied by Her Raliteves and Friends. L., 1913. P. 18–19.

28

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. Челябинск, 2004. С. 26.

29

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 5.

Там же. С. 5.

31

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842: Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8. С. 338.

32

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 23.

33

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842: Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8. С. 338.

34

Жениховская В. П. Как я была маленькой. 6-е изд. СПб., 1908. С. 142.

35

Ган Е. А. Идеал. — В кн.: Русская романтическая повесть. М., 1992. С. 215.

36

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 110.

Фадеева Н. А. По поводу статьи «Роман одной забытой романистки» // Исторический вестник. 1886. Ноябрь. С. 461.

Богданович О. Блаватская и Одесса. Одесские годы Елены Петровны Блаватской и членов ее семьи. Одесса, 1998. С. 19.

39

Ган Е. А. Суд света. — В кн.: Русская светская повесть первой половины XIX века. М., 1990. С. 261.

Там же. С. 263.

41

Материалы по истории русской культуры. Русская женщина 30-х годов // Русская мысль. М., 1911. Декабрь. С. 62.

Там же. С. 62.

43

Письмо Н. А. Фадеевой // Исторический вестник. 1886. № 11. С. 461–462.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 273.

Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 744.

Фадеева Н. А. Заметки о родословии князей Долгоруковых // Русский архив. 1866. № 8–9. С. 1344.

47

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 12.

Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 750–751.

49

Цит. по: Предисловие М. Гершензона к «Материалам по истории русской культуры. Русская женщина 30-х годов»// Русская мысль. М., 1911. Декабрь. С. 58.

Там же. С. 67, 71.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1955. С. 632, 658, 667.

Ган Е. А. Суд света. — В кн.: Русская светская повесть первой половины XIX века. М., 1990. С. 253.

Лаврентьева Е. Любовный лексиконъ девятнадцатого века. М., 2008. С. 250.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений. В 12 т.: Т. 4. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980. С. 476.

55

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842: Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8. С. 335–354; № 9. С. 553–574.

56

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 5.

Желиховская В. П. Как я была маленькой. 6-е изд. СПб., 1908. С. 226.

Желиховская В. П. Елена Петровна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 734.

59

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 170.

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842: Биографический очерк// Русская старина. 1886. № 9. С. 573.

61

Желиховская В. П. Как я была маленькой. СПб., 1908. С. 241–256; Желиховская В. П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 753–754.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 305.

Там же. С. 6.

Там же. С. 13.

Там же. С. 10.

Там же. С. 49.

Там же. С. 84–85.

Там же. С. 192–193.

Оккультный мир Блаватской. М., 1996. С. 28–29.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 196–197.

Там же. С. 197.

Желиховская В. П. Как я была маленькой. СПб., 1908. С. 14–15.

Там же. С. 73.

Там же. С. 106–109.

Желиховская В. П. Как я была маленькой. СПб., 1908. С. 140.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 194.

Там же. С. 187.

Писарева Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 174.

Ган Е. А. Идеал //Русская романтическая повесть. М., 1992. С. 251.

Желиховская В. П. Елена Петровна Блаватская: Биографический очерк // Русское обозрение. М., 1891. № 11. Ноябрь. С. 246.

81

Писарева Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 175–176.

Olcott H. S. Old Diary Leaves. Adyar. 1974.

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky. Репринт 1-го изд. NY., 1976.

Желиховская В. П. Как я была маленькой. СПб., 1908. С. 97.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 162.

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky. Репринт 1-го изд. NY., 1976. P. 30–31.

Ibid. P. 42–43.

Ibid.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 89.

Там же. С. 57.

Olcott H. S. Old Diary Leaves. Adyar. 1974. P. 46–47.

Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 156.

Там же. С. 156.

Там же. С. 169–170.

Там же. С. 170.

Там же. С. 165.

Цит. по: Писарева Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 169–170.

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky. N.Y., 1976. R 47–48.

99

Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1994. С. 477.

100

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 220–221.

101

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 167–168.

Фадеева Н. А. Воспоминания о Ростиславе Фадееве // Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 1.4. 1. СПб., 1890. С. 13.

103

Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 38.

104

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842: Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8. С. 341.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 124.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 21.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 114.

Там же. С. 184.

109

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 195.

Там же. С. 195.

111

Там же. С. 199.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 236–250.

113

Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1890. С. 13–14.

114

Кишмишев А. Тифлис. Личные воспоминания (за время управления Кавказом кн. Воронцовым). Тифлис, 1909. С. 3–4; Бакрадзе Д., Берзенов Н. Тифлис в историческом и этнографическом отношениях. СПб., 1870. С. 122–129.

115

Сишмитов С. О. Тифлис 40-х годов. Тифлис, 1894. С. 2.

Там же. С. 3.

117

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 262–263.

118

История Лигурии, со всеми достопамятными происшествиями, тамо бывшими / Пер. с фр. М., 1781. С. 199.

119

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 271–272.

120

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 78.

121

Писарева. Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 174.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 271–272.

123

Там же. С. 279.

124

Нэф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. М., 1993. С. 22.

125

Там же. С. 23.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 271.

127

Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине. М., 1925. С. 121.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 272.

129

Там же. С. 273.

Там же. С. 274.

131

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 226.

New York Daily Grafic. 1874. November.

133

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 52.

Ibid. P. 52.

135

Гербачевский. И. А. Кое-что о секте теософов // Балтийский альманах. 1928. С. 64–65.

136

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 250.

Западов В. А. К истории правительственных преследований Н. И. Новикова// Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 37–48.

138

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева: 1790–1867 гг. В 2 ч.: Ч. 1. Одесса, 1897. С. 70–71.

139

Бакунина Т. А. Русские вольные каменщики. Париж, 1934. С. 10.

New Catholic Encyclopedia. New York, 1967–1979. Vol. 6. P. 132–139.

141

Бакунина Т. А. Русские вольные каменщики. Париж, 1934. С. 25–29.

142

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 250.

143

Там же. С. 239–240.

Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., б.г. С. 302, 319.

145

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky: Compiled from Information Supplied by Her Relatives and Friends. NY., 1886. P. 54–55.

146

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 250.

147

Цит. по: Нэф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. М., 1993. С. 28.

Писарева Е. Ф. Елена Петровна Блаватская. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 181.

149

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 250.

150

Там же. С. 288.

151

Там же. С. 250.

152

Воспоминания князя Эмилия Витгенштейна // Русская старина. 1990. Т. XXXI. Март. С. 661–662.

153

Там же. С. 662–663.

Там же. С. 681.

155

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 251.

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky: Compiled from Information Supplied by Her Relatives and Friends. L., 1913. P. 42.

157

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 15.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 62.

159

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 314–315.

160

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 288.

161

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 252.

162

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 375.

163

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 15.

Заболоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 325–327.

165

Смирнова А. О. Записки, дневники, воспоминания, письма. М., 1929. С. 263.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 306.

167

Там же. С. 301.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 64.

Ibid. P. 65.

Ibid.

171

Ibid.

Ibid. P. 64.

173

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 171–172.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 300.

175

Там же. С. 300.

176

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 251–252.

177

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 67.

Ibid. P. 67.

179

Ibid.

Ibid. P. 71.

181

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 202–203.

Gauld A. The Founders of Psychical Reseach. New York. 1968. P. 67.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 68.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 301.

185

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 220–221.

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. Челябинск, 2004. С. 50–52.

Hughes T. P. Dictionary of Islam. Calcutta-Allahabad-Delhi, 1988. P 608–609.

Johnson P. Madame Blavatsky. The «veiled years». London, 1987. P. 3–5.

189

Цит. no: Ryan col1_1 Blavatsky and the Theosophical movement: A Brief Historical Sketch. 2-е изд., испр. и доп. San Diego, 1975. P. 23.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 73.

Ibid. P. 73–74.

192

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М… 1990. С. 179–182.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 74.

Ibid.

195

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 322–323.

Витте С. Ю. Воспоминания. Таллин; М., 1994. С. 15.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 71.

Ibid. P. 75.

199

Цит. по: Нэф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. М., 1993. С. 101–102.

200

Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва): 1814–1842. Биографический очерк //Русская старина. 1886. № 8. С. 339.

201

Ребус. СПб., 1884. Т. 3. № 43. С. 396–398 (I); № 44. С. 405–406; № 45. С. 414–5 (II); № 46. С. 426–428; № 47. С. 436–438; № 48. С. 447–448; 1885. Т. 4. № 4. С. 40–41; № 5. С. 51–52 (III); № 5. С. 59–61 (IV); № 7. С. 70–71; № 8. С. 88–90(V);№ 10. С. 96–97 (VI); № 11. С. 105–107; № 13. С. 124–126 (VII); № 14. С. 139.

Желиховская В. П. Необъяснимое или необъясненное. Из личных и семейных воспоминаний. СПб., 1885.

203

Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky: Compiled from Information Supplied by Her Relatives and Friends. L., 1913. P. 67–70.

Николаев П. С. Воспоминания о князе А. И. Барятинском. СПб., 1885. С. 620–624.

205

Maskelyne J. N. The Fraud of Modem «Theosophy». London, 1913. P. 29.

Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 303–304.

207

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 17.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 86.

Ibid. P. 87.

Murphet H. When Daylight Comes. A Biography of Helena Petrovna Blavatsky. Wheaton, 1975. P. 51.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 88.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 88.

Ibid. P. 89.

Лаврентьева Е. Любовный лексиконъ девятнадцатого века. М., 2008. С. 60.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P 90.

Ibid. P. 90.

Ibid. P. 90–91.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 289.

219

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 263.

Там же. С. 220.

221

Там же. С. 225.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 302.

223

Там же. С. 290.

Там же. С. 307.

225

Olcott H. S. Old Diary Leaves: The True Story of the Theosophical Society. V. I. New York-London, 1895. P. 9.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 17.

Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 1.4. 1. СПб., 1890. С. 43.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 19.

229

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 201.

230

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 295.

231

Там же. С. 310.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 27.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997.

Coulomb. Some Account of my Intercouse with madame Blavatsky from 1872 to 1884; with a N umber of Additional Letters and and a full Explanation of the most Marvellous Theosophical Phenomena. London, 1885. P. 3.

Ibid. P. 3–4.

Peebles J. M. Around the World. Boston, 1875. P. 315.

Богданович О. Блаватская и Одесса. Одесские годы Елены Петровны Блаватской и членов ее семьи. Одесса, 1998. С. 162.

Ахвердян Р. Блаватская и Грузия //Литературная Грузия. 1991. № 6. С. 216.

239

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 413.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 24.

Литературное обозрение. 1988. № 8. С. 110–112.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 96.

Ibid. P. 97.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 27.

245

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. М., 2004. С. 81.

Там же. С. 82.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 27.

Брусилов А. Мои воспоминания. М., 1929. С. 33.

Meade M. Madame Blavatsky: The W>man Behind the Myth. NY., 1980. P. 103–104.

Ibid. P. 102.

251

Ibid.

Ibid. P. 105.

253

Не владеющий рассудком, то есть не в здравом уме (лат.).

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 247.

Там же. С. 243.

Olcott H. S. Old Diary Leaves. V. I. London, 1892. P. 24.

Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм Америке. М., 1998. С. 55.

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 139.

259

Там же. С. 117–118.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 104–105.

Ibid. P. 105.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т. 1. М., 1993. С. 304.

Сучков С. Путешественник в царство духов А. Н. Аксаков // Аксаков Александр. Анимизм и спиритизм. М., 2001. С. 10.

Там же. С. 11.

Там же. С. 13–14.

Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. М., 1994. С. 269–270.

Там же. С. 272–273.

Там же. С. 273.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth NY., 1980. P. 115–116.

Meade M. Madame Blavatsky: The Wsman Behind the Myth. NY., 1980. P. 105–106.

Holt Elizabeth // Theosophist. 1931. December.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY, 1980. P. 106–108.

Ibid. P. 109.

Нэф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. М., 1993. С. 187.

Olcott H. S. Old Diary Leaves. V. I. New York-London, 1895. P. 1–5.

Мэрфи Г. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. Челябинск, 2004. С. 86–87.

277

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 80.

Там же. С. 112.

Блаватская Е. П. В поисках оккультизма. М., 1996.

280

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М.,2002.С. 700–701.

281

Olcott H. S. People from the Other World. Hartford-Connecticut, 1875. P. 298.

Meade M. Madame Blavatsky. The Woman Behind the Myth. NY, 1980. P. 120.

283

Olcott H. S. People from the Other World. Hartford-Connecticut, 1875. P. 355–359.

Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм Америке. М., 1998. С. 55–56.

New York Daily Graphic. 1874. October 27.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 26.

New York Daily Graphic. 1874. October 30.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY, 1980. P. 112–113.

Doyl A. C. The History of Spiritualism. NY., 1975.Vol. I. P. 254.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 111–112.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 47–53.

292

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 222–223.

293

Olcott H. S. Old Diary Leaves. V. I. New York-London, 1895. P. 57.

A short history of the theosophical society. Compiled by Josephine Ranson. Madras, 1989. P. 74.

Блаватская. Е. П. Письма. М., 1995. С. 21.

Там же. С. 16–17.

Там же. С. 21.

A Short History of the Theosophical Society. Compiled by J. Ransom. Adyar, 1989. P. 20–21.

299

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 148.

Блаватская. Е. П. Письма. М., 1995. С. 21.

301

Блаватская. Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 35.

Там же. С. 60.

303

Там же. С. 37.

Там же. С. 48.

Там же. С. 87–88.

Там же. С. 149.

Там же. С. 155.

Там же. С. 155–156.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 14.

Там же. С. 16.

311

Там же. С. 15.

Там же. С. 14.

Johnson K. P. The Masters Revealed. Madame Blavatsky and the Myth of the Great White Lodge. Albany. 1994.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 29.

315

A Short History of the Theosophical Society. Compiled by J. Ransom. Adyar. 1989. P. 71–73.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 26.

317

Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке. М., 1998. С. 64–65.

col1_1 Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига; М., 1999. С. 178.

319

A short history of the theosophical society. Compiled by J. Ransom. Adyar, 1989. P.82.

Ibid. P. 82.

321

Цит. по: Нэф М. Личные мемуары Блаватской. М., 1993. С. 256.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 34.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 38.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 378.

325

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 131.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. В 2 т. М., 1993.

327

Цит. по: Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. 2-е изд. Рига; М., 1999. С. 192.

Там же. С. 194.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т. 2. М.,1994. С. 141–142.

Там же. С. 142.

Кравченко В. В. Мистицизм в русской философской мысли XIX — начала XX века. М., 1997. С. 184.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т. 1. М., 1993. С. 11.

Там же. С. 12.

Там же.

Там же. С. 11.

Там же. С. 13.

Попов Д. Н. Предисловие // Е. П. Блаватская. Теософский словарь. М., 1994. С. 8–9.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 31.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т. 2. М., 1994. С. 644.

Там же. С. 680–681.

341

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 156.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 234.

Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т. 2. М., 1994. С. 695–698.

Фаликов Б. З. Культы и культура. От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М., 2007. С. 21.

345

Цит. по: Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. 2-е изд. М., 1999. С. 196.

Там же. С. 195.

347

Там же.

Леру Ф. Друиды. СПб., 2000. С. 8.

349

Цит. по: Мезенцева О. В. Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Дайянанды. М., 1994. С. 3.

Новая история Индии. М., 1961. С. 448–449.

Цит. по: Lajpat Rai. The Arya samaj. London, 1915. P. 176.

Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1994. С. 21.

Новая история Индии. М., 1961. С. 449.

Мезенцева О. В. Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Дайянанды. М., 1994. С. 9–10.

Там же. С. 84.

356

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 159.

Там же. С. 159.

Блаватская Е. П. Письма. М., 1995. С. 133.

Damodarand Pioneers of the Theosophical Movement. Compiled by S. Eek. Adyar, 1978. P. 63–64, 76–77.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 186.

Jonhson K. P. The Masters Revealed. Madame Blavatsky and the Myth of the Great White Lodge. Albany. 1994.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 242.

Сазонова Н. М. «Океан поэзии» Сур Даса. М., 1973. С. 24–25.

Рыбаков Р. Вокруг Мадраса// Аватара. М., 1995. С. 212–213.

Новая история Индии. М., 1961. С. 459.

Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1994. С. 17.

Там же. С. 17.

Там же. С. 18.

369

Там же. С. 13.

Новая история Индии. М., 1961. С. 456.

371

Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 1994. С. 46.

Там же. С. 41.

Там же. С. 75.

Там же. С. 86.

Olcott H. S. Old Diary Leaves: The True Story of the Theosophical Society. New York and London, vol.II. 1895. P. 22.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 202.

Ibid. P. 203.

Ibid.

Ibid.

Новая история Индии. М., 1961. С. 461.

381

Цит. по: Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига; М., 1999. С. 244.

The Theosophist. Bombay, Vol. I. No. 1, October, 1879.

col1_1 Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига; М., 1999. С. 280.

Indian Chelas on the Masters. Adyar Lodge. The Theosophical Society. Adyar; Madras, 1992. P. 2.

385

Верн Ж. Собрание сочинений. В 12 т.: Т. 5. М., 1956. С. 512.

Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. 2-е изд., доп. Рига; М., 1999. С. 248.

387

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 384.

Там же. С. 742–743.

389

Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке. М., 1998. С. 106.

390

Цит. по: Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке. М., 1998. С. 79.

391

Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке. М., 1998. С. 81.

Ferguson N. Impire. The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. New York, 2004. P. 33–34.

393

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 325.

Вигасин А. А. Изучение Индии в России: Очерки и материалы. М., 2008. С. 162.

Там же. С. 163–165.

Там же. С. 166.

397

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 230.

Там же. С. 720.

399

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 324.

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 236.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY, 1980. P. 218.

Ibid. P. 214.

Ibid. P. 214–215.

Ibid. P. 215–216.

Ibid. P. 217–218.

Ibid. P. 254.

Бэшем А. Чудо, которым была Индия. 2-е изд. М., 2000. С. 263.

Hanson V. Master and men. The Human Story in the Mahatma Letters. Adyar. 1980.

Блаватская Е. П., Джадж У, Коллинз М. Кармические видения // Елена Блаватская. Заколдованная жизнь. М., 1995. С. 11–230.

Блаватская Е. П. Заколдованная жизнь. (Рассказанная гусиным пером). Л., 1991. С. 72.

411

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 291.

Там же. С. 427.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 236–237.

A Short History of the Theosophical Sosiety. Compiled by J. Ransom. Adyar. 1989. P. 152–153.

415

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 621.

Фадеева Н. А. Воспоминания о Ростиславе Фадееве // Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1889. С. 50.

417

Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнетту. М., 1997. С. 137.

Там же. С. 137.

419

Депутат от Балтики. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой / Сост. В. Т. Стэдом. СПб., 1909. С. 13.

420

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 630–631.

Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. NY., 1980. P. 306–308.

422

Цит. по: Крэнстон С. Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. 2-е изд. Рига; М., 1999. С. 295.

423

Письма мастеров мудрости. 1870–1888. М., 1998. С. 235–236.

col1_1 П. Блаватская и теософское движение. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 128–130.

425

Патанджали (II век до н. э.) — древнеиндийский философ, основатель системы йога, автор Йога-сутры.

Цит. по: Вашингтон П. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритуализм в Америке. М., 1998. С. 103.

Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990. С. 61–62.

428

Блаватская Е. П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 312–314.

Там же. С. 317–318.

Там же. С. 313.

Там же. С. 307–308.

Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е. П. Блаватской и «Теософическим обществом». М., 1994.

Соловьев Вс. Волхвы. М., 1991.

Соловьев Вс. Великий розенкрейцер. М., 1991.

col1_1 П. Блаватская и современный жрец истины. СПб., 1893. С. 9.

436

Тем, о чем будут говорить (фр.).

Оккультными науками (англ.).

Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. М., 1994. С. 225–229.

439

Здесь речь идет, вероятно, о Мохини Мохане Чаттерджи. (Прим. авт.)

Wachtmeister Constance / et. al. Reminiscences of H. P. Blavatsky and «The Secret Doctrine». 2-е изд. Whenton, 1989. P. 6–23.

Ibid. P. 29–36.

Пер. с англ. Е. А. Войновой.

Ibid. P. 47–49.

Желиховская В. П. Радда-Бай, или Правда о Блаватской. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 52–53.

Там же. С. 59.

Там же. С. 68.

447

Тыркова А. Анна Безант и Елена Блавацкая // Сегодня. Рига, 1933. № 268. С. 2.

Там же. С. 2.

Желиховская В. П. Радда-Бай, или Правда о Блаватской. — В кн.: Тайна сфинкса. Правда о Блаватской. М., 2006. С. 57–58.